СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXX, № 1.

ПАМЯТНИКИ БОЛГАРСКАГО НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА.

ВЫПУСКЪ I-й.

СБОРНИКЪ
ЗАПАДНО-БОЛГАРСКИХЪ ПѢСЕНЪ

СЪ СЛОВАРЕМЪ

(ОКРУГИ: ВЕЛЕСКІЙ, ОХРИДСКІЙ, ДЖУМАЛІЙСКІЙ, МЕЛЬНИКСКІЙ, САМОКОВСКІЙ, КЮСТЕНДИЛЬ-БАНСКІЙ, ДУПНИЧСКІЙ, СОФІЙСКІЙ, РАДОМІРСКІЙ, ТРЕНСКІЙ (СЪ М. БРЕЗНИКОМЪ), ВРАНСКІЙ, ЛѢСКОВСКІЙ, ПИРОТСКІЙ, БЕРКОВИЧСКІЙ, БѢЛГРАДЧИЦКІЙ И ВРАЧАНСКІЙ).

СОБРАЛЪ
ВЛАДИМІРЪ КАЧАНОВСКІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1882.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Май 1882 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Предисловіе	I–VI
I	Народные болгарскіе обычаи	1
II	Изъ рукописи XVIII в.	22
III	Изъ рукописи XVII — XVIII в., хранящейся въ библіотекѣ Рыльскаго монастыря подъ № 53	42

Пѣсни и сказанія апокрифическаго и миѳическаго характера; колядскія и хороводныя пѣсни.

№№		
1.	Какъ произошло различіе Славянскихъ языковъ? (г. Пиротъ, въ Сербскомъ княж.)	69
2.	Какъ отыскали честный крестъ? (с. Бояна, Соф. окр.)	—
3.	Тоже (с. Великій Вербовникъ, Кюст.-Бан. окр.)	72
4.	О крещеніи Божича (І. Христа) (Джумал. окр.)	—
5.	Тоже (с. Рыла, Дупн. окр.)	74
6.	» (г. Радоміръ)	75
7.	«Стани Како, дай колако» (с. Вел. Вербовникъ)	76
8.	«Станяинне Господине»! (с. Оній-цвѣтъ, Соф. окр.)	—
9.	Тоже (Македонія, Мельник. окр.)	77
10.	» (с. Суводолъ, Соф. окр.)	78
11.	» (с. Суводолъ, Соф. окр.)	—
12.	» (с. Суводолъ, Соф. окр.)	79
13.	» (с. Скрино, Дупнич. окр.)	80
14.	» (с. Зимевецъ, Врач. окр. въ Старой планинѣ)	—
15.	Божія Матерь входитъ въ церковь, построенную Джелепъ-Неною (с. Кремиковци, Соф. окр.)	—

№№ стр.
16. «Эй Коледе, Коледе!» (с. Жилинци, Кюст. окр.)..... 81
17. «Сестро Петро, Коледе!» (с. Скрино Дупн. окр.)..... 82
18. Турки наслѣдуютъ царство царя Константина (с. Враждебно, Соф. окр.)..... —
19. Тоже (с. Вершецъ, Берков. окр., въ Загорьи)..... 84
20. Царь Стефанъ строитъ церкви (с. Челопечино, Соф. окр.). .. 87
21. Царь съ золотыми волосами (Загорье, с. Котеновци, Берков. окр., близъ Бѣлградчикскаго окр.)..... 89
22. Зачатіе дитяти, у котораго въ одной рукѣ письмо, въ другой три золотыхъ яблока; на груди мѣсяцъ и на рамени солнце (с. Гушанци, Берков. окр. въ Загорьи) (не колядская)... 90
23. Конь Вирогонъ опережаетъ ясное солнце (г. Радоміръ) (не колядская)..... 92
24. Богословка (благословеніе); поется въ Рождественскіе Святки (с. Котеновци, Берков окр. въ Загорьи)..... 94
25. Богословка на повѣсмо (тамъ же) } въ Рожд. 96
26. Богословка на зерно (тамъ же) } Святки ..... —
27. Св. Іоаннъ Креститель пьетъ вино; ему прислуживаютъ св. Петка и Недѣля (с. Кремиковци, Соф. окр.)..... 97
28. Св. Недѣля устроила пиръ (г. Радоміръ)..... —
29. Св. Іоаннъ Креститель затворяетъ небо, вслѣдствіе чего происходитъ на землѣ засуха, въ продолженіи девяти лѣтъ (Трен. окр. с. Бабица)..... 98

Пѣсни на дни другихъ праздниковъ.

30. Въ Лазареву Субботу (с. Жилинци, Кюст. окр.)..... 99
31. На Пасху (Великъ-день) (с. Скрино, Дупн. окр.)..... —
32. При наступленіи весны (с. Жилинци, Кюст. окр.)..... 100
33. Тоже (г. Радоміръ)..... 101
34. На Юрьевъ день (с. Кремиковци, Соф. окр.)..... —
35. Тоже (с. Невѣстино, Кюст. окр.) 102
36. » (с. Опій-Цвѣтъ, Соф. окр.)..... 103
37. » (с. Жилинци, Кюст. окр.)..... 104
38. На Юрьевъ день (*необходимо заклать ягненка въ этотъ день*) (Загорье, с. Гушанци, Берк. окр.)..... 105
39. На Вознесеніе Господне (*обычай ходить въ гости по праздникамъ* (с. Котеновци, Берков. окр.)..... 106
40. На Духовъ день (с. Кремиковци, Соф. окр.)..... 109
41. Объ Авраамѣ и Исаакѣ (г. Радоміръ)..... 110
42. Тоже (с. Жилинци, Кюстенд. окр.)..... 112
43. Объ Іоаннѣ рыльскомъ (с. Невѣстино, Кюст. окр.)..... 114
44. Св. Недѣля съ Архангеломъ Михаиломъ строятъ изъ св. дерева мостъ и входятъ въ рай, (с. Жилинци, Кюст. окр.)... 116
45. «Прошетна се Огняна Марія» (с. Жил. Кюст. окр.) } Хороводныя.. 117
46. Св. Ангелы возвращаютъ душу умершему единственному у матери сыну (г. Радоміръ) } 118

№№ стр.
47. Чума «Дергина». (Врачан. окр. с. Дупни-верхъ, Турлаки).... 119
48. Хожденіе мертвеца по бѣлому свѣту (Загорье, Берков. окр. с. Боровци)..... 120
49. Вѣрованіе въ предсказанія календаря (оракула) (Заг. Берков. окр. с. Боровци)..... 123
50. «Бугаринъ че царь да биде» (с. Жил. Кюст. окр.) } Хоро-.... 125
51. Бѣгство влюбленныхъ (с. Жил. Кюст. окр.) } вод- 126
52. Жестокость гайдука (тамъ же) } ныя 127
53. Подъ пляску медвѣдя (Загорье, г. Берковица)..... 128

Пѣсни изъ семейнаго быта.

54. Раннее развитіе половыхъ стремленій (Македонія, с. Струга). —
55. Споръ двухъ братьевъ изъ-за дѣвушки и выборъ послѣднею младшаго (г. Радоміръ)..... 129
56. Дѣвушку беретъ въ жену юнакъ, переплывшій черезъ Дунай и принесшій оттуда яблоко «мерджанку» (Трен. окр. с. Бабица)..... 130
57. Невѣста зоветъ своего милаго (г. Пиротъ)..... 131
58. Невѣста цѣлуетъ руки свадебнымъ гостямъ (с. Кремиковци, Соф. окр.)..... —
59. Злобное отношеніе матери жениха къ невѣстѣ (Македон., Охрид. окр.)..... —
60. Тоже (Трен. окр. с. Бабица, близъ мѣстечка Брезника)..... 133
61. Тоже (г. Дупница)..... 134
62. «Девойче цвѣтье брало» (г. Пиротъ)..... 135
63. «Девойче стои́ на порте, а момче́ шета по сокакъ» (г. Пиротъ) 136
64. Интимная связь дѣвушки съ холостякомъ (г. Пиротъ)..... —
65. Разспросы сестры у брата, любящаго дѣвушку, поповскую дочь (Трен. окр. с. Божица, на границѣ Вран. окр.)..... 138
66. Жениха убиваютъ «кумъ и старойтя» (поется за свадебной трапезой) (с. Сливница, Соф. окр.)..... —
67. Разлука новобрачныхъ вскорѣ послѣ вѣнчанья (г. Радоміръ) (за свад. трапезой)..... 141
68. Тоже (с. Скрино, Дупн. окр.) (свадеб.)..... 143
69. » (с. Селиште, Джумал. окр.)..... 144
70. » (Загорье, Берков. окр. с. Аджпска—Маала)..... 147
71. » (Старая-Планина, Соф. окр. с. Зимевецъ (Турлаки).... 151
72. » (г. Радоміръ)..... 152
73. » (с. Лешко, Джум. окр.)..... 156
74. Мать одного дня женитъ сына, а другого хоронитъ его (г. Радоміръ) (свадебн.)..... 157
75. Сестра влюблена въ молодца, а братья противъ этой ея любви (с. Сливница, Соф. окр.)..... 158
76. Счастливая мать: родила 9 сыновей, воспитала ихъ и затѣмъ пріискала имъ хорошихъ женъ; въ домѣ согласіе..... 161

№№ стр.
77. Недовольство невѣсты своимъ молодцомъ (Трен. окр. с. Бабица, близь м. Брезника).. 164
78. Смерть молодца отъ уроковъ (с Скрино, Дупн. окр.)..... —
79. Тоже (с. Жилинци, Кюст. окр)..... 165
80. Сговоръ дѣвушки съ молодцомъ, безъ согласія ея родныхъ (с. Жилинци, Кюст. окр.)..... 166
81. Бѣгство жены съ своимъ любовникомъ (с. Богословци, Кюст. окр)..... 167
82. Измѣна жены мужу (г. Радоміръ). 169
83. Выходъ за мужъ женщины, мужъ которой въ долгой отлучкѣ, считается великимъ несчастьемъ его рода..... 170
84. Тоже, (Македонія г. Паланка)..... 173
85. Разговоръ дѣвушки Вардарки съ соколомъ (с. Рыла, Дупн. окр.) 174
86. Одна сестра у 9 братьевъ (с. Сливница, Соф. окр)..... 175
87. Сестра любима девятью братьями, но ненавидима женою одного изъ нихъ (г. Радоміръ)..... 179
88. Сестра любима двумя братьями, но ненавидима женою одного изъ нихъ (с. Жилинци, Кюст. окр.)..... 181
89. Тоже (Трен. окр с. Бабица)..... 184
90. Предотвращеніе любовной связи брата съ сестрою (тамъ-же). 186
91. Распредѣленіе подати (порѣза) въ деревнѣ (Заг., Берков. окр. с. Вершецъ)..... 187
92 Споръ двухъ братьевъ объ имѣньи—собственно изъ-за шестокрылаго коня, сивыхъ «загаретъ» и сивыхъ соколовъ (г. Радоміръ)..... 189
93. Споръ двухъ братьевъ изъ-за коня и сокола (Пирот. окр. с. Нова Мала)..... 194
94. Похвальба болгарина передъ евреями въ г. Солуни въ кофейнѣ, что онъ на своемъ борзомъ конѣ въ одинъ день отправится въ Царьградъ и обратно возвратится (Заг., Берков. окр. с. Гушанци) 196
95. Какъ Стояна избрали въ старшину надъ обозомъ въ 500 возовъ (*изъ караваннаго обычая*) (с. Столникъ, Соф. окр.)..... 201
96. Заключеніе условій (с. Жилинци, Кюст. окр.) 204
97 Златокрылая утица помогаетъ юнаку Смиляну пріискать двухъ снохъ-«близнакинь» для двоихъ своихъ сыновей-близнецовъ (с Бабица, Трен. окр.) 205
98. Храмовой праздникъ въ селѣ (Заг. Берков окр. с. Гушанци). 208
99. Неопредѣленнаго содержанія (Македон. Велескій окр.). ..... —
100. «Попей ми слуго» (застольная пѣсня) (с. Кремиковци, Соф. окр.) 209
101. Тоже «Еребичéнце, Преперичéнце» (г. Паланка въ Македон.) .. —
102. Банъ Стефанъ строитъ церкви (Македон. село Влап, Мельник окр.)..... 210
103. Горестное воспоминаніе о Бѣлградѣ (г. Радом.)..... 211
104. Поединокъ пастуха Стояна съ медвѣдемъ; его спасаетъ кучка (сучка) Симджирлика (г. Радоміръ)..... —

Историческія—Юнацкія пѣсни и сказанія.

№№ стр.

105. Чтò способствовало усиленію Русскаго царя (*легенда*) (г. Радоміръ)..... 213
106. Царь Петръ (болгарскій) справляетъ свадьбу (с. Суводолъ, Соф. окр.)..... 214
107. Царь Асѣнь (болгарскій) настигаетъ Турокъ, плѣнившихъ его жену и сына (тамъ же)..... —
108. Турки завоевываютъ Болгарію; царь Асѣнь убѣгаетъ съ одною женщиною въ Россію; женидьба его сына на дочери Русскаго царя (с. Быстрица, Соф. окр.) (*преданіе*)..... 215
109. Воевода Гедіянъ и царь Іоаннъ Шишманъ (Джумал. окр.).... 218
110. Тоже (с Рыла, Дупн. окр.)..... 219
111. Преданіе о занятіи Турками Болгаріи (Ипротскій окр., Суково) 221
112. Сонъ Могленской королевы; убіеніе Турками его мужа—Могленскаго короля; женидьба ихъ сына Павла юнака (г. Радоміръ)..... 222
113. Рожденіе у влахини Ѳеодоры «самотворнаго» дитяти Іоанна, который былъ брошенъ царемъ Константиномъ въ темницу, а затѣмъ наслѣдовалъ его царство (с. Жилинци, Кюст. окр.) 226
114. Дитя Маріи наслѣдуетъ Маріино царство (Загорье, Берков. окр. с. Чипоровци,—Турлаки)..... 231
115. Какъ царь Константинъ убѣжалъ изъ Кюстендила (с. Вел. Вербовникъ, Дупн. окр.)..... 234
116. Послѣдняго болгарскаго царя Константина убилъ арапинъ, а не турокъ; значеніе этого факта (г. Радоміръ)..... 234
117. Черный Арапинъ убиваетъ царя Константина, при посредствѣ старой бабы (г. Рыла, Дупн. окр.)..... 235
118. Король Степанъ женитъ двухъ сыновей-близнецовъ на двухъ сестрахъ-«близнакиняхъ» (Заг. с. Вершецъ, Берков. окр.) (*записана однимъ болгар юношею*..... 236
119. Женидьба Мисирскаго короля (с. Сливница, Соф. окр)..... 237
120. Постройка крѣпости королемъ Вукашиномъ (Трен. окр. с. Бабица)..... 248
121. Тоже (с. Василевци, Соф. окр.)..... 251
122. Король Вукашинъ заключаетъ въ темницу двухъ родныхъ братьевъ (с. Вербá, Радом. окр.)..... 255
123. Царь Капетанъ (=Вукашинъ) заключаетъ въ темницу двухъ родныхъ братьевъ (с. Жилинци, Кюст. окр.)..... 257
124. МАРКО КРАЛЕВИЧЪ спасаетъ дочь царя Константина и Елены отъ чернаго арапина (с. Верба, Радом. окр.)..... 260
125. Качанскій кадія (судья) присуждаетъ дѣвушку въ невѣсту Николаю, королю «отъ Кралёва», руки которой добивались Марко Кралевичъ и Янко «отъ Косова» (Трен. окр. с. Бабица)..... 264
126. Марко Кралевичъ освобождаетъ молодыхъ женщинъ и мужинъ, взятыхъ въ плѣнъ турками (с. Враждебно, Соф. окр.)..... 265

№№ стр.
127. Тоже (г. Радоміръ) 266
128. » (с. Василевци, Соф. окр.) 268
129. » (с Жилинци, Кюст. окр.) 270
130. Женидьба Марка Кралевича (Трен. окр с. Бабица) 271
131. Алватаръ воевода уводитъ жену Марка Кралевича; Марко убиваетъ его (с. Скрино, Дупн. окр.) 278
132. Марка Кралевича ищетъ его мать (с. Суводолъ, Соф. окр.) ... 280
133. Тоже (Трен окр. с. Бабица) 289
134. Марко убиваетъ Динче Арнауче, ограбившаго его «дворы» (г. Радоміръ) 291
135. Тоже (Вран. окр. с. Мачкатица) 294
136. Янко юнакъ освобождаетъ Марка Кралевича, взятаго въ плѣнъ турками въ Охридѣ (Радом. окр. с. Верба) ..... —
137. Король Вукашинъ не зоветъ на пиръ Марка Кралевича и Грую-дитя (с. Верба, Радом. окр.) 296
138. Марко отыскиваетъ своего брата Андрея. (Загорье, Берков. окр., с. Чипоровци,—Турлаки) 299
139. Тоже. (Трен. окр. с. Бабица) 305
140. » (тамъ же) 307
141. » (с. Батеновци, Радом. окр.) 310
142. Смерть Андрея, брата Маркова (Вран. окр. с. Мачкатица) ... 313
143. Марко (Кралевичъ) присуждаетъ взять дѣвушку тому изъ юнаковъ, который принесетъ изъ-за Дуная дафиново дерево (с. Сеславци, Соф. окр.) 316
144. Похвальба мадьярскаго короля: убіеніе его Маркомъ Кралевичемъ (с Суводолъ, Соф. окр.) 318
145. Тоже (г. Кюстендиль) 321
146. » (с. Опій-Цвѣтъ, Соф. окр.) 324
147. Разграбленіе «дворовъ» Марка Кралевича Филиппомъ мадьяриномъ (м. Брезникъ) 327
148. Прогулка 7 юнаковъ; одного изъ нихъ Секулу-дитя схватываетъ триглавая змія, освободить его не могутъ его сотоварищи, а освобождаютъ вилы-самовилы (*Приведены имена вилъ*) (Соф. окр. с. Суводолъ) 329
149. Марко Кралевичъ празднуетъ Юрьевъ день (Вран. окр., с. Церна-Трава) 336
150 Марко Кралевичъ въ числѣ сватовъ у юнака Полугуна Спечена (Загорье, Берков. окр. с. Чипоровци,—Турлаки) 338
151. Марко Кралевичъ вѣроломнымъ образомъ убиваетъ юнака болѣе сильнаго, чѣмъ онъ—дитя Дукатинче (г. Радоміръ) .. 341
152. Тоже (Трен. окр. с. Бабица) 345
153. » (с. Панчерево, Джумалійскій окр.) 347
154. » (Трен окр. с. Бабица) 348
155. » (Загорье, Берков. окр. с. Вершецъ) 351
156. Марко Кралевичъ вѣроломнымъ образомъ убиваетъ юнака—дитя, семи мѣсяцевъ, имѣющаго коня, семи мѣсяцевъ (г. Радоміръ) 355

№№ стр.
157. Марко Кралевичъ захватываетъ Япка «отъ Косова» въ плѣнъ и затѣмъ освобождаетъ его (Трен. окр. с. Бабица)..... 356
158. Янко «отъ Коссова» уводитъ жену Маркову Ирину; Марко убиваетъ его; освобождаетъ свою жену; смерть матери и сестры Марка отъ радости (с. Рыла, Дупн. окр.)..... 359
159. Беле юнакъ увелъ жену Марка Кралевича (с. Чепинци, Соф. окр) 366
160. Марко Кралевичъ въ испугѣ (Вран. окр. с. Мачкатица)..... 368
161. Похвальба латинскаго дуки (дожа) Радоя; убіеніе его Маркомъ юнакомъ (тамъ же)..... 371
162. Марко Кралевичъ уничтожаетъ еврейскую аренду на св. Горѣ (Радом. окр. с. Вербá)..... 373
163. Марко убиваетъ триглавую змію, вредившую жителямъ (с. Челопечино, Соф. окр.)..... 375
164. Марко Кралевичъ строитъ церкви, безъ спроса турокъ; вслѣдствіе чего навлекаетъ на себя злобу султана, который приказываетъ схватить его (с. Суводолъ, Соф. окр.)..... 377
165. Тоже (Трен. окр. с. Бабица)..... 386
166. » (Вран. окр. с. Мачкатица)..... 390
167. По порученію Гины Латинина, Марка захватываютъ въ плѣнъ (с. Лешко, Джум. окр.)..... 392
168. Марко Кралевичъ убиваетъ Мусу кеседжію (Трен. окр. с. Бабица)..... —
169. Марко въ Адріанопольской темницѣ; его бой съ чернымъ арапиномъ (с. Чепинци, Соф. окр.)..... 394
170. Марко Кралевичъ убиваетъ дѣвушку Арватку (Трен. окр., с. Бабица)..... 399
171. Въ поминъ ей Марко строитъ церкви (Трен. окр. с. Баба). . 403
172. Марко Кралевичъ убиваетъ Крину самовилу (Трен. окр., с. Бабица)..... 404
173. Чудесное сѣмя двухъ золотыхъ яблокъ, данныхъ Марку юнаку дѣвушкою (с. Ястребецъ, бывшее въ Вран. окр., нынѣ въ Арнаутлукѣ (Албаніи)..... 406
174. Татаре, посланные матерью Марка юнака, освобождаютъ его отъ янычаръ-турокъ (Лесков. окр. (въ Сербіи), с. Рѣпниште). 407
175. Сонъ королевы Милицы (с. Жилинци, Кюст. окр.)..... 408
176. Султанъ Муратъ вызываетъ на бой сербскаго князя Лазаря; полное пораженіе Сербовъ (с. Вербá, Радом. окр.)..... 409
177. Косовскій бой (*цѣльная эпопея*) (Самоков. окр.)..... 413
178. Прекращеніе общенія между юнаками, послѣ Косовской битвы (Трен. окр. с. Бабица)..... 431
179. Женидьба МИЛОША ЮНАКА на Маріѣ «Бѣлоградкѣ» (Трен. окр. с. Бабица)..... 432
180. Смерть Милоша юнака на Косовомъ полѣ (с. Селиште, Джум. окр., въ Макед.)..... 436
181. МОМЧИЛО—юнакъ задолжался (г. Радоміръ)..... 439
182. Жена Момчила юнака измѣнница; ее за измѣну наказываетъ самъ мужъ (тамъ же)..... 443

№№ стр
183. Жена Момчила снозналась съ Релей Крылатицей, который, съ ея помощью, убиваетъ юнака Момчила (Трен. окр. с. Бабица) 446
184. Груя—юнакъ убиваетъ Момчила—юнака и его жену Милицу. (Трен. окр. с. Бабица).... 450
185. ДОЙЧИНЪ «боленъ юнакъ» поражаетъ чернаго арапина, повелѣвавшаго въ г. Солуни (с. Жилинци Кюст. окр.). 452
186. Дойчинъ «боленъ юнакъ» поражаетъ Арапина, повелѣвавшаго въ г. Будимѣ (Трен. окр. с. Бабица) 456
187. Тоже (г. Радомиръ)..... 460
188. Тоже—(*съ перемѣной имени Дойчина на Демьяна*) (г. Радомиръ) 461
189 Визирь Тодоръ поручаетъ Лютицѣ Богдану доставить ему жену и коня легенскаго короля и ключи отъ города Легена (с. Сливница, Соф. окр.)..... 466
190. Страхиля, страшный воевода; смерть его (с. Бобошево, Дупнич. окр.)..... 469
191 Груя—юнакъ получаетъ дѣвушку Виду на пиру у юнака Янка «отъ Косова» (с. Студеница, Самоков. окр.) 471
192. Жена Груи юнака пзмѣнница; (с. Вербá, Радом. окр)..... 473
193. Груица—юнакъ освобождаетъ дѣвушку отъ арапина (хоро водная) (с. Бобошево, Дупн. окр.)..... 476
194. Женидьба Янкола-зеленъ-гора (с. Панчерево, Джумая. окр.).. 478
195. Жена юнака Янка взята въ турецкій плѣнъ (с. Драгоданъ, Дупнич. окр.) 480
196. Янко—юнакъ схватываетъ хитростью юнака Ивана Поповича (Трен. окр. с. Божица, на границѣ Вран окр.)..... 482
197. Женидьба Ѳеодора—юнака (Трен. окр. с. Бабица)..... 484
198. Женидьба Ивана Черногорца (Черноевпча) (тамъ жс)..... 488
199. Похвальба бана Петра (Загорье, Берков. окр. село Клисура). 491
200. Банъ Петровитинъ успѣшно дѣйствуетъ въ пользу ран, при султанѣ Муратѣ (с. Бутунéцъ, Соф. окр.)..... 492
201. Туре Арнауче грабитъ дворъ бана и уводитъ его жену; банъ настигаетъ его и убиваетъ (г. Радомиръ)..... 504
202. Невыполненіе юнакомъ Иваномъ своего намѣренія (Трен. окр. с. Бабица)..... 506
203. Черный арапинъ убиваетъ бана баръяктара (с. Сливница Соф. окр)..... 507
204. Дѣвушка воевода (Макед., Велескій окр.)..... 508
205. Тоже (г. Радомиръ)..... 509
206. Турецкіе жандармы отыскиваютъ гайдука Милена (тамъ же). 510
207. Разспросы турокъ про гайдуковъ (Макед. Солун. окр., городъ Девгелія)..... 512
208. Вѣроломный поступокъ турокъ съ молодцомъ Димитріемъ (с. Столпикъ, Орхан. округъ)..... 513
209. Послѣдствія похвальбы раи передъ турками (с. Суводолъ, Соф. окр.)..... 515
210. Бѣгство раба и рабыни изъ турецкаго рабства (Трен. окр. с. Бабица)..... 517

№№ стр.
211. Турецкая расправа съ Димитріемъ, построившимъ укрѣпленіе для своей защиты отъ села Кунина (с. Слатино, Берков. окр., Загорье) 518
212. Расправа юнака Николы съ Идрисъ-бегомъ (г. Радоміръ).... 520
213 Бракъ (христіанина) сына Будимскаго короля съ дочерью визиря (*нельзя смотрѣть на лицо новобрачной*) (Трен. окр. с. Бабица) 522
214. Турецкій способъ усмирять возмутившуюся раю (Македон. Охрид. окр.)..... 523
215. Турецкіе жандармы отыскиваютъ Дима джеленина, семь лѣтъ не платившаго бѣглика (с. Рыла, Дупн. окр.)..... 529
216. Руснакъ король Степанъ попался въ плѣнъ султану Бреязизу; онъ притворно принимаетъ мусульманство и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ руку дочери султана; затѣмъ, онъ убѣждаетъ послѣднюю принять христіанство, и вмѣстѣ убѣгаютъ въ Россію къ царю Александру (г. Радоміръ) 531
217. Чудо надъ англійскимъ царемъ (Загорье, Берков. окр. с. Вершецъ)..... 540
218. Сербинъ юнакъ поражаетъ арапина (с. Жабленъ, Радом окр.) 543
219. Сравненіе Сербскаго войска съ Русскимъ (с. Бобошево, Дупн. окр.)..... 546
220. Изъ войны Турокъ противъ Сербовъ (Трен. окр., с. Баба)... 547
221. Какъ болгаринъ одержалъ верхъ надъ туркомъ (Соф. окр. с. Бояна)..... 548
222. Генералъ Киша измѣнически передалъ Туркамъ мадьярскій лагерь (Загорье, Берков. окр., с. Чипоровци,—Турлаки).. 551

223. Сказка про богача и сына бѣдняка, наслѣдовавшаго все имѣніе перваго, по Божьей волѣ (с. Невѣстино, Кост. окр.)... 552
224. Нѣсколько пословицъ..... 554
225. Прибавленіе..... 555
СЛОВАРЬ съ предварительнымъ замѣчаніемъ къ нему.. . . 559

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Употребленное собирателемъ въ заглавіи названіе «Западноболгарскихъ» не можетъ быть осуждаемо и недолжно быть понимаемо такъ, будто онъ желаетъ внести дробленіе въ единый Болгарскій народъ. Не можетъ быть оспариваемо положеніе, что разница между восточною и западною частью Болгаріи существуетъ. Западная часть должна обратить на себя вниманіе того, кто бы пожелалъ уяснить себѣ выдѣленіе Сербскаго нарѣчія изъ Старославянскаго языка. Вопросъ о выдѣленіи Сербскаго нарѣчія не новъ: извѣстны прекрасныя соображенія профессора Харьковскаго университета г. Потебни въ книгѣ: «Къ исторіи звуковъ Русскаго языка» и проф. Ягича въ статьѣ «Podmladjena vokalizacija», помѣщенной въ IX-ой книги Rad-а Югославянской академіи. Кромѣ того, терминъ «западная часть Болгарскаго народа» не новъ; онъ имѣетъ свое историческое основаніе. Составитель сказанія «о перенесеніи мощей св. Іоанна пустынножителя Рыльскаго изъ Тернова въ Рыльскій монастырь» Владиславъ грамматикъ (родомъ сербъ)[1]), не смотря на то,

[1]) Владиславъ грамматикъ свое сказаніе прибавилъ къ житію сего святаго, составленному Терновскимъ патріархомъ Евѳиміемъ, какъ видно изъ заглавія: «житіе и жизнь преподобнаго ѡца нашего іѡанна рыл҃скаго. въ нѥм҃же и како прѣнесень бы҃ въ тръновь. Съписано єѵѳиміємь патріархѡм тръновскыим.

что мѣстности западной Болгаріи, со времени сербскаго царя Степана Душана [1331—1355 г.], входили въ составъ сербскаго государства, въ своемъ выше поименованномъ трудѣ, писанномъ 1479 г. (=ѕ̄ц̄ѫ̄ѕ), когда и Болгаріей и Сербіей обладали Турки, выражается, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «бо̀у и сѐ въсакостроннѣ нѣкако и съмотрителнѣ оубо̀ съдѣла́вшоу и бл҃гопроизволи́вшоу сіе́ та́ко быти. ꙗко да и за́падная꙽ пакы̀ страны̀ блъгарскыѥ то́го ѿчьствїа прѣпъствїемь его осте́тсѧ, и на лоучьшаѧ наздаютъ». Это западная часть Болгарской страны отличается имъ и отъ смежной съ нею страны Загорской съ центромъ Терновомъ.

Правописаніе, принятое собирателемъ въ изданіи этого сборника Болгарскихъ пѣсенъ, отличающееся отъ принятаго въ новоболгарской литературѣ, не можетъ быть осуждаемо, какъ нововведеніе: филологическое изданіе народныхъ памятниковъ требуетъ вѣрной передачи всѣхъ оттѣнковъ говора, чему не удовлетворяетъ современное новоболгарское правописаніе; въ послѣднемъ, напр., принято начертаніе ѫ, какъ выраженіе а (носоваго соединенія), но въ дѣйствительности такое специфическое значеніе ѫ—а не оправдывается: въ разныхъ мѣстностяхъ ѫ различно произносится, то какъ а, то какъ о, ъ, ы, и у.

Но принимая въ этомъ изданіи филологическое правописаніе, собиратель и здѣсь не является нововводителемъ на болгарской почвѣ. Ему посчастливилось въ Болгаріи отыскать нѣсколько рукописей, писанныхъ на народномъ (западно-болгарскомъ) нарѣчіи въ правописаніи коихъ принятое имъ правописаніе находитъ историческое основаніе. Это правописаніе чисто звуковое. Болгарскіе писцы XVII и XVIII вв., потерявъ традицію среднеболгарскаго письма — и замѣтить нужно къ великому добру — начали вполнѣ

На концѝ же слова и о ѡбновлѥни сты҃ѥ обитѣли ѥго иже въ рылѣ. и како ꙗкы прѣнесень бы҃ ѿ трънова въ тъждѥ славныи монастирь рыл'скыи. съписано послѣдныим въ дїацѣх, владиславомь грамматікѡмь». Рукопись въ Рыльскомъ монастырѣ, №61.

вѣрно переводить звуки слова на письмо: какъ говорили, такъ и писали. Для образца приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ двухъ рукописей: одна, XVIII в., принадлежитъ одному болгарину въ селѣ Рылѣ, которую будемъ обозначать № 1, а другая, XVII—XVII в., хранится въ библіотекѣ Рыльскаго монастыря подъ № 53. Избранные мною отрывки заслуживаютъ вниманія и какъ образчики болгарскихъ проповѣдей; въ нихъ находимъ изображеніе болгарскихъ нравовъ и обычаевъ. Первыя три проповѣди сборника № 1 направлены противъ вѣрованія въ «самовилы, бродницы, магесницы и обаяльницы». Въ первомъ, напр., словѣ читаемъ: «магесницы и баснарки и кои ходать на самовили, и на магесницы, и на баснаркы, ѡни нарицаютсѧ идолопоклонницы, които лаютъ ѡлово, и които вѣрꙋатъ на бась на залагане, чародѣаніѥ, които завезꙋатъ звѣри, и мечки и вльцы, и гледать на звезди, и завезꙋатъ младенцы. кои жены нарицаютсе лекари́цы. да давать билавища, които жены така творать, тиа нарицаютсе антихристови ꙋченицы, бесовски слꙋги, прелащають незлобивы дши чловечески». Эти народныя суевѣрія были слишкомъ распространены въ Болгаріи [да и въ настоящее время не уменьшилась ихъ распространенность, какъ увидитъ читатель изъ прилагаемаго ниже краткаго очерка обычаевъ болгарина]; такъ что составитель поученій въ 3-ьемъ словѣ замѣтилъ: «и азь помногꙋ земли ходихь, и не́самь видѣль толико мно́гꙋ магесницы, като оу таа наша земла бльгарска, и самовилы и бродницы».

Противъ страсти болгарскихъ женщинъ рядиться, румяниться, надѣвать гривны на руки, вплетать въ косы монеты направлено 6-ое слово.

«Слово ради немилостиваго петра» носитъ апокрифическій характеръ.

Изъ сборника № 53 приводимъ «Дамаскина́ инока, иподиакона и стꙋдита слово на простом єзиком. По плъти рождение гꙋ нашемꙋ іс̄ꙋ хс̄ꙋ», въкоторомъ читаемъ своеобразное толкованіе всѣхъ событій, связанныхъ съ рожденіемъ Іисуса

Христа и 2) «мѵ̑ченіе великомѵ̑ченика геѡргіа»;[1]) послѣднее апокрифическаго характера.

При составленіи этого сборника болгарскихъ пѣсенъ, собиратель, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду его филологическое значеніе, какъ матеріала для ознакомленія съ языкомъ западной части Болгаръ, смежной съ Сербскимъ племенемъ, народныхъ памятниковъ коей до сего времени никто не собиралъ. Сколько позволяютъ рамки предисловія, отмѣчаемъ главнѣйшія особенности языка собранныхъ мною матеріаловъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно еще теперь слышать старо-славянское употребленіе глухихъ ъ и ь, какъ два совершенно отличныхъ звука; но въ тоже время существуютъ и примѣры смѣшенія ихъ.

ъ слышится передъ плавными и послѣ плавныхъ: слънце и сълнце.

ъ переходитъ въ о (въ концѣ слова), какъ въ древне-русскихъ памятникахъ, независимо отъ вліянія присоединяемаго члена тъ, та, то: огино (=огнь) и т. п.; примѣръ того же изъ болгарскихъ памятниковъ: стльпо (мѵ̑ч. Георгиа), живото (1 слово на магесницы), за живото (ibid.), хлѣбо (слово ради немилостиваго петра)».

ж, какъ выше замѣчено, произносится какъ а, о, ъ, и, у: са́бота (=сѫбота), мо́чити (=мѫчити), да бъде (=да бѫдетъ), мъшки (=мѫжьскъ), биде (=бѫдетъ), субота (=сѫбота).

ѧ какъ е: ягне.

ѩ вм. а (въ союзѣ).

ё вм. е: ёшь=ѣште.

е вм. а, или вѣрнѣе ѣ вм. а (по старослав. правописанію ѣ послѣ р) въ словѣ «трѣва»; такъ это слово пишется и въ Зографскомъ евангеліи.

Есть мѣстности, гдѣ сохраняется старо-славянское жд, и въ

---

[1]) Одинъ такой болгарскій памятникъ, XVII в, хранящійся въ Люблянской библіотекѣ въ числѣ рукописей извѣстнаго слависта Копитара, описанъ В В Ламанскимъ въ статьѣ «Непорѣшенный вопросъ». помѣщенной въ Ж. М. Н. Просв. за 1868 г.

тоже время есть мѣстности, гдѣ жд=дж и дь (=дj): рождена, роджена и родьена.

старо-славянское шт=шт и щ: шта (хощѫ), щешь, штерка и щерка.

ч=ч=т и к: вече (больше), ветье и веке и т. п.

х переходитъ въ с въ словѣ: стели, нестели=хтѣли=хотѣли.

л послѣ губныхъ употребляется и неупотребляется; интересна замѣна его ь-ромъ, какъ и въ Супрасльской рукописи: земья, заробьенъ и т. п.

в вм. м: вного, вногу (=много, многу) и др.

Употребленіе члена тъ, та, то не повсюду въ одинаковой степени распространено. Паденіе формъ также не во всѣхъ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ одинаково полное.

Въ Вранскомъ округѣ, на границѣ Лесковскаго округа, въ такъ называемомъ Дервенѣ собиратель слышалъ случай употребленія достигательнаго наклоненія: стаде, стала бѣгатъ. (См. Сборн. № 142 стихи 86 и 89).

Система удареній различна въ разныхъ мѣстностяхъ и представляетъ довольно интересные факты. Собиратель отмѣчалъ удареніе; если гдѣ не отмѣчены ударенія, то это условлено было тѣмъ, что при скоромъ записываніи онъ не поставилъ ихъ, въ самый моментъ записанія народнаго памятника.

Для составленія болгарскаго словаря въ этомъ собраніи памятниковъ болгарскаго творчества, много матеріала, который можетъ быть пополненъ находящимся у него рукописнымъ собраніемъ словъ, въ которомъ по мѣрѣ возможности отмѣчены и провинціализмы.

Кромѣ филологическаго значенія, это собраніе можетъ имѣть и литературное значеніе. А. Н. Пыпинъ въ своей «исторіи славянскихъ литературъ» 1879 г. говоритъ между прочимъ, что «историческій періодъ болгарскаго царства, кажется, совершенно забытъ въ болгарскомъ эпосѣ. Самыя старыя пѣсни вспоминаютъ только о кралѣ Шишманѣ, послѣднемъ царѣ болгарскаго царства» (стр. 132). Подобное заявленіе основывалось на доселѣ извѣст-

ныхъ сборникахъ болгарскихъ пѣсенъ. Въ мой сборникъ вошло нѣсколько такихъ старыхъ пѣсенъ изъ древнѣйшаго періода исторіи болгарскаго народа: о царѣ Петрѣ (№ 106), о царѣ Асенѣ (№№ 107, 108), о Могленскомъ королѣ (№. 112), о Мисирскомъ королѣ (№ 119) и о царѣ Іоаннѣ Шишманѣ (№ 109). Юнаки, воспѣваемые въ собранныхъ мною пѣсняхъ, слѣдующіе: Марко Кралевичъ, братъ его Андрей, Полугунъ Спеченъ, Милошъ, Янко, Дойчинъ, Момчило, Груя, Секула, дитя Дукатинче, дитя семи мѣсяцевъ, Динче Арнауче. Это все личности времени покоренія Болгаріи и Сербіи Турками.

Послѣ этого, слѣдуетъ признать невѣрнымъ мнѣніе А. Н. Пыпина, что болгарскій эпосъ слилъ всѣ періоды своего развитія въ одинъ, и герои его всѣ почти гайдуки (ibid. стр. 133), которое заимствованоимъ изъ изслѣдованія г. Безсонова о болгарскомъ эпосѣ. Въ своемъ изслѣдованіи «Болгарскій эпосъ», предпосланномъ изданію болгарскихъ пѣсенъ, г. Безсоновъ говоритъ, что «не зная сербскаго эпоса, мы не поймемъ болгарскаго, ибо въ первомъ только мы встрѣчаемъ древнѣйшіе эпическіе мотивы, въ первомъ только встрѣчаемъ мы въ ясномъ свѣтѣ тѣхъ героевъ, о которыхъ у Болгаръ сохранилось большею частью только смутное и большею частью уже искаженное воспоминаніе.....» Нѣкоторые факты, опровергающіе это мнѣніе можно найти въ моемъ сборникѣ; а еще больше можно найти въ народной памяти: я встрѣчалъ пѣвцовъ-болгаръ, знавшихъ по 200—300 пѣсенъ, какъ напр. Жета Илковъ въ селѣ Суводолѣ, Соф. округа и другіе.

Наконецъ, считаю нужнымъ сказать слова два о распредѣленіи пѣсенъ въ моемъ собраніи. Я счелъ излишнимъ дѣлать мелкія подраздѣленія, которыми богатъ особенно «Сборникъ Болгарскихъ пѣсенъ братьевъ Миладиновыхъ», и ограничился лишь общимъ дѣленіемъ. (См. оглавл.).

Въ Загребѣ, 1 (13) Іюня 1880 г.

Владиміръ Качановскій.

I.

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ.

«Сборнику» пѣсенъ предпошлемъ краткій очеркъ жизни болгарина съ колыбели и до могилы.

Въ настоящее время болгаринъ еще дитя природы, которую онъ почти что обожаетъ, такъ какъ вліяніямъ ея не можетъ ничего своего противуставить, съ цѣлью ли улучшить это доброе вліяніе природы, или напротивъ ослабить вредоносное. Еще до настоящаго времени видимъ у него патріархальные обычаи, которые своею патріархальностью заставляютъ обратить на нихъ вниманіе.

Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить твердое вѣрованіе болгарина въ Высшее Существо — Бога, на Котораго онъ всегда и во всякомъ случаѣ возлагаетъ свое упованіе: придетъ ли, напр., въ городъ продать, что Богъ послалъ, онъ ставитъ свой товаръ на рыночной площади и два раза осеняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, приговаривая: «Богъ ми помози!»

Тоже твердое вѣрованіе въ Бога, подателя всего добраго человѣку проглядываетъ во всѣхъ праздникахъ, чтимыхъ болгариномъ съ замѣчательнымъ уваженіемъ. Подтвержденіе тому увидимъ въ перечнѣ этихъ праздниковъ, къ которому и переходимъ.

Слѣдуя естественному порядку развитія праздниковъ у первобытнаго человѣка, необходимо было бы начать съ весеннихъ; но такъ какъ у современныхъ Болгаръ въ эти праздники привнесено очень много христіанскаго элемента и эти праздники пріурочены къ христіанскому календарю, то будетъ удобнѣе слѣдовать новому порядку. Начнемъ съ «Коляды.»

Какъ понимается «Коляда» у Болгаръ? Одинъ слѣпецъ изъ Македоніи, Мельникскаго округа, села Влаи объяснялъ мнѣ возникновеніе «Коляды» и «Сурова»[1]) слѣдующимъ образомъ: «12,000 убитыхъ Иродомъ младенцевъ были воскрешены Божьей волею — Его ангеломъ; воскрешенные головы проговорили: «Стани Коледе, Коледе!» Съ того времени, въ воспоминанье объ этомъ событіи, православные христіяне творятъ «Коляду» и «Сурова».»

Совершенно противоположное объясненіе, съ нѣкоторымъ миѳическимъ оттѣнкомъ, представляетъ слѣдующее народное вѣрованіе, сообщенное мнѣ однимъ дряхлымъ болгарскимъ монахомъ въ Суковскомъ монастырѣ, что въ Пиротскомъ округѣ: «былъ царь, по имени Коледа, отъ котораго получилъ свое названіе праздникъ «Коляда».» Но какъ это произошло? мнѣ тотъ священникъ не могъ объяснить. Личность этого царя Коляды вообще темно представляется; народное преданіе говоритъ только — сказалъ монахъ —, если кто на «Коляду» играетъ «хоро» (хороводъ), тотъ не сѣчетъ этого царя Коляду, а кто неиграетъ, тотъ его сѣчетъ».

Въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ границѣ Сербскаго племени «Коляда» извѣстна подъ названіемъ «Бадняго вечера». И вотъ отъ чего произошло такое названіе. На «Бъдни вечеръ» (по болгарскому произношенію) очень важную роль играетъ баднякъ. — Баднякъ — это дерево. Дѣло такъ происходитъ: срубятъ въ лѣсу дерево и, не очистивъ отъ вѣтвей и сучьевъ, при-

[1]) Время съ 1-го дня Новаго года по 6 Января — праздникъ Богоявленія носитъ названіе «Сурова».

таскиваютъ въ хижину; здѣсь обрубываютъ вѣтви и сучья и пробуравливаютъ въ стволѣ дыру; затѣмъ кладутъ по срединѣ хижины, перпендикулярно по отношенію къ стоящему противъ него человѣку; въ отверстіе кладутъ кудель, которую каждый членъ семьи долженъ не множко попрясть: начинаетъ хозяинъ дома. Затѣмъ, бадняку даютъ положеніе нѣсколько косвенное, и въ дыру кладутъ медъ, масло и тѣсто. Послѣ того, отложивъ баднякъ въ сторону, принимаются за ужинъ. Ужинъ приготовляютъ съ нѣкоторыми непремѣнными приправами, имѣющими особенное значеніе. Кушанье, когда оно поставлено на столъ (тарпезу), имѣющій круглую форму, въ кругъ коего усядется вся семья, хозяйка дома прежде всего обсыпаетъ кукурузой и затѣмъ всякому участвующему въ трапезѣ даетъ кусочекъ чесноку (бѣли лукъ-по болг). Всякій долженъ отвѣдать чесноку [1]) для того, чтобы быть здоровымъ; кукурузу (на другой день) даютъ ѣсть курицамъ съ тѣмъ, чтобы онѣ несли яйца. (Такъ въ с. Копривштицѣ, Пирот. окр.). Въ Радомірскомъ округѣ въ селахъ существуетъ обычай, что въ этотъ вечеръ за ужиномъ непремѣнно должны быть орѣхи, сливы, яблоки.[2]) Къ тому же «Баднему вечеру» пекутъ пироги съ разными знаками и изображеніями домашняго животнаго: коровы, лошади, свиньи, собаки и т. п. «на здравіе добитку».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Пиротскомъ округѣ, постятся въ теченье цѣлаго дня до вечера[3]); но въ Радомірскомъ округѣ не находимъ этого обычая.

Сколько извѣстно изъ описанія, «бадній вечеръ» у Сербовъ представляетъ нѣкоторое отличіе, и самое главное, что у Сербовъ есть обычай таскать «баднякъ» по улицѣ села и издѣваться надъ нимъ.

Къ числу игръ, пріуроченныхъ къ Святкамъ, принадлежитъ переодѣванье въ медвѣдя и козу, которое, обыкновенно, на-

---

[1]) Болгаре большіе любители чесноку.

[2]) Этотъ обычай и у Русскихъ напр. въ Гродненской губерніи).

[3]) Тоже (тамъ же).

чинается съ «Новаго года». Цѣлой ватагой, съ пѣсней свѣтской и церковной молодежь ходитъ изъ дома въ домъ, съ цѣлью заполучить кой-что отъ щедрыхъ хозяевъ; а всякій хозяинъ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ дать кой-что въ пользу посѣтившей его молодежи.[1]) Послѣ на собранное подаяніе участники устраиваютъ общую имъ пирушку—пьютъ и играютъ «оро» (хороводъ). (Такъ въ селѣ Невѣстинѣ, Кюстендиль Банскагоокруга).

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что не во всѣхъ мѣстностяхъ существуетъ переодѣванье въ медвѣдя и козу, но всѣ сплошь и рядомъ знаютъ «хожденіе по домамъ», которое имѣетъ свое мѣстное типичное названіе «Сурова».

Подаяніе, получаемое кочующею молодежью отъ хозяевъ, представляетъ собою ничто иное, какъ жертву, приносимую человѣкомъ въ благодарность Высшему Существу. Такое объясненіе вполнѣ оправдываетъ содержаніе колядскихъ пѣсенъ. Такъ, напр., въ одной пѣснѣ читаемъ:

«Стани Како, дай колако,
Стани Нино, дай крендиро.[2])
Добри сме ти гостье дошли,
Доберъ семъ ти даръ донели:
Тельчинка-те бѣлопахи,
Жребчинка-та патопоги,
Ягнешта-та ваклешаты,
Ярништа-та пергороги». (№ 7 «сбор.»).

Въ другой:

«Стани Нише Господине!
Спишь ли, спишь ли, разбуждайсе!
Добри са ти гостье дошли,
Добре (sic) гостье коледжане;
Подобаръ гласъ ти донели:
Ягненца се изъягнили,
Ждребчинка се ождребили,

[1]) Тоже (тамъ же). [2]) Водка (ракія).

Пи́ленца се извади́ли,
Крави се се истелили,
Со-съ млада тельчинка».

А дальнѣйшіе стихи этой пѣсни:

«Пай си стана Божья майтя,
Запрегнала свилни скуты,
И си тури млада Бога;
«Та си ойде возъ Ордана (sic)
Возъ Ордана, возъ Іордана.
Тамъ срѣтна светы Никола:
«Да си кьрстишь млада Бога»!
Я светы Нико́ла му доказалъ:
«Ни то зна́емъ, ни умѣемъ;
Я си пойды по-на-горе,
Тамъ че срѣтнешь светъ Іована:
Онъ е кьрстиль небо — земля,
Онъ че кьрсты Млада Бога».
Чуло си е на дно-море,
Чула си е една рыба,
Чула го е и станала;
И го чуло едно дерво,
Едно дерво трепетлика,
Оно чуло — не станало,
Па-й го прокле самски Господъ:
«Е ты-зе-ка едно дерво,
Едно дерво трепетлика!
Да изникнешь на́ зло мѣсто,
Де-ка слънце неизгрѣва,
Де-ка роса не опада,
Да си трептишь и со-съ вѣтеръ
И со-съ вѣтеръ и безъ вѣтеръ».

(№ 6 моего сборн.)

представляютъ наглядным образомъ послѣдствія неуваженія къ Божеству, и производятъ подавляющее вліяніе на простодушнаго болгарина, который щедро одаряетъ посѣтившую его молодежь. Болѣе поздняго возникновенія слѣдующій обычай, общераспространенный у Болгаръ.

За три дня до «Коляды» ребята, посѣщяющія школу ходятъ по домамъ съ пѣніемъ пѣсни канона: «Христосъ раждается славите»; за такое поздравленіе они получаютъ отъ хозяевъ орѣхи и маленькій пирожокъ, имѣющій форму птицы, а подъчасъ и нѣсколько мѣдныхъ грошей. Почти все собранное ребятами, за исключеніемъ ничтожной части, приходящейся на ихъ долю, идетъ въ пользу народнаго учителя (даскала). Можно предполагать, что подобный родъ поздравленія измыслили сами господа даскалы, матеріальное обезпеченіе коихъ и теперь, а тѣмъ болѣе во время турецкаго владычества было очень скудное.

Во все время праздниковъ болгаринъ не работаетъ.

На Богоявленіе (на Водице — по болг.) бываетъ въ Высоческомъ срезѣ (уѣздѣ), Пиротскаго округа слѣдующій интересный обычай. Собирается компанія изъ мущинъ и женщинъ; запрягаютъ лошадь въ телегу или сани и отправляются къ извѣстному человѣку, которому предлагаютъ сѣсть въ телегу или сани. Отказа быть не можетъ; въ противномъ случаѣ берутъ его силою и сажаютъ въ телегу. Въ слѣдъ затѣмъ, цѣлая компанія отправляется по направленію къ рѣкѣ или вообще водѣ и въѣзжаютъ въ воду, въ которой остаются до тѣхъ поръ, пока сѣвшій въ телегу не дастъ напр. 10 окъ вина. Получивъ гарантію на 10 окъ вина, дружина кидаетъ въ воду невѣсту. Понятно, она омочитъ лишь свои ноги. Затѣмъ возвращаются обратно и направляются прямо въ кабакъ (керчмарницу), гдѣ сообща распиваютъ вино.

Въ день св. Власія (11 Февр.) болгаринъ не желаетъ впрягать въ ярмо своихъ воловъ; онъ вѣруетъ, что если человѣкъ въ этотъ день впряжетъ волы, они могутъ вдругъ на пути околеть. Сообщая другому это вѣрованіе, у него не бываетъ недостатка въ примѣрахъ, которыми потвердитъ истинность своихъ словъ. По бол-

гарски этотъ праздникъ называется «на воловъ запоръ», т. е. запрещеніе. (с. Слатино, въ Загорьи, Берков. окр.).

Св. Трифонъ пользуется у Болгарина большимъ почитаніемъ; я во многихъ округахъ Болгаріи слышалъ объ этомъ почитаніи. Обыкновенно, ему бываютъ посвящены три дня: первый въ тѣхъ видахъ, чтобы родилось жито, второй — чтобы родился ячмень и третій — чтобы родились кукуруза и овесъ. Праздникъ этотъ приходится въ первыхъ числахъ Февраля мѣсяца, начиная со дня, опредѣленнаго этому святому въ святцахъ. Болгаре строго исполняютъ этотъ праздникъ: въ теченіи трехъ дней не впрягаютъ воловъ въ ярмо, и только въ крайнемъ случаѣ, если, напр., будетъ приказъ отъ начальства — дать подводу, болгаринъ впряжетъ волы въ ярмо. Въ эти дни крестьяне дѣлаютъ слѣдующія наблюденія: если будетъ пасмурно, туманъ, дождь, значитъ будетъ урожайный годъ; если же будетъ ясная погода — признакъ неурожайнаго года. Различаются, при этомъ, и самыя степени тумана.

Въ день 40 мучениковъ (9 Марта) существуетъ слѣдующій обычай: всякая семья должна испечь коровай (кравайци — по болг.), и при томъ число короваевъ должно соотвѣтствовать числу дѣтей въ домѣ; на короваяхъ этихъ, пока они не посажены въ печку, дѣлаютъ дырочки вѣткою отъ дерева «бъза» (бузины); а когда испекутся, обмазываютъ ихъ медомъ. Въ тотъ же день одинъ изъ членовъ семьи отправляется въ виноградникъ (лозье), выбираетъ одну пустившую ростокъ вѣтку и приноситъ ее въ хижину; всякій членъ семьи долженъ на-тощакъ съѣсть кусочекъ виноградной лозы, приговаривая: «На млоге године, да е здравъ како дренъ!». Вѣтка эта называется «свéта вѣтка». Ясно, этотъ обычай исполняется съ вѣрованіемъ, что человѣкъ будетъ здоровъ.

Приближается масляница. На канунѣ ея болгаринъ «покладуе се одъ меса», и затѣмъ, въ теченіе всей недѣли не ѣстъ мяса, кромѣ масла, сыра, яицъ и рыбы. Масляница (сырница) у Болгаръ считается великимъ праздникомъ: въ понедѣльникъ и вторникъ

этой недѣли народъ не работаетъ; нѣкоторымъ днямъ дано особенное названіе: вторникъ носитъ названіе «усовторникъ»; четвергъ этой недѣли, какъ четвергъ Русальной недѣли носитъ названіе «вертолома» (въ Пиротѣ); суббота — называется «бѣла субота».

Въ день заговинъ (=поклады), вечеромъ, бываетъ (напр. въ Пиротѣ) особенное праздненство. Собирается компанія мущинъ и женщинъ, которые, съ зажженнымъ факеломъ[1]), съ большимъ воодушевленіемъ, ходятъ по улицамъ, распѣвая подъ музыку пѣсни. На болгарскомъ языкѣ это носитъ названіе «оратница».[2]) При этомъ праздненствѣ непремѣнно должно быть оро (хороводъ), отъ чего, по видимому, можно бы производить самое названіе «оратница»; но слѣдующаго содержанія пѣсни, которыя въ числѣ другихъ поются при этомъ случаѣ:

«Ората копата,
Дай ми, дедо, мома-та,
Да ти не запалимъ брада-та»[3])

или,

«Ората копата,
Дай ми, чичо, мома-та,
Да ю туримъ у кацá-та,
Да ми мути яйца-та»

заставляютъ дать нѣсколько иное значеніе этому обычаю.[4]) Но я не берусь здѣсь объяснять значеніе этого обычая.

---

[1]) Обыкновенно, факелъ этотъ имѣетъ слѣдующее устройство: на палку навертываютъ солому и за тѣмъ его зажигаютъ; во время шествія, факелъ этотъ несущій вертитъ вокругъ своей головы.

[2]) Въ бытность мою въ Пиротѣ, я замѣтилъ, что этотъ обычай очень удивлялъ Сербовъ.

[3]) Сообщена однимъ болгариномъ — портнымъ (терзія), проживающимъ въ г. Пиротѣ.

[4]) При этой процессіи, во время турецкаго владычества, распѣвали и революціонныя пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

«Азъ зема пушка на рама,
Айдутинъ — бунтовникъ да стану,

Послѣ такой — если можно сказать — оргіи, для болгарина наступаетъ постъ.

1-ая недѣля Великаго поста носитъ названіе «Тудорица» и «еднонца» (отъ понедѣльника до субботы); первое названіе отъ имени св. Ѳеодора, а второе отъ того, что многіе изъ болгаръ, въ теченіе этой недѣли, ѣдятъ одинъ разъ въ день, и то вечеромъ. Понедѣльникъ этой недѣли извѣстенъ подъ именемъ «чистаго понедѣльника»; срѣда этой недѣли называется «Луда срѣда».[1])

Въ день св. Ѳеодора (въ Субботу 1-ой недѣли В. Поста) бываютъ конскіе скачки: избираются два наѣздника, которые вступаютъ въ состязаніе; чей конь одержитъ верхъ, тому привѣшиваютъ красный значекъ; человѣкъ, имѣющій такую лошадь съ отличіемъ пользуется великою славою. (въ Пиротскомъ окр.).

Съ праздникомъ «Благовѣщенія» (25 Марта) также соединяются нѣкоторыя вѣрованія. Въ этотъ день зажигаютъ свѣчи на корытѣ, въ которомъ моютъ бѣлье (Пиротъ); змія убитая въ праздникъ Благовѣщенія считается лѣкарственною, имѣющею магическую силу: стоитъ, вѣритъ народъ, отсѣчь ея голову и закопать въ землю; посадить затѣмъ на ней василекъ (босилекъ), и этотъ цвѣтокъ пріобрѣтетъ цѣлебную силу; онъ помогаетъ отъ всякой болѣзни, какая только можетъ быть у животнаго. Цѣлеб-

---

И тергна вече вовъ Балканъ,
Отечество да забранемъ.
Не жали майко, не плакай,
Не могу да гледамъ вече —
Да душманинъ на огниште
На баштино-то огниште бѣснеятъ;
Сестри-те имъ вѣнци плетеха,
Юначки пѣсни пееха;
Майка сѣдѝ люто кьлнеше:
Ако се живи ванете
И ви да се неспасéте».

(Сообщена тѣмъ же лицемъ).

[1]) Отчего произошло такое названіе, никто изъ болгаръ не могъ мнѣ объяснить.

ная сила такой зміи больше, по народному вѣрованію, цѣлебной силы убитой сороки (въ Загорьи, Берков. окр.).

Лазарева Суббота (Лазарица) также понята болгариномъ по своему и поставлено въ отношеніе къ жизни человѣческой. Изъ содержанія слѣдующей пѣсни, которая поется въ этотъ день на хороводѣ:

«Летея, ми, Лазаре, летея,
Деветъ реда галаби,
Десето жераби;
Пойдоа — ойдоа кралѝчипы двóреве,
На кралица говоратъ:
«Эй, кралице, кралице!
Кутеи биперъ сѣяше,
На галабье ферляше»
Оговори имъ кралица:
«Э вие-ка галаби
Зобете, ми, зобете,
У пролѣтъ, ми, дойдете:
Имамъ сина да женимъ,
Имамъ штерка Мара да давамъ».

(№ 30 моего собр.).

можно видѣть, какое значеніе болгаринъ соединялъ съ этимъ днемъ.

Пасха извѣстна подъ именемъ «Великъ-день». Съ этимъ праздникомъ не соединяется, сколько мнѣ извѣстно, никакого особеннаго обычая или вѣрованія. Отмѣчаемъ, между прочимъ, что въ этотъ праздникъ должны быть крашеныя яйца. Пятница этой недѣли носитъ названіе «благій петакъ» (Пирот. окр.).

Юрьевъ день пользуется у Болгаръ особеннымъ уваженіемъ. На канунѣ этого праздника — 22 Апр. молодцы и дѣвушки отправляются на лугъ, собираютъ траву «здравацъ», изъ которой вьютъ вѣнокъ; въ то же время на лугу обѣдаютъ и послѣ обѣда играютъ хороводъ. На другой день (23 Апр.) убиваютъ ягненка, изжаратъ его и несутъ «подъ записъ», т. е. крестъ

на возвышеніи, находящемся большею частью по среди села; кромѣ жаренаго ягненка кладутъ сыръ, масло, вино и др. Является попъ и святитъ эту жертву; послѣ освященія, присутствующіе принимаются за истребленіе всего предлежащаго. Затѣмъ играютъ оро (хороводъ); начинаютъ прежде всего дѣвушки: держа свитый на канунѣ вѣнокъ, онѣ поютъ слѣдующую пѣснь:

«Здравче вѣнче,
Цвѣте меришливче!
Вию ли те моме?
Вию, вию,
Та како не вию:
Откину ме, па ме померишу». (Пирот. окр.)

Спустя нѣсколько времени, въ хороводъ пускается и старый и молодой, почти всѣ присутствующіе, за исключеніемъ попа.[1])

На канунѣ дня св. Іереміи (1 Мая) существуетъ слѣдующій обычай: берутъ кочергу (ожегу) и желѣзо и ударяютъ желѣзомъ, приговаривая: «Іеремія у́ поле, а змія у́ море»; всего больше дѣти распѣваютъ это заклинаніе. Въ тотъ же день, какъ и у насъ въ Россіи, празднуется «мая́»(=маёвка); сущность этого праздника здѣсь таже, что и у Русскихъ.

Недѣля передъ Сошествіемъ Св. Духа извѣстна подъ именемъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай дѣлать крестный ходъ вокругъ полей въ день св Георгія. Неисполненіе этого обычая бывало причиною переселенія цѣлаго села на другое мѣсто, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующее преданіе. Близъ Дивлянскаго монастыря, что въ пяти верстахъ отъ города Бѣлой-Паланки (Пирот. окр.), вершины Сухой-Планины носятъ названіе «Велико и Мало Конско»; народное преданіе объясняетъ это названіе такимъ образомъ· въ старое время, деревня Клисура была близъ Дивлянскаго монастыря; жители ея пасли своихъ лошадей (кони) на этихъ вершинахъ, отъ чего эти послѣднія получили свое названіе; въ настоящее же время деревня Клисура находится на противоположной сторонѣ Сухой-Планины Староклисурчане имѣли обычай въ день св. Георгія обходить свои поля съ крестнымъ ходомъ; но въ одинъ годъ они не исполнили этого обычая и перешли на настоящее свое мѣстожительство. Оставшееся послѣ нихъ мѣсто называется «клисурска корія», т. е. такое мѣсто, гдѣ не сѣютъ. (Архимандритъ Дивлянскаго монастыря указывалъ мнѣ ниву, носящую названіе «клисурска корія»).

«Русалницы» (Пирот. окр.). Въ старое время, въ теченье всей этой недѣли играли оро (хороводъ) въ честь Русалiи. Почитаніе Русалiи у Болгаръ пустило глубокіе корни: до настоящаго времени въ нѣсколькихъ селахъ, Кюстендильскаго округа, напр. Посевица, Койно празднуется «соборъ» (храмовой праздникъ) «Руса недѣля»;[1]) онъ приходится въ середу Русальной недѣли. Четвергъ Русальной недѣли извѣстенъ подъ именемъ «вьртоломы». Въ этотъ день женщины, имѣющія дѣтей, не работаютъ, въ то время какъ всѣ прочіе исполняютъ свою ежедневную работу.

Въ теченье этой недѣли существовалъ—четыре года тому назадъ[2]) въ окрестностяхъ Бѣлой-Паланки слѣдующій обычай. Собирается—говорилъ мнѣ одинъ попъ—восемь дѣвушекъ и отправляются по домамъ съ пѣніемъ пѣсенъ особаго содержанія. Обыкновенно, бывало такъ: приходятъ въ домъ и кого найдутъ въ домѣ, тому цѣлуютъ руку и поютъ ему пѣсню; поютъ попеременно четыре дѣвушки. Если въ домѣ есть молодецъ, которому пора жениться, поютъ слѣдующую пѣсню, не входя въ домъ:

«Овдѐ дво́ры не ме́тены,
Овдѐ момакъ за женидбу;
Жене́те га, не держте га:
Када буду зымни ночи,
Чини се му полгодина».

(С. Топольница, Бѣлопаланскаго среза, Пирот. окр.).

Затѣмъ входятъ въ домъ и поютъ самому хозяину:

«Играй кра́ле баракгаре,
«Кралица те подиграше».

(С. Топольница, Пирот. окр.).

Затѣмъ:

«Свети Сава ло́зье сади
Лозье са́ди, сара́й гради,

---

[1]) Проф. Миклошичъ въ своемъ изслѣдованіи: «Ueber die Rusalien» (Wien 1864) полагаетъ, что слово «русалья», «русальна недѣля» заимствовано изъ средне-греческаго языка.

[2]) Т. е. во время турецкаго владычества, какъ мнѣ сообщалъ одинъ попъ.

Съ оне стра́не ли́чно мѣ́сто,
Да му лозье рано зрѣ́е;
Има сина да се же́ни,
Милу терку да одае —
Ой уба́ва мала мома! (Тамъ же.)

Какому-либо другому члену семьи изъ мущинъ поютъ слѣ́дующее:

«Царь Костадинъ сѣ́деше,
На високи палаты,
У руке му канаты;
Туде мину невѣ́ста,
Та му́ уми зане́се,
Те му паде каната,
Те у́дари палаты,
Палаты му задзамнеше,
Ведро небо загърмѣ́ло». (Тамъ же.)

Третьему поютъ:

«На юнака три е лѣ́ка:
Едънъ златанъ, други сребренъ,
А трети-ти чиста чоа;
Сви дава за девойтю;
Мати си му одговара:
«Не дай, сине, милц сине;
Коя̀ ти е судженица,
Сама̀ че ти у дворъ дойде» (Тамъ же.)

Старому холостяку поютъ:

«О огня̀не, Змѣ́й-огняне!
Змѣ́й, ми, лежи́ на плани́ну,
Никой не́смѣ да га пи́та;
Упита га стара майтя:
«О огня́не, Змѣ́й-огняне!
Што, ми, лежи́шь на плани́ну?
Ты, ми, лежи́шь па не вре́вишь?»
А онъ си отказу́е:

«Да како̀ чу да гово́римъ?
Сва се дружба иженѝла —
И постаро и помладо,
А ти менѐ не о̀жены».

Нѣтъ недостатка и въ другихъ пѣсняхъ подобнаго содержанія, пріуроченныхъ къ этому обычаю.

Основываясь на содержаніи этихъ пѣсенъ, можно полагать, что съ этимъ праздникомъ соединялось понятіе о необходимости сближенія половъ.

24 Іюня, св. Іованъ «билёберь». Ночью (на канунѣ) отправляются за цѣлебной травой;[1]) творятъ ворожбу(=вражелицу — по болг.), баютъ и т. п.

15 Августа, праздникъ Успѣнія Пресв. Богородицы носитъ названіе «Голема Богородица»; а 8 Сент. «Рождество Пресв. Богородицы — «Мала Богородица».

29 Авг. «Іованъ Главосѣкъ». (Усѣкновеніе Главы Іоанна Предтечи)[2]). Въ этотъ день не ѣдятъ краснаго винограда, не пьютъ краснаго вина; не ѣдятъ скоромнаго.

29 Октября, день св. Нестора носитъ названіе «праздника на поганци» (т. е. мышей), и «Мишлеци» (въ Радомірскомъ окр. с. Пештера); празднуется онъ болгариномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы мыши не причиняли ему вреда (Пирот. окр. с. Темска, Радом. окр. с. Пештера).

Съ 11—13 Ноября праздникъ «Мратѝнци» (Пирот. окр.)= «Вучлеци» (въ Радом. окр.) празднуется болгариномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы волки не причиняли вреда ихъ скоту (стокѣ).

30 Ноября, день св. Андрея первозваннаго посвященъ медвѣдю и съ тою же цѣлью, какъ и два предъидущихъ праздника. На канунѣ этого дня, въ честь медвѣдя варятъ кукурузу(=мурузу =мумурузу—по болг.), которую въ день праздника сами съѣда-

---

[1]) Такъ и у Русскихъ (напр. въ Гродн. губ.)
[2]) Головосікъ у Малороссовъ.

ютъ. Употребленіе кукурузы имѣетъ свое значеніе: медвѣдь страшно истребляетъ кукурузу на нивѣ, и этою жертвою болгаринъ желаетъ умилостивить своего нѣдруга. (Пирот., Трен. окр. и Загорье, Берков. окр.).

Въ день св. Патріарха Германа праздникъ «Джерманъ»; исполняеется онъ болгариномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы его нивы не были побиты градомъ. (Радом. окр.).

Въ день свв. Кирика и Іулиты праздникъ «Горешляци»; исполняеется онъ болгариномъ съ цѣлью, чтобы не было пожара и сильныхъ жаровъ (Радом. округъ).

Всматриваясь въ эти праздники, нельзя не замѣтить въ нихъ слѣдовъ первобытной жертвы богамъ въ усовершенствованномъ фазисѣ ея развитія. Авторъ прекрасной монографіи «Очерки первобытной жизни и мысли» (см. журналъ «Дѣло» 1877 г. № 1), г. Шашковъ указалъ на естественную перемѣну въ жертвоприношеніяхъ первобытныхъ народовъ условленную умственнымъ ихъ развитіемъ; имъ указаны факты, что жертва была разорительна для приносившихъ, что эта разорительность привела ихъ къ мысли, что боги нуждаются не въ обильной и жирной пищѣ, а въ «чистотѣ жертвы»; послѣдствіемъ чего былъ обычай — жертвовать богамъ не весь предметъ, а только часть его. У жителей Мадагаскара есть обычай, что изъ жертвеннаго животнаго только голова приносится богу, а мясо съѣдается жертводателями; голова эта насаживается на шестъ (стр. 150—1). Нѣчто подобное мнѣ пришлось видѣть въ Загорьи, Берковскаго округа, въ селѣ Котеновци. Возлѣ дома каждаго хазяина воткнуты на частоколѣ головы зарѣзанныхъ животныхъ. На мой вопросъ — къ чему это? я получилъ отвѣтъ такого рода: «чтобы предотвратить вредъ, причиняемый медвѣдемъ и волкомъ». Вспомнимъ здѣсь и о «юрьевскомъ ягненкѣ», который истребляется приносителями (см. выше). Таже черта видна и въ жертвѣ медвѣдю 30 Ноября, въ день св. апостола Андрея Первозваннаго.

Въ представленномъ выше перечнѣ праздниковъ, свято чтимыхъ болгариномъ, мы видѣли много обрядовъ предшествую-

щихъ браку, или, вѣрнѣе будетъ, напоминающихъ бракъ, какъ необходимость соединенія половъ.

Наконецъ произойдетъ сговоръ: дѣвушка согласна выдти за мужъ за извѣстнаго молодца; родители тоже согласны. Впрочемъ бываютъ случаи, что дѣвушка, безъ вѣдома своихъ родителей, бѣжитъ съ своимъ возлюбленнымъ.

При сговорѣ должны быть покончены всѣ условія, относящіяся къ браку. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Загорьи, въ селахъ: Котеновци, Костенци, женихъ долженъ купить себѣ невѣсту за самую высокую цѣну 300 грошей, т. е. 15 рублей.[1])

Испрошенная дѣвушка называется «невѣста». Такая дѣвушка должна являть себя очень и очень покорною: все время до брака — бываетъ и полгода — она, кого бы ни видѣла — стараго или малаго, должна кланяться ему до ногъ и цѣловать руку,[2]) за что получаетъ благословеніе: «Богъ те поживи, дай ти Боже срѣчу»; за обѣдомъ или ужиномъ въ своей родительской семьѣ она не можетъ сѣсть, тогда какъ другіе члены сидятъ: она должна прислуживать; если желаетъ выпить за обѣдомъ вина, должна прежде всего поцѣловать всѣхъ присутствующихъ въ руку.

До брака невѣста въ родительскомъ домѣ получаетъ вѣнокъ (вѣнацъ). Форма этого вѣнка обращаетъ на себя вниманіе. Въ селахъ Пиротскаго округа, онъ въ огибаніи головы довольно тѣсноватъ, но чѣмъ дальше къ верху, тѣмъ все больше и больше разширяется, такъ что народъ преувеличенно говоритъ, что можно посадить тамъ цѣлаго человѣка; къ вѣнку по сторонамъ и сзади привѣшены ленты, густо унизанныя монетами и павлиными перьями. Въ городѣ вѣнокъ этотъ бываетъ поменьше: онъ

---

[1]) Въ настоящее время Болгаре сами осуждаютъ этотъ обычай и подсмѣиваются надъ нимъ, говоря, что жену легче добыть, нежели корову.

[2]) Маленькія ребята пользуются этимъ случаемъ и сильно надоѣдаютъ невѣстѣ подаваніемъ своихъ рукъ для цѣлованья; но невѣста никогда не отказывается.

не слишкомъ разширяется къ верху. Вѣнокъ этотъ невѣста надѣваетъ, когда отправляется въ церковь, на базаръ, и носитъ его до «послѣ вѣнчанія».

Наступитъ время свадьбы.

Въ домѣ невѣсты являются сваты. Еще они не пришли, но уже приближаются, дѣвушки поютъ слѣдующее двустишіе:

«На́трагъ, на́трагъ, сва́тови!
Нече ви, нече девойтя!
(С. Топольница, Пирот. окр. близъ Бѣлой-Паланки.)

Когда они войдутъ въ домъ, дѣвушки поютъ:

«Старый свате, во̀йводо!
Не пій вино помлого,
Не распу̀штай сва̀тове;
Синочь пойдо на̀ воду,
Срѣтоше ме тро̀йца:
Еданъ ме залюбъı,
А други ме пьрста носе,
А трети ме узе смильтичицу.[1]) (Тамъ же.)

Послѣ вѣнчанья, свадьба справляется сначала въ домѣ невѣсты, въ продолженіе двухъ дней; а затѣмъ въ домѣ жениха.

Передъ тѣмъ, какъ новобрачная собирается идти въ домъ своего мужа, она должна 24 часа поститься. Разставанье съ родительскимъ домомъ, какъ оно представлено въ пѣсняхъ, наводитъ печаль на новобрачную; она не желаетъ или неохотно желаетъ разстаться съ роднымъ кровомъ:

«Братъ сестра воды
Воды по рамны дворы;
Сестра се моли:
«Ой братко, братко,
Ой мили братко!
Кротко[2]) ме во̀ды

1) Цвѣтокъ на головѣ
2) Потихоньку, медленно.

По баштины ми
Рамны дворы,
Да се наодымъ
По баштины ми
Рамны дворы,
Да се нано̀симъ
Мо̀мино ру̀о»

(с. Жилинци, Кюстенд.-Банскаго окр.)

Или:

«Не оды, ми, младо деверь,
Не оды ми горе-доле:
Не набрали здра́вецъ китка,
Не увѝли снаи вѣно̀къ» (Тамъ же.)

Наконецъ все готово къ выѣзду невѣсты изъ родительскаго дома; цѣлымъ караваномъ трогаются въ путь. Впереди «кумъ» съ древкомъ въ рукѣ, къ которому привѣшенъ платокъ, какъ знамя. На пути — пѣсни, музыка, пальба изъ ружей(=пушекъ).

Лишь только караванъ съ новобрачной приближается къ дому жениха, свекровь беретъ сито съ рожью и обсыпаетъ имъ сватовъ. Затѣмъ, когда караванъ остановится, невѣста и женихъ слѣзаютъ съ своихъ коней: женихъ снимаетъ съ лошади узду, надѣваетъ ее на свою жену и на ея голову бросаетъ нѣсколько зеренъ ржи. Лице жены закрыто. Въ такомъ нарядѣ она приближается къ дверямъ дома и дѣлаетъ на нихъ три знака креста медомъ; входитъ затѣмъ въ хижину и прямо направляется къ очагу (=огништу — по болг.), на которомъ тоже дѣлаетъ три знака креста медомъ и смотритъ вверхъ, въ отверстіе, черезъ которое выходитъ дымъ. Послѣ всего этого, женихъ снимаетъ узду съ своей жены.

Выполнена эта церемонія и начинается пиръ горой. Пѣсни, музыка (на инструментахъ «гайда», «тупанъ» (=барабанъ) не умолкаютъ. Пѣсни поются разнаго содержанія, какъ, напр., невѣста должна была разставаться съ своимъ мужемъ вскорѣ послѣ брака на долгое время (см. пѣсни моего собранія №№ 66, 67,

68, 69, 70—73), или навсегда, вслѣдствіе скоропостижной смерти (№ 74), или вслѣдствіе вѣроломнаго убійства (№ 66); какъ невѣста, долго ждавшая возвращенія своего мужа и недождавшись, вступаетъ въ новый бракъ, но неожиданное возвращеніе его разстраиваетъ эту новую свадьбу (№ 83—84); какъ жена измѣнила своему мужу (№ 82); какъ счастлива семья, въ которой бываетъ согласіе между женами (см. № 76); запоютъ и про Марка Кралевича и другихъ юнаковъ. Но вотъ запоютъ:

«Прошетнасе Дилбердинка девойтя
Изъ кумова возъ кумова тарпеза,
Куму рака да целива
И се[1]) редомъ по тарпеза». (с. Жил. Кюст. окр.)

Въ этихъ стихахъ поется про обычай, непремѣнный на всякой свадьбѣ,[2]) который состоитъ въ слѣдующемъ. Невѣста встаетъ съ своего мѣста изъ-за свадебнаго стола, съ покрытымъ лицомъ и сопровождаемая своимъ братомъ подходитъ къ каждому изъ сидящихъ за столомъ гостей, кланяется до ногъ, цѣлуетъ руку и предлагаетъ вино; всякій долженъ отвѣдать вина и благословить невѣсту. Послѣ благословенія ея гостемъ, она вынимаетъ изъ кармана платокъ (обыкновенно, не домашняго производства въ настоящее время) и даетъ благословившему гостю, который въ свою очередь даетъ ей какую-нибудь мелочь денегъ — одинъ или два гроша, что составляетъ 6—12 коп., а то и того меньше.

Всякому гостю, явившемуся на свадебный пиръ, невѣста должна выполнить выше описанный обрядъ. Но для чего это все? Изъ самаго описанія обряда видна цѣль этихъ поклоновъ, — это полученіе благословенія, а конечно и предотвращеніе проклятія. Я, помню, попалъ было на одну такую свадьбу въ селѣ Сеславци, Софійскаго округа. Лишь только я, по общему единогласному приглашенію усѣлся за столъ, явилась предъ мною невѣста, для выполненія этого обряда; одна старая женщина шепнула ей на ухо: «поклонись добре, да не учини нешто зло»; слыша это, я ска-

[1]) Т. е. всѣхъ. [2]) См. № 58 моего собранія.

залъ громогласное благословеніе невѣстѣ и ея мужу, и далъ ей денегъ больше обыкновеннаго, чѣмъ она осталась вполнѣ довольна.

Когда родится дитя, ему дается имя того святого, на канунѣ коего оно родилось. Обыкновенно, въ селахъ дитя тотчасъ послѣ рожденія не крестится священникомъ, а спустя 8—10 дней; но все же должно быть непремѣнно крещено освященною водою. Это послѣднее крещеніе исполняетъ старая женщина; она беретъ у священника освященную воду и сама крститъ новорожденное дитя, читая при этомъ наизусть молитву при рожденіи; этою же освященною водою обмывается родильница.

Къ родильницѣ приходятъ ея родственники и знакомые съ подарками: несутъ рисъ, яйца, пироги, молоко, вино, куриць и лукъ. Обыкновенно все приносимое бываетъ завернуто въ платокъ, кромѣ луку, который кладется сверху. Родильница прежде всего нюхаетъ лукъ въ тѣхъ видахъ, чтобы ея молоко было здорово; пьетъ затѣмъ вино, чтобы ей быть здоровой. Приносителей родильница даритъ, чѣмъ можетъ. (Пирот. окр.).

По случаю рожденія, въ семьѣ бываетъ пиръ. Въ Загорьи существуетъ обычай звать гостей на этотъ пиръ — «на керстенье». Обычай этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Дѣвушка изъ того дома, гдѣ родится дитя, разодѣвшись[1]) ходитъ по домамъ своего села съ виномъ и предлагаетъ отвѣдать. Обыкновенно придя въ домъ, она цѣлуетъ руку тому, кого найдетъ въ домѣ, и даетъ свое вино; отвѣдаетъ человѣкъ вина, она тоже цѣлуетъ его руку, прикладывая затѣмъ свое чело къ рукѣ.

Послѣ такого приглашенія, принесшіе родильницѣ подарки собираются къ обѣду въ домѣ родильницы, который приготовляетъ женщина, крестившая дитя; за обѣдомъ родильница должна первая начинать всякое кушанье.

---

[1]) Уборъ такой дѣвушки у Турлаковъ (въ селахъ: Яловица, Чипоровци, Котеновци и др. — но не въ г. Берковицѣ) слѣдующій: въ волосы вплетены перья, бисеръ и монеты; на шеѣ герданъ (ожерелье) изъ монетъ; у пояса по обѣимъ сторонамъ спереди привязано по два шарфа.

Съ смертью человѣка болгаринъ соединяетъ нѣкоторыя очень интересныя вѣрованія, которыя, полагаю, обратять на себя вниманія знатоковъ погребальныхъ обычаевъ. Когда умретъ дитя, въ гробъ съ тѣломъ его кладутъ небольшой сосудъ (стовницу)— для чего? никто изъ болгаръ не могъ объяснить мнѣ (Пирот. окр.); у мертвеца богатаго (чорбаджіи) вынимаютъ часть костей изъ головы и рукъ (тамъ же), и ставятъ въ церкви на сорокъ дней, тогда какъ все тѣло бываетъ погребено. Въ теченье этихъ сорока дней совершается поминовеніе надъ костьми; начинается же оно со дня, слѣдующаго за погребеніемъ: послѣ погребенія, бываетъ «вечера», называемая «задуша», и на слѣдующій день женщины (исключительно) несутъ въ церковь «кутю», кадило и кости (отъ «чорбаджіи») и ставятъ на аналоѣ; кости кладутся рядомъ съ кутей, а послѣ 40 дней зарываются въ тотъ же гробъ, гдѣ и все тѣло лежитъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, послѣ выноса его изъ дома кладутъ сѣкиру и немножко рубятъ по тому мѣсту, и это съ тою цѣлью, чтобы предотвратить смертность другихъ сочленовъ дома. (Пиротъ.)

Надъ мертвецомъ бываютъ, какъ и у насъ, заплачки, которыя исполняютъ женщины, родныя мертвеца. (Пирот. окр. и Загорье).

На мертвеца въ селахъ считаютъ необходимымъ всякому живущему въ томъ же селѣ взглянуть, чтобы мертвецъ не являлся ему во снѣ.

Въ годовщину смерти человѣка справлаютъ «поминки», называемые въ Загорьи «помана»[1]).

[1]) Это слово въ томъ же значеніи извѣстно и Валахамъ.

II.

Изъ рукописи XVIII в., принадлежащей одному болгарину въ селѣ Рылѣ, Дупничкаго округа. № 1.

Слово ради самовилы, и бродницы, и магесницы, и ѡбаѧлницы.

Самовилы и бродницы, и ѡбаѧлницы. тіѧ са антихрт҃ови ученицы, и които ходать на ныхь на врага се покланѧѧ, и запис꙯е гы врагь и онь да са негови и не имать др꙯ги грѣхь пог꙯лемь, и потежокь ѿ вси грѣхове, ѿ тоѧ грѣхь мног꙯ досадно есть бг҃꙯, понеже аще кой сотворить бл꙯дь, паки каетсе и плачеть, и молисе бг҃꙯ да го просты, такожде и ꙯бийца и вьси грѣшны, скор꙯ ак꙯ можешь да се покаешь, понеже неси се ѿрекаль ѿ бг҃а; а които ходать на самовили и на бродницы, на магесницы, на залаганѣ, на баѧнѣ, тиѧ ѕ́си ѿречꙋтсе ѿ хр҃та. и тогай пойдеть на самови́ли, тако ꙯рек꙯ть: гд҃и ѿ тебе ни една помощь, и не можешь да помогнешь намь. ѡ велика хꙋла на бг҃а! тако ѿрицаютсе ѿ бг҃а, и потапч꙯ть чт҃наго кр҃та и весь хр҃тїанскы законь; и тогда пойдать ѿ врага да и́щать лекь; и оуслишите, да раз꙯меете, колико есть досадно бг҃꙯, които искать ѿ врага лекь. Пишеть вь ста́ри за́конь вь книга иже нарицаетсе цр҃твїѧ тре́та ко́нецъ глава ѕ̄: вь градь самарїѧ беше некой цр҃ь именемь ахавь синь замьврїовь; и по

смерти ахава цр҃а, взи́де сн҃ь его҃ на цр҃тво въ самарыи, именемь беше хозиѧ, и ѡнь беше идолопоклоникь, ꙗкоже и ѡц҃ъ его҃; и въ единь день ходеше по високо место, и па́дна ѿ висо́ко и оуби́се, и посла свои чл҃вецы, и рече имь: иде́те на кра́й гра́дь, та́мо и́мать една́ магесница бг҃ѹ нашемѹ ваалѹ. и не́ѧ въпросите да ска́жеть ва́мъ, мо́га ли ѡздраве́ты, или́ бѹдѹ оумре́ти. ѿидо́ха ѡныѧ чл҃вецы, и посла҆ бг҃ь а́гг҃ла, и ре́че емѹ: иди́ да речешь проро́кѹ илїю҆ да иде҃ да рече́ть на ца́ровите чл҃ве́цы, да идать на магесница, да и́мь ска́же, да ли́ че ѡздраве́ цр҃ь, или хоще умре҃; и нече́ше да ѹмре; ама́ защо҆ ѡставѝ созда́телѧ сво́егѡ бг҃а, и ѿиде ѿ вра́га да и́ска ле́кь, за това́ пресече мѹ бг҃ъ дни те́, и че да ѹмре. тиѧ ре́чи сказа́а чл҃ци пророкѹ илїю. проро́кь плі҆ѧ ѿи́де ско́рѹ и пресретма́ цр҃еви́те чл҃вецы, и ре́че имь: иде́те да рече́те цр҃ѹ: та́ко гл҃го́леть гдь въседержи́тель, та́мо где е легна́ль на ѡ́дарь, не́че да ѡста́не жи́вь, защо҆ непоиска́ ѿ созда́телѧ сво́его ле́кь, но поиска ѿ вра́га. ѿидо́ха чл҃ве́цы и сказа́ха цр҃ѹ, и ѡн ги въпроси́: како́вь бе́ше чл҃ве́кь, що ви ре́че та́ѧ ре́чь? и ѡны́ мѹ ре́кохa: чл҃векь беше косма́ть, и ѡпа҆сань бе́ше с реми́кь. ре́че цр҃ь: ѳезвитенинь илі҆а҆ есть; но ско́рѹ призви́ педесе́тонача́лника, и педесе́то кре́пкы во́ины, и поручи́ и́мь: иде́те и где́то на́йдете, са҆ си́ла да го доведе́те; и ѡны ѿидо́ха и наидоха го на една́ висо́ка гора́, и ре́кохa мѹ: чл҃ве́че бжїй, цр҃ь зо́веть те, да и́дешь да́ го аста́нешь; и ре́че проро́кь илїа́: аще есамь чл҃ве́кь бжїй, да паднеть ѡ́гнь ѿ нб҃а да изгорить всехь васъ, и падна ѡгнь, изгори ги и педесетонача́лника. егда́ почѹ цр҃ь ка́ко погоре́ха, па́ки посла́ педесе́тоначалника. и н҃ воины. Та́ка и ѡны́ погореха, ꙗкоже и прежни. па́ки цр҃ь посла́ тре́таго педесе́тонача́лни́ка, и н҃ воины; тре́ти педесе́тоначалникь бе́ше бл҃гоговень и бг҃ѹбоѧзливь: егда҆ дойде́ та́мо, где́ бе́ше пророкь илі҆а҆ и стана́ ѿдале́ко, и гологла́вь, и приклони колена́ своѧ и са сльзами, и ре́че: чл҃вече бжїй, молим ти се, да не изгори́шь насъ, ꙗкоже и прежни наши дрѹжина, но пожали́ насъ, и аще самь хощешь да прїидешь до цр҃а; то́гда ре́че а́гг҃ль ѿ нб҃а проро́кѹ: иди́ и небойсе. то́гда ѿи́де при цр҃а и та́ко бы́сть, ꙗкоже проре́че проро́кь илі҆а҆. и по смерти́ него́вь, възи́де на

цр҃тво дрꙋги сн҃ь аха́вовь. именемь гаѡромь. Оуслышахте ли бл҃гослове́ны хр҃тиане, разꙋмехте ли, коли́ко зло есть, които ходать по самови́ли и по баснарки. цр҃ь хозіа бе́ше идолопокло́никь, незна́ваше и́стинаго бг҃а, и па́ки неда́де мꙗ бг҃ь да и́де́ на маге́сницы, и без вре́ме пресече мꙋ живото́. Что́ хо́щеть би́ты ѿ на́сь, како́ се нарицаеме правосла́вны хр҃тиане, ка́ко де сме позна́ли и́стинаго бг҃а и кр҃ще́ны, и ѡсвеще́ны и миро́саны и пото́мь да ѡста́виме вьсеси́лнаго бг҃а, и да и́деме ѿ вра́га да и́скаме по́мощъ, коа́ ми́лость наде́емсе да полꙋчиме ѿ бг҃а? пре́жни ели́ны неймаха за́конь, неймаха ни кой да имь ска́же, а ни́е при толи́ко кни́ги, при толи́ко поꙋче́ние, и па́ки гако сле́пи и́деме и покланамесе вра́гꙋ: и вь пръва заповедь заповеда́ бг҃ь проро́кꙋ моѷсе́ю, да не ве́рꙋеть дрꙋгомꙋ бг҃ꙋ, защо позна́шь бг҃ь, ка́ко ча́ть многꙋ лъжи́ да се наре́чать бо́гове; и хо́щеть вра́гь да прелащаеть малоꙋмни члве́цы, да неможать да позна́еть и́стинаго бг҃а? но хо́щꙋть вьса́ки да се поклана бг҃ꙋ по сво́емꙋ ра́зꙋмꙋ на дре́во и на ка́мене, на гвѣри́, на пти́цы: того́ ради порꙋчи бг҃ь, да познава́ме ко́е есть бг҃ь, и́же сотвори́ нб҃о и зе́млю, и мо́ре, и вьса́ созданіа, и члвека, и вьса́ка живо́тна, то́мꙋ бг҃ꙋ подобаеть клана́тисе, и на не́гѡ вса́ наде́жда на́ша да има́ме, и за живо́то и за смерть, и за дш҃а, и за те́ло. и вьси кньиги пи́шеть, ка́ко да се покла́наме вь тро́йцꙋ еди́номꙋ бг҃ꙋ, и не тъкмо повелеваеть да се покланя́ме на льжовны бо́гове, ни мала некоа по́честь да не сотво́римь имь, тъкмо на еди́наго и все́силнаго и все́могꙋщаго бг҃а да мꙋ се покланя́ме, и да го почи́таме, ра́ди чт҃но и́ме егѡ мно́го зло да претрьпи́ме, гакоже ре́че ап҃ль па́вель на кори́нѳомь ре́че: оумертви́те ꙋди ваши ѿ вса́ки стра́сты, блꙋдь и нечистоты́, и глы́ възжделенїе, и сребролю́бие́, и обадение. и пиа́нство, ти́а нарицаютсе идолопоклони́кь. Та́кжде и маге́сницы и баснарки и кои хо́дать на самовили, и на маге́сницы, и на баснарки. ѡни нарица́ютсе идолопокло́ницы, които́ ла́ю́ть ѡло́во, и които вѣрꙋать на ба́сь, на залага́не, чародея́ние, които завезꙋать гвѣри, и ме́чки и вльцы, и гле́дать на зве́зди, и завезꙋать младе́нцы. кои же́ны нарицаютсе

лекари́цы, да да́вать била́вища. които же́ны та́ка тво́рать, ти́а нарица́ютсе антихри́стови ѕчени́цы, бесовски сл҃ги, прелаща́ють незлоби́вы дш҃и чл҃вечески. ѡ без҃мна и ѿ вра́га прелаще́но же́но, егда́ ты еси бг҃ъ, да имашь си́ла да лек҃ѕеши младоже́нцы, невидиш ли́ се́бе, ка́ко ни́еднодѣло неи́машь да бг҃ѕ оуго́дно, та́кожде и ты́ ни́како́ неси́ оуго́дила бг҃ѕ, и ни́како́ ненави́ди те бг҃ъ и мръзи́ть на те́бе; тѣкмо вра́гове те ѡби́чаа, ѿ где́ еси́ прила́ла то́а да́рь да лек҃ѕешь. та се знаеть, ка́ко вра́чь ти е даль да лек҃ѕешь, поне́же вра́чь да́еть сво́има оуго́дницы, а҆́ще що́ про́сать ѿ не́го. ѡ го́ре те́бе, ѡкаана же́но: нарица́ешь се́бе, ка́ко да си́ хр҃тианка, а ты́ си се оуподоби́ла вра́г҃ѕ; раци́ ми, коли́ко лѣта сатвори́ла еси́ вь п҃сти́ню, и пости́ла еси́, и дарова́ ти бг҃ъ то́а да́рь да лек҃ѕешь? или́ претрьпе́ла еси́ не́кое м҃ѕче́ние хр҃та ра́ди, и́ли сохрани́ла еси́ девство и чистота́ вси дны́ живота сво́его, или си била́ милости́вна, или́ странолюби́ва, или́ претрепе́ла еси́ оукоризна и доса́да на пра́вд҃ѕ? скажи́ и ѿ кое́ добрѣдетель дар҃ѕва́ тебе́ бг҃ъ тогѡ да́ра да лек҃ѕешь. аще ли позна́ешь себе́, ка́ко си́ гре́шна, позна́й добре́, ка́ко ѿ вра́га ти есть, това́ лек҃ѕаніе. Ре́че маге́сница: аще е҆́сть вра́шко дѣ́ло ба҃нїе, почто́ егда́ поба́ю и ѡздраве́еть бо́лни? ѿ҃ прелаще́на же́но ѿ вра́га, вьси верны и неве́рны, и вси́ вра́гове исповеда́ють, ка́ко е́смь вь р҃це бж҃їе чл҃ве́кь и живо́ть и смер҃ть; егда́ есть и живо́ть и сме́рть вь р҃це бж҃ии, ка́ко мо́жешь ты проти́в҃ѕ си́л҃ѕ бж҃ии да излек҃ѕешь бо́лнаго са҃ твое́ лажо́вное ба҃нїе? ѿ҃ нераз҃мна и ѿ вра́га прелаще́на же́но, егда́ повели́ть бг҃ъ и прїйдеть а҆́г҃гль бж҃ии да ҃ѕзметь дш҃а ѿ чл҃ве́ка, мо́жешъ ли ты никоквѝце сасъ твое ба҃нїе да се проти́вишь повеле́ніе бж҃ие, да не изидетъ оно́а дш҃а ѿ те́ло? ко́а по́мощь мо́жешь да сотвори́шь ма́ло ва́же и вь҃глень, и си́нѡ пла́тно, и черно чи́рень но́жъ, и б҃ѕрань, и врьбо́во дре́во и др҃ѕги мног҃ѕ враговщи́на́ творя́ть, ко́а помо́щь можешь да сотво́ришь на болнаго? но л҃ѕка́ви вра́гь ви́ди вашь ҃ѕмь и ср҃це, ка́ко неи́мате наде́жда на все́си́лнаго и въсемог҃ѕщаго бг҃а, но на вра́га и́мате наде́жда да ѡздравеете, и тако показ҃ѕетъ вра́гь, ка́ко де творать не́кое лек҃ѕва́ніе надь бо́лнаго, да

прелащаю́ть ва́сь да вѣ́рꙋете, ка́ко ѿ ба́ние исцеле́? Ре́че магесница: ѿ гд҃а ба́, ко́е зло́ тво́ра, и азь и́ме хр҃то́во призива и престей бц҃ы и ст҃ый безьсребре́ницы ко́змань и дама́нь, и дрꙋги стыи́ и́мена призива. Оусли́ши прелаще́на же́но ѿ вра́га: риба́рь, егда хо́щеть да ꙋлови́ть ри́би поставлаеть на ва́дица мꙋха, ли́ чрьви́кь, да се пзма́ми ри́ба та да погледнеть оу вади́ца та: аще не би риба́рь нищо поставиль па вади́ца та, оубола́ би се ри́бата и побегна́ла би. Та́ка и ты́, же́но, твори́шь, и ба́ешь и и́ме хр҃то́во призива́ешь, и прест҃ыи бц҃ы и дрꙋги ст҃цы, да се небо́ать чл҃ве́цы, и побе́гнать, егда́ имь ба́ешь: аще ли би ты́ призива́ла бесовски и́мена, егда баешь, ни́кой не би пришель при те́бе да си́ ба́ешь. Вижь добре́, ѡкана́нна жено, ка́ко еси ѿстꙋпи́ла ѿ бг҃а, и ѿ а҃г҃ле бж҃ій, и ѿ всихь светци́, поне́же похꙋли́ла еси́ на и́ме хр҃това и ре́кла еси́: гд҃и, ты не мо́жешь да пзлекꙋешь, ꙗкоже ме́не: азь по скорꙋ мо́га да пзлекꙋемь бо́лнаго, и та́ка преда́ла еси́ дꙋшь свою́ врагꙋ, ꙗкоже ре́кохме. пли́ самови́ли, пли́ баснарκы, или́ бродни́цы, или́ биларе, и които но́сать бꙋр а́нь на себе́ и тиа нарица́ють неверни и ідолопокло́ницы, ꙗкоже ѡни́а, които се покланя́ать на мно́го бо́гове, та́ка и които хо́дать на мно́го лека́ре и и́щать ле́кове; попь да ги непꙋща́ оу цр҃ква, да имь неда́вать ни на́фора, ни пречеще́нѣ, и егда́ оу́мрать да ги не опо́ать, ни помень да и́мь не тво́рать, ни бг҃ь да про́стить да мꙋ нерача́ть; аще ли не́кой попь такви́а прїима оу цр҃ква и даеть имь нафора и пречеще́нѣ и ѡпеваеть ги, и ѡнь подо́бень е́сть имь, безбожникь и їдолопокло́никь; и а́ще ко́й дꙋхо́вникь незапрещаеть, и не ѿлꙋче́ть таки́ва ѿ цр҃кви́ и ѿ пречеще́нѣ, тако́ви дꙋхо́вникь подоба́еть да мꙋ се речеть сле́пи сле́пца́ во́дить, и ѡба въ ꙗма вьпада́ть, ꙗкоже ре́че златоꙋсть. и́мать обича́е лека́ре- ѿтво́рать дꙋка́нь, и наре́дать кꙋтыи́ и собе́рать била́вица и при́бера оученицы, и егда прийде не́кой болень, а ѡны незна́а кое́ би́лѣ да го напои́ть, тъкмо про́сто билѣ напои́ го, и потеча́ть мꙋ зе́лени пе́ни изь ꙋста, и ѡтрови чл҃ве́ка, и ꙋмре. Та́ка тво́риме и ни́е дꙋхо́вницы: ѡбле́че се́бе вь ꙋкраше́ни́е дꙋховниче́ско, ка́пи и раси, и дльги ко́си разрешены и широки брады,

и патери́цы дрьжи́ме вь рѫце свои и сь вели́кою грьди́нею стои́ме посре́де нарѡда, и егда́ прiи́де некой и вопроси́ть насъ ради не́кое ве́щь, а ни́е незна́еме не кое́ би́лѣ да го напо́име, сїречь незна́еме ко́и гре́хь, со що́ мо́жеть да се испе́лить; ѩкоже ре́кохме, неймать дрѫги грѣхь повели́кь, тькмо коисе ѿре́чать, ѿ хр҃тїанска вѣ́ра, и после́ди егда се покаеть и прiи́деть па́ки на хр҃тїанска вера, имать запреще́ние .ѯ҃. лѣта, да дрьжить кано́нь, и по ѯ҃. леть да се прече́стить. На това́ подо́бие и самови́ли, и бродни́цы, и магесницы, и кои́ то хо́дать на ныхь и ищать ѿ нихь лекь, они́ са се́ ѿре́кли ѿ хр҃тїанска вера: с ни́хь ни́како да се несоби́раме, дале́ко да бега́ме ѿ ни́хь, ѩкоже ѿ вра́га, и ни́како да ги непѫщаме оу цр҃ква, и егда̀ оу́мрать ни ѡпе́ло, ни по́менеть да имь нетво́риме, поне́же есѫ проклѣ́ты ѿ с҃таго собо́ра, ѿ р҃ и о҃ стыхь ѡцы; аще ли прежде смерть пока́ютсе, да и́м се да́ли запрещени́е ѯ҃. лѣта, и да прокленать магии, кои́ то сотвори́ли, и кто́мѫ нетво́рать, и по .ѯ҃. лета да ги причестать. Така подоба́еть намь дх҃хо́вни́чески и поповство (sic). велико вьнима́ние, и да испи́тѫеме таки́ва ве́щи, поне́же правѣ́дны сѫди́а хощеть да испи́тать насъ, ради ныхь; и да возмо́жеме сь дерзновение ѿвещаты правѣ́дномѫ сѫдию, емѫ же сла́ва во вѣ́ки вѣ́кѡвь ами́нь.

Вто́ро сло́во ради магесницы ѿ разли́чныхь кни́ги собра́но.

Егда́ бе́ше а҃пль пе́таръ по ми́рь, оуче́ше наро́да и крещава́ше ги во име хр҃тово, и бе́ше не́кой маге́сникь, и́менемь си́монь; и каде́ пе́тарь оуче́ше, а си́монь и́деше по пе́тра, и гово́реше на члове́цы те: неслы́шайте пе́тра, що оучи ва́сь; ме́не да вѣ́рѫ́ете, азь есмь бг҃ъ, и творе́ше пре҃ни́хь магiи́ и прелаща́ваше наро́да; и далеко бега́ше ѿ пе́тра. и ри́мскы ке́сарь кла́вдиа разбра́, ка̀ко си́монь прелаща́ва нарѡ́да, и посла чл҃ве́цы: ӑще где на́йдете си́мона, да го ѡко́вать сосъ желе́зо, и да го дово́дете. егда̀ го дове́доха пре҃ ца́ра, а ѡнь, лы́ка́ви врагь, и ца́ра преласти с не́гови магы́й: до где́ хо́щеше да го погы́би҃, а ѡнь поче́ и направи еди́нь i҆до́ль, и постави́ го ме́ждѫ два́ мо́ста на тивериа́дскѫю ре́ка

и написа́ на ѣ́дола, и та́ко ре́че: се́й и́дольъ е́сть симонъ бг҃ъ сто́мъ. и пе́тарь оуче́ше вь антиѡхи́ю, и въ една́ но́щь ѩви́ мъ се хр҃то́сь вь сне́ и рече мъ: воста́ни́ пе́тре да и́деши въ ри́мь, и тамо потре́бно есть твое́ поꙋче́ние. егда́ ѿи́де пе́тарь вь ри́мь, и поче́ да ꙋчи́й лю́дие, егда́ виде́ си́монь, та́ка и нехоте́ молча́ти и да покрыеть свою́ злобъ, но хо́деше по граде́ и гово́реше на лю́демь: почто́ ѡстави́сте ме́не и послꙋшахте пе́тра; що ла́же вась, мо́жеть ли пе́тарь ѩкоже ме́не да твори́ чꙋдеса́? то́гда стань҃ваше зми́а; иногда́ ѩко коза́, и ѩко вра́на, и ѩко ѡрель, ино́гда въхожда́ше вь ѡгнь и несагареше; и та̀ка прелаща́ше людие. пе́тарь моле́шесе бг҃ꙋ, да го погꙋби́ть тако́ваго пре́лестника. виде́ си́монь, ка́ко не мо́жать да про́йдать не́говите льжи́ при пе́тра, оумисли́ да воздви́гнеть мль҃ва вь гра́дь, да ꙋби́ать пе́тра. вь еди́нь де́нь, сатвори́ ве́нець ѿ дафи́нь, и поставѝ го на свою́ глав҃ъ, и взи́де на е́дно ѣ́линско ка́пище, и вели́ки гла́сь ре́че къ наро́да: ѡ мꙋ́жие ри́мскы, ка́ко преласти́хтесе ѿ петра ри́бара и ѡставихте ме́не и мо́е и̏стиное ꙋче́ние, тогѡ́ ра́ди и азь дана́сь да при́зо́вемь мой а́гели да ме оузма́ть, да ме зане́сать на не́бо при ѡц҃а мо́его, и тамо хо́щемь ва́сь мꙋчи́ти ѩко приспꙋ́пницы; и непослуша́хте мое́ пра́во оуче́ни́е. та́ка ре́че и плесна́ рꙋце сво́й, и поче́ да возхо́дить на не́бо, и бе́сове держа́хꙋ е́гѡ. то́гда вси лю́дие возопи́ша: днесь ви́дохме, ка́ко великъ богъ есть си́мѡнь. то́гда пе́тарь стана́ на моли́тва и ре́че: гд҃и ис҃е хр҃те бж҃е мо́й, неда́жь да се саврьши́ть во́ла вра́жиа, да не до ко́нца преласти́тсе незлоби́вии на́рѡдь; та́ка ре́че и погледна́ха на го́ре, къ си́мона, и ре́че: ва́мь гл҃ю, бесо́вскы слꙋ́ги, запреща́емь ва́мь, въ и̏ме гд҃а ис҃а хр҃та́, его́ же азь проповѣ́дꙋ́ю, кто́мъ да не дрьжи́те си́мѡна, но то́а ча́сь да го ѡста́вите. та́ка ре́че пе́тарь, и бе́сове оубо́ашасе и ѡставѝха си́мѡна и побе́гнаха; то́гда ѡкаанныи си́мо́нь па́де до́ле, и предаде лꙋка́вою свою́ дꙋшꙋ́ вра́гꙋ и бе́сомь, и пои́де вь вѣ́чнꙋю мꙋкꙋ́.

И дрꙋги маге́сникъ бе́ше вь ѡстро́вь па́тмо, и̏менемь ки́но҂ъ, и мно́го маги́и творе́ше, и прелаща́ваше лю́дие, и покланя́ха мъ се, ѩко бо́гъ. и ѿиде при не́го і҃ѡаннъ бг҃осло́вь, и ре́че ки́но҂ъ:

ви́диш ли, і҃ѡанне, ка́ква ч҃деса азь тво́римь, и ско́кналь оу море́то да премица́еть наро́да: и запрети і҃ѡаннь на бесове́те и ѡстави́ха го, и кто́м҃ неизи́де ки́но҂ъ ѿ море́то.

И др҃ги магесникь бе́ше, и́менемь киприа́нь. и при́иде при не́го единь ю́ноша и ре́че м҃: мо́лимтисе киприа́не, и да ти да́демь, що и́скашь: една́ мома́ возлюби́хь, и и́скамь да а зе́мемь, а ѡна́ не хоще да приста́не; ре́че ем҃ киприа́нь: това́ е ле́сна ра́бота, негри́жайсе за това́; посла́ ки́приань едно́го лю́таго бе́са да идеть да сотво́ри де́вица да приста́неть за ю́ноша. ѡти́де бе́сь и принесе ей гли́ помишле́ние, а ѡна́ стана на моли́тва, и поче́ да се кр҃ти́ть, и моле́ше се бг҃ѹ и та́ка наре́ждаше: гд҃и і҃исе хр҃те бж҃е мо́й, созда́телю мой, да ѿиде ѿ ме́не това́ гло помишле́ние, да не возрадѹетсе вра́гь ѡ мне́; и побегна́ врагь, и до тре́ти пѹ́ть при-хо́ждаше и приноси́ ей гли́ помишление; а ѡна́ с҃а моли́тва ѿгна́ го́, и ѿи́де вра́гь при киприа́на, и пожали́ м҃ се и ре́че м҃: ѻ̃ киприа́не, ӑ́зь коли́ко деви́цы сотвори́хь та се ѡжени́ха, коли́ко же́ни разлѹчихь ѿ мѹ́жие, и коли́ко сотво́рихь и стана́ха блѹ́дны, коли́ко сотвори́хь и бра́ть бра́та оуби́, и бра́ть на сестра́ при́иде, а та́а и҃ѹлиа́на деви́ца ни́какo неможе́хь да а ѡбры́нем оумь да поми́сли за жени́тьба. то́гда киприань оукори́ его́, ка́ко неможе́ да сотво́ри ни една́ ра́бота, и посла́ киприа́нь и др҃гаго бе́са по́силнаго: прии́де и ѡ́нь при дв҃ца́, и принесе ей гло́ помишле́ние, а ѡна́ же с҃а моли́тва и с҃а чтна́го кр҃та́ и не́го ѿгна́, и ѡ́нь поиде́ при киприа́на; и изле́зе и тре́ты бесь и ре́че: киприане́, посли́ ме́не: ӑ́зь мо́га а ѡбрана́ти; и ре́че м҃: иди́ и претвори́се вра́гь ѩко ба́ба, и прии́ди при де́вица и ре́че и҃ѹлиана: ѿкѹде́ и́дешь ба́бо? ѡна́ ре́че: ѿдале́ко идемь; и ре́че ей деви́ца, почто́ толи́ко тр҃ди́ласе стари́це? ре́че ба́ба: почѹ́ла самь, ка́ко и́машь мно́г҃ гри́жа и доидо́хь а дте разгово́римь; ре́че і҃ѹлиана́: добре́ си дошла́ ба́бе. ре́че ба́ба: ч҃ѹла самь ка́ко неискашь да се оженишь, да ли́ е и́стина? ѩ ѡстаре́хь, това́ ѡ́ще не́самь ч҃ѹла: мома́ да не и́ска да се ѡжени; бг҃ъ ѡ̃стави́ ѿ адама да се же́нать члв҃е́цы, да се пло́дить све́ть; і҃ѹлиа́на ре́че: ба́бо ако́ си дошла́ ѿ бг҃а, да ме оуте́шышь добре́, ӑ́ще ли си́ дошла́ да ме преласти́ть, и прекрести́се и ре́че: гд҃и і҃исе хр҃те́ с҃не

бжїй, помилѹи ме! тогда ꙗко дымь исчезнѣть баба, и невидесе. и собрахасе и трите врази и ѿидоха при киприана, и сказаха емѹ, елико пострадаха ѿ иѹлиана девица и рекоха: ѡ киприане, и ты бы побегналь ѿ таковае дѣло страшно: егда приближиме се при нея, ѡна станѹваше на молитва, и сатвараше крть на себе, и ꙗко ѡгнь изхождаше ѿ оуста ей и ѡпалаше нась; и нападе на нась страх и трепеть, и побегнахме. егда оуслыша таквал словеса киприань мѹдарь беше, помѹдарь ѣще стана, и вь многъ размишлениѥ прїиде, и помисли, каква ни една сила неима врагь противѹ чтнаго крта, и колико книгы имаше за магый, собра гы и постави гы на ѡгнь и изгореха, стана и поиде при епископа аноима, и вьса сказа емѹ, како девица иѹлиана победи вса сила вражиа са чтнаго крта. епископъ же многѹ поѣчивь егѡ и ѿпѹсти, и ѿиде и собра пепель, що беха изгорели книгите, и посипа свою главѹ, и са сльзами ѡмиваше свое лице. заѹтриа востави ѿиде вь црковь, беше великаа сѹбота, и ѹслиша прьво слово: хтосъ искѹпилъ ны есть ѿ клетвы закона, бисть нась ради клетва, и пророчество оуслыша: виждь гди и непремльчи, гди не ѿстѹпи ѿ мене, и се ѡтрокь егоже изьбрахь. егда така ѹслыша киприань, болше оукреписе на вѣра и сподобисе стое крщение, по треты день и на діаконство ѡстисе, по едино лѣто и сщенство сподобисе, и толико чѹдень и страшень бысть на вса сила вражиа, и последи и епископъ стана.

Где сѹть ѡниа безѹмны чловецы, които говоратъ: магыиа ми е сотворень и не раждамь, а дрѹги каже: магиа мне сотворена и ѹмираю ми деца, а дрѹги каже оу каще имамь магыи, и нейде ми работа напредь, а дрѹги каже ѿ магиа нетраа ми добицы. ѡ безѹмни чловече! сотвораш себе магый: видить врагь вашъ ѹмь прелащены и како неймате надежда на всесилнаго и всемогѹщаго бга и прїидеть врагь и рече ти, и наѹчи те, како да имать магыи ѹ кащи. после те да идешь на магесница да те видитъ, и ѿйдеть врагь таинеа наѹчить да ти скаже, како ѡнь те прежде наѹчи, и рече ти магесница: иди тамо и тамо ѹ кащи да копать, магыимать, и ти йдешь, та найдешь нещо и тогай врагь ѿметь ты ѡчитета

ти се видить, како дѐкаси нашель магиа да те ѹверить, и пáка рече ти магéсница: ѡнсúца чл҃вѣкь сотворú ты магыи, а ты́ вѣрѹепь врáга, и пóчнеши да ненавúдишь ѡногóва чл҃века; егдá те познáеть да го послъ̀шатъ замáлкѹ, и мнóгѹ ти приноси: егда вúдить врáгь малоѹмень чл҃вéкь и вѣрѹеть магии, велúка рáдостъ имать врагь за тогова чл҃вéка, аще ли когó чл҃вéка познáва, кáко невѣрѹеть магíй, на нéго не мóже да се фáне магúа; магиа прилеплáетсе на грѣ́шнаго чл҃вéка: аще хощешь да се побоúшь ѿ магúа, бѹди мúлостивь, щéдарь, крóтокь, не воздáй злó за злó, прощавáй кой ты нéщо досадúть недрьжь пáметозлóбие на срце́ своé, бъ̀ди странолюбецъ, нищолюбецъ, сотвори въ дóмъ свой странопрiемлица, да прïбирáшь нúщы и ѹбóги, ꙗко же въ лóзе постáвить плашúло, да се боѧть звѣ́рии да не прихóдать, тáка и въ кой домь имать странóприемница, и често вьходать иúсходать нúщи и ѹбóги, тáмо врáгь бойсе да пристѹпить, боúтсе ѿ плашúла, плашило нарицаетсе странопрïемница; бл҃жéнь чл҃вéкь кóй сотворú такóва плашúло вь дóмь свой: тóй чл҃вéкь ѿ всú людíе бѹдеть похвáлень, но и агглé мѹ се радѹѧ такóвомѹ члвéкѹ, тáмо гдé се почитáеть хр҃тось, тáмо всú ст҃ы́ радѹ́ютсе; кóй чл҃вéкь хр҃та почитáть, кóйто úмать стрáно прiéмница ва дѽмь свóй, ꙗкоже рéче хр҃тось: стрáнень бехь и ваведóсте ме вь домь вашъ; бл҃жéнь чл҃вéкь кóй взведетъ хр҃та вь дóмь свóй; да ти скáжемь и дрѹ́го ѕтешéние: егдá познáешь, да ти е сотвóрена магúа, тóгда да непоставлáешь тогѽ и ѡногѽ, но да речéшь: бл҃годáримь бг҃а и речú: рáди мóй грéхь прийде ми тоá злó на мéне, и смирúсе, и покáйсе, и аще ты́ прïйде нéкое злó илú ѿ вúдимо, илú ѿ невúдимо, за всé да бл҃годарúшь бг҃а, да речéшь· блгодáримь бг҃а и за тóва. егдá тáка творúшь, тóгда ѹдаришь врáга сь цапенúца по глáва, а егдá ти прийде нéкое злó, а ты́ плáчешь и тѕжúшь, тогдá се врагь радѹ́е, егдá се радѹ́ешь вь скóрбы, тóгда плáчеть врáгь; егдá тáко бѹдемь творúты, и бг҃ъ̀ бѹдеме оугодúти и цр҃тво нб҃ное мóжеме полъ̀чúты, ѽ хр҃те iис҃е гд҃нéмь нáшимь, емѹ́ же слáва подобáетъ, чть̀ и поклонéние ѡцѹ и сн҃ѹ и ст҃óмѹ дх҃ѹ во вéки аминь.

Сло́во г҃, ра́ди маге́сницы, и самови́ли и баснáрки, и залагание и бродницы и баание.

Пи́шеть вь кни́га нарица́еме ламѱа́йкь, ка́ко бе́ше еди́нь чл҃ве́кь бе́сень, и приведо́ха го при една́ пѫсти́нѧ жи́телнѧѧ, и помоли́се бг҃ѹ, и изгна́ бесь ѿ чл҃ве́ка, и ст҃ы́ ѡц҃ь запрети́ бе́сѹ и ре́че мѹ: запреща́ем ти, лѫка́ви вра́же, пра́во да ми ска́жешь, ѹ мѫ́ката ко́й дѫши помно́гѹ и́мать, да́ ли мѫ́жіе, или́ же́ны? ре́че вра́гь: помно́гѹ же́ны и́мать ѹ мѫ́ката; и ре́че ѡц҃ь: невер҃ѹем те лѫка́ви вра́же: же́ны нестре́жать пѣ́тица да ѹбива́ѧть и да ѹбира́ть чл҃ве́цы, или́ да хо́дать са҃ бара́нь да кра́днать; ка́ко да те вѣ́рѹемь, вра́же, ка́ко́ да и́мать по мно́гѹ же́ны ѹ мѫ́кате; ре́че вра́гь да ти ска́жемь, ѡч҃е, почто́ ра́ди помно́гѹ е҆́са же́ны ѹ мѫ́ката: не имь аре́сова това́ лице́, ко́ето имь бг҃ъ дарова́, но поставля́ть бели́ло и черви́ло, и премен҃ѧтсе оу кра́сни преме́ны, и поставля́ть на се́бе сре́бро и зла́то, и коли́ко ѡ҃ни ѹкраша́ютсе, толи́ко ни́е бе́сове радѹемесе, поне́же мно́гѹ чл҃ве́цы прела́щають; и ко́а не́имать да се преме́ни, а ти́ѧсе смеа́ть на дрѹгите; а кои́то е҆́са бе́зьче́дны, а тиа́ ги ѹкора́ють и ѡсѹжда́ють; егда́ се две́ скарать, една́ дрѹга до сме́рть непрощаваѧть, егда́ имь ѹмреть че́до, или́ сороднико́вь, хѫ́лать на бг҃а и тѹ́жать и пла́чать до сме́рты, и и҆́скать ле́кове да раждать мѣ́шки деца́. ѩкоже ре́кох ти, ѡч҃е, вели́ка ра́дость има҂ на́шь господа́рь велзевѹ́ль на маге́сницы же́ны: егда́ ѹ҃мреть не́коа маге́сница жена́ и принесемь дѫша́та ей ѹ пеклото́, и почита́еть ѧ на́шь господа́рь велзевѹ́ль, и поста́вить ѧ въ преиспо́дна а҆́дова и та́мо где́ са е҆́линскы бо́гове и еретыци, та́мо где́ е́сть и преда́тель ію́да; таква́ѧ по́честь твори́ть на́шь господа́рь на самовилы и бро́дницы, и магесни́цы, и ѡба́лницы, и поставля́ет гы где́ ѡгнь неѹгаснѹеть, и че́рвѣ неѹмираѧть, и толи́ко ѹго́дни са на́мь маге́сницы, а́ще що имь рече́ме послѹша́ѧть насъ: егда имь покаже́ме не́кои ле́кове и бѹра́не, или́ дрѹгое не́кое зло да сотво́рать, ѡ҃ни ѿ на́сь подобре́ сотво́раѧть зло́то—ни́е ма́ло и́мь покаже́ме, а ѡни́ на мно́гѹ разѹмева́ють, и вели́ка по́мощь и́маше ѿ ныхь, и вьси́ наши ра́боты вели́ки ѡ҃ни совршаю́ть, и мно́гѹ по-

мощь имáме ѿ магéсници. ние рéкохме да ги наѹчиме, а ѡни́ пóхитры станáха ѿ нáсь, и ни́е бéсове оубоѧхмесе ѿ магéсницы жéни, понéже ѡни мнóгѹ неглоби́ви дѹши прелащáють и прïведать ги при нашего господи́на; коли́ко мѹжие и́мать ѹ мѹката, повéке есá ѿ жены́ прелащéны, нéжели ѿ дрѹги грéхь, тáка ни́е ѹчиме жени́те. догдé са мла́ди да се наки́та и да се пременѹвать да прéлащáють неглоби́вы дѹши, егдá се застареѧть, ѡни стáнать магéсницы, и стáнать лю́ты и сръди́ты, пóчнать да клня́ть и да се закли́нать, и да непрощáють ко(и) имь нéщо согреши́ть. Таквá словесá рéче врáгь ѡномѹва дѹхóвникѹ, и невúдимь бúсть. и азь помнóгѹ зéмли ходúхь, и нéсамь видéль толúко мнóгѹ магéсницы, кáто оу тáѧ наша зéмлѧ бльгáрска, и самовúлы и бродницы. по дрѹги земли́ и́мать дрѹги грéхове, но лéсно прихóдать на покаѧни́е, понéже неи́мать потéшки грéхь, егдá се ѿвержéть чл҃вéкь ѿ хр҃а; кои се ѿрицáють ѿ хр҃та бога? самовúлы и бродни́цы и магесницы, и кóйто хóдать на ны́хь, и и́скать лéкове ѿ ни́хь; тúѧ сá протúвницы бж҃ïй, и бéзьбóжницы и́долопоклóницы: таквúѧ, егдá се покáють, такóва покаѧние да покáжать, да се ѿрéчать ѿ глы дéли и враговщúны, ѩко же ѿрекóхасе во врéме крщéние своé, и да прокленѹть магúй, и самовúлы, и бродни́цы, и баснáрки и вьсака билáвища и васáка и́ние врáжко начинáнïе; егдá такóвае покаѧнïе сотвóрать, и до врéме да имать запрещéніе, и тóгда да ги прïéметь попь оу црк҃ва, да и́мь даде нáфора и пречещéне.

Слово д҃ ráди slы́ жéны.

Помислыхь да сéднемь да напúшемь, колúко враговщúны твóрать жени́ рáди чародеáніе, и воспоменахь премѹдраго соломóна, понéже и ѡнь почé да исьпúшетъ колúка враговщúни и́мать жени и неможé да изпúшеть, и рéче: áще кóй мóже да препúшеть песóкь мóрскы, ѡнь мóжеть да препúшеть и жéнски враговщúны; и азь помислы́хь, егдá премѹдрыи соломѡнь оубоáсе ѿ жéнскы враговщúны, и азь приста́нахь писáти, тъкмо хóщѹ да рéкѹ рáди slы жéны; неи́мать дрѹго ни́щь пóзло ѿ slá

же́на: сла́ жена́ самѵ҃шнѫ ѿ҃чи извади́; гла́ жена́ премѫ́драго соломѡ́на преласты; гла́ жена́ прекраснаго і҃ѡсіфа на пра́вда ѡсѣ́ди́ и вь темни́ци затвори́; гла́ жена́ лѫка́ва іезаве́ль навѣ́ѳе́ на соме́рть преда́де; ѿ҃ гла́ жена́ проро́къ илі́а́ крі́е́ше се по гора; гла жена́ предите́ча і҃ѡанна кр҃ти́тела ва темни́ца посе́че; гла́ жена́ цр҃ца е҃ѵдоѯі́а ѡбщаго вьселе́нскаго ѵ҃чи́тела нищьлюби́ваго і҃ѡа́нна златоѹ́ста ѿ҃ престо́ла изгна́, и на заточе́нїе посла́. гла́ жена́ цр҃а не бои́тсе, сщ҃е́ника не срамла́етсе; а́ще есть бога́та, ни́кого не боитсе; а́ще е҃сть сиромаси, вьса́каго оукора́е҃т и присмиваетсе. —

И и́мать не́кой ѿ҃ ны́хь и гово́рать: пе́ть пры́сти б҃г҃ъ ѡделе́ать. ѽ҃ лѫка́во дерзнове́ние, ѽ҃ ѵ҃ста́ хѫ́лна и незагражде́на, ѽ҃ ѕи́кь скве́рнь, ка́ко возможе́ таквиа́ горки и хѫ́лни речи́ да изрече́ на созда́тела бг҃а? ѽ҃ і҃ди, слави́мь твое́ до́лго герпе́ни́е, како то́а ча́сь непогѫ́би́ тако́вого хѫ́лницѫ; ѽ҃ землю́, ка́ко терпе́ни́е и непоглетна́ ѕ҃ко́же даеа́на и авиро́на та́ква хѫ́лница; ѽ҃ н҃бо, ка́ко непѫ́щи́ ѿ҃гнь сави́ше, ѕ҃ко́же вь дны і҃лий пророкь, да изго́рить та́квиа хѫ́лница҆; ѽ҃ ка́мение, ѽ҃ древе, ѽ҃ исто́чницы, ѽ҃ езе́ра, ѽ҃ мо́ре, ѽ҃ вьса́ зда́ние бж҃і́е, ка́ко стрьпехте, да се рекѫ́ть таквиа нестрьпе́ни хѫ́ли на созда́тела вашегѡ; ѽ҃ кр҃щени вра́зи, ѽ҃ бг҃омирскы досади́тели, ѽ҃ антихри́стови ѵ҃ченицы и а́дови наследницы, пе́ть пе́рсти ре́че бг҃ѵ҃ надви́ва҃т. ѽ҃ безѫ́мна и несмисле́на же́но, ко́й созда́де ти́а пе́рсты, и како́ возмого́ша ти́а пе́ть пе́рсты да ѡделе́ать созда́телю сво́емѫ; ѽ҃ безѫ́мни же́ны и несмисле́ни, снижихте бж҃ство и похѫ́лихте на вьсемогѫ́щаго бг҃а, а вра́га похвалихте: да не вмени́ть бг҃ъ ва́ше безѫ́мїе; тако́вимь вели́ко пока́ание требѫ́еть да би́ се сподоби́ли мило́сти бж҃ію и ч҃лвеколю́бие мно́гѫ́терпели́вомѫ б҃г҃ѵ҃ на́шемѫ слава ч҃ть и поклоне́ние вь вѣ́кы вѣ́кѡ́въ ами́нь.

Слово ѕ҃ похва́лно, до́бры же́ны.

Вче́ра мно́гѫ́ оукори́хме гли́те жени, поне́же така есть прилично, глите да се оукорава́ть, да се неѫ́множава́ть, и добродѣ́тель вьсе́гда подоба́еть похвали́ты: неѫ́кора́етъ писаніе наре́дѫ́

въси жéны, но ѫкорáеть кóито твóрать гло. ѿ жена́ бúсть клéтва и вьсемѫ мирѫ ѡсѫждéнúе, ѿ жена́ пáки бúсть вьсéмъ мúрѫ бл҃гословéнїе, оуслы́ша ева: вь печáли родúши чéда, оуслы́ша дв҃ица марїа: радѫйсе ѡбрадована҃ гд҃ь с тобою; и женú бúша мѵ̈роноси́цы, и стрежáхѫ гро́ба хр҃това, и а҃г҃гла сподобúшасе видéти и бúша проповéдницы вьскр҃ние хр҃тово, и помнóгѫ жены просїáша въ постничéство, преподóбно и прáведно пожúвеша и б҃гѫ ѫгодúша, и дрѫги мнóгѫ жéни мѫжествéно подвизáшесе и хр҃та рáди крьвъ свóй излїáша, и мѫченúчéскы вѣнчáни бúша, и мнóго жéни бл҃говéны, и бúша нищолюбны; и сáмь апостоль петáрь похвалáеть нищолюбúвою загрáдѫ и нищолюбúе рáди воскресенúа ѿ мéртвихь, и рéче ей: востáни заркѫдо, тéбе рáди плáчать сúроты и вьдовúцы, нúщи и ѫбóги неѡставлаютъ тебé да те глéдать мéртвѫ, но востáни, ѡще да ймь послѫжúшь, ещé да твóришь милостúна. такожде и превомѫченица ѳéкла, ѿ е҃і҃. годúны последѫвá а҃пл҃ пáвла, и до стáросты а҃пл҃тосьскы проповедѫваше име хр҃тово; а҃пл҃ пáвель пúшеть кь кориньѳéному, ѳ҃і глáва вь пéрвое послáние, како последовáхѫ емѫ акúла и жена его прискúла, и ѡны апостóлскы проповедѫвáха, и дрѫги мнóгѫ жéни благоговени и богáти оугодúша б҃гѫ, ѥкоже и меланúа римлáнина: ѡстáна ей ѿ родúтеле свои. в҃і. хѵ̈лáдь жльтúцы, и все раздáде ги на нúщимь и ѫбóгимь, на сúроти и вьдовúцы и по ц҃ркви́, и самáсе затвóри вь една тéсна кéлиа, и вь ѳ҃. чáсь адéше хлéбь и водá пúеше, и тáмо предáде д҃шѫ свою вь рѫце бжíй. И дрѫги жéны оудержáха ц҃рство, ѥкоже ирúна сáсь с҃на своéгѡ констандúна, и собрáха ҁ-ми соборъ т҃ѯ҃є. ѡц҃ы и проклéха иконобóрцы, а кóито поклонáютсе на чт҃ный иконы, тúа нарéкоха православны хр҃тиане; и по смéрти ц҃ра аркáдиа ѡставú. д. щéрки: пѫлхерїа, халкúа, аркадиа, мариа и единаго с҃на на ѡсьмь лѣта, ймéнемь ѳеѡдóсиа, но сестрá ѳеѡдóсиѡва пѫлхéрúа неѡженúсе, но ѫдаржá ц҃рство, донéлиже прїúде ѳеѡдóсиа на возрáсть; бéше пѫлхéриа ѳ҃і҃. лѣта, егдá оустроеше ц҃рство. такóжде и ц҃рица ѳеѡдора оударжá ц҃рство, и собрá соборь патриáрха меѳóдиа, и проклéха кóитосе непокланáють на чт҃ни ико-

ни, и та́ка оутверди́ха права славие. видите ли, коли́ко добры́ же́ни и блгочтивы бгъ оугоди́ша, ти́а вь но́вѣмь блгодеты би́ша; а вь ста́ри зако́нь мно́гъ добри́ и бгъоугодны же́ни има́ль, ꙗкоже авраа́мова жена́ сара и їсаа́кова же́на́ реве́ка, а҃нна мты бц҃ы и съса́на и анна ма́ти проро́ка самъи́ла, ꙗкоже рече хр҃то́сь ѡ лъки стое ев҃ли́е глава д҃. поистина гл҃ю ва́мь, ꙗко мно́го вьдови́цы би́ша вь дны илиины, егда заклъчи́се не҃бо на три́ лѣ́та и ше́сь месецы и би́сть гла́дь по всей земли́, и ни кь единь посла́нь бы́сть или́а, тькмо ва сарефѣ́ъ сидо́нскꙋю кь же́ни вьдовицы. Слишите, каквы́ жени́ добри́ има́ло и вь ста́ро време, ꙗкоже и пре́жде ре́кохме, и вь ста́рь зако́нь и вь но́ваго проси́аша и бгъ оугоди́ха, и вьсе́гда хо́ще҃ има́ти добры и бгъо́угодны и блгоговѣ́ни же́ны: ꙗкоже сре́бро и зла́то сокрьве́но есть, така и добри́ ра́би хр҃тови мно́гъ има́ть покриве́ни, тькмо еди́нь бг҃ъ зна́ет ги, а зло́ба не може҃ да се скри́еть. тогѡ́ ради, да ра́диме, добро́ да тво́риме и бгъоугодно да живе́еме, да се сподо́биме и вѣ́чни жи́воть полꙋчи́ти; бг҃ъ на́шемъ сла́ва ч҃ть и по́клонение во веки вѣкѡ́вь ами́нь.

Сло́во. ѕ҃. ради жени́ и мо́ми.

Мц҃а iѡли́а, ks, поꙋче́ние ра́ди оукраше́ни жени́ и девицы, како да живеа́ть.

Подоба́еть, же́ни и деви́цы да гле́дать на ст҃ꙋю бц҃ъ, ка́ко поживе́ на то́а ст҃ъ смире́но, кро́тко и блг҃оговѣ́но, и не тькмо да си криа́ть лице́то ѡ мъжи́е, да ги не гле́дать, така́ и́ска и да се срамъва да не се сме́ѧть, и да не дъмать сме́шны ре́чи, и да си затисна́ть оу́шите, да не слъшать зли́ дъми; сли́шите вие, що се нарица́ете деви́цы и и́мате теле́сна чистота́! не тькмо кои́то и́мать теле́сна чистота́ нарицаю́ть чи́сты, но кои́то и́мать дъшевна чистота́, ти́а нарица́ютсе чи́сты; что хощеть да рече́ть чистота́ теле́сна и чистота дъше́вна? прьва́ чистота́ дше́вна есть с ме́ра ꙗ́стие и питие, вто́ра чи́стота́ воздержа́ние ꙗзика: неосуждай ни́кого, неклевета́ти, неѡбитова́ты, не прислъшава́ти, не льга́ти, не празнослови́ти, недрьжа́ти пизма, не дрьжа́ти зло на сре҃це, не дава́ти зло за зло́ ни клевета́ за клевета́; егда́ и́мать ти́а добрыни,

щó сме рекли, тогá е почтéна, тогá е оукрашéна, тогá е пременéна.

Оуслы́шите ви́е мóми, услы́шите ви́е жéни, что говорить а̑пль пáвелъ вь ѣ̄ глава кь тимоѳéю пéрва послáние, тако рéчé: хóща оубо да молúтва твóрать мѫ́жи на всáкомь мéсте, воздéмте рѫ́це свои́ бéзь гнéва и размишлéние́, тéмже и жени́ вь ѫкрашéние лепóтомь са̑ стидениéмь да ѫкрашáютъ себé, не вь плетение власъ, не злато и сребро, или́ ри́за мнóгоцéна, но ѥкоже подобáеть женáмь обещаваю́щимсе бл҃агочестию дѣ́ли бл҃ги; жéни вь безьмлъ́вие да ѫчáтсе сь васáкимь покорéниемь; женáмь неучи́ты повелѣ́ваю, ни владáти мѫ́жѫ своемѫ́, но би́ты вь безмóлвие: адáмь прéжде создáнь би́сть, потóмь ева, жена́ прелести́се, и въ престѫпление вьпáде; чѫ́хтели кáко оучи́ть а̑пль: жéни и мóми да не украшаютсе са̑ злато и са̑ срéбро, и бисéромь и многоцéны одéжди, но дá сте честни и почтéни, и сь добри́ми дѣ́ли оукрашéни; що хóщеть да се речéть, егдá поставлаете гри́вни на рѫ́це? егдá простираéшь рѫ́це сво́й на милостина и дрѫ́ги добри дéли твори́шь, тóгда носи́шь злáтны гривны; егда слѫ́шашь законь и бои́шьсе бг҃а, тóгда нóсишь злáтни ѿбецы; егдá неѡсѫ́ждáешь, неклеветáешь, ни кльнéшь, тьгда нóсишь злáтны гердáнь; егдá воздръжишь ѿ слáстолюбие, тóгда носи́шь позлáтень пóась.; егдá оустроѧешь домь сво́й бл҃гочéстно, тóгда носи́шь многѫ́цены премени; егдá совръши́шь зáповеди бж҃ій, тóгда да речéшь: товá бехь длъ́жна и товá твори́хь, дрѫ́го ни́що добро́ нé са сотворила. егдá тáка сотвори́шь, тóгда покрива́ешь главѫ́ твою́ са̑ сви́лено забрáда, тогдá те покрива́етъ бл҃годáть бж҃ій, тогáй твóй мѫ́жь слàвень бѫ́деть междѫ́ нарѡ́да с тóбою. Оусли́шите ви́е мáйки, кои́то и́мать моми́, кáко прили́че да ги оу́чите, дá се оукрашáють са̑ дѫ́хóвно оукрашéние, сірѣ́чь да и́мать на себé бл҃говéнство, вéра и надéжда на всéси́лнаго и всемѫ́гѫщаго бг҃а, и да се смирáють, и да се срамлáють, и да е҃ѫ́ оукрашéны и пременéны са̑ добры́ дéли, и да не говóрите празнослóвие и смéшни рéчи, и да не кльнéте, и да се не заклинáйте и да не хóдите по самови́ли, или по баснáрки, или́ да залагáте, или́ да ѡтвáрате

кни́гы на по́па, или́ на хо́ща, или́ на бѫ́ла, или на билѧре; ко́й ѿтвара е҃ли́е на по́па три́ годи́ни да се непрече́сты, и то́ѧ по́пь да не попо́ва, ѩкоже ре́че с҃тый иѡаннь златоу́сть. ѩко́же ре́кохме, да не гле́дате, да се оучите ѿ҃ ѡни́ѧ же́ни и мо́ми, що́ ѡбичать на то́ѧ све́ть да хо́дать премене́ти и измие́ни, ама́ на ѡнай све́ть хощать да са дри́пави, и го́ли, и гнѫ́сны, и гро́зни; и ѡни́ кои́то са често измива́ли, че́сто оу ба́нѧ ходи́лы, и тр҃а́ли меризми́ на се́бе, та́мо хо́ща҂ да смарда́ть, и да са гро́зны, и що́ са носи́ли сре́бро и злато на се́бе, та́мо ща́ть да ста́нать змы́й лю́ты да ги ѩдат, по раце́те, да имь гло́ждать пр҃стите, да им се оувива́ть ѡколь ши́ата, да и́мь оула́зать оуши́те, да имь ходать по ѡбразете, да им се зави́ва҂ ѡко́ль снага́та, ка́то по́ѧсь; това́ тако че да и́мь бѫ́деть, защо́ непогледна́ха на прьвните же́ни и мо́ми: не ли́ са́ра авраа́мова жена́ толи́ка бе́ше бога́та..... г҃ди, за́що не ре́че писа́ние, ка́ко но́сеше са́ра на себе́ зла́то и сребро, и да е ходи́ла измиве́на и наки́тена, ама́ ре́че писа́ние, ка́ко сама́ готви́ла и сама́ ме́сила, и слѫгѫ́ваше на го́стие; ако би би́ла променета́ и наки́тена, како́ би́ла слѫгѫва́ла; та́кожде и но́йна снаха́ реве́ка, жена́ исаа́кова, та́кожде и анна ма́ти самои́ла проро́ка, а не са̑ черви́ло и бели́ло, и зла́то и сре́бро, и мно́гоцени дре́хи оукраше́ни. жена́ дрѫ́ги гре́хь да не чинать, тъ́кмо да но́сить злато и сре́бро и хѫ́бави дре́хи, и да тр҃ать черви́ло и бели́ло, това́ имь со́сѹва да и́дать оу пеклото. Ѩкоже ре́кохме пре́жны же́ни неи́маха сре́бро и зла́то, тыи да се оукрашаю҂ с не́го и да ѧдать, и да пи́ѧ҂, но дава́ха го на ни́щимь и оубо́ги. емѫ́же сла́ва подоба́еть чт҃ь и поклоне́ние ѡц҃ѹ и с҃нѹ и с҃томѹ дх҃ѹ и ны́нѣ и присно, и во ве́ки ве́ковь аминь.

Сло́во ѳ҃ ѿ҃ кни́га іѡвля[1]).

Послѫша́йте бл҃гослове́ны хр҃тиане, что ре́че писанїе ра́ди праведнаго и бога́таго іѡва, коли́ко сто́ка и́маше, гове́да и ѡ҃вцы, и камиле, и коне, и дрѫ́га мно́гѹ сто́ка живо́тна, вь ма́ли дны́ погѫби

[1]) Изъ первой части той же рукописи.

вьсá, и нерéче нéкоѧ хѹ́ла на гд̑а, нó рече: гд̑ь дáде, гд̑ь ѕзé; колико богáтество погѹ́би їѡвъ, и нехѹ́ли, но и ѡще благодари́. Имать ѿ нáсь нéцы, мáло нéкоѧ щéта прїиде имь и пóчнать да хѹ́лаᵀ на создáтелѧ бг̑а свóего: егда прїхóдить имь блáго, немогѹᵀ да познáють ѿдéка пришлó такóва блáго, но рéкѹть ѿ свое радéние прии́де ми богатество, и немога да познать создáтелѧ свóегѡ; егда погѹ́бать, тогдá пóчнать да раптѹ́ть на бг̑а и да хѹ́лать; и почнáть да се хвáлють, какó са сотвори́ли нéкое добрó или сїромáхѹ кора́ хлéбь подадóха, или́ оу цр̑квы свéщь запали́ха, или́ нéкое гд̑не пóмень сотвори́ха, и речеть: такóва добрó сотвори́хме, и ѿдека прїиде нáмь такваѧ щéта? мáлое нéкое добрć да ѕчинать, казѹ́вать; а коли́ко потáена гла и безаконїе твóрать-неказѹ́вать. запалиль еси свещь оу цр̑ква, добрó сотвори́ль еси́; но ѧскорби́ль еси́ сїромáха, и вьниде сїромáхь оу цр̑квá и воздахнá на тéбе, и изгаси́ ты свещь; дáль еси́ хлéбь сїромáхѹ, помени́, какó напльны бг̑ъ твóй хамбáре пчени́ца: мало си дáль, помнóгѹ ти се дало; искаш ли́ да ти непрїиде некое гло́, да не досади́шь сїромáхѹ, или́ на комши́ѧ своего, на сироти и вьдови́цы недосаждай; да не презираéши ни́щы и ѹбóги, да не лѹ́кавѹ́ешь на некоéго; стáрцы почитáй, мла́ди ѩко брáкѧ имéй; роди́теле твóй неѡбесчествѹ́й, ѿ цр̑кви неѿлѹ́чáйсе, на сребролю́бие глѹ́шáйсе, гло́ба ѿ срд̑це твóе ѿжéнай, и лю́бовь на срд̑це твоé насаждáй, странолю́бїе незабивáй, стежи́ братолю́бїе, ѿ истина и правда не ѿстѹ́пáй, ѿ клевéта и ѡсѹ́жденїе далéко бéгай, ради смирéние и покорéние вѣлми́ желáй, ѿ крамóла и мльва ѿ таквиѧ далéко ѿстѹ́пай. сїѧ вьсѧ до кóнца живота́ твоéгѡ саблюдáй; аще сїѧ вьсá добрé съдрьжи́ши, неймать тебé гло прїиты ѿ сопротивника; аще нéкогда и прїи́деть, а ты наѹ́чисе да терпи́шь, а не хѹ́ли. сїѧ вьса сотвори їѡвь и слѹ́га гд̑нь, когá мѹ́ прїидóха ѡнїѧ лю́ти изкѹ́шéни и непохѹ́ли и блг̑одари бг̑а и рéче: бѹ́ди и́ме гд̑не блг̑ословень ѿ нынѣ и до вѣка. аще кóй хр̑тыа́нинь оупáднеть ѕ нéкоѧ напасть, или́ ѕ бóлесть, или́ ѕ нéкоѧ досáда, или́ ѿ ви́димо и невúдимѡ прїи́деть нéкомѹ нéкое гло, на їѡва да взираéть, да се ѹтéшить. тогѡ рáди постави гд̑ь їѡвь, ѩко ѡгледáло прежѧ нáши ѡчи: комѹ́ прїи-

деть нѣкоѧ напасть и теснота, на їѹва да гледать и да се оутешить. аще тако бѹдемь творити, бѹди всемь и прѣтво нб҃ное сподобиты ѡ хр҃те ис҃е гд҃немь нашимь, емѹже подобаеть слава чѣть и поклоненіе со ѡцемь и ст҃имь дхомь нынѣ и присно и во веки вековь аминь.

Слово ради немилостиваго петра[1]).

Въ единь день, седеха просіацы на ѹлице, и помина петарь покрай ныхь; и питаха си единь дрѹгаго, кой ѹзель милости́нѧ ѿ него, и вси рекоша, како несме ѹзели. единь ѿ ныхь рече, аще азь днесь кемь да ѹзмемь ѿ него милости́нѧ, віе що ми хощете да ми дадете? ѡныи рекоша, що бѹдемь днесь сабрали тебе кеме даты; ѿйде просіакь, и стана на врата петрова, и петарь беше натоварилъ на едно мѹле хлебь и дрѹги ѣстїе, и носеше да се гощаватъ по градините сѣ дрѹжина своѧ. кога излезе из врата дома своего, сретна го просїакь и поклони мѧ се до земли, и просеше мѹ милости́нѧ, а ѡнь гонеше го; просіакь небегаше, но ради име бж҃їе просеше мѹ; расрьдисе петарь и потражи камикь да го ѹдари, и неможе да найде поскрѹ камикь, но ѹзе единь хлебь и фрьли да ѹдари просїака; просїакь узе хлебо и радѹвашесе пойде при дрѹжина свой; ѡны, кога видоха хлебо, прославиха бг҃а.

И поминаха два дны, и разболесе петарь, и ѹмре. прїиде аг҃гль и держеше мерило, и постави на една страна книгы написаны негови грѣхове, на дрѹга страна нема що да постави некое добро, тькмо тогѡ хлебъ; егда го постави, натегна мерило, и рече мѹ аг҃гль: сїромаше петре, иди и бл҃годари ѡноговá сїромаха; и паки рече мѹ аг҃гль: аще тоѧ хлебь, петре, не би биль, чеха да те оузмать црьны и немилостивы диаволе, да те заведать вь вѣчна мѹка, и азь не би могаль нищо да ти помогнемь, тькмо помогна ти на тоѧ сіромахь що си фарлиль сѣ хлебь да го ѹдаришь; тогда вьнйде дшá вь тело, и оживе петарь раздаде вьсá своé имéніе милости́нѧ, и робїе и робини вьси прости, и рече

[1]) Есть апокрифическіе черты.

единомѫ рабѫ вѣрнѫ: що́ ти речемь да ме послѫшашь, да ме ведѣ́шь вь іерѫсали́мь, и та́мо да ми речешь, како ти самь ро́бь, да ме продадѣ́шь, и пари́те да раздае́шь на сїрома́си; и сатвори́ ро́бь, ѩкоже мѫ ре́че пе́тарь: прии́де вь іерѫсали́мь, и прода́де господи́на своего́ пе́тра еди́номѫ боле́ринѫ и́менемь зо́иль, и асприте раздаде́ на сїрома́си. Ѡстана́ пе́тарь та́мо, и вса́ка ра́бота рабо́таше, и мачѣ́ше своа́ снага́; где́ бѫдеть промишле́ніе бжіе ра́ди не́го, ѿ африги́ю прииду́ха зо́илѫ го́стіе, и пе́тарь поставлаха тра́пеза; и призва́ зои́ль го́сти́е на трапе́за, и пе́тарь слѫже́ше и приносе́ше блю́да, и позна́ха го го́ске пе́тра, и пота́йно ре́кохa зо́илѫ, то́й пе́та́рь пе́рви бола́ринь бе́ше вь афригїа, — пе́тарь ви́де, ка́ко го позна́ха, и возхо́те да побегне́ть, и бе́ше врата́рь глѫхь и не́мь, затвараше и ѡтво́раше врата́; ѿи́де пе́тарь, и ре́че: вь и́ме гда іи҃са хр҃та, бг҃а на́шего да ми ѡтво́ришь врата́, и ре́че глѫхь да́ ти ѡтво́римь; изи́де пе́тарь, слава́ще и бл҃годаре́ще бг҃а и побе́же. ѿи́де врата́рь, и ре́че зои́лѫ: господи́не ѿи́де ѿ на́сь ра́бь бжіи́ пе́тарь; ре́че ми во и́ме їи҃са хр҃та́ ѡтвори ми врата́, и видо́хь пла́мень из ѫстъ егѡ. и ѡнь зина пла́мень прїи́де до мо́й оуши и ѩзи́кь, то́гда почѫхь и проглаго-ла́хь; ѡнь изи́де и а́зь ско́ро по не́го изидо́хь и ненайдох го. и прослави́ бг҃а, како́ прослави́ свои́ оуго́дницы; емѫ же сла́ва подоба́еть, чтъ и поклоненіе ѡц҃ѫ и сн҃ѫ и ст҃омѫ дх҃ѫ и нынѣ и при́сно и во вѣки вѣкѡвь аминь.

Изъ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Рыльскаго монастыря подъ № 53, XVII — XVIII в.

м҃ць декеврїа. к҃е. ден҃ъ.

Дамаскина инока, иподиакона и ст҃дита слово на просто^{м} е҃зико^{м}. По пл҃ти рождение г҃ъ нашемъ і҃с҃ъ х҃ъ.

Прѝлѝчнѝ есъ празнѝцѝ цр҃ковнї ѩко некоѩ х҃бава ѝ велика градѝна. ѝ ва онаа градѝна да ѝмать многъ красни и разлѝчнѣ цветове и ва онаѩ градина да седитъ цр҃ь облечень ва цр҃ки одежди и да прѝе҃ѝваеть чл҃вци и да беседъ҃еть са нимь ѝ колѝко чл҃вци оулаз҃ать ва онаѩ градина, имъ҃ть велика радость, како оулез҃оша оу таковою красною градинъ҃, како померѝсахъ҃ таковѝ краснѝ мерѝе҃мѝ, како видеха и цр҃во лѝце, како почъ҃ха и цр҃ева беседа, таковѝ есъ праз҃ници с҃тимь. и паметь праведни^{м} градина сась многъ҃ и разлѝчно цветѣе оукрашена с҃та наша цр҃ква нарѝцаетсе, цветие есъ праз҃ници с҃тимь, ѝлѝ мч҃нико^{м}, ѝлѝ прподобни. ѝлѝ др҃ъгѝ некоѝ ѿ с҃тимь. цр҃ь же ѥ҃ г҃ь нашь і҃с҃ хр҃тось оукрашень и початень сп҃ѝтель васемъ миръ҃, врачь ѝсцелитель васемь чл҃вкомь ѝ жи҃знодавць на васа вѝдѝма ѝ невѝдима. на васѝ праз҃ници с҃тимь, ѝмаме радость и веселѝе, ѩкоже премоудрѝ соломонь рече: егда се похвалѩвать с҃ти, рад҃ютсе людие; на ва господскѝ праз҃нѝцѝ, повелика радость им҃ть благочьстивѝ хрѝстѝане, понеже цр҃ки праз҃никь празн҃ъемо, цр҃ъ почесть творѝме: ѩкоже ѥ҃ велѝкѝ праз҃никь, тако и почьсть велѝка треб҃ъеть да твори^{м}. васакомъ҃ хрѝ-

стїанинѫ прилично ѥ, да празнѫеть и да трьжествѫеть дховное трьжество, и които са оугодни царѫ христѫ богѫ нашемѫ, таково трьжество трьжествѣмь такови празникь празнѫемь. и како се нарицаетъ тоѧ праздникъ? нарицаетсе богоѧвление понеже ѧвисе бъ на земли, понеже днь видими на земли ѧвисе родѫ чловѣчскомѫ; бь никое начело неимать, днь ва лето раждаетсе: кое дрѫго почѫдно, кое дрѫго пославно. кое дрѫги (sic) попофално, кои да почѫеть и да се непочѫдить, кой да се смисли и да се неоудивить, бъ да станеть човекь? и да се речеть, страшоо ѥ и да се оуслишить дивно ѥ, почто ради и за коѧ вещь да станеть бъ човекь: ради наше добро, ради наше спасение и да избавить насъ ѡ работи вражие; понеже ѡ начела богь адамѫ васака и многа добра сатвори мѫ и дарѫва мѫ и десеть дѫшевні сили, иже ги имать и васакь човкь. г. сили нарицаютсе єсатьвна, понеже сас нихь бивааеть и растеть и живеѣть човкь и зачинаетсе и раждаетсе. втора сила ѥ питателна, си рѣч питаетсе човкь. трета сила ѥ, иже растеть човкь ѡ мало и станеть големь. и тие сили и скоти имѫть и питаютсе, и возьвращаютъ. и дрѫги д. сили нарицаютсе животни, понеже сас нихь можеть живь бити човкь: и прьва ѥ, егда човкь васегда радить и мислить васегда за добро, и избираеть доброто ѡ злото и злото ѡ доброто, тогда онаѧ сила нарицаетсе доброизволителна; и вавтора сила нарицаетсе животна и ради христа да речеме, како саветь имать, понеже нигогда (sic) невасхоте зло, васегда добро желаше и люблѧше. трета сила ѥ ѧрость, ѧкоже рече григорияѧ богословъ: даде намь богь гневь и ѧрость, не на човка да се гневаеме, но на врага и на сѫпостата нашего — на него да се гневаемь, него да ненавидимь, на него да мрьзиме, понеже онь намь многѫ зло ѥ сатвориль и извади насъ ѡ раѧ, той насъ приведе на таѧ многопечалнаѧ и многотрѫднаѧ земляѧ; ради него даде бъ намь ѧрость, а не на човка да имаме гневь, и да се гневаме на брата нашего, иже ѥ саздание божие и есме едина вера едино крещение. четвертьта сила ѥ возьжделение: да желаемь васегда за добро за прьвое наше ѡтчство, си речь за цртво нбное. тие есѫ четири животни сили. дрѫги петь сили нари-

цаютсе разѹмни, и сас нихь можеть чл҃вкь да разѹмѣть и да познаеть и добро и зло: прьво є҃ невидима вещь, второ є҃ мнение, трето є҃ слава, четврьто є҃ сатворение, пето є҃ ѹмь. що нарицаетсе зрение? єгда видить чл҃вкь некоѭ вещь и познает го, какова вещь є҃. слишание є҃ егда невидить чл҃вкь некоѭ вещь, или ѿ дрѹгаго чл҃вка оуслишить, или ѿ ѡнаѭ вещь гла҃ оуслишить и разѹмѣть и познаеть какова вещь є҃. мери́зма нарицаетсе, єгда померише чл҃вкь некоѭ вещь и познаеть ѭ, или на хѹбаво мерише или на зло. вакѹшение нарицаетсе, єгда видить чл҃вкь некоѭ вещь и мислить, да ли е благо, или е кисало; егда го вакѹсить, тога познасть, горко ли е, благо ли е. осезание нарицаетсе, егда чл҃вкь ѳанеть сась рѹка некоѭ вещь и познаеть ѭ или е жешко, или е стѹдено, или е тешко, или е леко.

Истлькѹвахме петь зрителни вещи. мьчтателно нарицаетсе, єгда чл҃вкь видить некоѭ вещь и многѹ дн҃и мислить за него; и мете мѹ се ѹ паметь чл҃вкѹ, нарицаетсе єндиѭтетось, понеже чл҃вкь две речи имать: єдина речь є҃ таѭ, коѭто беседѹеме, и едi҃нь дрѹгаго слишимь, дрѹга речь є҃, егда чл҃вкь самь ѿ себе разѹмеваетъ; аще и що речеть сась такова речь, видить и беседѹеть чл҃вкь на сн҃ь; аще и що видить, слава сѹгѹба є҃, сиречь, некои оуслiша, како помрькна сл҃нце, и паки незнаеть, како помрькна; то нарiцаеть безьсловесни ѿвѣтъ: сась слово саврьшаетсе ѿверь; єгда знаетъ чл҃вкь, ѿгде погина сл҃нце, по неже лѹна стоить подь сл҃нца, и недаеть емѹ сти́ти, сл҃нце ѡдесною идеть, и лѹна подоле є҃ ѿ сл҃нце; того ради неможеть сл҃нце сти́ти. Деѭние нарицаетсе, егда некто ѹслiшить ѿ дрѹгаго чл҃вка, како некои силни царь побеждень бисть ѿ дрѹгаго цара с мала сила: стоить чл҃вкь тогда и чѹдитсе, да ли є҃ истина, или є҃ лжа; таковое помишление нарицаетсе деѭниѭ. єлiка деиствѹють и садевають едина тиѭ десети сили, ради разѹмъ работають и помагають, и є҃ разѹмь. ѭко царь на отрадѹ тькмо ва ѭвлени и сведетелствовани вещи хо́дить оумь, сиречь, како є҃ богь благь, како сл҃нце сиѭеть, како чл҃вци есѹ сѹетни. Тие .в҃i. сили даде богь адамѹ да жалееть доброе, да любить изредное, да мислить за правда, да промишлѭеть, коѭ вещь є҃

ꙁа потреба, да биваеть ѿ небитие ва битие, да питаетсе дш҃евно и телесно, тело да питаеть сась ѥстиѥ, дш҃ѹ да питаеть сась слово божие, да ваꙁращаеть тело и добродетель да умножавать ва свою дш҃ѹ, да раꙁсѹждаеть, кое є҃ добро и кое є҃ ꙁло, да гневаетсе на врага, да желаеть ꙁа цр҃тво нб҃ное. Того ради дарѹва бь адамѹ .в҃і. сили. и рече мѹ: адаме васа моѥ ꙁданиѥ даю ти, да бѹдѹть подь твоѥ волѥ, да ꙁаповедаеши и да истеꙁѹеши ꙁа бж҃тво; ѿгде начинаетсе и како є҃ това, никако да непомислишь, ниже да речеши; ѡнже непослѹша тиѥ божие ꙁаповеди, и тамо где не беше мѹ подобно и прилично, тамо поче да мислить и васкоре, ѥко престѹпника иꙁгнать бо҃ иꙁ раѥ.

Тако бо҃ престѹпление адамово; аще и инако бѹдеши тлькѹвати, не бѹдеши сагрешити, понеже раи и древо раиско, поꙁнати добро и ꙁло, ѥкоже чл҃вкь и видимь є҃ и невидимь: имать тело и нарицаетсе и є҃ видимь; имать дш҃а и нарицаетсе невидимь; такожде є҃ и древо раиское, и видимо и невидимо, ѥкоже григориѥ богословь рече: вьꙁревь на садовнии и виде ѥко красно бе, и богь ненасади ꙁло да бѹдеть ва соблазнь, ѥко же богомрски порфириѥ рече, ниже ꙁавиде богь адамѹ и недаѥше мѹ да ѥдеть ѿ раꙁѹмное древо, да не станеть ѥко бь; на ꙁаконь положи богь адамѹ, да ꙁнаеть, како иматъ надь себе господина и начелника на вьса ꙁданиа своѥ, сатвори го господина и начелника; тькмо едина мала ꙁаповедь да сахранитъ. ѡнже непослѹша ꙁаповедь божии и оуслиша ѕмиѥ и ꙁломисльнаго врага, коитo мѹ васегда мислить ꙁло, него послѹша, того ради иꙁгнать бисть иꙁраѥ, сиречь егда испаде есѧство чи҃ское ѿ ꙁаповеди божие и оуклонисе на грехь на беꙁакониѥ и наоучи се чл҃вкь на зло, и ктомѹ не ваꙁьхоте добро творити, нь васегда телесна оугодиѥ твораше: блюдь, прелюбодѣиство твораше, оубиꙑство, крьвопролитие, крадение, ненависть, ꙁависть, идолопоклонение; тие ꙁли и беꙁакони дели ва онаѥ времена имаха ги ꙁа почесть и ꙁа похвала: кои повече ꙁло твореше, немѹ повелика почесть творахѹ. никои непокланѧшесе богѹ, ни ти ꙁнаеха, че има богъ.

Такова ꙁла требѹваша имь исцеление. никои не можа некѹмѹ

да помогнеть, да го избавить ѿ вечна мѫка, ни самь себе неможеше чл҃вкь да помогнеть последи големо зло, и лекѹвание искаше. Тогда виде богь саздданае свое мѫчима ѿ дим҃вола, изволи сн҃ь и слово божіе и ваздхоте вапльтитисе ѿ чистіе васегда дв҃ици марию, стана сиромахь да обогатить насъ сиромаси; и инкое добро дело неимахме на себе; въ пещера родисе, да очисти дш҃и наши, иже бехме пещери, иже беха оу насъ врагове и бесове и вьсака неправда и нечистота, землю ѡсти, вьздѫхь прости: земл҃а бешс скврьнена ѿ жрьтви, иже творехѫ чл҃вци идоломь, вьздѫхь беше потемнель ѿ ди҃м и ѿ смрадь идолские жрьтви; вь м҃сли положень бисть, да избавитъ насъ ѿ бесловесние страсти. чюдо преславно! сьврьшень богь, несьврьшень младеньць видитсе, безначални начело приемлеть, невидими видитсе дн҃ь: того ради и вса тварь дари приношають рожденномѫ—небеса звезди дають, аггели хваление приносѫть, земл҃а пещерѫ-пѹстиню, м҃сли пастирие, чѹдо! чл҃вци бц҃ѫ марию, понеже хотем҃ще богь всѣ землю прост҃ить, и на вьси єзици да приведеть вь богоразѹмие; того ради и вльсви дари принесоше, того ради ѿ далеко идем҃хѫ вльсви и на мнозѣ єзици м҃вихасе и проповедахѫ рожденаго х҃а, того ради и агг҃ли сѣ чл҃вки трьжествѫють и хваление вьздають христѣ, и вльсви ѿ персиди дари приносѫть, понеже дн҃ь пророкомь вьас пророчениа сьврьшишасе: дв҃а, иже рече пророкь исаїа, дн҃ь ем҃маноила ѿ дх҃а ст҃а зане и раждаетъ, м҃коже онь самь вьздхоте; пророкь иеремиа дн҃шни дн҃ь прорече: «сьи богъ нашь, и не прикьснетсе инь къ немѫ, изьобрете всакь пѫть хѫдожества и дарова їаковѣ отрокѫ своемѣ іср҃лю вьзлюбленномѫ своемѫ», и паки потом҃: «на земли чл҃комь м҃висе и са чл҃ки сачетасе, паки ради тои день». ісаіа пророкь пророчествѫетъ: «изиде жьзль ѿ корене іесеова и цветь ѡ корене процьв҃те, и ночи на немь дх҃ъ премѫдрости, и самисльство и разѹмь». жьзль іесеовъ бц҃ѫ нарицаеть, она беше ѿ корене іесем҃ва; цветь ѿ корене процьф҃те, г҃ь нашь іс҃ х҃с испльни благооухание рода чл҃вчскаго. паки тои пророкь провиде и рече. «отроче родїсе намь, и синь дастьсе намь, емѫже властъ бисть на раме его и мирѫ его несть предела, и наречетсе велика сьве-

та а҆г҃гла, ч҃денъ сьветникъ, богъ крепькъ; вл҃ка, кнезь мирѫ, ѡтц҃ь бѫдѫщаго века». Ради дн҃ьшни дн҃ь и пророкъ михеѧ пророче: «и ти виѳлеѣме, доме михеѧтовь ничи҃ мьнши еси вь влк҃ах ѝоудовахъ, не мьнши еси, еже бити еньхилиашинь іюда; ис тебе изидеть влк҃а вождь бити кнезъ ісрл҃ю; изъходь его из начела. ѕ҃. тї дн҃ь века»; ради таѧ речь противлѧютсе препорици іоудеиски, и говорѫть ради ꙁоровавела тако рече пророкъ. и по правдѫ, ради҆ то льжѫть: понеже ꙁоровавель не родисе въ виѳлеѣмь, нь оу вавилонь родисе; нь и пѫти є҆го не беха ѿ начела, ѧкоже скаꙁѫеть пророкъ. Ради х҃а, ради тоѧ радостни дн҃ь, пророкъ данїль царѫ навьходоносорѫ рече: «хощеть да се родить царь на҃ всеми царие, да сакрѫшить и да раꙁрѫшить цр҃твие члвч҃ка, кои того непочи́тать и непокланѧѥть мѫ се». вьсѣ пророци прорекоша ради дьн҃ьшнаго праꙁника. Тькмо нѧ да непродльжаме сло́во, изъо́ставлѧемо пророчества, да не проидеть многѫ време скаꙁъвати; пророчества праꙁдникѫ ѡставихме.

Ѳ҃ꙁде хощѫ начети скаꙁѫвати и нехощѫ ни мало нещѫ ѿ себе скаꙁати, нь є҆лика повелеваеть ст҃ое и бж҃твное є҆ѵ҃гл҃іе. тькмо изъоставлѧю го; пото҃ хощѫ го скаꙁати, и сега хощѫ да скажѫ, како препитана бы́ бц҃а въ ст҃аа ст҃имь, како сьтвори. вї. лѣта тамо, како а҆г҃гль носеше тамо пищѫ. Є҆гда се обрѫчи іосифь оу девицѫ марию, мало време минѫвь, и видевь ю҆ како ѥ҃ непраꙁна: и ѧко правен҃ь иже беше іосіфь не вьꙁъхоте да ю ѧвить предь члвки, нь помисли криома да ѧ ѿпѫстить. Вь онаа нощь, егда помишлѧше іосіфь да ѧ испьдить, прииде ѿ бога а҆рхан҃гель гавриль и рече мѫ: «іосіфе сн҃е давидовь, нищѫ да ѐ не оубоишъ; тькмо оуꙁ́ми девицъ марию, и добре и почесно чѫваи ю, понеже она ѿ дх҃а ст҃го ѥ҃ тешка и хощеть да родить сн҃а, име емѫ е҆мманоиль; и ти да мѫ наречеши име і҃с, понеже онь хо́щеть да спасеть рода члвч҃каго ѿ прегрешенїе». Є҆гда сабѫдисе іосїфь ѿ сьн҃а, сатвори ѧко же порѫчи а҆г҃гль.

И въ онѧ днн҃ изиде повеление ѿ авгѫста кесара, да се напи́сѫють вьси члц҃и вь свое ѿтьчьство, и вьси члвци да напишѫтсе подь повеление царево. И вьсаки идеѧше ѿ свои градь и напи-

сѫвашесе. Ѿиде іосіфь ѿ галилеискаа страна, ѿ назареть вь витлеѣмь и ѡнь да се напишеть сась обрѫчницѫ свою девицѫ марию, иже беше ѿ рода давидова; єгда се написаха, приіде време да роди девица мариа: и оулезе ѫ една пещера; тамъ пещера беше широка и голема, и пѫтници оу нем кондисѫваха; тамо оу онамъ пещера госпожда и дв҃а бц҃а роди г҃а нашего і҃са хр҃та и пови го и положи го вь ꙗсли, тамо где ꙗдеха безъсловеснии скоти; тамо близѫ беха овьчаре. и вь онам нощь бдехѫ и стрежаха овьци свои; и ꙗвисе а҃г҃гль пре҃д нихь и сѣ ѡблиста ихь, и они оубоꙗшасе страхо҃м велики҃м, и рече имь а҃г҃гль: «не боитесе, реко҃ вамь — велика радость биваеть днь вьсемѫ миръ, понеже днь родисе х҃с҃ всего града давидова, и се да имате и добро знамение: идете оу пещера да наидете негова мати и христа повита, ꙗко отроче; и тако сась оногова а҃г҃гл҃скаго гласа множество а҃г҃гли оуслишахѫсе како поꙗхѫ и благословꙗхѫ и славꙗхѫ и гл҃ахѫ: «слава вь вишни҃х богѫ и на земли миръ вь чл҃вце҃х благоволение». єгда оуслишаше пастирие таковаго гл҃а, рекоша: «приидете, да идемь до виолеѣмь, да видимь да лї є истинѫ това, що ни се рече»; и ѿидоха и нападоха, ꙗкоже имь а҃г҃гль рече.

Вь онам дни прiйдоша троица магесници и звездоброици ѿ вьсточнаа земла вь иерѫсалимь и питахѫ: где і҃с҃ царь, иже се і҃с҃ родиль иѫдео҃м? видехме негова звезда на васточнаа страна и ѿтамо станахме, идеме да мѫ се поклонимь». єгда оуслиша ирод царь оубоꙗсе и призива вьси а҃рхиереи и книжници и вьпроси ги: писание где глаголеть, како хощеть да се родить христось?» и рекоше мѫ: «пророкъ михеа рекаль і҃с҃ оу витлеѣмь хощеть да се родить». Тогда ирод криома призва ѡниа магесници и рече имь: «идете и поклоните мѫ се; єгда се вьзвратите, приидете при мене, да ми скажете где і҃с҃? и ꙗ да идѫ да мѫ се поклоню». тако рече лѫкави царь ірод: не искаше да мѫ се поклони, нь да пратить чл҃вци да г҃ѡ оубиють, да не станеть царь да мѫ оузметь царство то. магесници єгда оуслишаха ѿ цара ирода таковие речи, вьскоре изидоха изь іер҃лмь, и ѿидоша до где стана звезда оу виолеѣ҃м надь пещерѫ. Тогда ѿврьзоше скровища своꙗ и дадоха бцы злато

и ливань и іѕмирнѫ. аггль гнь на сьнь имь рече, да не идѫть при ирода. и ѿидоша дрѫгимь пѫтемь, и ѿидоша ва свою ѕемлю, и скаѕѫваха єлика видеха и слишаха.

И се сь божию помощию праѕничьскою потребѫ вькратце скаѕахѡмь. тькмо имаемо раѕлична вапрошениа: а., почто непородисе ѿць и стн дхь, нь синь? в. почто тогда приїде време да се написѫватъ? г. кои мць и кое време беше? д. ѿ где поѕнаша магесници и приидоша и поклонишасе хѫ? є. що покаѕѫвахѫ ѡниа дари? ѕ. како се досетиха и принесоха такива дари? ѕ. где наидоха вльсви христа — оу пещерѫ ли, или на дрѫго место? и. и ѕвеѕда, иже беше са ѥвила — естьствена ли беше, како и дрѫгите ѕвеѕди? ѳ. или тѫгава ѥвисе? і. тая ѕвеѕда колико леть прежде ѥвисе предь рождество христово? аще би се ѕаедно ѥвила, єгда се роди хс, како биха толико скорѫ пришле персидски царие да наидать христа оу пещера; и како попрежде непородисе хс, нь остави толико дши, и погибоша тїа? к. вьпрошениа имаемо днь тлькѫвати. аще и дрѫги бѫдѫть, иѕьоставлю ихь, тькмо понарочитие да скажеме. нь молю ваша любовь, донелиже несьмь почель да скаѕѫю, дрьще си оумь да неидеть на дрѫга страна, или да ѕадремете, или да се раѕлените слишати. и хощѫ да начнѫ прьвое вьпрошение, и добре да слишите, понеже имаемо богословие скаѕѫвати.

Ста и нераѕделна троица ѥ неиѕречена, нескончаема, вьсегдашна, нетлена, невидима, и никоѥ вещь иже ѥ на тоѥ сть не можеть да се оуподобитъ, понеже нь васака вещь ѥ начетькь и твораць. и тоѥ сть непостоѥнь ѥ и сѫетни и тварь ѥ стеи троици; того ради нарицаетсе троица, понеже имать тры лица. тиѥ три лица имѫть єдино есьство, и да речеши тры чвци да имѫть три лица, а едино есьствѡ. Нь то оуподобѥтсе а на дрѫга вещь ни мало, понеже тиѥ три чвци имѫть и три раѕѫме, и три хотениа и три начинаниа. а ста троица едино лице имѫть, едино начинание, едино хотение — начело, лето и коньць неимѫть; и едино лице ѿ дрѫго не раѕьньствѫеть ни мало, тькмо ѿць раждаеть и пребиваеть, ѿць ѥ нерожденъ. ни ѿ кого раждаетсе, ѥако же и

ѹмь чл҃вчски ѿ дрѹго нераждаетсе; сн҃ь и слово рождень є҃, понеже ѿ ѿц҃а родисе, ꙗко же слово чл҃вкѹ ѿ оумь раждаетсе; а дх҃ь ст҃и ни рождень есть, ни нерождень, понеже аще би биль рождень, хотѣлше да се наречеть сн҃ь, аще би билъ нерождень хотѣлше да се наречеть ѿц҃ь. нь що є҃ и како нарицаетсе? исхождение нарицаетсе, понеже исходь ѿ нерождена ѿц҃а и почиваеть на рожденнаго сн҃а, ꙗкоже есьствнии дх҃ь и вьꙁдихание чл҃вки. ѿ ц҃ь нарицаетсе и є҃ и две имена имать и нарицаетсе и пребиватель и изьхожденіе, понеже изиде ѿ него сн҃ь; син же нарицаетсе слово и синь. и дх҃ь ст҃и имать две имена: имать дх҃ь ст҃и и исхождение. ѿц҃ь прем҃ сн҃а нарицаетсе ѿц҃ь, понеже того ради кь исхождение нарицаетсе и исхождае сиречь посилаеть. сн҃ь прем҃ ѿ ц҃а нарицаетсе сн҃ь, понеже очевь сн҃ь є҃; прем҃ дх҃а нарицаетсе слово, понеже дх҃ь є҃ слово; а дх҃ь ст҃и прем҃ слово нарицаетсе дх҃ь. а при изходи тела нарицаетсе исхождение. Тим҃ тричесна лица, всако по две имена именѹетсе. неприлично беше да се вьплтить ѡчево есьство ипостасись; аще би се вьплтиль ѿц҃ь, не би се нарицали три имена ѿц҃ь и синь и исхождение; и паки дх҃ѕ ипостасне не беше подобно, да се вьплтить. како би се нарекло три лица и три имена: дх҃ь и синь и изьходнии? того ради ѿ ц҃ь изволи, и дх҃ь ст҃и садеиствѹва и вапльтисе сн҃ь божи, и очевь паки да имать две имена, ꙗко же и прежде вьпльщеніе сн҃ѕ и слово: тоижде беꙁь матере родисе ѿ ѿц҃а на нб҃а, тои дн҃ь изволи и вьꙁхоте беꙁь оц҃а родитисе на ꙁемли ѿ чистою девицѹ марию, и б҃и намь подобань: и да спасеть насъ, чл҃вкь бисть да спасеть чл҃вка; богь пребись, да оубожить насъ, немощно и мрьтьвно тело чл҃вч҃ко прѣмь, да избавить ѿ самрьти дш҃и наши; беше сн҃ь божи, наречесе сн҃ь чл҃вчски, да сатворить насъ сн҃и и наследници цр҃тв҃ь нб҃номѹ; того ради вьплтисе синь и слово божие.

Това прьвое вьпрошение еще и помногѹ тлькование имѣлше да се тлькѹеть: тькмо є҃ глбоко богословие, того ради прекратихме го и не ꙗко не можеть на широко да се тлькѹеть: можеть да не тлькѹеть наширок, нь не могѹть прости чл҃вци да раꙁби́рать; егда многѹ богословие да почьють, побрька

им се оумь на прости чл҃вещи; помалкѫ богословие да им се сказѫеть.

Да приидемь и вь второе вьпрошенїе да го истлькѫеме: почто ради написѫваха се людие, егда се роди хс҃? понеже тако беше изволение божие, да спасеть адама и васе здание свое. того ради и таково време прилѫчїсе, понеже егда авгѫсть кесарь стана царь, тогда многѫ прт҃виа члв҃ка престанаха; такожде егда родисе хс҃, много бжт҃во престана ѿ тѣмъ сть҃, и гависе истини сть҃, и вьси чл҃вци единомѫ богѫ да покланѣаютсе. градове и села и вьси написахѫсе, подь кесарево повеление, и вьси єзи҃ци, които верѫвахѫ вь христа стадоша ва едино прт҃во, и подь единаго царѧ христѫ покоришесе; вьси чл҃вци написаха вь прк҃ою книгѫ авгѫста цесарова, и хрїстїане написаха се вь прт҃во нб҃ное, нарекохасе они чл҃вци авгѫстови, нарекохме се и нѣи, които верѫвахме вь христа, хрїстїане; и хс҃ написасе на повеление кесарово, ради две вещи: прьво да покажеть намь, да имаемо покорение господино҃ на҃ и на царие; ради тѣи вещь рече хс҃ оу стѣое єѵ҃гліе: дадите кесарѫ кесарово и богѫ божие, понеже ѿ начела оставиль ѥ҃ да се повинѫеме на царие, — второ ѥ҃, понеже бехме поработщени врагъ, повинѫвсе хс҃, да избавить на҃ ѿ повинѫвение диаволѥское и да напишеть на҃ вь книга, иже рече пророкь давидь вь книгѫ свою: вьси напишѫтсе; поработивсе да сатворить на҃ да господьствѫеме надь страсти; сь раби сачетав҆ себе, да сатворить на҃ свои раби ѣакоже рече апостоль павѣль: «егда прииде кончина лето, посла богь сна҃ своего рождени ѿ женѫ, бивѣшаго под҆ закона искѫпить, да вьсиновление вьзьприимеѫ҃». Того ради и таковое подобно време прилѫчисе и родисе хрт҃ось.

Рекох҆ме вьвторое вьпрошение; да речеме и третое: кое време беше и кои м҃ць, егда се родисе х҃с? да речеме, една година четири времена имать; прьво време пролеть, второ жетва и врьшид҆ба, трето есень, четврьта зима. Пролеть нарицаетсе ѿ з҃і. ферфара м҃ца до маиа҃ з҃і. ѿ маиа҃ з҃і до ав҆гѫста м҃ца г҃і. нарицаетсе жетва. ѿ г҃і. ав҆гѫста до ноевриа д҃і. нарицаетсе есень, ѿ ноевриа д҃і. до ферфариа. ѯ҃і. нарицаетсе зимно време. г҃ь нашь

ісѣсь христось родисе декевриа м҃ца, иже к҃ зимно време, и велика зима беше онова време; того ради прииде х҃с, да пресечеть греховною зимѫ и лютою и гор'кою помрьзлицѫ: вьса земла помрьзнала и поледела беше, неимаше добродѣтелнаа теплота и да вьзьсиѥеть пролеть богоразѫмие, и да ижденетъ зло време, прельщение вражие хотѣ҃ше да разорить, многѫ брань и мльва и метежь, да приведеть мирь и тишина вьсемѫ мирѫ, да разрѫшить средостение гневѫ и да савакѫпить нб҃на сь земльнами, сиречь да савакѫпить заедно агг҃ли и чл҃вци. ѥкоже рекох'м, како беше тогда велика зима, велика беше и гор'ка, понеже чл҃вци тогда неможахѫ да видать небо, ни звезди, ни м҃ць, ни сльн'це, никако неможехѫ да видать бит҃вни с҃ть и да познають бж҃ство; того ради породивсе х҃с оу зимно време, да разрѫшить зимѫ и да приведеть пролеть. Нощь беше, егда родисе христось, ѥкоже с҃тое еѵ҃гл҃іе рече: пастирие бдехѫ и стрежахѫ стадо свое, и тогда презь нощи ѿидоша и наидоша христа рождена»; нощь беше, понеже хотѣ҃ше, да замине т'ма, мракъ, грозота, срамота, гнѫсота, грозота греховние вещи, и да прииде д҃нь спасение всемѫ мирѫ, и хотѣ҃ше да приидеть сл҃нце праведное х҃с богь нашь, понеже помрачени чл҃вци потребно имь беше да видѫть божие просвещенйе; пророкь їсаиа рече: «людие седещеи вь тме и сени сьмрьтни», сиречь людие седехѫ вь нераѕѫмие, видеха велики с҃ть, кои ходить вь д҃нь, да дрьжить с҃тило; такожде и помрачени єзьици: потьмна дела нихна беше ѿ нощи, и потребно беше имь да видѫть с҃ть богоразѫмие. того ради в нощи родисе х҃с и вь зимѫ.

И се с помощию божию разрешихме и третое вьпрошение, и да приидемь и на четврьтое, тако да речеме, «ѿгде разѫмеше и придоша вльсви и поклонихасе христѫ», и ради то да речемь. Пророкь моиси егда хотѣ҃ше да идеть въ обетѫвною землю, сиречь вь іер҃лимь и ѿгде поминѫваха, пленеха онова место, ѥко же попленише сиѡна цара амореиска, и града нарицаемаго ешевонь, поидоша и кь васточною землю, близѫ при іер҃лимь. тамо беше царь вьлакь, синь сем'форовь; егда ги виде, како идѫть оубоѥсе и призва вьси свои магесници и рече имь: «видите ли

того евреискаго рода, вь малѣ дни и на҃ бѫдѫть попленити, нь да видиме како да се изѧбавиме ѿ нихни рѫце, и тако в'си сьбор'но, кѫпно с҃а цара сатвориша сьветь, да призовѫть магесника валама с҃на веорова, иже беше вь онаа времена, аще кого прокльнеше, беше проклеть, аще кого благословеше, биваше благословень. того валама помисли царь да призоветь, да прокльнеть евреето. и васкоре посла царь чл҃вци и даде имь многѫ дари да идѫть скорѫ, да приведуть в'лама. егда отидоша они чл҃вци до валама и дадоша мѫ дари, и рекоша мѫ: «ѕовет' те царь; и да сътвориши любовь да идеши при него». рече имь валамь: «пренощѫваите та҃ нощь ѕде, и аѕь та҃ нощь да се помола богѫ моемѫ, и аще ми речеть богь да ида, аще ми речеть да не ида, непоидѫ»; и остадоша они҃ чл҃вци. ѕаутра рече валамь на царовите чл҃вци: рече ми богь да неидѫ с' вами; вьѕвратихасе чл҃вци и рекоша царѫ како не хощеть да доидеть. паки пов'торо посла царь помногѫ чл҃вци и помногѫ дари посла и ѿидоша при валама. и рече имь валамь: «аще би ми даль царь та҃ кьща пльна сась жльтици, не могѫ да изьлеѕѫ ѿ повеление божие; нь паки пренощѫваите та҃ нощь ѕде, и да видимь, що ми бѫдеть скаѕати богь нь [1]) та҃ нощь и ѕаутрѫ бѫдѫ ви скаѕати». и рече мѫ—иди; нь аще що бѫдѫ тебе рек'ти, то да твориши. И ѕаутра стана валамь и оуѕе свое мѫле и поиде сась царевите чл҃вци, и на пѫть ѿбисе мало ѿ дрѫжинѫ свою и а҃гль божи стана предь мѫлето и непѫщаше его да идеть понапреди; валамь неможеше да види а҃гла, нь поче и биеше мѫлето. и оно ѿ бисе ѿ пѫть и ходеше беѕьпѫтыца; и они паки поче, та го биеше и оно оулеѕе оу пѫ҃т и мало поиде по пѫтемь, и на едно место бе҃ше тесно, и ѿ тѫва стена и ѿтѫва, и не беше прилегь да побегне мѫлето; и тамо оу тесно место стана а҃гль предь мѫлето, и неможаше понапредь да ѕаминеть. ѿбисе мало да ѕаминеть, и трьнь ѕакачи нога валамова, и потече кровь. и онь поче та҃ко да го бисть; и ради чѫдеса да покажеть богь. ѡтвори богь на мѫлето оуста и рече: чл҃вче, що искаши ѿ мене, та ме

[1]) Такъ въ рукописи.

толико биеши? рече валамь: «аще бихъ ималь ножь, ꙁаклаль бих те; почто неидеши правимь пѫте^{м}, ѥко и дрѫги добици, нь идеши беꙁьпѫтица? рече мѫ мѫлето: нели ме имаши мене ѿ мради (sic) години? чи҃ниѭ ли ти дрѫги пѫть така? нь сега видимь а҃г҃гла божии, и стоить на пѫть и непѫща ме да ꙁамина. тогда погледна валамь и виде а҃г҃гла и егда го виде, оубоѥсе и ѿ страха падна и поклони мѫ се; и рече мѫ а҃г҃гль: почто неправина толико биль еси мѫлето? не беше ти нищѫ криво: аꙁь го непѫщахъ да мине, и мислехъ и тебе да оубие; не беше ми оугодно, како си пошьль. тогда валамь рече: прощаваи, господине, не можихъ да те вида, како ти стоѥль еси предь мѫлето; нь сега что ми повелеваеши да сатворѫ, да ида при цара валака, или да се вьꙁвратимь? рече мѫ а҃г҃гль: иди, тькмо аще що бѫдѫ ти скаꙁати, то да твориши. тогда а҃г҃гль невидимь бисть, и валамь ѿиде и стигна царовите чл҃вци. егда валамь прииде при цара, иꙁлеꙁе царь, та го посрешна, и рече мѫ: почто прежде не си пришьль, егда те приꙁва^{х}, или небихъ достоѥнь да те почетемь, како требѫѥть? рече валамь: сега приидохъ, и аще що ми повелить богь мои, то бѫдѫ творити. и онаѥ нощь тамо нощѫва валамь. и ꙁаоутра царь валакь вьꙁведе валама на еднѫ високѫ горѫ, иже нарицашесе гора валъ Богъ. рече вала^{х} валакѫ царѫ: повели, царю, да поставать на. ѯ. места дрьва и да приведѫть. ꙁ. тел҃ци и ꙁ. ѡвни. егда ги принесоше, ꙁакла ги и сатвори валамь жрьтва богѫ; пото^{м} рече царь валакѫ: ти, царю, предстои ꙁде жрьтвѫ мою, и аꙁь да поидѫ потамь, и да попитамь бога моего, да видимь, що ми бѫдеть рек҃ти, да творѫ. ѿиде, помолисе богѫ. и богь мѫ принесе на ср҃це негово, и рече царь валакѫ: приꙁва ме ѿ месопотамиа да прокльнемь евреете, и да благословимь моавитене; како могѫ да прокльнѫ, които е богь благословиль, како могѫ да благословимь, които е богь проклель: многѫ ѥ҃ семе иаково и клетва на него не фащатсе, понеже богь го е благословиль. егда оуслиша царь валакь тиѥ речи, рече вьламѫ: аꙁь те приꙁвахъ, да ги прокльнеши, а ти ги благославлѥши. рече валамь: аꙁь то ти рекохъ и прежде, аще що ми повелить богь, то хощѫ творити, и то хощѫ да речемь; и тогда

Отиде царь на дрѫго место, и сатвори жрьтва, такоже и прежде; и паки богь отвори валамови оуста и рече: вьстани, царѫ, да оуслишишь що повелеваеть гь; привел ме еси да ги прокльнѫ, и волѧ божиѧ несть: не ми е рекль, да ги прокльнемь, богь ги благослови, богь ги ваꙁрасти, богь ги оумножи, богь ги расьпространи, и кои члвкь можеть да ги прокльнеть; и хощѫть ꙗко львове да поꙗдѫть телеса сѫпротивникомь своимь. егда оуслиша царь валакь тиѧ речи, оуꙗꙁвисе и рече валамѫ: аꙁь те приꙁвахь ꙁа дрѫго, а ти дрѫго твориши. рекохъ ти царѫ и прежде, како не могѫ да иꙁлеꙁемь ѿ повеление божие. паки отиде царь валакь на дрѫго место, наречено Форогь, и тамо сьтвори жрьтвѫ. ѕ. телци и седьмь овьни.

И паки отврьꙁе богь оуста валамова, и рече кь народомь: тако рече валамь снь веоровь, члвкь, егда видишь сакрьвени таини божии, неприлично є да ги сакривешь, понеже многѫ множество є родь іакововь, и богь є сас нихь и хощеть ѿ того рода да се родить члвкь, многѫ множество хощеть да овладаеть ꙁемлю, и ꙗко львь хощеть да легнеть да спить, и кои смеѣть да пристѫпить при него, да го сабѫдить. които него бѫдѫть прославлѧти, хощѫть бити и они прославлени, и ониа кои того хощѫть проклинати, хощѫть бити и они проклети; звеꙁда хощеть да васиаеть и члвкь хощеть да се родить, и хощеть да погѫбить царие, които му се непокланѧть. егда оуслиша царь тиѧ речи, раꙁгневасе и рече валаму: многи дари мислехь да те дарѫвамь, нь самь погѫбиль еси свою почесть; сега скорѫ бегаи, да не погѫбиши свою животь. стана валамь и отиде вь ꙁемлю свою. и наскоре евреи попленишѧ васѫ ꙁемлю царѫ валакѫ. и магесници отѫгава колико се родиха вь персидскои ꙁемли, васегда надеѧхѫсе, когда да видать звезда и да поꙁнають, како родился є велики царь, когото цара прежде рече вльсва валамь, како хощеть да се родить велики царь. отѫгава поминѫша а ѿ б, лета, догде се роди хс; и магесници, които беха ва онова време, егда видеха, како саврьшисе слово, коѧ то бе рече рекль пророкь вльсва валамь, тогда оуꙁеше дари и послѣваша звездѫ:

куде иде ѡна и они по нѣмъ, и доидоша до витлеемь оу пещера; ради таковою вещь принесоша вльсви дари христѹ.

Нь благодарю рожденаго младенца христа, и поможе ми и изътлькѹва[x] и четврьтое вапрошеніе.

Сега хощеме да тлькѹеме и петое. и слишите да разѹмеете, що нарицахѹ се онѣмъ дари? многѹ злато тькмо царѹ прилично є҃; царь да имать многѹ богатьство и злато; того ради и пророкь давидь пророчествѹеть и тако рече: «тебе принесѹть царіе дари, царіе ѳарсисти, и острови дари принесѹть, царіе арависти и сава дари дари принесѹть; и поклонетсе емѹ вси царіе земльсти». и паки рече подоле того ѱалма: «и живь бѹдеть и дастьсе емѹ ѿ злата аравитска». того ради принесоха злато хс҃, дарь почетень злато, ливань принесоша ѣко богѹ, понеже ливань нигде несть прилично, тькмо оу цр҃ква богѹ. и пророкь давидь рече, да се исправить молитва моѣ, ѣко кадило предь тобою. и измирно принесоша, ѣко тридневномѹ мрьтвцѹ, понеже ха҃ помазаша сась измирно, и положиша го ва гробе, ѣко же сто҃е и бжт҃вное єѵг҃ліе сведетельствѹеть. това пророчествѹвахѹ дарі, иже принесоше вльсви хс҃. Исьтлькѹвахме и петое вапрошение.

Ида приидеме и на шестое, ѿгде познаваша вльсви и принесоша дари хс҃? и то ѣвестьвно є҃, како ѿ пророка вльсва валама разбраха, иже имь рече, како хощеть львь да легне да спавать. и познаха львь царѹ подобань є҃, понеже львь надь вси звери царь є҃, бога познаха го, ѣко же рече: аще кои будет го благословѣти, бѹдеть благословень, аще кои го прокльнеть, бѹдеть проклеть, спречь, кои чл҃вци почитать бога и творѹть волю его и предь чл҃вки познать го е; ѣкоже рекохме темьѣнь, нигде негде не есть прилично, тькмо единомѹ богѹ: того ради принесоше го хс҃, ѣко истиномѹ богѹ, мрьтваго разѹмеша, егда почѹша—хощеть да легнеть да спить, и принесоха мѵ змирно. И шестое вопрошение протлькѹвахме.

И да протлькѹеме и седмое, вльсви где наидоша ха҃— оу пещерѹ ли, или на дрѹго месго? Това вапрошение имать многѹ речи, понеже неци есѹ рекле, како оу египта наидоха ха҃, егда

бе побегналь тамо сась матерь свою. сти ісидорь пйлъсийтски рекль є̃ тако. тькмо нимъ да познаеме истинѫ, якоже иоань заттсть повелеваеть, како оу пещера наидоше, понеже и самь златооусть рече, како бе пещера велика, и кондисъваха трьговци, и вльсви сатвориша тамо неколико дни, понеже неимахъ где да помйнѫть ѿ многи народь, нь и аггль иже рече іосифъ да бежить оу поустинѫ. поустинѫ нарицаетсе египьть, и не беше пъсть ѿ члвци, нь ѿ благодетель божи; оу пещерѫ надоша го, іосифа и бц̃ъ. истина є̃, како оу пещера наидоша вльсви ха̃.

И да прійдемь и на ѧсмое вапрошение. да ли го помните, кое беше или го сте забъвариле? многъ слово слишахте, и мнить ми се, како малцина да го сте запомнили. тькмо да го речемь.

Вьпрашаю вась — звезда, иже беше се явила на онѫ магесници, тогава ли беше са явила, или беше како и дръгите звезди? аще би била како и дръгите звезди, хотела би и понапреди явитисе; нь не беше естествена звезда, нь аггль божи беше, и тако им се видеше яко звезда и показъваше имь пъть; и неможахъ вльсви да видать аггла, нь ва место аггла яви им се звезда, да се саврьшить слово, иже рече валамь. нь незнамь кое да тлькъю и кое да нетлькъю. понеже многъ вараѕъмление имать и ѿ многъ вараѕъмление оупадаю вь недоъмение. нь слово ме принѫждаеть и праѕнична любовь да глаголю многъ. тькмо вь кратце да рекъ, и да приидѫ и на деветое вьпрошеиие.

И да речеме, яко звезда колика лета напредь предь рождество хво явисе, понеже аще би се заедно явила, како биха толико скорѫ пришле вльсви и да наидать ха̃ оу пещера. и да речеме речи ѿ цр̀ьковни наши оучителе. Рекоше, како повеле іродь царь да оубиють деца ѿ две родини и помалки. тогда еще беше хс̃ оу пещера, и наидохме, како тако є̃ истина, како две годинь понапрѣди явисе звезда и вôдеше вльсви ѿ персидь до виѳлеемь. можехъ и поскорѫ ѿ две годинь да приидѫть, нь тако беше волꙗ божꙗ, да се забавать и да обидать многъ место; и питаха ги члвци: къде идете? и они речехъ: «родилсе є̃ велики царь, и идемь да мъ се поклонимь; и речеха имь, како можеше го наити, где са е ро-

диль? а они речехѫ: «гледаме на небо, и іма єдна звезда, и она кѫде идеть и нимъ по нем идемь». тако є̂ истина, две лете прежде мвисе звезда, понеже егда мвисе аггль на магесниците и рече имь, да неидать при ірода цара, нь на дрѫги пѫть да идать, оу пещера имь рече. И деветое вапрошение изѣтлькѫвахме.

И да придемь и на десетое вапрошение, по что попрежде невапльтисе хс̂, нь на последнаа лета, и остави толики дш̃и, и ѿидоха оу мѫка? еще това да изѣтлькѣемь, и потом и дрѣга да речемь, и да саврьшиме слово, понеже многѣ словеса рекох, и не беше подобно, и како не беше подобно, понеже праздника нашего чесние вещи несѫ просто и неизвещени, и вьси знаете и мали и велики, како є̂ дн̂ь рождество хв̂о, како спасение вьсемѣ миръ бисть. Азь да начнѫ ѿзде да изѣтлькѣю и десетое вапрошение. верѣемь и їзьповедѣемь и васи знаемь, како богъ есаство є̂ благь, милосрьдь, щьдрь, дльготрьпеливъ, никогда не мислить члвкѣ зло, нь васе́гда добро мѫ мислить, васегда за дѣшѣ спасение негово радить. и ѿ многое благостиню свю прежде сатвори аггли и они да есѫ причатени ѿ благодеть божию; и неугодно бѣ̂ дозде бѣ да бѣдѣть аггли, нь сатвори дрѫги сть ни мало некое подобїе не имать на бжт̂во. и ѿ тим две зданиа божїа — едно сась дрѣго неимахѫ приликѫ; последи хотемше многѫ мѫдрость да покажеть, и ѿ тим две зданиа смеси и сатвори члвка, и сатвори го и никогда да неоумираеть и да є̂ видимь и невидимь: да есь видимь, понеже имать тело, а невидимь, понеже имать дш̃а да заповедаеть на вьса зданиа божиа и да є̂ подь заповеди божие: ѡнь да се поклонметь богѫ, и васа зданим божиа да се поклонметь емѫ. саздаде богъ адама и остави го на свом волм; тькмо едина заповедь порѫчи мѫ да дрьжить и да знаеть, како имать надь себе господина. имаше време, да речеть богъ адамѫ, да мдеть ѿ онова древо, нь не почека адамь, догде да мѫ речеть богъ да мдеть, нь безъ волм божиа оузе и мде, и того ради изгнань бѣ̂ из рам, и прииде на там проклетам землм. и егда се наплодиха члвци ѿ адама, мако ѿ преслѣшника и престѣпника, заповедь божи рождени почеха зло да творать, блюдь, прелюбо-

деиство, ꙁависть, ненависть, оубииство, идолопоклоно́ство, и васа ꙁла творахѫ. които са оугодни врагѫ. и богь хотѣашѣ да ваꙁвратить чл҃вчскаго рода ѿ прельщение вражие; и вьсегда покаꙁѣваше ꙁнамение и чюдеса, и потопь наведе по васѫ ꙁемлю и градове потопи, а дрѫги сась ѡгнь иꙁгори, и многа чѫдеса покаꙁѣваше имь богь, да но се биха оубоа҃ле, и да поꙁнаа҃ть бога. коньчно, егда виде богъ, како никако чл҃вци необратихасе на добро, прїиде самь и ваплътисе ѿ пречистие девици марии. како попрежде не прииде? понеже еще вьси пророци не бехѫ прорекле, и еще вьси чл҃вци не бехѫ се иꙁбрали, да се поꙁнають, кои са доброоумни и ꙁлиоумни; еще предитеча іѡань небеше рождень, пѫть показатель не беше се а҃виль, проповедникъ еще не бе проповедаль, како хощеть да приидеть хс҃, предь цара идеть проповедникь, и покаꙁѣеть како хощеть да приидеть царь нб҃ни хс҃; того ради на последнаа҃ лета прииде хс҃, а҃коже и апостоль павель сведетелствѫеть и тако рече: «егда приидеть кончина лето, посла богь сн҃а своего раждающаго се ѿ жени, бивающаго подь ꙁаконо҆, да подьꙁакони искѫпить да васинение приемлеть».

И се с помощию божию иꙁьтлькѫвахме и десето вапрошение. слава рожденомѫ мл҃нцѫ христѫ. дьньсь пророкь моиси пророчествѫеть, тако рече: «пророка хощеть богь да воꙁдвигнеть ѿ братиа҃ наша а҃коже и мене; того по васе оуслишите. аще васака дш҃а непослѫшаеть того пророка, потребитсе ѿ лица ꙁемли». по что ради нарицаеть х҃а пророка? сиречь понеже в҃са помишлениа всакомѫ чл҃вкѫ ꙁнаеть що мислить, и що имать на ср҃це или ꙁло или добро, и ꙁнаеть що хощеть да бѫдеть и напреди и последи, прорече о раꙁьрѫшение иер҃лимово и ꙁапѫстение храмѫ, и тако и саврьшисе. почто ради рече, а҃коже и мене? сиречь, а҃коже моиси чл҃вкь беше, тако и хс҃: чл҃вкь хощеть бити, тькмо беꙁ греха. како положи хс҃ ꙁаконь. (Одного листа недостаетъ).

Мѫжие и жени, понеже ꙁемла҃ и пепель есме, да се не ваꙁносиме с҃а телесное оукрашение, понеже самрьт҆ ни чекать; да не творимь блюдь и прелюбодеиство, понеже вечна мѫка и огнь геѣ́нски ꙁа тако творещимь оуготовань ѥ҃; да не многѫ а҃деме и иеме, и

ꙁаоутрѹ паки хощеме ꙗсти и пити—колико многѹ ꙗдеме и піеме, толико многѹ искать ꙗсти и пити. наоука ѥ҃, коꙗ потреба ѥ҃ ѿ̀ многѹ ꙗстїе и пи҃тїе: тькмо тело да гоиме, а на дш҃а ни една помощь неимать. колико чл҃вци тоꙗ дн҃ь раꙁлично и красни премени носиха, и многѹ ꙗдоха, и доволно пиха, и играха, и смеꙗхасе, а сега есѹ стали прахь и пепель и кости имь почрьнели, и смрьдѣть оу ꙁемлю. нь блажени есѹ онии, които ꙗдутъ и пиють сѣ̀ страхо҃ божи. нь сиромаси да нахраним, голи да облечеме, страни да ваведеме ва доми наши, болни да пригледаме, и които са вь тьмници, да идеме да имь дадеме телеснаꙗ потреба, ꙗкоже рече хс҃: аще кои мене любить и искать да ме наидеть и да ми сторить (sic) добро, да идеть оу темница—тамо да ме наидеть, да идеть приболного—тамо да ме наидеть; вь нищіи и ѹбоги доми тамо да ме наидеть, да идеть где плачѹть и ронатъ сльꙁи правда ради, тамо да ме наидеть; да идать где плачѹть сироти и сиромаси и аꙁь тамо есьмь и оутешавам ги ѿ̀ печали и скрьби и отривамь имь очи ѿ̀ сльꙁи. Аще тако бѹдеме творити, тогда праꙁнѣвати бѹдемь влчн҃и праꙁникь, тогда трьжествѹвати бѹдемь господьско трьжествѡ, тогда да ваꙁрадѹемсе и да речемь, како праꙁнѣвахме праꙁникь рождество хв҃о. тогда радѹютсе аг҃гли, тогда веселютсе праведни, тогда приемлеть наша приношениа, тогда посрамлꙗютсе врагове, тогда скрьблють и ждѹть (конца недостаетъ).

(Изъ той же рукописи).

Мц҃а априлиа к҃г мѹчение великомѹченика геѡргиа.[1]) слово тлъкѹвано ѿ̀ дамаскина инока, иподиꙗкона и стѹдита. ѡ҃че благослови прочести. (л. об ꙁи҃—о҃г).

Праꙁници и тръжаства сти҃мъ, почто ради поставлени биша? не ꙁа дрѹго, нъ тькмо ради дш҃евное спасение поставлени биша.

---

[1]) Составитель этого слова пользовался апокрифическимъ житіемъ великомученика Георгія, но изложилъ всю исторію нѣсколько сокращенно; въ концѣ приложены чудеса св. Георгія послѣ его смерти.

и не да се ѕпразѯниме ѿ работа и да работиме врагѹ и бесѣ, и немного да ѣдеме, и да пиеме, и да играме, и да поеме, и да нетвориме телесна ѕгодиа: нъ да се ѕпразѯнимъ ѿ работа, и да идеме въ цр҃ковъ да послѹшаме слово божие, и да разбереме, како і҃с творилъ с҃ти, его же празднѹеме— ѣкоже и с҃ти геѡргиа, его же данъсъ празднѹемъ. тои беше въ ц҃рство диѡклитиѣна и маѯимѣна. Въ ѡниа лета беше геѡргиа. к҃. летъ ѿ благочъстиви родителя рожденъ. і҃. лета беше, егда мѣ ѕмре ѡц҃ъ и ѕзе го мати негова и ѯанесе го въ свое ѡтъчъство: егда҆ прииде н҃и. лета, поиде при диѡклитиѣна цара, написасе воинъ. тогда ѕмре и мати негова· и онъ колико наиде богатаство раздаде ги нищимъ и ѕбогимъ, и почѣ, како се съвещаваютъ елине, да мѹчатъ христиѣне ради вера. тогда и геѡргиа хоте да се ѣвитъ, како естъ христианинъ. егда бехѹ се събрали да се зговоратъ, како да мѣчатъ христиѣне, рече с҃ті: «и аѯъ христиѣнинъ есмъ»: егда ѕслиша царъ, како рече с҃ти и аѯъ христиѣнинъ есмъ, рече царъ магнеитію да приѯоветъ с҃тго наѡсобъ, да го въпроситъ. и рече мѣ: скажи ми, геѡргие, почто говориши такови речи? рече с҃ти: аѯъ хр҃істиѣнинъ есмъ і имамъ на христа моего надежда: того ради скаѯахъ вамъ, и х҃а исповедахъ пред вами за истинаго бога. и царъ рече: да млъкнѣтъ людіе. рече с҃томѣ: аѯъ хотеѣхъ тебе понавелїко господъство да те поставимъ, но молю те, послѣшаи мене, да не погѣбиши свою младость: нъ приіди и поклонисе великимъ нашимъ богомъ, да прі҃имеши велика почъстъ ѿ мене. тогда с҃ти геѡргиа рече: добро беше тебе царѹ, да поѯнаешъ истинаго бога и да ти дадетъ ц҃рство н҃бное, понеже това твое ц҃рство скорѹ погибаетъ. такова глаголаше с҃ти. царъ же раѯгневасе на с҃тго, повеле да го ѯбодѣть с҃ъ копие по мишцѹ: и едино копие извиса, ѣко ѡлово, и неможе да прободетъ с҃тго; потомъ поставиша ноги с҃тому въ клади и на груди поставише мѹ велики камень, и вьсѹ нощь лежаше с҃ти подъ камень и благодареше бога; егда д҃нь бисть, повеле царь и иѯвадиха с҃тго ѿ темница, и рече мѹ: да ли се еси покориль ѿ вечерьнѣмъ ѕмь и ѿ дрьѯновени колико ималь еси? тогда рече с҃ти: с таково ли мѣчение надеешисе да ме прельщиши,

да се ѿречемь ѿ истинаго бога: да видимь, да ли мене хощетсе досадити ѿ мѹчение, или тебе хощетсе досадити да ме мучиши. тогда повеле царь и принесоша велико коло: имаше наѡколе наредени ѡстри ножеве въ дици: едни режехѫ, дрѣги порехѫ, дрѣги раздирахѫ; и принесоха голема даска: имаше наредені ѡстри пироне—едни прави, едни крівн: и поставиха с҃тго на ѡнаѩ даска, и почеха да врътатъ ѡнова коло. и срезаха мѣ телото: с҃ти потаино молеше се богъ; нечъстиви же радѹвахѫ се, како мѹчеха с҃тго, и присмевашесе и рече мѣ: где есть богь твои геѡргие, да ти помогнеть? тако рече царь, и ѿиде да се поклонить аполонъ; егда тако рече царь, бисть велики громь, и ѿ небеса глась речесе: не боисе, геѡргіе, азъ с тобою есмь; по того гласа стана ѩсно: и прииде а҃гель ѿ небеса и ѿвеза с҃тго: тогда воине поведоха при цара: егда виде царь, како неимаше ни мала рана на тело с҃томѫ, почѹдисе царь, и двои воиводи—анатолиа и протолїа верѣваха въ истинаго бога. и повеле царь да ги посечѣть. и дрѣго мѹчение измисли царь, да сътворить с҃тому: повеле да го поставать вь варніца негасима. егда го поставиша, ѥипаха вода, поче варь да кипить. три дни сътвори с҃ти у варницѫ. повеле царь да идѣть воине да сакриють тело с҃томѫ да го ненаидѣть христиѩне да го погребѫть; никако ненадеѩшесе да го наидать живъ: многѣ чл҃вци ѿидоша на варницѫ и наидоха с҃таго стоѩше правь ѫ върницѫ; вьси единогласно рекоша: велики богь есть, его же геѡргии проповедѫеть; тогда царь вапроси с҃таго: скажи, скажи намь, геѡргие, како твориши тйе магйи? и повеле да принесѣть жилъни ѡбѫща; имахѫ въпѫтарь ѡстри пироне: и ѡбѫха с҃тго и поведоха го и биеха го скорѫ да идеть, и ꙁатвориха го ва темницу. и ни едино вреждение ѿ ѡбщиѩ не прииде мѫ. повеле царь да положѫть светаго на ꙁемли и да го биють по коремь и по плещи: и напоисе землиѩ ѿ кръви с҃томѣ и ѿ бои никое зло не прииде с҃тмѫ. тогда диоклитиѩнь рече предь престающимь: воистину магеснигь есть геѡргиа; ѿвеща магнентиа и рече: имать єдинь добре ꙁнаеть магии, да направить, да ѣтровить геѡргиа. призва царь аѳанасиа магесника и порѣчи мѣ да сторить (sic) да ѣтровить

гѡѹргїа. рече аѳанасиа: ѕтре до ѡбеть да будеть волѫ твоѭ, царѕ. повеле царь да поставать с҃таго вь темницѹ: и вьсѕ нощь малѫше се богѕ. егда д҃нь бисть, седе царь на равно полѫ; прииде и магеснікъ аѳанасиа. и ношаше две грънета магии и рече: повели, царѕ, да приидеть геѡргиѭ, да го сатворѕ, да се покорить на твое повеление. егда го напоимь с҃ъ лева рѹкѹ дрьжимь гръне, хощеть да се покорить, аще ли го напоимь с҃ъ десною рѹкѹ, дрьжимь хощеть да ѕмре. егда прииде геѡргиѭ, и с҃ъ дрьзновеніе прieть едино гръне, и прекръстиси и рече: г҃ди і҃с҃е х҃се, ѭко же рекаль еси, егда испиете вьсака ѕтрова, раби твои, ва име твое, невреждени бивають: и тако испи ѡнаѭ ѕтрова, и никакое зло мѣ не пріиде, на стоѭше и присмевашесе прелащеномѹ царѕ. егда виде царь, никое зло неприиде мѣ, повеле магесникѹ да го напоить, и ѿ дрѹгата ѕтрова, да го ѕморить. егда и неѭ испи с҃ти никое зло мѣ непріиде, тогда рече царь: скажи намь, геѡргие, како твориши тиѭ магиї? рече и с҃ти: непомишлѭи, ѡ̃ царѕ, како де (sic) творѕ магиї: нь богь егоже аѯь верѕю ѡнь творить такова чѹдеса, да познають людие прелащени, какова сила имать истинї богь, и да го верѹѥмє: и тако наѹчи насъ и рече ни: небоитесе никои не можеть васъ ѕбити беѯь волѫ моѭ, не можеть ни едино влакно да ѕземеть ѿ глави ваши, догде аѯь да не повелимь, рече г҃дь; еще и дрѹго можеть да творить богь нашь: болнимь ѯдравие даваеть, хроми повелеваеть да ходать, слепимь ѡчи ѿвараеть и гледать и мрьтви вьскрьшаеть. тогда царь рече аѳанасию: что хощеши, да речеши, аѳанасие, ради тиѭ речи? рече аѳанасиѭ: и наши велики богове творать чѹдеса, на доселе несме чѹле мрьтви да ѡживееть. тамо, близѕ имаше гробь; рече аѳанасиѭ: повели, царѕ, геѡргию, можели ѡживити того мрьтовца; тогда ц҃рски намесникь магнентиа иѯвади с҃тго ѿ жилеѯа: сега да те видимь, гоѡргие: покажи чѹдеса богѕ своемѣ; рече с҃ти: господине магненьтие: богъ с҃ъ една речь сътвори вьса видима и невидима; не может ли и сего мрьтваго ѡживити. тако рече с҃ти и преклони колена свои на земли и с҃ъ сльзами потаино помолисе богѕ и рече: г҃ди, вьскрьси мрьтовца сего, да видать ненавидещеи те и да се

посрамать, ꙗко твоꙗ есть слава ва веки аминь; и по аминь бисть громь и мльние: и гробь отворисе и мрьтви изъ гроба изиде и стана посреде народа: и васи людие рекоша: великаго бога геѡргиева вериемь: магесникь аѳанасиа прииде и паде на нозе с҃томѵ. тогда рече царь: видите ли, людие, что сатвори проклети аѳанасиа! сатвори волꙗ магесникѵ геѡргию: и рече-да ѵморить го, а онь го напои поздравь да бѫдеть: и сатвориха некое привидение, како де вьскрьсиха мрьтовца! тако рече царь и повеле да посечѫть аѳанасиа и вьскрьшаго чл҃вка, и с҃таго да поставать вь темницу. царь поиде вь полати свои, да измислить что да сатворить. егда идеше с҃ти вь темница, молꙗше се богѵ и благодареше и глаголаше: «благодарѵ те, г҃ди боже мои, ꙗко неси мене посрамиль предь нечастиви». идехѵ чл҃вци вь темницѵ, да ги поѵчи с҃ти: а дрѫги болни искаху исцеление, дрѫги на верѵ се ѵтврьждабаха; единь ѿ нихь, именемь гликерꙗ беше ѡрачь. егда ѡреше, ѵмре мѵ единь воль, ѿиде при с҃тго и сказа мѵ ради вола: и с҃ти мѵ рече: иди на нивѵ, хощеши да го наидеши живь. ѿиде кликериа и наиде вола жива. тогда великимь гласомь вазѵпи: истинаго бога проповедѵеть геѡргиа. егда почѵ царь како верѵва х҃а, повеле да го посечѫть: вьне ѿ града посечень бисть клике́рꙗ. некои клирици рекоха царѵ: геѡргꙗ вь темницѵ непрестано идѵть єлине и творꙗ ги христиꙗне: егда прииде царь ва капище аполоново, повеле да приведѵть с҃тго; єгда прииде свети, рече царь: непоꙁнаваш ли, геѡргїе, колико чл҃вколюбие показѵю азь тебе, и жалимь твоꙗ младость? рече с҃ти: «потребно беше царѵ ѿ начела да покажеши такова любовь». егда почѵ царь такови речи, помне мѵ се, како хощѐть да се поклонить на идола, и рече мѵ царь: да те имамь, како своего сина; рече с҃ти: «прииди, царѵ, и азъ да идѵ да видѵ ваши богове». тогда царь повеле вьси болꙗре да приидѫть, и да видѵть, како хощеть геѡргиа да се поклонить нашимь богомь: приидоха и вьнидоха ва капище, да видѫть, что хощеть да сатворить с҃ти: егда ваниде геѡргꙗ ва капище, простре десною свою рѵкѵ на аполонѵ и рече: «хощеши ли, аполоне, да ти се поклонимь ꙗко богѵ?» рекоша врагове които беха ѵ аполона: «нигꙗ несме богове;

кого ти верѫеши, тои есть истини богъ»; егда тако рекоша, побегоше бесове. тогда идоль паде и сакрѫшисе. тогда приидоша людие и поимаша с҃таго, и ꙁаведоша го предь цара, и рекоша мѫ: доколе дрьжиши сего магесника? хощеть и капище да ѡбвалить; тогда и алеѯандра царица изиде предь народа и рече: «боже геѡргиѡвъ, помози ми». тогда приꙁва царь с҃тго и рече мѫ: «такова ли ваздание ваздаде ти мене!» и с҃ти рече: «безьѫмни царѫ, тако се наѫчихъ, да ѫкореваю безчасни твои богове, тако они глаголахѫ. прииде и алеѯандра царица: егда виде с҃тго, паде на нозе его и целѫваше мѫ нозе: тогда повеле царь воиномь да ѫзмать геѡргиа и алеѯандра царица, да гѝ ѷзвадать вонь из града да гѝ посечѫть; егда приидоша до негое место, седе алеѯандра на единь камень, да си починеть, и тамо предаде ч҃нѫю сво д҃шѫ вь рѫце божии. тогда с҃ти геѡргиа прослави бога и рече: «прииими г҃ди и д҃шѫ мою и даждь ми г҃ди дарь: кои прошѫть ѿ мене некое прошение да имь биваеть». тако молешесе с҃ти, и посекоше го воине; и неговь слѫга приеть чесни мощи и ꙁанесе гї вь негово ѡтечество.

И хощѫ да скажѫ неколико чѫдеса, иже сатвори с҃ти.

Вь сириискою землю вьсхотехѫ христиꙗне да сатворать красна цр҃ква ва име с҃томѫ геѡргию, и ва ѡнова место неимаше камение ради стлпове; поидоша по дрѫго место и наидоха многѫ красни камение: и ва единь градь беше некоѩ вдовица жена; и ѡна кѫпи красни стлпь, да го последъ, да го поставать вь цр҃ковь стомѫ геѡргию; вьпроси корабъначелника, и рече мѫ. кѫпихь стлпь, да го занесеши, да го поставать вь цр҃кви; рече корабѫначелникь: не могѫ да го ѫзма, понеже напльнилсе ѥ҃ корабь, и не имамь где да го поставимь; и ѡстана стлпь на краї море. корабь ѿиде: тогда зажалисе ѡнаѩ жена и вьсѫ нощь жалеше и плакаше, како не можи да послеть стлпа. и ва ѡнаѩ нощь ꙗвиисе с҃ти геѡргиа и рече и: «почто плачеши жено?» ѡна рече: «многѫ жалимь, како не ѫзеша стлпо». рече с҃ти: на коѩ страна хощеши да го поставать? рече жена: «ѿ десна страна да го поставать». рече с҃ти: «подигнї и ти, да го послеме да идеть». Тако се виде на сьнь та жена: и ѡна помогна и поставиха стлпо ва море. и неци

чл҃вци ѿ града приидоха на краи море, и наидоха стлпо на краи море: и беше написано на стлпо, да се поставить ѡ десною странѣ ѣ цр҃кві.

(Слѣдуетъ перечисленіе другихъ чудесъ святого).

И егда твориме празници с҃томѫ, да не твориме ꙗкоже творехѫ є҆лине: егда творихѫ празници на свои богове, пиѣха и ꙗдеха, и поꙗхѫ и играеха, и много безьчестиꙗ творахѫ; какови имь беха богове, такови и почести имь творахѫ; егда и нинѣ тако сатворимь, ѡбезьчествѣемь наши с҃ти. ꙗкоже рече исаїа пророкь: «горе, които пиꙗть вино с҃ъ тьпане и с҃ъ свирки играють, и нерадѣть да саврьшѫть заповеди божи и ради свою д҃шѣ».

Егда тако бѫдемь творити, тогда бѫдемь ѿ бога имети милость и ѿ с҃таго помощь, и бѫдем се сподобити и цр҃тво небесно полѫчити ѡ х҃се їсе г҃дѣ нашемѫ. томѣ подобаеть вьсака слава, часть и поклонение сь безначалнимь его ѿц҃емь и прес҃тимь дѫхомь и нинѣ и присно и ва веки вековь амїнь.

ПАМЯТНИКИ

НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА.

СКАЗАНІЯ И ПѢСНИ АПОКРИФИЧЕСКАГО И МИѲИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА; ПѢСНИ КОЛЯДСКІЯ И ХОРОВОДНЫЯ.

№ 1.

Записано въ г. Пиротѣ со словъ одной старой женщины (5 ноября 1879 г.).

Какъ произошло различіе славянскихъ языковъ?

Кадá богорóдица Исýса породи́ла, бѣгáла отъ Еврее и Турци по грáдама и чувáла се да дю (sic) не найду. Де е би́ла, оставила различи-то езúци, разли́чи-то премѣну оставила. И такò Руси, Българе, Серби.

№ 2.

Обрѣтеніе креста Господня.

Соф. Окр., село Бояна[1]); 30 янв. 1880 г. записано со словъ крестьянина той же деревни Стоянча Величкова.

Служба служи цара Костадина,
Та покани ре́домъ свето-оци;
Па ойдоа у чесна тарпеза;
Та ги служи това добро вино;
Межу себе дума продумаха́:
«Се ни служба добра поканета,
Да си има наши чесни керсты,

---

[1]) Село Бояна находится у подошвы горы Витоши, близь города Софіи, отъ жителей этого села и села Суводолъ я слышалъ, что на одномъ очень недоступномъ мѣстѣ горы Витоши, въ близи села Бояны видны прикрѣпы, за которыя привязывались судна — корабли.

Тогай би се вѣра увѣрило,
Тогай би се законъ запознáло».
Дочула ги царица Елена —
Говорила цару Костадину:
«Фала, цару, фала Костадине!
Ты поканилъ тія добры гостье,
Добры гостье си-те свето-оци;
Межу себе они дума продумаха:
«Какво нема наши чесни керсты»;
Фала, цару, фала, Костадине!
Я си ойды у Феруна града
И си фани царя Евреяша,
Та го мочи три дни и три нощи,
Да си каже наши чесны керсты».
Послуша а цара Костадина,
Та си ойде у Феруна града,
Та си фана царя Евреяша,
Та го мочи три дни и три нощи:
Смерть прїима, керсты не казува.
Проговори царица Елена:
«Фала, цару, фала, Костадине!
Я си фани царица еврейтя,
Та ю мочи три дни и три нощи,
Она че ти каза, де е наши керсты».
Послуша а цара Костадина,
Та си ойде у Феруна града,
Та си фана царица еврейтя,
Та ю мочи три дни и три ночи:
Смерть пріима, керсты не казува.
Проговори царица Елена:
«Фала тебѣ, фала, цару Костадине!
Я си фани на царица еврейтя
Това мышко дете,
Та го мочи три дни и три нощи —

А майтя за дете си не трае,
Я она те керсты да иска́жи».
Послуша а цара Костадина,
Та си фана на царица дете:
Оште не го замочило,
Изгово́ри царица еврейтя:
«Фала, пару, фала, Костадине!
Я не мочи мое мышко дете,
Я ще кажемъ ваши чесны керсты:
«Рано рани, цару Костадине!
Рано рани у гола планина,
У Планина — у Сива Грамада,
Да си найдешь три стърка босилёкъ;
Камо найдешь три стърка босилёкъ,
Тамо найдешь ваши чесны керсты».
— Рано рани цара Костадина,
Рано рани у гола Планина,
У Планина — Сива Грамада,
Рано рани со-съ негови слуги,
Да си найдатъ три стърка босилёкъ,
Да си найдатъ плёча становница.
Отшили па и нашли:
Подигнаа плеча становница,
Та найдоа наши чесни керсты;
Занесе ги цара Костадина,
Занесе я на негова служба;
И па покани триста свето оци
И остави ги у чесна тарпеза.
Тогай се вѣра увѣрило,
Тогай се законъ запознало,
Тогай се царство укрѣпило.

№ 3.

Записано со словъ одной старушки въ селѣ Великій Вербовникъ (Кюст.-Бан. окр. 9 дек. 1879 г.).

Кога́ се вѣра развѣрила, кърсы погинали, Евреи ги умерсна́ли. Собралисе семдесе попове при нова церква и сказали: каде́ си поденали: наши чесны керсы? Па старея сказалъ: «Фанете Еврейского цара». Фанали го, но онъ не казалъ. Фана́ли Еврейска царица, но и она не каза́ла. Каде́ фана́ли негово машко дете́, оно каза́ло: «не мачете мое машко дете́; я че кажемъ ваши чесны керсты: керсты ваши надъ Фекира града, надъ Фекира высока моги́ла, надъ могила одъ мермеръ пло́ча; подъ плоча-та три страка босилёкъ. Рано ранатъ мерсны-те Евреи, та го бератъ, а не може да найдатъ; но вы рано раните у света босилёкъ, и найдете ваши чесны керсты». — Тогай нашли се чесны керсты; тогай сме покерстили; а до-тогай били сме безъ керста.

№ 4.

Крещеніе І. Христа.

Городъ Дупница; 11 дек. 1879 г. записано со словъ Стефана Станоева, бѣженца изъ Джумалйскаго округа.

Замачисе Божя майка
Одъ Игната[1]) до Божича,
Да си роды млада Бога,
Млада Бога и Божича.
И си роды́ млада Бога
И роды Божи́ча;

---

[1]) День св. Игнатія Богоносца считается великимъ праздникомъ; въ народѣ укоренено повѣрье слѣдующее: первый кто войдетъ въ этотъ день въ домъ изъ людей непринадлежащихъ къ семьѣ приноситъ съ собою счастье цѣлому дому· вошло въ обычай — въ этотъ день не давать ничего изъ своего дома (село Бобошево).

Понесе го да го кърсты;
И се шетна́ на-горъ, на-долъ,
На-горъ, на-долъ возъ Іордана;
На срѣшта светый Никола;
Говори́ светый Ника́ла:
«Доберъ денъ Божья мале»!
—«Далъ Богъ добро́, светый Николо»,
«Язека си до тебе идемъ,
Да ми кырстишь млада Бога,
Млада Бога и Божича».
— Изговори светый Ника́ла:
«Я не смѣмъ, неумѣмъ,
Да ти кырстимъ Млада Бога;
Оде Іована Кърсти́теля,
Што-то керсти небо — земля,
Што-то керсти гора́ — вода́,
Той ште ти керсти Млада Бога».
Па си шетна́ Божья́ майка
На-горъ, на-долъ, низъ Іордана.
На срѣшта и свети Іованъ:
«Доберъ денъ ти Божья́ майко»!
— Далъ Богъ добро́, свети Іоване!
И язе-ка си до тебе-ка идемъ,
Да ми керстышь Млада Бога,
Млада Бога и Божича».
— И си флезна во-фъ Іордана,
Завилъ се свилни полици,
Да си керсти Млада Бога;
Вси се дервья преклёниха,
Едно́ си дервье не преклёни,
И оно́ бѣше абленово[1]);

[1]) Сказатель не зналъ, какое это дерево.

Проклела го Божья́ майка:
«Е ты дерво абленово!
Цвѣтъ, да цавти́шь,
Ражба да не машь».

№ 5.

Дупнический округъ, село Рыло; доставлена мнѣ 20 янв. 1880 г. народнымъ учителемъ дьякономъ Христою (Христофоромъ) Димитріевымъ Куюнджискимъ.

(На Р. Хр.)

Пошла си Божя майка Марія
Низъ Іордана возъ Іордана на-го́ре;
Въ рацѣ носи млада Бога Господа;
На срѣща и светъ Никола убавы;
Гово́ри му Божя майка Марія:
«Э ты-зе-ка, светъ Никола у́бавы!
Тебе трасехъ, тебе найдохъ;
Да ми кьрстишь млада Бога и Господа́!
Гово́ри и светъ Никола убавы:
«Э ты-зе-ка Божя майко Маріе!
Я не смѣю ни во-фъ погледна,
А камо ли азъ Него да кьрстимъ;
Я си шетни още мало по-нагóре,
Ще си стрѣтнешь Светъ Иванъ,
Що е кьрстилъ слънце — мѣсецъ на небо,
Що е кьрстилъ гора — вода на земя,
Онъ ще кьрсты Млада Бога и Господа!»
Послушала Божя майка Марія,
Та се шетна аще малко по-нагоре,
Та си срѣтна светъ Иванъ крести́тель.
Гово́ри му Божя майка:
«Э ты-зе-ка светъ Иване крести́телю!

Тебе трьсихъ, тебе найдохъ;
Да ми кьрстишь Млада Бога и Господа»;
Говори и светъ Иванъ Креститель:
«Э, ты-зе-ка, Божя майка Марія!
Постой малко, та почéкай,
Да си запремъ слънце — мѣсецъ на небо
И да запра гора — вода на земп»
Та си запре слънце — мѣсецъ на небо
И си запре гора — вода на земи,
И си кьрстилъ Млада Бога и Господа.

№ 6.

Городъ Радоміръ; 29 ноября 1879 г записано со словъ Таски Петрунова Моавійскаго.

Станинине господине!
Спишь ли, спишь ли разбуждайсе!
Добри са ти гостье дóшли,
Добрé гостье коледжане;
Подобаръ гласъ ти донели:
Ягненца се изъягни́ли,
Ждребчинка се ождребили,
Пи́ленца се извади́ли,
Крави се се истелили,
Со-съ млады тельчинка.
Пай си стана Божья майтя,
Запрегнала свилни скуты,
И си тури млада Бога;
Та си ойдé возъ Ордана
Возъ Ордана, возъ Іордана.
Тамъ срѣтна светы Никола:
«Да си кьрстишь Млада Бога!»
Я светы Никóла му доказалъ:
«Ни то знáемъ, ни умѣемъ;
Я си пойды по-на-горе,
Тамъ че срѣтнешь светъ Іована:
Онъ е кьрстиль небо — земля,
Онъ че кьрсты Млада Бога».
Чуло си е на дно-море,
Чула си е една рыба,
Чула го е и стана́ла;
И го чуло едно дéрво,
Едно дерво трепетли́ка,
Оно чуло не стана́ло,
Пай го прокле самски Господъ:

«Е ты-зе-ка едно де́рво,
Едно дерво трепетлика!
Да изникнешь на зло мѣсто,
Дека слънце неизгрѣва,
Дека роса неопада,
Да си трептишь и со-съ вѣтеръ,
И со-съ вѣтеръ и безъ вѣтеръ [1]).

№ 7.

Село Великій Вербовникъ, Дупнич. округа, 9 дек. 1879 г записано со словъ одной старой женщины.

Стани Како, дай колако,
Стани Нино, дай крендиро [2]):
Добри сме ти гостье дошли,
Доберъ семъ ти даръ доне́ли:
Тельчинка-те бѣлопа́хи,
Ждребчина-та патопо́хи,
Ягнешта-та ваклешаты,
Ярништа-та пергороги.

№ 8.

Соф. окр., с. Опій-цвѣтъ, 6 февр. 1880 г. записана со словъ Стояна Мильчова Лагарпина.

(Колядская «Станянине господине!»).

(КОЛЕ́ДЖАНСКА).

Станянине господине!
Пьянъ ли си? разбуждайсе;
Добро сме ти гостье дошли́,
Добро гостье-коледжане,

[1]) По другому варіанту, записанному тамъ же, пѣсня эта имѣетъ слѣдующій конецъ:

«Што е чуло, се станало;
Едно дерво трепетлюга
И е чу́ло — не стана́ло;
Тогай его Господъ проклелъ.
Да изнезнешь у зло мѣсто,
Дека слънце неогрѣва,
Дека слана неопада».

[2]) Ракія (водка).

Доберъ сме ти гласъ донели:
«Од-оз-горе Влашка страна
Кобильки се иждребили —
Се кобильки лѣвогривки,
И конéвци патонóги».
Стани, стани станянине,
Станянине господине!
Добро сме ти гостье дошли
Доберъ сме ти гласъ донели:
«Од-оз-горе низъ Загоре
Кравице се истелили,
Све кравици млекомълзи,
И воловци потеглóвци».
Стани, стани станянине!
Добро сме ти гостье дошли,
Доберъ сме ти гласъ донели:
«Од-оз-доле Овче-поле,
Овчице си изъягнили —
Се овчицы ваклушаты
И овновци витороги.

№ 9.

Село Влаи, Мельникскаго округа (въ Македонии); 16 дек. 1879 г. записана въ селѣ Бобошевѣ со словъ одного слѣпца.

Станянине господине,
Стани, гóре погледъ Нине,
Какви ти сме госте дошли,
Подоберъ сме гласъ донели:
[(повторяется стихъ)
Овце ти се изъягни́ли,
Се овчички ваклошатки
[(2 раза);
Коне ти се иждребили (2 раза),
Се кобилки патоножки;
Крави ти се истелили
Се кравички бѣлопаки.
Станянине господине,
Стани, гóре погледъ Нине,
Какви ти сме госте дошли,
Подоберъ сме гласъ донéли:
Пчели ти се изрои́ли,
Се пчелички златнокрилца.
Тебе пеемъ Стане господине
Тебе пеемъ, Бога славимъ
[(2 раза),
Да се цавтишь, да се ки́тишь,
Ка-то ружа у градина,
Сиви соколъ у высúна (2 раза),
Мрена рыба у длы́бина,
Бѣлъ трендафилъ у градина.

№ 10.

Соф. окр. село Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записано со словъ крестьянина Жоты Илкова.

Станинине господине!
Добро ютро, доматине!
Заспалъ ли си? разбуждайсе;
Пьянъ ли си? растрезнуйся:
Добри́ сме ти го́стье дошли,
Добаръ сме ти гласъ донели
Од-оз-доле — Овче поле:
«Овчицы ти изъимили,
Изъимили, изъягнили —
Се овчицы ваклушаты,
А овновци виторожки;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
Кравицы ти се истелили,
Се кравицы бѣлобойки,
А воловци потегли́вци»;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
«Кобилки се иждребили,
Се кобилки лѣвогривки,
А конёвци патопожки;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
Козицы се изкозили,
Се козицы вранушаты»;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
«Кошарци се изропли,
Се пчелици леватинки —
Леко лета, тежко носа:
На главица по паница,
На ножица по ложица,
На гербина кавтерина».
Стани нине господине!

№ 11.

Станинине господине!
Джелепъ Неё вино піе
Одъ недѣля до недѣля,
Одъ мѣсеца до мѣсеца,
Слуга му е света Петка,
Света Петка и Недѣля,
Слуга служи сълзи рони,
Рони до х́убава церна земня;
Сегледа ю Джелепъ Нёё,
Па ю тио говораше:
«Фала тебѣ, света Петко,
Света Петко и Недѣлё!
Ка'-то служишь добро вино́,
Зашто ронишь дробни сълзи
Дробни сълзи до х́убава церна земня?
Да ли ти се досадило,
Добро вино служа́яче

И на нодзе стоияче?»
— Света Петка говóраше:
«Фала тебѣ, Джелепъ Неё!
Ни то ми се досадило,
Добро вино служаяче,
Нп на нодзе стояняче;
Верло ми се нажалило:
Ка' піеме и ру́чаме,
За добро́ се не сѣштаме;
Х҃айде церкви да градиме —
Се одъ злато и одъ сребро,
Безцанъ каминъ прѣстолъ да е,
Да е вѣкомъ и до вѣка».
— Джелепъ Неё говораше:
«Фала тебѣ, света Петко,
Света Петко и Недѣлѐ!
Да градиме златны церквы!?
Че настане турско царство:
Се чатъ церквы да растура,
Безцанъ камикъ че подметна,
Со-съ насъ шега[1]) че си бія,
Одъ злато че узды ляты,
Одъ сребра сѣдла че кова;
Нело, х҃айде, да градиме
Одъ варъ камикъ и одъ тугла[2]),
Мермеръ камикъ прѣстолъдае,
Да е вѣкомъ и до вѣка!

№ 12.

Станинине господине!
Дане бане, Данъ войво́до!
Имашь сина Михаила,
Злато косо, дълго умо;
Молиме те, да го пишешь,
Да го пишешь — царь да быде
На своя земня и крайнина.
— А онъ си имъ одгова́ра:
«Имамъ, имамъ, не че лыжемъ,
Аме ми е вѣрно младо,
Вѣрно младо аджамія —
Не че може царство держи́,
Ни че може крайни реди,
Не че може войска реди».
— Дане бане, Данъ войводо!
Молиме те, ты го пиши:
Царо има три кра́лёве —
Едынъ че му войска реди,
Едынъ че му царство держи,
Едынъ че му ко́не́ сѣдли,
Салъ да си се царь назива,
Царь назива — банъ назива
На сва земня и крайнина.

[1]) Тур. слово, знач. смѣясь.
[2]) Кирпичъ.

№ 13.

Село Скрино, Дупнич. округа, 17 дек. 1879 г. записано со словъ Ангела (Янгелъ) Рыбаря

Станинине доматине!
Добри́ сме тѣ гости дошли́
Добаръ сме тѣ гласъ доне́ли:
Кобили се ождребѝли,
Се ждребчинка патоножки;
Кравице се отели́ли,
Се тельчинка бѣлопахи;
Овцы ти се изъягни́ли,
Се овчицы ваклашаты;
Козы ти се окози́ли,
Се яренца впёрожки;
Пчелици се изрои́ли,
Се пчелици левиканки.

№ 14.

Старая-Планина; Соф. окр с. Зимевецъ; 12 февр. 1880 г. записано въ селѣ Аджиска-маала (Берк. окр.) со словъ той же крестьянки.

Станине господине!
Тебе поёмъ, тебе сла́вимъ:
Одъ Бога ти много здравье!
Да си идешь горе́-доле
Доле-горе по-загоре,
Да си карашь се овновци,
Се овновци патоножки,
Се кобилки патоножки.

№ 15.

Соф. поле, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записано со словъ Стефана Мильчева Крачуна.

(Матерь Божія входитъ въ церковь, построенную Джелепъ Неною).

(колядская).

Собралисе си селяне
На механа мераджиска:
Вино піятъ, дума думатъ —
Кой да гради новы церкви?

Судиа се редиа се,
Одсудиа, да и гради
Да и гради Джелепъ Нено;
Започелъ ги одъ Дердевъ денъ;
Викна́лъ си е два майстора
Со-съ три-те чегерте[1]),
Да си прави новы церкви;
Та ги гради́ малу-многу
Малу-многу сва-то лѣто,
Одъ Дердевъ денъ до Митровъ денъ;
Та му мало нестигнало
Мало злато и то сребро́;
Оно́ облече черно руфо
Черно руфо калудерско,
Та си слезне доле въ поле
Покрай моря — по селчины,
Та написа милостывня,
Та натовари деветъ коне́
Деветъ коне чисто сребро,
А десето суво злато,
Та догради новы церкви.
Тече-пде Божья майтя —
Одъ милосты не продума,
Одъ убосты не погледна,
Та си влезна въ новы церкви:
Та си сапаса кованъ коланъ,
Та го тури на престоло,
Де-то четатъ млады дьяци
Млады дьяци и попове,
А стары попове служатъ литургія.

№ 16.

Село Жилинци, Кюстенд. округа; 6 дек. 1879 г. записано со словъ Стойны Стояновой Чекеренда.

Эй Коледе, Коледе!
Ушто се крыешь, Коледе,
Задъ майке-те?
Ни есме ти, Коледе, добри́ гости;
Навези ми, Коледе, десно крыльце,
Да прелети́мъ презъ Морава,
Да наберемъ вито прутье,
Да заградимъ вита Струга,
Да накарамъ сиво стадо,
Да намуземъ ведро млеко,
Да обанямъ Млада Бога,
Млада Бога и Божича.
Богъ се роды у Коледе во вечеръ.

---

[1]) Подмастерье.

№ 17.

Село Скрино, Дупнич. округа; 17 дек. 1879 г. записано со словъ Ангела Рыбаря.

Сестро Петро, Коледе!
Везарія, Коледе!
Навежи ми, Коледе,
Десно крыло, Коледе,
Да прилитамъ, Коледе,
Презъ Дунава, Коледе;
Да наберемъ, Коледе,
Вито праке[1]), Коледе,
Да направимъ вита страга, Коледе,
Че навертимъ, Коледе,
Сиво стадо, Коледе,
Да намуза, Коледе,
Прѣсно млеко, Коледе,
За Божичь млеко, Коледе!

№ 18.

Соф. окр. (поле), село Враждебно; 1 февр 1880 г. записана со словъ крестьянина Донки Гелева.

(Турки наслѣдуютъ царство царя Константина).

(НА Р. ХР. = НА БОЖИЧЬ).

Станянине господине!
Извило се сиво пиле
На цареви равни дворы;
Та се вило мало-млогу,
Мало-млогу, такмо три дни,
Такмо три дни и три нощи;
Никой пиле не согледа,
Согледа го царь Костадинъ.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, цару слуги,
Цару слуги-дугонджіи[2])!
Изнесете танко мрѣдже,
Премрѣжете синё небо,
Да фанёмо сивó пиле».
Послушаа цару слуги,
Изнесоа тенко мрѣдже,

---

[1]) е-мегкое = пракје.
[2]) Слуги.

Премрѣжиа спнё небо;
Бо'ме, каде виде сиво пиле;
Сиво пиле и двашь и трышь,
И двашь и трышь надъ мрѣджe-то.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, цару слуги!
Я влезнете нови церкви,
Изнесете столъ позлатенъ,
И турете стреде дворы
Подъ ябука петровкина».
Послушаа цару слуги,
Та влезнаа нови церкви,
Изнесоа столъ позлатенъ,
И турнаа стреде дворы
Подъ ябука петровкина;
Та си сѣдна царъ Костадинъ,
Та помами сиво пиле:
Ка' го виде сиво пиле,
Та му падне на колѣно,
Та растраси десно крыло,
Та истраси бѣлó книже,
Бѣло книже — церно́ слово.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, цару слуги!
Я влезнете у яґаре,
Наяха́йте добры́ коне́,
На керзъ поле калешете,
Калешете си попове,
Си попове и дья́кове».
Послушаа цару слуги,
И влезнаа у яґаре,
Наяха́а добры́ коне́,
На керзъ поле калесаа
Си попове и дьякове,
Да си четатъ литургіе;
Си попове книже четатъ,
Книже четатъ, пѣсень пеятъ;
Попъ Никола книже чети,
Книже чети — сълзи рони.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, попъ Никола!
Какво́ ли е твое чудо?
Си попове книже четатъ,
Книже четатъ, пѣсень пеятъ,
А ты-зе-ка книже́ четы́шь,
Книже́ четышь — сълзи ронишь?»
Попъ Никола одговара:
«Слава Богу, царь Костадинъ!
Нали питашь, да ти кажемъ:
[(2 раза)
«Наше царство достанало,
Турско царство настанало».

№ 19.

(Заг.) Берков. окр. с. Вершецъ; 10 февр. 1880 г записана со словъ Елисаветы Іованчиной.

(КОЛЯДСКАЯ).

Зависе сиви соколю
На царевы равны дворы;
Висе два дни, висе три дни
Коледе! Коледе!
Висе такмо три недѣли;
Царь испраты свѣтны слуги:
Коледе! Коледе!
«Я идете вѣрны слуги,
Та прекиньте ситно мрѣже
Коледе!
Юловете сивы соколъ,,
Донесете го ми на колѣно;
Коледе!
Да го поятъ съ руйно вино,
Да го ранатъ съ бѣло месо».
Коледе!
Злезнали вѣрны слуги,
Фергали со-съ ситно мрѣже,
Коледе!
Сиви соколъ ту подлаталъ
Ту подлаталъ, ту надлаталъ,
Коледе!
У мрѣжа тако улата.
Излезналъ е царо Костадине,
Коледе!
Па си сѣдне у дворове,
Па си сѣдне у дворове,
Коледе!
У дворове на столове;
Па почука на коленце;
Коледе!
Емъ почукалъ, емъ повикалъ:
Ела, ела, сиви соколъ,
Коледе!
Та ми сѣдни на колѣно,
Та ми падни на колѣно,
Коледе!
Да те ранимъ съ бѣло месо,
[(повторяется)
Коледе!
Да те поимъ съ руйно вино».
Свисе соколъ, та падналъ —
Коледе!
Падна цару на колѣно,
И простралъ си десно крыло,
Коледе!
Та истраси десно книжне,
Дребна книга, ситна слова.
Коледе!
Царь Костадинъ одговори:
«Леле, варай, вѣрны слуги!
Коледе!
Я идете по сви села
По сви села и градове,
Коледе!
Соберете сви попове

Сви попове и дякове,
Коледе!
Да пречетатъ дребно книжне,
Дребно книжне, ситно слово».
Коледе!
И учели[1]) вѣрны слуги
По сви села и градове;
Коледе!
Собрали са сви попове,
Сви попове и дякове:
Коледе!
Чели два дни, чели три дни,
Не могоха да пречетатъ,
Коледе!
Кой-то знае — не казува»
[(повторяется)
Коледе!
Продума царь Костадинъ:
«Я идете на Прокопе,
Коледе!
Да викнете попъ Никола
Коледе!
Попъ Никола одъ Прокопе;
Онъ ште книжне да прочете,
Коледе!
Онъ ште мене право каже».
И учели[1]) на Прокопе,
Коледе!
И викнали попъ Никола.
Коледе!
И погледналъ попъ Никола
И погледналъ книжле-то
Коледе!
И поронилъ дребни сълзи;
[(повторяется)
Коледе!
Па си дума одговори:
«Леле, варай, цару Костадине!
Коледе!
Е-те глава, е-те и сабья —
Земи сабья, посѣчи ме:
Коледе!
Царсто ни е достаяло» (повторяется)
Коледе!
Расерди се царь Костадинъ,
И трегна сабья, да го посѣче;
Коледе!
Попъ Никола одговара:
«Леле, варай, царе Костадине!
Коледе!
Не сѣчи мене, не губи мене,
Но ме запри у тевница,
Коледе!
И ме тури у тумруци,
Да посѣда таманъ два дни и пладнина,
Ако нема иня вѣра,
Коледе!
Иня вѣра — клеты Турци,
Изведи ме, посѣчи ме».
Коледе!

[1]) Сказительница объяснила это слово черезъ «отшели», т. е. отошли.

И запрелъ го царь Костадинъ [(повторяется)
Коледе!
У тевницы, у тумруци;
И сѣделъ е, таманъ, два дни
Коледе!
Таманъ два дни и пладнина
У тевницы, у тумруци.
Коледе!
Изведе го, да го сѣче;
Алъ погледна на-нагоре
Коледе!
На-нагоре, па надоле:
Колко на гора листье
Коледе!
Колко на земня трѣва-та,
Толко иде иня вѣра,
Коледе!
Иня вѣра — клетви Турци.
Царь Костадинъ договарья:
Коледе!
«Леле, варай, вѣрны слуги!
Яха́йте, та бѣгаме;
Коледе!
Кой што съ мене да бѣгаме».
Вѣрны слуги одговарятъ:
Коледе!
«Леле, варай, царь Костадинъ!
Я се надаха́ъ, да полетимъ —
Коледе!
Ясно небо съ ясны дзвѣзды
Ние съ тебе да повернемъ,
Коледе!
А то нели ги́ня вѣра, (повтоpяется)
Коледе!
Иня вѣра — клетви Турци».
Царь Костадинъ одговори:
Коледе!
«Леле, варай, вѣрны слуги!
И я мога и конь може,
Коледе!
Коги́ Господь поможе».
Бутна конё — конь не верви,
Коледе!
Тергна сабья — невадисе,
Но се преби до крестеве,
До крестеве позлатены;
Коледе!
Проговори царь Костадинъ:
«Леле, варай, вѣрны слуги!
Кой што съ мене да бѣгаме?»
Коледе!
Сви са слуги остапали,
Само пошелъ единъ слуга;
Коледе!
Преминали деветъ наха́ии,
Царь Костадинъ вода по́сака,
Коледе!
На патё студенъ кладенце;
Царь Костадинъ одговори:
Коледе!
«Леле, варай, вѣрно слуго!
Я поземи златно тенче,
Коледе!
Загреби ми студна вода»;

Вѣрна слуга одговори:
Коледе!
«Леле, варай, царь Костадинъ!
Сеги свекій себѣ слуга —
Коледе!
Наведи се, загреби си»;
Онъ си беркна у бисаги
Коледе!
И извади златно тенче,
И загреба студна вода —
Коледе!
И посѣкна вѣрна слуга,
Одсѣче му десна рака
Коледе!
Десна рака и глава-та.
И преминалъ царь Костадинъ
Коледе!
Преминалъ е деветъ села
И безъ рака и безъ глава.
Коледе!
У десето малки моми
И сѣднаха, та шіеха;
Коледе!
Една мома казала:
«Та станете, мили дружки!
Коледе!
Да видите, какво харо
Какво харо по друми
Коледе!
И безъ рака, и безъ глава»;
И станаха вѣрны дружки,
И видѣха царь Костадинъ.
Коледе!
И тогива падналъ царь Костадинъ;
Тамо е неговъ трупо.
Коледе, Коледе!

№ 20.

Соф. окр. (поле), село Челопечино; 1 февр. 1880 г. записано со словъ крестьянина Бунила Тодорова.

(Царь Стефанъ строитъ церкви).

Станинине господине!
Царь ми Стефанъ церкви гради;
Заградилъ е на Дюрдевъ день,
Доградилъ е на Великъ день.
Не стигнало му малу — многу
Суво злато за алтарь,
Безцанъ камикъ за престолъ;

Па се чуди царь ми Стефанъ,
Па се чуди, што да чини?
Што да чини, какъ доправи?
Стефаница одговара:
«Слава Богу, царь ны Стефанъ!
Се те уче и това́ ли?
Я си влезни въ танка шайтя[1]),
Та си пишни низъ бѣлъ Дунавъ,
Та премини оданаде,
Оданаде градъ Солупа,
Та улови дру́га вѣра,
Друга вѣра Еврепна,
Увержи го, у́кови го,
Удари му вечь на макъ,
Онъ што каже, што ти трѣбе».
Послуша ю царь Стефанъ,
Та си верзна въ танка шайтя,
Та си нишна низъ бѣлъ Дунавъ,
Та премина оданаде,
Оданаде градъ Солуна,
Та улови друга вѣра,
Друга вѣра Ереина;
Увéза го, укóва го,
Удари му вечь на макъ;
Евреинъ се милно моли:
«Слава Богу, царь Стефанъ!
Я погледни доле — горе,
Доле — горе на дно море,
Ка́ играе мрена рыба,
Мрена рыба съ безцанъ камикъ:
Я си ферли танка мрѣжа,
Та си фаны мрена́ рыба —

[1]) Лодка.

Мрена́ рыба яко требе:
На Никулъ день за дулгере[1]),
За дулгере на курбанъ, —
Безцанъ камикъ за престолъ.

№ 21.

(Загорье) Берковск. окр., близъ Бѣлградчикскаго округа, село Котеновци; 16 февр. 1880 г. записано со словъ Стояна Мурги.

(Царь съ золотыми волосами).

(КОЛЯДСКАЯ).

Собрали́се три кралеве,
И се моли́ли на едынъ човѣкъ:
«Имашь момче-златна коса,
Ты пушти намъ го — царь да намъ баде,
И пушти го — миръ да чини».
— «Имамъ, имамъ, багме имамъ,
А я младо аджамія —
Не умѣе ни кральство да варди,
Не умѣе войско да си стега».
— «Ты го пушти саде, —
Мы имаме три кралѐве;
Еденъ ште му войска реди,
Еденъ ште му стеги стега,
Еденъ ште му на стулъ сѣды
На стулъ сѣды, да му реди».
— И пуштилъ го — царь станало.

---

[1]) Мастеръ.

№ 22.

(Загорье) Берков. окр, с. Гушанци; 13 февр 1880 г.

(Зачатіе дитяти, у котораго въ одной рукѣ письмо, въ другой три золотыхъ яблока; на груди мѣсяцъ и на рамени солнце).

Ималъ Миланъ млада Петкана —
Одъ деветъ годинъ се узелъ;
Узели се одъ деветъ годинъ,
И рожба немали ни́каква.
Даде имъ Господъ иманье и стока,
А рожба си нематъ.
Продумалъ Миланъ:
«Петкано, Петкано!
Ште оставимъ тебе,
Оставимъ млада удовица».
— «Болеглава ме загуби!
Да не стане млада удови́ца,
Да се смѣе сельски селяне».
Миланъ запрати аберъ,
Аберъ при Лило Касапинъ:
«Че има права ялова
Ялова деветъ годинь,
Одъ деветъ годинъ нестелна».
Па си Миланъ до деветъ фурни леба упече,
Деветъ бачви вино нато́чи,
Деветъ бачви ракія наточи,
Заколелъ тлъста пауна,
Зифетъ да чини Лило Касапинъ,
Да губи Лило млада Петкана.
Дойдé Лило Касапинъ,
Дойдé съ деведесé юнаци,
Съ деведесé гонаци и осемдесе джалаци.

Па си думалъ Миланъ на Лило Касапинъ:
«Додай се крава ялова!
Деца́ — то ра́бота иматъ;
Да зако́леме крава ялова!»
— «Чекай, Милане; да вечераме,
Па тогива че ко́лиме».
Вечераю са дружина:
Дотерчаа млады юнаци,
Та фанаа млада Петкана,
Млада Петкана диванъ да ги чини;
Млада Петкана диванъ ги чини:
Емъ ги служи чаша вино,
Емъ дробни сълзи рони.
Додумали млады юнаци,
Та фанаа ю и заклали;
Заклали млада Петкана,
А у серцѣ́-то му нешто біе;
Продумалъ Миланъ:
«Распорете ми млада Петкана!»
Распоре млада Петкана,
И намѣри машко дете:
Ошь у майти баштинъ занаятъ научилъ;
Со-съ писмо у една рака-та,
Со-съ три златни ябълки у друга,
Да и ме́сецъ му у гърди-те,
Слънце-то му на́ рамо.
И се дете́ одъедныгъ загинало.
Продума тогива Миланъ:
«Лило Касапине!
Додай ми влашко ножле́нце,
Да порѣжнемъ ябълка-те,
Чста се да одква́симъ».
Онъ не ште да рѣже ябълка,
Алъ удари себе у серце́,

И продума:
«Просто да ти е деветъ верви жьлтице,
Да закопашь троицине въ единъ гробъ».
Закопаа ги троица въ единъ гробъ.

—

Да не бѣше истина,
Не би пѣсма запѣлъ.

№ 23.

Г. Радоміръ; 29 ноября 1879 г. записано со словъ Таськи Петрунова.

(Конь Вирогонъ опережаетъ солнце).

Съ-ношти дойдé Миялъ на сѣдентье;
Повали се при малкú-те момú,
«Де-ка ималъ коня Вирогона,
Што претича алú и вѣтрове,
Што минуе това ясно слънце;
Ако мине Міялъ това ясно слънце,
Да му дадé това ясно слънце,
Да му дадé сестра Перусія;
А ако мине това ясно слънце,
Ако мине Мияла юнака,
Да му зéме коня Вирогóна».
И си сѣды Миялъ вреденъ юнакъ.
Слънце стана, вече, гулемъ ручéкъ,
Миялъ сѣдú у ладны меаны,
Та си піе товá руйно вúно
И си піе лютúца ракія.
Дума дума слънчева-та майтя:
«Э, Мияле, э, вреденъ юначе!

Ка незнаешь, облокъ да си держишь?
Што се вашташь со-съ ясно-то слънце?
Слънце стана, вече, гулемъ ручéкъ,
Я ты піешь у ладны меаны,
Та си піешь това́ руйно ви́но,
И си піешь лютица ракія!»
Миялъ стана, та коня изведе,
И си тури нога у зенгі́я,
Дуръ да тури, Богме, и оная,
И достигна́ това ясно слънце,
И го стигна́, и го замина:
«Добра стиджа, мое ясно слънце!»
— «Далъ Богъ добро, Мияле юначе!
Каде́ си коня уберзи́ло?
Чекай мене, заедно да идемо».
Я Миялъ му дума продумуе:
«Чуеть мене, мое ясно слънце!
Я че ойдемъ на твои пладништа,
Че да ойдемъ, мало да си преспимъ;
Кога́ ми́нешь, ты-зи да ме окнешь».
Заминало това ясно слънце,
Заминало, а го не окна́ло.
Дума дума Миялови коня:
«Э, Мияле, вреденъ юначе!
Што семъ тебе язе надельело,
Та ме давашь на ясно-то слънце».
И Мияле (лъ + е) тогай собуди́ло;
Па-й си яна́ коня Вирого́на,
И го яна, и го си пребутна,
И си стигна́ това́ ясно слънце,
Па-й го стигна́, па-й го замина.
Дума дума това ясно слънце:
«Э Мияле, э, вреденъ юначе!
Просто тебе да е, моя мила сестра!

Я очемъ тебе коня да ти зе́мемъ:
Я коня ты кого вредна било —
Достигне ме и ме, бре, замѝне.

№ 24.

Берковъ окр., с. Котеновци, 16 февр. 1880 г. записано со словъ того же крестьянина.

(БОГОСЛОВКА).

Повалисе Милке майтя
Съ-ношка на кла́денецъ:
«Ко́ уземе моя Милка,
Да прокопа двѣ планины
Двѣ планины — двѣ рудины,
Да искати морска́ во́да,
Да извіе виты́ чешмы —
Онъ да земе моя Милка».
Раструдисе малко дунге́рче —
Прокопа́ двѣ планины — двѣ руднины,
Пуштило морска́ во́да
И довело една вода Милки майти,
Милки майти у дво́ры;
Извѝло виты́ чешмы́ —
И потекли виты́ чешмы́ —
Виты чешмы — три шипорки.
Тогива викнало младо дунге́рче;
«Излезъ, излезъ, Милки майтя,
Да си видишь морска́ во́да,
Како́ тече́ изъ виты чешмы,
Изъ виты́ чешмы́ у твои́ дворы».
Излезнала Милки майтя,

Излезнала, та па-й погледнала, —
Потекла морска́ во́да три шипорки —
И казвала:
«Язе така́ не се́мъ ре́кла;
Кой наса́де по бѣлъ Дунавъ бѣ́ло лозье
И па побрежли́ньки жълти ду́ньки,
Онъ да земе моя Милка,
Моя Милка найубава».
Раструдисе малко дунгерче —
Па насади па бѣлъ Дунавъ бѣло лозье
И насади жълти ду́ньки,
Па си викналъ Милки майти:
«Излезъ, излезъ, Милки майтя́,
Да си видишь по бѣлъ Дунавъ бѣло лозье,
Да си видишь побрежлиньки жълти дуньки».
Излезнала Милки майтя,
Излезнала та па-й погледнала —
Та па-й рекла:
«Я така не семъ рекла;
Кой устрѣли грѣйно слънце,
Онъ да земе моя Милка,
Моя Милка найубава».
И рече тоги́ва младо дунге́рче:
«Излезъ, излезъ Милки майтя —
Я да стрѣлямъ грѣйно слънце,
Я да стрѣлямъ, ты да гле́дашь».
Не устрѣля грѣйно слънце,
Та устрѣля Милки майтя;
Та си умре Милки майтя,
Онъ си узе Милка найубава.

№ 25.

(Заг.) Берков. окр, с. Котеновци, 16 февр. 1880 г. записана со словъ Стояна Мурги.

БОГОСЛОВКА (благословеніе) ВЪ Р. ХР. НА «ПОВѢСМА».

Колко тука влакно
На́-преко, на́-дълго,
Толко му далъ Господъ
На купништа кунупишта:
Били тенки, ка́-то игла́,
Били высоки, ка́-то ела́,
Били гысты, ка́-то магла́,
Моми́ ги работыли,
Момче ги носили;
Покумство́ и побра́тимство
По сълнце и по вѣтеръ ги носили,
Носили, та ги кинали;
Ты си со-съ ни Фали́лъ,
А кои носили, се Фалили со-съ рызи-те.

№ 26.

Берков. окр., с. Котеновци; 16 февр. 1880 г. записана со словъ того же лица.

БОГОСЛОВКА НА ЗЕРНО.

Какво-то е зернче,
Што-то ни дари нашъ побратимъ?
Ако буде злато,
Злато му се ляло и ковало
По синове и дащерки;
Ако буде сребро,
Сребро му се ляло и ковало
И прекъ краи прелявало;
Около Ивановы-те дни,
Што е околъ воденицы скова́ло —
Колко се зернца премѣтни
Презъ това ситно сито,
Толко му далъ Господъ
На големи ниви купни,
На мали ниви кладни —
Ка́-то жеравина презъ лѣбъ преревало.

№ 27.

Соф. поле, с. Кремиковци, 2 февр. 1880 г. записана со словъ Стефана Мильчева Крачуна.

(Св. Іоаннъ Креститель пьетъ вино; ему прислуживаютъ свв. Пятница и Недѣля).

Светый Іованъ вино́ піе,
Вино піе одъ неделя до неделя,
Одъ мѣсеца до мѣсеца;
Слуга му е света Петка и Неделя.
Никой не я не сегледа,
Сегледа я светы Іованъ —
Съ вино чаша не долива,
Со-съ сълзи и прелива.
Светы Іованъ одговори:
«Што ти се е нажалило?
Съ вино чаша не доли́вашь,
Со сълзи и преливашь?
Одгова́ра света Петка:
«Слава Богу, за светого Іована!
Че не надпи́хме за светого Арандела
И за братъ му Ми́хаила».
— «Тая ли са грыжа грыжешь?
Язе имамъ три пивници
Три пивници добро́ вино́
И четверта, башь, ракія.

№ 28.

Г. Радоміръ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Таски Петрунова.

(Св. Недѣля устроила пиръ).

Слуга служи пресвета Неделя,
И си кани ора и гра́дове,
И си кани до-деветъ краины,
И покани́ до-деветъ кралици,
И покани́ до-деветъ кра́лёве,
Не покани пресветы Никола;
Дума дума пресвета Неде́ля:
«Што ни е грозна тырпеза?
Де нема старца светы Нико́ла?
Скоро-то быржете, ангеле!
Точе́те златна здра́вица,
Кане́те светы Никола!»

Ангеле послушаа пресвета Неделя:
Точили златна здра́вица,
Канили светы Никола:
«Пошло си е светы Никола,
Пошло со златна здравица,
На света Неделя на́ гостье!»
Отишелъ светы Нико́ла;
И света Неделя него́ срѣтна́ла:
«Бѣше ми грозна тьрпеза
Безъ светы старца Никола».

№ 29.

Тренскій окр., с. Бабица; 25 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвченки Христины Стоянчиной.

(Св. Іоаннъ Крестителъ затворяетъ небо).

Одъ-како́ се земля размѣри́ло,
Одъ-тага се срамы загубили:
Синъ си башту за башту не знае,
Черка майтю за майтю не знае,
Сна зелву за зълву не знае.
Проговори светы Іованъ Крестителъ:
«Дай ми, Боже, ключе одъ небеса́,
Да заклопи́мъ това́ ясно небо —
Деветъ годинъ слънце да не грѣе,
Деветъ годинъ роса́ да не ро́си,
Да се пу́кне зе́мля деветъ педы,
Да упадне краль Миланъ Будимски,
Да упа́дне до а́лови поясъ —
Сълга народъ, на нишанъ біяше;
Нему душа на муку испадне».
Далъ му Господъ клоче одъ небеса,
Та заклопи това ясно небо:
Деветъ годинъ роса не росила,
Деветъ годинъ слънце не грѣяло,

Та се пуче земя деветъ педы,
Та упаде краль Миланъ Будимски —
Сълга народъ, на нишанъ біяше;
Тамо душа на муку испаде.

ПѢСНИ НА ДНИ ДРУГИХЪ ПРАЗДНИКОВЪ.

№ 30.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци, 5 дек. 1879 г. записано со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(ВЪ СЎББОТУ ЛАЗАРЕВУ).

Летея, ми, Лазаре, летея
Деветъ реда галаби,
Десето жераби;
Пойдоа-ойдоа кралѝчины двóреве,
На кралица говоратъ:
«Эй, кралѝце, кралѝце!
Кутеи бисеръ сѣяше,
На галабье ферляше»·
Оговори имъ кралѝца:
Э, вие-ка галаби!
Зобете, ми, зобете;
У пролѣтъ ми дойдете:
Имамъ сина да женимъ,
Имамъ штерка Мара да давамъ».

№ 31.

Село Скрино, Дупнич. округа; 18 дек. 1879 г. записано со словъ Ангела Рыбаря.

(НА ПАСХУ — ВЕЛИКЪ ДЕНЬ).

Нено, хубави Нено!
Пратила му абаръ тета:
«Дойди Нено на Великъ-день,
Наше-то сѣло големо;

Дойди, Нено́, на́ гостье,
Големъ се соборъ соби́ра —
Отъ три села е соборо,
Загледа моми хубави».
И Нено крена да иде;
Майтя му премѣна да́ваше,
И градомъ сълзи роняше;
Снаи му колачи мѣсѣха
И оны сълзи рониха;
Башта му пари да́ваше
И онъ сълзи ро́няше;
Братья му ко́ня справляха
И оны сълзи роняха.
И майтя му говореше:
«Сѣди, сине, не иды,
Хубавъ ми си, сине!
Че паднешь тамъ одъ уро́ци»
Не слуша́ — ойде Нено.
Одвела го тета на оро́-то;
Кметове вино піятъ,
И забора вино да піятъ,
У Нено погледнаха;
Кметици-те ду́ма ду́маха
И дума-та заборіа,
И оны́ у Нено́-то погледнаха;
Момчета-та камень ферляха,
И оны́ ка́микъ заборіха;
Моми пѣсень поѣха,
Пѣсень-та заборіха,
И оны-те погледнаха
Погледнаха у Нено-те.
И си-те уроци фанаа Нено:
Умре Нено одъ уроци.

№ 32.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записано со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(ПРИ НАСТУПЛЕНІИ ВЕСНЫ).

Гороле, гора зелена!
Водоле, вода студена!
Не ми е гора зелена,
Не ми е во́да студе́на,
Туку е мома румена;
Шетала поле Дреново,
Видѣла момче́ убаво,
Па на башта си говори:
«Тателе, мили татице!
Я шетахъ поле Дреново,
Я видохъ момче убаво;
Давай ме тате, за него:
Сама че д'идемъ по него».
Башта му вели-говори:
«Штерко румено, румено:
Я те недавамъ за него».
— Кърши́ла врата по него.

№ 33.

Г. Радоміръ; 1 декабря 1879 г. записано со словъ Таски Моавійскаго.

(ТОЖЕ).

Зуравче-вѣнче, цвѣте меришливче!
Бера́ли те моми́ и невѣсты!
Я здравче му дума продуму́е:
Не ме бера моми и невѣсты —
Корень ми е подъ Соканоенъ-камикъ;
Ка ми до́йде пролѣтъ на Дюрдёвъ денъ,
Тогай си се язе разви́вамъ:
Умеришемъ горица зелена,
И кой мине, и се ми одкине,
То ме тура оно у пазуке,
И ме но́си оно у пазу́ке,
Да си віе тія виты вѣнци.

№ 34.

Соф. поле, с. Кремиковци, 2 февр. 1880 г. записано со словъ Стефана Милчева Крачуна.

(НА ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ).

Рано рани светы Дёрде,
Да, ми, иде, да обиде
Да обиде синурето,
Синурето по полето;
Веселъ ойде, скербенъ дойде́;
Никой него не сегледа.
Посрѣшна́ го Божья майтя,
Па му тио одговора:
«Слава Богу, светы Дёрде!
Веселъ ойдешь, скербенъ дойдёшь!
Какво ти синурето
Синурето по полето?»
— «Слава Богу, Божья мале!
Нали піташь, да ти кажемъ:
Есенина церна угарь,

Пролѣтнина не никнала».
Божья майтя одговара:
«Слава Богу, светъ Дѐргіе!
Тая ли се грыжа грыжешь?
Да ми доде денъ Спасовъ-денъ,
Даште Господъ ситна роса;
Па да идешь, да оби́дешь.
Дошелъ денъ Спасовъ-денъ.
Та е ранилъ светъ Дергіе,
Та отшелъ да обиде,
Да обиде синурето,
Синурето по поле-то;
Подковалъ е добра́ коня,
Та я отшелъ, да я обише́лъ,
Обишелъ синорето по поле-то;
Скорбенъ ойде, веселъ дойде́.
Посрѣшна го Божья майтя,
Посрѣшна го, попита го:
«Слава Богу, светъ Дѐргіе!
Какво ти е синорето,
Синорето по поле-то?»
Нали питашь, Божья майтя,
Нали питашь, да ти, кажемъ:
«Есенина — конъ пота́(не),
Пролѣтнина до зенгіи».

№ 35.

Село Невѣстино, Кюстендильскаго округа, близъ Кадіина моста; записано 8 дек. 1879 г. со словъ Стоицы Лазарева.

(тоже).

Светыи Гѐрги коня яхна́.
Кога́ яхна́, веселъ яхна́;
Та си пойде́ по поле́-то,
Да обиде орач-то,
Орач-то, овчарье́-то,
Овчарье́-то, конярье́-то.
Кога́ ойде светый Гѐрги,
Кога́ ойде, веселъ ойде́.
Орачье́-то сѣдатъ-плачатъ,
Овчарье́-то сѣдатъ-плачатъ,
Конярье́-то сѣдатъ плачатъ;
Светый Гѐрги веселъ ойде,
Оттудъ веселъ, оттамъ иленъ.
На срѣшта му стара майтя
Каже: светый Гѐрги, мили сину!
Зашто толко веселъ ойде,
А сега́ ми то́лко иленъ идешь?
И онъ скаже на майтя:
«Како да не самъ иленъ?
Орачье́-то сѣдатъ-плачатъ,
Овчарье́-то сѣдатъ-плачатъ,
Конярье́-то сѣдатъ-плачатъ:
Све-то поле погорѐло».
— Каже:
«Светый Гѐргю, мили сину!

И това́ ли те майтя да учи?
Я си ойды на нова-та церква,
Та за́пали семдесе жълты свѣшты,
И се моли на милна-та Бога,
Да зароси тая ситна роса́,
Та прерóси това́ свéто поле;
Тога яни́, светый Гéргю, мили сúну,
Тога яни коню дорушáна;
Та си ойдешь по полé-то,
Да обидешь орачьé-то».
— Кога ойдé светый Герги:
Орачьé-то оратъ-поятъ,
Овчарьé-то пасатъ-поятъ,
Конярьé-то пасатъ-поятъ.
— Светый Гёрги веселъ ойде.
На срѣшта му стара майтя
И скажуе на него:
«О ты тако иленъ ойде,
А сега́ тако веселъ идешь?»
— Какó да не самъ веселъ?
Орачьé-то оратъ-поятъ,
Овчарьé-то пасатъ-поятъ,
Конярьé-то пасатъ-поятъ;
Овцы-те се изъегниле,
Кобиле се иждребúле—
Не се знае, мáмо,
Кое е гулемо, кое е малено,—
И мóе коне Дорушано
Не може да изгори трава дѣтелина.

№ 36.

Соф. окр., с. Опій-цвѣтъ; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Стояна Мильчова Лагариина.

(ТОЖЕ).

Светы Дёрджа коня́ ковé,
Па си коня́ лэпо оружало,
И си верли коню на рамена,
Да обиде сичко поле.
Оды Дёрги, оды и па види:
«Пролѣтнины не никнали,
Есеницы изгинали»,
И си дойде светы Дерги
И си дойде иленъ, а отиде веселъ.
Стара майтя го питуе:
«Леле синко, светы Гёрги!
Веселъ си ойдé, а ухúленъ ми дойдé?
А онъ си и одговора:
«Леле майко, мила майка!

Како да не самъ уиленъ?
Пролѣтнины не никнали,
Есеницы изгинали».
Кога́ биде денъ Спасовъ-денъ,
Па си ойде светы Герги,
Да обиде сичко поле:
Есеницы у вретенце,
Пролѣтнины класъ вьрлили.
И си дойде светы Дерги,
И си дойде веселъ.
Стара майтя го питуе:
«Леле, синко, светы Дёрги!
Саде ты-си веселъ дошелъ?
Одговара светы Дёрги:
«Есеницы у вретенце,
Пролѣтнины класъ вьрлили—
Та за това семъ веселъ!»

№ 37.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(ТОЖЕ).

Ой, мили светы Дёрдё!
Светы Дёрдѐ церкве мете,
Церкве мете, книга чати,
И си рони дробни сьлзи.
Согледа го стара майтя
И говори на светый Дёрдё:
«Зашто синко, церква метешь,
И си чатишь бѣла книга
Бѣла книга — церно писмо,
И си ро́нишь бѣлы сьлзи?»
Светый Дёрдё говорише:
«Малеле, мила майчице!
По лѣто берететъ нема»,
Майтя му вели-говори:
«Ой, мили светы Дёрдѐ!
И това ль да те учимъ,
Да те уче-да науче:
Ноштемъ роси ситна роса,
Денемъ грѣе ясно сълнце,
Туре поле на распара;
Па си чекай една недѣля,
Па си яны Врана поня,
Та си ойды у поле́-то,
Да си ви́дишь равно поле,
Да си видишь беритето».
Послуша си Дёрдё стара майтя:
Ношкемъ роси ситна роса,
Денемъ грѣе ясно сълнце,
Тури поле на распара».
Па си яха́на Врана коня,
Па си ойде́ у поле́-то,
Та си виде́ берите́то:

Пролѣтни-те никнали
Есени-те му класи́ли;
Радýесе светы Дѐрдѐ;
Настоясе на поле-то,
Па си дойдé светы Дёрдё
Дойдé при негóва стара майтя,
Та на майтя си казуе:
«Малеле, мила майчице!
Есени-те ми класи́ле,
Пролѣтни-те ми никнале
Поле́-то ми е вéсело.

№ 38.

(Загорье) Берковск. окр., с. Гушанци; 13 февр. 1880 г. записана со словъ Герасима Русинова.

(ТОЖЕ).

Очудилсе Стояно
Очудилсе, че нема,
Че нема ваклошина да зако́ли,
Да зако́ли на Дюрдевъ денъ.
Дигналъ ми се заранъ-та,
Та ми преодылъ деведесé кошары,
Не можелъ да си намѣри ваклошина.
И си верналъ на-до́ми.
И майтя си него заклала,
И мила му черевца,
И надѣла го на раженъ;
Занела водица одъ черевца,
Та плиснала на прадиште-то.
И тамо е на Бога се свидело;
Та проникнали два ваклени ягенци.

№ 39.

Берков. окр., село Котеновци; 16 февр. 1880 г. записана со словъ Стояна Мурги.

(НА СПАСОВЪ-ДЕНЬ — ВОЗНЕСЕНІЕ).

Дошло е доберъ день
День Спасовъ-день.
Сбралисе чорбаджіи по меаны —
По меаны, по кафене-те,
И свекъ си канаше,
Кой де-ка на́ гостье иде́:
Едынъ у братъ на́ гостье иде́,
Едынъ у сестра на́ гостье иде́;
Едынъ човѣкъ немаше нигде никого,
Де́-ка на́ гостье иде,
И си заверна, та жалба дожалѣ —
Нема, де-ка на гостье д'иде;
Па си отиде́, да си пита,
Да си пита своя стара майтя:
«Малеле, Малеле, старо майте!
Салъ мене ли родило?
Та не си ли родило
Ошь едны брато, или сестри́ца»?
—«Родило семъ, сине, родило
Родило семъ ти сестра,
Ама Турци занесоа твоя мила сестрица;
Я самъ чула, че войво́да воды;
Ама не дѣй д'идешь:
Да се уплаши отъ тебе —
Че си ты много юначенъ».
—«Ты ми мила майко кажи́;
Я нышто неште́мъ напра́вимъ».

— «Да идешь, сине, у о́ня градъ,
Да идешь на́ гостье на войвода,
На войвода — при сестра си».
И онъ си стега коня, да си иде,
И сте́гне и отиде́.
Задалъ се отъ широко поле —
Сестра му отъ пе́нджеръ гле́да
И си реди измитярки:
«Ела, да гле́дате, ко́я-та делія?
Да ли е наша войво́да,
Да ли е друга войвода?»
— «Не е наша войвода,
Но е друга делія,
Делія много юначна».
И долѣте онъ на порты
И рече:
«Отворете ми врата, сестро!»
Рече сестра:
«Затворете врата, мои слуги,
Ударете деветъ ключеве на порты»;
Онъ се помоли ошь еденъ путъ;
И па у́дари со-съ топузъ у врата
Та си строши тія врата:
У́лезна при сестра́ си;
И сестра му го срѣшна,
Срѣшна го со-съ кю́пава ракія,
И метанія му чини:
«Прости, брате, че ти грѣшила!»
— «Да ти е просто!»
Наредила сестра измитярки —
Та измѣшаа вино — ракія —
И го опои́ла, и го у сенъ оборила.
За́спа младъ юнакъ;
А го сестра верза наопако,

И го ферли у тевни тевници.
Ка́ дойдé войво́да,
И видé, че му е по́рты стро́шены,
Пита:
«Зашто ми е по́рты строшены?»
—«Дошелъ ми е брато ми,
Па че тебе да погу́би,
Мене да си воды;
Я го верзала наопако
И ферлила у тевни тевници:
Да изведешь го на срѣдъ дворы,
На срѣдъ дворы да посѣчешь».
И войвода извади го на срѣдъ дворы,
Па си тергна сабля да го сѣче;
По́моли се му младъ юнакъ:
«Не мой мене сѣчи у тесны-те дворы,
Но изве́ды мене на широко поле,
Да ти дворы не окервавимъ —
Зашто много семъ юначенъ,
Мно́го ке́рви и́мамъ».
Изведе го на широко поле,
Па си тергна сабля, да го сѣче;
По́моли се нему младъ юнакъ:
«Поведи ме оште подалекъ,
По́далекъ оть твои-те дворы».
Поведе по́далекъ одъ дворы,
И си тергна сабля да го сѣче;
—«Че ти са молимъ нешто:
Да отвержешь ми отъ сабля
Самъ маличекъ перстъ».
Послушало луда войвода,
И си о́тверза му самъ маличекъ перстъ.
И тогива узе онъ отъ маличекъ перстъ,
Отъ маличекъ перстъ сабля,

Та посѣчé войвода;
Пай отидé при сестрá си на дворы.
Рекла негова-та сестра:
Излезте, та излезте измитярки,
Да видите, каква е делія иде —
Млого е юначно, па сердито;
Да ли е верла измама?
Или е наша войвода?»
И въеднага онъ долѣте —
Та си бутна-óтворе порты;
И срѣшнаа го и му се преклониа:
«Простú ме, брате, много прегрѣшия!»
— «Че ти простымъ!
Измѣша катранъ у ведри́ца,
Па узе катранъ, та я обля,
И запали я одъ глава-та до доле,
Да си нему свѣти;
Па-й нареди робини-те,
Да му правя ракія —
Да му служа гóстье,
А сестра му свѣти свѣтія.

№ 40.

Соф. поле, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ Стефана Мильчева Крачуна.

(НА ТРОИЦУ — ДУХОВЪ ДЕНЬ).

Кирле ресле — Господи помилуй!
Света Тройца слезни оз-горе,
Та си влезни въ село,
Та искарай кмете, кметице!

Куни да носимъ, Бога да молимъ:
«Я дай ми Боже ситна росица—
По́ горѣ руйно, по́ полѣ ситно,
Трѣва да расте, паунъ да пасе,
Паунъ да пасе, перья да рони,
Перья да рони, моми да бератъ,
Моми да бератъ, китки да віятъ,
Китки да віятъ, момци да зиматъ.

№ 41.

Г. **Радоміръ**; 29 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина **Таски** Петрунова.

(Объ Авраамѣ и Исаакѣ).

Слуга служи Аврамъ гостолюбевъ.
И е собралъ педесе́ дружи́на:
«Яжьте, пійте, братья и дружина!
Да ми даде Го́сподъ о́дно мушко дете!
Очемъ него на Бога курбанъ да давамъ».
Породисе това мало дете
И рекло на майтя-на башта:
«Леле мале, леле моя стара башта!»
И се дошли два бърза а́нгеле,
Два а́нгеле — три Божи́ по́столе.
Дума дума Аврамъ гостолюбенъ:
«Слушате ли ви два бърза а́нгеле,
Два а́нгеле — три Божи́ по́столе!
Очемъ него курбанъ да си давамъ».
Та си дума Аврамъ гостолюбенъ,
Та си дума на дете Исакче:
«Я си ойды у суво — то лозье,
Та набери три огнёве дърва,
И приготви три казана вода,

Я че дойдемъ, курбанъ да се колимъ».
И дете́ башта послушало:
Приготвило три огнёве дърва,
Приготвило три казана вода;
И тогай се башта продумало,
Продумало на дете Исакче:
«Леле сине, леле мили сине!
Я што чемъ курбанъ да си давамъ?
Очемъ тебе на Бога курбанъ да се давамъ».
— А дете му дума продума́ло:
Чуешь мене, тате, Аврамъ гостолюбенъ!
Оты ты мене до́ма не каза́лъ?
Да се проста одъ моя майтя,
И одъ моя брайтя и дружина.
А башта му дума продума:
«Слушай мене, дете Исакче!
Язъ бѣ тебе на Бога курбанъ обрекло;
И кадъ ты се породи́,
И, ми, рече: «татко и пай мамко!»
Я въеднагъ курбанъ на Бога те обре́кло».
Послѣ това дете дума продумало:
«Я ми вержи раце и па-й нодзе,
Да не рипнемъ, да те не убіемъ».
И Аврамъ му верзало раце па-й и нодзе,
Па-й си маха́на со сабля димиція,
Та си маха́на на лѣва-та страна.
И тогай си дума продумаа,
Продумаха́ два Божи а́нгели,
Два а́нгели — три Божи́ постоле:
«Слушай мене, Аврамъ гостолюбенъ!
Я си мани на десна-та страна:
Што закачишь, то оно твое».
Закачиль е деветъ вакли овнове.
Това си е на Бога курбанъ!

№ 42.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци, 3 дек. 1879 г. записана со словъ Стоймена Атанасова

(Тоже).

Излезна Аврамъ, бре, богатый,
Излезна на равны друмове,
И повервея тія до́бры гости,
Повервея, на монастырь да одатъ.
Та говóри Аврамъ, бре, богатый:
«Пійте, яште, мои добры гости,
Пійте, яште и на Бога се молете,
Да васъ Господъ молба че пріима:
Эве, стана деведесе́ годи́на,
Како смо ми земали се
Со-съ стара баба Исака,
Одъ свое сердце чедо немаме;
Пакъ се молиме на Господа,
Да ны дадé чедо одъ серцé-то, —
И не сакамъ ногу да живѣе,
Да живѣе само три годины.
Колко одъ серца чедо да познавамъ,
Пакъ на Бога курба́нъ че го давамъ.
И мина време, време три годины,
И да́де Господъ чедо одъ серцé-то;
И живѣало, таманъ, три годины.
И слезна́ Гаврилъ Божій рангелъ
На Авра́ма по тія разговора:
«Э, Авраме, Авраме, бре, богатый!
Што си на Бога, курбанъ обрекелъ,
Оты го, Авраме, недавашь?»
И проговори́ Аврамъ, бре, богатый:
«Э, Гавриле, Божій, бре, рангеле!
Я што семъ на Бога обрекелъ,

Я се назадъ неповраштамъ,
Амо сакамъ, на Господа да се помолимъ,
Да го арыжи Господъ оште до три годинъ —
Да ста́не дете шесъ годины,
Да го дадемъ на големо училиште,
Да изучи кни́га вангеліе;
Тогава ше стане поголемъ курбанъ.
И ариза́ го Господъ оште три годинъ,
И стана́ дете́-то шесъ годинъ.
Пакъ слезна́ Гаврилъ Божій рангелъ:
Хайда, Авраме, Авраме богатый!
Ште да давашь на Господа курбано».
И зема Аврамъ, бре, богатый,
Зема сребрены ножеве,
Да зако́ле негово-то машко дете;
Тури́ го на десно колѣно
И фана́ да остри сребрены ножеве;
Я дете му тія разговора:
«Авраме, Авраме, башто, бре богатый!
Дали чешь, Авраме, пѣтелъ да зако́лешь,
Ели чешь на Господа курбанъ да колешь».
Но Аврамъ тога си фана,
Фана машко дете́,
Да го коле курбанъ на Бога.
И продума́ Гаврилъ Божій рангелъ:
«Стой Авраме, Авраме, бре, богатый!
Това на Бо́га курбанъ неште да буде;
Само земи една прачка дренова,
Та удари на черна-та земня,
Че излезнатъ три черна овнове —
Они четъ на Бога големъ курбанъ да бидатъ».
Зема́ Аврамъ, бре, богатый,
Зема́ прачка дренова,
Та удари на черна-та земня —

Излезнали три черна овнове.
И тогай земá Аврамъ богатый,
Зема сребрены ножéве,
Закла три черны овнове:
Овнове курбанъ бидóа
И на Аврама дете остана.
И детé му славно, бре, биде —
Ученъ биде мъжь (sic)
И рани башта-та.

№ 43.

Село Невѣстино, Кюстендильскаго округа, записана 8 дек. 1879 г. со словъ крестьянина Стоицы Лазарева.

(О св. Іоаннѣ Рыльскомъ).

(СВЕТЫЙ ІОВАНЪ КОГА СЕ ПОКАЖА, ДА Е СВЕТЕЦЪ).

Бѣше то едно дѣте сироче.
Послѣ се уцанилъ еденъ човѣкъ,
Уцанилъ се еденъ говедарь;
Одкара говеда, да ги пасе,
Загубú крава со-съ теле;
Когá дойдé домоска,
Чорбаджія почна да го біе,
Да го біе за крава-та;
Товá бѣше карáло
Презъ една водá голема:
Соблечé дрея отъ негó,
Та тури на вода-та,
Да пройде презъ вода-та,
Да тражи крáва-та;

Ойде, найдé крáва-та,
Па земá телé-то,
Па тури дрея на вода,
Па пройде презъ вода со-съ теле.
Чорбаджія го пази.
Кога пройдé презъ вода-та, дома дойде;
Чорбаджія донесе арижаго теле-то:
И теле-то бѣше шарéно,
И теле-то бѣше машко;
Чува го три годинъ време.
И когá си пойдé на три годинъ време,
И отиде на Скри́но,
Монастырь да прави на Скрино-то; [1])
Това Скринци сакаа, да го погубатъ.
Па той побѣгнá со-съ волъ.
Гони́а го до Мердиште [2])
И ваная го, земаа вола,
Та заклаха и него посѣкоа.
И това створисе орелъ Таликна [3]).
Оттáмока ойде на Рыла,
Па тамока започне монастырь.
Сѣдé орелъ три годинъ врѣме,
И тамо монастырь прави;
Оттамо го погнаа Рыльчане.

---

[1]) Село Скрино находится близь монастыря св. Димитрія, что̀ у рѣки Струмы, между мѣстечкомъ Бобошевомъ и селомъ Скрино. По распространенному въ народѣ преданію, этотъ св. Іоаннъ Рыльскій постриженикъ Бобошевскаго монастыря. Въ с. Скрино до сего времени указываютъ пещеру, гдѣ обиталъ святой Жители этого села говорятъ о св. Іоаннѣ, какъ своемъ, но опровергаютъ преданіе, будто ихъ предки преслѣдовали святаго; они, когда заводится рѣчь объ этомъ, обыкновенно замѣчаютъ: «кой знае, што е било?»

[2]) Село Мердиште находится въ Дупничскомъ округѣ, недалеко отъ Скрино.

[3]) Скази́тель не понималъ этого слова; на мой вопросъ не могъ дать отвѣта.

Тога отиде у една пустылія,
Де е сега светый Іованъ.
И затекоа го тамъ ошь еднашь:
Одсѣкли му десни́ца и однесли у Росія.

№ 44.

Село Жилинци, Кюстенд. окр.; 6 дек. 1879 г. записана со словъ Миты Славеевой

(Св. Недѣля съ Архангеломъ Михаиломъ строятъ изъ св. дерева мостъ и входятъ въ рай).

(ХОРОВОДНАЯ).

Заспа́ла Света Недѣля.
Светы Рангелъ на ску́ты,
Светыя светцы буды,
Та и буди светая Недѣля:
«Стани ми, света Недѣля,
Да идеме света Гора,
Да сне́мо свето́ дерво».
Станала света Недѣля;
Та ойдо́а света Гора,
Одсѣкоа свето дерво,
Та превили у рай мостъ;
У рай мостъ има стевы,
Да мину́атъ мертвы души.
Си душици замина́ли,
Три се души останале —
Они биле яко грѣшни,
Та у рай ги не пушта:
Една душа много грѣшна —
Дечи́це е керштева́ла,
Повои имъ не дава́ла;
Друга душа ёшь погрѣшна —
Чуждо прела, чуждо ткала,
Отъ чуждо-то остаяла
И нойна-то притурала,
За това́ е ногу грѣшна,
Та у рай я не пушта;
Третя душа ёшь погрѣшна —
На мома покуди́ла,
Монастырье растури́ла,—
За това е ногу грѣшна,
Та у рай я не пушта.

№ 45.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой

(«Прошетна се Огняна Марія»).

(ХОРОВОДНАЯ).

Прошетна́се Огняна Марія,
Прошетнасе изъ Легенско поле;
На срѣшта ю братъ света Илія,
И по него братъ светы Гёргіе:
«Добра срѣшта, пресвета Маріе!»
— «Далъ Богъ добро́, братъ, светы Иліе».
— «Каде ч' идешь Огняна Марія?»
Проговори Огняна Марія:
«Э, ты-зе-ка, братъ, светы Иліе!
Че си идемъ при милного Бога,
Да ми даде́ ключи́ и ката́нци,
Да заключимъ небо и па земня —
Деветъ годинъ капка до́жда нема,
Да си пукнетъ земня деветъ латы,
Да пропадне конё со-съ юнакъ,
Да пропадне рало со-съ воло́ве:
Синъ си башта за башта незнае,
Но го знае — момо́къ да му биде, —
Штерка майтя за майтя не знае,
Но знае момкина да биде,—
Братъ си сестра́ за сестра́ незнае,
Но е знае — любне да му биде».
Отиде́ си Огняна Марія,
Отиде́ си при милного Бога.
Далъ и Господъ ключи и катанци;
Заключи́ла небо и па земня:
Деветъ годинъ капка дождъ немало,

Пукнала се земня деветъ латы,
Пропаднало рало со-съ волове,
Пропаднало юнакъ со-съ врана коня.

№ 46.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавійскаго.

(Св. Ангелы возвращаютъ душу умершему единственному у матери сыну).

Развíласе чума Руселія,
Развиласе, на два нова града:
На денъ біе двѣсте и дваесе,
На ношь біе триста и тріесе,
Па-й не се е на градъ запознáло;
Ка ударí едéнъ синъ у майтя,
И тогай се на градъ запознало:
А майтя му плаче и говóри:
«Леле, сине, леле мили сине!»
Когá са си дете однели,
Та са го погребли,
И па-й майтя му плаче и говóри:
«Леле сине, леле мили сине!
Мека ли е земняна постеля,
Мека ли е камена зглавница,
Мека ли е земняна завивка?»
Прати Господъ два берза ангела
Два ангела, три Божи постола:
«Я слезнéте доле на земня́-та,
Аку да е одъ милосъ, скоро-бърже
Скоро душа да вадите,
Аку да е одъ жалба, скоро-бърже
Скоро душа да дáвате!»
Слезнали са два бърза ангела,

Слезнали са три Божи по́столи;
И вишли се, де-ка е одъ жалба,
И они са въеднакъ душа дали́—
И си стана́ еденъ синъ у майтя,
И продума́ на негова майтя:
«Леле мале, леле моя стара мале!
Зашто мале, ты-зи толко плачешь?»
Како́ дете на майтя продума,
И она́ се съ душа раставила.

№ 47.

Врачанскій окр., с. Дупни-верхъ (Турлаци), въ Старой-Планинѣ; 12 февр. 1880 г. записана со словъ Петканы Дулиной.

(Чума «Дергина»).

Загради Господъ монастырь—
Ни ти на небо, ни ти на земи—
Между двѣ-те планине,
Между темни облаци —
Одъ лудье ги заградилъ;
Па нема Господъ монастырь да догради:
Кламбале да се натуратъ,
Стары-те лудье — подвале,
Маниньки деца́ — прагове,
Млады ергенье — колове,
Млады девойки — преплите;
Запраты Господъ запраты
До деветъ чума да моратъ,
Десета чума Дергина:
Одыла са, што одыла,
Морила са, што морила;
Си-те са чуми ойдо́а:
Го́сподъ тофтере́ прегледва;
Си-то тефтере реситены—
Те си чума Дергина.
Господъ си чума садеше:
«Чумо Дергино, Дергино!
Тебе ли вика зла болѣсъ?
Ты не си била зла болѣсъ;
Каде́ те праты, не иде́,
Што те наредихъ — не сверши».
Господъ си чума садаше,
А она му са мо́ляше:
«Божеле немилостивенъ!
Што ты си Боже не смилостишь?
Тернье ми дреи сдраа,
Кремици нодзе срѣзаа;
Не мога, Боже, да влеза,

Да влеза у Стоянове дворове,
Че има тамо кучка на синджиръ,
Кучка со-съ дванáесе кýчета,
Кучета са ботничета».
Господъ си чума учаше:
«Чумо Дергино, Дергино!
Сторисе мечка стервница,
Та му при стадо отиды,
Та му то стадо порини,
Ега се псета одмами,
Тогай да се е влезнешь,
Да влезнешь у Стояновы дворове
Со-съ метла да ги изметешь,
Керезъ те да ги искарашь».
И чума се назадъ пóверна:
Сторише се мечка стервница,
Та при стадо Стояново отидé,
И му то стадо порина,
И онъ си псета одмами:
Тогай чума улезнá,
У Стояновы дворы улéзна.
Стоянъ па снаи прóдума:
«Я дарýвайте циганка,
Па да си излази».
Прóдума му дума чума Дергина:
«Я несамъ церна цúганка,
Я самъ чума Дергина;
Самъ-си ме Господъ дóпрати,
Со-съ метла да вы изметне,
Керезъ те да вы закарамъ»;
А Стоянъ се моли:
«Чумице, мила сестрице!
Млады да ми оставишь,
Борчове да ми извадышь».
Туку си товá издума,
Детенце писна у люлътя;
Та ги со-съ метла измела,
Та ги керезъ те искáра.

№ 48.

(Загорье). Берков. окр., с. Боровци; 13 Февраля 1880 г. записана со словъ Тодора N.

(Хожденіе мертвеца по бѣлому свѣту).

Чувала мала — мача[1]), гледала
Доръ деветъ сúна рóдьены
На гурка[2]) и на махалко[3]);
И така ги учувáла;
Станáли мáжи работны.

---

[1]) Мать.
[2]) Прялка.
[3]) Колесо въ прядильной ручной машинѣ.

Лазарь майти говори:
«Малеле, мома, родьена!
Назе чува момá учувá,
Станáле маже работны;
Напълни, момá, деветъ баклеци,
Узимай деветъ гривна чифтета
И деветъ китки низаны,
На деветъ сéла момá да идешь,
Деветъ мóми да гóдишь,
Та назе да си оженишь».
Майка Лезаря дочýла,
На деветъ села отидé,
Деветы-ты моми довела
Деветъ синове у жены.
Дойдé ми чума безредна,
Умори деветъ синове,
Умори деветъ жени;
Останали деветъ люльчета
И една стара баба неяка.
Деветъ-ти баба люльки люлялá,
И люто Лазаря, кълнеше:
«Сине Лазаре, Лазаре!
Господъ ти душу не прибра!
Низъ глáва трѣва изникне,
Косты ти земня изфéрли!
Я си дащерка не давамъ
На товá село Меново;
А ти я сине че дáде:
Нема вóда кой ми донесé
И лѣбъ да ми умесé,
И óгинь да ми накладé».
Плакала, та па кукала.
Я Богъ са жалба дожалилъ,
И Лазаря подплатилъ[1]),
И, ми, Лазарь изъ гробá излезналъ,
Да иде село Меново,
Сестра Іована да си доведé,
Та майтя да си послýша.
Отидé Лазарь село Меново:
Край село оро играя;
Сестра Іована братко заглела
Хоро, ми, прекина,
И братко Лазаря фанáлá:
«Браткуле, братку, Лазаре!
Деветъ годинъ, ка' ме дádохъ ты,
Мене не сте ми дошлú;
Зашто, сегú че идешь?
Ели е мама умрела,
Ели е нѣкой милой снашици,
Или мили братя рóдьены?»
— «Млóгу ти здравье одъ мáма!
Дѣ идешь, момá, со-съ мене:
Мáма си жени преунукъ;
Да дойдешь, мома, сестрица,
Да идеме со-съ тебе».
Сестра Іована и братко пошли
Настанáли горá зелéна;
Низъ горá слáвія че пее:

[1]) Т. е. оплотилъ (воскресилъ).

«Де-къ се чуло, видело,
Живъ човѣкъ съ мертавъ да хóди!»
Дочула сестра Іована:
«Браткуле, братку Лазаре!
Яле, ми, славія ка' пее:
«Какъ се чуло, видело,
Живъ човѣкъ съ мертавъ да ходы».
Лазарь сестри си говори:
«Тайсе, сестра тайсе!
Ты имашь славій лажóвны».
Вервели, што са ходы́ли,
Іована братку испитува:
«Браткуле, братко Лазаре!
Зашто ты, братку, душа смерды́
Душа смерды́ на базе[1]),
Я ты парцелякъ на попарена мирише?»
Вервели, што са вервели—
Яла край село че дошли,
Яла си братко говóри:
Сестро-ле момá Іовано!
Я земи тоа патъ,
Да идешь, мома, дома;
Я ше останемъ гробишта,
Ранена коня да си напасéмъ,
Па ше те, момá, пристигнемъ».
Сестра му дома ошелá,
Лазарь се у гробиште отшло.
Ку'-ту ми дóма ошелá,
Майка и плака и виче,
Сина Лазаря кьлнеше:
«Сине-ле, сине Лазаре!
Господъ душа да ти не прибере!
Изъ глава трѣва изникне,
Косты-ты зéмня исфéрли!
Че я дащерка недáвамъ
На товá село Меново —
Меново село далечино
Не може да си дойде,
Та майтя да си послуша».
Іована на врата дошлá,
И на майтя говóри:
«Малеле, мома рóдьена!
Отвори, мома! што плачешь?»
Майка и врата отворила.
Ку'-то у кышта увлезнала,
Жива се съ майка здравили—
Мертвы се пуштили.
Остана слано и благо
За тія верли душмане.

—

Това се тамо сторило
Та се у пѣсень турнáло.
За ваше здравье — за наше,
За млого годинъ.

---

[1]) Особенная вонючая трава.

№ 49.

(Загорье) Берков. окр, с Боровци; 13 февраля 1880 г. записано со словъ Тодора N

(Вѣрованіе въ предсказанія календаря (оракула).

Рано, ми, рани младъ Тудоръ
У свéта мла́да не́деля.
Заметна кожувъ лисиченъ,
Узелъ, ми, тежекъ календарь,
Отважда церква шарена,
Та да се Богомъ помоли
У свéта младая неделя.
Ку'-то, ми, отшелъ у церква,
Зяпалилъ дéветъ кандиле́,
Та се Богомъ помóли:
«Божеле, мили Господи!
У календарь ми се пáдаше,
Че ште да гиня,
Да гиня одъ своя майтя родьена».
«Тудоръ надалеко ше бѣгне
У големъ градъ у Влашка,
Ага се годинъ поминатъ —
Деветъ годи́ны да сѣди,
Да сѣди у Влашка земня Богданска».
И такá Тудоръ побѣгна́
У Влашка земня Богданска;
Деветъ годины посѣделъ,
Тежко иманье спечалилъ;
Агá си годинъ помúнатъ,
Тудору майка да умре,
Тудоръ дома да се врашта.
И така Тудоръ спечáлилъ,
Спечалилъ тежко иманье,
И се назáде поверналъ.
Прикýпилъ Тудоръ овчаре,
Овчаре и говедаре,
Стока-та да му закаратъ
На село-то Боровань [1]).
Деветъ годины поминали
И десята му подбрала,
И такá Тудоръ кóня стегнáло,
Настанá Баштино росно ливадье.
Цено Тудуру говóри:
«Враштайсе, бате, назаде!
Това ти́ не е на добрó»
Тудуръ три паты коня припушты́,
Три паты калпакъ паднáло.
Настанали село Боровань.
Край село-чешма шарена
Либе му Петкана стояше;
Тудуръ Петкана загледá,
Тудуръ си при нея дойде,
И, ми, Петкáна пúташе:

[1]) Село въ Врачанскомъ округѣ.

«Либеле, либе Петкано!
Петкана, младо невѣсто!
Има ли това́ село конакъ,
Конакъ да лежимъ —
Сто гроша давамъ за оборъ[1])
Двѣ иляды давамъ, у васъ да спимъ».
Постой, почекай либе Тудоре,
До дома да се посвёрнемъ,
Да питамъ стара майка родьена —
Че ние сме двѣ жени́
Двѣ жени́ — довици».
И така шарены поди[2]) дигнала,
Ка-мъ-то, ми, до́ма те́чаше,
Стара свекёрва питаше;
И си Петкана майка пи́таше:
«Малеле, мила родьена!
Терговче мало пи́таше,
У назе моли да дойде —
Сто гроша дае за оборъ,
Иляду дае, у насъ да си спи».
Петкани свекерва гово́ри:
«Иды терговче, мома, излажи —
Ага она-зе да дойде,
Тежко иманье да земеме».
И така она терговче викна́ла;
Тудуръ на свайга домъ отиде.
Яле се пили ношь-та.
И Петкана свекёрви гово́ри:
«Малеле, мила родьена!
Яло, мале, терговче, ипило;
Оче мало да поспи;
Иды, ми, мама́, постели:
Шарены озглавницы натурай».
Она му озглавницы натурало
Озглавницы шарены;
Двама са Петкана и Тудоръ легнали,
Легнали, та се заспали.
Ноштá се дигнала стара баба:
Узёла влашко ножленце,
Само при Тудоръ очела,
И така врата отво́рила
И Тудору глáва узёла.
Петкана се собу́дила —
Викна́ла, та заплака́ла:
«Малеле, мома, старице!
Какво́ се чудо стори́ло!
Нали е, мамо, нашъ Тудоръ,
Де-ка у Влашка побѣгна́
У тая земня Богданска?
Деветъ годинъ го не мало,
Десета година че дойдé.
Мале, мома, родьена!
На ли е то нашъ Тудоръ?»
Свекерва Петкани гово́ри:
«Дигнисе, мома, дигнисе!
Тудору да си спастриме[3]),

[1]) Сарай, малорус. обóра.
[2]) Исподница.

Тежко иманье ни остане;
Комшіи да ни не чуятъ,
Иманье да не узематъ».
Тудору ноштась спастрили,
У буниште го турна́ли.
Остана́ тежко иманье
За тія верли душманье.

№ 50.

Кюстенд.-Бан. окр., село Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(Будетъ болгарскій царь изъ болгаръ [1]).

Бугаринъ че царь да биде —
Бугарска войска че бере.
Кой има сина че праты,
Кой сина, кой ми́ли брата;
Сиракъ Стояна нема сина,
Нема сина, ни брата:
Та си оды по дворове
И си рони дробни сузи,
И си тро́ши бѣли рацѣ;
Онъ си има деветъ штерки,
Десета-та Радули́нка;
Радулинка наймаленка,
Наймаленка, найубенька
Согледа го одъ високи те ча́рдаци,
Па на башта си гово́ри:
Аво тато, мили тато!
Зашто, тате, по дворъ шеташь,
По дворъ шеташь дробни сьлзи ронишь,
И си трошишь бѣли рацѣ»?
— А башта му говоряше:
«Радули́нко, мило штерко!
Та не чу ли — не разбра ли,
Съ ношти вечеръ на чешма-та
Каковъ си е ферманъ дошелъ,
Ферманъ дошелъ, аберъ донелъ:
«Бугаринъ че царь да биде —
Бугарска войска че бератъ»;
И язъ сирома ни мамъ сина,
Нимамъ сина, нимамъ брата,
Салъ си имамъ деветъ штерки,
Десета-то Радулинка,
Радулинка наймаленька,
Наймаленька, найу́бава».
Проговори Радулинка:
«Не бой, ми, се, мили тате!
Отиди си на Новъ-Пазаръ на панагиръ,
Та ми купи машко руо и оруже,
И ми купи остра сабля,
Остра сабля — посѣкліе,

[1]) Пѣснь эта поется на хороводахъ.

И ми купи тенка пушка,
Тенка пушка нишанлія,
И ми купи Врана коня,
Врана коня — игралія,
И ми купи буйно копье,
И ми купи шаренъ калпакъ;
Подсѣчи ми руса коса,
Остави ми руси перчикъ;
Я че идемъ силне войске
Со чи́чины сынове —
Напредъ предъ войске че одымъ
И зеленъ байракъ че но́симъ».
Тамъ седѣла деветъ годинъ.
Кога́ дошло́ «Лазарица»,
Улезна́ло у яе́ро при конье́-то,
Улезнало — запояло «Лазарица».
Дочула е цари́ца — та,
И говори:
«Тако м' Бога, честитъ царь!
Имашь мома́ у войске-те».
Я царо не вѣруе.
Па сидѣла ошь три годинъ време.
Де сидѣла дружина,
Се трава-та весела,
Де седѣла Радулинка,
Тамъ трава-та повенала:
Радулинка у уста вода носи́ла,
Та трава-та насипала,
Та и тамъ трава весела била.

№ 51.

Село Жилинци, Кюст. окр.; 6 дек. 1879 г. записана со словъ Стойны Стояновой Чекеренды.

(Бѣгство влюбленныхъ [1]).

Извикна́ла е Янинка:
«Бре варай Боже! до Бога
Одъ таа кашта богата,
Одъ тія люде джеле́пи:
Весъ день перемъ и мѣсимъ,
Са ноштъ свила препридамъ
Золви за танки да́рове;
Да имамъ негдѣ нѣкого,
Бре, ако би не бѣгало».
Дочуе Петре́ тергове́цъ:
«Айде, Янинко да бѣгамо!»
А Янинка му гово́раше:
«Чекай, Петре, до година,
До година на Великъ-день,—
Свекорь, свекрова на церква,
До двѣ ми золви на о́ро,
До два девера на каменъ,

[1]) Пѣснь эта поется на хороводахъ.

Младо войно на прошетъ;
Докарай кони, кочіи,
Дотовари имъ иманье».
Чека́лъ Петре до година,
До година на Великъ-день;
Докаралъ кони, кочія,
Натоварилъ имъ иманье:
Една кочія тонки да́рове,
Друга кочія Яни́нка. —
И се бѣгало на друга кашта.

№ 52.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(Жестокость гайдука [1]).

Билъ Богданъ, билъ арамлія
До седемъ — осемъ годины арамлія.
Войвода му говори:
«А Богдане, Богдане!
По тая гора зелена —
Богъ да не кара —
Колко си годинъ айдукъ билъ?»
Богданъ му вели-говори:
«Войводо, мори, войводо!
Деветъ семъ годинъ айдукъ билъ,
Деветъ семъ керви учинилъ,
Десето дете́ Стояно,
Живью го на раженъ пекохъ:
Накара башта да верти́,
Накара сестры да поятъ,
Накара братя да свиратъ,
Накара сна́и да поятъ,
Накара майтя да яде;
Башта му верти и плаче,
Майтя му яде и плаче,
Братя му свиратъ и плачатъ,
Сестры му играт ъ и плачатъ,
Снаи му поятъ и плачатъ.
Дете одъ раженъ гово́ри:
«Тателе, мили татице!
Потерни, мили тате, огино,
Изгорѣятъ церни очи,
Я ми додай студна вода,
Да растопа клето серце.

---

[1]) Пѣснь эта поется на хороводахъ.

№ 53.

(Заг.) г. Берковица; 13 февр. 1880 г. записана со словъ вожатаго медвѣдя.

(подъ пляску медвѣдя).

Димитра малка мома!
Да ми дойдешь ютре на́ вечеръ:
Да ми носишь руса коса,
Руса коса до пояса;
Премѣнисе, накитисе,
А верже се гердадже-то
Гердаджече су маниста.
Ште ти земемъ китка цвѣтя,
Китка цвѣтя одъ глава,
Китка цвѣтя ралебуша.

ПѢСНИ ИЗЪ СЕМЕЙНАГО БЫТА.

№ 54.

Село Струга (въ Македоніи); 2 дек. 1879 г. записана со словъ г. Лазаря Хаджіева.

(Раннее развитіе половыхъ стремленій).

Жены ме, майко, жены ме!
Дури су мало-малено
(повторяется стихъ)
Дури е жито ефтино, (bis)
Дури е вино ефтино,
Килныца вретя сто пары,
Ведрица [1]) вино золота [2]).
— «Не женамъ, синко, не женамъ,
Уште си мало-ма́лено
О(д) дванаесе годины,
Одъ тринаесе проле́ти»;
— «Ако ме, майко, не женышь,
Младъ харамія ке бидамъ
Со дваесъ и петъ дружина,
Кой нема майка, ни татко,
Кой носи кервава кошула»;
— «Ако идешь харамія,
Луто ке, ми, те прóкьлнамъ:
Тамо да, ми, се ра́зболишь,
Да нема, кой да ти дойде до тебе;
Ты да си у́мрешь на-са́мо,
Гавраи́-те да те закопаятъ.

[1]) Сосудъ въ 12 окъ.
[2]) 30-ть паръ.

№ 55.

Г. Радомiръ; 1 дек 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Споръ двухъ братьевъ изъ-за дѣвушки и выборъ послѣднею младшаго).

Два се брата за мама́ каряятъ;
По́младіё на старіё вели:
«Немой, брате, да се нека́раме,
Свѣтъ со-съ насъ да се несмѣе;
Ты у́дари го́ра бершлянова,
А я че удримъ го́ра чешмиро́ва;
Кой претече́ на мо́мины дворы,
Онъ че земе текмена девойтя».
По́старіё удри́ гора бершлянова,
По́младіё удри́ гора чемширова,
И два-та се на дворъ достигная.
Излезна́ла токмена девойтя—
Што че она дарба да даруе?
По́старіё свилена кошуля,
По́младіё дуня стогодкина;
Не се чуда свилена кошуля
Алъ се чуда дуня стогодкина;
Де-ка си е дуня лѣтувала?
А де-ка си е дуня зимувала?
Лѣтувала момины дарове,
Зимувала мо́мины пазуки.
И па-й се братья за мома карая;
И тога имъ мома продумуе:
«Кому да́до свилена кошуля,
Онъ да биде мои́ стари деверъ,
Кому да́до дуня стогодкина,
Очемъ него за любе да ми е.

№ 56.

Трен. округа, с. Бабица, 22 ноября 1879 г. записана со словъ Стоянчи Божилова.

(Дѣвушку беретъ въ жену юнакъ, принесшій изъ-за Дуная яблоко «мерджанку»).

Собрали́ се шеесе́тъ юна́ци,
Собрали се на ладне меане,
Та си пили то́ва руйно вино;
Слуга имъ е Руселенъ девойтя;
Ре́дома е чашу дава́ла—
Сви юна́ци чашу приванали.
Проговóри Дюра Скенделія:
«Бога тебе, моме Руселено!
Како можешь, слуга да ми бу́дешь,
Дали можешь, да ми любе будешь»?
Оговóри Руселенъ девойтя:
«Кой се може юнакъ наванаты,
Да преплива презъ бѣ́ли Дунавье,
Тому-ва чемъ люба да си бу́демъ:
Тамо има мерджанка ябука,
Да донесе́ одъ ябука ниша́нъ».
Навара се Дюра Скенделія,
Да преплива презъ бѣ́ли Дунавье,
Да донесе́ ябука мерджа́нка,
Да си узме мому Дюрь-Елену:
Постегнале [1]) конче-то троего́дче,
Постегнале [1]) до деветъ коланы,
Те препливалъ бѣли Дунавье,
И до́не́лъ я́бука мерджанка,
Та узелъ мома́ Дюрь-Елена.

---

[1]) Т. е. постегналъ-+е.

№ 57.

Г. Пиротъ (въ Сербск. Княжествѣ); записана 5 ноября 1879 г.

(Невѣста зоветъ своего милаго).

Дуни, ми, дуни ладя́не,
Дойди, ми, дойди Драга́не,
Иль та́е вечеръ, иль друга
У моя́ баща́ зелена́,
Куде́ везе́ Милка да́рове;
Да видишь Милки да́рове;
Върж̀и си коня за ружу:
Конь ру́жу да мери́ше,
А онъ у́ серцу да уздѝше
За своé-то драго на́йболе.

№ 58.

Соф. округъ, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Степана Крачуна.

(Невѣста цѣлуетъ руки свадебнымъ гостямъ).

(СВАДЕБНАЯ).

Огрея дзвѣзда деница
Низъ тая чесна тарпеза;
Не ми е било дзвѣзда деница,
Но ми е млада невѣста:
Редома рака целива
На кума и на старойтя:
Кумове аризватъ,
Аризватъ пара грошеве,
А девере керстаты полаци [1]).

№ 59.

Охридскій окр.; 2 дек. 1879 г записана со словъ г. Лазаря Хаджіева.

(Злобное отношеніе матери жениха къ невѣстѣ).

По патъ растелъ трендафилъ,
Растелъ червенъ трендафилъ,
По патъ цвѣтилъ, на патъ падялъ;
Тукъ поминуватъ Янкови сватови:

[1]) Тур. слово-платокъ.

Си-те сватове трендафилъ брале;
А небере Янко младо момче,
Но онъ ходи близу при девойка,—
Янко думатъ на млада невѣста:
«Ой Меріе, моя сужденице!
Ты си ми сега девета девойка;
Си-ти ми ги отрула стара майка;
Ке дойдеме до бѣли дворови,
Предъ дворови коло ке играе,
Коло води стара-та ми майка,
И у коло мили-те ми сестры;
Отъ хоро-то майка ке се пусты,
Ке си влезе во бѣли дворови,
Ке си земе отъ злато машица,
Ке си Фаны змія присойница,
И ке земе бáрданъ отъ булюра
У чаша та зехеръ не нацеди,
Ке пóмѣша вода и шекеръ,
Ке ти дава шербетъ да си піешь;
Не се лажи, мило мое серце;
Па ты земи, подай си на деверо-тъ».
Ми дойдова до бѣли двóрови,
Се Фанаха коло да йграятъ:
Коло вóди Янкова-та майка;
Си дóнесе шербетъ на невѣста-та:
«Земи, Маро, моя снахо мила!
Напи, мй, се шекеренъ шербетъ».
Мара зеде [1]), на деверо-тъ си даде,
Па го непи—жалосна му майка!
Како га испи, на земля си падна—
Наймаліо-тъ синъ билъ деверъ.

---

[1]) Sic.

№ 60.

Тренскій окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Юрія N.

(ТОЖЕ).

Иванъ сака Петкану девойтю,
Иванъ сака, майтя му недава:
«Не мой, синко, Петкану да зе́мешь —
Петкана си е многа больняива
Больняива и па айнаджія:
Зимѣ(е) глава, лѣтѣ половина».
Иванъ си майтю неслуша́лъ,
Та земало Петкану девойтю.
Ка' е било ско́ро по вѣнчанье,
И ню е скоро глава заболѣла;
А майтя́ му по тія оговóри:
«Кой ты дума, синко, Петкану да не земашь?»
Па е отишла Иванова майтя,
Отишла на нови пазаръ,
Да тражи то вьрле маджіе;
Опази ю Иванъ до́баръ юнакъ,
Па-й си говори на Петкану любе:
«Те, си иде тая наша стара майтя
И носи той вьрле маджіе;
Када биде вечеръ на лаганье,
Ты да легнешь на мое постелте,
А я легнемъ на твое постелте;
Ега́ би се тоя вьрле маджіе растуриле,
Станалъ се Иванъ Змія — Осовница;
Ка' си биде рано одъ зарана
Я си стана́ Змія́ — Осовница,
Да запрегнешь той бѣли скутеве,
Да ме туришь у бѣле скутеве,

Да ме носишь презъ росне ливадье,
Да ме туришь у ка́мено громадье;
Ты си млада не чешь да отсѣдишь;
Ка' биде, да се тебе воде,
Да дойдешь, да ме туришь
Да ме туришь у бѣле скуто́ве,
Да ме туришь у мое дува́рове».

Дальше сказатель не могъ въ порядкѣ все досказать, но въ заключеніе сказалъ:

Станало е Петкана Змія́-Осовница,
Та испила на негову стару майтю очи,

И говори:

«Мале! да одышь по равни дворо́ве —
Емъ да одышь, тёрева да одышь».
Мои си дворы запустѣли.

№ 61.

Г. Дупница; 11 дек. 1879 г. записана со словъ Стефана Станоева.

(тоже).

Сѣдна́лъ е Стефанъ сиромахъ
Вечера да си вече́ра
Со-съ булка си Еле́нка
И съ двѣ-те мышки ражби́цы;
Яли са, вечера́ли,
Я вино́ имъ се сверши́ло;
Стана́ла булна-та Еленка
Въ дольни земници да иде
Вино да си нато́чи,
И се на прага запре́ла,
Да шлуша майка свекырва,
Што ште да дума за неа.
Майка Стефану ду́маше:
«Синку, Стефане, Стефане!
Я одсудимъ булка-та,
Че ми се вече не срамья:
И вечеръ хо́ды по дукяне,
Та со-съ терзіи играе».
Влезна́ла бу́лка-та Еле́нка;
Стефанъ Еленки думаше:
«Еленко первнолюбне!
Я и́звади ми вѣнчална премѣна,
Ютре ште идемъ на че́рква
Премѣни Петра и Па́вла;

Одúха и дойдоха.
Стефано Еленки думаше:
«Еленко перволюбне!
Чулъ самъ азъ дýма за тéбе,
Че се на майка несрамяшь;
Я úзвади, ми, сабля френгія
Руса и главица одсѣче;
Олавица таи ёште скачаше
И со-съ языкъ думаше:
«Стефано, перволюбне!
Што ти на срѣшта путъ преминáхъ,
Што ти лоше продумáхъ?
Та послушá майка ти —
Тая ми е големъ душманъ».
Стефану жалбу дожалѣ,
И се прободе клéто серце,
И на майка си дýмаше:
«Сѣды ми майка самúчка,
Сѣды ми, еште лескувай».

№ 62.

Городъ Пиротъ (*5 ноября* 1879 г.)

Девóйче цвѣтье брало.
Куд га брало,
Там заспáло:
У горице
Подъ елúце
Подъ елý
Зеленý;
Бѣлó лице прекрúло
Са алево кавраче.
— Úпази га младо момчé
Момчé изъ нова сада,
Та говóри на девойче:
«Дигсе, дигсе девойчице!
Шта си се оспало?
Ясно сълнце изгреяло,
Оче да пригори;
Алевъ кавравъ побелѣлъ,
Побѣлелъ отъ люте росе.
И китка цвѣтя повенýла,
Што си набрала».
— «Нека вене, нека сене,
Другчо че бере».
— И момчé-то се оженúло,
Што си избрáла.
— «Нек се жени, нек се домúи,
Просто да му е:
Úмен(е) му златан пúрстенъ,
Што че се мени;
(Каже) Кадъ буде у церквице
У церкви насредъ вѣнчаня,
Громъ да громе и тресъ да тресне
Да тресне изъ ведро небо
И ни да убúе.

№ 63.

Городъ Пиротъ (5 ноября 1879 г.).

(Девойче стои́ на порте, а момче́ шета по сока́къ).

Момче́ девойки гово́ри:
«Кажи́ ми, лудо, и пока́жи,
Куде има гора́ зелена́-та,
Де идем да се обѣсим;
У друштво личенъ да несем,
И на свето́ да не доса́джа»?
— Каже девойка:
«И то́ва ли да нау́чем?
Обѣси се, луде, у моя-та баща́
У баша́ зелена́,
На тія бели трендари».
— Момче́ девойки говори:
Кажи́, покажи́, ми, лудо,
Куде има земля́ ровита,
Да се тамо закопамъ»?
— Каже девойка:
И това́ ли да научем?
Зако́пайсе, лудо, у моя-та баща́
У баща́ зелена́,
У тыя бечки карафиль.
— Момче́ девойки говори:
«Кажи́, покажи́ девойче,
Куде има вода голема́?
Идем да се удавим».
— Удависе, лудо, удависе
У моя-та баща́, у бунаръ.

№ 64.

Село Нова-Мала (Пирот. округъ); 7 ноября 1879 г. записана со словъ Софіи Кирины.

(Интимная связь дѣвушки съ холостякомъ).

Прошетавсе младъ бетяръ
Прошетавсе у серай — Бѣлградъ.
Угледа га Елена отъ високе чардака:
«И ела! дойди ерделъ младъ
И донеси кавале, мало да посвиримо!»
Проговори ерделъ младъ:
Не смѣмъ, не смѣмъ, Елено,
Ту е Іерко́въ краль,
Па се дойде на вечеръ
Па-й донесе кавала».

Су[1]) ноч ѣше и пише
И предъ зоре заспаше.
—Причукали[2]) Іерковъ краль
Причукалъ на негове капие:
«Ела, отвори Елена!»
— «Почекъ почекъ, Іеркокъ краль»!
— Па се дойде Іе́рковъ краль,
Па говори Іерковъ краль:
«Елена, Елена! мѣсила ли таина,
«Да си дойдемъ на войску»?
—«Не семъ мѣсила, не готвила».
— Проговори Іерковъ краль:
«Што си косе мьрсене»?
Приговори Елена:
«Дошла сестра-та,
Та дове́ла деца́-та́,—
Да се съ мене играше,
Да на то косе мьрсене».
— Изговара Іерковъ краль:
«Ей, Елено, Елено!
Іа, ми, додай ключе́ве,
Да отворимъ санда́ци (2 раза),
Да узмемъ дука́ци,
Да си купимъ таи́ну»
— Изговара Елена:
«Тако м' Бога, Іерковъ краль,
Си-ночь да де-си стра́тилъ,
Да се играше са деца́-та
Ключеве изгуби́ше».
Изле́тесе Іерковъ краль,
Та, ти ра́зби сандаци:
У сандаци младъ бетяръ.

---

[1]) Т е. всу. [2]) Sic.

№ 65.

Трент окр., с. Божица, на границѣ Вран. окр; 4 марта 1880 г. записана со словъ Павла Лазарева

(Разспросы сестры у брата, любящаго поповскую дочь).

Пролія, ми, ято голубато
Па, ми, паде лозье на дутяне.
Лазарь рѣже крыла паунова,
Порѣза се на рука десница́
На рука десница.
Па го пита сестра Елица:
«Брале Лазо! боли ли те рука?»
— «Селе Еле? не боли ме рука
Не боли ме рука;
Но ме боли серце за девойка
Серце за девойка».
Па́ га пита сестра Елица:
«Брале Лазо, коя девойка тешь,
Коя девойна тешь?»
—«Селе Еле! найближня комшійка
Найближня комшійка
Попова́ е че́рка»
—«Брале Лазо! шій мордоламо
Шій мордоламо;
Турай дугме до дугмеета,
(*повторяется стихъ*)
Да не пройде ни златна́ ябу́ка,
А камо ли ту́дя рука».

№ 66.

Соф. окр., село Сливница; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Тита Николова Адамова.

(Кумъ и староста убиваютъ жениха).

(за свадебной трапезой).

Зажени ми се младъ Младенъ:
Далеко мома́ затекми
У Влашка града голема;
Чинило законъ, што било,
Та па се наза́дъ по́верна;
Та позва триста сватове,
Триста сватове и дванаесе дéвере,
Новога кума и старойтю.
И си пойдоха́ сва́тове.
Минаше поле широко
И насташе гора зелéна;

Тамо ги мракъ преотелъ,
Та са легнали и заспали.
И додума кумъкъ и старойтя:
Погубих̀а млада Младена;
Турише Бранка деверче,
Турише младъ младоженя,
И отидоше у Влашка града голема.
Недѣля свадба правих̀а,
И нече имъ мома́ излезне;
Брайтя Тодори думая:
«Сестро Тодоро, Тодоро!
Кага́ улезнешь тарпеза,
Не дидзай глава высоко́,
Не турай вѣнци по́-горѣ
И не разгледай тарнеза;
Не мой срамъ посрамишь,
Не мой укоръ изнесешь;
Ние сме людье чуены».
И Тодора тарпеза улезе:
И диже глава высоко́,
И тури вѣнци по́-горѣ,
По сва тарпеза по́гледа —
Нема си Младенъ, та нема го.
И си пойдоше отуде;
Пре свая гора гледала,
Гледала млада Тодора,
Де-ка че види млада Младена?
Та я видѣла млада Младена
Утая́ гора́ зелена́ видѣла:
Башка́[1]) съ глава́ трупи́на,
Лежи на тенка риза-кошуля,
На чисъ червенъ подкапникъ.
Па си ойдо́ше на дворы;
И майтя ги срѣтнала,
Предала куму и старойтю
Това́ ви́но червено
И на девойтя превѣсъ подига —
Та ли е млогу х̀убава?
А девойтя ю казуе:
«Х̀убава, мамо, та яко х̀убава,
Амо семъ млада удо́вна».
Недѣля свадба правише:
Се си я майтя питуе,
И се ю мома́ казуе;
А па майтя вѣра не лови.
Кага́ си биде́ на́йпослѣ,
И майтя вѣра фанала:
«А куде́ е си Младенъ прилика?
Кой ти е младъ младоженя?»
— «А Бранко е, мамо, де́верче!
Оно е младъ младоженя».
— «Э, куде́ е Младенъ прилика?»
— «Мале! Младенъ е млады загина́лъ,
Загиналъ у тая гора зелена,
При това́ дерво керстато,
На тонка рыза-кошуля,
На чишъ[2]) червенъ подкапникъ».

[1]) Отдѣльно. [2]) Sic.

Тагай е деветъ сестры цвилба тергна́ли,
Десета майтя на́йвече;
А цвилба се до́чу небеси́;
И гово́ри Господъ:
«Ангеле мои ра́тае!
Слезнете долѣ, на земи!
Што ми е цвилба дочуе».
И са ангеле слезна́ли;
Та са на́ земи видѣли,
Та па си при Бога отоше;
Та па ги Господъ питуе:
Ангели мои ратае!
Што си видохте на́ земи?»
А они́ тагай гово́ра:
«Божеле, мили Божице!
Младенъ си е младъ женилъ,
Далеко затекмилъ мома́
У Влашка града големи,
И си се наза́дъ по́верна
Со-съ триста сватове и двана-
есе девере;
И минаха́ поле широ́ко,
Настая го́ра зеле́на,
И тамо ги е мракъ преотелъ,
Та си легнали-заспали;
И додума кумъ и старойтя,
Та погубиха́ Младена,
Турихá Бранка деверче,
Турихá младъ младоженя;
Кага́ отоше у Влашка,
Не́дѣля свадба прави́ше —
Не че имъ мома излезне;
Брайтя Тодори ду́мая:
«Сестро-ле Тодоро, Тодоро!
Кага́ улезнешь тарпезе,
Не дигай глава высоко́,
Не турай вѣнци по́-горѣ,
Не мой да гледашь тарпезе,
Не мой ни срамъ посрамишь,
Не мой укоръ изнесешь;
Ние смо людье чуены».
И се вернаа сва́тове
Презъ тая го́ра зелена,
Тамо е видѣла,
Видѣла млада Тодора,
Де-ка е Младенъ загиналъ:
У тая го́ра зелена,
При това́ дерво керстато,
Керстато и столовато [1]).
Па си ойдо́ше на дворы;
Майтя ги срѣтнала,
Предала вино-ракія,
На девойтя превѣсъ подигла,
Да види, да гледа,
Да ли е млогу хубава?
А девойтя ю казуе:
«Хубава, мале, хубава!
Хубава, мале, та млого,
Ама семъ мла́да удовна».

[1]) Развѣсистый

Тутъ сказитель нѣсколько опустилъ, сравнительно съ изложеніемъ въ первой части этой пѣсни.

— «О ти си, синку (sic) удовна?»
— «Младенъ е млады погиналъ,
Погиналъ у та́я гора зелена».
Тагай се деветъ сестры́ цвилба тергнали,
Деся́та майтя на́йвече.
Цвилба си до́чу до тебе»
— «Фала вама, мои ангеле!
Узнете сабья ерджава
И той маздракъ желѣзенъ,
Слезнете долѣ на́ земи,
Ставе́те глава трупи́на,
Та па му душа съодайте;
И дайте му сабья е́рджава.
И тоя маздракъ желѣзенъ,
Та да оти́де на свадба.
Што на́йде, се да посѣче́,
Да сѣче́ и да убоде́.

№ 67.

Г. Радомиръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Разлука новобрачныхъ вскорѣ послѣ вѣнчанья).

(СВАДЕБНАЯ).

Войници́ се пишатъ
На войска да идатъ.
Горо-ломъ зеле́на,
Ты во́до студе́на,
Ты стара пладнино!
Кой си нема коня,
Коня че му даде́мъ.
Горо-ломъ зеле́на,
Ты водо студена,
Ты стара пладнино!
Кой си нема пушка,
Пушка те му даде́мъ.
Горо-ломъ зелена,
Ты водо студена,
Ты стара пладнино!
Собралисе се млады войници
Си-те млады, си-те неженены,
И си-те, мале, коня играяха́;
Я едно войниче коня не игра́е,
Ни коня играе, ни ми пѣсень поé;

Окна си го, мале, срьбски князь Стевана:
«Зашго ты-зи ни коня играешь,
Ни ми пѣсень поéшь?»
Продума малко войниче:
«Слушай мене сербски краль Стéване!
Я играемъ и ногу обичамъ;
Мене ми е писмо достигнáло,
Достигнало одъ моя-та дома,
Де-ка били ногу на грыжове»
Продумá си сербски краль Стеване:
«Ты разыграй коня патонóга!»
И разыгрá коня́ патонóга,
Разыгрá го низъ поле широко.
Продумá си сербски краль Стеване,
Продумá си на младо войниче:
«Ты разыгрá твоя́ добра коня
Разыгра го низъ поле широко»!
И войникъ му дума продумуе:
«Слушай мене, сербски краль Стеване!
Я не бѣгамъ одъ царска-та служба
И не бѣгамъ одъ нашіе́ народъ —
Ногу сакамъ и ногу обичамъ;
Богъ да біе мои-те комшійте!
Оии са си верли, бре, душманти:
То пратия това бѣло книже
У книже-то товá черно писмо,
Не го знаемъ, де е одъ комшіи,
Я го знаемъ одъ моя-та дома;
Научйсе де-ка не е одъ моя-та дома,
Салъ одъ верли комшіи
Одъ комшіи, одъ верли душмане:
Очемъ сега коня да игрáемъ,
Очемъ тебе пѣсень да попóемъ,
Очемъ д'идемъ на равно Косово

Да пропъдимъ Турска силна войска,
Да погубимъ цара, бре, Мурата,
Да со-съ Божій заповѣдъ
Ослобо́димъ наша мила вѣра,
Мила вѣра, мила православна».
Богъ да біе Турци клеты псета!....
Да живеа наши мили брати,
Дека стана царство православно!

№ 68.

Село Скрино, Дупн. окр.; 17 дек. 1879 г. записана со словъ Ангела Рыбар я.

(ТОЖЕ)

Стояне, море, Стояне!
Стояну кни́га дофтасала:
Премладъ на́ войсте че иде;
Оставя млада невѣста,
Армосана, невѣнчана.
И она го пра́шаше:
Стояне, любне, Стояне!
Кадъ-то чешь, любне, да идешь?
Ногу ли чешь да се забавишь?
Дали два дни, дали три дни?
— «Ни два, ни три дни,
Алъ деветъ годинъ царски измитяръ».
Па си легна, та си заспа.
Чукнала на порты дружина:
«Стояне, море, Стояне, станувай!
Ай станувай, да хо́дыме!»
И онъ ошелъ, она го неусѣти́ла:
Кога́ се разбудила, ега́ ли го не́ма;
Станала́ на дворъ излезна́ла,
Викна́ла та заплакала:
«Стояне, море, Стояне!
Даль ойде у гора́
Еленъ да утепашь,
Или ойде́ у поле-то,
Рыба да уловишь».
Земала двѣ стовни шарены,
Та ойде на́ вода-на Дунаева,
На Ду̀нава гово́реше:
«Дунаве, тія водице!

Одка(д) са петли пояли,
Колко вгемія минало?
— Триста вгеміи минаа,
Надъ-предъ Стоянъ йдеше
И со-съ пйсанъ кафалъ свираше
И за тебе жаляше.

№ 69.

Джумалійскій окр., с. Селиште; 10 дек. 1879 г. записана въ г. Дупницѣ со словъ Николы Іованова

(ТОЖЕ).

Углави́ се Павле́ у неделя,
До неделя-та свадба че буде.
Поканилъ си отъ три града гостье:
И си кани́ кумо́ и старейко;
На свадба му дойдоа три Татара
Три Татара — три чадара,
На Павле́-те велятъ-говоратъ:
«Айде, Павле, цару, ми, ти те́ра,
Да ты идешь на силна война»;
А Павле си вели — гово́ри:
«Постойте малко, почекайте,
Да испратамъ до три млады де́веры»;
А оны́ му велятъ — говоратъ:
«Не те оставамо ни денъ до пладнина,
А то не да испратишь три де́вера».
Та стануа Павле́, да иде,
Да иде на силна война:
Башта му азна броише,
Братъ му коня кове и сѣдла,
Я майтя му дреи изби́раше,
Любне му ки́тка уви́ваше
Увиваше и му нарачаше:
«Да гледашь, Павле, да гледашь,

Кой ти китка повене,
Я те се у́глава».
Па ойде Павле́ на силна война —
Деветъ години сѣде Павле
Сѣде на силна война —
Се му китка била весела;
Кога́ десета година-та би́ла,
Китка му повенала-сеха́нала, —
Павле́ си уилилъ, угрыжилъ;
Догледала го царица Марія,
Та на Павле-те вели-гово́ри:
«Што си се, Павле, уилило
Уилило, угрыжило?»
Я Павле и вели-говори:
«Кога́ крену́ на силна война,
Башта ми азна брояше,
Братъ ми коня ковалъ и сѣдлалъ,
Майтя ми дреи збираше,
Любне ми китка уви́ваше
Уви́ваше и нарачаше:
«Да гледашь, Павле, да гледашь —
Кога́ ти китка повене,
Я те се углава;
Ка' се титка усеха́не,
Я те се ожéне»;
Те сега́ деветъ години —
Титка ми биде́ се весела,
Са'ми титка повена-посеха́на».
— «Проклетъ да си, Павле!
Што не ми си ты кажалъ?
Я улезни, Павле, у яха́ере,
Та извади коня шестокры́ла,
Та си яни низъ поле широко,
Ега́ би нешта зате́калъ».

Та си влезна́ Пивле у я́херы,
Та извади коня шестокрыла,
Та я́хна́ низъ поле широко;
На срѣшта му стара майтя,
Де-ка бѣли това́ платно́ у неделя;
Павле на майтя си вели-говори:
«Помози Богъ, стара бабо!
Зашто бѣлишь това бѣло платно,
Зашто бѣлишь у света неделя?
Да ли го бѣлишь, да бѣлѣе,
Или го бѣлишь, да црнѣе»?
— «Имахъ сина, како тебе;
Ойде́ онъ на силна война,
Любне остави подъ бѣла прекрова;
Са'му се любне жени:
Одъ мака семъ дошла да бѣля»;
Па си я́хна Павле коня на нагоре,
Та си найде стара башта,
Де-ка крои лозье́ у неделя:
«Помози Богъ, стары дедо!
Зашто кроишь лози у неделя?
Да ли кроишь, да роды,
Или кроишь, да иса́хне»?
— «Не го кроимъ, да родитъ,
Но го кроимъ, да иса́хне:
Имахъ сима, ка'-то тебе;
Отиде онъ на силна война,
Любне остави подъ бѣла прекровка;
Са'му се любне жени,
Та одъ мака самъ се бѣгалъ, —
Та го кроамъ, да иса́хне»,
— «Да ли те я затеча до́ма»?
— «Карай кона поберже, те затечешь».
И Павле́ си бутна кона,

Та си ойде до́ма:
Сватове на тьрпезе сѣдеа;
До кумъ му мѣсто чиня.
Павле́ вели-говори:
«Не самъ дошелъ, да сѣдамъ;
А извадéте млада невѣста,
Да ми целива рака».
И изведо́а млада невѣста,
Та му целна́ла ра́ка;
Павле́ даде и перстенъ мѣновникъ:
Тога она на сватове вели-говори:
«Айдете со здравье, китени сватове!
На ме́не дойде Павле добаръ юнакъ.

№ 70.

Берков. окр., с. Аджиска Маала; 12 февр. 1880 г записана со бловъ Найдена Андрова

(ТОЖЕ.)

Яла и Стоянъ заженилъ.
Доде му свадба стояше,
Ситенъ му ферманъ дофтаса:
Да иде Стоянъ, да иде,
Да дигне вълна бѣгличка»;
Излезналъ младъ Стоянъ,
Та на кметове се мо́ли
На кметове и попове:
Ко'-то писахте кола
Кола петъ стотинъ,
Да дигатъ вълна бѣгличка,
Оти писахте и ме́не,
Ко'-то самъ свадба прави́лъ?»

Они му тогива казували:
«Тебе сме писа́ли
Че ти са би́воле я́ки,
И ти са кола новы,
И ти са жегли[1]) желѣзны,
Да ште ты, Стояне, карване[2]) да водишь».
И Стоянъ си тергналъ, та пошéлъ.
И ко'-то пошелъ Стоянъ,
Миналъ покрай го́деница:
И она на вертни́ко[3]) стояла
И у рака торба держала,
И у една ра́ка китка держала,
И му казала:
«Доде-ка е китка ве́села,
И ты да ме знаешь,
Че самъ тебе чекала;
Одкадъ китка стане неѣела,
Да знаешь, Стояне, да знаешь,
Че самъ се годи́ла, Стояне!»
И Стоянъ отшелъ.
Деветъ годинъ стана́ло,
Доде вълна теслимилъ
Теслимилилъ на кралица-та.
Свекоа заранъ китка бѣше ве́села;
Коги́ една́ заранъ, китка померкнала;
Невеселъ станалъ младъ Стоянъ.
И кралица го викнала:
Оти, Стояне, ка́то заранъ веселъ,
А тая заранъ не ми е веселъ?»
И Стоянъ е казалъ: Оти невеселъ?
Не самъ веселъ, че има, царице,

---

[1]) Дышло.
[2]) Скоро.
[3]) Воротца.

Че има презъ врата двѣ ябълки,
Двѣ ябълки петровки;
Ката година раждатъ
Раждатъ една златна ябълка,
И тая година родили;
Ко'-то родили, дошли айдуци,
Та украднали ябълки».
— Сетило се царица. —
«Това́ не са айдуци дошли,
Но ми са любовница жены».
Рекла тогива царица,
Рекла на нойны рыджале:[1])
«Изведе́те ко́ня ранена,
Ранена, крылата;
Да иде Стоянъ, да иде
Да иде на него́ви до́мове;
Че оде мене прошка има
Да иде на него́ви до́мове».
И пошелъ Стоянъ, пошелъ:
Доде у зенгіа постапи на конь,
Настаналъ баштино лозье;
Башта му лозье копа у не́деля;
Рекелъ младъ Стоянъ:
«Помогай Богъ, копачко!
Оти ко́пашь лозье у не́деля?
Да ли го ко́пашь, да ражда,
Или го ко́пашь, да са́хне?»
— «Я го не ко́памъ да ражда,
На го копамъ да сане,
Одъ мой синове маки».
Заминалъ него, заминалъ,
Отшелъ на баштины домове, —

[1]) Слуги.

И сестрá му таче платно;
— «Да што го тачешь у нéделя?
Да ли тачешь, да нóсишь,
Или го тачешь са покровъ?»
— «Не го тачемъ да носимъ,
На го тачемъ за покровъ
Одъ братови па маки».
И одвéрналъ се Стоянъ;
Она му одказува:
«Че има единъ братецъ Стоянъ,
И него бѣгликъзакараа,
И негова либе женисе;
Та одъ мака голема тачéмъ».
И тогива си Стоянъ отшелъ на свадба.
И ко'-то отшелъ на свадба-та,
Го викнали тогúва унетра,
Викнали го слáдка тарпéза;
На сладка тарпеза пресѣдналъ;
И невѣста вино предава:
И ко'-то предала нему вино,
И онъ си далъ рака да цалýва —
И ко'-то цалýва рака,
Она си познае перстенё;
Тогúва невѣста млада
Отпушти чаша отъ своя рака
И пригерна млада Стояна:
«О Стояне, Стояне!
До сеги ли се сети за мене?»
И послѣ Стоянъ голема веселба дигнáлъ.

№ 71.

Стар Планина, Соф. окр, с Зимевицъ (Турлаки); 12 февр. 1880 г. записана въ селѣ Аджійска Маала со словъ Невены Цвѣтковой.

(ТОЖЕ).

Била́ е Дола джелепка,
Джелепка млада безъ детка;
У гора коренье преяла,
Дунавъ е вода препила,
Доде е Стоянъ добила.
Крышома го чувало,
А тама го и женила,
До Турци да се не чуе,
Младъ войни́къ да го нека́ра,
Младъ войнинъ, млада войвода;
Не́деля свадба правила;
Туку се свадба растури,
У село Фе́рманъ достаса,
Да иде Стоянъ младъ войникъ,
Младъ войникъ, млада войво́да;
Оставя млада невѣста
Вѣнчана я непростена
Одъ ку́ма и одъ старойтя
И одъ два млады деверы;
Майтя му дреи тражаше,
Башта му коня сте́гаше,
Невѣста му китка віеше,
Стопана на Стоянъ гово́ри:
«Весела, китко, весела,
Весела деветъ годинъ;
Кога́ десета настанешь,
Ты да ми, китко, повѣйнешь;
Че либе ше ти ожени».
Сѣдела, што е посѣдела;
Често си китка погледва́,
И весела му китка деветъ годинъ;
Кога́ де́сета настана,
И китка му повейна́ла.
Заиграло хо́ро големо —
Се му дружина весели,
Стоянъ стои́ и пла́че.
И царица го видла,
Та на Стоянъ говори:
Море, Стояне, Стояне!
Ты-зи, ми, бѣше найве́селъ,
Сега, ми, найускорбенъ?»
—«Царице, млада кметище?
Оженила ми е се невѣста»;
— Она му тихо́ говори:
«Море, Стояне, Стояне!
Улезни у ладны земницы,
Избери́ коня найдоберъ
Со-съ дванаесе по́праци,
И съ тринаесъ постедзи,
Та да си стигнешь до́ дома
Да идешь за день до до́ма».
И онъ си улезна у земници,
Извелъ е коня́ на́йдобра
Со-съ дванаесе попраци,
Со-съ тринаесъ постедзи;
Доде е турилъ но́га зенгія,
Онъ е три села замина́лъ,

Тай на свадба затекалъ;
И либе му са женило;
Па си оти́де на свадба,
Та па на лудье гово́ри:
«Изведете ми тая невѣста,
Аризмо́ да а́риже»;
Извели са невѣста,
Онъ си е дае перстень мѣновникъ;
Ка́-то е зела мѣновникъ,
Она со-съ Стояно отиде́.

№ 72.

Г. Радоміръ; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавійскаго

(тоже).

Стояне, море́, Стояне!
Стоянъ си башта́ зажени́ —
Неська га, море, зажени́,
Ютре го въеднекъ пра́ти́
На доле съ вакли́ овно́ве;
Любе му титка вія́ше,
Я сестра космы́ чешяше,
Я брата конче спра́вяше;
На Стояна ли́бе проду́ма:
«Стояне, море, Стояне!
Че́сто у титка погледу́й:
Кога́ ти ти́тка повене,
Тогай я че се зажѐнимъ.
Стана́ло деветъ годинъ време,
Тогай му титка повена,
И Стаянъ уи́ленъ падна́;
Съопази го негови чичо —
Чича́ му ду́ма продума:
Стояне, море, Стояне!
Што си х̑уильно падна́ло»?
— Стоянъ му дума продума́:

Чичоле, чичо Радуле!
За што ме пра́шашь,
Ты мене, чи́чо Ра́дуле?
Кога́ си пойдо́ на до́ле —
На доле съ вакли́ овно́ве,
Сестра ми косма че́шляше,
Я брата конь справляше,
Я любе титка вія́ше,
И любе ми ду́ма продума́:
Стояне, море́ Стояне!
Често у титка погледу́й:
Кога́ ми титка повене
Тогай я че се заженимъ»;
И тогай сказалъ Стоянъ
На неговъ чича Радулъ:
«Чичоле, чичо Радуле!
Не ми е ста́до больня́во,
Нель кога́ си пойдо́ на доле,
На доле съ вакли́ овно́ве,
А любе титка вія́ше,
А брата конче спра́вяше,
Сестра ми космы че́шляше,
И тогай ми любе продума́:
«Стояне, море, Стояне!
Често у ти́тка погледу́й!»
И чича́ му тогай продума́·
Стояне, море, Стояне!
Я́зди сиво конченце,
Препливай вода Арданска
Ойды си твой дворе́ве».
И Стоянъ чича́ послуша,
И яна́лъ сиво конченце,
Препливалъ вода Арданска,
И пошелъ него́ви дво́ры,

Настигналъ нино-то поле —
И вишелъ Стоянъ башта си:
«Пома́ Богъ старче!
Зашто оре́шь у Света неде́ля»?
Язе има сина, како тебе,
Та незна́емъ, де Света́ неде́ля;
Эве́ стана́ деветъ го́динъ време,
Сега́ му се любе заженѝло,
Та не зна́емъ, де Света́ неде́ля».
Бутна́ ко́ня млады Стояне,
Та си ойде́ негови дворо́ве,
И си чука на порты желѣзны;
Излезнала Стоянова майтя;
— «Пома Богъ ти, Стоянова майко!
Зашто сѣди́шь у Света неделя
Та си предешь то церна каде́ля»?
И майтя му дума продума́ла:
«Я не зна́емъ, де Света́ неде́ля
Язе имамъ си́на, ка́ко тебе;
А сега́ му се любе заженѝло».
Дума дума Стоя́ново любе,
Дума дума на Стоянова майтя:
«Зашто очешь сѣкира до го гу́бишь»?
— «Прили́ча како Стоя́на»! —
И тогай продума Стоянова майтя:
Продума на Стояново любе:
«Ты-зи си ного прокле́та»!
И Стоянъ легна, та заспа.
А любе го си припозна́.
Про́клета била майтя-му!
Она́ си зема сѣки́ра и уби млады Стояна
И погреба го у дюбре; [1])
Како си него погре́ба —

[1]) Гной.

Ни си е малко, ни млого —
Дойдé си овенъ караджа[1])
Што си носи звонци
До деветъ медни звонци носи;
По него ильядо брави вакли óвнове
Я деветъ стóтинъ рудú рудúци,
Со-съ малки ягнéнци;
Право ги води овенъ караджа
Право ги води Стояновидворы,
И чýка порты желѣзны;
Излезнá стáра бáбица:
«Бáбице стара бáбице!
Има ми Стояне чорбаджи»?
Баба му дýма продумá:
«Нема си Стояне чорбаджи!».
Продумá овенъ караджá:
«Бабице, стара бабице!
Отвори пóрты желѣзны;
Я че намѣримъ млады Стояна,
Онъ че ми устá позлáти,
И алаци че ми посрéбри:
Оти му водимъ стáдо-то,
Ильядо вакли овнóве,
Деветъ стотины рудú рудúцы
И дéветъ стóтинъ ягненца».
Я бáба двóры не отвара.
И казá овенъ караджá:
«Отвори стара бабице»!
И баба му дума продумá:
«Зашто да ти отвóримъ»?
И продумá се овенъ караджá:
Бáбице, стара бабице!

[1]) Чернаго цвѣта

«Имашь ли сина Стоя́на»?
И баба му ду́ма проду́ма:
Имамъ си сина Стояна,
Оно́ е ошло́ на доле,
На доле съ вакли овнове»;
Продума овенъ караджа́:
«Бабице, стара бабице!
Тука е твой синъ Стоя́но»!
И баба е тога отвори́ла,
Отвори́ла порты желѣ́зны;
Улезна́ овенъ караджа́,
У уведе́ ильядо вакли́ овнове́,
Деветъ стотинъ руды руди́цы,
И де́ветъ стотинъ ягненца;
Тогова каза́ овенъ караджа́:
Да рите това́ дю́бриште,
Тува е млады Стояне чорбаджія,
Него е майтя утепа́ла,
Любе си его́ познало:
Майтя се по иманье повардила,
А любе си его позна́ло....

№ 73.

Село Лешко, Джумалійскаго окр; записана въ селѣ Скрино со словъ старушки Авдотьи Николицы 17 дек. 1879 г.

Углавилъ се Павелъ доберъ юнакъ,
Углави се Павле у са́бота,
У недѣля Павле свадба бѣше,
Понедѣльникъ Павле а́беръ дойде —
Два татара и три чохадара;
Проговоратъ до два татара:
«Э ты, Павле, э ты, доберъ юнакъ!
Айде, Павле, айде со-съ насъ да идешь,

Да си идешь цару на индата:
Те се бíе Турчинъ и кауринъ».
А Павлé имъ велú и говори:
«Два татара и три чохáдара!
Почекайте салъ те тая вечеръ,
Да испратамъ куму и старейко,
Да испратамъ мои дибри госте,
Да прелеза три млада невѣсты».
Проговоратъ два татара и три чохáдара:
Хáйде, хáйде, Павелъ, доберъ юнакъ,
Та погледни, каковъ ферманъ,
Зашто д' идемъ и да дойдемъ».
Одкарали го.

№ 74.

Г. Радомíръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавíйскаго.

(Мать одного дня женитъ сына, а другого хоронитъ его).

Съ ношти майтя сина заженила,
Кадé ручóкъ сина закопáла,
Кадé пладне снахá испратило:
«Чуешь мене, моя мила снахо!
Я си яны тоú добра коня,
Та изви коли-колко можешь, —
«Леле Боже, леле мили Боже!
Ка ли бидó мома и оевѣста
И остана млада удовица?»
Пушти коня косы до капита».
И си плаче коли-колко може,
И я дочу Господъ одъ небеса,
И си прати зелена трѣвúца,
И си прати шарена змíица,
И прати шарена боклица:

Скоро бърже да но́сите шарена бокли́ца,
Да на́йдете млады младоженя,
Да сипете това́ руйно вино,
Дека си е оно́ погре́бено».
Однели са шарена бо́клица,
Пресипа́ли негово-то тэло —
Даде Господъ и въеднага стана́,
И си ойде́ до́ма на дворе́ве, —
И го виде негова-та майтя,
Де е станалъ млады младоженя,
И въеднага съ душа се растави.

№ 75.

Соф. округъ, с. Сливница, 6 февр 1880 г записана со словъ крестьянина Ангелка Тончина.

(Сестра влюблена въ молодца, а братья противъ этой ея любви).

Димитрій, сине Димитре!
Не ли те, майтя учаше:
Нейды, синте на сѣдентю.
При Милку, синку, девойтю,
Не носи мѣдны кавалчета?
Димитеръ майтю не слуша;
Отиде при Милку на сѣдентю:
И вечерали и сѣдели;
Тагай рекла́ Милка девойтя:
«Засвири со-съ мене кавалчета»;
И запея́ла Милка девойтя;
Дочули нёны петина брайтя —
Двамина кеседжіи, троица арамліи
И Мильци на двореве чукали;
Тагай се Милка уплашила:

«Димитріе, де-ка те сокріемъ?»
Сетисе Милка девойтя:
«Вала тебѣ, Димитріе!
Я семъ по-юнакъ одъ си петина брайтя».
И станала Милка девойтя,
Та отворила порты демирове;
И влезнаше нёны брайтя:
«Вала тебѣ, Милко, наша мило сестро!
Вала тебѣ Димитріе, наша мило зетленце!
Донеси, Милко, млого руйно вино».
Испише това руйно вино;
И тогай окали нёны брайтя —
Двамина кеседжіи, троица арамліи:
«Пусто! се вино довершило!
Улезни, Милко, девойтé,
Улезни у тевни зевници,
Та наточи товá руйно вино»;
Милка се вила и повила —
Не смѣ да остави Димитріе;
И Никола, наймлади братéкъ рекелъ:
Не бойсе, Милко, сестро наша,
Нечемъ погубимо наши зетъ,
Наши зетъ Димитріё».
Тагай се верлила Милка,
Верлила у тевни зевници.
И говора петина брайтя:
«Не бойсе, зето Димитріе!
Стури капа, да те бріемо.
Излезнала Милка изъ тевни зевници
И рекла на свои-те брайтя:
«Што видосте у мене — завидосте?»
— «У одаѣ се кервь оперскано».
— «Камъ Димитріе, мой первнелюбе?»
И тогай Милка проговарала:

«Ваши домове на мезá[1]) прóдаме
И васъ млады че обѣсу —
Какво? де-ка че се кріе Димитріе?»
Па ги Милка научи́ла:
«Можете, закарайте го,
Закарайте у негови дворове,
Положете него у негове одае».
Учинили тако нены брайтя.
И тогай негова майтя говорила:
«Милко девойтé, девойтé!
Млого си играли съ ношти на сѣденте —
Димитріе млого е заспало».
Милка ништо не думала.
Отишла си Димитрина майтя,
Отишла си на свой домъ
И окала сина Димитріе:
«Димитріе, сине, Димитріе!
Не ли те учимъ-нейды на сѣдентье,
Да не идешь при Милку девойтю;
Млого си се, снно, оспало —
Се дружина твои́ на оранье отишли́».
Ока майтя, Димитріе не стае;
И тогай беркну она у десна пазука
И рекла:
«Ситна те роса изби́ла!
Млого си, сине, играло на сѣдентѣ,
Та си морно, сине, заспа́ло»;
Кадъ си терже рука десни́ца,
Она у кервь утанала;
Тагай си майтя би у двѣ страна у́ глава
И каже:
«Димитріе, сине Димитріе:
Не ли ти учила сине —

[1]) Турецое слово — съ молотка.

Да не идешь Милки на сѣдентю:
Оти су Милки многи душмане».
Тагай се окну́ли люде,
Окнули да погребу Димитрія;
По нега дошла Милка девойтя:
«Вала вие петина майсторе!
Да направите ковчегъ за двамина».
Искарали Димитрію на гро́биште;
Излезе и Милка девойтя:
«Вала вие, чорбаджіе!
Избѣсите мои́ брайтя
И нашъ домъ на-мезá да про́дате;
Саде, оступете се чорбаджіе!
Я да придемъ при Димитра,
При Димитра, мое младо любе;
Беркна Милка у свилни джепове,
Та извади ноже-та влашки
И си беркну у клето-то се́рце:
«Легай, войно, оба да лежимо—
Да не жали моя майтя,
Моя майтя а твоя.

№ 76.

Г. Радомiръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Счастье матери).

(*Свадебная*).

Роды́ майтя деветъ ми́ла сына
Да ги роды у гладна година
Съ игла ши́ла, та ги е ранила
Съ вурка прела, да ги облачи́ла.
Дошло време старія да жени—
Си-те деветъ за́едно че жени;
Па обиде ора и градове,

*

Та си тражи деветъ снаи ми́ли,
Си-те деветъ една лика да са,
Една́ лика и една прили́ка,
И у кышты слога, бре, роднина.
Па си ойдé ора и градове
Пай не море, да си нигде найдс;
Па си ойдé у Лендера града,
Та́мо найдé деветъ снаи ми́ли
Еднолики и едноприли́ки;
И собра́ триста и три свата
И собра свирки и тупанье,
И пойдоа китени сватове;
Настаная презъ гора зеле́на;
А майтя му дума проду́муе:
«Ка ста́нете презъ гора зеле́на,
Заставе́те свирки и тупанье:
Тамо има вила-самови́ла,
Претвара́се той млада невѣста,
И износи шарена бокли́ца,
Та си изно́си това́ ру́йно вино:
«Да пиéте ки́тени сватове,
Вече ми се душа умерисá».
И тогай сватове дума продумуе:
«Умерисá одъ това́ вино черве́но».
И си окна ку́ма и старойтя:
«Я запрете свирки и тупанье,
И запре́те, китéни сватове,
Да ви́диме, каква си е дзвѣрка?»
Излезна́ си детé Андреяше:
«Назадъ, назадъ, китéны сватове!»
И поверна́ китéны сватове.
— Продума си Андреёва коня:
«Слушай мене детé Андреяше!
«Това́ не е той млада невѣста,

Нела си вила-самови́ла;
Погьлтна ме-мене до копита;
Я извади лека воздога́на,
Та ме удри мене доле у копито».
Извадило дете Андреяше,
Извадило лека воздогана,
Удри коня́ доле у копито,
И се смаза вила-самови́ла;
Тога́й окна́ свирки и тупанье,
И си окна́ китены сватове,
И си каза кума и старойтя:
Нека свира свирки и тупанье,
Нека поя́ ки́тени сва́тове;
Што се прави премлада невѣста?
Оно́ не е премлада невѣста,
Оно́ си е вила-самови́ла».
И я вана́ дете Андреяше,
И си ея на ко́ня верга́ло;
Па си ойде́ у Ленгера града;
Доведоа деветъ мили снаи;
Па удрия презъ гора зелена́,
И заставия́ свирки и тупанье,
Запре́я се китени сватове.
Продума имъ дете́ Андреяше:
«По́йте, братя, и не се пай бойте!
Я семъ смаза́лъ ала́-гуштерина!»
Пай удрия свирки и тупанье
И запояа китени сватове,
И ойдо́а дома на дворе́ве;
Одведоа деветъ снаи ми́ли,
Си-те деветъ еднои́ки били́
Еднолики и едноприлики били.
У кышты слога роднина.

№ 77.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дешп.

(Недовольство невѣсты своимъ молодцомъ).

Вéсело Стойно, весéло!
Што си садъ не весéла,
Какво́-то пьрвня годи́на?
Она́ си му гово́раше:
«Како́ да семъ си весéла?
Са ночь била́ на свадьба:
Вѣнеръ борина держала,
Редомъ се редомъ гледа́ла—
Мое-то х̑аро найгрозно!»
А чиче е говоре:
«Весело, весело, Стойно, весело!
Грозно е, Стойно, грозно е,
Ама си има иманье!»
А о́на си му гово́ре:
«Иманье, чичѐ, иманье
Иманье гнило буниште!»
— Чичѐ ё по ти гово́ре:
«Мое-то х̑аро найгрозно!
Весела Стойна, весела.
Не буди уильна, Стойно!

№ 78.

Село Скрино, Дупнич. округа; 16 дек. 1879 г. записана со словъ того же крестьянина.

(Смерть молодца отъ уроковъ).

Нено, хубави Нено!
Пратила му абаръ тета:
«Да дойде Нено на Великъ-день:
Наше-то село големо,
Да дойде Ено́ на́ гостье—
Големъ се соборъ собира—
Отъ три села е соборъ—
Да гледа моми х̑убави».
Нено крена да иде:
Майтя му премѣна даваше
И градомъ сълзи роняше;
Снаи му колачи месех̑а
И оны сълзи рониха;
Сестры-те му перчи крешаа
И оны сълзи рониха;
Башта му пари да́ваше
И онъ сълзи ро́няше;
Братья му ко́ня справляха
И оны сълзи роняха.
И майтя му говоре́ше:
«Сѣди, сине, не иды,

Хубавъ ми си, сине!
Че паднешь тамъ одъ уро́ци».
Неслуша Нено — ойде́,
Одвела го тета на оро́-то:
Кметове-то вино піяха́,
И забора вино да піятъ,
У него погледнаха́;
Кметици-те ду́ма ду́маха́,
И дума-та забориа —
И оны у Нено́-то погледнаха́;
Момчета-та камень ферляха́,
И оны́ ка́микъ заборих́а;
Моми-те пѣсень поѣха́
Пѣсень-та заборих́а —
И оны-те погледнаха́ у Нено.
И си-те уроци фанаа Нено:
Умре Нено́ одъ уроци.

№ 79.

Село Жилинци, Кюстендильскаго округа; 6 дек 1879 г. записана со словъ Яни (Іоанны) Големинской.

(тоже).

Хубави Нено, гиздави!
Нарачало него́ва-та ми́ла тетка:
«Да дойды, Нено, дойды
На хубави денокъ Великъ-день;
Ногу че соборъ да има —
Одъ де́ветъ селъ моми́-ты
Десе́та се́ло-то наше-то,
Да ти мома изберемо».
Кога дойде день Великъ-день,
Справи се Нено да иде;
Два му брата коня справя(тъ);
Башта му порты отворя;
Двѣ му сестры китки справятъ;
Майтя му премѣна справя,
Премѣна справя и учи:
«Убави Нено, гиздави!
Кога́ придешь при соборо,
Немой си коня разигра,
Немой си тенко провикна,
Немой си коня пушки приферля;
Ты ми се Нено угледенъ:
Хочатъ те о́чи пресѣчатъ.
Оно́ си майтя неслуша:
Кога́ при́де при соборо,
Врана си коня разъигра,
И си тенко прови́куе,
И си ферли́ тенки пушки.
Момчета каменъ метаа,
Каменъ си погрѣшиа,
У Нено то гледаюти;
Моми-те о́ро играятъ,
Оро-то си погрѣшія,

У Нено-то гледаюти;
Нено-то очи пресѣкли.
На тетка си Нено говóраше:
«Аво тетко, мило тетко!
Айде, дóма да идеме;
Нешто ме серце пресѣ́че!
Не слушалъ Нено майтя,
Не слушалъ та и умрелъ.

№ 80.

Село Жилинци, Кюстенд. округа, 6 дек 1879 г записана со словъ дѣвочки Гюргены Чекерендовой

(Сговоръ дѣвушки съ молодцомъ, безъ согласія ея родныхъ).

Іоване, Іоване юначе!
Заспали Іоване гора зелена,
Я девойтя край студенъ кладенецъ;
Кой замине — све девойте буде,
Я Ивана никой неразбужда.
Долетѣло пиле соколенце
И паднало на Ивана на рамъ:
Се крыла трепчи — Ивана разбужда,
Со-съ уста го прашуе:
«Эй Иване, Иване юначе!
Такменъ ли, море, иль не си?
Женен ли, море, иль не си»?
Я Иванче пó-ти оговóри:
«Ни семъ такменъ,
Ни чу да си такмемъ,
Ни семъ женен,
Ни чу да се женемъ;
Че си чекамъ Билтя мала мома».
Дочулъ е билтинъ брате:
Соградиа кула одъ óлова,
И затвори Билтя мала мома;
Седѣла е Билтя деветъ године,

Па е Бога помоли́ла:
«Дай ми, Боже, есени дождеве,
Дай ми, Боже, пролѣтни гърмо́ве.
Дождеве кула-та да расто́патъ.
Гърмове-те вра́та да растро́шатъ,
Да излезнемъ на бѣло-то видѣло,
Да си видимъ юнака Ивана,
Да ми оды, ка́ко што одаше,
Да ми яха́ тая Врана коня,
Што му семъ я кришума купи́ла;
Ни ме знае ни ма́ма, ни тата,
Ни ме знае ни чичо, ни стринка,
Салъ ме знае наймала стрина,
И нея семъ даро́къ даровала:
На Великъ-день свилена кошуля,
На Дюрдевъ-день алови чарапи,
На Спасовъ-день пребрана марама.

№ 81.

Кюстенд.-Бан. окр, с. Жилинци; 27 дек. 1879 г. записана со словъ Екатерины Миловановой и Маріи Павлевой.

(Бѣгство жены съ своммъ любовникомъ).

Янинка Пазарджичанка.
Провикнала Янинка:
«Бре варай Боже да Бога!
Тая кашта богата,
Ветье ми се досадило,
Досади́ло, додеяло
Одъ тая кашта богата,
Ди да имамъ негдѣ не́кого,
Та ако би не би бѣгала».
Дочу́ Петре рата́йче,
Па на Яни́нка гово́ри:
«Янинко Пазарджичанко!
Дали, мори, бѣгамо»?
Янинка му гово́ри:
«Петреле, Петре рата́йче!
Бѣгатю, море́, бѣга́тю:
Нека дойде Великъ-день,
Великъ-день—Свѣтла недѣля—

Стари́ у церква те идатъ,
Золви́, етерви на оро,
А девери каменъ те метатъ;
Павелъ на ловъ те иде,
Ние съ тебе те бѣ́гаме
Та си дошéлъ Велúкъ-день,
Великъ-день — Свѣтла недѣля:
Старп у церква ойдоа,
Золви, етéрви на оро ойдóа,
А девери камикъ метаа,
А Павелъ на ловъ отишелъ;
Они съ Петре-те бѣгаа.
Когá бѣ стрѣдъ полé-то,
Срѣтналъ е Павелъ юнакъ,
Па на Петре те говори:
«Петреле, Петре ратайче!
Э позапри кочія,
Да ти видимъ невѣста-та:
Бѣла ли е, червена ли,
Танка ли е, висока ли,
Мошно ли черноóка?»
Послуша го Петре юнакъ,
Та подзапри кочія;
Те му виде виде невѣста-та,
Та на Петре-те говóри:
«Петреле, Петре ратайче!
Та каква ти невѣста!?
Се си е лúка и прилика
На мое любне-те Янинка»?
Петрé му вели—говори:
«Я мини, измини Пáвеле
Зарадъ те млада че (в)ишешь,
Я глáва и ты глáва».
Минá — изминá младъ Павелъ,
Та си яхна Врана коня,
Та си ойде дурь дóма;
Оддалекъ иде и вúка:
«Любне Янинко, Янинко!
Отвори ми нóви порты,
Зеръ ти иде млады Пáвелъ,
Па излезнá стáра майтя,
Та отворй новы порты,
Па на Павлé говóри;
«Тува нема Янинка,
Измами я млады Петре».
Одъ конь, бари, не е слезналъ,
Бутна кóне наназáде,
И извади́ остра сáбля,
Та си стигнá млады Петрé,
Одсѣче му руса глáва,
Па я даде на Янинка,
Па на Янинка говóри:
«Любнеле Янинка, Янинка!
Чу́вай ты-зи млады Пéтре.

№ 82.

Г. Радомиръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Измѣна жены мужу).

Дойдо́ двѣсте вошта́не,
Да вани млады Богоя́
Дека недава на цара данокъ;
Я Петкана[1]) имъ говори:
«Додайте свилни гайта́не,
Он се е у сънокъ зане́лъ,
До си го-него окове́мъ».
Дали са сви́лни гайтане;
И Петка́на го окова́,
И отвори́ порты желѣзны.
Улезная двѣсте вошта́не,
И дѣте́ си ги съопази:
«Тателе, тателе Богое́!
Я ста́ни, тате, Богое́!
Да видишь двѣсте вошта́не»,
И башта му се съобуди́:
Глава си диза, не му се диза.
Ра́цѣ си диза, не му се дигатъ
Нозѣ си диза, не му се дизатъ
Ванае си го двѣсте вошта́не,
И въеднага го на конь качія;
И забра́а си млада Петка́на,
И забра́а си това́ ма́шко дете,
И ойдоя гора зелена;
На дете́ се вече́ досади́:
«Тателе, тате, Богоѐ!
Эве́, стана́ три дни и три но-
шти,
Како́ не самъ ни лѣбъ я́ло,
Не самъ ни вода пи́ло,
Ни сънокъ земало.
Продума́ башта́ Богоя́:
«Дете-ле, дете, малечне!
Иды при майтя Петка́на,
Ега́ те на конь качеше».
Дете си ойде́ при ма́йтя;
Петкана ги́дра—опака:
Одту́ка дете́ малечно!
Ты-зе си ги́дро—опако!»
Пай си верне детенце;
Ойде́ при башта Богоя.
—Башта му дума говори»:
«Ногу си дѣте оды́ло,
И оште малко поо́ды,
Че слезне двѣсте вошта́не,
Че слезне росно ливадье,
Че слезне коне́ да паса́тъ;
И тогай ты-зи че пре́спишь,
И тогай вода че піешь
И тога́й лѣбецъ че ру́чашь».
—Слезнали росно ливадье,
Тамо са коне́ пушти́ли;
Како́ са коне́ пуштили,
Заспа́ли двѣсте вошта́не,
Заспа́ла млада Петкана.
—Продума млады Богоя;

[1]) Жена Богоя.

«Дѣте-ле, дѣте́ мале́нько!
Я бъркни свилны джепове,
Извади ноже́ потайно,
Та сѣчи свилны гайтанье».
И дѣте башта послуша́,
И бъркна свилны дже́пове,
Извади́ ноже́ потайно
Одсѣче свилны гайтанье
Опушти́ башта Богоя́;
И стана́ло е башта Богоя,
И беркна у десна чи́жма,
Извади́ сабля на згла́бове,
Развертесе на лѣво, на де́сно,
Погуби́ двѣсте воштане,
И зема́ млада Петка́на:
Ископа дупка до по́ясъ,
И намаза́ млада Петка́на
Намаза лой и катранъ,
Запали́ млада Петка́на;
Богоя́ съ малко дѣте́нце
Пия́ си това́ руйно ви́но
И тая люта ракія, —
И Петкана му гово́ри:
«Богое, млады Богое!
Ако не ти е за мене жалъ,
Не ели ти жалъ за това́ мышко дѣте́,
Што е ме́не у коре́му?»
И оно зема́ ноже́ потайно,
Та распра́ млада Петка́на,
Извади́ мышко дѣтене́це,
И него са въеднакъ погребло
Погребло га у черна та земня.

№ 83.

Г. Радомиръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Іордана Лазарева.

(Выходъ замужъ жены, мужъ которой въ долгой отлучкѣ, считается великимъ несчастьемъ его рода).

Затворанъ Тодоръ е забованенъ.
Та си лежи деветъ годинъ време.
Ка пока́ра десе́та годи́на,
Пишти́ Тодоръ, ка-то люта змія;
Та го дочу крали́ца-кметица.
Па слезна́ кралица кмети́ца
Па си слезна́ више од дивана́,
Та си слезна́ при тевни зънданы,
Та прашуе То́дора юнака:
«Э ты-зе-ка Тодоре юначе!
Эве стана́ деветъ годинъ време,
Како́ лежишь у тевны зъндани,
Не пишгеше, ка-то люта змія;
Садъ покара́ десета годи́на»

И ты пшитишь ка-то люта змія
— И Тодоръ си дума продумуе:
«Э ты-зе-ка кралице-кметице!
Я се моли цару Костадина,
Да ме пушти, дома да се ойдемъ».
Неська ми се любне затекмило».
И се моли кралица-кметица,
Та се моли цару Костадине:
«Э ты-зе-ка цару Костадине!
Да си пуштишь Тодора юнака,
Да го пуштишь, дома да си ойде;
Неська му се любне затекмило».
И си пушта цару Костадина
И си пушта Тодора юнака.
Ка приведе Тодоръ-добаръ юнака,
Та приведе коня Дорушана,
Приведе га на бинекъ-камико
Та си тури нога у зенгія:
Дуръ да тури лѣпо и онася,
Онъ се ойде на Будино село;
Пушты коня, самъ да му се шета;
И си приде при негови порты:
И си сѣды негова—та майтя
Та си сѣды у Света неделя,
Та си пряде, бре, церна каделя.

И Тодоръ си дума продумуе:
«Э ты зе-ке, Тодорова майтё!
Зашто предешь у Света неделя?».
И та си дума продумуе:
«Э ты-зе-ка, непознанъ юначе!
Язъ си имамъ сина, како тебе, —
И эве стана деветъ годинъ време,
Како си е оно затворено,
Неська му е любне затекмило се;
Та незнаемо, дека си е Пресвета неделя».
И се качи Тодоръ добаръ юнакъ,
Та се качи више на чардаци,
Та улезна у ладны одаи:
У одаи—той чесны тьрпезы
И си сѣды кума и старойтя;
И улезна Тодоръ добаръ юнакъ:
«Добре ютро, куме и старойтё!»
И они му тогай продумали:
«Далъ Богъ добро, церно колуджере».
Продумалъ си церна калуджера:
«Э ты-зе-ка куме и старойтё!
Я окни Тодорица млада,
Да ю кажемъ, дека умре Тодоръ добаръ юнакъ».

И окнна́ли Тодори́ца мла́да;
Казу́е ю церна калуджера:
«Э ты-зе-ка, Тодорице млада!
Де си умре Тодоръ добаръ юнакъ!»
И она́ си дума продуму́е:
«Э ты-зе-ка, церна калу́джера!
Ако ми, ле, ты-зе право кажешь,
Де се смаза́ Арватско колѣно,
Я зе тебе дарба че дару́емъ,
Че даруемъ одъ ерилье кошуле».
Ка се виде Тодорица млада,
Ка се виде Тодорови перстень,
И она́ си дума продуму́е.
«Э ты-зе-ка церна калу́джера!
Дека найде То́дорови перстень?»
«И продума́ церна калуджера:
«Э ты-зе-ка Тодорище млада!
Ка си умре Тодоръ добаръ юнакъ,
Нема кой да си го погребе́;
Я погребо́ Тодора юна́ка,
Та му зема́ бесцаны перстень».
И улезна́ Тодорица мла́да,
Та улезна́ у ладны зевницы́,
Тай отвори́ той сельви сандаци,
Та извади од ериль кошуля,
И него е дарба дарува́ла.
И си сѣдна́ церна калуджера,
Та си сѣдна́ у чесны тьрпезы,
И тогай си дума продумуе:
«Просты мене, куме и старойтѐ!
Да играемъ оро калуджерско».
И му про́сты кума и старойтя
Да играетъ оро калу́джерско.
Развертесе церна калу́джера;
Развертесе на́лѣво, на́десно,
Та съосѣче китены сватове,
Останале кума и старойтя,
И останалъ млады младоженя,
И при ни Тодорища млада.
Продумалъ си церна калуджера:
«Э ты-зе-ка Тодорице млада!
Та я не сам церна калуджера,
Нело семь си Тодоръ добаръ юнакъ:
И тогай се Тодоръ продуму́е:
«Э ты-зе-ка млады младоженё!
Да докарашь до три кола иманя,
Да те пуштимъ живо да се ойдешь».
И онъ си дума продуму́е:
«Э ты-зе-ка Тодоре юначе!
Я ме пушти до́ма да си ойдемъ,
Че докарамъ три кола иманье».

И несмѣе Тодоръ, да го пушти:
И му везá рáцѣ наóпако,
И му турú пéры у зубú-те,
И му тури книже на колѣно,
Та си пише млады младежене,
Та си пише товá ситно пúсмо,
Та го праштá на неговú башта,
Да допрáти три кóла иманье,
Ега него живо опуштúль.
И докарá неговиё башта,
Та докарá три кóла иманье,
Та си пушти́ Тодоръ, добаръ юнакъ,
Та го пушти́, дóма да си ойдé.
Останáла Тодорúца млáда.
И Тодоръ си дума продумýе:
«Э ты-зе-ка, Тодорице младо!
Да ли очешь, да си млада свѣтарія,
Или очешь, да си млада слугарія?»
И онá си дума продумýе:
«Нечемъ язе слуга да си слýжимъ
А очемъ да семъ млада свѣтарія.
Намаза я Тодоръ, добаръ юнакъ,
Намаза я тоя церни катрáнъ,
Закопá я, Богме, до колѣна
Запали я, Богме, од недéля,
Та му свѣты, богме, до другá-та:
И си сѣды Тодоръ добаръ юнакъ,
Та си піе съ брайтя и дружина;
И сп вúка Тодоръ, добаръ юнакъ:
«Э вие—ка, бре, вѣрна дружúна́
И ручайте и кажете.
«Богъ да бíе Тодорúца млáда!»

№ 84.

Г. Паланка, въ 4-хъ часахъ разстоянія отъ Кюстендильской Бани, въ Македоніи; 5 дек. 1879 г. записана со словъ Стаменка Алексова.

(тоже).

(*Пересказъ пѣсни*).

Талакинъ Тодора затворили деветъ кралёве и затворили го за-ради деветъ азна; а сами сѣдеа на меана, та пія. Деветъ годинъ лежá таламинъ Тодора. Негóва жена заженисе. Имаше оно пиле сокóлово; дойдоше пиле на зенданы и пишти, та си глава кине.

Скочи Таламинъ Тодоръ, та го замами; пиле нему каже: твоя жена раненика си земáло. Ка' дочулъ това таламинъ Тодоръ, заронилъ сълзи́ у абсена: о, ты моя любне! зашто не зимашь дру́гого, ту́къ узимашь мога раненúка. Заплака таламинъ Тодоръ у абсана, дочули го деветъ кралёве. И тега речеа на абсанджія: «за што пишти Тодоръ? Што зоръ му е»?—И те га праша: «што неволя ти»?—«Што ли имамъ зоръ? Моя стопаница зима мой рáненикъ; оти не земе другого, по раненúка земе»! Тагай извикпаа го при деветъ кралёви. Речеа крáлёве: «таляминъ Тодоре! Што ти е зоръ, Да пиштишь у зенданы? Дали ти е додеяло, што лежишь одъ деветъ годинъ?—«Не ми това додея́ло; оно, ми, се любе заженило: не си зима другого мужа, оно зима мого раненúка; а да зима другого, жалъ немамъ». Речеа кралёве: «Седъ, ка те пуштимъ, едали се можешь, да повернешь»? — «И да пуштите, че повернемъ, и вашё азно донесемъ». И тогай пуштія го.

Отидé Тодоръ на свои дво́рови: станала церна калудера; у врата на негова майтя чука: «Добро ютро! бабо!»—«Далъ ти Господъ добро!» Оти плачешь, церно калудере? о-де-къ идешь?» — «Я идемъ одъ деветъ кралёве, што бѣ затво́ренъ». — «Имамъ и я тамо едного сина таляминъ Тодора».—«Сви е погубія, салъ мене пуштія». «Тега баба бакшишь му даде».—Пита негова люба: одкудъ идешь, церно Калудеро? *(не досказано)*.

№ 85.

Село Рыло (Дупн. окр.), 27 дек. 1879 г. записана со словъ Екатерины Миловановой

(Разговоръ дѣвушки Вардарки съ соколомъ).

Соколъ піе по Вардара вода:
Нодзе му у сребро укованы,
Криле му у злато позла́тены,
На гла́ва му бѣлъ трендафиль цавти,

На гърло му дробенъ бисеръ трепти́;
Па не смѣе нико да го пита.
Пита го Вардарка девойка:
«Э ты зека пиле соколенце!
Кой ты сребри нодзе до колѣна,
Кой ты златы крила́ до ра́мена,
Ко́й ты сади́ трендафиль на глава,
Ко́й ты низа бисеръ на герло»?
А соко́ле му по́-ти оговори:
«Э ты-зе-ка Вардарка де́войко!
Ель ме пи́ташь, пра́во ште ти кажа:
Зете́ имамъ злата́ринъ,
Да ми сребри нодзе до колѣна,
Да ми златы кры́ла до ра́меня;
Сестра имамъ, та ми сади́ трендафиль на глава́
Та ми нижа бисеръ на ге́рло.

№ 86.

Соф. окр., село Сливница; 7 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Ильи Григорьева Стамбулiи.

(Одна сестра у девяти братьевъ).

Деветъ брата една сестра иматъ;
Сви-те деветъ са я обича́ли;
Одъ милосъ я на пазаръ одвели,
Што видѣли, се се ней купили:
Видѣли се сребрени ножница,
На ножница три струка вериги,
На вериги ясно огледало,
И купили, да се Нейтя често огледуе;
Отишли у ладна меана,

Та си сѣдли да си ядатъ и да піятъ;
Она била итра-дьяволита:
Прошетнасе низъ тевна чаршія,
И усрѣта Митеръ Кустурлію:
«Добра срѣ́ча, гиздава девойте!»
— Далъ Богъ добро, Митеръ Кустурліе!
Очешь, Митре, мене да залюбишь?
— «Не ти смѣемъ, тебе да полюбимъ:
Да ты имашь деветъ мили брата —
Сви-ти деветъ си юнаци;
Очу мене о́ны да погу́батъ».
Она́ му по́ ти оговóри:
«Я чемъ братя лысно да издáдемъ:
Собери се тристе душъ юнаци,
Па оти́де на старе езéре
На езере, на стара по́ишта;
Я чемъ братя у ловъ да допрáтимъ».
Кога́ било ютре одъ-заранъ,
А она́ си братя поокнало:
«Айте, брало, у ловъ да и́дете!
Сви юна́ци тука проминали —
Проминаше и васъ пот'окнаше
Пот'окнаше и порты почукнаше»;
Я они и по́ ти оговáра:
«Иды, сестро, кони́-те ни справи».
— Пошла сестра,
И со-съ венеръ[1]) крыла оперлило,
Што остало подъ кола верзало,
Я сабля имъ съ калай[2]) зопоило;
Па дооды и говóри:
«Я кони справила и при камикъ ги привела!
Айте! качитесе на свои кони́».

---

[1]) Фенеръ—фонаръ. [2]) Олово.

И они́ се лѣпо накачили,
Па отишли на езере,
На езере, на поишта стара;
Согледалъ и Митра Кустурлія;
И проговори́ наймлады брате́къ:
«Бѣжьте, брало! сега́ да бѣгаме!
Оче Митеръ назе да погу́би»;
Проговори́ найстаріё брате́къ:
«Да я немамъ саблю да кервавимъ,
Я камо ли вие да сѣчете?»
Приблизилъ се Митеръ Кустурлія.
Сабли тергнатъ братя, сабле не излазатъ,
Кони рижатъ, кони се не мердатъ;
Проговори найстаріё брате́къ:
«Бѣжьте, кой на-куде види!»
Алъ ги Митра сви-те деветъ погуби́лъ.
Па отишелъ Митра Нейти на дворове,
И излезе на куле високе
И говори Нейти:
«Сѣди, сега да сѣдимо —
Сви-те деветъ я семъ погубилъ»;
А она му по ти одгово́ри:
«Съ-ношка, вечеръ дете се добило,
И оно одъ юначко колѣно;
Оче оно насъ да ны́ погуби».
Отиде Митеръ Кустурлія,
Да погуби дете́ у пеле́не;
Излезе се деветъ миле стрине —
Сви-те се Митру помолиле,
Помолиле и па поклони́ле:
«Тако м' Бога, Митеръ, наши зе́ту!
Остави ны това мушко дете —
Кой че, Митеръ, насъ да ны дорани?»
И нему се верло нажалило,

Та-си оставíлъ товá мушко дете.
Минало се текмо двѣ недѣли,
А дете си на майтю говори:
«Вала, малс, моя стара малс!
Сва децá бащеве держатъ,
Оти нема мене кой да держи?»
Я она му по ти оговóри:
«Богъ да бíе лелю Нетю!
Да ты имашь осемъ мили чичс
И деветы твой стары́ башта,
Амо леля ги издала».
А оно си майци одговáра:
«Я ми справи бащина коня,
Че си идемъ башта да си тражимъ»;
Я майтя му пó ти одговáра:
«Сѣды, дете, сѣды у пелене,
Оче тебе Митеръ да погубе».
А оно си майтю не послуша,
Нело отидé на ладны я́хыры —
Съ нога ритнá, та си врата строши,
Та улезне у ладны я́хыры
И си тражи бащинога коня;
И си найде бащинога коня,
Па си тури бащино оруже;
Приведе га при бащинъ си камикъ,
Де·ка се му бащá качи́ло;
Та уяну бащинога коня
И отиде Митру на дворóве:
«Тако м' Бога Митре Кустурлíе!
Я излезни мене на белѣго»;
Одговара Митеръ Кустурлія:
«Богъ те убилъ, дете у пелéне!
Да я немамъ сабля на тебе,
Немамъ сабля да кервáвимъ,

Я камо́ ли на белѣгъ излезнемъ»;
Я дете му по́ ти одгово́ри:
«Я излази! яли че те съ душо
И съ кожера тергнемъ!»
Митеръ е тагай на белѣго пзлези:
Одсѣче му дете той русу гла́ву;
Па излезе на куле высоке,
Та си вана леля си Нейтя
И одсѣкалъ ю ноге до колѣна,
И одсѣкалъ ю руке до рамена,
Извертелъ ю тія черни очи,
Па завелъ на камены тюпрія:
«Сѣды тука, лелю, да си сѣдышь —
Кой проми́не, дарба да ти дари;
Ка' проминемъ, дукатъ че ти давамъ.

№ 87.

Г. Радомiръ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова.

(Сестра любима девятью братьями, но ненавидима женою одного изъ нихъ).

Една Яна между деветъ брата;
Каде́ ида, и Яна си вода.
Отишли са на нови паза́рс
И Яна са тамо, бре, одвели
Одвели я на нове пазаре.
Што са вишли, се се укупили:
Вишли са си среберны вериги
На вери́ги среберно ноженце.
Богъ да бie Павла-то любе!
Не свидссе Павла ку́чковица,
Та улезна у ладне яхе́ры,
Та уводе до два сиви юнца
И уводе до деветъ конѐве,
Си-те деветъ, богме, подпаляване;
И си ойде Павла ку́чковица,
Та си ойде у ладне одаи́:
«Дигъсе, дигъсе, Павеле юначе!
Каква ти с штéта учинето?
Убодени до два сива юнца
И деветъ коне́ подпайване,
Учини и сестри́ца Янинка».

— Я братокъ му дума продумума;
«Просто да е, Яни за свадбина»!
Богъ да біе Павла кучковйца!
Улезнала у ладны зевницы,
Опуштйла деветъ бочви вино
И десета той люта ракія,
Пай си ойдé при Павле-то юнака:
«Дигъсе, дигъсе, Павеле юначе,
Дигъсе, дигъсе, да би се не диголъ
Каква ти штета учинето?
Учини е сестрйца Янинка:
Опуштила деветъ бочви вино
«И десета той люта ракія».
И тогай си Павелъ продумуе:
«Просто да е, Яни за свадбина»!
Богъ да біе Павлово-то любе!
Ка улезна у ладне одаи
И си зема Янино ножéнце,
Уботе си товá машко дете,
И тогай ойде у ладне одаи:
«Дигъсе, дигъсе, Павеле, юначе!
Каква ти е штета учинето?
Учини е сестрица Янинка:
Уботе ти това машко дете».
Тогай Павелъ дума продумало:
Што ми прави, се се ми простйло,
Што уботе товá машко дете»?
И тогай окне Павелъ вреденъ юнакъ:
Елъ овамо, сестрйцо Янинко!
Ты уботе до два сиве юнца,
Деветъ коне, богме, подпайване,
И опушти деветъ бочви вино
И десета-та люта ракія;
Што уботе това машко дете»?
— Дума дума сестра му Янинка:
«Ако семъ братко, товá я направило,
Изведы ме у гора зелéна:
Де-ка падна мои бѣли рацѣ,
Тамъ да никна двѣ бѣли тополи,
Де-ка падна мои черны óчи
Тамъ да извратъ два бистры кладенца;
Де-ка падне товá мое тéло,
«Да се згради церква Маріица» [1]).
И когá лежи кучка Павлевица—
Лежала е деветъ годинъ време—
Пай се присни Павла кучковица,
Да я вода церква Марíица;
Одвели я церква Марíица,
И тогай се съ душа раставйло.

[1]) Тутъ пропущено то, что братъ все такъ сдѣлалъ, какъ говорила сестра Янинка.

№ 88.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ Марiи Тупаковица.

(Сестра любима двумя братьями, но ненавидима женою одного изъ нихъ).

Два, ми, брата верно живовали,
Между ни сестра́ милува́ли;
Одъ милосъ е на пазаръ водили,
Што са вишли, све са укупи́ли:
Ножи вишле́, ножи черноцрены
И нія укупи́ли;
Па си дошле́ вечере до вечеръ
Дошле́ на свои́—те дво́ры.
Не свиде се кучка Павлевици:
Улезна́ла у ладны земници,
Испуштила деветъ бочви вино
Десета—то люта ракія;
Па си ойде у ладны меаны,
На Павле́ по тія говори:
«Дигъ се, Павле, да бихъ се не ди́гналъ!
Што ти се штета учини́ла!»
А Павле му по ти огово́ри:
«А оттука кучка Павлевица!
Два сме живи два — та со-съ брата,
Да е жи́ва наша мила сестра́».
Не свидесе кучка Павлевици:
Па улезна у ладны яорье,
Та убо́ды коня упайвана;
Па отиде́ у ладны меаны,
На Павле-те по ти огово́ри:
Дигъ се Павле, да би се недигналъ!
Што ти се штета учинила?

Убо́дена коня упайвана!»
А Павле по ти оговóри:
«А отува, кучко Павлевице!
Да сме живи два-та со-съ брата,
Да е живе наша ми́ла сестра!»
Не свиде се кучка Павлевица;
Та отиде у ладны ляници́
Та сосипа до-деветъ кошара —
Потекоа меды изъ ляници́;
Па оти́де кучка Павлéвица
На Павле-те по ти оговори:
«Дигъ се, Павле, да би се недигалъ!
Што ти се штета учинила!
Сосипаны деветъ коша —
Потекóа меды изъ ляници́!»
Я Павле му по ти оговóри:
«А отува, кучка Павлевица!
Да сме живи два-та со-съ брата,
Да е жива наша мила сестра!»
Па не свидесе кучка Павлéвица:
Искачи се горе на чардаци,
Та убóде това машко детé
Убóде го у свилны пéлены
У пéлены, у клѐто-то серце —
Потекли са керви изъ чардаци;
Па отиде кучка Павлевица
Отиде у ладны меаны
На Павле-те по ти оговóри:
«Дигъ се, Павле, да би се недигалъ!
Што ти се е штéта учини́ла!
Убодено наше машко детé
Убóдено у свилны пелены
Убóдено у клето-то серце,
Потекли со керви изъ чардаци».

Тогай рипна Павле добаръ юнакъ:
«Да гле́даме редомъ по ножéве —
Чіи ножи у керви утахнали,
Това си е штета учинилъ».
Та гледаа редомъ по ножеве —
Сестры Мары ножи у керви утахнали.
Проговóри Мара цернóка:
«Аво, братко, аво мили братко!
Ако семъ ти штета учини́ла,
Изнеси ме на висока ела́,
Расѣчи ме на четири дѣла:
Де че падне моя руса коса,
Тамъ че никне тая гаста гора;
Де че падатъ мои черни óчи,
Тамъ че извратъ два студна кладенца;
Де че паднатъ бѣли рацѣ,
Тамъ че никнатъ двѣ танки топóле;
Де че паднатъ мои танки вѣжди,
Тамъ че извратъ морски пья́вици;
Де че падне моя рамна снага,
Тамъ че стане церква Маріица».
Изнесеа на висока ела́,
Расѣчеа на четире дѣла:
Де-ка падне нойна руса коса,
Тамъ никна́ла тая гаста гора;
Де паднале нойны черни очи,
Тамъ извре́ле два студна кладенца;
Де падна́ле нойны танки вѣжди,
Тамъ извре́ле морске пья́вици;
Пе падна́ле нойне бѣли рацѣ,
Дамъ никна́ле двѣ танке тополе;
Те падна́ла нойна рамна снага,
Дамъ створи́ласе церква Маріица.
Поболѣ се кучка Павле́вица:

Обидоа орье и загорье,
Немогоа лѣкове да найдатъ, —
Изъ кости му трава проникна́ла!
Изъ очию муи пролитаятъ,
У вуши-те пога́нци мати́ле.
Проговóри ку́чка Павлéвица:
«Аво Павле, аво добаръ юнакъ!
Да ме носишь церкве Маріице».
Па усобра косты у рѣшéто,
Однесе я церкве Маріице:
Оддалекъ е церква согледа́ло,
Одблизу се церква затвори́ло —
Попóве-то онемѣле,
Дякове-то ослѣпѣле;
Проговори́ церква Маріица:
«А отува кучко Павлевице»!

№ 89.

Село Бабица (Трен. окр); 26 ноября 1879 г. въ мѣстечкѣ Брѣзникѣ запи-сана со словъ Деши Тодорова.

(тоже).

Два брата много добре живовали,
Сестру Нейтю много миловали:
Одъ милосты на пазаръ одвели —
Што видѣли се и окупили:
Видѣли су ножи у ножница,
На ножеве три струкеве вериче,
На вериге педесе пра́порца,
На прапорци златно огледало —
Да се Нейтя често огледуе,
Да ли е бѣла, иль е червена. —
Несвиде се на кучку Павловицу,

Та се диже ночи и средъ ночи,
Та украде Нейтины ножеве,
Та убоде два вола на адрѣ(?),
И убоде конекъ на пойвани,
И убоде това́ мужко дете,
И расипа до двѣ бъчве вино
А третя-та люта-та ракія;
И с'окала кучка Павловица,
И с'окала стопаница Павла:
«Дигъ се Павле, да би се не ди́галъ!
Каквъ се пакость направи́ло:
Убодены два вола на одри,
Убоденъ конёкъ на пайвана,
Убодено това́ мужко дете́,
Расипано до двѣ бочве вино,
А третя-та да та люта ракія»;
Рипа Павелъ на тьнке кошуле,
Па се чуди Павелъ, што да чини;
Учило га негово-то любе:
«И това ли да те учимъ?
Редомъ реди по града, по Солунь,
Редомъ реди, да ножеве гледай,
Чии ножи у кьрвь потонули,
Тіе са тоя работили».
Редомъ реди, та ножеве гледа,
Нигде нема ноже у кьрвь потонуле;
Кадъ погледа Нейтине ножеве —
Они су у кьрвь потонули:
Сестро Не́йте! моя сестро!
Оты си пакость направила?
— «Не семъ, брате, ко ми живи віе;
Я брале, много се вѣрно кълнемъ».

(Конецъ не досказанъ).

№ 90.

Трен. окр., с. Бабица; 25 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины Стоянчиной.

(Предотвращеніе любовной связи брата съ сестрою).

Пиштѝ пиле подъ небесе,
Пиштѝ, пиштѝ, та си главу кине:
Чуйте стары, млады паметуйте!
Не е било, не че па-й да буде—
Братъ и сестрá на чáрдаци сѣдýˊ,
Те играю со-зъ златну ябуку,
Емъ играю, емъ че се залю́бу.
Не дочула ги гиздава девойтя,
Нель си до́чу турче Саратличе;
Па казуе Турче Саратличе;
«Казуй си-отъ коя́ си родá?»
—Че да кажемъ, Турче Сарадличе
Че да кажемъ, да грыжа не ме е:
«Я си имамъ и мáйтю и баштýˊ,
Я си имамъ и брата и сестрýˊ;
Ка' су били первне размирице,
Тагай-си го Турци заробúше,
А я-си на сису остáла».
—«Казуй, како́ е име?»
—Че да кажемъ-грыжа не ме е:
«На мáйтю-Мару меанджійтю,
На башту-Пауна войводо,
На брата ми-Никóло войводо,
А мене Паунтя девойтё.

(*не кончена*).

№ 91.

(Загорье) Берков. окр с. Вершецъ; 11 февр. 1880 г. записана со словъ Дамьяна Тодорова Пецынъ.

(Распредѣленіе подати (порѣза) въ деревнѣ).

Кехіяты[1]) ви́ка по́ село:
«Коги́ ште баде зарана,
Свичко-то село да се саби́ра,
Да рѣжатъ царска мирія».
Коги́ било е зарана-та,
Свичко-то село собрало се —
И стары кметове и млады
И рѣзали царска мирія.
Чорбаджи Лазаръ продума:
«Селянѐ и кметски синове!
Редомъ вергія рѣжéте —
Кому́ педесетъ, кому́ шесé,
А на моё брато синъ Тудоръ
Да рѣжете сто и педесé:
Че има стока свекаква
И дро́бна и ядра».
А Тудоръ за́плака и рече:
«Чиче, Тудоре, Тудоре!
Што самъ ти зло направилъ?»
Та па си домо-ка отидé,
И на майтя си продума́:
«Мале, стара — никаква!
Да видышь мале стара,
Чичо Тудоръ предъ село што продума́!»
— «Што е, сине, продумалъ?»
— «На селяне говори:
«Селяне и кметски синове!

[1]) Глашатай.

Редомъ царска вергія рѣжете —
Кому педесетъ, кому шесдесетъ,
А на синъ на мой братъ Тудоръ
Да рѣжéте сто и педесé:
Че има стока свекаква
И дробна и ядра».
Стара майтя го научи:
«Ако, сине, чиче тако продумалъ,
Я земи, сине, сертме [1]) севрія [2]),
Па отиды Тунджа, Маруца,
Да ферлишь сертме севрія,
Да фанешь рыба скомрія;
И онъ майти си послуша:
И узе сертме семврія,
Та ферли у Тундже Марице,
Да фане рыба скомрія;
Онъ не фана́ рыба скомрія,
Но фана глава човѣчка —
Оште керве течеа.
И онъ е дома занесе,
Па на майтя си продумалъ:
Ела, мамо, моя мила мама,
Каква ти рыба уловихъ:
Не фана ти рыба скомврія,
Но фана ти глава́ човѣчка».
Тогива майтя продума:

«Я иды, сине, я иды
Я иды у чичины-те слами,

Та заври тая глава човѣчка,

Па да идешь, сине, заранъ одъ зарана,
Да видишь, да ли чиче тая дума продума?
Ако продума па така́,

[1]) Мрежа.
[2]) Густой.

А ты тогива да речешь:
«Чичё Лазаре, Лазаре!
Па ты ли си, чичё, х̑аренъ
Х̑аренъ и па вреденъ!
Де-ка-то терговци претычатъ,
Тамъ ги глави-те узимашь, —
И съ-ношка, чичё, терговецъ претече,
И съ ношка му глáва одсѣчешь,
И главá-та му у твóя-та слама,
У слама иржана турната!»
Чичё му Лазаръ продума:
«Селяне, кметски синове!
Ако има глава човѣчка
У моя́ слама иржана,
Свички мой малъ да е просто
Да е просто на царо—
Ако да идете селяне
И да па намѣрите глава човѣчка
У моя-та слама иржана.
С̑айде, селяне, идеме, да ви́диме».
И отшелó село-то и намѣри́ло
Глава-та човѣчка у слама-та.
И земало му село мало,
А царь му деца и мало аризалъ

№ 92.

Г. Радоміръ; 30 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Споръ двухъ братьевъ объ имѣньи — собственно изъ-за шестокрылаго коня, сивыхъ «загаретъ» и сивыхъ соколовъ.

Два си брáта, два са, бре, близнáка.
Едини Петеръ булюбаша,
А други Павелъ господара

И два-та са ного зендинъ [1]) били
Постаріё Павелъ господарь
Помладіё Петеръ булюбаша.
Продума́ло Петеръ булюбаше:
«Слушай мене, Павелъ господаро!
Имаме си сто дулума лозье,
Имаме коне́ и гове́да,
Имаме козы́ пай о́вцы,
Имаме си ниви и ливады,
Имаме си́ви гелыбета,
Имаме си́тни загаре́та
Имаме сиви соколета»;
— Помладіе́ Петеръ булюбаша. —
Кога́ бѣше рано одъ зара́но,
Дума дума Павелъ господара;
А Петеръ му дума проду́муе:
«Не ти хо́чу ни козы, ни овцы,
Ни ти сакамъ коне́ и говеда,
Само хо́чу коня шестокры́ла,
И си сакамъ сиви загарета,
И си сакамъ си́ви соколе́та
И си сакамъ сиви гелыбета».
Дума дума Павелъ господара —
Дума дума на негове любе:
«Слушай мене, мое первнелюбе!
Кога́ биде рано одъ зарано,
Да ми справишь коня шестокры́ла;
Кога́ ойде Петеръ булюбаша,
Кога́ ойде у село́ на церкви,
Кога́ ойде Богу да се мо́ли,
Ты да готвишь той сладки ручко́ве,
И да туришь у сладки ручко́ве
Да си туришь тоя́ люты отровъ»;

[1]) Богатый.

Нойна снаха́ ного у́мна била,
Ного у́мна и но́го разу́мна,
Готвила си той сладки ручко́ве.
Продумало Петроёви брато́къ—
Дума дума на негове любе:
«Я че ойдемъ у гора́ на ловъ;
Ако не би ты това направи́ло,
Че те сѣчемъ мерва по мерва—
Найголемо, враминёкъ што носи».
И него жена дослушала.
Павелъ ойдé у гора на ло́ва,
А Петеръ ойде у село на церкви,
И си ойдé и си Богу мо́ли;
И четеа попове, владыки.
Излезна Петеръ булюбаша,
Излезна низъ село, низъ це́ркви;
И си ойде до́ма на дворо́ве,
И го срѣтна́ негова-та снаха́:
«Слушай мене, Петеръ булюбаше,
Я ти готви́мъ тоя сладки ручко́ве,
Како каже твоё браты Павелъ:
Я че хо́йдемъ у гора на ло́ва,
Ты да готвишь Петре-ти юна́ка,
Да му готвишь то сладки ручко́ве,
У ручкове това люты о́тровъ,
Зеръка дойдемъ низъ гора, низъ ло́ва,
Че те сѣче́мъ мерва по мерва—
Найголемо, враминёкъ што но́си».
И си дойде Петеръ булюбаша
И си дойде низъ село, низъ церкви
И си зема́лъ големо пречесіе,
И го срѣтна́ него́ва та снаха́
И го срѣтна и ра́ка целива:
«Слушай мене, Петре булюбаше,

Какво каже, твоё браты Па́велъ:
Петеръ ойдé на село у цéркви,
И оно ми вѣ́рно отказа́ло:
«Ка излезне Петеръ булюбаша,
Да му готвишь тія сладки татліи,
Да туришь у ния то́я люты отровъ».
И Петеръ си дума проду́муе:
«Слушай мене, моя мила снах̑о!
Моя снах̑о, моя мила майко!
Я улезны у ладны зевницы,
И и́знеси платно́ бабучéрно
И усучи до три жълты свѣ́шты,
Я че легнемъ у двори да у́мремъ».
И снах̑а го нéго послуша́ла,
И изнéла платно́ бобучерно,
И усукла до три жълты свѣ́шты.
И си легна Петеръ булюбаша,
Та си легна у дво́ры, да у́мре;
Покри́ла го негова-та сна́х̑а,
И запали́ла три жълты свѣ́шты,
И си изви той зелены титки;
А ка ошелъ Павелъ господа́ра,
И одкара́лъ коня шестокры́ла,
И си одвелъ си́ви соколéта,
Излезнала бѣ́лтя златнокрылтя;
И си пушты Павелъ господа́ра
И си пушты едынъ братъ соко́ла,
И неможé нигде да я стигне:
Пиштѣ́ пиле до Бога чуе се;
Кадъ си пушты други братъ сокола,
Ка я стигна́, ка ю душа вади,
И тогай си Павелъ съосети́ло,
Де не може братъ безъ брата да биде;
И уяна́ ко́ня шесторыла,

И го бутна́ негови дворо́ве,
Ега може брата живо да намѣ́ри.
И улезна́ негови дворо́ве:
Ка си виде брата упружена,
Извади́ ноже́ пота́йно,
Да се муне у клето-то серце;
Што-то бѣ́ше негово-то лю́бе
И въеднагъ ему дума продумала:
«Да видишь ты, де не може
Братъ безъ брата да е».
А што-то било на Петеръ булюбаша снах̑а́
Она била умна и ра́зумна:
«Петеръ не е у дворы поумрелъ,
Живо сѣ́ды́, а у дворъ помре́ло».
Тогай каза Павелъ господа́ро:
«Стани ты-зи Петеръ булюбаше,
Просто да е коня шестокры́ла,
Просто да са сиви гелыбета,
Просто да са ситни загарета,
Просто да са сиви соколета!
Сега́ видо́, де неможе
Братъ безъ брата да е;
Ного била твоя сна́х̑а —
Мое первне-любе умна и ра́зумна.
И тогай казало Павелъ господара:
Чуешь мене, Петеръ булюбаше
Ты не сакашь делъ да ми делешь;
Не ми сака́ козы и пай овцы,
Ни ми са́ка коне́ и гове́да,
Ни ми сака сто дулу́ми лозье;
Просто да е тебѣ́ коня шестокры́ла,
Просто до са сиви гелыбета
Просто до са ситни загорета́
Просто да са сиви соколета!

№ 93.

Село Нова-Мала, близъ Пирота; 7 ноября 1879 г. записана со словъ Іоны Ки́рины.

(Споръ двухъ братьевъ изъ-за коня и сокола).

Проговóри дзвездица даница:
Тако м' Бога, тія мѣсяцъ,
Кудъ се било у трéтью вéчеръ,
Та те нéма на небу да грѣешь?
— Изговори тія самъ мѣсяцъ:
Я самъ билъ у трéтью вечеръ
Я самъ билъ у Русію зéмлю
Тамъ сидѣла два брата роджени:
Све су благо раздѣлили
Саде коня́ су не раздѣлили
И со-съ нега сива соколéнца;
Па стари сака коня́ да узме,
А пóмлади га за свадбину не даде;
Тега проговори по старіё-тъ брата-тъ
Проговори со свою перволюбу:
«Да отруешь пóмладóга брата,
И я чу са соколемъ идемъ;
Када дойдемъ, брáта подъ покровъ да найдемъ».
Онъ ушéлъ у ловъ,
Па отишéлъ у сине езерь;
Па си пу́шти сиво соколенце,
Да улови плóвку златокрилку.
А онé[1]) би́ле много на родуту,
Та на соколе крила потрошише;
А соколъ пиште, у небу се чуе.
Тагай онъ се тешилъ:
Тай си сиво соколенце!
«Чу те, да те чувамъ до твоé-тъ животъ;»

[1]) Т. е. Пловки-утки.

Проговори сиве соколенце:
«Тешко мени, докъ ме ти е чувашь;
Тешко мени безъ брата родженогъ».
Онъ се текъ вернувсе на домъ,
Да се иде, да затéче брата съ душомъ;
Де мине презъ моста каменъ,
Коня-тъ се строши ногу у копиту,
Та и онь се пишти — у небу се чуе.
Па онъ нéму говори:
«Тай се коню, немой да се пиштишь,
Чу те: чувамъ до твóя живóта».
— «Тешко мени, докъ ме ти е чувашь;
Тешко мени безъ брата родженогъ».
А онъ остáви коня́ нá путъ;
Скоро търчи дома, да се стигне,
Да се найде брата съ душомъ.
— А снаа-та била много досетница:
А она извéла девера тога на висóки чардакъ,
Прекрила га съ то бѣлó платнó,
И запалила му тее жьлте свѣче.
— А онъ презъ дворъ търчи:
«Леле любе, леле перволюбе!
Што ти, рекъ, да ми си створила?
— А она рекла:
«Што ми се казалъ, све самъ завершила».
— Тага онъ и́звади óстри нóжи,
Да убоде своé клетó сéрце,
А тагай вáну свое перволюбе.
— Немой, войно, не семъ завершила:
Обишла, да види, кáку жалъ за брата!
Она брата живога завила,
Не го уморила—
Да ви́ди, кака жалъ за брата!

№ 94.

(Загорье) Берков. окр., с. Гушанци; 13 февр. 1880 г. записана со словъ Герасима Русинова.

(Похвальба болгарина передъ евреями въ г. Солуни въ кофейнѣ, что онъ на своемъ борзомъ конѣ въ одинъ день отправится въ Царьградъ и обратно возвратится).

Дигналъ, ми, се Радойно
У света млада недѣля:
Чарны си очи омыло,
Запа́лилъ чибукъ — килибаръ,
Замѣтналъ кужухъ на́ рамо —
Големъ го дьяволъ озду́ло, —
Та си нейде́ на церква,
На си отиде па Солунско кафене;
Шекерно кафе испило.
Таманъ Радойно да си пойде,
Затекоа го мърсна вѣра Еврея;
Големъ са облогъ прави́ли,
Че има ко́нче ранено,
За денъ да иде Цариградъ
За денъ да и де и да дойде;
Ако не до́йде, мърсна вѣра Еврея
Кышта-та бѣгликъ да му зе́матъ,
Млада Петкана ро́бкина
Со-съ това машко детѐнце;
И ако си иде и да дойде,
Просто да му са еврейски дутяна
Покрай синё-то море,
Со-съ това́ тежко иманье —
Дуръ деветъ дутяна со-съ тія маргаре,[1])
Десята помлада еврейкина».

[1]) Монисты.

Тогива шеи-те [1]) Фана́ль,
Та па отиде на дома́;
И негова Петкана на порты стояше,
На рака машко дете держеше.
И заминалъ ю Радойно
И не погледналъ на Петкану;
И детенце бѣше запла́кало,
Че си го башта бѣше нау́чило —
Коги́ си идешь изъ церкве,
Онъ си детенце зе́меше,
Та го у кышты унесе́,
И коги́ детенце не узе,
Оно запла́кало.
Влезна Петкана по Радойно
И си дума говори:
Либе ми, либе Радойно!
Да ли на дете́ яду́вашь
Иль я не се́мъ ти у́бава,
Ка'-то первня-та вечера,
Ка'-то двѣ-те та неделя,
Ка'-то первня-та го́дина?»
И онъ тогива дума гово́ри:
«Я-си на дете́ не ядувамъ,
И ты-зе си ми у́бава;
На ли одъ заранъ дигна́ —
Големъ ме дьяволъ издулъ —
Та си не отидо́ на церква,
Но си отидо́ на Солунско-то кафене;
Шекерно кафе испилъ;
Таманъ, бре, да си пойда,
Зате́че ме мърсна вѣра Еврея;
Големъ семъ облогъ напра́вилъ:

[1]) Свидѣтель.

Че имамъ ко́нче ра́нено
За денъ да ида и да дойда
Да дойда у Цариградъ.
И казалъ бѣше Петкани,
Да справи му коня;
А самъ си легналъ та заспалъ.
Петкана си ко́ня гледа́ла,
Сребрене гривны развaля,
На коня плечи правила,
Златены перстени трошила,
На коне́ пироне [1]) правила;
Та му крака́-та [2]) подко́вала;
Студена го во́да напо́ила,
Сребрено му сѣдло турна́ла,
Деветъ колане́ стигна́ла,
Златена му юзда турна́ла.
Зоря-то трепе-изла́зи,
Петкана Радойно бу́деше:
Дигайсе, дигайсе, Радойно!
Зоря ми трепи-излази.
Мърсны еврея покрай порты вардиа,
Тебе да ти испрататъ».
Дигналъ се дѣте Радойно
Черны́ си очи омилъ,
Шеке́рно кофе́ испило;
Петкана му ко́ня приве́ла;
Имъ се сребряна зенгія стацналъ,
Феркна́ло коньче́-то, та пошло,
Преме́тнало деветъ кадылаци [3]);
Доръ се на него префе́рли,

---

[1]) Подкова.
[2]) Нога.
[3]) Губернія.

Оште деветъ преметналъ;
Доръ се крако́ у зенгія намѣстилъ,
Доръ си е кожуо заметналъ,
Оште деветъ преметналъ,
У Цариграда улѐзналъ —
Таманъ е било на́ пладне,
Ка'-то влезна́лъ тамъ;
Коне́ си на меана верза́лъ —
Тая меана бѣше евреска;
Па, ми, отшелъ на полиція;
Големъ Ферманъ четéа,
И му други писáа
И му пи́саа и да́доа;
Верналъ се бѣше Радойно,
Одверзалъ си конё одъ дирекъ,
Евреинъ му дума—говори:
«Кога́ дойдешь ты, у назе свернешь»;
А Радойно каза,
Че големъ облогъ прави́лъ;
Тогива евреинъ рекелъ:
«Чекай, дадемъ една чаша ракія». —
Не било ракія, но било верло отро́ва;
Та легна́ Радойно, та заспа;
Слънце-то трепе да зайде,
Конё му вишти и ко́па:
«Дигай ми се, Радойно!
Слънце-то трепе да за́йде,
Кышта ти бѣгликъ отиде́,
Млада Петкана робкина
Со-съ това машко детенце».
Дигналъ ми се Радойно,
Дребни се сълзи поро́нилъ;
Коне́ му дума говори:
«Студена во́да да ме напо́ишь,

Бѣла рапсалица[1]) да ми закачешь,
На мене да си ука́чишь,
Очи́-те съ кьрпа да си превéржешь,
Да изва́дишь двaяна камджія
Со-съ тія златни куршу́мы,
Да ме уда́ришь три паты;
Доръ се свія, да феркна,
Ни ти ште на́ небо,
Ни ти ште на́ земи,
Самъ до два тéвна о́блака».
И онъ го студéна во́да напоилъ,
И му бѣла рапсалица закачилъ,
И му деветъ кола́на постéгналъ
И се на нéго ука́чилъ;
Очи се съ кьрпа преверзалъ;
Изва́дилъ двaяна камджія,
Та го уда́рилъ три паты́.
Доръ се кончé свило,
Феркнало предъ деветъ кадылаци;
Радойно ферлилъ маздракъ,
Та си забувалъ у нéговъ дворъ.
Тогúва Петкапа по дворъ одаше,
Зеленъ керчагъ у рака но́саше,
У него во́да студена —
Не си е била во́да студéна
На е било верло отрова;
Ка'-то слънце трепне да зайде,
Она́ да се отрови.
Ка'-то видела маздракъ у дворове,
Она еврея разго́нила:
«Урипете-се, каже, проклеты евре́и!
Радойно си бѣше дошелъ-ка,

[1]) Родъ жита, ярица.

Амо легна́лъ та заспалъ».
Она́ това изре́кла,
И конче се свило, паднало,
Радойно одъ него слезна́ло.
Излезналъ бѣше на порты,
Подбралъ бѣше еврея,
Та ги заве́де на Солунско-то кафене;
Евреи му се молеа:
«Просто да ти са дутя́не
Съ това тежко иманье,
И доръ деветъ дутяне
Со-съ тія маргари,
Амо да ны опростышь
Да опростышь помлада еврейкина».
А Радойно рекелъ:
«Не проштава еврейкина».

№ 95.

Софійск. губернія, село Столникъ; 28 ноября 1879 г. записано въ мѣстечкѣ Радомірѣ со словъ солдатика Волка (Волчё) Гешова.

(Какъ Стояна избрали въ старшину надъ обозомъ въ 500 возовъ).

(Изъ караваннаго обычая).

Големъ се бѣгликъ зачело:
Петъ стотинъ кола софишки
Петъ стотинъ кола загорски,
Па се сабрале фо-фъ долни Лозенъ
На механа червено вино пія
И тая бистра ракія,
И вѣрна дума думале,—
Кого́ крамаринъ [1]) да турать

[1]) Старейшина каравана.

На петъ стотинъ кола софишки,
На петъ стотинъ кола загорски;
Па си турѝле Стояна,
Стояна Долно-Лозлянче:
Че знае Стоянъ, че знае
На дълги патишта крáёве,
На Витимъ-вода бродове.
Па си ошéлъ младъ Стоянъ
При стара майтя рождена,
Па си на майтю казува:
«Малеле, мила моя малеле!
Язе се млого измамихъ,
Измамихъ, мале, излагахъ;
Стана си младо крамáрче
На петъ стотинъ кола софѝшки
И на петъ стотинъ загорски —
На ильядо кола крамаринъ,
Крамаринъ язе да бидемъ».
— А майтя си му думаше:
«Сину, Стояне, Стояне!
О ты се, сину излáга,
О ты се сину измáми!
Айде, сину,—ка си о́йдете
На Витимъ вода дълбóка,
Та си биволе рáсерди,
Ярми́-те да ти потрошатъ
И тія жегли сребряны,
Додé сѣдите, да се напредватъ,
Дружина да си забаватъ,
И млого парѝ поáрчатъ,
Оште еднашъ тебе-ка крамаринъ
Крамаринъ да си не тýратъ:
Ти-зе си млогу áджамія,
Ти-зе си единъ у майтя,

Може си младо загúна».
— Какво́ си онú отишли
Край Витимъ вода дълбо́ка,
И Димитеръ си на биволе думаше:
«Де д'иды брешко Влаинче
И ты-зе кула Караманъ,
Отука ме извадете
Низъ Витúмъ вода дълбо́ка,
Я шта коса-та да си о́скуба
Да я про́дада, купúте
Што ви позлата, рогови,
Рогови што ви по́сребра».
— И биволе го послу́шале,
Извадúле го низъ Витимъ вода дълбока
И онъ си коса оскуба,
И сичко си прода́де,
На биволе копита позлати,
И ро́гове имъ посребри,
И стара майтя пригледа:
«Небойсе, мале, небойсе,
Ты-зи си майтя, па майтя,
Ты-зи си мене роди́ла,
Язе шта глава́-та да си дамъ,
Иллемъ(-иль емъ) тебе-ка не давамъ;
Ты-зи си мене майчица,
Язе шта тебе-ка да гледамъ,
Какъ двѣ-те очи мои́-те, черни́-те,
И те шта така да гледамъ,
Доде мене очи-те гледатъ;
Одкадъ си язе загина,
И тебе тога́ не гле́дамъ.

№ 96.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци, 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(Заключеніе условій).

(На праздникъ св. Николы, 6 декабря).

Николо, море, Николо!
Дружина си собира́ятъ
У меана вино піятъ,
Тежка кирія пазаратъ
Тежка кирія — олово,
Ногу далече го каратъ —
На Нишь, на Видинъ, на Бѣлградъ.
И Николо че да иде;
Па на майтя-си говóри:
«Малеле, мила майчице!
И я чу, мале, да идемъ —
Волове са ми биволе,
Кола́-та ми желѣзна,
Ярмове са ми сребéрны,
Жегла-та са ми зла́тени»;
Па на майтя си говори:
Эве, малеле, мила майчице!
Невѣста-та да ми чувашь:
Често ё на паза́ръ вóды,
Да си видуе другачке,
Да се, мале, не растажи».
Па му майтя набра́ рóсна китка,
Та я даде на Никóла
И на Никола говори:
«Синко, Николо, Николо!
Додека китка цавти,
До тага да а жалѣишь;
Фане ли китка да вене,
Тогай че се она ожени».
Отишелъ младъ Никола.
Фанала китка да вене;
Говóри Никола на дружи́на:
«Дружина вѣрна, собрате!
Да ми чувате кола́-та
Колата и волове-те;
Я че си идемъ на свои домове:
Че ми се ожени лю́бне-то.

№ 97.

Село Бабица, Тренскаго окр.; 18 ноября 1879 г. записана со словъ Деши Тодорова.

(Златокрылая утица помогаетъ юнаку Смиляну пріискать двухъ снохъ-«близнакинь» для его двоихъ сыновей-близнецовъ).

Башта чува́лъ до два ми́ла сына,
До два сына, до два су близнаци.
Дойде време синове да жени,
Че да тражи до двѣ миле сна́е,
До двѣ снае, до двѣ близнаки́не —
Они́ брайтя да су бажанаци,
Оне́ сестре да су етерве.
Наточилъ е двѣ златни здравице,
Па си справи коня Пелпвана,
И си узе пу́шка нишанлія,
Па си пойде презъ горе зелене,
Па се виде́ пиле златокрыльку, —
Па на́слони пу́шку нишанлію,
Да убіе пиле златокрыльку;
А она Смиляину дума:
«Немой мене, Смиляине юначе:
Да я зна́емъ, куде́ ты си пошелъ;
Ты си имашь до два мила сына,
До два сына, до два, бра близна́ка,
Па си тражишь до двѣ миле снае,
До двѣ снае, до двѣ близнакине;
Я си знаемъ, де има до двѣ близнакине,
Та су сестре, та си су етерве,
А два брата да су бажана́ци».
Одведе га у града незнана;
Та си найде до двѣ миле снае,
Емъ су сестре, емъ да су етерве;

Утокми Смиляинъ юначе;
Па си пойде Смиляинъ юначе,
Па по тія оговори:
«Остань съ Богомъ, добры домачине!
Да ми справишь до двѣ миле снае,
А я чу да идемъ на моé дворове,
Да си справимъ до два мила сына,
И да зберемъ до триста сва́тове».
Отиде юнакъ Смиляинъ,
Отиде на свои дворове,
Па каза на свое любне:
«Я си найдо до двѣ миле снае,
До двѣ снае, до двѣ близнакине,
Да су сестре, да су етерве».
А любе му тія продума»:
«Немой да идешь Смиляинъ юначе;
Лошь семъ сенъ гледала:
Долетеше два сива го́луба—
Ка' дойдоше, со-съ главе дойдоше,
Ка' отоше, безъ главе отоше».
Онъ не слуша неговей любе:
Собралъ си е до триста сва́тове,
Та си ойде презъ гору зелéну;
Отиде си у града незна́на,
Та си узе до двѣ миле снае,
До двѣ снае — до двѣ близнакине;
Па си пойде презъ горе зелене,
И си води до двѣ миле снае;
И напредъ ишелъ Смиляинъ юначе
И са-съ неге снае-си идутъ;
Два дни оде, нема да викаю;
Па лежаше на равне руди́не;
Кога биде рано одъ-зарана,
Пай си иду презъ горе зелéне,

Тагай су снае завикале.
А питаль ги Смиляинъ юначе:
«Што викате до двѣ миле снае?»
А оне су тагай продумале:
«Леле тате да нашъ миле свекре!
За кога ны водишь?
Я пречекай китене сватове:
Дали иду до два твои сыну,
До два сыну, до два младожене»?
Шевнулъ коня Смиляинъ юначе,
Та преброи китени сватове;
Сви сватове подъ брой искочише,
Али нема до два мила сына;
Тога бутнулъ коня́ назадъ,
Та отиде на равне рудине:
Какво спали, такви погинули —
И на два та главе одсѣчене;
Тагай слезе одъ коня доброгъ,
Та си узе до двѣ русе главе,
Та ги тури коню у зобницу;
Па си стиже китени сватове,
Стиже, па ги за́мину,
Саатъ мѣсто до дома-си дойде:
Искочило негови-то любе,
Та питу́е Смиляинъ юначе —
Не питуе за снае — не пита,
Нель питуе за свои сынове:
«Да камо до два мила сына,
До два сына, до два, бра, близнака?»
Онъ си вика, до́ Бога се чуе.
Чуешь, каза, мене, первнолюбе!
«Еве тебѣ до двѣ златне я́буке,
Да ги шожемо, додека смо живи». —

№ 98.

(Загорье) Берков. окр., с. Гушанци; 13 февр. 1880 г. записана со словъ Младена Младенова.

(Храмовой праздникъ въ селѣ).

Собра́ло се село-то
Собра́ло се на Бору́ванска могила —
Сви се селяне сабрали;
Соборъ правяа и Бога мо́ляа:
«Боже мили!
Ага ала не дойде,
Соборъ да не разва́ли».
Тама́нъ това изре́кли,
И ала дойде́ и соборъ имъ развали.

№ 99.

Велескій окр. (въ Македоніи); 2 дек. 1879 г. записана со словъ Лазаря Хажіева.

(Неопредѣленнаго содержанія).

Каравело, мори, мала мома:
Опте ли ходышь неженёно?
— Булюкбаши по конаци,
А сеймены по чаршіи,
А сеизи край огнище;
А ти насъ не насъ измáми;
Све измами, све соблече —
И коне-то ны ги зема,
И пары-те ны ги зема;
Дай ми, баре, малко паре,
Да си купамъ Врана коня —
Дружина-та ми се смѣе, —
Да не ходамъ пѣшь».
Одговара Каравéла:
«Кой давало, лудо било,
Кой зимало, паметно би́ло;
Триста дадохъ за мониста,
Двѣсте дадохъ за стары бабти,
Шесъ стотина за дерданы,
Седемъ стотины за желтице;
Што ти земахъ, све поарчихъ;
Кога́ си ми пары давалъ,
Мартиры ми ты извади».
— «Не ти давахъ на пладнина,
Ни ти давахъ по борина,
Него нóтье на месечина».

№ 100.

Соф. окр., село Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Стефана Крачуна.

(«Попей ми слуго»).

(Застольная пѣсня—трапезная)

Попей ми слуго,
Повесели ми гостье-то:
Да ми е гостье весело,
Да му е течно яденье,
Да му е пивко пиенье;
Слуга му тія оговора:
«Не мога да ти попея,
Тежка е грыжа на мене:
Видышь ли Стара-Планина?
Колко е магла на нея,
Толко е грыжа на мене —
Че имамъ сина да жена;
Това е грыжа на мене.

№ 101.

Г. Паланка (въ Македоніи); 29 дек. 1879 г. записана со словъ священника села Рыла Василія Христова.

(«Яребичéнце, Препеличéнце»).

(Мирская слава).

Яребичéнце
Препеличéнце!
По пóле шéташь,
По друмье скáкашь,
По друмье скакашь,
Цернъ пи́теръ клюéшь;
Одъ друмье летнешь,
На кашта ми паднешь;
На кашта ми слáма,
Укашта ми слава.
Ой борье, борье!
Зелены борье!
Тéбе те сѣчатъ деветъ сѣкúры,
Одъ тéбе летú деветъ иверъ,
Па си летú, летú
У срѣда ми дворье,
А у двори ми среберни столе;
У столе сѣди Иванъ господаръ,

У рацѣ держи́ среберна чаша,
Пълна е ро́вна това́ руйно ви́по;
Напимисе Иване
Добри доматѝне:
Живо ми ти гла́ва
За-длъго ти слава;
Богъ да ти помо́гне
И светы Іоване!

№ 102.

Село Влаи, Мельникскаго окр (въ Македоніи); 16 дек. 1879 г. записана въ селѣ Бобошевѣ со словъ одного слѣпца.

(Банъ Стефанъ строитъ церкви).

(*Поется за трапезой*).

Стефанъ бано церква гради,
Церква гради-светы монастырь,
Церква гради Софіянска.
Омутъ има да покрива, *(стихъ 2 раза повторяется)*,
Да покрива со-съ алтына;
Што не стигна со желтица,
Да покрива со-съ кара-грошъ; *(2 раза)*
Што не стигне со-съ кара-грошъ *(2 раза)*
Да покрива съ же́ты свѣшты.
Одгово́ра на Стефанъ банъ:
«Немой гради света церква *(2 раза)*:
Не скандисатъ клети Турци *(2 раза)*
Тебе може да клеветатъ» *(2 раза)*.
Ка си дочу Стефанъ бано,
Остависе света церква,
Заградисе едны мосты.
Тебе пе́емъ, Бога славимъ, *(2 раза)*
Да се цавтишь, да се китишь,

Ка то ружа у градина,
Сиви соколъ у высѝна *(2 раза)*
Мрена рыба у длы́бина,
Бѣлъ трендафилъ у градина.

№ 103.

Г. Радомiръ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова.

(Горестное воспоминаніе о Бѣлградѣ).

Бре, Іоване, бѣлиграджанине!
Повернысе — Бѣлградъ изго́ре!
— «Ако го́ри, да би пустъ останалъ:
У него семъ три годинъ робу́валъ —
Перва годинъ за добра-та коня,
Вто́ра годинъ за мома́ хýбава,
Трета годинъ за свилено руо́;
Кога́ бѣше ко́ня за язденье,
Тогай ми я други преотеа;
Кога́ бѣше любе за любенье,
Тогай ми го други преоте́;
Кога́ бѣше руо за носене,
Тогай ми го други преотеа».

№ 104.

Г. Радомiръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго

(Поединокъ пастуха Стояна съ медвѣдемъ; его спасаетъ кучка (сучка) «Симджирлика»).

Поселисе мечка-медвѣда,
Та издави́ невѣсты по кладенци,
А можье́-то по Балканье́-то,
Деца́-та по зевници́-те.

Собрали са се одъ три, ми, сéла
По триста — деветъ стотины,
Че гонятъ мечка-медвѣда;
И со-съ ни Стоянъ младъ чобáнъ.
Ошли са гора зелéна,
Нашли са мечка-медвѣда,
Нашли е подъ голéмъ камикъ —
Ядеше крава я́лова,
Што-то бѣше одъ деветъ годинъ я́лова;
Избѣгáли Кóсовци голобóсовци,
Што бѣя деветъ стотины,
Салъ останá Стоянъ младъ чобанъ.
И станá мечка мърсни́ца
И стана и въеднакъ ревнá,
Вана се со Стояна млады чобáна,
Та се боратъ три дни и три ноштн:
На Стояна млады чобана
Мечета му на нодзе жили извадия,
А Стоянъ держи мечка-медвѣда;
И на Стояна се досады́:
«Божице, миле Божице!
Имамъ ли родá, я пóродъ,
Или мой мили братóкъ,
Да ме дочуе, да дойде?
Станá три дни и три ноштн,
Како се я съ мéчка боримъ,
Мечéта ми жили извадия».
Даде Господъ тоа ладенъ вѣтеръ;
Стоянъ пиштн, до Бога се чуе;
Дочула го кучка Симджирлика,
Та извади́ деветъ лакты копье
Та извади́ низъ земи́,
И си тьрчи презъ гора зелена:
Со-съ нодзе си корене кóпаше,

У со-съ душа бу́ти пова́ляше,
И си найде́ у го́ра зеле́на,
Де се держи Стоянъ млады чобанъ
Держи мечка-медвѣда;
И тогай кучка Симджирлика
Вана си мечка-медвѣда,
Та кина́ мьрва по мьрва—
Найголемо врами́нѣкъ да поси,
Та закача́ по гора зелена
Одъ дерво на дерво,
И си носи́ по равни дру́мове,
Та качуе одъ дерва на дерв о.
И тогай Стоянъ продýмуе:
«Кучице Симджирличице!
А че те водымъ на Стамбулъ,
Да ти посре́бримъ нодзе-те,
Да ти позла́тимъ ялаци.

ИСТОРИЧЕСКІЯ—ЮНАЦКІЯ ПѢСНИ И СКАЗАНІЯ.

№ 105.

Г. Радомиръ; 3 дек. 1879 г. зяписана въ Кюстендель-Банѣ со словъ Милоша Момчилова.

(Что способствовало усиленію Русскаго Царя?)

(*Пересказъ*).

Ка' бѣше Бугаринъ царь—и четвертый той бѣше царь, той ойде-Русъ, да даде малко му поминокъ. Той му даде еденъ дѣлъ; тамъ имаше ногу рыбы у него, да лови рыби, да продава и да поминуе. И той (Русъ) лови́ еденъ петдесетъ годинъ време; послѣ

помислилъ, да исуши дéло и да орé жито у него. А имаше една планина; прекóпа е подъ земня, и исуши све вода. Ка' исуши вода, найдé у дёлъ три тóпове: перви-светъ Никола, втóрія-светы Петеръ, третіé-светы Ранделъ. Тія тóпове били нему ногу вредни: кадъ-то има битка на една странъ, тія си сами обраштая; отъ тія топеве ногу земня́ земá и найбогатъ стана. И перви онъ се станá царь.

№ 106.

Соф. округъ, с. Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина Жеты Илкова.

(Царь Петръ (болгарскій) справляетъ свадьбу).

Царь Петаръ свадба правеше;
Се е поканилъ на свадба:
Одъ си-те, каже, крайнины
До седемъ, каже, крáлéве,
И си е деверъ поканилъ
Одъ мила родá негова.
Та па си е свадба прекаралъ,
И деверъ си е испратилъ, —
Та си на дворы отишелъ;
А майтя си го питуе:
«Сине Младене, Младене!
Што си те, царо, пóдари»?
Младенъ си го говóри:
«Малеле, мила майчице».
Млогу ме дарба дариа —
Одъ чисто злато кошуля.

№ 107.

Соф. окр, с. Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина Жеты Илкова.

(Царь Асѣнь (болгарскій) настигаетъ Турокъ, плѣнившихъ его жену и сына).

Царь Ясень служба заслужи;
Та си е собралъ селó-то,
Та си ги вино пóяше.
Проклета да е една бабица:
Она на Турци казала:
«Турци-ле, Турци презморци!
Царь Ясень служба заслýжилъ,

Та піе винó червенó
Со-съ негови-те селяне
Надъ селó подъ Кукаляне[1]),
На това бѣло каменье;
Подминете си царь Ясень,
Та му на калé ойдéте,
Та му калé-то разбите —
У кале никой са' нема».
И Турци са баба слушали,
Подминаа царь Ясень,
Та му на кале ойдóа,
Та му калé-то разбúа,
Та му царица робія
Со-съ зълва сестра Янинка;
Никой ги ни чу, не виде,
Видѣла си е мома одъ срѣшта
Одъ селó—одъ Панчарево[2]);
Та е окнала мома-та:
«Цару Ясене, Ясене!
Ты піешь, цару Ясене,
Піешь си вино червено
Со-съ чаша, со-съ позлатена,
Со-съ твои добры селяне,
И со-съ твои добры слуги,
Турци кале-то разбія,
И царица робя,
И детé ти погубія,
И сестра ти закарая».
Царь Ясень въеднагъ станало,
Та си у яхъръ улезнá,
Та си е коня извело,
Та си е Турци гонило;
Стигна ги и погуби ги;
Та си е везелъ царица
И зелва сестра Янинка,
И свое мушко дете.

№ 108.

(Соф. округъ; с. Быстрица; 7 февр 1879 г. записана со словъ Аджи-Іована Славіева въ селѣ Васильевци.

(Турки завоевываютъ Балгарію; царь Асѣнь убѣгаетъ съ одною женщиною въ Россію; женидьба его сына на дочери Русскаго царя).

Когá дошли Турци у Бистрица, срѣшнали една баба, коя рекла: «честито ви царство»; а Турци рекли: «не маме царство, доръ не ванемо царь Ясеня». Рекла баба: «я чемъ царь Ясень лесно да ви ванемъ». Та ги провела низъ вóда ведена тамо, де е

[1]) Село это и теперь существуетъ.
[2]) Село это находится по сосѣдству съ первымъ.

царь и царица. У то време царица е излела на оро со-съ тія сельски дреи; а баба казала на Турка: «те, това́ царица-та! и ю Турци ванали и закарали. Царь Ясень седѣлъ, та си ручалъ. Дошло аберъ нему: «Ты сѣдишь и піешь, а Турци закараше царицу». Царь рекелъ: «Петре, скоро софра прибирай! — Павле, конь ми изводи». Довели коня, и царь Ясень качилъ се на коню, па не согледалъ, че коню е опайвенъ [1]). Тако миналъ презъ село Кукаляне [2]). Отадъ миналъ презъ село Панчерéво [3]); отадъ миналъ презъ село-градъ Германъ [4]). Ошелъ тогай подъ село Лозенъ [5]). Тамъ пасли двѣ деца овци; онъ ихъ попиталъ: «минади ли туку Турци»? Они рекли «чичу! сегà туку заминаха; онъ рекелъ: «даль че ги стигнемъ»? Они рекли: «какво че стигнешь? коню ти заклопенъ!» Тогай рекелъ царь Ясень: Эй, Кукáляне, калъ да те біе! — Панчерéво — саде камикъ да е! а градъ Германъ-градушка да те біе — село да те на прави! а Лозенъ безъ коне́ да не са и безъ волове да не са, и жито саде́, да имъ е ченица!» — Деца рекли: «чичу! нема по-туку вода»; а онъ рекелъ: «Господъ че даде вода!» — Тогай пресѣкалъ царь Ясень пайване-та и рипналъ коню — излели три кладенци вода. Кога бутналъ царо коня, стигналъ Турци-те и погубúлъ ги, а царица-та верналъ си и одвелъ я у Урвичь [6]) - градъ, со-съ желѣзны порты, а Искеръ заобиколилъ градъ Урвичь. Тогай царь Ясень попúталъ царица: «Когá Турци те водúа, имали ли нешто пакосъ?» Она рекла: «влезне вълкъ у овци, онъ си мирно не излезне: единъ ми е беркналъ у пазува»; а царо рече: «они са сета [7]), — това́ не е лошо, ка'-то сѣдеше при царо».

Па рече царица цару́: «многу ги я аресахъ, кога идатъ да сератъ, они се міятъ». Царо се расерди, та погуби царицу и

---

[1]) Спутанъ.
[2]) Село въ Софійскомъ округѣ.
[3]) Тоже.
[4]) Тоже, (село).
[5]) Тоже.
[6]) Село въ Софійскомъ округѣ.
[7]) Т. е. псета.

расферли я по единъ камикъ. И била царица доила дете, и отъ това до днеська излеза вода бѣла́. Тогай царь Ясень со-съ една мома бѣгалъ у Русія. И тамока у Русія бѣше говедарь. Тамо му дали една бабица сельска, коя родила нему едно детенце машко. Дете изучило книга; ка' изучило книга, умрелъ башта-му. Когай детенце разбило сандакъ и нашло тамо царска капа и царските писма; тогай повѣрвало, че неговъ башта былъ царь и че има у Урвичъ закопаны бащины пары́. И натовари оно маски со солъ, та дойде у Софія; ойде у Урвичъ, со-съ писма найде бащины пары, та однесе у Русія [1]).

Преданіе это досказалъ крестьянинъ Филиппъ Мининъ такъ:

«Царь Ясень на Русія бѣше говедарь. Тогашни Руски царь никакву вѣру нéмаше. Царо Руски затражи да жени сина си; и синъ му рече: «че земемъ на говедара черку». Одговорилъ Руски царь: «добре»! — Царь Ясень-говедарь рече на царь Руски: «има ли нешто твой синъ одъ занаятъ»? — Онъ рекелъ: «ништо нема»! Рече царь Ясенъ-говедарь: «почекай, да го учимъ». И учише го царь Ясенъ-говедарь десетъ дни и научише да прави рогоже. Тогай рече царь Ясень-говедарь: «ка'-то може да прави рогóже, че му дадемъ момý-ту». И му дáде мóму-ту. — И синъ на Руски царь не може да живѣ со-съ своя булка. Тогай сама булка рече: «бре, човѣче! мой баща знае траву самотворку, коя че помогне. И царь Ясень-говедарь соблекелъ синъ на Руски царь, па му тýрилъ босилекъ, па му светилъ вóду, па го молитвúлъ, па го искупалъ. И оттогай лице-то сину свѣтнало, ка'-то на царь Ясень-говедарь. Па и самъ Руски царь — невѣрны, кадé даде сина на черку царь Ясень, стана ка'-то неговъ синъ, сирѣчь ристянинъ. И сега и Русія и Болгарія се едно — Ристянія.

---

[1]) Въ заключеніе сказитель замѣтилъ, что до настоящаго времени въ Кокалянскомъ монастырѣ «св. Рандела, што надъ самъ Искаръ, има чаша и кратуна одъ царь Ясень».

№ 109.

Г. Джумая; 27 дек. 1879 г. записана со словъ Георгія Емануйлова въ м Рылѣ

(Воевода Гедіянъ и царь Іоаннъ Шишманъ).

У торникъ се годы лудо-то Гедиянъ,
У недѣля-та зарани,
Свадба че се прави;
Дойде недѣля заранъ:
И пойдо́а у церква да идатъ;
И ойдоа у церква,
Армасаны — невѣнчаны;
Аберъ му достигна́ одъ царь Іованъ Шишманъ,
Достигна книга на рака-та:
«Та булче остави, Богме, подъ вѣнчило,
Армасано-невѣнчано,
Та си и́ди мени на помошь».
И тадай говори лудо-то Гедиянъ,
И гово́ри на свое-то любне:
«Справля́й коня моя-то Доряна,
Че се одымъ на Сафійско поле,
На Сафійско поле подъ бѣли чадори,
Дурь не е войска разо́рена».
И справи коня Доряна,
Таманъ тури ногу у зенгія;
Докле нога да преферли́,
Прекомъ пречи презъ гора зелена:
И гора-то укори,
И земя-то ископа́,
Докле дойде на Софійско поле.
Кадъ го виде царь Іованъ Шишманъ
Проговори тія милни речи:

«Благодари́мъ Бога за това,
Што имамъ та́кива юнаци!
Што терашь луду-ту Гедиянъ?»
— Што терамъ, цару Іованъ Шишманъ?
Дойде ми аберъ: «булу подъ вѣнчи́ло
Армасано — невѣнчано остави,
Та си иди царю на помошь».
И язе оставихъ булу подъ вѣнчи́ло,
И дойдохъ тебѣ да те видамъ,
Дурь не е войска разо́рена!
— И му проговори царо Шишманъ:
«А се верни, луду Гедиянъ!
На ти сребро, злато, ако искашь!
Иди—прави свадба своя». —
— И го тури у златна кочія,
И го проводи́, свадба́ да си прави. —

Затѣмъ сказитель прибавилъ слѣдующее: этотъ Гедіянъ былъ первый полково́децъ болгарскаго царя Ивана Шишмана; онъ дошелъ на Софійское поле, когда битва съ непріятелемъ была окончена въ пользу царя Ивана Шишмана.

№ 110.

Село Рыло; 30 дек. 1879 г. записано со словъ Димитрія Іованова.

(тоже).

Одкадъ се зоря́ зазори́ла,
Оттогай е войска повервела:
Конь до ко́ня, юнакъ до юнака,
У раце имъ се делги баряци:
Въ едну имать остри муздраци,
Въ другу имать тенки пушки;

Пушки-те имъ, като ясно слънце блештатъ,
Одъ громъ повече трештáтъ,
Сабли-те имъ на-то ясна мѣсечина лештатъ,
На баряци-те имъ написано
Асланува образъ,
Да се показва, че весме берзъ.
Одкадъ е зачýла лудá-та Гедия,
Остави се бульче подъ було,
А себе подъ вѣнчи́ло;
Скоро берже опаше сабля дамаскина,
Сабля дванадесе педи,
Обсѣдна се ко́ньче Дорья́на;
Пре́комъ пречи́ презъ гора зелена:
Гора-то укерни,
Планина-то укори́,
Додéка излéзне на Софійско по́ле,
Бой да се бíе за Ристово име.
Жалко му станало,
Зашто ненамѣри войска да се бíе,
Само што намѣри бѣли-те чадери,
Чадери царь Іоанови-те,
Чадери царь Шишманови-те;
Тутакъ проводилъ го кодъ царь
Кодъ царь Іоанъ Шишманъ;
Погле́дна го царь Іоанъ Шишманъ;
Казва му царь Іоанъ Шишма́нъ:
Тверде ми се виждашь
Жалко и уиленъ:
«Конче́ ли те нерабóти,
Сабля ли те несѣче?»
Одговори му Гедия:
«Коньче ми работи, като дукаты,
Сабля́ ми сѣче, каде-то повлече́;
Но ми е дру́га жа́лба:

«Зашто не намѣрихъ войска да се біемъ?
Оставихъ булче подъ бу́ло
И себе подъ вѣнчи́ло,
Ка' то ми а́беръ достигна́,
Скоро берже опаса(хъ)се са́бле дамаски́на,
Сабля дванадесе педи,
Обсѣ́дна(хъ) си коня́ Дорья́на,
Гора-то укернихъ,
Планина-то укорихъ». —
И поклони́ го царо Шишмано
Една златна кочія со-съ желтицы. —
Милостиви Богъ всегда есть со-съ мене:
Одкакво я имамъ таквия добри юнаци,
На всека дѣла Богъ тье ми помогне.

№ 111.

Пирот. окр., Суковскій монастырь; 17 ноября 1879 г. записана изъ разсказа одного дряхлаго священника.

(Преданіе о занятіи Турками Болгаріи).

Царь Болгарскій Петръ [1]) не вдругъ потерялъ свое царство, а постепенно, отъ времени до времени уступая натиску Турокъ. Сначала онъ принужденъ былъ оставить г. Виддинъ и утвердилъ свое мѣстопребываніе въ г. Нишѣ, гдѣ правилъ 7 лѣтъ. Преслѣдуемый и здѣсь Турками, онъ бѣжалъ въ г. Пиротъ, гдѣ царствовалъ тоже 7 лѣтъ. Затѣмъ, точно также бѣжалъ въ г. Софію, гдѣ правилъ 7 лѣтъ и наконецъ въ *одинъ монастыръ семи престоловъ* откуда затѣмъ перешелъ *въ рай*, гдѣ и донынѣ находится.

Турки, говоритъ это народное преданіе, производили свое давленіе на Болгаръ и по другому пути, направляясь одъ *Самокова*.

---

[1]) Имя не вѣрно обозначено (анахронизмъ).

Идя по этому пути, они достигли окресностей Моглена. Отъ звѣрскаго турецкаго истребленія спаслись въ монастырѣ «*Малличь*» св. Николая нѣсколько тысячъ болгарскихъ дѣтей и то Божьей волей: Богъ попустилъ великую мглу, въ слѣдствіе которой Турки должны были оставить этотъ монастырь въ покоѣ.

Дальше, затѣмъ, народное преданіе приводитъ все это въ связь съ господствомъ въ Болгаріи *греческаго духовенства*. Турки, говоритъ преданіе, заняли всѣ мѣста въ Болгаріи и Греціи. Нужно было имъ подумать о своемъ управленіи; нужно было назначить вѣрнаго духовнаго пастыря, патріарха (патрика), который бы не вредилъ интересамъ турецкимъ: султанъ Махометъ, назначая цариградскаго патріарха, потребовалъ отъ него ежегодно 300 по дукатовъ, а этотъ, въ свою очередь, выговорилъ себѣ право поставлять въ Болгаріи *греческихъ священниковъ*.

№ 112.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Іордана Лазарева

(Сонъ Могленской королевы; убіеніе Турками ея мужа—Могленскаго короля; женидьба ихъ сына Павла юнака).

Де заспа́ла е крали́ца кмети́ца,
Заспа́ла е у света неде́ля.
Мало спанье, големъ съно́къ вишла:
«Сво е поле магла нападнало,
Низъ магла-та ели́ проникна́ли
И ясно слънце у кърви́ утахнало,
А ясенъ мѣсецъ у зла́то око́ванъ».
И казуе крали́ца кмети́ца,
И казуе кралю господину:
«Э ты-зе-ка кралю господи́не!
Мало спанье́, големъ съно́къ ви́до:
Сво́ е поле магла нападна́ло,

И ясно слънце у кьрвь утахна́ло».
И проду́ма краля господи́на:
«Э ты-зе-ка крали́це кмети́це!
Да што си е тая силна ма́гла?»
— «Това́ си е силна турска войска».
— «Да што са си тія тенки е́ли?»
— «Това́ са си́ сабли и ножéве».
— «Да што си е това ясно слънце?»
— «Това́ че ни се крайнына отме».
— «Да што си е тоя ясенъ мѣ́сяцъ,
Да што си е у злато око́ванъ?»
— «Това си е Турски, оле, царь».
Дури краля дума да издума,
Испуни́ла турска силна войска:
И тогай се кра́лё востращила.
Богъ да біе тія клети Турци!
Та фаная магленскио краля;
Остана́ло него́во-то дѣте́,
Остана́ло на сѣдымъ годины;
Имайтя му дума продумуе.
«Айде, Павле, майтя да те же́нитъ».
— Я Павле́ си дума продуму́е:
А я, мале, не чё да се жене,
И ме́не-ми книжеле дооди,
Дооди ми отъ край—одъ крайнина,
Дека че си крайни разми́руе».
А майтя го, богме, не слуша́ла;
Та си ойде у Будима града,
Та утекми будимка девойтя.
Та си собра́ Павле́, добаръ юнакъ,
Та си собра́ триста и три свата,
Та си ойде́ у Будима града,
И си води будимка девойтя,
Та я во́ди дома на двореве:

Оште не е у двори увéло,
И нему е книже достасáло
Достасало одъ край — одъ крайнина:
«Дека са си крайни размирúли,
Да си иде Павлé добаръ юнакъ,
Да си иде на край-на крайнина
Да си иде крайни да си мúри».
И си беркна у свилны джéпове,
Та извади той перстенъ меновникъ,
И си дýма Павлé добаръ юнакъ:
«Э ты-зи-ка, Елено невѣсто,
Да ме чекашь деветъ годинъ дена.
Я че идемъ на край-на крайнина,
Да си идемъ крайни да си миримъ.
И го чека Елена невѣста,
Та го чека деветъ годинъ време.
И е дошелъ Бошка добаръ юнакъ,
И си дума Елену невѣста:
«Э ты-зе-ка, Елено невѣсто!
За што чекашь Павлé-то юнáка?
Павлé си е крайни умирúло,
И Павлé ногу на кéвове —
На ночь люби момá и невѣста».
Тогай станá Елена невѣста,
Та си зема той зелени стовни,
Та си ойдé па шáрены чéшмы;
И продума Бошко добаръ юнакъ:
«Э ты-зе-ка, Елено невѣсто,
Да направишь той сладки вечери».
И направи Елена невѣста,
И направúй той сладки вечери.
Ка е било вечеръ да вечера,
Отишéль е Бошко добаръ юнакъ,
Отишель е вечеръ да вечéра,

И е сѣдналь у чесны тарпезы,
Да вечера Бошко добаръ юнакъ;
Не ми́на се ни ного ни малко,
Та си дойде Павле́ одъ крайнина,
Та си чукатъ на ньегови порты:
И излезна Елена невѣста,
Та излезна́ на ша́рены по́рты,
И она си тогай попро́шуе:
«Кой си чука на Павлеви порты?»
И Павле́ си дума продумуе:
«Чекашь ли ме, Елено невѣсто?»
Продума си Елена невѣста:
»Я почекай Павле, добаръ юнакъ,
Да си земемъ одъ порты ключе́ве
Да отво́римъ той шарены вра́ты».
Повернасе Елена невѣста,
Та продума́ Бошко тій юнака:
«Бѣгай, Бошко, низъ мали-те враты,
Эте, иде Павле́ одъ крайнина:
Оче онъ кавга да си пра́витъ».
Ка си бѣга Бошко добаръ юнакъ,
Ка си бѣга́ низъ мали-те вра́ты,
Забовари́ при чесны тарпезы,
Забовари дванаесъ ноже́ве,
Со-съ ножеве, дванаесъ ножни́ци.
Ка улезна́ Павле́ добаръ юнакъ,
Ка улезна́ у ладны одаи́,
У одаи́ у чесны тарпе́зы,
Та си виды Божкови ножеве;
Позналь е Павле добаръ юнакъ,
Дека са си Божкови ножеве.
Нече Павле́ кавга да си прави́,
Павле́ се е съ акылъ разумилъ:
Та направи той сладки ручкеве,

Та си собра́ брайтя и дружи́на,
И си окна́ Божко-те юнакъ.
И тогай си Павле́ дума продуму́е:
«Э ты-зе-ка Божко добаръ юнакъ!
Ка си пойдо́ на край-на крайнина,
Я загради зелена лива́да,
Научиль се еленъ съ двана́ес ро́гове,
Та прерипалъ у моя́ лива́да,
Ништо не е па́косъ учини́ло,
Саде ми малко трѣва умърси́ло;
Ка прерипна́ еленъ съ двана́ес рогове,
Оставѝло двана́есъ ножеве,
Со-съ ножеве двана́есъ ножници».
И тогай си Бошко продума́ло:
«Просты мене, Павле, добаръ юнакъ»;
Това са си, бре, мои́ ножéве,
Бре, ножеве съ двана́есъ ножницъ
И тогай си му просты́ Павле добаръ юнакъ.

№ 113.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

Рожденіе у влахини Ѳеодоры «самотворнаго» дитяти Іоанна, который былъ брошенъ царемъ Константиномъ въ темницу, а за тѣмъ наслѣдовалъ его царство).

Тодоро, Тодоро влаино!
Остана́ла Тодора Влаина,
Останала съ деветъ сирочета;
Чудиласе, со-съ ни што да чини;
Прочула се пуста евтинія,
Евтинія у пуста Софія:
Куто жито педесе́ грошеве,

Ока просо дванáесе гроша;
На си-те по дутянъ купила,
На Димитрія до-два дутяна купила,
Си-те ги я на занаятъ дала —
Кой терзія, кой младъ тюрчія,
Димитрія на два занаятъ дала —
Емъ терзія, емъ младъ патречія.
Прожегнасе церна чума —
Та не бíе секаде редомъ,
Но избира кой-де-ка юнака,
Кой-де-ка юнака по единъ у майтя;
Удари деветъ мили сина:
Си-те ги гробишта качала,
Димитрія у дворъ закопала
Одъ заръ: сину «добро итро»!
Вечеръ иде: сину «добро вечеръ»!
«Жешка ли е, сину, земляна постелтя?
Жешка ли е, сину, камена зглавница?
Жешка ли е, сину, штичена завивка»?
И му пали по пóлъ ока свѣшты.
Одъ жалбы е земня продумáла:
«Стига, мале, стига, мúло мале!
Со-съ свѣшты покрово изгоре,
Со-съ сьлзи гроби истопи».
Чудилосе сирота влаина,
Чудилосе самá, што да прави;
Па улезнá у нова градúна,
Та откинá до два, ми, зунбуля,
Откинá ги со-съ лѣва-та рака,
Та ги тури у десна-та пазука.
Одъ занбулѐ, што че да ю биде?
Пошла е трудна и дебела;
Носила го до деветъ мъсецы,
Родúло се детé самотвóрно:

На́ главу му златна айманлія,
Подъ рацѣ-ты златны крыла трепчатъ»;
Одъ радосты сирота влаина
Направи му среберна люльчица,
На люлътя-та златены люли́ла;
Повѝла го у свилны пелены;
Вержа люлька за блага ябука;
Емъ го люля, емъ му пѣсень пѣе:
«Люлюй Нане, дете самотворно».
Поканѝла петина-та попо́ве
И канила петѝна ку́мове,
Та керстила детѐ самотворно,
Турѝ му имя Іованіё.
Емъ го люля, емъ му пѣсень пѣе:
«Люлюй Нане, дете самотворно,
Да пораснешь юнакъ надъ юнакъ,
Да преотмешь на царо царство-то,
Да си станешь найголемъ валіё».
Дочуле я комшіи душмане:
Испишая тая бѣла книга,
На кни́га-та това черно писмо;
Пратия го цару Костадину;
Расчети го царо Костадино,
И извика́ два берза юнака,
Два юнака, како два голака:
«Да идете на Влашка-та земня,
Да идете влаиины дворы
Ни е биты, ни е, башь, мачѐты,
Салъ земѐте дете самотворно:
Де е, сага тува да е».
Отидо́а на Влашка-та земня,
На влаиины-те дворы:
«Добро итро, влаино невѣсто»!
— «Далъ Богъ добро, два бърза юнаки!

Далъ сте дошлѐ леби да ядите,
Иль сте дошлѐ вино да піете?»
А они по тіё говоратъ:
Э, ты-зе-ка влаино невѣсто!
Ни сме дошли лебе да ядеме,
Ни сме дошли вино да піеме.
Но сме дошли дете да зѐмеме
Твое дете самотворно».
Однесоа детѐ самотворно,
Однесоа на царска-та земня,
Да́дова[1]) цару Костадину;
Развилъ го царо Костадино:
На главу му златна айманлія,
Подъ рацѐ му златны крыíла трепчатъ;
Погледа́ го царо Костадино,
Па изви́ка Нико зондаджія:
«Э, ты-зе-ка Нико зондаджіё!
Отвори-си темни-те зондане,
Та да ферляшь дете самотворно,
Да го ферлишь у темніи зондани,
Да го ядатъ зміи и гуштерье».
Отвори́ Нико темни-те зондане,
Та си ферли дете замотворно,
Да го ядатъ зміи и гуштеріи.
Поболѐ се царо Костадино;
Обидоа орье и загорье,
Не могоа лѣкове да найдатъ;
Поболѐ се много царо Костадино:
Изъ кости му трава проникнала,
Изъ очи му муи́ проли́тая,
У уши му поганци матиле.
Проговори́ царо Костадино:
«Э, ты-зе-ка Нико зондаджіё!

[1]) Sic.

Отвори си темни зондане,
Ега найдешь одъ детé косчица —
Белки, ме е майтя му проклела —
Та да носишь на негóва мáйтя,
Да си види детé косчица».
Отвори си Нико темни зондане,
Да си тражи одъ дете косчице,
И виды:
Дете сѣды на свилна постеля;
Света Петка у скутъ го держеше,
Света Недѣля свѣшта му свѣтеше,
Дете чати книга вангеліе.
Па си стана́ детé Іованіе,
Та си дойде при царо Костадино,
И си фана царо Костадино:
Изверте му тія церни очи,
Одсѣче му тія бѣли рацѣ;
И му купи́ дервена паница,
Изнéсе го на длеги дрýмове;
Па нему по тія оговóри:
«Аво, цару, аво, Костадину!
Тува, цару, царство да царуешь!
Тува, цару, кральство да кралюешь!»
Па си праты дете Іованіе,
Па си праты два бърза юнака,
Та ги праты на Влашка-та земня,
Да доведатъ нему стара майтя.
Пойдоа два бърза юнака,
Пойдóа на Влашка-та земня,
Доведоа негова-та майтя;
Проговóри негова-та майтя:
«Э, ты-зе-ка дете самотвóрно!
Се ми е млекó-то истекло»;
Я детé по ти оговóра:

«Аво, мале, аво, старо мале!
Мене-ми е млеко доождало».
Детé игра съ лека воздугана,
Лека-лека деведесé ока,
И си сѣды на царскіё столъ.

№ 114.

(Загорье) Берк. окр., с. Чипоровци (Турлаки), 21 февр. 1880 г записана со словъ Симы Маркова.

(Дитя Маріи наслѣдуетъ Маріино царство).

Родила е Марія мушко детенце;
Па си мáма па детé говóри:
«Нуни ме, сине, Нуни,
Големъ юнакъ да станешь —
На цара царство да узмешь,
На краля кралство да узмешь,
На бана банство да узмешь».
Дочуше селяне комшіи
Селяне верли душмане,
И на цара аберъ занéсоше:
«Де д'иды, цару честиты!
Марія млада невѣста
Мушко е детенце добила,
И си Бога моли:
Големъ юнакъ до стане,
Царство-то да ти узме».
Испрати царь троица Турци гавáзье,
Да донесýт Маріино мало детéнце;
И узеше Маріино мало дете
И занéсоше го при цара.
Царь дума говори:
«Де д'иды Ангеле тавничаринъ,
И отвóри дервены тевници

И десети зандалъ желѣзанъ,
Та ферли Маріино детенце,
Де-ка-то зміе и гуштере —
Зміе-те кервь-ту да пію,
Гуштере-те мѣсо да яду́,
Жабе коколе[1]) да погълну;
Ега́ ми царство оста́не».
И отво́ри Ангелъ тевница,
Та ферли дете Маріино;
Деветъ годинъ е лежало,
А Марія майтя по тавницѣ викала,
Дребне сълзы ронила —
Де-ка-то сълзе капале,
Тамо рѣки—вербе ницале;
На дете мама́ сенью правила
Сенью одъ тавнице до сарая,
И правила равны друми.
И се цару много нажалѣло,
И царь продума́лъ е думу:
«Ангеле, мой товничаре!
Отвори доръ деветъ тевне тевнице
И десеты зандаль желѣзанъ,
Та збери кокала на Маріино дете,
И ги дай на майтю,
Ега́ си мама оттуку рине».
Отворило Ангелъ тевничарь
Отворилъ до-деветъ дервене тевнице
И десеты зандаль желѣзанъ:
Света Недѣля дете дои,
Светы Никола дива́нъ стои́,
Светы Рангелъ изметъ чини;
Ангелъ тевничарь назадъ се по́верну,
Та на цара приказа:

[1]) Кость

«Де д'иды, цару честиты!
Отидé ти, цару, царство!
Света Недѣля Маріино дете дои,
Дои у деветъ дервене тевнице,
Светы Никола диванъ стои́,
Светы Рангелъ изметъ чини».
Царь дума проговори:
«Тако м' Бога, Ангеле тавничаринъ!
Пóскоро дете да ми донесéшь,
Пóскоро му царство да опростымъ».
Принесé дете тавничаринъ Ангелъ:
Предъ него Света Недѣля,
По него светъ Никола,
Светъ Никола и светы Рангелъ;
Царь дума проговори:
«Да ти е просто, Маріино детé,
Да ти е просто царство то,
И ты мене кабаатъ[1]) опростышь»;
Думу продумá Маріино дете:
«Я чемъ тебѣ кабаатъ да опростымъ:
Да лежишь ты, цару тамо,
Де-ка-то я семъ лежалъ
И лежалъ семъ деветъ годинъ време».
И продума мáлечко дете Маріино
Продума на Ангелъ тавничаринъ:
«Óтвори тевнице, Ангеле тавничаринъ,
Та си буни цара-та голема —
Зміе-те кервь-ту да пію́,
Гуштере-те месо да яду́,
Жабе-те кокале да яду́».
И тогива преземало дете
Дете Маріино царство-то.

[1]) Проступокъ

№ 115.

Записано со словъ одной старушки въ деревнѣ Великій Вербовникъ 9 дек. 1879 г. (на границѣ Кюстенд и Дупнич. округовъ)

(Какъ царь Константинъ убѣжалъ изъ Кюстендиля).

Када бѣгалъ царь Костадинъ одъ Турка, маска набпако плоча-та ковалъ, да незнаятъ, на куде ошелъ. Одъ зарану го потерáли—камо царь Костадинъ? Онъ ойде оште съ ношти, когá пéтли поятъ. И когá избѣгналъ царь Костадинъ, Турци заузели Кюстендиль, кой навикалъ *градъ царь Костадинъ*, а туречко—*Кюстендилъ*.

№ 116.

Г. Радомiръ; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Милоша Момчилова.

(Послѣдняго болгарскаго царя Константина убилъ арабинъ, а не турокъ; значеніе этого факта).

(*Пересказъ*).

Кадъ презимо Турци Бугарско царство, тагай бѣше царь Костадинъ и царица Елена. Имаше онúе двама юнаци: Марко Кралевичъ и Реля отъ Пазаръ. Та ги испрáти царь Костадинъ, да сѣча Турци, да отимая царство. Тія бѣше у Мóмина илисура; тамъ онá направúи едынъ лагемъ—и подъ земи два юнака и два коня вервúи; та излеза у Софійско поле. Тамъ (на Соф. полѣ они) сѣчá Турци: на двѣ пресѣче (Турка), той двамина стана. Вернесе (юнаки) назадъ на Мóмина клисура, па-й тамъ сѣчá Турци—па-й едынъ сѣчá, двамина стана. Ты видова, дека Богъ не помáга, та ойдóа на царь Костадинъ казоваа. Дойдоа; а царь Костадинъ пержи три рыбы у тава-та. Казую, каквá е работа; а царь Костадинъ каза на юнаци: «Ка' излезнá тія рыбы изъ тава-та, тогай

че ми зема Турци царство»! Той рыби-те пернаа, та излезнаа изъ това-та: и де бѣше огйне, тамъ во́да искара, и тамъ рыби останаа у вода-та жи́ви. Рыби-те одъ една́ странъ бѣше пержени, а одъ една не бѣше превернеты. И тогай виде́ царь Костадинъ, че му зематъ Турци царство. И онъ самъ яна коньче, ойдо на бой. Тамъ срѣтна Турци на бой: единъ Арапинъ пушти се, та посѣче́ царь Костадинъ.

Да го (царя Константина) бѣа Турци посѣкли, че они да са роби; але Арапинъ посѣче, та за то Турци стана царове, а Арапи стана робье. Ти ги и днесь-ка продавая.

№ 117.

Село Рыло; 29 дек. 1879 г. записана со словъ Маріи Павлевой.

(Черный арапинъ убиваетъ царя Константина, при посредствѣ старой бабы).

Сонъ сони́ла царица Елена:
На сонъ и се небо предвои́ло,
Дробни дзвѣзде по земля падная,
А мѣсяцъ у керви утана,
А дзвѣзда е тевно утавна́ла.
— Емъ станува, емъ сонокъ кажу́ва:
«Ой ле, цару, цару Костадину!
Какво язе сонъ видѣла!
На сонъ ми се небо предвои́ло,
А мѣсяцъ у керви утана,
Я дзвѣзди-те на земня-та попадаа,
А власи-те далекъ пребѣгнаа,
Далекъ, далекъ у славна Русія;
Тамъ имъ е дѣдина и стари́на».
Проговори́ царо Костадино:

«Э ты-зе-ка царице Елено!
Това те се наше царство узети.
Е-те оттамъ една ста́ра баба —
Ему да́де дервена калечка:
«На ти, сину, дервена кале́чка,
Да побе́дишь тія клети Турци»;
Костадино тія лѣпо вели:
«А оттýва стара баба!
Язе имамъ среберна кале́чка,
Та неможемъ Турци да побѣдимъ,
А камо ли съ дервена калечка».
Та си слезна тая стара баба,
Та си слезна долѣ на дворове
И тамъ е заплака.
— Е-те отадъ черна Арапина;
На баба се вѣрно покорило:
И си зема дервена калечка,
Та погуби́ царо Костадино
И пороби́ цари́ца Елена;
— Синове имъ дале́къ пребѣгнаа,
Далекъ, далекъ у славна Русія. —
— Два ми сина царство зематъ. —

№ 118.

Берков. окр., с. Вершецъ; 12 февр. 1880 г.; передаемъ буква въ букву письмо одного болгарскаго мальчика, списавшаго для меня эту пѣсню, ставимъ лишь свою интерпункцію

(Король Степанъ женитъ двухъ сыновей-близнецовъ на двухъ сестрахъ близнакиняхъ).

(Записано однимъ болгарскимъ юношею).

«Затродилъ се кралъ Стефанъ, да жени два близнаки, саде сина доръ. Кралъ Стефанъ обишелъ сви села и се градове, да

намери две снаи, две близкини. Не може да намери. Премина оданакъ дуновъ: у влашка тамъ намери две снаи, две близн(а)кини; верна е дума удумалъ, та се назатъ пов(е)рналъ, та си е домъ ошелъ: те свадба подигналъ: собралъ три ста свати и двести свахи; та отиде оданакъ дуновъ у влашки за снахи; та си венчали два сина, два близнака, та назатъ свадба повернаха. Варвели, що си варвели, те са се синове остали; срѣшнаха ги айдуци, та назатъ повернаха — на гуша петелка да окинатъ; па си пойдоха на пато на кр(е)сто-пато: зла ги стига стигнало — глави ги осекоха. Баща имъ се надалъ, да стигнатъ. Послѣ имъ баща се назатъ поверналъ, та имъ глави нашелъ, та ги у дисаги турналъ. Па си пакъ по свадба пойде и свадба пристигна; па си на кума и старайтю каза: «полекъ свадба!» И тагива ошелъ на свой домъ.

№ 119.

Соф. окр., с. Сливница; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Тита Николова Адамова.

(Женитьба мисирскаго короля).

Заженисе кралé одъ Мисира:
Обиде х̑ора и градове,
А паланки и брой край нема,
Тражилъ за себе прилика
И за майтю роднина;
Де-ка найде за себе прилика,
Тамо нема роднына за майтю,
Де-ка найде роднына за майтю,
А нема за себе прилика.
Ка' отиде у Роксана града,
Тамо найде за себе прилика,
И найде за майтю родныша,

Амо са засакали млогу —
Сакая му благо три товары,
И сакая единъ златенъ перстенъ,
И што си има рода, да се позве,
Сестриче свои да не позве —
У кавга са кавгами много,
У ракія млогу лудіи».
А дете си дойде по свои дворове;
Пушти коня́ по равны дворове,
Па си керши тія бѣле руке,
И си рони тія дробни сълзи;
А майтя га стара согледала,
Согледала и говори:
«Чедо драго, мое мило чедо!
Оты кершишь тія бѣле руке?
Оты ронишь тія дробни сълзи?»
А дете на майтю говори:
«Охъ, старо майте́ моя!
Я обидохъ градове и х҃оры,
Та си тражилъ за себе прилика
И то тражилъ за тебе роднина —
Де-ка найдемъ погода за тебе,
Тамо нема прилика за мене,
Де-ка найдемъ прилика за мене,
Тамо нема погода за тебе;
Ка' отидохъ у Роксана града,
Тамо найдохъ за себе прилика
И за тебе найдохъ роднина,
Амо млого ми засакаше:
Сакая ми благо три товары,
И сакая единъ златенъ перстенъ,
И сакая шесъ стотинъ сватове,
Што си имамъ рода-се да позвемъ,
Да не позвемъ свои сестричиче.

Кажи мене, мале, што да чинимъ?»
Одговара нему майтя:
«Я си земи тоя бѣле книже,
Та испиши баштины достове» [1]).
И онъ земá това бѣло книже,
Та испи́са баштины достове:
Та си писа кралевитя Марка,
И си писа одъ Косово Янка,
И си писа одъ Релёво Релю,
И си писа Сербина юнака;
Буде деверъ одъ Кралево Марко,
А старойтё одъ Косово Янко,
А кумъ че одъ Релёво Реля,
Сербинъ юнакъ баряктарче младо.
Собраша се китени сватове;
Напредъ иде Марко одъ Кралево
И си воды шесъ стотинъ сватове,
И си носи три златна перстена,
На престенѣ [2]) безцѣно каменье;
На найпослѣ иде Сербинъ добаръ юнакъ
Се Сербяци — до Бога юнаци,
Подскацую канъ сури-е́лене;
Мерки-берки за уши верзую.
И пойдоше китени сватове;
Салъ не ида, бре, сестричиче.
Проговори нина майтя,
Бре, сестра на кралё одъ Мисира;
«Чуешь мене, Вукашине сине!
Чуешь мене, сине Петрушине!
Не идохте уйтѣ си на свадба?»
— «Како́ незвани ч' идемо.
— «Ка'? не уйтя поредомъ познава?

[1]) Пріятель. [2]) Sic.

Я земете, синку, това бѣло книже,
Та пишете това ситно писмо,
Та пратете на Кочанъ пладнина,
Пратете по пиле соколенце».
Исписаше това́ си́тно писмо
И да́доше на пиле соколе;
И одлете пиле па Кочанъ пладнина:
Ручекъ руча чобанинче Милошъ,
Ручѐкъ руча съ дванаесе кіяи[1]);
Та си падне Милошу у коленце,
Съ крыло тропна и книже отвори;
Ка' прегледа чобанинче Милошъ,
Ка' прегледа това́ ситно писмо́,
На кіяи по́ ти оговори́:
«Фала вама, дванаесъ кіяи!
Хубаво ми стадо погледайте,
Погледайте, брайтя, почувайте;
Я че идемъ на свои дворо́ве,
Да си видимъ стару майтю мою —
На-злѣ лежи стара майтя моя,
На-злѣ лежи, че да умре;
Не можемъ у животъ затечемъ,
Баремъ, майцѣ на гробнину д'идемъ;
Фапете ми конче троегодче,
Накитете лѣпо, што сакате,
Постегнете твердо, што можете».
Накития лѣпо, што сакаха,
Постигнаа твердо, што могоха.
Па се качи коню на рамена,
Па се качи Милошъ добаръ юнакъ,
Па па пиле низъ гърло гово́ри:
«Лети, пиле, подъ бо́жя небеса,

[1]) Овчарь.

Конь че иде по бѣли друмове —
Кой че може на дворъ да претече?
Писна пиле подъ божѐ небесье,
Висна коньче по бѣли друмове —
На дворове коньче е претекло.
А стара майтя сина согледала одалекъ,
И одблиза сина посрѣтнала
И у рука здравица держала:
«Млого здравье, чедо мое драго!
Млого здравье одъ уйтя твоéга!
Да си идешь у сватове уйти».
Юнакъ ни се вива, ни се повúва;
Ферли кожухъ-мечетина
И си ферли калпакъ вучетина,
Па облече сермалія руо,
Па облече кожухъ-мечетина,
И си тури калпакъ вучетина;
Па си стега коньче троегодче.
А майтя му поговóра:
«Не карай си коньче троегодче,
Нело карай Кулаша баштина».
И дете е послушало майтю:
Та си стегна Кулаша бáштина,
Та го стегна—одъ земня го дига,
Па се качи на рамена копю.
Сватове бѣхáа три дни предъ него.
Оно прави кóня по друмове;
Не ли е будалина овчаръ?
Онъ зáдрема коню на рáмена,
А конь си е млого засилило;
За пладните сватове пристигна;
Мейданъ гледа, де-ка да замине.
Згледахáа го троúца юнáци,
Вернахáа се, конекъ да му узма,

Сви троица заедно ферлиша,
И ферлише и нишанъ ударише —
Удариха́ тоя добаръ юнакъ;
Юнакъ си е низъ сешъ разбуди́ло,
На конь тергне той златны дизгине
И му шибна четалъ-мамузе [1]):
Три копа у высъ е рыпнало,
А у длъжинъ ни край, ни брой пема;
Па заверте ко́ня по тра́говс,
Та си тражи три добра́ юна́ка;
Па си нашелъ тія троица юнаци:
Охъ, вала Вама, троица юнаци!
Дали мене юначки біете,
Или съ менс шака [2]) правите?
Да видите, коно́ біе юнакъ!
Па извади огняна камджія,
Та ги шибна тенке половине —
Ка'-но титре играя предъ него,
И настегнаше на Роксанско па край,
И Роксанци ги чекая на край:
И говора Роксанци:
«Кой че може, китени сватове,
Кой че може излезне юнакъ,
Да прерипне три ха́та [3]) на-съ-поредъ:
На коньче-то това́ буйно копье,
На копье-то стрѣли шестоперы;
И сватове потернали терномъ [4]),
А кралекъ у земня погледнало.
Эте иде церна Бугарина
Иде и Кулаша мами,

---

[1]) Шпоры.
[2]) Смѣхъ, шутка.
[3]) Конь.
[4]) Призадумались.

И си ачикъ [1]) дума:
«Богъ вы убилъ, кметове роксански!
И я самъ козарь по Кочанъ-пладнина!
Ночемъ дойде дива́ говедина,
Та попуди мое сиво стадо;
Я прекрочимъ по деветъ могилы,
Та соберемъ мое сиво стадо,
Та соберемъ, у терла [2]) накарамъ.
Што е овой три коньче на-съ-поредъ?
Та па крочи юнакъ Милошъ,
Юнакъ крочи и пре́крочи,
Па гово́ри имъ:
«Али нема крокомъ да крокнемъ,
А камо ли юначки да рипнемъ».
И си зема три коньчета добры,
Та на краля теслимъ [3]) учини;
Па отиде па крадни [4]) меаны
Со-съ вино се пити.
И ошь еднашь игра заиграли:
Изнели деветъ чебра вино
И говора:
«Кой че може вино да испіе,
Той че воды гледа на девойтю».
И сватове потернали терномъ,
А крале́къ се у колѣно тупна;
Эте иде церна Бугарина,
Иде и Кулаша мами,
И си ачикъ дума:
«Богъ вы убилъ, кметове Роксански!
И това ли е игра че да буде?
Я самъ козарь по Кочанъ-пладнина;

[1]) Свободно.
[2]) Кошары, хлѣвъ.
[3]) Подарокъ, даръ
[4]) Крайніе.

Кага́ бѣше лѣто презъ стружница [1]),
Я измъземъ деветъ ильядъ сагмалъ [2]),
Та па саде питамъ, а нема да дробнемъ:
«Што е овай деветъ чебра вино?»
Па си пави юнакъ, та ги испи —
Лѣвый мустакъ половинъ на́топи,
А десные аберъ нема.
Па отиде на крадни мех̑аны.
Па отиде со-съ вино́ се пити.
Ошь еднашь се игра заигра́ли:
Охъ, вала вама, китени сватове!
«Кой че може юнакъ да излезне,
Да убіе низъ перстенъ я́бука?»
Сви сватове терномъ потернали,
А крале́къ е дума продумало:
«Оттукъ нечемъ гла́ва да занесемъ,
А камо ли мома да заведе́мъ?!»
Эте иде церна Бугарина
И коня́-си за дезгинъ водеше,
И постеза до деветъ колана,
И си метна коню на рамена,
Та по́кара Кулаша баштина,
Та сва рудина [3]) угаръ [4]) направило,
И терже стрѣла шестопера,
Терже шесъ сааты мѣсто,
Та уби низъ перстенъ ябуко,
И кралю теслимъ учи́нило.
И отиде на крадни мех̑аны.
И тергнах̑а китени сватове,
Налезоа у Роксана гра́да;

---

[1]) Время стрижки овецъ (лѣтомъ).
[2]) Дойная овца.
[3]) Ливада—сѣнокосъ.
[4]) Нива, пашня.

Обтекли Роксански кметове,
Обтекоа китени сва́тове,
И имъ дума продумаше:
«Кой че може юнакъ да излезне,
Да отвори порты желѣзници;
Не че, може, отворите порты,
Редома главы че зи́маме».
Сви сватове терномъ потернали,
А кралéкъ подъ-кришома аберъ запратило:
«Да ми дойде церна Бугарина,
Да ми дойде глава куртулише[1]);
Одъ не-братъ, братъ да ми стане».
— Это иде церна Бугарина,
Та си кара коня Кулаша,
Кара презъ тѣсны сокаци:
Одъ копита ясенъ огень сьева,
Та кепенци пали,
И душа дух́а ганды[2]) обары;
Та си приде́ порты желѣзници,
Па по́верна коня́ Кулаша,
И говори китени сва́тове:
«По-край, по-край, китени сватове!
Да повернемъ я коня́ Кулаша,
Да го вернемъ, да му дадемъ мейданъ,
Да видиме, да ли може, да е».
И по́верна той ко́ня Кула́ша,
Та му мех́данъ даде,
И урипна у кале высо́ко;
И тамъ найде́ три добры девойки,
Еднолики у едно лице,
И едноимки на име;

---

[1]) Отнять, спасти.
[2]) Крыша.

И онъ ферли кожухъ мечетина,
И си стури калпакъ вучети́на,
И извади спрегалія сабля,
И говори на добры́ девойки:
«Кажете си—гледана коя е?»
И двѣ се крадни средне погледна́ли;
И онъ фана́ двѣ крадни девойки,
Та ги тури при дуваръ на края
И говори има:
«И сѣдете, мори, не мердайте[1]),
Да ме нема три дни бѣла дена».
И подрипна порты желѣзници,
Со-съ десна нога подрипна,
И порты низъ темель искрутило.
И налезнаа китени сватове,
И медю себе продумаше дума:
«Да ручамо, брайтя, да піемо,
Вечи нема назаде обло́га».
А ги дочу церна Бугарина,
Та па имъ низъ гърло бесѣди:
«Де знаете, де-ка нема облогъ?
То перва е облога наза́де!
Оште нема Балашинъ войво́да!
И троеглави е—да го Богъ убіе!»
И проговори краль Роксански:
«Фала вама, двама таламина!
Я идете, да о́кнете Балашинъ войводу
Да ми дойде, да ми отме чедо,
Кое отишло на обло́га».
И отоше двама таламина,
Па говора на Балашинъ войвода:
«Охъ, фала тебѣ, Балашинъ войвода́

[1]) Не трогаться, не шевелиться.

Млого здравье одъ краля нашега!
Да си идешь, чедо да му отмешь —
Отиде́ му чедо на обло́га».
А говори Балашинъ войвода:
«Фала вама, двама таламина!
«Дали има юнакъ одъ-нѣкуде?»
А они́ му низъ гърло бесѣда:
«Има негде, кажатъ, Бугарина черна,
Амо преди тебе нече може юнакъ да е».
А оно́ е сълзи поро́нило:
«Това, брайтя, не е черна Бугарина,
Нело ми е мило чобанино
Одъ Кочанъ-пладнина;
Преди нега юнакъ нигде нема —
Оде-ка слънце истиче,
Доде-ка сълнце захо́ды
Предъ нега юнакъ никаде нема;
Чемъ да идемъ, мои мили брайтя,
Не чемъ кралю атеръ [17]) да строшимъ,
Амо тамо главу че потровимъ». —
И поведоха́ гиздава девойтя —
Излезоа низъ Роксана града.
И срѣтна ги Балашинъ войвода:
И духна́ со-съ вири вѣтрове,
И духна́ со-съ ясны огнёве,
И пре́тури до деветъ кочіи,
И паднаха́ юнаци одъ кони́.
И излезе черна Бугари́на,
И си терже лека буздогана,
И си дигна тежка топузина,
И говори Балашинъ войводу:
«Ферляй, брайле, жалба да немашь».

---

[1]) Милость, благорасположеніе.

И си ферли Балашинъ войвода,
Церна Бугарина дочекало тежка топузина
Су десница рука дочека;
И говори церна Бугарина:
«Держьсе, Балашинъ войводо!
Я че врачамъ твою топузину»;
И ферли тежка топузина —
Деветъ лакти у земь на́кара,
На́кара Балашинъ войводу.
И оттоа се китени сватове.
Церпа Бугарина верна́ се у Роксана
Та си зема двѣ добры девойки,
Што ги тури при дуваръ на-края:
Една́ че му ягенци пасе,
А друга́-та вода че да носи;
И си стиже китени сватове:
«Добра стижа! мой мили уйтице!
Незванъ дойдохъ, непочтанъ че с' идемъ».

№ 120.

Трен. окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дёши Тодорова.

(Постройка крѣпости королемъ Вукашиномъ).

Заградиле[1]) крале Вукашино,
Заградиле на Дунавъ, на озеръ,
Заградиле кула да се прави —
Три година по триста майсторе,
Па-й неможе темель да си вержи:
Дьнемъ прави, а ночемъ га носи.
Па сбраше негови-те брайтя:

[1]) Заградилъ + е.

«Чуешь мене, крале Вукашине!
Ты не можéшь, кула да заправишь,
Ты не можешь темéль да овержешь,
Доръ ние думе не думамо».
Удумаше, вѣру увѣрише:
«Кагá буде одъ заранъ собалье,
Коя́ жена ручькъ намъ донесé,
И ню че у темель тýримо,
Тагай че се темель задержаты».
Па отоше дома, да лéгаю.
Итро било крале Вукашино —
Оно каза на нéгове любе:
«Немой, мори, ручéкъ дá донесешь»;
Па-й каза средня-тъ брата-тъ
Каза па негове-то любе:
«Немой, мори, ручéкъ да донесешь!»
Наймлади несте да каже,
Несте каже Матруни невѣсти.
Кадá биле зарáнъ собале,
Дойдé време ручéкъ да се нóси.
Думе дума кралево-то любе:
«Айде, море, ручéкъ да нóсите!
Мене нешто глава заболѣла,
Та не могу ручькъ да однесéмъ;
Продумала средня-та етерва:
«И я немогý ручéкъ да однесéмъ —
Мене нешто нога заболѣла,
Че да иде Матруна невѣста;
Продумала Матруна невѣста:
«И я немогý ручекъ да однесемъ —
Редъ ми е дошелъ, да ометéмъ ижу,
И па-ми е Петруна малестна —
Да го окупимъ и да ю повіемъ».
Думе дума найстара етерва:

«Айде, море, ручéкъ да однесешь!
Я чу тебе ижу да изметéмъ
И па-й чу ти Петруну окупéмъ
Чу окупемъ и па-й чу повіемъ»
Узé ручéкъ Матруна невѣста,
Та отидé тамо пре дунгере;
Тамо сѣду троица кралёве:
Наймлади сѣди — сьлзе рони;
Питала го Матруна невѣста:
«Зашто сидишь, зашто сьлзе ронишь?
А онъ си е думе продумало:
«Я си викамъ одъ мое жалове —
Я си имамъ то златна ябука,
И ню че ми вóда однесé»;
А она му тагай продумала:
«Мълчи, море, за това не викай!
Ты я́буку па че си ку́пишь».
Па станаше два млада девера,
Уловише Матруну за́ руки,
Та турише Матруну у темель;
Она каже, да шала права.
Зазидаше ноге до колѣна,
Тагай си думе продумала:
«Чуйте мене, два млада девера!
Немойте мене у темель ту́риты!
Идете ку моя-та майтя —
Моя майтя много пары има,
Она че ме со-съ паре́ одку́пи»;
Зазидаше Матруну до пóясъ:
Окну-викну, колико што може, —
Туга, леле, до Бога се чуе:
«Кой че мене Петруну да чува?
Петру́на мене ма́лечка;
Кой че мене Петруну да ку́пе

Да купе и да си повіе;
«Она нече безъ боску [1]) да мине;
Ано мене у дуваръ туристе,
Оставéте бóску на двóрку,
Донесете Петруну детенце:
Я чу га на дуваръ подóимъ,
Она нече безъ боска да мине».
Зазидаше Матруну невѣсту,
Оставише е боску на дворку,
Донéсеше Петрун у детéнце;
Три године на дуваръ доила
Доила га и одоила га.
Пораснало Петруно детенце.

№ 121.

Соф. окр., с. Василевци (другое названіе Войсиловци); 7 февр. 1880 г. записана со словъ Іоны Илина

(тоже).

Градъ градили три брата родьена:
Едно бѣше кралѐ Вукашино,
Другій бѣше Углеша войвода,
Третій бѣше Гойковиче младо;
Градъ градили три година дена
Три година со-съ триста майсторы;
Што майсторы за денъ соградиа,
То е вила за ночь оборила;
Па дозива вила низъ планина:
«Фала тебѣ, крале Вукашине!
Не арчисе и не троши блага;
Не мошь, крале, темель поставиты,

[1]) Груди-титьки.

Я ди ли града сограднти,
Докъ не найдешь два слична,
Докъ не найдешь Стою и Стояна,
Я найболѣ брата и сестрицу,
Да зазыдешь кулѣ у темелю —
Тогай че се темель задержаты,
Тогай че се града сограднты».
Ка'-то зачу крáле Вукашине,
Онъ дозива два брата родьена
И говори крале Вукашине:
«Фала вие, два брата родьена!
Ние Файда[1]) нема, што арчиме».
Па дозива слугу Десимира:
«Фала тебѣ, слуго Десимире!
Вати кони и интове[2]),
И понеси три товара благо,
Те си иды преко бѣла свѣта,
Те си тражи два слична имена».
Ка'-то зачу слуга Десимира,
Вати кони и интове,
И понесе три тóвара благо,
Те си тражи два слична имена, —
Тражи слуга три година дена,
Алъ не найдо два слична имена.
Ка'-то зачу кралю Вукашине,
Кралю викну Раду наймайстора,
Рада викну до триста майсторе,
Те зедаше куле и темéли —
Што майсторе за денъ заградиа,
То е вила за ночь оборила,
Па дозива вила низъ планина:

[1]) Польза.
[2]) Колесница.

«Фала тебѣ, крале Вукашине!
Не се арчи и нетроши́ блага —
Не мошь, крале, темель поставиты,
Я ди ли града соградиты?
Эво, вие сте три брата родьена,
У свакога има вѣрна люба:
Чія дойде ютре на Бояна,
И донесе ручéкъ на майсторе,
Да градиме кулѣ у темели:
Тогай че се темель задержаты,
Тогай че се града соградиты». —
И твердо су вѣру завѣрили
И тверду су думу удумали:
«Никой, вечеръ, люби да некаже».
Ка' отóше вечеръ на вечера,
Вечераше господска вечера,
Та отоше сѣкій у легало.
Али крале вѣру погазило,
И онъ своей люби доказáло:
«Немой дойдешь ютре на Бояна!
Че те градимъ кулѣ у темели»;
И Углеша вѣру погази́ло —
И онъ своей люби доказáло:
«Не мой дойдешь ютре на Бояна!
Че те зедамъ кулѣ у темелѣ»;
Али Гойко вѣру непóгази,
И онъ своей люби не дóказа.
Ка' е било ютре одъ зарана,
Та отоше градекъ да се граду.
Дойдé време-ручéкъ да се носи:
Редъ е било господи кралици;
Она иде помлада етерва
И говори:
«Фала тебѣ, помладо етерво!

Я понеси на майсторе ручекъ,
Мене е глава́ заболѣла;
Она иде Гойковичи младо
И говори Гойковичи младо!
«Фала тебѣ, Гойковичо младо!
Я поне́си на майсторе руче́къ;
Алъ говори Гойковича млада:
«Фала тебѣ господжо кралице!
Че понесе́мъ на майсторе ручекъ;
Али ми е дете неку́пано,
Не купано, ни пелены праны»;
Алъ говори господжа крали́ца:
«Фала тебѣ танана невѣсто!
Я чемъ тебѣ дете́ окупа́ты,
Я етерва пелене опра́ты».
Нема́ куде́ Гойковиче младо,
Те понесе на майсторе ручекъ.
Кадъ е било на воду Бояну,
Сегледа ю Гойковиче младо:
Верла́ му е жалба нажалѣла —
Рони сълзи низъ тое бѣло лице;
Упази го Гойковица млада
Па говори Гойковица млада:
«Фала тебѣ, Гойковиче младо!
Што си ронишь сълзи низъ образи?»
Одгова́ра Гойковиче младо:
«Имао самъ одъ злато ябълко,
Те ми спаде данесъ у Боя́ну —
Те го жалимъ, преболье не могу».

№ 122.

Село Верба́ (Радомірскаго окр.); 29 ноября 1879 г. записана со словъ того же крестьянина.

(Король Вунашинъ затворяетъ въ темницу двухъ родныхъ братьевъ).

Живовали два брата рождены:
Една лика коне яха́ли,
Една форма руба носили,
Па една вода се мили,
Съ една си кьрпа брисáли.
Каскандисалъ крале Вукашино,
Та затворилъ до два мила брата;
Затвориль и за нино юнаштво,
Затвори́ль и забовари́ль;
Та лежали деветъ годинъ врѣме,
Цвилемъ цвиля до два мила брата,
Цвилёмъ цвиля Стамболъ съобудуе.
А што бѣше краля Капетана:
«Скоро бырже Петеръ жендаджія,
Да опрашашь до два мила брата!».
И си ойде Петеръ жендаджія;
Отвориль тевни зондани:
«Што плачете до два мила брата,
Што цвилете у тевни зондани?»
— «Не знаеме, на кое смо врѣме,
Ни когá е лѣте, ни когá е зиме;
Каде дойде день Іованъ день,
Донесете студенъ ледокъ,
Да знаéме, на кое смо врѣме;
А кога на день на Спасовъ день,
Донесете класóкъ жито,
Да знаеме, на кое смо врѣме;
А когá дойде на день, на Крстовь день,

Донесете чаша благо вино,
Да знаéмо, на кое смо врѣме».
Излезналъ помладій-отъ братóкъ,
Та ойдé на Новопазарье,
Та си найде неговъ стари башта:
Продава това сивѝ волóве;
Онъ му каже:
«Леле дедо, леле татко,
За што держишь сиви вóлове?»
— Онъ му каже:
«Держимъ, да продáвамъ,
Да синове си одкýпимъ:
Затвориль и краля Вукашина,
Затвориль за Божія правнина,
Затвориль и за нино юнаштво».
— А си пошелъ малко по-на-горе,
Тамъ си найде негóва-та майтя,
Де держала тія вранé конѝ;
«Чуешь мене, моя стара майко!
На што держишь тіе врáни кони?»
— Я держѝмъ да и продавамъ,
Синове да одкупимъ:
Затвориль и кралё Вукашина,
Затвориль и за Божина правина,
Затвориль и за нино юнаштво».
— Па си пошель оште по-на-горе,
Тамо нашель мили сестры,
Е держали сія тенки ризи,
Держали, та и продавали;
А то имъ говориль:
«Леле моми, леле сестры!
Зашто держитé той тенки ризи?»
«Держимé, да и продáваме,
Братья да откýпиме:

Затвориль п краля Вукашина,
Затвориль за Божія правина,
— Затвориль и за нино юнаштво».
— Пошель оште по-на-горе,
Тамъ нашель нини люби́-те;
«Чуете ли жены, — сестры!
Зашто держите́ той машки деца?
Да ли держите, тавра́ да чините?»
— А они му по́ тія говоря:
«Держиме́, да ги прода́ваме,
Да имъ башти одку́пиме:
Затвориль и краля Вукашина,
Затвориль за Божія правина
Затвориль и за нино юнаштво».
— Па наточиль чаша благо вино,
Та си ойде при негова брата,
Сичко нему одказа́ло.
— И се тогай братья искомка́ли,
Па се тогай обадва престави́ли. —

№ 123.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци, 3 дек. 1879 г. записана со словъ Стоймена Атанасова

(Царь Капетанъ (Вукашинъ) затворяетъ двухъ родныхъ братьевъ).

Богъ да біе царо Капетана!
Затворилъ е до два брата родьены,
Затворилъ е за Божи́ правина —
Де-ка са си верно живовали,
Затворилъ е у темна зендана.
Та лежа́ле двана́есе годинъ,
Та изумиле, на кое са време?

Па продума ашикъ Димитріе:
«Тако м' Бога, дели Николáе!
Я повúкай млады зондаджиче,
Да донéсе златны-те ключеве,
Да отвóри темни-те зондани,
Да опушти, баръ, еденъ одъ насъ,
Да вúдиме — на кóе сме време:
Да ли си е товá тóпло лѣто,
Или си е товá ладно зиме,
Да ли си е таа росна прóлѣтъ;
Да ны даде мулетъ за едынъ мѣсецъ».
И отворилъ е зендаджія,
Отворилъ е тіе темни зендане,
Та си пушти дели Николае.
Испрашта го ашикъ Димитріе:
«А со здравье, дели Николае!
Ногу здравье на нашего башта,
Ногу здравье на наша-та майтя!
Ако си е товá тóпло лѣто,
Да допратате единъ класокъ жито;
Ако си е таа росна пролѣтъ,
Да допротате едно росно цвѣтье,
А ако си е таа ладна есень,
Да допрататъ единъ гроздокъ гроздье;
Ако си е товá студно зиме,
Да допрататъ една чáша вино —
Да видиме, на коé сме време?»
Па си пойдé дели Николая,
Па си пойде на рамны дрýмове;
На срѣшта му тая стара майтя,
И си кара сиви, бре, говеда:
«Добра срѣшта, мори, стара бабо!
Кадé кáрашь сиви, бре, говеда?»
— «Че ги карамъ, да си ги продавамъ,

Да си пуштамъ до два ми́ла сина:
Еве, стана дванаесе годинъ,
Како́ лежа́ у темни зендани,
Ни ги знаемъ, ни ги попознавамъ».
Па си пойде оште по-нагоре,
Па си срѣтна неговіё башта:
«Де си карашь, сиви, бре, волове?»
— «Че ги карамъ, да ги продавамъ,
Да си пуштимъ до два мили сина —
Еве, лежатъ дванаесе годинъ,
Лежа́ у темни зендани,
Незнаеме—да ли са живи,
Или са мертви».
Па си пойде оште по-нагоре,
Та си срѣтна нины-те братя:
«Де-ка карате ергеле-коне?»
— «Че ги караме, да ги продаваме,
Да пуштиме до два свои брата».
Па си пойде оште по-нагоре,
Па си срѣтна́ нины свои сестры:
— «Де-ка носатъ свилене дарове?»
— «Че ги носатъ, да ги продаватъ,
Да си пуштатъ до два свои брата».
Па си пойде́ оште по-на-горе,
Па си срѣтна снаа-та и невѣста-та:
— «Де-ка водатъ млада-та дечи́ца?»
— «Че ги водатъ, да ги продаватъ,
Да си пуштатъ нины-те момчѐта».
И продума́ едно машко дете:
«Мамо, рече, него тата!
И на башта му дума испаднала.

(не кончено).

№ 124.

Село Верба, Радомірскаго окр., 30 ноября 1879 г записано со словъ Мины Стоянова.

(Марко Кралевичъ спасаетъ дочь царя Константина и Елены отъ чернаго Арапина).

Дошла́ е черна Арапщи́на,
Де е дошла́ изъ Арапска земя:
Дойде у Стамбола града,
Кале́ прави одъ мермера ка́микъ,
Кули́ гради одъ жълти дукати;
Само нема за себе прили́ка;
Ареса́лъ царева-та черка,
И си ойде подъ цара Костади́на
Това му дума издума́ло:
«Чуешъ мене, царю Костадине!
Я заправилъ ка́ле одъ мерме́ра камикъ,
Кули правимъ одъ жълти дукати,
Амо немамъ за себе прили́ка»,
Та беендисалъ това султана:
«Я салъ дошелъ не я семъ просимъ;
Дойдо, молба да се мо́лимъ
Мало со-съ добро, а повече со зло»—
А оно му е черка говори́ль.
Проговори царъ Костадинъ:
Че дадемъ моя мила штерка.
А што-то бѣше Елена царица
И она изговори тая дума:
«Я че дадемъ моя-та мила штерка,
Да ми чекашь петнаесъ де́на»
И она исписа тоя́ бѣла кни́га,
Та я прашта на Марко Кралевичъ:

«Много здравье, Марко Кралевиче!
Да дойдешь чадо да ми отмешь
Одъ това черна Арапщина».
Дофтасала книга до Марко юнакъ;
Оно́ е книже прегледа́ло
И го тури подъ колѣно.
Кадъ стануло петнаесъ дена,
И што-то бѣше царева-та штерка
Исписала тая бѣла книга,
Та я праштa Марка на юнакъ:
«Дали очешь мене за любе да си любишь?
Ако ты имашь любе за любенье,
Некъ ме земи за робинье,
Не ли да ме люби черна Арапштина:
Да не грѣшимъ майчина душа,
Ни да срамимъ цара Костадина.
Ако нечешь, Марко, да си придешь,
Очемъ млада да си тровимъ».
Какъ си приде това́ бѣло книже
До Марко-то Кралевича,
Тогай се Марко заплакало;
И посправи Шарца добра коня;
Какъ отиде́ на Бѣло-то море,
Излезнало царева султана —
Самъ царъ Костадина черка,
Да пооды малку по гезне,
Па че верни се, да си трови,
Отпрашало него Марко юнакъ:
«Де си одышь царево султано?»
Она нему одговóра:
«Я си одинъ, да малко прошетнимъ,
Што се вернимъ, млада се тровимъ:
За што ме че люби черна Арапщина?
Я праштала до три бѣли книги

На Марко-ти добри юнакъ,
Да дойде мене да ослободи,
Алъ го нема, та и нема».
Одговори нейни Марко добри юнакъ:
«Азъ самъ Марко добаръ юнакъ;
Много здрави цару Костадину!
Да опушти до-седемь телала,
Да си лича по Стамбола грады:
Да си нигде нема дворы отворене,
Салъ е негови сараи отворены,
И да отвори той нови анове,
Да ми готви крава яловица,
И да готви до три фурни леба
И да готви до три бочви вино,
Ште да дойдемъ на нове анове,
Ште да дойдемъ да вечера вечерамъ».
Што-то бѣше цара Костадина,
Нему черка одказала:
«Ете иде Марко Прилѣпче!
«Ты си опушти до седемь телала,
Да си лича по Стамбола града,
Нигде да нема дворы отворены,
Само да е сарай отворенъ
И да се отворены той нови анове».
И оно е ти Марку приготви́ло,
Што е нему зарачи́ло.
Ете дойде церна Арапщина
Со-съ триста души бѣли Ара́пи
И въеднако уйде у цареви дворы,
И земало царева султана —
Самъ царъ Костадина черка,
И по тие приказало:
«Кадъ си предъ нове анове
Никой смѣя дворы да отвори,

Чекъ да отидемъ при новъ анджія».
А Марко везá Шарца добра коня
И го везá за нови диреци,
И го пои вино шербетліё.
Кадъ притърча черна Арапина
Со-съ та тенка бедовія,
Ферли чифте за чифта
На добра Шарка коня;
Алъ не припушта тенка бедовія.
Излютисе черна Арапина,
Та си рипна тенка бедовія,
Та улези у нови анове,
И тамо е нашелъ Марко добри юнакъ,
И проговори на Марко добри юнакъ:
«Богъ те било Марко Кралевиче!
Да и ты ли си ми на срѣшта пришелъ?»
И извади тая остра сабля,
Да погуби Марко-то юнакъ;
А Марко се подъ диреци провре́ло:
Кадъ си удри черна Арапщина
Удрило у нови́ дире́ци
Та си е сабля потрошила.
Па и Марко извади сабля на зглабове,
Та пресѣче черна Арапщина;
Па уяна Шарца добра коня,
Тай стигнало той бѣли Арапи,
Тай погуби си-те триста Арапина,
И поверна́ царева султана
Самъ царъ Костадина черка,
И одведе я цару Костадину:
Ето тебе твое мило чедо»!
— А онъ си нему одговара:
«Ако сакашь, за любне я води».

А Марко му тія лѣпо дума:
«Я си имамъ любе за воденье;
Я избавилъ твое мило чедо,
Твое чадо, па и мое.

№ 125.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г записана со словъ Пеши (Петра) Тодорова.

(Качанскій кадія (судья) присуждаетъ дѣвушку въ невѣсту Николаю королю «отъ Кралёва», руки которой добивались Марко Кралевичъ и Янко «отъ Косова»).

Ставѝшесе троѝца дружѝна,
Ставѝшесе на пóле широко —
Сви-те млады, неженете:
Едно Марко одъ Прилѣпа града,
Друго Янко одъ Косова града,
Третѐ кралѐ одъ Кралева града.
Сви-те су млады, неженеты.
Усрѣте ги гиздава девойтя:
Тагай су се дружина закарала —
Да кой че девойтю да узмѐ.
Проговóри Марко Кралевичъ:
«Да идемо у Качана града».
Та отоше у Качана града:
— «Богъ помáга Качански кадія!»
— «Добрó, добрó, добри юнáци!
Кажѐте, каква́ е кáвга?»
— «Я пойдóмо пре широко поле,
Усрѣча ни гиздава девойтя;
Сви су дáрба даровали:

Марко даде тая жълта ду́ня,
А Іованъ даде червена ябука.
А Никола пьрстенъ бармулія;
Сега ние сме се судо́ли —
Да кой че девойтю да узме?»
Проговори Качански кадія:
«Али, ми, е дуня за меризма,
А ли, ми, е ябука за гри́зенье,
Я ли, ми, е пьрстенъ за вѣнчанье,
И тагай и пресудило Качански кадіе:
Па́десе Николи, девойтю да узме.
И тагай Никола одъ Кралева града
Марка си е за кума вануло,
А Іована е за де́вера ватило;
Та су свадбу направи́ли.

№ 126.

Соф. окр. (Поле), село Враждебно, 1 февр. 1880 г записана со словъ крестьянина Донки Гелева.

(Марко Кралевичъ освобождаетъ молодыхъ женщинъ и мущинъ, взятыхъ въ плѣнъ Турками).

Марко сака Моровски девойки,
Марко сака, майтя му не дава:
Немой, синку, Моровски девойки,
Зимѣ глава, лѣтѣ половина;
Па си тергна Марко добаръ юнакъ,
Па си стегна коня Шаркалія,
Та отиде у тесны илисуры.
Срѣшта му се три синджира робье:
Единъ синджиръ-млады момчетія,
То́ры синджиръ-млады девойки;
Трети синджиръ-млады невѣсты;
Согледа ги Марко, одгледа ги,

На очи му жалба останало,
На серце му свидно [1]) останало;
Проговори Марко добаръ юнакъ:
«Слава Богу, моя Шаркалія!
Мошь ли аскеръ съ нодзе да погазишь?
И язе-ка со-съ остра-та сабля».
Шарка коня по́ ти оговóра:
«Ка' неможемъ аскеръ да погазимъ?
Зашь ме зобишь тая чиста зоба,
И ме по́ишь това руйно вино?»
Па си тури Марко добаръ юнакъ,
Па си тури нога у зенгія,
Доде тури Марко и оная,
Онъ отиде у тесны клисуры,
Та затече тоа силенъ аскеръ;
Та разъигра коня Шаркалія;
И разверже Марко остра сабля,
Та погуби тоа силенъ аскеръ,
И свободи три синджира робье;
На секога по дуката даде:
Кое гладно, лѣбецъ да си купи,
Кое голо, дрешка да си земе,
Кое босо, опинци да си земе.

№ 127.

Г. Радомiръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(тоже).

Марко шета низъ тесны клисуры;
Емъ си шета, емъ си Богу мóли:
«Дай ми, Боже, три синджирá робье —
Едни синджиръ са млады невѣсты

[1]) Скучно, сердце ноетъ

Невѣсты со-съ мъшки дечи́ца;
Други синджиръ се млады девойти;
Третій синджиръ се млады момчета,
Си-те млады, си-те неже́нены»,
Доде Марко дума да изду́ма,
Далъ му Господъ три синджира роби —
На синджиро по ильядо души;
И ди кара черна Арапи́на
И Марко му дума продумуе;
«Босъ те уби, черно Арапино!
Каде́ карашь три синджире роби?»
Я Арапинъ дума проду́муе,
Проду́муе па Марка юнака:
«Мълчи, Марко, непознанъ юначе!
И за тебе празна алка има!»
Марко-ти се варло дожалѣло
Дожалѣло и па-й доделѣло,
И Марко си въеднакъ най [1]) проду́ма:
«Богъ те уби, черно Арапино!
Че пушташь ли три синджира роби?
Или нечешь, па-й да си ми кажешь?»
И Арапинъ Марко-ти продума:
«Че те туримъ тебе найнапреде,
Да ди водышь, како тёсе́мъ овенъ».
Марко бъркна у десна-та чижма,
Та извади сабля на зглабове,
Што се вие, ка-то люта змія,
Па си мана на́лѣво, на́десно,
Та погуби черна Арапина,
И опушты́ три синджира роби —
На синджиро по илядо души:
Едынъ синджиръ со млады невѣсты

[1]) Т. е. на-+-й.

Невѣсты со-съ мъшки дечица,
Други синджиръ се младе девойти.
Трети синджиръ се млады момчéта,
Си-те млады, си-те нежéнены
И си ойдé Марко Кралевико,
Та си ойдé церкви Маріицы,
И си ойдé церкви манастырѣ;
Дума дума на попóве-владыки:
«Чуете ли, попóве-владыки!
Да ли и́мамъ язе-ка пречесе,
Дека самъ си язе опуштило,
Опуштило три синджира роби —
На синджиро по ильядо души?»
Продумаа попóве-владыки:
«Имашь Марко, не ли да не имашь!
Имашь, Марко, до три пътъ пречесе:
Когу си си добро направи́ло,
Де избави вѣра православна. —

№ 128.

Соф. окр., с. Василевци; 7 февр. 1880 г. записана со словъ Филиппа Минина.

(тоже).

Рано рани Марко светы недѣли,
Да си иды церкви Раваницы.
Мина Марко презъ широко поле,
Насталъ Марко презъ гора зелена;
Самъ си Марко гори поговáра:
«Горе-ле горице!
Што си рано повенала?»
Сама гору Марку поговáра:
«Што сама си рано повенала?

Богъ да біе церна Арапина!
Поминало три синджира робье:
Едéнъ синджиръ-се млады юнаци,
Еденъ синджиръ-се млады девойки,
Трети синджиръ-се млады невѣсты,
Со сьлзи ми верши посушише,
Со-съ ноге корень подкопаше;
За това я рано повенала».
Тогай си Марко гори поговара:
«Вала горо, вала зелена!
Дал' е далекъ»?
Одговара сама гора зелена:
«Ни е далекъ, ни е близу,
Салъ у тесны клисуре».
Марко стиже Арапина у тесны клисуре
И му рече:
«Стани, курво, церни Арапине!
Пушти три синджира робье!»
Одговара церна Арапина:
«Мълчи, курво, Марко!
За тебе има една ока вино!»
Я Марко му говори:
«Стани, курво, церни Арапине!
Да си мейданъ біемъ —
Я ферляй, я ли че верлямъ буздогана».
И въеднага верлилъ Марко добаръ юнакъ,
Верлилъ перна буздогана,
И накаралъ Арапина деветъ лакти у́ земь.
Осташе три синджира робье;
Поведе ги Марко церкве Раванице;
Ка' дойдоше церкве Раванице,
Сами церкви отворишесе.

№ 129.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г записана словъ Маріи Тупаковица и ея дочери

(тоже).

Горице-ли, горице зелено!
Пойде Марко на церква да иде,
На срѣшта му горѝца зелена;
Я Марко по тія говореше:
«Горице ли, горица зелена!
То што си, ми, рано повенела?
Дали, ми, те слана попорѝло,
Или, ми, те снѣжи оснѣжили,
Ели, ми, те сѣкира сосѣкла?»
Горица му тія говореше:
«Море, Марко, море, добаръ юнакъ!
Ни, ти, ме слана попарила,
Ни, ти, ме снѣжи оснѣжили,
Ни, ти, ме сѣкира пресѣкла;
Заминаа тіе клети Турци,
Прекараа три синджира робье —
Со-съ нодзе корень подкопаа,
Со-съ душе ми више полумиа:
Еденъ сенджиръ-се млады невѣсты
Се невѣсты скоро доведены,
Други сенджиръ-се млады девойки,
Трети сенджиръ-се млады момчета;
Невѣсты-те мѝлно-жално плачатъ:
«Аво, Боже, аво, мили Боже!»
Милно-жално за машки-те дѣца;
Я момѝ-те милно-жално плачатъ
Милно-жално-за тенки-те дары:
Тенки дары пусты останали,

Кой че да ви растресе́-претресе;
Ергенье те милно-жално плачатъ
Милно-жално-за тенки-те пушки:
Тенки пушки пусты остана́ли,
Кой че напуны и сверле.
За това я самъ рано повенела».
(не кончена).

№ 130.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Пеши (Петра) Тодорова.

(Женитьба Марка Кралевича).

За́женисе Марко Кра́левичъ.
И си о́бы три дни и три ночи.
Ка' отиде́ у Земе́на града,
Тамо найде́ са себе девойтю:
Нишанъ даде три товара благо.
И думалъ си Земенски краль:
«Да си берешь, Марко, китени сватове
Да си берешь за триесе́ дена,
И да водышь гиздаву девойтю,
И да водышь за триесе́ дена».
Ка' отиде́ Марко у Прилѣпъ градъ,
Тамо найде́ Янко одъ Косова,
И найде́ си кра́ля одъ Кралева;
И питаю го добри́ юнаци:
«Да найде́ ли за тебе девойтю,
А за насъ прилику?»
— «Я си найдо́ за мене прилику
Найдо Прилику и девойтю,
И нишанъ дадо́ три товара благо, —

И думаше ми, да за триесе́ де́на́
Я си водимъ триста и три свата».
Я се диже Янко одъ Косова,
И се диже кралекъ одъ Кралева;
Свеки оди три дни и три ночи;
Ка' отиде Янко у Земена града,
Тамо найде за себе девойтю —
Нишанъ даде два товара благо;
И думаше краль Земенски:
«Да си водышь китены сва́тове
Да си водышь дв'е́сте сватове,
Да си водышь за триесе́ дена.
Ка' отиде Кралекъ одъ Кралева,
Ка' отиде у Земена града,
Тамо найде за себе девойтю —
Нишанъ дадé четиръ товара благо;
И дума му краль Земенски,
Да си воды четирстотитъ свата.
Тагай су се поверну у Прилѣпа града;
Тамъ найдоше Марка Кралевича:
И онъ си ѓи вѣрно питу́еше:
«Та найдосте ли за васъ девойтю,
За васъ девойтю, а за мене прилику?»
Сваки каже све по реду.
И собрали се сватове.
Се пойдоше еденъ дьнькъ.
Ставишесе на поле широко,
Стави́шесе до тро́и сватове,
До три кума и до три старойтя,
И до три, ми, младе младожени,
И до три, ми, млады байрактары,
И до три, ми, млада девера,
А сватове края броя нема.
Я ото́ше у Земе́на града.

Ка' отоше у Земéна града,
Срѣтоше ги кметове Земенчане,
И срѣтс ги майтя на девойтю.
Улезоше у златне тарпезы;
Сѣдóше до троúца младожене.
Проговóри Марко Кралéвичъ:
«Да камо вие мое-те слуге?
Я окнете майтю на девойче,
Да опитамъ и да опрашамъ».
И окнýше девойчину майтю.
— «Бога тебе, девойчина мале!
Да ли имашь три младе девойте?»
— «Една си с, и онá да не е».
Проговори Марко одъ Прилѣпа града:
«Ако сакашь, мале,
Да ю давашь яко за юнака,
Да ю давашь за Марка Кралевича;
Ако сакашь яко за прилику,
Да ю давашь Янку одъ Косова;
Ако сакашь яко за иманье,
Да ю давашь кралю одъ Кралева».
Майтя му по тія оговóри:
«Онá не чс боякъ да ми бíе,
Да удавамъ яко за юнака.
Она не е китка, да забоде за главу
Да удавамъ яко за прилику;
Че удавамъ за млого иманье».
Тагай си излезла майчина девойтя.
Марко си тада по тія оговори:
«Бога тебе, мое-те слуге,
Я окнете и мóя-те слуге,
Да збирамо мои́-те сватове».
Окнуше те Маркове сватове;
Собрашесе Маркове сватове;

И Марко имъ по тія оговóри:
«Бога тебе, мои́-те сватове!
За насъ тука девойтя нема».
Тагай Марко низъ тарпезе излезе,
Та си яну коня шаренога,
Та си стане предъ врата,
И си ока девойчину майтю,
Да опита па-и да опраша.
Дойде девойчина майтя;
Па ю пита Марко одъ Прилѣпа:
«Бога тебе, девойчина ма́йтя!
Кой найнапредъ со-съ нишанъ дойдé?»
— «Найнапредъ Марко Кралевичъ».
Сметну́ се Марко одъ добро́га коня,
Та улéзе у златна тарпéза;
Та си вану Янка одъ Косова,
Удара́ше му една́ шлякави́ца —
На́кара га три педы у земи;
Я си вану кра́ля одъ Кралева,
Удари му една́ шлякави́ца —
На́кара га три педы у земи.
Тагай сѣ́де у златна тарпеза,
Та си сѣдé три дни и три ночи.
Што би законъ, се га прекара́ше,
Па подоше друмы да друму́ю;
— «Нема ништа майтя-да поу́чи?»
Бога тебе, девóйчина мале!»
— «Да немогу ништа да поучимъ:
Кадъ си биде пре сынѐ-то море
И подувну тія силенъ вѣтеръ,
Да си церсто превезъ держишь,
Че да дувне тія силенъ вѣтеръ,
Та поди́гне на девойтю превезъ».
Я пазила кума господина —

Да га Богъ убіе! —,
Што е майтя продума́ла:
Кага́ е било преко синѐ море,
Я си дувне тія силенъ вѣтеръ,
Та подиже на девойтю превезъ:
Синю лице́, како ясно сълнце;
Опазило кума господина:
Вати, та обрече́ на девере
Та обрече́ едѐнъ това́ръ благо,
Да си люби той млада невѣста;
Оны́ молчу [1]), па си снау воде́.
— «Бога ви, два ру́сна де́вера!
Да дадете снау да ви любимъ;
Оны мълчу, па си снау́ уводе.
Онъ обре́коше че́тиръ то́вара благо...
Кага́ си е вечеръ на леганье,
Проговóри гиздава девóйтя:
«Я се окни, кумо господино,
Я се окни трои́ца берберы,
Да обриче тую ру́су браду,
Па тага че лице́ да ми́ лю́бишь».
И оно́ о́кну трои́ца берберы:
Обричише ту́ю русу браду —
А она имъ свѣтила,
Та-й у превезъ браду верзувала;
Кога́ се брада обричила,
Она си е свѣ́чи ду́внула;
Та си вати той те́вне тевни́це,
Та си ойде́ при Момчилъ
При Момчалъ байрактарче:
«Богъ пома́га, Момчилъ байрактарче!»
А онъ си лежи, не смѣ да уста́не,
Алъ на срѣдъ е казуе:

[1]) Sic.

«Богъ те у́билъ, той млада невѣста!
Што си тражишь, невѣста?»
— «Тува ле́га Марко Кралевиче?»
— «Тува ле́га; презъ вода Ситни́ца,
Поды зелёнъ ча́деръ ле́га».
И си стану Момчилъ юнакъ,
— Испрати ю до воду Ситни́цу
И говори:
«Бога тебе, той млада невѣсто!
Я си завій тія свилни скуты,
Та препли́вай той вода Ситница,
Та си право иды подъ зелены чадори,
Де-ка спава Марко Кралевиче.
Тамо горѣле двѣ жълте свѣче».
Та за́сука тія свилны скуты,
Та преплива той воду Ситни́цу.
Ка' оти́де на зелени чадоръ,
Тамо спава Марко Кралевичъ;
Она Марка на легола найде
И го, море, замашкала;
А Марко по тія оговори:
«Бѣгай, курво, предъ коне у ясле»!
И она си ипла у ясле,
Предъ коня у я́сле ле́гла.
Кадъ се рано зазорило,
Я излезла денни́ца звѣздица,
Проговó́ри Марко Кралевиче:
«Ела, курво, сада ми да ка́жешь».
И она тагай стаде, та дойде́:
Нема ништо дума да се дума —
Тако си превезъ одверзала
И си тако косу истресала»;
Марко си тагай сетило:
«Ле́гай, курво, на мое посте́ле;

Я че точимъ той сладке здравице,
Че да идемъ, кума да си канимъ,
Да си путомъ путуемъ».
Она́ си лежи на згла́вницѣ.
Марко яна коня́ шаренога,
Па си прейде́ той воду Ситницу,
Па си иде́ предъ Милошь[1]) байрактарче:
«Богъ пома́га, Милошь байрактарче!
Айды, да станы, кума да ка́немо».
Я си стану Милошь байрактарче,
Та отоше, кума да си кане.
Ка' отоше при кума Латина:
«Богъ помага куме Латине!»
— «Добро́, добро́, млады младоженё!»
— «Бога тебе, кума господине!
Што си верзалъ тую ру́су главу?»
— «Ситни су ми зуби заболѣли»;
— «Я самъ здравице наточилъ,
У здравице лѣкове натурилъ:
Очемъ, Бога, главу да оздравимъ;
Я додай ми тую де́сну ру́ку».
Я си дойде тую десну руку,
Преда́де му то́й лѣ́па здравица,
И говори Марко Кралевиче:
«Зашто, куме, главу уверза́лъ?»
— «Ситни су ми зубы заболѣли»;
— «У здравице семъ лѣкове ту́рилъ,
Очемъ, богме, гла́ву да излѣкуемъ».
Нема, кума Латина да одверза
Да одверза тую русу главу;
Онъ га вану за десну руч́ицу,
Да предаде́ той златне здравици;

[1]) Въ началѣ пѣсни онъ названъ «Момчилъ».

Кума господина оговори:
«Ситне су ми зубы заболѣли,
Та не смѣемъ главу да одвержемъ».
— «Я семъ, кумо, синочка чуло —
У здра́вице лѣ́кове турило,
Очемъ, богме, да оздравимъ;
Я дай, куме, руку десни́цу».
Кумъкъ да́де руку десни́цу;
Марко га за руку вану́,
И одсѣче му той русу главу.

№ 131.

Село Скрино, Дупнич. окр; 17 дек. 1879 г записана со словъ крестьянина Ангела Рыбаря.

(Алватаръ воевода уводитъ жену Марка Кралевича; Марко убиваетъ его).

Ойде Марко на Косово поле,
На краль да е младый помохчія;
Тамо сѣделъ Марко три годины.
Дочулъ го е Алватаръ войвода,
Та дошелъ, та му поплѣнилъ дворове,
И залюбилъ му любне-то.
Дочулъ го е Марко одъ Косова,
И се чуди, што да чини,
И попраша чорбаджія си:
«Такова ми е книга дофтасала,
Дека ми е дворове́
Поплѣнилъ Алватаръ войвода
И ми залюбилъ любне́-то».
— И рекалъ му чорбаджія:
«Да си викнешь дванаесе терзіи,
Да сошія руба игуменска,

И да зе́мешь калпакъ игуменски,
Да си яхне́шь коне́,
Да си яхне́шь, та да си оти́дешь.
За година бѣше му за мѣсяцъ.
И ойде въ село́-то, па ойде на чешма-та;
Тамо найде моми и невѣсты;
Угледна на една невѣста,
Рече: чія си невѣста?
— Язе Марковѝца бѣхъ,
А сега на Алватаръ войвода».
— Можемъ ли, да поминемъ я
У ваши-те дво́рове?
— Айде, идеме у наши дворове.
И ойдоа у нойне-те дворове.
И рекла млада Марковица:
«Э ты-зи-ка, церно калу́дero!
Дека найде Маркова-то коня,
Дека найде Маркова-та сабля?»
И рекалъ церно калудеро:
«Марко умре на Косово поле,
Та му земахъ коне́ за опѣло,
Сабля-та земахъ за одгреба».
— Чекай малко, да излезнемъ,
Да прашуемъ Алватаръ войвода:
Можешь ли да поминешь ты тука?
И ойде Марковица да прашуе Алватаръ войвода.
И онъ рече: «нека дойде».
И ойде церна калудера,
Ойде на высоки чардеци. —
И она верза коне́ у яхе́ро,
И го пригерна и здравува:
«Мило ми коньче, добре́ ми дошло,
Оте нема Марко да ми дойде».
Дури плачеше, коне́ ока

И потече кервь врезъ нея;
И она викна тогай:
«Алватаръ войво́да испусти вино-то»;
Излезна на высоки чардаци,
Погледна на Алватаръ войвода,
А глава-то отсѣчена.

№ 132.

Соф окр., село Суводолъ; 30 янв 1880 г. записана со словъ крестьянина этого села Жеты Илкова

(Марка Кралевича ищетъ его мать).

Майтя Марко по варошь тражила.
Не найде го у бѣли вароши;
Разбра́ла го у ладни меаны́;
Кога́ биде́ у ладны меаны́,
Нема Марко у ладны меаны́;
Разбрала го у суи пла́днины,
Де-ка гради деветъ заду́жбины,
Кални друми, камени калдерми,
Криви рѣки, те мѣре мосте́ве,
Вода во́ды, одъ деветъ планины,
Чешмы гради по суи планины;
Вода воды, вода не дохо́ды.
Па говори́ не́му стара майтя:
«Фала тебѣ, Марко, моé детé!
Зашто градишь деветъ задужбины?
Даль ги градишь тебе за спомена,
Иль ги градишь мене за проклета,
Иль ги градишь башти за проштенье?»
Одговара Марко добаръ юнакъ:
«Леле мале, леле стара мале!

Ни ги градимъ мене за спомене,
Ни ги градимъ тебе за проклета,
Ни ги градимъ башти за проштенье;
Нель ги градимъ Арватки девойти.
Ние бѣхме триесе юнаци,
Отидохме на ладна меана,
Пихме вино и пихме ракія,
У дружина си чаша посатукна;
Кога́ бѣше рано одъ зарана,
Пойдоа си триесе юнаци,
Тесгетаре порты затвориа,
Редомъ реда редомъ по юнаци,
Редомъ реда, та си чаша тра́жа,
Редомъ реда-редъ клетва да́вае:
Кой се кьлне у бра́та, у сестра́,
А я немамъ у шта да се кьлне́мъ;
Я се кьлнемъ у мо́я-та коня,
И се кьлнемъ у мо́я-та сабля —
Остра сабля-студено́ желѣзо,
Врана коня-кучешка нарана, —
Та не хтеа за вѣра да вана;
Турнаа ме у тевни тевницы,
Та си лежа три година време;
Никой нема кодъ мене да дойде;
Научисе Арватка девойтя,
Ката дена подъ мене доожда,
Ката дена и сака недѣля,
На ручка пребѣло погача,
И на вечера пребѣла баница,
На недѣля пребѣла премѣна;
Па си дума Арватка девойтя:
«Вала тебѣ, Марко, доберъ юнакъ!
Хочешь мене за любе да земешь;
Че да лахамъ одъ башта ключеве,

Че отворимъ той тевни тевници,
Че те пуштимъ низъ тежки зендани».
И Марко ю по ти оговóра:
«Вала тебѣ, Арватко девойтé!
Ты ме пушти низъ тежке зендани,
Я чемъ тебе за любе да узмемъ».
Везéла е одъ башта ключéве,
Отворила той тевни тевници,
Опуштила Марко-те юнака.
Пуштила го низъ тежки зендани.
Пойдé Марко, дóма да си иде;
Онá пойде со-съ него да иде.
Пойдé Марко презъ поле широко;
Останáла Арватка девойтя;
Проговори Арватка девойтя:
«Вала тебѣ, Марко, доберъ юнакъ!
Чекай, Марко, я съ тебе д'идемъ;
Ако нечешь за любе да семъ ти,
Ты ме воды робыня да самъ ти;
Ако нечешь-робыня да самъ ти,
Ты си верни, па си ме погýби»,
А Марко се токо чудомъ чуди —
Да я воды за лю́бе да му е,
Со-съ него чеше га дружина да си бія;
Да я воды-робыня да му е,
Па дружина ше га да си бія:
«Да нéма ли бугарка девойтя,
Та я везелъ арватка девойтя»;
Па се Марко токо чудомъ чуди:
Па си тегна сабля димискія,
Та погуби арватка девойтя,
Погуби е на равни́ дрýмове.
Проговóри Марко доберъ юнакъ:
«Леле мале, леле стара мале!

Ка' ме родишь, што мене поро́ри?
Яли брата, яли мила сестра?»
Я майтя му по́ ти гово́ри:
«Фала тебѣ, Марко, мое дете!
Ка' те родихъ, а я те поро́дихъ,
Породихъ ти брата Андреяша;
Амо дойде Челединъ войвода,
Занесе го на Латина града».
Я Марко го по ти гова́ра:
«Клета да си, моя стара мале!
Клета да си и про́клета да си!
Што не кажешь оште одедавна?
Да си идемъ брата да си тражимъ,
Да си тражимъ брата Андреяша».
Па подко́ва си нодзе у подкови,
Па облече той дервишки дреи,
Направи се лу́да дервишина;
Па си вана Шарга по себе-ка,
Та си ходы одъ града на града,
Та оти́де у Латина града;
Па питуе латински читаци:
«Вала вие, латински читаци!
Де-ка има вино за желтица?
Я да піемъ и конё да поимъ».
Я о́ни нему по ти гово́ра:
«Фала тебѣ, лудо дервешино!
Тука нема вино за желтица,
Тука има младо Андреяшо,
Оно́ дава вино на облога:
Ты да піешь и коня да по́ишь».
Я Марко по ти гова́ра:
«Фала вие, латынсци читаци!
Де-ка са си негови дворове?»
Говореа латынсци читаци:

«Фала тебѣ, лудо дервешино!
Негови са яко лични дворы,
Се дуаре одъ юначки глави,
Я подпоры одъ юначки нодзе;
Нему дворы на-срѣдъ па Латина».
Кога́ ойдé Марко доберъ юнакъ,
Та си найде Андреяши дворы;
Почукналъ е на пребѣли порты;
Излезнала Андреяши либе;
Говораше Марко доберъ юнакъ:
«Фала тебѣ, Андреяши либе!
Да дадете вино за желтица,
Я да піемъ и конé да по́имъ».
Я она́ му по́ ти оговóри:
«Вала тебѣ, лудо дервишино!
Тува нема вино за желтица,
Тука има младо Андреяше,
Оно дава вино́ на обло́га—
Ты да піешь и конё че по́ишь».
Улезналъ е Марко у дворове,
Та си сака вино́ за желтица:
«Фала тебѣ, младо Андреяше!
Да ми дадешь вино за желтица».
Андреяша по́ ти оговóри:
«Да си давалъ вино за желтица,
Сва би града злато позлатило;
А я давамъ вино́ на обло́га—
Ты да піешь и конё да поишь».
Ка' сѣднаа до-двама юнаци,
Направиа голѣма облога:
Марко даде ко́ня изъ-подъ себе,
Андреяше свое первнолибе,
Да си піятъ двѣ недѣли дена,
Да си піятъ да си незадрематъ;

Кого́ напредъ дремка че одреме,
Онъ че дадé голѣма облога».
Ка' се пили денъ-недѣля дена,
Андреяше дремка одремала —
Заспало е младо Андреяше;
Провикна се Андреяши либе:
«Фала тебѣ, лудо дервишино!
Че ме во́дышь у Прилѣпа града,
Тамъ я имамъ, бре, Марка девера,
Онъ че мене одъ тебе да отме».
Проговóри Марко доберъ юнакъ:
«Стани, млады Андреяше!
Просто да е голѣма облога:
Днеська пресвета недѣля,
Стани, Бога да молиме,
Стури капа, Бога да мóлиме».
Когá стана́ младо Андреяше,
Па му дума Марко добаръ юнакъ:
«Справи коня Тютурана,
Да идеме на наши дворóве;
Да си идешь майтя да си видишь».
Справи коня младо Андреяше.
Уяха́наа два добры юнаци,
Уяха́наа до два добры коня́:
Марко яха́на коня Шареяна,
Андреяша коня Тютурана;
Та пойдоа презъ Латина града,
Презъ Латина по тѣсни сокаци,
Калдерме́ изъ темель вертéа,
А терамиды у небеса верчá,
Со-съ колпаци чандіи собаратъ.
Говóраа Латински читаци:
«Фала вама до двама юнаци!
Не зорете ваши добре кони.

Излезнете у сува планина,
Та шéтайте по сува плáнина —
Кой понапредъ вода че посáка».
Ка' шетали до двама юнаци,
Андреяша вода ожеднѣло,
Па си дума младо Андреяше:
«Фала тебѣ, Марко мили брате,
Че си бодемъ коня изъ-подъ себе,
Млогу са ми жеди зажедѣли,
Че си піемъ конски черни́ керви».
Я Марко му по ти оговáра:
«Фала тебѣ, младо Андреяше!
Не боди си коня изъ-подъ себе,
Да си піешь конски черни керви,
Нело иди у гора зелена́:
У горúца-потайна меáна,
На меани Мара меанджійтя;
Она дава винó за желтица,
Ты да піешь и коня да пóешь;
Когá ойдешь у гóра зелена
У горица на ладна меана,,
Ты-зе, младо, одъ коня не слази,
Че е Ммра многу дяволита»,
Богá ойдé младо Андреяше,
Когá ойдé презъ горы зелены,
Оддалекъ го Мара согледала,
На хáйдуци по ти оговáра:
«Фала вие, шесдесе хáйдуци!
Какво лудо презъ горица иде:
На глава му безцано каменье,
И си яхналъ коня Тютурана».
Дори онá дума продумала,
Пристигнало младо Андреяше.
«Фала вие шесдесé айдуци!

Да фанете незнана делія,
Да земетё безцано ка́менье;
Мене дайте безцано каменье,
Да платите, што сте си испили,
Што сте пили на ладны меаны».
Кога́ приде́ младо Андреяше,
Па си сака вино за желтица:
«Фала тебѣ, Мара меанджійтя!
Да ми дадешь вино за желтица —
Я да піемъ и ко́ня да поимъ».
Проговори́ Мара меанджійтя:
»Фала тебѣ, непознанъ юначе!
Я да давамъ вино́ за желтица,
Сва би гора злато позлати́ла,
Нело давамъ вино на облога —
Ты да піешь и коня пое́шь;
Да си слезнешь одъ добра-та коня,
Да улезнешь у ладна-та меана,
Пій си вино́, колико си сакашь».
Слезнало е младо Андреяше,
Улезнало у ладна меана:
У меана шесдесе́ х̑айдуци,
Си-те са му на́ нодзе́ станали,
И въеднагъ го у руцѣ фанали
И руса му гла́ва одрѣза́ли.
Пиле пиште изъ-подъ ясно небо:
«Дигъсе, Марко, да бих̑ се не дигалъ»!
Марко заспало у Доспадъ-пла́нина,
Въеднага е на подзе рипнало, —
И уях̑на́ коня Шареяна;
Та си тергна́ огня́на камджія,
Та удари Шарко по гербина:
Литна Шарко презъ гора зелена,
Та одлете на ладна меана;

Верза Шарка на мала-та врата,
Самъ улезна одъ голема врата;
Улезналъ е у ладна меана́,
Извадилъ е сабля зглобовница,
Завортесе налѣво-надесно,
Та погуби шесдесе́ хайдуци;
Итра била Марка меанджійтя:
Подврела се Шарку подъ копито,
Та бѣгала у росно ливадье.
Уяха́на си Марко, добаръ юнакъ,
Уяха́на си Шарко узобенъ,
Па си тергна́ огняна камджія:
Ка удари Шарка по гербина —
«Де? да найдешь Мара меанджійтя!»
Я Шарко му по ти огова́ра:
«Цверсто, Марко, на мене-ка держшьсе!
Я че найдемъ Мара меанджійтя;
Э, каже, у росно ливадье».
Литна Шарко презъ поле широко,
Та отиде у росно ливадье;
Фаналъ е Марко Мара меанджійтя,
Тергналъ си е сабля зглабовница,
Да посѣче Мара меанджійтя;
Она́ му се вѣрно примолила:
«Немой мене, Марко, да посѣчешь!
Че оздравимъ младо Андреяше:
Какво́ бѣше, поболье че стане»;
Па отиде́ у го́ра зелена,
Та набрала трѣва лѣковачна,
И наточи вода лѣковачна,
Окепала млада Андреяша:
Какво било, поболье станало.

№ 133.

Трен. окр., с Бабица, 24 ноября 1879 г. записана со словъ Арангела Дойчинова.

(тоже).

Тражи майтя Марка юнака.
Тражи майтя него у горне мене,
А найде га дольне меане:
Марко ніе со-съ брайтя, со-съ дружина;
У дружина чаша погинула,
Меанджійтя чаша тражи у дружина—
Кой се кьлне у брата, у сестра,
Я Марко се кьлне у коня шаренóга,
И кьлне се у сабля ржавúца;
Я Марко дружина невѣрче:
Тако д'[1]) Бога, Марко Кралевиче!
Зашто си кьлнешь у коня шаренóга,
У шаренога коня и у сабля ржавица?
Конéкъ си е пчешко месо,
Сáбля си е желѣзо студéно!
Марко си паде у невѣрось.
Па се Марко зáвика,
И сьлзе рони низъ бѣле образье.
Па си вану коня Марко Кралевиче,
Та си уойде дома на двóрове.
Сегледа га негова-та майтя:
«Тако д' Бога, сину Марко!
Зашто одышь по дворъ —
Бѣле сьлзе ронишь,
Бѣли персты кьршишь?»
Проговóри Марко Кралевиче:

[1]) т. е. тако ти.

«Вала, мале остарѣло!
Ка' ме роди, што ме не породи?»
— «Породи́ ты сина Андреяша,
Ама га су Турци закара́ли».
— «Даль е, мало, далекъ, иль е близа?»
— «Ни е, синко, далекъ, ни е близа:
Одъ вечера коня да посправишь,
За́рани рано да подра́нишь —
Да си рано подранишь,
Рано коня да назо́бишь,
Да си отидешь презъ поле широ́ко,
Рано че стигнешь тамо;
Че найдешь Ана меанджійтя,
Она че ты каже, сину, Марко».
И оно си е одвечеръ коня́ посправи́ло,
Зарани си е, рано подрани́ло,
Па си я́ну ко́ня шарено́га:
Тури лѣву ногу у зенгія,
Доръ да тури десна нога у зенгія,
Оно се отиде презъ поле широ́ко,
Та си дойде при Ана меанджійтя:
«Помози Богъ! Ане меанджійтя!»
— «Далъ Богъ добро, непознанъ деліё!»
— «Очешь мене да давашь вино немѣрено?
Да ти давамъ паре неброене».
Она му дала вино немѣрено,
Онъ ю дава паре неброене:
«Тако д' Бога, Ане меанджійтя!
Дали има одъ мене по-юнакъ?»
— «Тако д' Бога, Марко Кралевиче!
Има одъ тебе по-юнакъ-братъкъ Андреяша».
— «Даль е да́лекъ, иль е бли́за?»
— «Да отидешь презъ поле широко,

Че да видишь Андреяшины дворы:
Андреяшины куле́ направене со-съ юначке главе,
А негови дворы направены со-съ юначке руке
И омазане со-съ юначке кърве.

№ 134.

Г. Радомиръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моравскаго.

(Марко убиваетъ Динче Арнауче, ограбившаго его дворы).

Марко кани ора и гра́дове,
И покани до деветъ кра́ины,
И покани́ до деветъ кралёве,
И покани́ до деветъ крали́цы,
Салъ некани Динче Арнауче.
Дума дума Марково-то любе:
«Како кажатъ тія добры гости,
Млого сладки Марковп-те гозби,
Салъ да има рыба одъ Ори́до
И ракія одъ Демиръ-капія».
И Марко си дума продумуе —
Продумуе на негово любе:
Посправи ми коня Шаргови́та,
Че да идемъ, да си донесемъ
Рыба одъ Орида и ракія одъ Демиръ-капія». —
Бутна́ ко́ня Марко Кралевико,
Та го бутна́ низъ поле широ́ко,
И настана низъ тесны клисуры;
У срѣшта му Динче Арнауче:
«Добра срѣшта, непознанъ деліе!»
— «Далъ Богъ добро, непознанъ юначе!»
И Марко се малко изместило,
И си веднагъ на коню продума:

«Това си е Динче Арнауче.
Како мие сега да пра́виме?»
И про́дума ко́ня Шарговита:
«Я ме верни мене назаде-къ».
И Марко е ко́ня послуша́ло,
И си верна́ коня Шарговита;
Какъ си верна́ коня Шарговита,
И достигна́ Динче Арнауче:
«Добра стиджа, непознанъ деліе!
— «Далъ Богъ добро, незнане юначе!
«Каде́ си коне́ уберзи́ло?
И Динче му тогай продумало:
«Че да идемъ на Марковы дворы»
— Зашто идешь на Марковы дворы?»
— Че да идемъ, дворы да му похарамъ,
И госке да му погубимъ».
И Марко се заплакало;
А коня́ го допитало:
«Зашто платьешь Марко Кралевико?»
И Марко му дума продумуе:
«Како́ да не плачешъ?
Че си ойде Динче Арнауче,
Че си ойде на мои дворо̄ве
Дворы оче да ми похара,
И госке оче да ми ѵбіе».
И тогай си коню продумуе,
Продумуе коню Шарговиту:
«Слушай мене, Марко Кралевико!
А си верны, да го дости́гнеме».
Бутна́ ко́ня Марко Кралёвико,
И достигна Динче Арнауче:
«Язе не семъ непознанъ деліе,
Нело семъ Марко Кралевико».
Въеднага одъ коня се стурия:

Една́ страна кончета се бія,
Друга странъ юнаци се бія;
И є одвиль коня Шарговита,
И накаралъ на Динче Арнауче ко́нё,
Накаралъ го тридеветъ лакти у земи;
А преверналъ Динче Арнауче,
Преверналъ Марко-те юнака;
И си дошелъ коня́ Шарговѝта:
«Леле, Марко, мои́ чорбаджіе!
Я си бъркни у десна-та чижма,
Та извади ноже́ потайниче,
Та го муши у клето-то серце».
И Марко е ко́ня послуша́ло,
Та извади́ ноже́ потайниче,
Та го муна у клето-то серце.
Тогай Марко-ти продума коня,
Продума коня Шарговита:
«Я се ме́тай мене на ра́мена!»
И Марко е ко́ня послуша́ло;
Бутнало го низъ поле широко,
И си ойде до Орида града —
Земало е рыба одъ Орида
И земало е ракія одъ Демиръ-капія,
Па-й се однесе на негови дворы,
И си піе вино одъ три го́динъ,
И си піе лютица ракія,
И казуе негови дружина:
«Што-то бѣше Динче Арнауче —
Бѣше пошло́ на мои́ дворо́ве,
Дворы да ми поара,
И госке да ми убіе;
Алъ него семъ я погубилъ
Со-съ ноже-то пота́йниче.

№ 135.

Вран. окр, на границѣ съ Лековскимъ, с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ Илiи Николина.

(тоже).

Темби чини цара Сулеймана:
Да не иду по Стамбола града,
Да не иду ти добры юнаци.
Да не пречу сабле по меане,
Да не пію вина и ракіе.
Той негледа Марко Кралевиче;
Но си иде по нова пазара,
И си пречи сабля по меане,
И си піе вино и ракіе.
Той согледа царе Сулеймане,
Па, ми, вика по нова пазара:
«Кой се найде юнакъ у мейдана
Да погуби Марка Кралевича,
Да дашчю му пóла мое благо».
Никой не би се нашéлъ;
Туй се найде Гине Арнауче,
Та уяне тенко Бедовіе,
Право иде у меана нова
И казуе:
«Чуешь мене, Марко Кралевиче!
«Ты изиды овамо мейдана —
Оче мие мейданъ да дѣлимо».
Ту изиде Марко Кралéвиче,
Па увати Гине Арнауче —
Обѣ му е руке изломио,
А ние го свóга погýбио.

№ 136.

Село Верба, Радомірскаго окр., 30 ноября 1879 г. записана со словъ Мины Стоянова.

(Янко юнакъ освобождаетъ Марка Кралевича, взятаго въ плѣнъ Турками въ Охридѣ).

Поканилъ Марко това добра гость:
Седемь краля одъ седемь крáины
И три владыки одъ три краины;
Си-те крали поканúло
Пай си-те дойдó,
А найпослѣ дойде кралица довица.

И сѣднали у чесны тарпе́зы.
А кралица маана нашла:
«Добаръ Марко добаръ госба прави.
Добаръ госба за гладны юнаци,
Добро вино за піяны жены;
Оти нема ракія
Одъ Демиръ-капія,
Оти нема рыба
Одъ Орида града?»
И тогай си Марко слютилъ,
И уяна Шарца добра коня,
Та отиде на Орида града,
Да си тражи рыба одъ Орида;
А тамъ го су Турци уловили;
А онъ си лѣпо имъ измолюе:
«Опуштете ми тая десна рака,
Да испишемъ тое бѣло книже,
Да попратимъ на моя-та майтя,
Да се майтя на сына не нада».
И тогай се Турци несвѣстили:
Опуштили тая десна рака;
И исписа Марко тая бѣла книга,
Та я прати на негови шура,
На юнакъ Янко Ко́совче;
И я пратилъ по сиво соколе,
Ошь побърже Янко да приде.
И соколе тамо оти́де,
Даде Янку книже да пречати.
Чети книже Янко Косовче,
И него со сълзи оми́ло.
И въ еднага Янко яна
Яна коня Пелифана,
И отиде на Орида града.
И тогай се Турци нарипа́ли,

Та му даю това руйно вино.
А оно си вино не пріима,
Нель извади тóя остра сáбля;
Та погуби Турци янычари
И па Марко думу издумае:
«Да не може ли съ брайтя да піешь,
Нель си піеша съ курви и съ гедіи?»
— И тогай е Марка одвезало. —

№ 137.

Село Верба, Радомірск. окр, 29 ноября ноября записана со словъ того же крестьянина.

(Король Вукашинъ не зоветъ на пиръ Марка Кралевича и Грую-дитя).

Поканиле[1]) краля Вукашина,
Уканиле[2]) сичке околúне,
Салъ не канúль Марко-то юнакъ
И неканиль Груѐ малко дѣте,
Дека су се многи пьяници
Вино заодили, у ракія незнаúли,
А на ножéве дюреячіи,
А на коне́ бинекчіи;
Оттова не хтѣлъ да ги кани.
Аль си иде Груя малко дѣте:
«Леле, уйте, леле Марко!
Поканиль е краля Вукашина,
Поканиль това́ добро́ госбе,
Салъ не каниль мене и пай тебе;
Айде, д'идемо пи каниты, ни фризены.
А яна́ли тія добри кони,
Та отишель краля Вукашина.
Излезнало това добро госте,

[1]) Т. е поканилъ е.
[2]) Тоже.

Та срѣшнало Марко-то юнакъ,
Да му земе Шарца добра ко́ня,
Да го земе, да го шетатъ;
А онъ имъ говори:
«Онъ е ученъ-самъ че шета«.
Па си сакая Грую детенце,
Да шетая конче троегодче;
А онъ имъ говори:
«Не ватайте конче троегодче,
Че го учи учива конь».
И сѣднали чесны тарпе́зи:
Слуга имъ е Роселинъ девойтя;
Редомъ чаша служи;
Редъ дойде до Груя детенце,
А него е подминала;
А оно имъ говори́ло:
«Чуете това́ добро́ госте!
Имате ли облокъ за девойка?»
А о́ны му гово́ря:
«Има, та како́ не́ма —
Ту е Біоръ-планина,
Еденъ езеръ има и пай не́ма,
Други езеръ има и пай не́ма,
Трети езеръ дърво езерливо,
У дърво-то до три златны ябуки;
Кой то може, да та ябука одкине,
Онъ че земе Руселинъ девойка».
— Въеднагъ рипна Груя детенце,
Да посправя конче троегодче;
А му Марко дума:
«Я си карай моя Шарца
Шарца-добра коня;
Онъ ишель, онъ че те води, —
И што дума, него да слушашь».

Кадъ си ойде на бистро озеро,
Па му-нему дума:
«Леле Шарцо, леле добро коню!
Да ли я ябука да кинемъ,
Ели дерво да вадимъ»?
И онъ му-нему говори:
«Ако можешь, дерво извади».
И она е дѣрво извадило,
Извадило-побѣгнало.
Излезнали до три вили-самовили,
Самовили тія яшни кучки;
Па ему една-та ока:
«Я постой Груе дете!
Я ти дадемъ тая златна форма».
А оно си па отбѣгло.
Одока го друга кучка:
«Э, ме чекай, Груе детенце!
Че дадемъ тая златна тепсія,
У тепсія златне пилишта [1])».
А оно си па отбѣгло.
Па му третя ока кучка:
«Я почекай, Груё-малко дете!
Я дадемъ тая златна софра,
На софра това безцани камени:
Кадъ вечерашь, сами те да свѣта»;
И она му коня позапрело.
Стигнаа него три вили-самовили,
Тамъ су мрѣжю уплели;
А конекъ му по-ти оговори:
«Изведъ това остра сабля,
Та ю пушти меджи предни нозе,
Да исѣче тая ситна мрѣежа,

[1]) птички.

Умѣри-то у клетно серце,
Да се сетимъ за младиéтъ вака-тъ».
— Уритни га у клето серце,
Та излетѣлъ у поле широ́ко
И изнекалъ до три вили-самовили.
Па му конё по́-ти оговори:
«Чуешь мене, Груё дете!
Я си вежи до три самовили,
Двѣ си вежи мени за зенгіи,
Третя вежи мени за опа́шка».
Па одлете у кралевы дворы,
И е побиль[1]) това́ златно де́рво,
И везаль е до три вили-самови́ли;
А они се чудомъ почудили,
Какви юнаци отидоа,
Никой неможе да се пове́рне;
А това е Груё дете:
Довело три ви́ли-самовили
И зема́ло Руселинъ-девойтя,
Та земало си за любе.

№ 138.

(Загорье) Берков окр. с. Чипоровци (Турцаки); 20 февр. 1880 г. записана со словъ Симы попъ-Маркова.

(Марко отыскиваетъ своего брата Андрея).

А собралисе дванаесе деліе
А дванаесе деліи-све добры юнаци
А ю Стамбола града голѣма, *(повторяется)*.
Ю ладне меане,
А то пію́ а това́ руйно вино;

---

[1]) Т. е. *всадилъ въ землю*.

А наймладо меанджійче
Това руйно вино служише —
А руйно вино служише,
А съ чашка злата, позлащена;
А штукнала е чашка позлатена
А между́ двана́есе добры юнаци;
А задирало е младо меанджійте
А задирало чашка позлате́на —
А кой, ми, се кьлне у брата,
А у милу сестру,
Я Марко доберъ юнакъ—у коня Шаркалію,
У коня-ки́село месо,
И се кьлне Марко доберъ юнакъ
А ю саблю мегданлію;
Сви добры юнаци Марку подсмиваю,
Че се кьлне Марко у коня Шаркалію
И се кьлне у саблю мегданлію:
«А ю нега е чашка позлатена!
А за това́ се Марко кьлне
У коня Шаркалію и у саблю мегданлію»
А Марку, ми, се много нажалѣло:
А изведе́ ко́ня Шаркалію
А та па усѣ́де коня Шаркалію́
А та па, ми, Марко отиде,
Отиде кодъ майку дома.
А та па се Марко мо́ми прови́кна:
«А чуешь ли мене, старо майчице!
А кага́ мене, мамо, роди,
А заште ме, мамо, не породи́ —
Я брата, мамо, да имамъ,
Я и сестру, мамо, да имамъ?»
— «А мама те, сине, породила:
И ты, сине, имашь младо Андреяше,
А и си имашь сестру Петкану;

А кога́ бѣше, сине, первня разми́рица,
А тегай су ги мали заробѝли;
А да диришь, сине, брата Андреяшу
А да диришь у Невенъ града голѣ́ма,
А да диришь сестру Петкану
Ю Дуката града голѣ́ма».
А и оно́ си стегна коня Шарканлія,
А юдари́ му сѣдло позлатено,
А па, ми, оти́де у Невенъ града голѣ́ма;
А ю срѣ́чу му мла́да девойка;
Л Марко си думу продума́ло:
«А де-ка во́да за піенье?
А или да има вино за піенье?»
А она му дума продумала:
«Ту-ка вино за піенье,
Ту-ка нема вода за піенье;
Само има на едно мѣсто
На едно мѣсто вино за піенье,
И оно́ на обло́гъ да го піешь,
А съ пары нема да го ку́пишь».
А, ми, Марко пита:
«Де-ка е то́ва вино,
Што на облогъ да піемъ?»
А мома дума проговори:
«Ту-ка има вино за піенье,
Ту-ка има младо Андреяше?»
— «Де-ка сѣди младо Андреяше?»
— «Разиграй коня Шаркалія,
Разиграй низе тевни чаршіе:
Де-ка найдешь порта позла́тена,
Тамо сѣды́ младо Андреяше».
Намѣрило Марко порта позла́тена:
Шь(=съ) чизма біе порта позла́тена,
Порта, ми, се изъ темель круте.

Излезна́ло Андреяшево-то либе:
«Што работышь незнаны деліё?
Та, ми, біешь порты со-съ чизмы
И си изъ темель крутешь?»
— Ту-къ ли сѣдьі́ младо Андреяше?»
— «Тука сѣдь́ младо Андреяше;
Амо ту-ка нема сега».
— «Али има ви́но за піенье»?
— «Има вино за піенье:
За облогъ да піешь,
Съ пары нема да ку́пишь».
Изведе га на висо́ки ча́рдаци,
Па изне́се то́ва руйно вино.
Па си пита Марко добаръ юнакъ:
«Али знаешь дали има Андреяше
Да ли има младо Андреяше брата?»
— «Има брата Марко, доберъ юнакъ,
Амо га незна́е».
Продумалъ е Марко, доберъ юнакъ:
«Я самъ Марко Кралевитье!» —
Марко и неговъ братъ Андреяше
Голѣма́ су веселба́ направи́ли;
Младо Андреяше сака,
Да си иде съ Марко, добаръ юнакъ,
Да иде, майку да ви́ды.
Излезнаше на поле широко.
Продумало младо Андреяше:
«Тако м' Бога, Марко, добаръ юнакъ!
Айде, да правимо юначки юришь —
Да видимо, кой е по-юнакъ?»
Марко, ми, е продумало:
«Да правимо два брата юначкигоришь!
Кой виды, че ны завиды,
Кой чуе, че се зачуды —

Два брата юначки юришь да правя!
Нело чеме настане Димска пла́нина:
Тамо нема вода за піенье,
Тамо нема вино за піенье;
Три дни че одымо и три ночи,
Нигде сѣньтя нема за сѣдѣнье;
Тамо че видимо-кой е по-юнакъ».
Настана́ше Димска-пла́нина;
Та си оде три дни и три ночи;
Млого, ми, се Андреяше младо
Млого за воду до́сади:
Извадило влашко ножленце,
Та си коня бодеше,
Та му кервь піеше.
Продумалъ е Марко добаръ юнакъ:
«Небоды́ коня ранена,
Непій туя конску кервь;
Нело ту-ка има дълбока падина:
У пади́ну-ту има ладна меа́на,
И тамо има Мара меанджійтя,
Тамо има вино за піенье».
Настанаше дълбока пади́на;
Разсѣдлаше тія добри ко́ни;
Та си леже Марко да по́спи;
Я младо Андреяше отиде на ладне меа́не:
У меане четыресъ юнаци сѣду́;
Како́ улезе мла́до Андреяше,
Така му гла́ву отсѣкоше.
Сънъ сенуе Марко доберъ юнакъ:
«Излезне́ше три люте зміе,
Та уапаше младо Андреяше»;
Ка' се рыпне Марко добаръ юнакъ,
На́ уста му огень Ферина́ло;
Та отиде́ на ладну меану:

«Камо младо Андреяше?
Мара меанджійтя думу одговара:
«Ту-ка младо Андреяше не е дооди́ло—
Ова е годинъ девета,
Како ту-ка не е минуло».
Ка' улезе Марко, добаръ юнакъ,
Ка улезе ладне меане,
Тамо найде мертво Андреяше;
Та истерже Марко саблю мегданлію,
Та погуби четыресъ юнака.
Останала Мара меанджійтя;
Онъ ю фати за русу косу:
«Че ти рѣжвмъ русу гла́ву,
Ако недашь младо Андреяше».
Продумала Мара меанджійтя:
«А почекай Марко, доберъ юнакъ!
Да донесемъ живу во́ду,
Да поля́емъ младо Андреяше,
Да оживѣе младо Андреяше».
Ка' доне́се Мара живу воду,
Та, ми, полье младо Андреяше,
Та оживе младо Андреяше.
Тагай Марко добаръ юнакъ
Одрѣзало ю главу
И па-й приказало:
«Ты си млого юнаци загубила,
Сега я тебе да загу́бимъ».
Та усѣднаше оба брата,
Та усѣднаше тія добры ко́ни,
Та оти́доше майти на дворо́ве.
И си виде́ майтя млада Андреяша.
И како́ ю майка виде,
Въеднагъ му душа́ испадла.

№ 139.

Трен окр., с. Бабица, 22 ноября 1879 г записана со словъ Божиля Янкова (тоже).

Собра́шесе седемдесе́ юнаци,
Собрашесе на ла́дне меа́не,
Да си пію те ру́йно вино́;
Слуга имъ Дюрде-Еленъ девойтя;
Редома е ча́ша предавала;
Сви юнаци чаша приванали;
У юнаци чаша погинула;
На юнаци кле́тва че давая —
У кога́ е чаша погинула?
Кой се кьлне у брата, у сестра́;
Марко нема у што́ да се кьлне́:
Онъ се кьлне у сабля димескія
И се кьлне ко́ня шарено́га;
Марку си клетва невана́ло —
Марка си беля́ обѣдила;
Марку си вьрло нажалѣло,
За правину беля́ обѣди́ло.
Марко яха́ ко́ня шарено́га,
Та че да иде на него́ви дворо́ве,
Да си питуе туя стару майтю —
Дали има, да е породила
Я братъ, я сестру?
Дошелъ Марко на свои дворо́ве
И питуе свою стару майтю.
Я майтя му по тію оговоре:
Да ты имаше брате́ Андреяше—
«Кога́ бѣше пьрвня разми́рица,
Тага́ я младо заробише,
Заробише и га закара́ше,

Закараше га камъ-то истоку».
Че иде Марко да си брата тражи.
Отишéлъ е на ладне меáне,
Тамо има Неда меанджійтя:
«Помодзъ Богъ, Неда меанджійте!
Я изнеси еденъ чеберъ вино —
Я да піемъ, кóня да напóимъ»;
А онá-си емý по тія оговáри:
«Слезни, брате, у ладне мехáне,
Ты да піешь и кóня да напóишь;
Марко Неди говóраше:
«Де изнесúи на дворъ вино —
Я до піéмъ, коня́ да напóимъ:»
Неда си изнела чéберъ винó:
Марко пило и коня́ напóйло.
Па си слезе Марко Кралéвичь,
Та улезне у ладне мехáне:
Ка' улезна у ладне зевницú,
Тамо нáйде шесдесé айдýци,
Тамо нáйде на брата глáву
На братъкъ Андреяшь;
Та си айдуцú играю тúтру;
Айдуци му по тія оговоре:
«Бога тебе, непознанъ деліё!
Сѣди малко, вúно да піéмо»;
А онó си има по тіе оговоре:
«Че ви играмъ калуджерско óро».
Поигрáло калýджерско óро,
Завьртело саблю нáлѣво, нáдесно,
Та посѣкло шесдесé айдýка;
Па си вана Неда меанджійтя:
Намаза ю са-съ катранъ
И запали Неду меанджійтю;
И си сѣдé три дни и три пóчи;

Зе си пи́ло и па-и руча́ло,
А Неда му све свѣчь свѣти́ла.
Па си узе Марко Андреяши гла́ву,
Та ю тури у зобни́це
И однéсе на негови дворы
При туя стару майтю;
Па исока туя стару майтю:
«Леле майте́, леле старо мале!
Я излезни, да видишь —
Тая ли Андреяшева глава?
И излéзла тая стара майтя:
Имало Андреяше имало
Златно влакно́ у главу́-ту.
Та познала стара майтя
Тія Андреяшина глава́.

№ 140.

Село Бабица, Радомірскаго окр., 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божидя Янкова.

(тоже).

Пію́ вино трои́ца дружина:
У дружину чаша погинула;
На дружина се клятвина пада:
Кой се кьлне у брата, у сестру́,
Яли Марко нема́ ни брата ни сестру́—
Не му се чаша предѣлила;
Та си платиль чашу у дружина,
Па си ойде при негову майтю,
Пи на майтю по ти оговори:
«Ка' ме роди, шта ме породи —
Яли брата, яли милу сестру?»

Одговори майтя на сина-си:
«Леле синко, леле Марко!
Ты си имашь брата Андреяша,
Малечкога ю Турци заробише,
Заробише и па откараше».
— «Леле мале, моя стара мале!
На ку́де га мала закараше?
Да ли откуде сълнце изъоди,
Или одека запада?»
—«Одкараше га мала камъ по истоку».
—«Дали, мале, нешто нишанъ има?»
—«Има, синко, да како́ си не́ма:
На́ ногу га свиня́ уапала:
На главу му до три златна влакна».
Яну коня́ Марко Кралевичъ,
Да си тражи брата Андреяшу;
Та на́стану презъ горе зеле́не:
Два дни оды, воду не нао́ды;
Па си найде́ той ладне меане́
И отиде́ вино́ да си пие́;
Сипа́ вино́ млада меанджійтя —
Вино піе Марко Кралевичъ;
Питала за млада меанджійтя:
«А чуешь мене, непознанъ деліе!
Дали знаешь Марка Кралевича?
Мой стопа́нинъ-онъ е Андреяша,
Онъ си има брата Марка Кралевича,
Одъ нега се юнакъ по-не-мало».
Тагай рипи Марко Кралевичъ:
Тержи чизму, та му съобу —
На но́га га свиня́ уапа́ла;
Тержи калпакъ, та му калпакъ стури —
На главу му до три влакна златна;
— «Да ты се си, брате Андреяшю?» —

— «Да я самъ-си, Марко Кралевичъ».
— «Айде, брале, при майтю да идемо».
Седѣли су, та су вино пили —
Вино пише три недѣли дена. —
Та-й пойдоше предъ майтю да иду.
Андрее водицу ожедненъ:
«Леле, брале Марко Кралевичъ!
Чу да бодéмъ коня́ съ-подъ себе,
Че да піемъ тіе черни керви»;
А Марко му таде продумало:
«Немой, брате, коня́ да си бóдешь;
По-тамъ има айдучке меане:
Терчи тамо вино да си піешь».
Отидé да си піе винó;
Тамо има до деветъ айдука:
Искочише до деветъ айдука,
Та срѣтнуше брата Андреяша —
Сви-те деветъ по чашу дадóше;
Испилъ си е Андреяша до деветъ чаша,
Па улезне у ладне меане;
Посѣкоше брата Андрея́ша;
Почека га Марко Кралевичъ,
Па си нема Андрея да дойде;
Бутну коня Марко Кралевичъ:
Како отиде на ладне меане,
Тамо сѣди млада меанджійтя,
Она сѣди — бѣле сълзé рóни;
«Помозъ Богъ», младо меанджійтё!
Имашь ли си вино, за піенье?»
— «Имамъ, да кудé не имамъ;
Слезни да си малко вино піешь,
Люби мене, колико ти драго».
Кадъ си слезе Марко одъ Шарца-си,
Та улезе у ладне меанé и види:

Погинулъ е братъ му Андреяша;
Извадиль е тая остра́ са́бля,
Та посѣче до деветъ айдука;
Па улови младу меанджійтю,
Умаза ю у катрану и у восакъ;
Па си узе́ гла́ву и трупину,
Застави си брата Андреяша —
Како си бѣше, пакъ тако стана́;
Тагай запалише младу меанджійтю:
Она гори, оны вино́ пія.
Пише вино три дни и три ночи. —

№ 111.

Село Батеновци. въ 6-ти верстахъ отъ города Радоміра; 26 ноября 1879 г. записалъ со словъ старика Анты (Антона).

(тоже).

Пили вино педесе́ другара,
Пи́ли вино у ладна меана;
У дружина чаша поштукнала,
Сви юнаци клетва постигнала:
Кой закьлне у брата и у сестра,
На не́га бѣля́ не́ма, да ю стиза;
Люты Марко ни то брата,
Ни то сестра има.
Сва дружина на Марко бѣля́ туря;
Онъ закьлне у вѣрна коня,
А дружина го за вѣра не ватая:
За што конёкъ е чешко[1]) месо;
И па се Марко кьлне у остра-та сабля,

[1]) Т. е. пчешко—собачье.

Па нега дружина за вѣра неватая:
Зашто тая сабля студено́ желѣзо.
Па се Марко на меана заплака́ло,
Па си ойде кодъ негова стара майтя.
Пай на майтя по́ ти говори:
«Тако м' Бога моя стара майтя,
Кога́ мене роди, одъ мене не породи́—
Я братъ бѣше породи́ло,
Я сестра́ бѣше породи́ло?
Тагай си Марко майтя измами́ло.
— Та му каза, де е братъ зарóбенъ,
И сестра и она ему заробе́на.
Тагай рипна́ Марко на юначке но́ге,
Та нара́ни тая вре́дна коня́ —
Емъ го рани, ему дума думи:
«Тако м' Бóга, мой доберъ Шарко!
Я ми ру́чай трава детели́на;
Кога бъде рано одъ зарано,
Че ми брата да тражи́мо».
Майтя му се люта лѣпо заплака́ла:
«Зашто, синко, мене измами́ло,
Зашто симъ теби брата каза́ло,
Зашто ти е братокъ одавна заробенъ:
Одкара́ли га Турци-Лечане,
Одкарали га су у Лечана града —
Я братокъ ти млада Андреяша».
Ка' е било рано од зарано,
Марко яна́ та́я вредна коня,
Та га бутна презъ поле широ́ко,
Та отиде́ у Лечана града,
Та отиде́ на лечански чешмы,
Па зате́че девойки-Лечанки;
Кога Марко викна на девойки-Лечанки:
«Добро ютро, Лечанки-девойки»!

Изъикна́ла мома́,
Та проговори на Марка Кралевича:
«Далъ Богъ теби, Марко Кралевиче»!
Марко тогай по ти говори:
«Тако м' Бога, моме́ лечáнко.
Да одека знаешь, я самъ Марко Кралевичъ?»
— Па мома́ по ти говори:
«Я те знаемъ:
Кога одъ люте-те раны лежаше,
Моя майтя тебе мекъ лекъ тураше,
А я ти-тебе вода студена приноси́хъ;
За това́ тебе знаемъ,
Дека си Марко Кралевичъ».
Па си ойде Марко Кралевичъ
На лечанска джамія,
Та затече Турци-Лечане, —
И Марко у джамія улезна́,
Сви су Турци изъ джамія побѣгна́ли,
Самъ остало оджа Мамудъ-ойджа;
Па се чуде оджа,
На-каде побѣ́гне;
А Марко му по ти говóри:
«Фала оджа, фала Мамудъ-оджа!
Зашто си толко уплашила?
Ты си вѣренъ, вѣрно че те прашамъ;
Да ми кажешь:
Дали има тука млады Андреяша?»
— И онъ му каза́лъ, дека има
Юнакъ Андреяша найболи.
«И да ми кажешь, дéка има
Винó добро и та лютá ракія?»
— И каза оджа Мамудъ-оджа:
«Тамо има у млада Андреяши,
Тамо има добрó вино и арна ракія».

Тагай исправи Марко,
Та отойде кодъ брата на́ госбе.
А на млада Андреяша три девойки
На главу му стоя́;
А млади Андреяша на сънъ заспало;
А Марко му у дворове улезна̀ло,
А любе Андреяшино на чешма́ зате́кло,
Пай си любе на Марко те говори:
«Тако м' Бога, непознанъ юнакъ!
Зашто шеташь по наши дворо́ве?
Андреяша си мало заспало;
Ако си обуди Андреяша,
Може те младо да погу́би».
А Ма́рко по ти гово́ри:
«Тако м' Бога, моя младо снао!
Я ми кажи, дека младо Андреяша,
Я чемъ код нега госъ.

Конца пѣсни сказитель недосказалъ въ точной послѣдовательности, а прибавилъ лишь: «Па послѣ гостовали, здравовали и познали, да су брайтя». При этомъ сказитель замѣтилъ, что сначала, прежде чѣмъ они узнали другъ друга, дѣло доходило до опасной ссоры между братьями; но эту ссору устранило золотое яблоко, которое показалъ Марко Кралевичъ, то самое яблоко, которымъ они въ дѣтствѣ играли. —

№ 142.

Вранскій округъ (въ Серб. княж.) с. Мачкатица; 3 Марта 1880 г. записана со словъ крестьянина Ильи Николина.

(Смерть Андрея, брата Маркова).

Вино пію́ два брата родье́на,
Вино пію́ Марко и Андрее;
Па овако Андра проговара:
«Вала тебѣ, Марко Кралевиче!

Е самъ чуо и люды казую,
Да смо мие найдобры юнаци;
Айд' идемо у Рогожь-планине,
Да видимо, кой е болье юнакъ?»
Проговора Марко Кралéвиче:
«Чуешь мене, Кралéвичъ Андрéо!
Немой ити у Ротожь-планины:
Нама че се люды насмѣяты;
Айде, мие жеду да терпимо:
Кой више жеду утерпѣте,
Той е, есте, болій юнакъ бити».
Па терпѣше двѣ недѣли дена.
Проговара Кралевичъ Андреа:
«О, мой брате, Кралевичу Марко!
Отю колемъ Вранца одъ мегдана,
Да тю піемъ тія церни керви:
Млогу ми су жеде надолѣле».
Проговáра Марко Кралевичъ:
Немой, брате, не коли си коня;
Не мой, брате, не чини си штета;
Ели видишь ту суу елу?
Ту има такой нова меана,
У меана Мара керчмарица;
Ты, ми, йды, винó да ме піешь»;
Туй отиде Кралевичъ Андреа.
Оддалекъ го Мара согледала;
У меане трúесе айдука;
Па овако имъ бесѣдаше:
«Чуете ли, триесе айдука!
Те иде еденъ доберъ юнакъ!
Дайте мене триесе дукáта,
Да уватимъ това юнака»;
Дадоше нёй триесе дуката.
Туй ми дойде Кралевичъ Андреа:

«Помози Богъ Маро керчмарицо́!»
— Богъ помогалъ, непо́знанъ деліё!»
— Чуешь мене, Маро керчмарицо!
Изнесе ми е́денъ чаберъ вино,
Кои вата семдесе́ ока».
— «Ты у́иды у нове меане,
Пій ми вино, а пій ми ракію,
Нетю тебе ни пару узеты:
Эте деветъ годинъ дена,
Како ни самъ юнака видѣла».
Онъ уиде у нове меане;
Видоше га триесе айду́ка —
Смакошесе еденъ до дру́гога,
У версъ мѣсто начинише;
Сви му триесъ наздра́вую —
Сваки шаволь [1]) по двана́есъ ока:
«Пій, Андро мустатьна накваша!»
Богъ убіе Мару керчмарицу!
Она д'иде длубоке по́друмы,
Изнесе му еде́нъ чаберъ вино,
И на́тури свакояку травку,
Понайвише траву дренбуличе.
Испи Крале́вичъ Андреа;
Па задрема доберъ юнакъ;
Туй, ме, стаде едно туре младо —
Ману саблю, одсѣче му гла́ву.
Сенъ сенио Марко Кралевиче,
Сенъ сенио у Рогожь-планина;
Чимъ се диге, одма го казу́е:
Яо мене! до́ Бога еднога!
Каковъ се сенокъ сенувало
Декъ ми Шарцу гры́ва опаднула,

[1]) Чаша.

Той по́гину Кралéвичъ Андреа.
Па уяна Шарца добра ко́ня,
Право иде у нове меáне;
Оддалекъ го Мара согледала
И казуе:
Чуете ли триесе айдука!
Эте и́де едéнъ добаръ юнакъ!
Отю него вама увати́ты».
Кадъ, ми, дойде Кралéвиче Марко,
Па, ми, видо одъ Андрею главу,
Одма верже Шарца за врата,
И улезне у нова меана:
Па извади саблу одъ мейдана,
Одъ триéсе и шесé начина,
И посѣче триесе айдука;
Стаде бѣгатъ Мара керчмарица;
Проговáра Марко Кралéвиче:
«Стани, Маро! живъ те Богъ убио!
Ёште ючеръ да си стала бѣгатъ,
Данасъ би те Марко уватио,
Обѣ бѣ ти очи извади́о».
Па ю стиже Марко Кралéвиче,
Обѣва очи извади,
Десну руку одсѣче,
Па даде стотина дука́та:
«Бирай, Маро, по горѣ юнаци.

№ 143.

Соф. окр. (поле), село Сеславци; 3 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Іованчи Иліева.

(Марко (Кралевичъ) присуждаетъ взять дѣвушку тому изъ юнаковъ, который принесетъ изъ-за Дуная дафиново дерево).

Вино піятъ тридесетъ деліи
Вино піятъ и ракія
У меана подъ Демиръ-капія;
Слуга имъ Деница е девойка,

Служи имъ и редомъ чаша предава;
Све деліи мирно сѣдеха;
Павелъ мирно несѣдеше:
Чаша зима, за персты я лови,
Чаша дава, низъ серце воздыша.
Проговори Марко делія:
«Фало тебѣ, Павелъ добаръ юнакъ!
Така либа не са залибува!
Кой че земе така либа,
Да преплива презъ бѣлъ Дунавъ,
Да отиде у широка Влашка;
Тамо има, бре, сербска градина,
Тамъ си има дерво дафина;
У дерво-то има двѣ златни яболки,
И си има одъ секакво цвѣтье,
И си има цароградско грождье,
И си има дунки и наранки;
Та ги варди ала троегла́ва.
Кой се найде премладо юначе,
Да преплива презъ бѣлъ Дунавъ,
Да набере одъ секакво цвѣтье,
Да увіе до три китки цвѣтье,
Да набере цароградско гроздье,
Да откине дунки и наранки,
Да откерши двѣ златны яболки,
Той ште биде найболье юначе,
Той ште либе Деница девойка».
Наелъ си е Павелъ добаръ юнакъ.
Отиде́ си на сербска градина,
Та си набра́ одъ секакво цвѣтье,
Та си у́ви до три китки цвѣтье,
И набрало цароградско гроздье,
И оскуба дерво дафиново
Оскуба со сички корене.
Та си пойде́ Павелъ добаръ юнакъ,
Та наплива презъ бѣли Дунавъ:
Дунавъ плива на дружина казва:
«Фала вазе, тридесе деліи!
Елате, та ми помогнете,
Да изпливамъ презъ бѣли Дунавъ,
Да изнесемъ дерво дафиново».
Проговóри, башь, делія Марко:
«Пливай, пливай, Павле добаръ юнакъ,
Пливай, пливай, Дунавъ да изпливашь
Ты да либашь Деница девойка»
Таманъ тая дума думаше,
Сабудисе ала троеглава,

И стигнала Павелъ добаръ юнакъ,
На стрѣдъ бѣли Дунавъ стигнала;
Извадилъ е Павелъ добаръ юнакъ,
Извади, бре, остра-та сабля,
Што-то има на канія до деведесе огледала,
Та пресѣче ала на два, на три трупа;
Почервила бѣли Дунава,
Почервила со-съ черни-те керви.
Па исплива Павелъ добаръ юнакъ;
Та отидé на Денипа на порты.
Па си казва Павелъ добаръ юнакъ:
«Излезъ, излезъ, Деница девойко!
Да си видишь Павелъ добаръ юнакъ —
Што зарачи, се ти донесе»;
И на дружина проговара:
«Излезнете, моя дружино!
Си-те тридесетъ деліи,
Што правиме вѣренъ облокъ!
Я си свершихъ тоя облокъ —
Я донесохъ дерво дафиново,
Дафиново со сичко коренье;
Та изгуби нéгова дружина,
Та залиби Деница девойка.

№ 144.

Соф. окр., с. Суводолъ; 31 января 1880 г. записана со словъ крестьянина этой деревни Жеты Илкова.

(Похвальба мадьярскаго короля: убіеніе его Маркомъ Кралевичемъ).

Сѣднá Марко съ майтя да вечера
Суа лѣба и вино червено;
Па се Марко подъ мустакъ усмива,
Я майтя му пó ти оговáра:
«Фала тебѣ Марко, мое дете!
Што се Марко подъ мустакъ усмúвашь?
Далъ си смѣешь мене на старость-та,
Иль си смѣешь башта на проштенье,
Иль си смѣешь на суха вечера,
Иль си смѣешь на вино червено?»

А Марко ю по́ ти оговара:
«Леле мале, леле остарѣла!
Ни се смѣемъ на старость-та,
Ни се смѣемъ на проштенье,
Ни се смѣемъ на суи вечери,
Ни се смѣемъ на вино́ червено;
Нелъ се смѣемъ Филипъ Маджарина,
Де са Филипъ по меани фали:
Сви юнаци Филя погубило,
Сви юнаци и си-те кралёве;
Останали троица юнаци:
Останалъ е Марко Кралевикъ,
И останалъ Релё шестокрылецъ,
И останалъ Кобиличъ войвода»;
Па на майтя по́ ти оговара:
«Леле мале, леле стара мале!
Рано Шарка вода да напоишь,
Да напоишь и зобъ да назо́бишь,
Че да идемъ Филипови дворы,
Че да идемъ, да си ю погубимъ».
— Ка' било рано одъ зарана,
Рано Шарка вода напоила,
Напои́ла и зобъ назоби́ла.
Та е станалъ Марко добаръ юнакъ;
Уяхна́ си коня Шареяна;
Отиде́ си у Филибе града,
Отиде си на Филёвы порты:
Извадилъ е лека буздогана —
Лека: съ сто и шесдесе́ ока́,
Та си біе Филиповы порты:
«Я излезни Филипъ маджарино!
Я излезни, да си обидеме»;
Немало е Филипъ Маджарина;
Излезнало Филипове либе,

Излезнало, та Марка видѣло,
Видѣло е Марко Кралевиче,
Поверна се, та на майтя дума:
«Леле мале, постара свекерво!
Каковъ дервишь на порты ни чука:
На гербина цала вучетина,
А на глава цала мечетина,
У уста си черна овца носи».
Я проговори нойна стара майтя:
Иды, снао, иды да му речешь,
Да му рѣчешь: оттукъ да с'иде;
Че да дойде Филипъ маджарина,
И него че младо да погуби».
Излезнала нойна мила снаа,
Па на Марка по́ ти оговара:
«А иды си луда дервишина,
А иды си од пребѣли порты,
Че да дойде Филипъ маджарина,
Че да дойде и че те погуби;
Да видишь ли тоа мермеръ камикъ,
Што е камикъ до пребѣли порты,
Него Филипъ до колена дидза,
Че ю дигне, та че те утепа».
Слезна Марко одъ одъ доброго коня,
Та си везе тоа мермеръ камикъ,
Та го тури на десна-та страна,
Завертесе на́лѣво, на́десно,
Та си ферли тоа мермеръ камикъ:
Исферли го на край-на Филибе;
Па си фана Филино-то либе,
Та му везе отъ гуша желтица;
Па си ойде на ладна меана —
Тамо найде Филипъ маджарина,
Па му дума Марко Кралевиче:

«Богъ те било, Филипъ маджарино!
Ты се, Филипъ, по меаны валишь:
«Сви кра́лёве ты погубило,
Останалъ ти Марко Кралевичъ,
Останалъ ти Релё шестокрыла
И останалъ ти Кобиличъ войво́да»;
Стани, мене да погубишь —
Сега́ семъ ти я на́ но́дзе дошелъ».
Филипъ не смѣялъ е дума да продума.
Извадилъ е Кралевико Марко,
Извадилъ е лека буздогана,
Та удари Филипъ маджарина:
Накара го у черна-та земня —
Деветъ лакти у земни улезе.

№ 145.

Г. Кюстендиль; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Гроздана Костова (переселившагося сюда изъ г. Радоміра.

(тоже).

Пратилъ Филипъ Маджаринъ писмо
Пратилъ на Марко Кралевиче
На Марко-то Прилѣпско-то копеле:
«Я да ми дойде онъ на Будима града,
Да му не идемъ на Прилѣпа града;
Семдесе́ юнака самъ се погубилъ!
Ту да ми дойде Марко на нодзе!»
Сѣдналъ Марко вечера да вечера:
Вачера единъ лѣбъ и червена пипера
И піеше това́ червено вино.
Емъ вечера, емъ подъ мустакъ се усмива;
Праша го майтя стара:
«Синко, што се смѣешь подъ мустакъ?

Даль на моя старосъ си смѣешь,
Аль на добра вечера ми си смѣешь?»
Рече Марко Кралевиче:
Не се смѣемъ на твоя та старосъ,
Ни се смѣемъ на добра вечера,
Но се смѣемъ на Филипъ Маджаринъ,
Де-ка ме пратилъ абаръ,
Да му идемъ на Бу́дима града,
Да му дойдемъ на нодзе».
Рече му стара майтя:
И́ды, синко, до Бу́дима града!
Да не гле́да майтя церни кърви».
Марко ойде на Бу́дима града.
Яна Шарка добра коня и го пи́та:
«Дале можемо робота[1]) да заверши́мо?
Или да не идеме?»
Коне́ Шарацъ му рече:
«Да како не идемо, Марко?!
Ако не идеме, Марко,
Оте срамота каде че се де́неме?»
Бутна конё Марка, пройде презъ бѣли Дунавъ,
Та ойде́ на Буди́ма града:
И тамо срѣтна-семдесе́ робини
Платно бобошевно бѣля;
Рекоа му семдесе робини:
«Лудо младо! каде одышь тува?
Знаешь, де-ка смо ние семдесе́ роби́ни!
Наши юнаци погуби́лъ, насъ зароби́лъ;
И ты каде одышь? и тебе че глава земе!»
И тогай рече Марко юнакъ:
«Ногу ли е юнакъ Филипъ?»
— Товай камикъ дига на конь до дезгиня».
Марко зема камикъ, да го верли у бѣли Дунавъ;

[1]) Sic.

И ги праша: «де-ка сѣды Филя маджаринъ?»
— «Ваны возъ Будима града,
Че те срѣ́тна желѣзны порты,
На ни семдесе́ ключеве».
Дойде Марко и почукна́ на порты;
Излезнала Филипица, та му рече;
«Што тражишь, лудо младо?
Малко ли семъ кърви гледа́ла,
Та и тво́и да гледа́мъ!
Рече тогай Марко:
«Де е Филя маджаринъ?»
— «На гора зелена, ловъ да лови».
— «Кога́ до́йде, недъ [1]) дойде на меаны́
На ладне-те меаны́!»
Дойде Филя маджаринъ:
Порты-те му у срѣдъ дворове накараны;
Тогай пита млада кметица:
«Што са́ е тія порты у срѣдъ дворо́ве?»
— Проговори млада кметица:
«Една́ незнапа делія дойде».
— «Како́въ бѣше?«
— «До-двѣ церни овци у заби поси,
Калпако му вучетина,
Кожуо му мечетина,
И конь му шаренъ».
— «Товай Марко прилѣпско копиле!»
— «Че да идешь на ладны меаны!
Онъ мой бисеръ откиналъ одъ гуши,
Та однелъ го на ладны меаны,
И казалъ: кога́ дойде Филя,
Да го піемо на ладны меаны́ заедно!»
Ойде Филя на ладны меаны:
«Ту́ва ли Марко Прилѣпско копеле?»

[1]) Sic.

— «Я семъ Марко Кралевиче!»
— «Айде, Марко, Прилѣпско копиле!
Айде, да біемо мейданъ:
Біемъ ти ко́ня и очи ты вадимъ!»
— «Тува се юнаци не біятъ,
На се біятъ на равны друмове —
На раскьрстье, дуня-та да ги види».
Ойдо́а на равны друмове:
Мана Филя своя боздогана,
Удари Марко на конь у зенгія;
Тагай мана Марко Кралевиче,
Мана со-съ своя лека боздогана,
Та накара Филя маджаринъ
Деветъ лакти у земи. —
Яна Марко Шарца коня,
Та отиде на Прилѣпа града
На Прилѣпа града при стара майтя.

№ 146.

Соф. окр., с. Опій-Цвѣтъ; 6 февр. 1880 г. записана со словъ Стоянова Мильчова Лагариина.

(тоже).

Сѣдна Марко съ майтя да вече́ра,
Да вечера сува лѣба и червено вино;
Па се Марко подъ мустакъ усмива,
А стара го майтя питуе:
Леле Марко, леле, башь, делѝё!
За што ми се подъ мустакъ усмивашь?
Далъ си смѣешь мене на старость-та,
Илъ си смѣешь на посна вечера?»
А онъ си ю по́ ти оговори:
«Леле мале, леле стара мале!

Не смѣемъ си ти на старость,
Ни се смѣемъ на посна вечера,
Нелъ се ми се малко досѣти́ло:
Съ ношти вечеръ на ладна механа
Повалисе Вилипъ маджарина —
Че погуби́лъ тридесетъ ю́наци,
Оште има троица да губи:
Единъ ми е Марко Кралевиче,
Единъ ми е Муса Кеседжія,
А третіё Релё Крылатиче».
Кога биде ютре одъ зарана,
Марко стегна коня Шареяна,
И обрамчи сабля димискія,
И закачи лыка буздогана;
Па си верли коню на рамена
И отиде у маджарска земня,
Че да тражи Филипъ маджарина;
И отиде́ на Филиповы порты;
Чукналъ си е Филиповы порты;
Излезнало Филипово льюбе;
Па говори Марко Кралевиче:
«Помози Богъ Филипово льюбе!»
Оно́ си му по́ ти оговори́:
«Што тресишь, непознанъ гедіё?»
А Марко ю питуе:
«Тува ли е Вилипъ, мой побратимъ?»
— Айде, верви, непознанъ гедіё!
Вилипъ съ таквія недума,
А како ли побратимъ да буде?»
Разъигралъ е Марко добаръ юнакъ
Разъигралъ е коня Шареяна,
Па удари Филипицу съ рука перишана[1]),

[1]) Ладонь.

Искара ю обѣ церни очи,
И ю кара на ладни мехáни;
Узелъ му е кована дердана,
Па си сѣдне у ладны мехáны,
И си піе вино троегóдско;
Конь се самъ пре дворы шета;
Па говори Марко на Шарко:
«Гездеръ,[1]) коню, и на врата гледай,
Да не дойде Вилипъ на измама».
Сѣдьí Марко у ладна мехáна,
Та си піе кована дердана.
Эте, иде Вилипъ маджарина.
«На странъ стани, коню, —
Да улезне Вилипъ моджарина».
На странъ стана коня Шареяна.
Улезналъ си Вилипъ маджарина:
Марко піе, а Вилипъ го біе;
Проговóри Марко Кралéвиче:
«Фала тебѣ, Филипъ маджарине!
Не ме удри по десница-ручица,
Да расипешь една чаша вúнце,
Што-то ми е деведесé ока»;
Не се одбрá Филипъ маджарина:
Расипа му една чаша вино:
Расредисс Марко Кралéвиче,
Та извади сабля димискія
И посѣче и Вилипъ и конё.

---

[1]) Прохаживайся (тур. слово).

№ 147.

Паланка (мѣстечко) Брезникъ; 26 ноября 1879 г. записана со словъ Петра Пейчева.

(Разграбленіе «дворовъ» Марка Кралевича Филиппомъ мадьяриномъ).

Съ ношти дойде Марко до три здравы:
Една́, да иде Марко да вѣнчава,
Друга, да иде Марко да кьрштава,
Третя, да иде Марко да наплита.
Сина прати Марко да кьрштава,
Брата прати Марко да поплита,
Самъ че иде Марко да вѣнчава
Дуръ далеко у Стамбо́ла града.
Тага нема три године време.
Богъ да біе Филя маджарина:
Равны му е дворы оарало,
Младо му е любе залюбило,
Стару майтю заробѝло.
Четверта е година поступи́ла,
Ете дойдé Марко Кралеви́че:
Равне дворы у пелинъ урасна́ли, —
Марко се жално заплака́ло,
Марко то си комшійтя одговара:
«Не бо́йсе Марко, милъ комши́я!
Богъ да біе Филя Маджари́ина,
Равне ти е дворы оарало,
Младо ти е любе залюби́ло,
Стару майтю заробило,
Одкарало дуръ у Маджара града,
Оно е юнакъ надъ юна́ци —
Негови двори зъ главе оперине,
Оно е юнакъ надъ юнаци —
А подпо́ры одъ човѣци нозе;
Та да идешь Марко Кралеви́че;

Оно направи́се церна калуджера.
Преды дворы двѣ шарены чешмы:
Да приведешь коня,
Вода да напо́ишь;
При тебе че любе дойде».
— Марко си е комшійтя послушало.
Направи́се церна калуде́ра,
И си иде у Маджара града.
Тамо найде́ двѣ чешмы шарены,
Та прійде́ да напо́и вода;
И при нега любе дойде́;
И ю пита:
Тако д' Бога, церно калуде́ро!
Дека найде́ Маркова коня,
Дека найде́ пьрстенъ бурманлія?
— И оно́ му вѣрно говори:
«Марко те е Богъ да прости!
Коня се му зе́ло за гробни́на,
Пьрстенъ се му зе́ло за третина».
— Повьрнасе прелѣпа невѣста,
Та си каза Фили Маджарину:
«Пій, ручай Марково иманье;
Туй промина церна калудера
И прове́де Марковога ко́ня,
И пронесе пьрстенъ бурманлія»
— Иды, викны церна калудера,
Да му правимъ голѣмъ зіяветъ.
— Повьрнасе прелѣпа невѣста
Та си викна церна калудера —
Качи́ло се на висо́ке ку́ле,
И оно́ си му вѣрно гово́ри:
«Пій, ручай, церно калудеро!»
— Марко те е—Богъ да га прости—
Та си сѣди три дни и три ночи.

Врѣме дойдé Марка да си прáти.
Напуни́ло коню зобни́ца Марково иманье,
Тури́ло ко́ню на тертія,
Самъ гово́ри Марково-то любе:
«Пій, ручай, церна калудеро,
Да си речешь: Марку Богъ да просты!
То е Марково иманье!»
Богъ да бíе Филя Маджарина!
Къздисало де е рекло Марково иманье,
И си по́шло къ церна калудера.
— Да си оды, само се е досети́ло:
«Чуешь мене, Филе Маджарина,
Да ми простышь,
Да ти играмъ калу́дерско оро.
И оно е опрости́ло.
— Завертéсе налѣво, пай надесно:
Богъ да прости Филé Маджарина!
Просты мене, да ти играмъ калудерско оро.
Дори Фи́ля дума да изду́ма,
И оно́ му главу откинало.
И тегай е любе опозна́ло,
Зашто е Марко Кралевичъ!

№ 148.

Соф. окр., село Суводолъ; 30 янв. 1880 г. записана со словъ кмета Георгія Колова.

(Прогулка 7 юнаковъ; одного изъ нихъ Секулу-дитя схватываетъ триглавая змія; освободить его не могутъ его сотоварищи, а освобождаютъ вилы-самовилы). [1])

Збрали́се седмина кра́леве,
Збрали́се шедбаджія че шетая,
Че шетая по пуста краина.
И си шетатъ редомъ по земни-те.

[1]) Въ этой пѣсни приведены имена вилъ.

Се кра́лёве одъ редоме юна́ци;
Секой юнакъ испитье чини,
Со-съ Марко-то и двѣ и три ида
И найнапредъ Секула детенце:
«Леле Марко, леле мили уйте!
Ты че ходышь и мене да во́дышь;
Сакамъ, уйте, и я да си ходымъ,
Я да ходымъ и да си видимъ;
Чешь ли, уйте, мене да си водышь?
Я обычамъ, уйте, да си одымъ,
Да си видимъ, што юнагство имамъ,
Че и мене майтя е родыла,
Че и я самъ одъ Маркова рода;
Чешь ли, уйте, мене да пріимашь?»
А Марко му ти говораше:
«Э, Секуле, Секуле детенце!
А родъ те знаемъ,
Да те не познаемъ;
Че я самъ одъ юначка рода;
Я че одымъ шедба че да шетамъ,
Не разбирамъ твое-то юнагство;
Ты че ходышь, а назе незнаешь:
Ние ч'име много подале́че,
Че ходыме земни покраины,
Покраины земня Карамъ-Влашка
И са-съ друга земня Арванашка,
И пай друго редомъ по земни-то,
Може, нема вода за піенье;
А ние сме далеко отива́ли,
Отивали три недѣли де́на:
Бѣлтимъ нема вода за піенье,
Ты немо́жешь за вода да траешь».
А Секула Марку не вѣр'вало,
Налъ ходыло, та шедба шетало,

И чинило три недѣли дена;
Седамъ краля за вода траяли,
Одыли са и млогу са траяли,
Нигде нема вода да намѣ́ра;
А Секуло вырло нажели́ло,
Нажелило и е ожеднѣло;
Само дете, само продумало:
«Чиче, виче, мили уйтё, виче!
Ходыли сме редомъ по земня́-та,
По земня́-та, земня по Латинска,
Земня-та Латинска, земня Тала-Туратинска,
И найпослѣ земня Карамъ-Влашка,
Карамъ-Влашка, земня Арванашка,
Арванашка, боме, земня Герчка;
И ходихме редомъ по земни-те,
По си земни, по си крайны.
Леле уйте, леле мили уйте!
Ка' ойдохме наши пусты земни,
Дали има негде да ме за́пратъ?
Ты-зи знаешь и ны ги позна́вашь;
Не мой, уйте, лошо да си стане;
Са' семъ, уйте, вода ожеднѣло:
Дали има во́да за піенье?
Я не знаемъ нигде, ни познавамъ,
Ты-зе, уйте, знаешь и че кажешь,
Дека има ле́дена води́ца?»
Той му Марко ти оговора́ше:
«Э, Секуле, одъ курва копеле!
Ты-си пошло за мои́ ядове:
Каде́ ходымъ, се за тебе жалимъ;
Нигде нема вода за піенье,
Саде знаемъ на едного мѣсто
Само има батале буна́ре,
У бунаре ле́дена водица;

Да ойдыме, можеме да піеме;
Ако да би змія да заспала,
Може се би вода извадила.
Той не бѣше много подалече.
Тергнали се и право ойдоа
И ойдоа на батале бунаре,
Со-съ еднога до седемъ кралѐве,
Со-съ едного [1]) одъ добре́-те кони
Изгорѣли за ледена вода;
Никой нема вода да нацерпа;
Говораше Секула детенце:
«Чичо, виче, мили уйтё, виче!
Э, вие несте одъ моя-та рода!
И язе-ка семъ малечко детѐнце,
И я, брате, че съ ваме че ходымъ;
Сапасуйте свилени по́ясе,
Вержете ме прекомъ половина —
Я да слезнемъ у баталъ бунаре;
Бунаре-те са у наша-та земня;
Я да слезнемъ, я че ви напоимъ».
И кралёве дете послушаха:
Сапасаха свилены поясе,
Верзаха го преко половина;
Седемъ пыты у бунаръ слазило,
Седемъ пыты слело и излело;
Изнело е ледена водица,
Напоило седмина кра́лѐве;
Каде слезне дете, да се піе,
У бунарѣ вода намалела,
Разбудисе змія трояглава,
На глава ю вода оплетела,
Лежала е, Богъ да ю убіе,

[1]) Sic.

Лежала е и належала се;
Сагледала Секула детенце,
Дигнала нойны е до три глави;
Гълтнала е Секула детенце,
Гълтнала е и погълтнала:
Еднажь гълтна до бѣли колѣна;
Извикна се Секула детенце:
«Леле братя и мои́ дружи́на,
Е кралёве, е мои́ мили брайтя,
Да вие сте до седемъ дружина!
Де-ка да сте, сéга тука да сте»!
Дуръ е дете дума да издума,
Гълтнала е а́ла троеглава,
Гълтнала го до свилни пóяси;
Пишти дете и колико може:
«Фала вама, фала вамъ до седемъ кралёве!
Дайте мене моя остра сабля,
Што я чувамъ одъ мое стары башто,
Я и дайте-мене се найде:
Егá, може, змія да убодемъ».
Дали му тая остра сабля.
Вертело се Секула детенце,
Вертéло се и колико могло́,
Не е могло змія да погуби;
Пресѣкло е свилены пóяси,
Паднало е на дно у бунаре,
И змія го до рамена гълтна;
И дете оште нышто нема.
Дете имъ изъ бунаре каже:
«Уйтéвицы па чичóвицы!
Вие да сте надалекъ ходите;
Вержете ми кóня за бунаре:
Како мене змія че да яда,
Тако коня орли нека ядатъ;

Чичо, виче, мили уйте, вичс!»
Тія бѣха надалекъ ойдо́а,
И шетаха́ и далекъ ойдоа.
Коня цвили-надалеко се чуе;
Дочуло се млогу надалече,
Дочуло се до више планине;
На планина три ора играя,
До три ора, до три самовилы;
На танецъ е Дюрга самовила;
Продума́ Дюрга самовила:
«Вала тебѣ, моя мило сестро!
Што ли се гласъ дочуя,
Дочувая одалекъ-одъ баталъ бунаре,
Гласи са де на наши братенце;
Да ли си у бунаръ слезнало,
Да не са го зміи погълнали;
Млогу ми се гласи дочувая,
Може да е наше мило брате́?
Да си идешь, братс, да си видишь».
Пратила ги Вела самовила:
«Иди Гюрго самовило,
Да би могло наше миле брате,
Да би могло у бунаръ да падне,
Да би, може, и памъ да си кажешь».
— «Я че пратемъ Магда самовила;
Она че иде, право че ми каже;
Што м' да каже Вела самовила,
Сама ч' иде, сама че виде».
И ошла Магда самовила;
Право ойде на баталъ бунаре,
Право ойде и право слезна́ло,
Право слезна у баталъ бунаро.
Видѣ́ла я Се́кула детенце;
Па си дума Магда самовила:

«Фала тебѣ, зміе троеглава!
Опушти ми Секула детенце;
Ако дойде Гюрга самовила,
Тебе она младо че погуби».
Говóри змія́ троеглава:
«Хáйде, верви, оде-ка си дошла!
Я едвá се со-съ мѣсо насытила».
Литнала е Магда самовила,
Залитѣла у више планина,
Та казуе Гюрди самовили:
«Фала тебѣ, Дюрго самовило!
Не пушта-си змія троеглава,
Не пушта ни Секула детенце, —
Гълтнала е детé до рамена».
Ка' се пушти Гюрга самовила,
Пуштила се више пладнине,
Пуштила се, ка'-то бѣло платно,
Залитѣла у пусты крайнины,
У крайнины, на баталъ бунаре;
Не стѣла е дума да продума,
Въеднага е у бунаръ рипнала,
Та фанала Секула детенце;
Све заедне низъ бунаръ изнесе,
И изнесе змія́ троеглава.
Погуби си змія́ троеглава;
Опушти Секула детенце.
И онъ яхна нему дóбра кóня,
Па го стегна по бѣли дрýмове,
Та си гони до седымъ кралéве;
Па си стигна до седымъ кралеве.
Та шетаа редомъ по земни-те.

№ 149.

Вран. окр., село Церна-Трава, 5 марта 1880 г. записана со словъ крестьянина Стамена Стеванова.

(Марко Кралевичъ празднуетъ «Юрьевъ день»).

Вала Боже, вала единому!
Данагъ-Дюрдевъ денъ служи Марко Кралéвичъ,
Ага служи, ага бере три совре:
Едну совру бере люде чорбаджіе,
Другу совру бере люде челепе,
Третю совру бере пуку сиротынья;
Тури свою майку слугу на едну совру,
А негову любу тури слугу,
Слугу на кметове люде,
Само Марко зауза руке до лактови.
Докле пійте и ѣжьте,
Те, приставше Турци янычары:
Докле онъ думу продума
И разговоръ разговóри,
Пристасаше Турци янычаре,
Пристасаше при негови дворы.
Проговори Марко доберъ юнакъ:
«Чуешь мене, майко остарѣло!
А извéды мени кóня Шара,
И ми тури перна буздована,
И ми тури топузъ одъ мейдана,
И справи крешимъ-калица на коня;
Я тю да идемъ у Орида града,
Да знамъ, да не дойдемъ».
Ему справи майка коня,
Ему майка оружа коня;
Марко яна и отиде у Орида града,
Да узме рыба одъ Орыда града;

Не може Марко рыба да узме,
Но го притисну Сулеймана цара
Притисну у тѣсне клисуре.
Говори Шарацъ Марку:
«Чуешь мене, Марко юначе!
Мы чемо женски пзгинути,
Изгинути у тѣсне клисуре».
Ёшь мало не извикну,
Ёшь мало останало,
И Сулеймана цара прѝтиспу;
Говóри Шара коня Марку:
«Не предавайсе на цара Сулеймана».
— Говóри Марко:
«Предавайсе, царе Сулеймане»!
— «Не се предава цара Сулеймана».
— Проговори Марко доберъ юнакъ:
«Чуешь мене, цара Сулеймана!
Метни, царе, перна буздогана —
Ель га ты метни,
Ель га я тю метамъ».
Метну га Марко Кралевичъ:
Ель га метну Марко Кралевичъ,
Накара царь Сулеймана
Седемдесе аршина у церну зевню;
Тага стадоше Шарецъ Марковъ,
Сташе и конь Дебелянъ цáревъ,
Та си риваше три дена и три ноти:
Одолѣ се яко Марковъ конь на царева коня.
Тагъ повике Марко:
«Чуешь мене, Шарко коню!
Погледни у ясно сланце,
Какви темо юнаци да се погýбимо!»
Нель се сѣтѝ царевъ коню,
Смлѣ га Шара коня, —

Па тогай Шарецъ доберъ конё
Не могалъ се три дена да се извади,
Да извади се одъ мершу.
Тагъ повиче Марко:
«Чуйте мене, виле-самовиле!
Куде сте? овде сте дойдете,
У невóлю да ми се найдете,
Да извадите Шара добра коня,
Да извадите одъ мершу царева».
Дофтасали виле-самовиле,
Извадише Маркова-та коня Шара,
Извадише одъ мершу царева.

№ 150.

(Загорье) Берк. окр., с. Чипоровци (Турлаки); 20 февр. 1880 г. записана со словъ Симы попъ-Маркова.

(Марко Кралевичъ въ числѣ сватовъ у юнака Полугуна Спечена).

Полугу́нъ Спеченъ добаръ юнакъ
Собралъ е ки́чени сва́тове:
Найболье Марко добаръ юнакъ-старойтя.
Марко му с ду́ма продума́ло:
«Наточи вино и ракія,
Че на тамо не́ма ни виво, ни ракія,
Ни има вода за піенье».
Полугунъ си дума проду́мало:
«Докле ми су желтици у кесію,
Нечу да точимъ вино и ракію».
Отидоше; настана́ше го́ра зеле́на:
Нигде нема вода за піенье,
Нигде не́ма вино за піенье;
Намѣрише длъбока бунара:

Тамо че улезне-Полугунъ
Полугунъ добаръ юнакъ,
Да изнесе во́ду за піенье;
Загълта га а́ла троеглава,
Загълта га до колѣна.
Провикна́се Полугунъ добаръ юнакъ:
«Тако м᾽ Бога, кичены сватове,
Найболье Марко старойтѐ!
Я пуштете свилни поясы,
Че ме загълта а́ла троеглава,
Че ме загълта до колѣна;
И турете кони за бунара,
Ега могу добры кони тіе
Тежакъ гайлетъ да учина».
Учинише тако добры юнаци;
Учинише кони тіе тежакъ гайлетъ,
Та не могу а́лу да покруте,
Али юнака́ да, ми, изва́де;
Марку, ми, се мѣрну а́ла троегла́ва
Мѣрну се предъ саблю мегданлію,
Я Марко тимну [1]) да пресѣче а́лу,
Да пресѣче а́лу троеглаву,
А онъ пресѣче свилни по́ясы;
Та упаде Полугунъ юнакъ надо́лѣ;
Провиче се Полугунъ добаръ юнакъ:
«Я пуштете ситны синджире,
И вержете моéга коня́ —
Ту-ка конь да пукне при менс:
Я чемъ ту-ка младъ юнакъ да уги́немъ,
Ту-ка и конь да угине при ме́не».
И пуштише ситни синджиры,
И верзаше коню за буна́ра.

[1]) Ударилъ.

Конь цвили, до не́бо се чуе,
Та се до́чу презъ деветъ планинъ:
Тамо бѣше Вела-самовила
И тамо бѣше Іона самовила
Полугу́нове посестриме:
Та си лі́тнаше презъ деветъ планине,
Та па́доше на широ́ка орница[1]).
Продумала Вела самовила;
«Тако м' Бога, зміе аловито!
Я ми пушти доброга юнака́».
Продумала змія аловита:
«Тако т' Бога, Вело самовило!
Ту-ка сѣдимъ триста године
У тай длъбока бунара,
Триста аршина длъбока,
Досегъ ми е такевъ юнакъ неупа́далъ —
Гла́ву давамъ, юнака́ си не да́вамъ».
А Вела си изступи по орница
По широка орница,
Та си лі́тну, та ка́къ вѣ́трокъ,
Та изверну́ бунаръ нао́пако,
Та ра́сипа змію троеглаву,
Та изва́ди доброга́ юнака́,
Па извади Вела самовила
Па извади саблю мегданлію,
Та си сломи змію чире́къ по чире́къ;
Па си на брата прогово́ри:
«Айде, брате, да идеме
Да идеме по ки́чены сва́тове».
— «Не могу, сестро, да идемъ,
Че самъ сло́менъ и стро́шенъ».
Иступисе Вела самовила

[1]) Прогалина.

Иступисе по широка орница,
Та со́бра вся́каква трѣвка,
Та га на́пои-на́ложи:
Како́ бѣше юнакъ-по́болѣ ста́ну.
Па отоше по ки́чены сватове,
Та собраше кичены сватове —
Найболье Марко старойте́,
Та су за девойку отишли;
Та су свадбу направили.

№ 151.

Г. Радомiръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Iордана Лазарева.

(Марко Кралевичъ вѣроломнымъ образомъ убиваетъ юнака болѣе сильнаго, чѣмъ онъ—дитя Дукатинче).

Та си о́ды Марко Кралевико
Та си оды одъ града на градъ,
Та си тражи поюнакъ одъ него.
Ка си ойде у Будино село,
Тамо има дѣте Дукадинче;
Оно си е па седымъ годи́нъ,
Седымъ паты поюнакъ одъ него;
Та намѣри три малки дечица,
И Марко си дума продумуе:
Э вие-ка три малки дечица!
Де-ка сѣды дѣте Дукадинче?
Оно си с на седымъ годинъ,
Седымъ паты поюнакъ одъ мене».
Продума́ си посреднё-то дѣте:
«Э ты-зе-ка, Марко Кралёвико!
Да язъ семъ дѣте Дукадинче,
Седымъ паты поюнакъ одъ тебе».

И Марко си дума продумуе:
«Э ты-зи-ка дѣте Дукадинче!
А д'идеме на Перинъ-планина,
Да фърляме камикъ на облога»!
Ка ойдóа на Перинъ-планина.
Та земаа той мермеръ камика;
Та го земá Марко Кралéвико,
Та си ферля той мермеръ камикъ.
И си зема дѣте Дукадинче,
Та си зема той мермеръ кáмика:
Ка го ферли дѣте Дукадинче —
Де си падна той мермеръ кáмика,
Та си е изби, ископало,
И надферлú Марко-те юнака,
Надферли го петъ раскрочи мѣсто.
И Марко си тогай востращило;
И Марко си дýма продумуе:
»Э ты-зе-ка дѣтé Дукадинче!
Айде, ние брайтя да стáнеме,
Да úдеме у Зéмена града,
Да утéпеме земенскіе цара».
Ка си яха́ná Марко Кралевико,
Ка си яха́ná Шарца добра коня,
И со-съ нього дѣте Дукадинче:
Та си яха́ дѣте Дукадинче,
Та си яха́ коньчé седмогодче;
И Марку-те се, Богме, не свидéло,
Та продума Марко Кралевико:
«Э ты-зе-ка дѣте Дукадинче!
Я погледни више у небесá,
Како трептá тія ясни дзвѣзды».
Ка погледнá дѣте Дукадинче,
Та погледнá више у небеса,
Какó трепта тія ясни дзвѣзди.

Богъ да бíе Марко-те юнака!
Ка извади сабля на зглабове,
Та пресѣче дѣтé Дукадинче,
Пресѣче го пресредъ половины;
Минало се е едéнъ сатъ време,
И дѣтé си думá продумáло:
«Э, ты-зе-ко, Марко Кралéвико!
Ништо мене серце преболѣе».
Я Марко му дума продумýе:
«Э, ты-зе-ка дѣте Дукадинче!
Наведи си надъ твоя-та коня,
Та си лизни одъ десна зенгія,
И тебе-ка серце че умине».
Навéде се дѣтé Дукадинче,
Навéде се на ньегова кóня.
Наведесе зенгія да лизне,
Та му падна половинъ трупúна;
Ка си станá трупúна безъ глáва,
Та си забрá Марко-те юнáкъ,
Та ю гони низъ Перимъ-планина;
Ка достигнá половинъ трупина,
Та достигнá Марко-те юнáка,
Достигнá у тесны клисуры:
Фаная се у юначке рацѣ,
Та се боратъ три дни и три ношти;
И Марку се, богме, досадило,
И продума Марко Кралéвико:
Э, ты-зе-ка, Мúлице Загорко!
Я си сбéри вúли-самовúли,
Да си скúна половинъ трупúна».
И си сбрали вили-самовили,
Сбрали се низъ Перимъ-планина,
Да се кина половинъ трупúна;
Ка се кина вили-самовили,

Та си падна Марко Кралеви́ко,
Та си падна подъ ньегова мерша;
Па-й се мычи Марко Кралевико,
Та се мыче подъ негова мерша,
Та се мыче три дни и три ношти,
Дуръ да стане подъ ньегова мерша,
Ка си стана́ Марко Кралевико,
Та си стана́ подъ ньегова мерша,
Та си беркна́ Марко Кралевико
Та си беркна́ у де́сна-та чижма,
Та извади ноже́ потайниче,
Та си распра дѣте Дукадинче,
А оно има до три, бре, серце-те:
Едно се е било и пребило,
Друго́-то се туку разбуди́ло,
А тре́тё-то, Богме, и нечуло.
И сбралисе вили-самовили,
Та погребли дѣте Дукадинче.
И Марко си дума продумуе:
«Э вие-ка вили-самовили!
Та што вие дѣте Дукадинче
Та што вие погу-ле уилилось?»
И продума́я вили-самовили:
«Э ты-зе-ка Марко Кралевико!
Оно́ си едно-ле у майтя,
И е седымъ паты поюнакъ одъ тебе;
За това́ ли ние него че погребе́ме —
Оно́ може светія да стане,
Оты си е на седымъ години.

№ 152.

Трен. окр., с Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(тоже).

Оды Марко узъ тесне клисуре,
Да си тра́жи юнака нады не́га.
Одыло е три дни и три ночи,
Нышто не е Марко намѣрило;
И оно́ си говóръ говóраше:
«Бога тебе, дзвѣзде деновни́це!
Како грѣешь вы́синъ подъ небе́са,
Да ли зна́ешь юна́къ на́ды мене?»
Дзвѣзда си ему по ти́я оговóре:
«И ты ли си ю́накъ надъ юнаци?
Я отиды у Ду́ката гра́да,
Тамъ да си видишь юна́къ!
Тамо има дете Дукати́нче,
Па си има конче́ троего́дче».
И Марко си яшилъ коня́ шарено́га:
Та е пошла мъгла и пра́ове,
Та ошло у Дуката града;
Намѣри́ло Дукатске юна́ци
И па и питало:
«Бога и вамъ Дукатске юнаци!
Де-ка си е Дука́то-то дете?»
А они́ си му по тія оговóря:
«Ела! мало камикъ да метамо,
Па тъга че кажемо, де-ка сѣды́
Де-ка сѣды́ дете Дука́то?»
И оно́ си е узело камикъ
Узело камикъ, та вьрли́ло;
Надвьрлили га Дукатски юна́ци;
Па-й се Марко, па-й-се повьрнало,

Та узе́ло ка́микъ, та го́ вьрлило —
Нигде си виделъ, ни с'опрелъ
Па тага си му юна́ци каза́ли,
Де́-ка сѣды дете Дука́то:
«Де-ка има дворы среберны подпо́ры,
Тамо сѣды́ дете Дука́то».
И оно́ я́нуло ко́ня шаренога,
Та си ошло́ на него́ви дворы.
Па-й си му Марко гово́раше:
«Я мой брате, мой побратиме!
Я семъ дошéлъ, да се оби́демо.
Я си яни конче́ троегодче!
И оно́ си яни конче́ троего́дче,
Та га ра́зигра по него́ви дворо́ве —
Я него́ви дворо́ве све потресли;
Тага си се Марко уплаши́ло.
— «Яни, брате, конче троегодче;
Мие съ те́бе братя, побра́тиме,
Че одымо по го́ру зеле́ну,
Да тражи́мо юна́ци нады пасъ».
Па си га Ма́рко вьрло превари́ло:
«Аде, брате, предъ мене́ иска́рай!»
И дете си искара́ло напредъ;
Тага Марко извадилъ е саблю димискію
Та пресѣче дете пре́ко срѣде;
Па-й се Марко на дете гово́ри:
Я, дете! може́ ли да усетишь?
И оно́ си му дете́ гово́раше:
«Смудна́ си ме пресъ тоньте половине»;
А Марко си му говораше:
«Я разигра́й коньче троего́дче!»
И разиграло оно коньче троегодче,
Та се на двѣ трупи́не одлете́ло.

№ 153.

Джумалійскій окр., с Панчерево, въ такъ называемомъ округѣ Пьяницѣ [1]; 13 дек. 1879 г записана со словъ Димитрія Кундева.

(тоже).

Излезналъ е тово витекъ Марко
Излезналъ е вонка на двóрове,
Искокналъ с вечеръ предъ вечера,
Та на дзвѣзда вели и говори:
«Мори, дзвѣздо, мори, вечернице!
Кадъ-то грѣешь, дзвѣздо, по са тія земя,
Да ли е видѣла, дзвѣздо вечернице,
Да ли е видѣла неде юна́къ,
Юна́къ, ка'-то мене?»
А дзвѣзда́ му вели и говори:
«Море, Марко, море, ха́джамiё!
И ты ли, Марко, юнакъ броишь?
А да идéшь у Дука́та града,
Та да видишь дете Дукатинче —
Оште си е дете три године,
Три паты поюнакъ одъ тебе;
Порты му самородъ одъ желѣзо».
Полютисе това витекъ Марко.
Кога́ бѣше, море, утре рано,
Яха́налъ си тая добра конъ,
Та-я ошелъ у Дука́та града;
Кога́ бѣше на пóле широко,
Тамо срѣтна до три машки дѣца,

[1]) Округъ этотъ въ настоящее время раздѣленъ на части: одна вошла въ составъ Болгарскаго Княжества, а другая осталась во владѣніи Турціи (въ Македоніи).

Де-ка ферля това тешокъ каменъ:
Едно́ ферля, та надферля.
Рече Марко добаръ юнакъ:
«Помо́зи Богъ, до три машки дѣца!
Али има тука дете Дукатинче?»
— Оно рече: «язе дете Дукатинче!»
— «Айде, да ме водышь на твои-те дво́ре,
Да ти вида дворы,
Да ти вида-какви́ са?»
— «Айдемо на мои́-те дворы!»
— «Море, дете Дукатинче!
Де-ка бива госто напредъ оды?
Айды, ты-зи напредъ да одышь».
Крена дете Дукатинче,
Да го воды на свои дворы.
Марко бѣше хи́тра гидія:
Тергна Марко тая остра сабля,
Та удари дете Дукатинче
Та удари преко тенки половины;
Па кренаа на наго́ре.
А дете-то вели и говори:
«Море, Марко, море, чичё Марко!
Какво ме е серце нешто пригрызло».
— «Айде, айде, детé Дукатинчé —
Това ни е твое люто серце,
Туку си е моя остра сабля;
Ту́ку си на́криви на-въ десна рака,
Те ти олекна тво́е-то серце».
Ка' се накриви́лъ дете Дукатинче
Ка' се накриви́лъ на-въ десна рака
Накривилъ си, па и изгасналъ.

№ 154.

Трен. окр., с. Бабина; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Деши.

(тоже).

Сѣди Марко съ майтю, та вечера
Суво лѣбо и вино цервено;
Па се Марко подъ мустакъ усмива.
Питала негова-та майтя:
«Емъ вечерае(шь) подъ мустакъ се смѣешь —
Даль си смѣешь менé подъ старости,
Ель си смѣешь на божя́ вечера,
Ель си смѣешь на твое-то любе?
Любе имашь, а други люби га».
Питалъ си е Марко Кралевичъ:
«Кой ми люби мое первнéлюбе?»
— «Люби га Сънко Дуковита».
— «Леле мале, мое стара мале!
«Даль си чула. съ очи ли видѣла?»
— «Емъ самъ чуло, емъ съ очи видѣло».
Итро било Марко Кралевичъ:
Собрало окóльне комшіи,
Собрало ги, та ги попоило,
И не окало Сънка Дуковита;
Думало-то негово-то любе:
«Чуешь мене, Марко Кралевиче!
Оты не позвашь Сънка Дуковита?
Дуковитъ е найближи комшія
Найближни и понайаранъ».
Думе дума Марко Кралевичъ:
«Забоварилъ семъ, мое первнѣлюбе».
Наточиле Марко Кралевичъ,

Наточиль е та златна здравица;
Та си дадé на негове любе,
Да си позва Сънка Дуковита,
Да га позви, да га докара;
Позвало га, па-й га и забрало.
Яли Марко одъ чардакъ пазило:
Доръ да доду до негови дворы,
Три путы обе залюбили.
Тагай дойдé Сънко Дуковито.
Сѣдéли су три дни и три ночи.
Марко прати окóини комшіе —
Емъ ги прати и дарекъ дарує;
Яли Сънка нече да испрáти,
Ни испрача, ни га дарекъ даруе.
Думе дума негове-то любе:
«Зашто нечешь Сънка да испратишь,
Ни испрачашь, ни даръ га даруешь?»
Марко тага на любе продýма:
«По-часъ, нега че испратимъ;
Че му дадéмъ свúлене кошуле».
Испратиле околни комшіи,
Уловиле Сънка Дуковита,
Одсѣче му тýю русу главу;
Уловиле негово-то любе,
Умаза га[1]) у катранъ, у восекъ,
Запалиле то негове любе:
Онó горú, онъ се винó піе.
Думе дума негове-то любе:
«Ако ни е за мене,
Но ли те за цѐрни те очи!»
— «Нека горý, нека ги Богъ убіе!
Ние любилъ Сънко Дуковитъ.»

[1]) Вм. ю.

— «Ако не за мене, не за те черне очи,
Нель за бѣло́-то лице́!»
— «Нека гори, да га Богъ убіе!
Нега сс е Сънко любило».
Пропиштало мужко дете́,
И она́ е тога́ гродума́ла:
«Ако не е за менс,
Нели ти за мужко-то дете!«
— «Нека гори, да га Богъ убіе!
Сіе Сънково колѣно.

№ 155.

(Загорье) Берк. окр., с. Вершецъ; 10 февр 1880 г. записана со словъ Елизаветы Іованчиной.

(тоже).

Море, сѣдналъ Марко да вечера
Да вечера съ негова-та майтя;
Емъ вечера, у небо погледа,
Емъ, море, согледа звѣзда вечерница.
И па-й дума Марко Кралевичъ:
«Л, морс, звѣздо вечерницс!
Моя верно посестримо!
Море, ко'-то грѣешь одъ истокъ
Одъ истокъ до западъ,
А ко'-то грѣешь по свичка земня,
Л ко'-то видышь Влашка и Богданска,
А дали има негде по-юнакъ одъ мене?»
Продумала дзвѣзда вечерница:
«Леле, варай, Марко доберъ юнакъ!
А нигде нема по-юнакъ одъ тебе,
А туку има у Дукатинъ града
Младо момче Дукатинче».

Море, посердисе Марко юнакъ,
Че имало по-юнакъ одъ него.
Онъ улезло у новы я́харе,
Изведе си коня Шаркалія,
Со-съ шиница бѣла го наранилъ,
А напоилъ чаборъ вино, —
И си бутна коня Марко юнакъ,
Та отиде у Дукатинъ града;
Край Дукатинъ града—двѣ млады момчета,
Двѣ млады момчеты-млады телчартыта.
Попита ги Марко доберъ юнакъ:
«Леле, варай, двѣ млады момчета!
Море, де сѣди момче Дукатинче,
Де е казва, че е млогу юнакъ»?
Продумали двѣ млады момчета:
«Леле, варай, чиче незнаяны!
Да ли пи́ташь-право да кажеме:
Море, де-ка сѣды момче дете Дукатинче?
Бутны коне возъ новый пазаръ —
Де-ка найдешь калдерма одъ желтици,
Де-ка найдешь порты одъ желѣзо,
Де-ка найдешь камены дворове,
Де-ка найдешь высоке сарае,
Тамо сѣды момче Дукати́нче».
И пойдé Марко доберъ юнакъ
И отиде возъ тесны сокаци,
И намѣри калдермо одъ желтици,
И намѣри порты одъ желѣзо,
И намѣри камены дворове,
И намѣри высоке сарае;
И него мрьзи порты желѣзны да чука:
Море, бутна коня, презъ дувара прерипна;
Па ми х́оды по равны дворове,
По дворове х́оды одъ конé не слазе.

Видело го момче Дукатинче:
Та му дума одгово́ри:
«Леле, варай, чиче незнаяны!
Што ми ходышь по равны дворове,
По дворове ходышь, одъ конё не слазишь?
Дали мислишь пазаръ да правиме,
Пазаръ да правиме-трампа да чиниме,
Или меркашь, бой да се біеме?»
Продума Марко доберъ юнакъ:
«Леле, варай, момче Дукатинче!
Не семъ дошелъ пазаръ да правиме,
Не семъ дошелъ бой да се біеме,
На семъ дошелъ юнатлакъ да правиме,
Зашто семъ те чуло и разбрало,
Че си млогу юнакъ надъ юнака;
Море, ела, малко юнатлакъ да правиме,
Юнатлакъ да правиме,
Да се малко пребо́риме».
Море, продума момче Дукатинче:
Што-то се, брате, пребо́риме,
Бельти се убіеме;
Айде, идеме у Косово-поле,
Тамо има тое желты камикъ —
Онъ е мѣренъ триста оки;
Тамо штемо да се обидеме —
Кой юнакъ надъ юнакъ?»
Искочила негова-та майтя,
Та му дума одгово́ри:
«Леле, варай, момче Дукатинче!
Не е Марко юнакъ со-съ юнатство,
На е Марко юнакъ со-съ курвалство;
Оште, сине, тебе да погуби».
Изведе коня́ момче Дукатинче
Изведе́ изъ новы я́хары,

Та го шинекъ-бѣлъ орисъ на́зоби,
Напои го чоборъ ру́йно вино,
Постигна го съ тридеветъ колане,
Попрегна го съ тридеветъ попрази;
Па бутна коне момче Дукатинче,
Бутна коне изъ Дукатинъ града.
Леко ходы коня Ластовица,
Леко ходы, калдерма-та троши,
Калдерма-та троши, дуваре са трясатъ,
Дуваре са тресатъ, пенджере трепе́ратъ.
И отшели у Косово-поле,
Намѣрили тоя желты камикъ —
Де-ка мѣренъ таманъ триста ока.
Море, подметна го Марко юнакъ,
Та летелъ е ни малко, ни млогу,
Та летилъ три дни и три нощи́;
Дирили го три дни и три нощи,
Дирили го, доде-къ намѣрили.
Та го метне дете Дукатинче:
Него мерзне одъ коня да слази—
Свесе се, одъ коня го узе;
Подметналъ го момче Дукатинче,
А го ферли момче Дукатинче;
Дирили го три дни и три нощи,
А дирили го те намѣрили го —
Чудили́се, каде́ камикъ падне?
А дали влете у церна земня,
Или упадна у си́нё-то море.
Море, ка' си пойде момче Дукатинче—
Леко ходы коня Ластовица,
Ка'-то би е ясна зора чини;
А, море, леко ходы коня Ластовица—
Одъ нодзе-то трѣва ферлила́ се у небеса.
Тогива продумало Марко доберъ юнакъ:

«Леле, варай, момче Дукатинче!
Постави се коня Ластовица...

Конецъ недосказанъ. Сказитель замѣтилъ, «да е Марко излагалъ момче Дукатинче» и вѣроломнымъ образомъ погубилъ его. (бо́льшаго отъ него юнака).

№ 156.

Г. Радомiръ; 1 дек. 1879 г записана со словъ Таски Моавискаго

(Марко Кралевичъ вѣроломнымъ образомъ убиваетъ юнака — дитя, семи мѣсяцевъ, имѣющаго коня, семи мѣсяцевъ).

Било́ дете седмомѣшче,
Па има́ло конь седмомѣшче.
Дума дума му уйтя седмомѣшче:
«Я излезны дете́ седмомѣшче,
Изведы коньче седмомѣшче,
Изведы го низъ ладны я́херы:
Мие малко бой да правиме съ тебе,
Да ви́деме, кой че поюнакъ,
И дали е коньче седмомѣшче,
Дали ти е ногу берзо би́ло,
Ели си е моя коня Шарговита?»
Излега го уйтя му Марко:
«Я опушти ты коньче твое
Коньче седмомѣшче—
Да видиме, ногу ли е берзо би́ло?»
И оно е уйтя послуша́ло,
Та опушти коньче седмомѣшче;
Я Марко ного хи́тро било:
Не свидесе, де-ка е дете́ седмомѣшче
Де-ка си е одъ Марко-те поюнакъ,

И извади́ сабля димиція —
Дете́ си е напредъ предъ Марко-те—
И зема́ Марко сабля димиція,
Та пресѣче́ дете пре-срѣде-ка;
И де́те си на коньче гово́ри:
«Слушай мене, коньче седмомѣшче!
Нешто ме е серце преболе́ло».
И тогай му Марко въеднакъ ока:
«Э, ты-зи-ка дете́ седмомѣшче!
Я си оберны ты-зи-ка наза́де,
Да си видишь ты-зи, коньче
Съ каква ти е чоха́ покриенъ?»
Дете се въеднакъ обернало
Обернало и въеднакъ паднало:
«Проклетъ да си, уйте, триклетъ да си!
Оты ме мене така́ измами́?
Тебе гробъ нигде, уйте, да нема!»

№ 157.

Трен. окр. с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Пеши (Петра) Тодорова.

(Марко Кралевичъ захватываетъ Янка «отъ Косова» въ плѣнъ и затѣмъ освобождаетъ его).

Повалисе Янко одъ Косова,
Да не мине турчинъ презъ Косово поле.
Сѣде Марко съ майтю да вече́ра
Да вечера суво лѣбо и первено вино;
Я самъ Марко подъ мустаци смѣе;
Майтя Марка питу́еше:
«Бога тебе, Марко Кралевиче!
Даль си смѣешь на суе вечере,

Иль си смѣешь на мое на старосты?»
«Ни се смѣемъ на суе вечере,
Ни се смѣемъ тебе на старосты,
Я са смѣемъ Янку одъ Косова:
Повалилъ се Янко одъ Косова,
Да не мине турчинъ презъ равно Косово;
Дори, мале, Марко повечéра,
Ты да идешь, коня́ да закаляшь—
Шаренъ бѣше, цернъ да стане;
Да донесешь това турско ру́о —
Да облечемъ това турско ру́о;
Чу да идемъ Янку на индаты».
Майтя иде, та коня закаля;
Па се верну, та донесе това турско ру́о.
Па премѣри Марко Кралевиче
Премѣри и перешисе;
Па си стану Марко, та и отидé,
Та отидé подъ Косова града:
Поби копья, па си кòня вéрза,
Па се узе турски да се кланя.
Сегледа го Янкова то любе,
Па говори Янку господáру:
«Бога тебе, Янко господаре!
И ты си младо обложи́ло,
Да не мине турчинъ презъ Косово.
Онъ се кланя у Косово града».
Янко по тія оговори:
«Бога тебе, мое—то любе!
Я че окнемъ саизина,
Да си узме коня дебеляна,
Да си иде доле—подъ селó-то,
Да га види—ель е турче, или бугарче?
И онъ я́ну коня дебеляна,
Та отиде доле—подъ село-то:

«Богъ те убилъ, непознанъ дѣліе!
Даль си турче, иль каурче?»
А онъ си често кланя.
Кага́ си с момче приблизи́ло,
И онъ вьрли лека буздогана,
У́дари га у само́-то серце —
Конекъ се паде и онъ се по нега;
И вану га, и верза му рукс набпако;
Па-й се узе, да се турски кланя.
Се́гледа га Янко одъ диване́:
Па си я́ну коня́ Пеливана,
Та отиде́ доле—подъ село́-то;
Ка отиде́ доле—подъ село́-то
Проговори Янко одъ Косова:
«Бога тебе, турче саратличе!
Да-ль си турче, иль бу́гарче?»
Марко мълчи и често се кланя.
Кага́ си е Янко приблизи́ло,
Онъ си вьрля лека буздогаца,
Та у́дари лека буздогана,
Та у́дари коня́ изъ-подъ нега;
Конекъ се пада, и онъ по нега
Тага ста, та му верза́ руке наопа́къ,
И си верза́ коня́ Пеливана
И си верза́ за коня́ шаренога.
Па Тага́й вати, за баджа пуса-та,
Да си гази той воду Ситни́цу,
И прикара Янка при воду Ситни́цу;
Тагай Янко по тія оговори:
«Бога тебе, незнано деліе!
Да ми пуштишь руку десницу;
Ако не смѣешь руку десницу,
Да ми пуштишь руку лѣви́цу;
И додай ми това бѣло книже,

Да испишемъ това цѐрно пи́смо,
Да га пра́тимъ на стару́ ту майтю».
А Марко му е пуштиль десницу,
Та му да́де това бѣло книже;
Янко на́писа това черно́ писмо́;
Не га трати на ста́ру-ту майтю,
Нель га прати Марку Кралевичу—
Па си сви́рну на сиво соколе́;
А Марко Янку подсмѣе:
«Бога тебе, Янко одъ Косова!
Деветъ путы низъ давнанъ те пушталъ,
Садъ десеты путы те пуштамъ;
Я самъ Марко Кралевичъ!
Зашто пратишь сиво соколенце,
Да иде на мое дворо́ве?»
Янко си е тага продумало:
«Просто да ти е деветъ кадълка,
Просто да су и мои конаци,
Просто да и то мое любе».
Но е Марко Кралѐвиче опросты му
И конаци и любе-то,
И любе-то, што обруча́лъ.

№ 158.

Дупнич. окр., с. Рыло; записана 19 янв. 1880 г. однимъ болгарскимъ школьникомъ по порученію народнаго учителя дьякона Христы Димитріева Куюнджискаго. Передаемъ буква въ букву. [1])

(Янко отъ Косова уводитъ жену Маркову Ирину; Марко убиваетъ его; освобождаетъ свою жену; смерть матери и сестры Марка отъ радости).

Море, Марко, море млады Марко;
Марко шета по Влашка крайнина,
По крайнина шета, та крайни(на) чува.
Кога беше на светіи никола,

[1]) Дѣлаемъ только свою разстановку знаковъ.

Тогай Марко отъ крайни доиде,
Па на слугѝ по тѝ оговорѝ:
Е виека дванаесе слуги!
Гответе ручокъ, да ручате,
Наточете вино, да пиете,
Изнесете наймалата чаша,
Що то бере дванаесе ока,
Та я дайте на млада шаркóте,
Да си пие и да благосивя.
Слушаа го дванаесе слугѝ,
Уготвия ручокъ, да ручая,
Наточия вино, да си пиятъ,
Изнесоха наймалата чаша,
Дадоха я на млада шаркóте—
Ем си пие, ем си благосивя.
Па е Марко на чаша задремало—
Малко дремна, големъ сонокъ виде;
Уплаши се Марко разбудисе,
Та на слуги по тѝ оговори:
«Е виека дванаесе слуги!
Малко дремнахъ големъ сонокъ видохъ:
Де ми двори магла утахнали,
Претъ портите черньбарякъ побие
У стретъ двори това сухо дерво;
А на яфорово на дервото
До три куковицѝ:
Една кука вечеръ и па вечеръ—
Като кука веке ичъ неможе;
Друга кука нощи-полунощи—
Като кука друга изговара;
Трека кука заранъ та па заранъ
Като кука веке ош окнала.
Да ли е на зло, или е на добрб?»
Слугѝ му по ти оговоратъ:

«Море Марко, море млади Марко!
Ни е на зло, ни то е на добро:
Пленена е робена господна—
Еве сега три година време,
Како си е она запленена—
Пленилъ е Янко отъ Косово;
Това що са до три куковици:
Тай що кука вечеръ та по вечеръ,
Това ти е твое стара майка,—
Що то кука ношти́ полунощи,
Това ти е твое первнолюбне,—
Що то кука заранъ па та зáранъ,
Она ти е сестра Ангелия».
Ни то стоя Марко, ни то гледа,
Туку яхна тая Шарца кона,
Та си пойде стара манастира;
Тамо седе три месеца време;
Та си пущи коси зá поясъ си,
И направи калугерско рухó,
И си тури калугерьска капа,
Та си яхна, та Шарца кона,
Та си хойде з Косови града;
Та си ходе предъ Янкови́ порти́;
Претъ порти му тай шарены чешмы:
Тамо наде ери(на) госпожа
Де налие два ибрика вода;
Говори церна калудера:
«Помага(й) Богъ, моя Янковице!
Я ми дода(й) еденъ ибрикъ вода—
Я да пия, коня да поя;
Устата е мене погорелы
Погорелы за студена вода».
Говори му Ерина госпожа:
«Далъ Богъ добро, церна калудера!

Не смею ти водица подати,
Ме Янко отъ чардаци гледа,
Та хоке мене младо да погуби;
Кога бехъ котъ млади Марко,
Секо гладно бех го заранила,
Секо жадно бех го напоило,
Секо гола бех го заоблекло,
А подъ Янко ясъ несмемъ
Не смемъ и вода да дадемъ;
Ене, Янко отъ чардаци гледа!»
Па си зема два златна ибрика,
Та си хойде горе котъ Янкоте
Котъ Янкоте на високи чардакъ.
А Янко и по ти́ оговóри:
«Е тизека Ерино госпожо,
Що ти зборѝ церна калугера?»
И она му казива и доказа,
Що и збори церна калугера;
Туку го е она излагала:
«Е тизека Янко млади Янко!
Конакъ тражи дека да нощева».
Говори Янко млади Янко:
«Е тизека Ерине госпожо!
Ти го викни́, у насъ да нощева;
Язе имамъ дума да му думамъ
Ега Бог да право да ми кажа,
Ясъ на него големъ бакшишъ дада!»
Послуша го Ерина госпожа,
Та повикна церна калугера:
«Тако м' Бога церна калугеро!
Хайде тизе у насъ да нощеваш,
Тебе зове Янко млади Янко»;
Не ще да праша-послуша я церна калугера,
Та си хойде код млади Янко,

Те говори черна калугера:
«Богъ помага Янко млади Янко!»
— «Далъ Богъ добро, черна калугера!»
Говори Янко млади Янко:
«Е тизе Ерино госпожо!
Я уготви тай слатка вечера
И наточи това руйно вино».
Послуша го Ерина госпожа,
Та уготви тай слатка вечера
И наточи това руйно вино.
Па седнаха да си вечерая;
Принесоха вино да си пиятъ;
Па се они дума задумаха.
Говори му Янко млади Янко:
«Тако м' Бога, черна калугеро!
Богъ ми, душа! нещо ке те прашамъ;
Да би далъ Богъ,
Право да ми кажешь,
Я кю тебе големъ бакши́ да дамъ».
Говори му черна калугера:
«Прашай, Янко, прашай, млади Янко!
Тако м' Бога, право ще ти кажа».
И Янко му ощ еднашъ, говори:
«Е тизека черна калугеро!
Отде ти е марковата кона?»
— Калугер му по ти́ оговори́:
«Е тизека, Янко млади Янко!
Еве, сека три години време,
Како Марко по краини умре,
Та му коня за опело узехъ»;
Дочула е Ерина госпожа,
Поронила тия дробни́ сълзе;
Согледа я Янко млади́ Янко,
Дека рони тия дробни сълзи,

Дека жали за млади Маркоте,
Тагъ удри съ рака десница,
Два и заби из глава паднаха.
Говори му черна калугера:
«Тако м' Бога, Янко, младѝ Янко!
Я ми подáй тая остра сабля,
Да понишамъ твоя остра сабля,
Да поиграмъ калугерско оро;
Да разговара Ерина госпожа,
Да не рони тия дробни сълзи,
Да не жали Марко млада Марко».
Не сетисе Янко младѝ Янко,
Та е даде тая остра сабля;
Разнишалъ черна калугера
Разнишалъ тая остра сабля,
Та разгралъ е калугерско оро,
И отсѣче Янковата глава;
Остави му глава на софра-та,
Па си фана Ерина за рака,
Та я сведе доле у дворове;
Па улезна у нова яхери,
Та изведе си тая Шарца кона,
Та си яхна тая Шарца кона,
Па си фана Ерина за рака,
Та я ферли кото зат себека.
Расплака се Ерина госпожа,
Та си викна, колко що си може:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Останах си без млада Маркоте,
А па сега и без млади Янкоте,
Па сега кю калугеръ да вода».
Говори и Марко млади Марко:
«Не бой ми се, Ерино госпожо!
Язе не самъ черна калугера,

Туку са ти Марко первнолюбне;
Сега ние дома ке идеме,
Да видиме наша стара майка —
Живи ле, или не живи?
И да вида сестра Ангелия —
Дома ли е, или се ожени?»
Па си ойде Марко, дура, дома;
Одалеко иде и си вика:
«Отвори́ ми, моя стара майко!
Отвори́ ми тия нови порти, —
Я излезни сестро Янгелио!
Я излезни да пошетнашь коня».
Дочула го нему стара-майка;
Дочула го сестра Ангелия;
Дури майка стара да подигне
Да подигне тия стари кости,
Да отвори на Маркоте порты;
Дури сестра гергевъ да остави
На гергево тоа свиленъ яглакъ,
На яглако деведесе игла,
И си на нозе станала,
Удри Марко коня съ зенги́(и),
Та прелете презъ новите по́рты.
Ка' го виде негова-та майка,
Жива го е она пригърнала! —
«Добре дойде Марко, мили сине!»
Още рече она неизрече,
Мертва се она одвоила;
Пригърна го сестра Ангелия:
«Добре доше Марко, мили братко!»
Жива го е она пригърнала,
Мертва се е она одвоила.

№ 159.

Соф. окр. (поле), ссло Чепинци; 2 февр. 1880 г записана со словъ крестьянина Николы Мацуковецъ.

(Белё юнакъ увелъ жену Марка Кралевича).

Абаре дошло́ на Марко
Одъ три кралове стигнало:
Да иде Марко да иде,
Да три крайнины да варди.
Мало е млогу е пресѣдѣлъ,
Сѣделъ е деветъ годины;
Абаре дошло одъ Марко:
«Марко е дюле[1]) удрило;
Осилилъ се Белё добаръ юнакъ,
Та зароби Марково-то либе
И марково-то дете осмогодче».
И калеса Белё триста села
Триста села и сто града:
Собралисе юнакъ надъ юнакъ,
А Белё се самъ си, бре, пофали́:
«Видете ли Марково боздоганинъ?
Това ми е одъ Марко миразъ[2]);
Юнаци се спогледнаха,
Та вазеа Маркови боздоганинъ —
Кой си може низъ капія да го извади?
Си се гостье редомъ, бре, редили,
Кой се, бре, фана за него,
И кой се не фана;
А марково дете осмогодче
Фанало се со-съ лѣва-та рака,

[1]) Пушка.
[2]) Наслѣдство (тур.).

Извади си босдоганъ до стрѣде,
Па се фана со-съ десна рака,
Та извади боздоганъ.
А майтя го, бре, люто кьлнеше:
«Проклето да си, триклето да си!
Башта ти си глава придáде
Са-съ тая х̑алосія[1]).
Таманъ е, бре, рекла,
Тече-иде черна калудера
И си ях̑а Марку шарголія.
Ка' го видé Белё добаръ юнакъ,
Зеá лица да го пребиватъ:
Нá нодзе го дочекали,
Нá раце го прифанали,
У тарпези го увели,
Да му рече тоя, оня;
Продума му самъ Белё добаръ юнакъ:
«Слава Богу, черна калудера!
Што си яздышь коня,
Приличе на Маркова Шарголія?»
— Одговара Марко черна калудера:
«Слава Богу, Белё добаръ юнакъ!
Згодихсе Марку на опѣло,
Та ми дали Шарка коня».
Тога се Белё ослободи́,
Тога се Белё самъ си приказа:
«Слава Богу, черна калудера!
Та това е Марково либе
И негово мошко дете осмогодче»;
Марко пó ти одговори:
«Слава Богу, Белё добаръ юнакъ!
Я ми дай Марковъ боздоганинъ,

[1]) юнакъ.

Да припаша на моя-та танка половина,
Да се кача Маркова-та коня,
Какъ и знае, да играс,
Да играе прилѣпчанско оро».
И Белѐ му даде боздогана;
Припаса го черна калудера,
Припаса го танка половина,
Па се качи коня Шарголія,
Та заигра прилѣпчанско оро,
Та заигра, бре, налѣво;
Ка' оберна́ на́десно,
Кога погледне на юнаци,
Одъ юнаци нема нышто;
И говори:
Та знаешь ли, Белѐ чорбаджіё?
Те това́ с Марко добаръ юнакъ
Одъ Прилѣпа града, бре, голѣма!
Тогая се фана Белѐ добаръ юнакъ,
Та му подви́ лѣва-та рака,
И му изви, бре, руса-та глава,
Па си беркна у десны джепове,
Та извади, бре, влашки пожéве,
Одрѣза му, бре, руса глава.

№ 160.

Вран. окр. (въ Сербскомъ княжествѣ), с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ крестьянина Иліи Николина.

(Марко Кралевичъ въ испугѣ).

Сѣды Марко да вечера;
На вечеру го питус майка:
«Вала тебе, Марко Кралéвиче!
Како дурашь по бѣлога свѣта,

Ели се кад-годъ уплашио?»
— «Нель ме питашь остарѣла майка
Нель ме питашь, право тю ти кажемъ:
Кадъ запресе младе Радивое,
Кадъ запресе надалекъ девойку,
Надалеко-преко Церно море,
Кума куми Дука Латѝнина,
Старогъ свата Релю одъ Пазара,
А прикумка Милошъ Кобиличе,
А мене, майко, за деверство узме;
Па отомо у Латинску земню,
Па-й отомо здраво и вѐсело;
Латини ни лѣпо дочекáше:
Доста пива и доста вáрива;
Па пойдóмо изъ Латинску земню,
И узомо тую лѣпу девойку,
Па пойдóмо горѣ Романлiѣ.
Проклета е гора Романлія!
Никадъ не е безъ айдука, майко,
Безъ айдука, ель безъ мечка-вука.
Врагъ изнесе трогла́ву Рапину,
Па овако онъ бесѣдеше:
«Чуешь мене, Дуко Латинино!
Чудно ли тешь, лудо ли да погѝнешь?
Своу главу за-лудъ да издадéшь
И за тудя тай лѣпа девойка».
Онъ побѣже горѣ Романлiѣ.
Па овако, майко, проговóра:
«Чуешь мене, Милошь Кобиличу!
Чудно ли тешь, лудо ли да погинешь?
Своу главу за-лудъ да издадéшь
И за тудя тай лѣпа девойка,
И за тудя одъ злато ябука»;
Онъ побѣже у горе зелене.

Па овако Рели бесѣдаше:
Чуешь мене, Реля одъ Пазара!
Чудно ли тешь, лудо ли да погинешь:
И за тудя тая лѣпа девойка,
За-лудъ ли тешь да погинешь?»
Побѣгоше сви редомъ сва́тове;
Ёште оста Марко Кралѐвиче:
И онъ во́ды подъ девойку коня.
Туй Рапъ му бесѣдаше:
«Чуешь мене, Марко Кралевиче!
Чудно ли тешь, лудо ли да погинешь?
Своу главу за-лудъ да издаде́шь:
А што во́дешь подъ девойку ко́ня».
Тегъ се майко, я малко уплаши:
Па попу́стимъ шарены дизги́ни,
Па побѣго у горе́ зелене,
И западо узъ елу зелену;
Девойка ме люто прокленяше:
«Проклетъ да си, Марко Кралѐвиче!
Оде вѣре срамо́та те било:
А кому се снау поклони́о?
Да е Сербинъ, ни е ни срамо́та,
Но на церну троеглаву Рапину!»
Тегъ се, майко, я малко налю́ти:
Па си узмемъ тежку топузину;
Варкалъ одъ елу до елу,
Докле го самъ малко прева́рио
На довата по церному врату:
Арапъ пади, я му допада,
Па-й отсѣко три айджерске главе;
Па си викалъ до три бѣла дена,
Докле свикалъ редомъ до три сви сватове.
Па и отомо здраво и вѐсело.

№ 161.

Вран. окр. (въ Сербскомъ княж.), с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ крестьянина Иліи Николиича.

(Похвальба дуки (дожа) Латинскаго Радоя; убіеніе его Маркомъ юнакомъ).

Сѣды Марко вечеръ-та вечера;
На вечеру питуе го майка:
«Што се, Марко, подъ мустати смѣешь?
Даль си смѣешь на божу вечеру,
Иль си смѣешь майка на старости?»
— «Ни се смѣемъ на боже вечере,
Ни се смѣемъ майки на ста́рости,
Но се смѣемъ Дуки Латинину —
Како́въ юна́къ! какво́ писмо прати!
«Да ми дойде Марко у мейдана,
Али отю нему отити».
Проговара нему стара майтя:
«Немой да дойде Дука Латинина,
А иды ты —
Вете ми се надолѣло,
Гледаючи свакакви грѣ́ови».
И узъяна Марко Шарца добра коня,
Право иде у дукине дворы;
Кадъ онъ е се добро затво́рио,
Туй, ме, чука Марко на порте:
«Ты излезни, бре, добрый юначе!»
Проговара негова-та люба:
«Айде, иды, непо́знанъ деліе,
Докле не е Раде дошео ми,
Али оче тебе онъ погубити»;
И налюти Марко Шарца добра коня,
Па урипи у него́ви дворы;
Тавай скина кована гердана,

Маку съ рукомъ—изчука ней зуби,
Па поручуй на нёйнога човѣка —
Нека дойде у но́ве меане,
Да піемо той герданъ заедно.
Кадъ, ми, дойде тай-зи неванъ човѣкъ,
И она му добрѣ дока́зуе:
«Ючеръ самъ ти погинула —
Туй, ми, дойде, еденъ доберъ юнакъ,
Преко твое порте, есте, урипи́о,
И мене ми герданъ изки́дао,
И мене ми зуби изчукао;
А што пратешь писмо,
А дома не сѣдышь?»
— «А кудъ се дѣну то́я доберъ юнакъ?»
— «Онъ отиде у нови меане
И по́ручи—и ты да му идешь».
И онъ оде у нове меане:
«Помозъ Бога, Марко Кралевиче!»
— «Богъ помо́галъ, непознанъ дели́ё!
Оды, вино да піемо,
Да піемо еденъ женски герданъ».
— Каже Дука Латинина:
«Лесно жени сваки бити;
Но излезни юна́къ у мейдану».
— «Оды, кажемъ, вино да піемо,
А у мейданъ съутра излезтемо».
Дука ныштo више нете да гово́ри —
Ману сабля и расипа Марку чашу.
Налюти се Марко Кралевиче,
Та му узме тая празна чаша —
Мана чашу-и́стера му главу;
Съ чашу го погубио —
Нема на́ што са́блю да керва́ви.

№ 162.

Радом. окр., село Верба; 29 ноября 1879 г. записана со словъ того же крестьянина села «Вербы».

(Марко Кралевичъ уничтожаетъ еврейскую аренду на Св. Горѣ).

Продáвасе чиста света гора.
Закупиль е жълта еврештина;
И наловиль триста кириджіи,
Амо се нема конь-калаусъ;
Беендисаль Марково-то конé,
Да му иде нредъ конь напредъ;
Па си ойде при Марко юнакъ:
«Я самъ купиль чиста света гора,
И наловиль триста кириджіи,
И беендисахъ твоя Шарца добра коня,
Да иде калаусъ напрéдъ
И да носе звонéцъ седемдесе óки».
— А слютисе Марко добаръ юнакъ,
Та удри жълта еврештина,
Удри га Марко добаръ юнáкъ;
А она нему говóриль:
«А ме удри, а ме муа уштúпа».
Тага удриль жълта еврештина;
А онъ си му измóлюе:
«Не мой мене повторь повторите!
Айде, карай Шарка добра коня:
Колко сакашь, толко товаръ турай».
— А онъ си ойде та на майтя казува:
«Богъ да бíе жълта еврештина!
— Закупиль е чиста света гора,
И ме одкара Шарца добра коня».
— И товá ли, сине, да те учимъ?
«Направисе Божія прошлятина,

Та си иды друми на раздруми,
Та си сѣди шарены на чешмы,
И ты земи тія лѣпи гусли,
Тамъ че мине жълта евре́штина;
Честиты му чиста света гора;
Онъ че дарокъ даруе,
А ты не мой, дарокъ да земешь,
А ты си му измолюй,
Ега че вода́ да дадé».
— Ете иде жълта евреина.
— «Богъ те било жълто евреино!
Честита ти чиста света гора!»
А оно му дае жълте алтены;
— А оно каже: «не давай жълте алтены́,
Додай мени студена водица:
Немамъ я очи, да си придемъ,
Да придемъ, вода да си піемъ».
— А слезнало жълта евреина,
А слезналъ, вода да піе,
Та запишиль деветъ дули чешмы;
А не било Божія прошлятина,
Нело било Марко, добаръ юна́къ:
Извади́ тая остра сабля,
Та пресѣче жълта евреина;
А рекнала половинъ-трупина
Та притисне Марко юнакъ;
— А онъ се лѣпо измолюе:
«Чуете ли, триста кириджіи!
Свинете те триста тоягальни». [1])
Удрише му триста помага́льни,
Па немогли, него да о́дма;
А онъ се ока́ Шарца добра коня:

[1]) Палка.

«Скоро бѣжи, мене да отмешь!»
— Тагай му конё повернýло,
Та удри со-съ негови копити,
Го накаралъ деветъ латы у земи,
А четри у дробно каменё.
Тогай стана́ Марко добаръ юнакъ,
Да е отелъ чиста света гора,
Да не мърси жълта еврешти́на.

№ 163.

Соф. окр. (поле), село Челопечино; 1 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Стояна Растова Буелъ.

(Марко убиваетъ треглавую змію, вредившую жителямъ).

Собра́лисе три дружина
У меана дренопольска,
Та си піятъ вино и ракія:
Единъ бѣше Марко юнакъ,
Торы бѣше Павелъ юнакъ,
Трети бѣше Бранко юнакъ.
Прочула се люта змія
Люта змія у Балкана,
Разселила деветъ села
И за́прела три клисуры.
Проговори Бранко юнакъ:
«Слава Богу, два дружина!
Ка' сѣдете, та пите,
Я то иде, да обиде
Да обиде добра коня.
Па отиде, та обиде добра коня,
Та е посте́гна, та попре́гна,
Та се качи добаръ юнакъ,
Та отиде на Балкана;
Проговори добаръ юнакъ:
«Слава Богу, люта змія!
Де-ка да си, ту́ка да си!»
Ка' го дочу люта змія,
Заехчала-запиштала,
Съ душо гора поломила,
Со-съ нодзе камень обронила.
Согледа го добаръ юнакъ:
Верна конё наназаде,
Едва живъ съ душо утече;
Та отиде при два дружина
И говори добаръ юнакъ:
«Слава Богу, два дружина!
Ка сѣдете, та си пійте,
Не се трепе люта змія
Люта змія троеглава
Троеглава, шестокрыла».

Проговори Павелъ юнакъ:
«Слава Богу, два дружина!
Ка' сѣдете, та си пійте,
Я то идемъ, да обидемъ
Да обидемъ добрá коня,
Да постегнемъ добрá коня».
Стегна, попрегна добрá коня,
Та се качи добаръ юнакъ
И отиде на Балкана;
Проговори добаръ юнакъ:
«Слава Богу, люта змія!
Де-ка да си, тука да си!
Да те вида, ты каквá си?»
Дочу го люта змія:
Заéхчала, запиштала,
Съ душо гора поломила,
Со-съ нодзе камене обронила;
Ка' видé Павелъ юнакъ,
Версна кóня на-назадъ,
Едва живъ съ душо утече,
И ойдё при два дружина;
Проговори Павелъ юнакъ:
«Слава Богомъ, два дружина!
Не се губи лю́та змія
Люта змія троёглава
Троéглава, шестокрыла».
Проговори Марко юнакъ:
«Слава Богомъ, два дружина!
Ка' сѣдете, та си пійте,
Я тю идемъ, да обидемъ
Да обидемъ Шарка коня».
Па постегна Шарка коня,
Постегнá го, попрегнá го,
Запáса острá сабля,
Та се качи Марко юнакъ,
И отиде на Балкана;
Проговори Марко юнакъ:
«Слава Богомъ, люта змія!
Де-ка да си, тука да си!
Да ти вида, ты каква си?»
Дочула го люта змія:
Заéхчала, запищала,
Съ душо гора поломила
Со-съ нодзе каменье обронила.
Согледа е Марко юнакъ,
Согледа а, дочека а;
Дочекала люта змія:
Фанала люта змія
Фанала Марко юнакъ —
Съ една глава фанала Марко юнакъ,
Съ тóра глава фанала Шáрка кóня,
Третя глава Марко ядé.
Погледалъ Марко юнакъ
Погледалъ и заплакалъ,
Одъ Марка си керви течатъ,—
Па изваáди острá сабля,
Та одсѣче змія троёглава,
Па си верна на-назаде;
Проговори Марко юнакъ:
«Слава Богомъ, деветъ села!
Селéтесе деветъ сéла;
Я погубй́ люта змія;
И провервете три клисуры!
Я погубй́ люта змія!

№ 164.

Соф. окр., село Суводолъ; 30 янв. 1880 г. записана со словъ кмета Георгія Колова.

(Марко Кралевичъ строитъ церкви, безъ спроса турокъ; вслѣдствіе чего навлекаетъ на себя злобу султана, который приказываетъ схватить его).

Шета Марко по Косово поле,
Тамо гради церкве, монастыре;
Оттамъ ойде на Скопье высоко,
И тамъ Марко монастырь загради —
Монастырье светы Димитріе;
Се ги гради безъ царева изинъ [1]).
Рѣчь по рѣчь до царо се дочу́.
Царъ се прати до два ми телала,
Личь балича по Стамбола града:
«Чуете ли Турци и Бу́гаре!
Че каковъ е Марко делійбаша!
Кой-то може юнакъ надъ юнаци
Живъ Марка да у руце фана,
Дарилъ бы ги незнано иманье,
Дарилъ бы незнаны градове,
Дарилъ бы и оште што сакатъ,
Салъ Марко живъ ми да доведа».
Никой нема юнакъ надъ юнаци —
Живъ Марко у руце да фана,
Салъ са е черна Арапина;
Па отиде при царъ султанъ Муратъ
И говори:
«Фала, цару, фала е, султане!
Колку, цару, дарба че ме да́решь?
Я самъ болье юнакъ надъ юнаци,

[1]) Тур. слово=разрѣшеніе.

Я че фанемъ Марка-те юнака,
Живъ че ти у руке доведéмъ;
Давай, цару, друго, што че дăвашь:
Ты ме даришь града Радоміра,
Што извезе стара влахимина,
И ми давашь града Сталатина,
Што извезе стара влахимина,
И ми давашь Босна-Сараева
И у Босна бѣло Сараево,
Той неражда ни жито, ни трѣва;
Давай, цару, друго и придавай,
Ако сакашь добро да ти чинимъ —
Живъ Марко ти у руке да фанемъ,
Живъ да те на дворы доведéмъ».
Той му царо ти'о говореше:
«Фала тебѣ, черна Арапине!
Ако можешь юнакъ надъ юнаци
Живъ Марко у руке да фанешь,
Даричемъ те сва Солуна града
И че дадемъ кральство да кралювашь;
Ако можешь добро да ми чинишь,
Че те даримъ Маркови-те дворы
И са-съ дворы Марково-то лю́бе».
Той се нае черна Арапина;
Тогай тергна возъ тесны сокаци,
Право ойде на ибизданжіи;
Тамъ накрои ру́хо калудерско,
И направи капа калимавка.
И направи златны нараквицы —
Сышты стана черны калудера;
Направилъ е до седемъ сенджира,
И везелъ дервишко дервеже,
Съ дервеже одъ юнаци варай,
Право тергна по бѣли друмове,

Право ойде града на Прилѣпа:
Тамъ подчукна на марковы порты;
Излезнала маркова-та майтя,
Па му майтя тихо говораше:
«Фала тебѣ, черно калудеро!
Тука нема Марка-те юнака,
Да Марко е на Скопье высоко,
Тамо гради церкви-монастыре,
Заградилъ е светы Димитріе».
Той се тергпа черна Арапина,
Право тергна по бѣли друмове;
Ка' е тергна оловна камджія [1]),
Та удари коня изъ-подъ себе;
Каде мина по бѣли друмове,
Се друмове огень утегнаха,
Одъ узда му бѣли пѣни течá;
Одъ гербина черни керви течá;
Право ойде на Скопье высоко,
Тамъ на монастырь светы Димитріе;
Почукналъ е на пребѣли порты:
Излезналъ е Марко доберъ юнакъ,
Излезналъ е и въеднагъ казалъ:
«Фала тебѣ, черно Арапино!
Богъ те біе, Богъ да те убіе!
Защто идешь на наши монастырь?
Дали идешь-нешто да ми лыжешь?»
А онъ си му тихо говораше:
«Фала, Марко, фала, доберъ юнакъ!
Да я несамъ черна Арапина,
Нело семъ черна калудера,
Де я самъ си одъ света горица —
Одъ монастыро одъ Илендараго;

[1]) Кнутъ (тур. слово).

Той самъ чуло и самъ си разбрало,
Зашто градишь церкви-монастире,
И самъ дошелъ на твой монастырь:
Ты че кажешь старѣя да быдемъ».
Той му Марко по ти оговóри:
«Богъ те било, черне Арапине!
Ты си дошелъ, та ме-мене лыжешь».
Арапинъ му тих̑о говóраше:
«Фала, Марко, фала, доберъ юнакъ!
Óведисе, Марко, и ме слушай:
Я да четимъ книга повангелье;
Ако ли те, Марко, я излыжемъ,
Ты одсѣчи моя черна глава,
Ако ли те, Марко, я не лыжемъ,
Ты постави мене старѣя че быдемъ».
И Марко го младо послушало:
И Арапинъ книга прочетело —
Съ лѣва рака книга се держаше,
Съ десна рака синджиръ си держеше
И на Марко на рамо наметна —
Живъ Марко та у руке улове;
Пишти Марко, ка'-то люта змія,
Никой нема, Марко да се отме.
Дочулъ го е х̑айдукъ дебелъ Новакъ
Одъ висока Качи́нова града:
Справилъ си нему добра коня́;
Тергналъ си е по бѣли́ друмове,
Право ойде и право ги стигна́,
На Арапинъ тих̑о говóраше:
«Фала тебѣ, черна Арапина!
Каде карашь Марко-те юнака?
Знаешь ли ме-мене и познавашь?
Кой самъ юнакъ, одъ коя самъ града?»

Слѣдовалъ, вѣроятно, отвѣтъ Арапина; но сказитель опустилъ его. На отвѣтъ Арапина отвѣчаетъ юнакъ Новакъ:

«Не ме викатъ Марко доберъ юнакъ,
Налъ ме викатъ хайдукъ дебелъ Новакъ,
Одъ висока самъ Качина града;
Чемъ да ферлимъ, чемъ да те удáримъ:
Мытна вода какво порой нóси,
Така тебе бѣдá че однéсе».
А онъ си му тихо говóраше:
«Ферляй, ферляй, хайдукъ дебелъ Новакъ!
Ако можешь мене да утепашь,
Харамъ да е кральство, што кралювашь,
Ако немошь мене да утéпашь,
Да ти видимъ, што юначство имашь!»
Тергна-ферли хайдукъ дебелъ Новакъ
Со-съ негово лѣпо шестоперче;
Богъ да бíе черна Арапина!
Завертелъ е дервишко дерведже,
Шестоперче на странá отидé;
Ферлилъ халка [1]) и него улови.
Тойги стави до два юнаци;
Тія пиштатъ ка'-то люты змíи,
Дочуло ги Новаково детé,
Дете му е Груица-детенце;
Справило нему е добрá коня́,
Тергнало одъ свои́ дворóве,
Право терчи на бѣли́ дрýмове,
Право срѣшна и право го пита:
«Богъ те било, черно Арапино!
Каде ходышь и кадé си ходы́лъ?
И си фаналъ двамина юнаци?
Дошелъ ли си е до моя-та ракá,

[1]) Петля.

Да ме видишь, да я кой самъ юнакъ,
Кой самъ юнакъ, одъ коя самъ града?
Не ме викатъ Марко Кралевиче,
Не ме викатъ хайдукъ дебелъ Новáкъ,
Но самъ язе Груица—детенце,
Одъ висока самъ Качина града;
Да видишь ли мое шестоперче!
Мытно вода каде порой носи,
Така ты-зи у бѣдá че ойдешь».
А онъ-ти му по ти оговóри:
Богъ те било, Груице—детенце!
Харамъ, што кральство кралювашь,
Ако немошь Арапинъ утепá».
Ферли дете съ леко шестоперче.
Богъ да бíе церна Арапина!
Завертелъ е дервишко дерведжe
И буздоганъ нá страна óтиде,
Ферли синджиръ и него у́лови.
Той станаха троица юнаци;
Тія пишта, ка'-то люты зміи.
Дочуха ги Новáкови децá:
Исправиха нихни добри́ кони́,
Излезнаха, и нихъ си е Фаналъ,
Фаналъ е церна Арапина.
Той станаха петина юнаци;
Тія пишта, ка'-то люты зміи.
Ка' ги дочулъ Янко доберъ юнакъ —
Той е Янкулъ одъ равно Косово —
Янкулъ дочулъ одъ неговú дворы,
Че дружина у руке фанеты;
А Янкулъ е юнакъ надъ юнаци,
Че да ида, дружина да отме.
Той е ошелъ, и онъ си е фанатъ.

Той станаха́ шестина юнаци;
Тія пишта и си са ожаловатъ.
Богъ да біе церна Арапина!
Ни ги пита, ни имъ добре́ чини,
Право верви́ по бѣли друмове,
Право д' иде на Стамбола града,
Да ги кара при царъ султанъ Муратъ.
Дочуло е Секуло—детенце
Одъ высока града Іорга́нина;
Седѣло е дете у одаи́,
Одъ врати му гласи достигная,
А дете се чудо му чудило,—
Я вечера, а гласи дости́гатъ;
Той си мои́ братя ул6́венъı,
Мои́ братя и моя дружина;
Може, да са на зло начинеты;
Я да идемъ, ега́ да ги отмемъ;
Не че можемъ со-съ моя силама,
Я да платимъ деветъ летургіи,
Можемъ тога́й бра́тя да одку́пимъ.
И станало и коня стегнало,
И тергна́ло и си е отишло́,
И скепо си е летургія плати́;
Право стигна́ него́вы-те дружины:
И тамо е церна Арапина,
Живъ ги фанали [1])
И живъ ги кара,
Тай са близа до Стамбола града;
И надалекъ робье заробены.
Ка'-то стигна́ Се́кула—детенце,
Оддале́къ е оно́ исока́ло:
«Богъ те било, церна Арапина!

[1]) = фаналъ + и

Пуштай ты-зи той моя́ дружина!
Ни се Фалимъ—ни юнагство имамъ,
Ако, може, Господъ да помо́гне,
Ты че знаешь и люде че видатъ!»
Тергна, ферли съ лека буздогана;
А е ферли́лъ, а го е удари́лъ,
Исферлилъ го низъ синё-то сѣдло,
И онъ падна на черна-та земня;
Што ми прешло Се́кула-детенце,
Тергнало е са́бля дипленица —
Диплело е дванаесы диплё,
Носило е у десна пазуха;
Отпуштило е шестина юнаци
И дума́ло Се́кула-детенце:
«Ᾱйде напредъ, церна Ᾱрапине!
Каде ч' идешь, каде че ме водышь?
Да и́маш ли мѣсто, дека д' име,
Дека д' име, дека че ме во́дышь?»
Ара́пинъ му се чудомъ учудило:
Дека д' иде, дека го воды?
Нима д' иде, нима да го воды.
Земало е Секула-детенце,
Везело е на Арапинъ гла́ва
И ошло́ при царъ султанъ Муратъ,
И му тихо́ гово́раше:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Мошь честыти да быдышь!
Ты ми прашташь церны Ᾱрапины,
Та да лова насъ по земни́-те,
И да хо́да и назе да лова,
А ние сме и па оште живи —
Братъ по брата и нече да умре;
Я семъ отелъ шестина юнаци,

Я семъ седми кодъ тебе семъ дошелъ,
Да ми кажешь, далъ ги ты-зе пратышь?
А царь-си му по ти оговори:
«Фала́ тебѣ, Секуло́-детенце!
Я те знавамъ за мое-те чедо
И за тебе нигде душа немамъ;
Ты-си дошелъ, да ми-мене жалишь;
Я не знаемъ черна Арапиа,
Ни ме питай, каде́ си хо́ды,
Ни го знаемъ, ни го попознавамъ,
Дали има негде Арапины;
Я да пойдемъ, я че ги утепамъ».
Той му дете по-ти оговори:
«Фала, цару, мошь честитъ да быдешь,
Я погледни на мо́я-та коня
И погледни у мои́ бисаджи,
Што ти носимъ глава, да си видишь:
А дали глава за ферлянье?
И дали е, цару, непознавашь?
И дали чешь, цару, да си думашь?
У тебе е дума изпуштена,
Ты чешь, цару, одговоренъ да си́;
Я семъ сраменъ, и срамо загу́бихъ,
Я чемъ сега право да си кажемъ:
Че те губимъ, ако да си са́камъ».
А царь му-се тио говораше:
«Э Секуле, Секуле-детенце!
Мои-те са дарби найголѣми:
Колко сакашь, толко че те даримъ».
А Секула ти оговораше:
«Богъ те било, цару, е честиты!
Ни те знаемъ, на те попознаемъ,
Ни че иштемъ, тебе да погубимъ;
Я избавихъ шестина юнаци,

Избави́хъ ги и ги познавамъ,
Ни ги сакамъ, мене да се кажатъ,
А то нели, царо, да те гу́бимъ».
А царь му е ти оговóраше:
«Э, Секуле, Секуле—детенце!
Ты ме знаешь, язе колко можемъ;
Ты да сакашь, ты че ме погу́бишь;
Молимъ ти се, не дѣй да ме погуби».
—«Дарба имашь живóтъ и здравьс».

№ 165.

Трем. окр., с. Бабица; 28 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины Стоянчевой.

(тоже).

Марко гради деветъ задужбине —
Ни питуе цара, ни визира.
Па се дочу до честита цара.
Пушти царо до деветъ тала́ле;
Талали виче по Будима града:
«Кой се може юнакъ наванати,
Да си ване Марка Кралевича,
При мене живъ да докара,
Че му дадéмъ Босна-Сарай,
Че му дадéмъ двѣ азнаина».
Богъ да бíе церну Арапину!
Навануса церна́ Арапина
Навануса—да га Богъ убíе!
«Давай цару-што че ми дадешь?
Да я нечу Босну-Сараю,
Што не ража ни дърва ни камикъ».
Далъ му царькъ три азне иманя.
Богъ да бíе церну́ Арапи́ну!

Ка̀ отиде на нови пазаръ,
Та си купи руо калудерско,
И си купи капу калудерску,
И си земе кни́ге старовремске,
Па си пойде презъ по́ле широ́ко.
О́далекъ га Марко согледа́ло:
«Назадъ, назадъ, черна́ Арапина!»
Арапинъ си Марку гово́раше:
«Тако д' Бога, Марко Кралевиче!
Да я несамъ черна́ Арапина,
Нели самъ черна́ калудера;
Я ме води деветъ задужбине,
Да осветимъ деветъ заду́жбине».
Не сѣ́тисе Марко Кралевичъ —
Излыжи га черна Арапина;
Уведе га у деветъ задужбине.
Проговóри черна́ Арапи́на:
Тако д' Бога, Марко Кралевичъ!
Я наведи ми твою ру́су гла́ву,
Да осветимъ твою ру́су главу,
Па тагая че церкве да осветимъ».
Навело е Марко Кралевичъ,
Навело е ту́ю русу главу;
Богъ да бíе черну Арапи́ну!
Вади ключе одъ сенджире,
Та у́кова Марка Кралевича:
На ноге му три ситна синджія,
На руке му деветъ букадія,
На гушу деветъ куладія —
У́кова Марка, Кралевича,
Уковало га и покарало.
Писнуло е Марко Кралевичъ,
Писнуло е, колико се може.

Дочу си Янко одъ Косова;
Янко дума на стару майтю:
«Леле мале, леле стара мале!
Писъкъ иде презъ поле широко,
На гласъ му е побратимъ Марко.
Янко си е коня́ посправило,
Посте́гнуло до деветъ колана,
Узело тешка топузина,
Узело лька бугдозана,
Та пристигна черну́ Арапи́ну:
Пуштай, пуштай Марко Кралевичъ,
Че те удри(мъ) меджи черны́ очи,
Че накарамъ три пе́ды у́ земь!»
Проговори черна́ Арапина:
«Вьрляй, вьрляй, жалба да не ти е!
Таманъ толко и за тебе алка има».
Таманъ това́ думу издума́лъ,
И нега у алку турило.
Писнали се двамина юнака
Писнали се, колико се може.
Дочу́ ги айдукъ Дебе́лъ-Нова́къ;
Айдукъ ду́ма на стару-ту майтю:
«Леле мале, леле стара мале!
Много писакъ преко поле широко —
Едно си е Марко юнакъ,
А дру́го-то Янко одъ Косо́ва».
И оно́ е коня́ посправи́ло:
Постегну до деветъ ко́лана,
И узело тежка топузи́на,
И узело лька бугдозана,
Та пристигну черну Арапину.
Проговори́ айдукъ Дебелъ-Нова́къ:
«Тако д' Бога, черна́ Арапина!
Пущай, пущай двами́на юнака,

Че те удри́мъ меджи черны́ о́чи,
Че накарамъ три педы у земи».
Одгова́ра черна́ Арапина:
«Вьрляй, вьрляй, жалба да не ти е»!
Таманъ, това думу издумало,
И не́га у алку ту́рилъ.
Писнали су троица юнака,
Писнали су, колико се може.
Дочу ги Груя вреденъ ю́накъ.
Груя дума на стару-ту майтю:
«Леле мале, леле старо мале!
Много писакъ презъ поле широко —
Едно си е Марко вреденъ юнакъ,
Едно си е Янко одъ Косова,
Я третье-то айдукъ Дебелъ-Нова́къ».
И оно́ е коня́ посправи́ло,
Постегнуло до деветъ колана,
И узело тежка топузина,
И узело лька бугдозана;
Пристигну черну́ Арапину:
«Пущай, пущай троица юнака!
Че те удримъ меджи черны очи,
Че накарамъ три педу у земи».
—«Вьрляй, вьрляй, жалба да не би ти,
Да не би ти жалба останала:
Таманъ толко и за тебе алка́ има».
Таманъ това́ дума издумало,
Удри нега Груя вреденъ юнакъ,
Та накара три педы у земи,
Та опущи троица юнака.

№ 166.

Вранскій округъ, с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ Ильи Николина.

(тоже).

Марко прави триестъ манастира
У Приморьѣ мѣсту питоміѣ;
У ни по́пне деведесе́ звоне,
И набави триесъ калу́дера
И тридесетъ дяка самоука.
Па кадъ буде у петекъ—у ютро,
Онъ обори деведесе́тъ звоне,
И пѣвали тридесетъ калу́дера
И тридесетъ дяка самоука;
Туй не смѣю ити турци у джаміе;
Тежка тужба на цара оти́де:
«Чуешь, царе, самъ честиты царе!
Марко прави триестъ манастира,
У ни попне деведесе́ звоне,
И набави триесъ калу́дере
И тридесетъ дяка самоука,
Па, кадъ бива у петекъ—у ютре,
Кадъ пойдо у джаміе
Онъ обори деведесе́ дзво́не,
И пѣвау триесъ калу́дера
И тридесетъ дяка самоука;
Туй не смѣю у джаміе ити».
Онъ му прати неколико войско,
Па му рушу триестъ манастыра,
И погубу триестъ калудера
И тридесетъ дяка самоука.
Той, ми, до́чу Марко Кралевиче;

Па узъяне Шарца добра коня,
Право иде у Прѝморье добро;
Та, ми, виде негóве-те штете;
Право иде у бѣла Стамбола,
И уиде цару у двóрове:
Побѣ шаторъ цару у дворове,
Побѣ коне у ледѝну;
Па приверже Шарца добра коня,
Па изѝде цару честѝтому —
Бѣле руке до лакти зáузви,
Церны берке на раме набáци:
«Кажи, цару, кудъ е мое благо?»
Туй се стаде царе измацине,
Али Марко ближе примацине;
Дойде царо до дýвара —
Па, ми, беркну у свильни джепове,
Та извади стотина дукáта:
«Иды, Марко, у нове меане!
Докле пiешь стотина дуката,
Тю ти правимъ триестъ манастира
И у нима деведесé дзвóне,
Набавити триесъ калýдера
И тридесетъ дяка самоука;
Све тю твое благо такó да наравнамъ,
Какó што е било;
Салъ немой, Марко, цара да погýбишь».
Све му царо, есте, напрáвио,
И Марко го не е погýбио.

№ 167.

Село Лешко, Джумалійск. окр; 17 дек. 1879 г. записана въ селѣ Скрино со словъ старушки Авдотьи (Авдоча) Николицы.

(По порученію Гины Латинина, Марка захватываютъ въ плѣнъ).

Канилъ Марко госте Свето-
горци,
Канилъ съ Никулъ денъ.
Отъ се има Марко, да е гости,
Оште нема рыба моруна.
Креналъ Марко на риба да иде,
На срѣшта му Гина Лятинина
И со-съ нея троица Лятине;
Оддалекъ му вѣра процураа,
Одблизу му майка споменяа;
Извади се леки боздогана,
Та погуби троица Лятине;
Одбѣгала Гина Лятинина,
Одбѣгала, та отишла цару на
индату,
Та пратила за Марко Крале-
вите,
Да го найдатъ, да го фанатъ,
Те погуби мои-те дружина;
Па пратиха на Маркови двори,
Та фанаха Марко Кралевите:
Ойдоа цару на индата;
Не го губи царо Марко Кра-
левите,
Но го тури младо азнатарьче:

№ 168.

Трен. окр., с. Бабина; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божидя Янкова.

(Марко Кралевичъ убиваетъ Мусу кеседжію).

Яши Марко коня шаренога,
Та си шета по люте краине,
Та си тражи Мусу кеседжію.
Шеталъ си е три дни и три ночи,
Та па-й се га дремка оборила;
Якъ конь нега изъ-подъ себе везе;
Та говори Шаренога конь:
«Дигъ се, Марко, дигъ се —

Да би се не дигалъ!
Каквá ала у срѣчу не иде;
И Марко си е тагай обудило,
Тагай си е на коня говорило,
И па-й се Марко устрашило:
«Леле коню, леле шаренога!
Напредъ да идемо, млади че гúнемо,
Над-задъ че вратемо, люде че ны смѣю;
Айде, напредъ да úдемо —
Какво́ Богъ помáга».
И усрѣче Муса кеседжія.
Марко си е говóраше:
«Добра срѣча, Мусо кеседжіё».
— «Далъ Богъ добро, непознанъ деліё!
Какво шеташь узъ тесне клисуре?
Дали знаешь, Марко де-ка си е?»
— «И ты ли си Марка непознавашь?
Съ Марка думашь, Марка не познавашь!
Я самъ пошéлъ, тебе да се обúдеме;
Де, вьрляме лькe буздоане.
Вьрлилъ Марко лька буздоана,
Маркова-та се строшила;
Вьрляли си тежки топузи,
Маркови са строшиль;
Па си се вануше у юнáчке руке:
Борили се три дни и три ночи,
Марко си е оздолье пáдло,
Марко си ока и па-й вика:
«Леле виле, леле самовиле,
Леле мое посестриме!
Дéка сте, тука да сте,
Да видите Марка!»
Долетели виле-самовиле;
И онé му шепнуле на десно-то ушé:

«Да куде су те потайни ножеве?
Та уболи Мусу кеседжію».
И оно́ изва́ди потайне ножеве,
Та уболе Мусу кеседжію;
Та си умре Муса кеседжія;
Па не може Марко да се изверне:
Те, си иду́ млади кириджіе;
О́каю виле-самовиле:
Э, вие, млади кириджіе!
Та сѣчете си́рове кюскіе,
Да се дигне Марко Кралѐвиче».
Насѣкли су сирове кюскіе,
Отверлили Мусу кеседжію,
Та се диже Марко Кралѐвиче.
Та распрало Марко Мусу кеседжію,
И си найде двѣ се́рца у Мусу:
Едно се борило и преборило,
А друго́-то, таманъ, се разгрѣвало.

№ 169.

Соф поле, с. Чепинци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ Атанаса Микинецъ.

(ПЕРЕСКАЗЪ).

(Марко въ адріанопольской темницѣ; его бой съ чернымъ арапиномъ).

Ферлили Марко Кралевича у Ядрена града голѣма;
У апасъ деветъ годинъ сѣдѐлъ.
Царь знаялъ, че е Марко погѝналъ.
Излезла черна Арапина,
Па си посилила—на царь хазни запира.
Па се чуди царь, што да чини,

Што да чини со-съ а́рмазанина;
Пушти телалъ по Цариграда:
«Кой се найме а́рмосанина да погуби,
Царь му царство дава».
Наялъ се турчинъ Мехмедъ барьяхта́рь:
Сабралъ петъ стотинъ души млады юнаци,
Та отиде а́рмаса да погуби.
Онъ бѣше у Ямбола града:
На голѣма диване́ высо́ко сѣдеше;
Ка' виде, да идатъ юнаци да губатъ него —
Онъ бѣше на танки бѣли донове[1]) —
Ка' ги виде, а имъ оддалекъ дума:
«Не при́дете петъ стотинъ юнаци,
Жалъ ми е, млады ше гинете».
Юнаци това нештеха́ да слушатъ,
Право кодъ него ойдоа;
Онъ стана на нодзе,
Одкачи сабля френгія,
Па слезна доле на земня:
Та се заверте налѣво, надесно,
Та си погуби петъ стотинъ юнаци;
Туку остана Мехмедъ барьяхта́рь,
Него си живъ уло́ви,
Та го на конъ качи —
Нодзе му заклопи подъ конъ,
Рацѣ му назадъ веза́,
Па го на царь запрати,
Да види царь Мехмедъ-юнакъ.
Кога́ кодъ царо отиде́,
Царь Мехмеду дума:
«Фалимъ тебе, Мехмедъ барьяхта́рь!

[1]) Подштаники.

Камо ти петъ стотинъ млады юнаци?»
А Мехмедъ дума на царь:
«Нели я ти дойдохъ? за юнаци не питай».
Тога се сети царь за Марко Кралевичъ:
Да бѣше Марко оште живъ,
Онъ ште Арапинъ погуби.
Излезна една баба, та каза,
Че е живъ Марко Кралевичъ,
Ама у Едренѣ апасъ деветъ годинъ.
Царь пушти улакъ[1]), да го доведатъ.
Кога отидоха кодъ него —
Онъ душа има, сила нема;
Аберджіи кажатъ на Марко:
Я хайде, Марко, да станешь!
Че те царь ока».
А Марко нимъ дума:
«Я душа имамъ, сила немамъ,
Сила немамъ да ида»;
И улакъ се верна кодъ царь и дума:
«Марко душа има, сила нема
Кодъ тебе да дойде»;
А царь на улакъ дума:
«Скоро на конъ да го донесете!»
И они се скоро вернаха,
Та го на конъ донесоха.
Царь дума на Марко:
«Знаешь ли, Марко Кралевичъ,
Зашто те на конъ донесоа?
Знаешь, Марко, я те носимъ
Бой да біешь».
Марко на царь дума:
«Цару честиты!

[1]) Вѣстникъ.

Мертва душа бой біе ли?»
Царь на Марко думаше:
«Какво́ да чиниме сега́?»
— «Да ми дадешь мухлетъ еди́нъ мѣсецъ,
И да ме́ хранишь овче́ месо,
Ялово отъ три годинъ,
И да ме поишь вино троегодско».
И царь го храни́ мѣсецъ време
Овче́ месо ялово.
Царь дума на Марко тогай:
«Какво́ да чи́ниме сега, Марко?»
Онъ каже: «я мо́га, ама конъ не мамъ».
Царь каже: я коне́ имамъ;
Влезни у яхаръ, та и́збери».
Марко у яхаръ влезна́, конъ да избере,
За Марко конъ немало;
И́злезна, та на царь ду́ма:
«Цару честиты!
Да пуштишь телалъ по Цариграда,
Че ште Марко да свирне;
Никой да се не уплаши;
Ако ми е конё живъ,
Онъ ште дойде».
И Марко излезна́, та свирна́;
Конё му бѣше у Едрене воданоси,
Ка'-то го конё чу,
Онъ се низъ рацé отамна́,
Та кодъ Марко отидé;
И онъ бѣше герчавъ [1]) конь.
Марко дума на царо:
«Цару, да ми дадешь двaесе дена,
И конё да ми хранишь ечмикъ троегодски,

[1]) Тощій, исхудалый.

И да го по́ишь черно́ вино».
И царь го храни двaесе де́на
И пои́ го вино троего́дско.
Тога е Марко на коня качи́,
Та отиде́ на Ямболъ града,
А Ара̀пинъ а̀рмасанъ тамъ не маше;
Него казаха на друга касаба́.
Марко пойде́, кодъ него д'иде,
Та го срѣшна на стрѣдъ патъ:
Ара̀пинъ му оддалекъ о́ка:
«Не иды на срѣшта, курвино копеле!
Че ше младо да загинешь»!
А Марко му думаше:
«Несамъ курвино копеле,
На самъ Марко Кралевичинъ!
Стой на бѣлекъ, курвино копеле!
Я да ферлямъ, я да ферляшь».
Наферли Арапинъ Марко да убіе,
Марко зададе зенгія,
Топузъ у зенгія удари;
Кога́ ферля Марко со-съ топузина,
Марко Арапинъ у рака го уло́ви;
Тога придоха̀ еди́нъ до единъ,
Па слезнаха̀ съ коне, да се зборих̀а;
Та се три дни бориа;
Па тратна Арапинъ Марко;
Сѣдна Арапинъ на Марко,
Да обчини малко,
Па послѣ да го сѣче;
А Марко се имаше силе
Сила со-съ самовила:
Тогае Марко пословечки засвири:
«Вило-самовило!

Де-ка да си, кодъ мене да си»;
Она бѣше у церно море
У церно море на стрѣдъ, на Ада.
Ка'-то го чу вила-самовила,
Она со-съ силенъ облакъ кодъ нихъ отиде;
Та па на Марко дума:
«Я тебе, Марко, думала,
У света недѣля бой да небіешь;
И сега тю да те куртулиша;
Ты кажи Арапину, облакъ да погледне,
Па извади ножь, та го ра́спори
Одъ гочкуръ до бѣло гърло.
Учинилъ тако Марко Кралевичъ,
И распра́ Арапинъ одъ гочкуръ до бѣло гърло;
Та падна мърша на Марко,
Та три дни не може́ одъ него да излезне;
Па минаха́ лудье ябанджіи,
Та Марко одъ мерша извадиха́.

№ 170.

Село Бабица, Тренскаго окр.; 18 ноября 1878 г. записано со словъ Дёши Тодорова.

(Марко Кралевичъ убиваетъ дѣвушку Арватку).

Юнаци у ловъ пойдоше,
Та отоше у гора зелена;
Настануше презъ поле широко.
У полѣ се нешто побелѣло;
Бутна коня Реля Крылатица;
Ка' оти́де, тамо види:

Што се белѣло,
Оно било перо пауново;
Онъ тада узелъ е перо да забоде,
Алъ едва пе́ро до колѣна диже.
Ете иде Дена-дзвездалія:
И онъ узе́ пе́ро да забоде́,
И едва пе́ро до по́яса дижс.
Те стиже Дина-Арнауче:
И онъ узе перо да забодс,
Едва перо до рамена диже.
Кога стиже Марко Кралевичъ,
Онъ е перо за калпакъ забоде. —
Па подоше презъ поле широко.
Пресрѣте га Арватка девойтя,
Та си сверте тіе тріести дружина:
«Зашто мене перо забодоше,
Нели ми се перо оставило?»
Одкара ги у града Маджара,
Затвори ги у кале маджарске.
Затворила се триесъ юнака,
Лежали су три недѣли дана:
Ни имъ дала воду да пію,
Ни имъ дала лѣба да ру́чаю.
Па послѣ с продумала.
«Лежте, лежте, триестъ юна́ци,
Одъ-заране пресвета недѣля,
Я че са-съ васъ Великъ-день да правимъ.
Уплашисе Марко Кралевичъ:
Та си прейде́ презъ кале маджарско;
Онъ пройде и коня си преведе́;
Испишташе триестъ дружина:
«Леле Марко, леле Кралевичъ!
Ега Марко и насъ си пренесешь,
Да пренесешь презъ кале маджарско».

Превелъ си е триестъ дружина —
Ни преведе и конѝ преведе́.
Па тагай се на кони качили,
И доръ да се зазоре,
Три конака мѣсто утекли,
Осевнуше на шарены мосты;
И тогай Марко продумалъ:
«Чуйте мене, триестъ юнаци!
Че ме стигне Арватка девойтя,
Че ме стигне, [да ю Богъ убіе!]
Айде вие да бѣгате,
Я че станемъ божя прослятина,
Конь ме криви, и я семъ невидимъ,
Та че седи́мъ на шарены мосты:
Кой че мине, за́ Бога че сакамъ».
И отоше си триестъ юнаци;
А остане Марко Кралевичъ,
Остане божя про́слятина,
Та си пусти коня кривога:
Конь му криви, а Марко не види.
Ете иде Арватка девойтя,
Па на Марко по ти оговори:
«Добро́ ю́тро, божё прослятино!»
А Марко тага одговорилъ:
«Богъ помага, непознанъ деліё!»
Продумала Арватка девойтя:
«Чуешь мене, божё прослятино!
Далъ минаше триестъ юнаци?»
Продумала божа́ прослятина:
«Еве стана три недѣли дена,
Како́ сѣди́мъ на шарены мо́сты,
Ни́ко нема тука да си мине;
Конь ми кривы, а яси невидимъ;
Коня́ пушти(хъ) по желена лужья,

Па немогу коня да се найдемъ,
Да си идемъ, лѣба да се тра́жимъ».
Тагай слеже Арватка девойтя,
Тай му найде́ тогъ кривого [1]) коня;
Укачила божя прослятину.
Па си пойде Арватка девойтя,
И продумала на боже прослятину:
«Карай коня́ кри́вога,
Да те водимъ у града Маджара,
Да ти дадемъ лѣба да си ручашь».
Напредъ кара Арватка девойтя,
А по нёй божя прослятина:
Извадила божя прослятина
Извадила саблю изъ-подъ мишку,
Та пресѣче Арватку девойтю;
Онъ пресѣче, она не усѣче,
Саде си ёй душе продумала:
«Што мене, што серце прогри́зуе».
А Марко тагай-си продумало:
«Разъиграй си коня Пеливана,
Та да си дзенгіе цели́вашь,
Тебе че си серце уздраве́е».
Разъиграла коня Пеливана,
Навела се да цели́ва дзенгію
И тагай се мома раздвоило:
Половина на земи паднала,
Половина на коня́ остала.
Погубилъ така Марко юнакъ
Славну Арватку девойтю.

---

[1]) Sic.

№ 171.

Трен. окр., с. Баба; 7 февр. 1880 г. записана въ селѣ Василевци со словъ Гиги Тричкова Вирьянова.

(Въ поминъ ей Марко строитъ церкви).

Марко шета по го́ра зелена,
Та си гради тежке задушбине,
Церной гори бѣли манастири,
У полѣ церква Раваница,
И надъ воде широке тюпріе,
По друмове чешме шалдерваны[1]).
Питуе га своя стара майтя:
«Кому, синко, тежке задужбине?
Даль ги градишь тебѣ на юнашство,
Ель ги градишь майци и пай баштьі?»
— Ни ги градимъ мене на юнатство,
Но ги градимъ Арватки девойке:
Затворенъ самъ граду Арватину,
Та самъ лежалъ за деветъ година;
Верло ми си, майко, додеяло,
Лежаючи у тевна зендена;
Тамо сѣдьі́ Арватка девойка
И говори:
«Узетешь ме, Марко Кралевичу?
Я украднемъ ключе одъ тевнице,
Да бѣгамо у го́ра зелена.
Пай се чуди Марко Кралевичъ,
Што да чини Арватки девойки, —
Па я казалъ: «узечю те, Арватко девойко!»
Па окрадла ключи одъ тевницы;
Та побѣгли у гора зелена.

---

[1]) Пестрый.

Поболѣсе Арватка девойтя,
Та лежа́ла три дни и три ночи,
Па умрела Арватка девойка.
Нёй си градимъ тежке задушбины:
Церной гори бѣли манастире;
И у полѣ церкве Раванице,
И по длъге воде широке тюпріе,
И по дру́мове чешме шалдерване.

№ 172.

Трен. окр, с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ Пеши (Петра) Тодорова.

(Марко Кралевичъ убиваетъ Крипу самовилу).

Оде Марко це́ркве Равани́це,
Да си зима чесна почеснина.
Кага́ ойде́ церкве Раванице,
Церква си е затво́рена.
Калуджера пословочке зборую у церква:
«Проклетъ да си Марко Кралевичъ,
Кой-то направилъ церкве-те,
Па назадъ не повернулъ,
Кой направилъ той голѣ́ми мосты —
И на мосты сѣды Крипа самовила
Сѣды и баждарла̀къ зи́ма».
Тагай си Марко повернуло,
Та отиде́ на голѣ́мы мо́сты.
Сегледа га Крипа самовила:
«Бога тебе, незнано дели́ё!
Да ошть отъ тебе баждарлакъ да зимамъ —
Да ли отъ тебе десно око,
Яль одъ коня нога десница».

А Марко мълчи, за пусаке держи;
Па подритне коня́ Шаренога.
— «Бога тебе, Марко Кралевиче!
Та ты ли си, курвино копило?»
Па-й Марко мълчи, за пусаци держи.
— «Бога тебе, Марко Кралевиче!
Я чу тебе три билтя аризамъ:
Една билтя—кудъ погледнашь,
Тамо да си видишь,
Друга билтя—кудъ помислишь,
Тамо да си стигнешь,
Третья билтя, да те роды
Да те роды мужко дете».
А Марко си по тія оговóри:
«Кудъ помислимъ, тамо си стизамъ,
Кудъ погледнемъ, тамо се видимъ;
Ако има одъ Бога даръ,
Че се роды мужко дете.
Да те питамъ-кой ти рече,
Да узимашь баждарлакъ на голѣмы мосты?»
Тамо ю стиже, тамо ю сѣче;
Па си тури главу у зобнице.
Па отиде́ церкве Раванице,
Та подритна и о́твори церкву-ту.
Тагай улезе у церкве богомолство;
Та си узима чесна почеснина;
И каза си на него́ви калуджери:
«Зашто затварате церкву Раваницу?
Како самъ ю направи́лъ,
Не самъ до́шелъ да узимамъ
Да узимамъ чесна́ почеснина;
Кадъ дойдо сега, да си зимамъ
Да си зимамъ чесна почеснина,
Вие сте церкву затворилe?»

Оттагай калуджере Марку говориле:
«Да ты ли си Марко Кралевичъ?»
— «Я самъ Марко Кралевичъ!»
Тагай сега́ Марка причести́ли.
И Марко по тія оговори:
«Бога тебе, церни калуджере!
Имате ли зоба, коня да назо́бите?»
И оны́ идоше—коня назобише:
Та узеше торбу́—зобницу,
Найдоше главу у зобни́цу.
Тагай су се калу́джере освободиле,
Деветъ дена на зіяветъ держали
Держали Марка Кралевича.

№ 173.

Село Ястребецъ (бывшее въ Вран округѣ) въ Арнаутлукѣ; 5 марта 1880 г. записана со словъ Мили́сава Стеванова Румене въ с. Герделицѣ.

(Чудесное сѣмя двухъ золотыхъ яблокъ, данныхъ юнаку Марку дѣвицею).

Давала мома Марку:
«На ти, Марко, двѣ златне ябуке!
Да ги ѣдéшь у Едрене града,
Сѣмте сушишь на ясно слунце, —
И да ги посáдышь цару до чадера;
Па те никне и да расне,
Па те расне и берго[1]) порасне;
И царь че се чуди, како́ берго ра́сне;
Порасне и цвѣтье отье да цевти —
Много тье цевти, а мало тье одержи,
И царь тье се да чуди —
Да одержи двѣ ябуке

[1]) Вм. берзо—борзо, скоро.

Одъ-благе пребла́ге я́буке;
Царь тье ѣдé мéзе со-съ ракію,
Па тье чудомъ че се чу́ди,
Што су толко бла́ге:
Какво благо царь не ѣлъ,
Той найблаго изишло».
Учинило тако Марко юнакъ.
Па си лежи царь да спава:
Мало спая, много сенувая —
Великъ се сенекъ санувалъ,
И сенъ му лѣпо приказалъ:
Да има Марко мóму запрóсену;
Па кадъ пошелъ Марко у войску
У войску цару на пóмоть,
Та му мома те ябуке дала,
И онъ е сѣмте посадилъ.

Сказитель не могъ все въ порядкѣ передать, и въ концѣ сказалъ: «Што растеше ябуко, мома радуваше се; а што цевтеше, она надаше, да е близу свадба. Амо Марко забавише. У сенекъ царь видѣлъ и дозналъ, да е то чудо голѣмо, и рекалъ: кой има мому запросену, недонесену, да иде домъ, да прави свадбу. И отишелъ Марко да прави свадбу.

№ 174.

Лесков. окр. (въ Сербіи), село Рѣпниште, входящее въ область такъ называемаго Дервена; 5 марта 1880 г. записана со словъ Веселина Маркова.

(ПЕРЕСКАЗЪ) [1]).

(Татаре, посланные матерью Марка юнака, освобождаютъ его отъ янычаръ-турокъ).

Дигасе Марко Кралевичъ Турчина да разбіе; дигаюсе Турци-яны́чары, семдесé Турци-янычары. Рекне онъ: Те, да улазимъ

[1]) Сказитель не могъ передать мнѣ въ стихахъ и со всѣми подробностями.

у васъ. Кадъ улегоа у Турци—янычары, они го упоили, па верзали и се усмѣнуясе: «Э, Марко юначе! Што те е до́бро нашло!» — «Што е нашло? «Како́въ юнакъ, како лесно пройдехъ!» — «Э Турке! дали може човѣкъ да се откупе со-съ благо?» — Може: до-двѣ куле блага да дадешь». — Попуштите десну руку, да напишемъ едно ситно писмо, да пратимъ на свою стару майтю. Попуштили десну руку. Марко пише ситно писмо, и праты сокола на побра́тима Милютина и Илію: «Марко Кралевичъ; ютре че га бѣсу; до три кула благо майка да праты, Марка да откупи».

Эво, зеленъ пламенъ изъ кони излази! Што е войска иде, силна войска иде; то е иде майка Маркова: Татары пратила, да откупи мене; благо иде по ни́.—«Добро ютро, Турци—янычары! Марко ли сте лѣпо верзали?» — «Лѣпо!» — «Айде, атове да играмо — лѣво на десно сабля да завертеме». Извадили Татаре сабле, погубили Турци-янычары и извадили Марка Кралевича. — Э, добры юнаци—побратими! мене извадили изъ вѣчне муке!

№ 175.

Кюст.-Бан. окр, с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Доми́ницы Карадановой.

(Сонъ королевы Милицы).

Заспала е кралица Милица,
Заспала у света недѣля,
А заспала, е сонъ видѣла,
А стануе, а си сонъ казуе:
«Тако м' Бога, честиты царе!
Каковъ семъ си сонъ сенувало —
Товей сенокъ у добре́ да биде:
«Ясно ми се небо раздвоило,
Ясны дзвѣзды по земи падна́ли,

Влахци[1]) далекъ пребѣгали,
Деница-та керво огрѣяла,
Я мѣсяцо на наши дворове»;
Проговори́ честитого царо:
«Тако м' Бога, Милице кралице!
Што—то се е небо раздвоило —
Нашо се е царство довершѝло,
Што—то влахци-те далекъ пребѣгали,
То влахци—наши мили дѣ́ца,
Што деница си е керво грѣяше —
Ты-зи си млада удови́ца,
Што мѣсяцъ на наши дво́рове —
Това́ си е моя́ руса глава».
Дури дума, дума да издýма,
Долетѣли тія клети Турци —
Погубили честитога царa.
Останала Милица
Млада удовица.

№ 176.

Село Верба, Радом. окр.; 29 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Мины Стоянова.

(Султанъ Муратъ вызываетъ на бой сербскаго князя Лазаря; полное пораженіе Сербовъ).

Што-то бѣше сербски кнезъ Лазаре,
Ималъ си до четри штерки;
Оженилъ и на четири краини;
И си те изба поканилъ,
И поканилъ до четыра зета.

---

[1]) Названіе звѣздъ.

Што поканѝ, уси те му дойдо!
Постари айдукъ Бранковичъ,
А пóмлади Милошъ Кобиличъ,
А третіе Милана Топлика,
А четверты Лютица Богданъ одъ стара Русія;
Си те су собаръ присобрали.
А што бѣше султана Мурата,
Онó е кавгá заправило:
Исписало тая бѣла книга,
Та я прашта на стара Сербія,
«Да му готви воиске наголѣмо,
Да ги готви за три дни;
Ако ти но войски не приготви,
Да одаде ключе одъ Призрена
И даде арачь одъ—седемъ годинъ».
Книге чети кнезъ Лазаре,
Книге четисо сълзи премива:
Капки капа—соври прогоруя.
Какъ го види негово-то любе,
Проговори тія лѣпи думи:
«Чуешь мене, добри кнезъ Лазаре!
Сака денъ книже преглиждашь
И се е подъ мустакъ сміяшь,
А сегá книге преглиждашь
И со сълзи е премивашь».
А оно ю одговора:
«Мълчи, мълчи, первнолюбице!
Богъ да біе султана Мурата!
Заправиль кавга наголѣмо,
Да собирамъ войски за три дни;
Ако не соберемъ войски за три дни,
Да си дадемъ ключе одъ Призрена,
И да дадемъ арачь одъ седемъ годинъ».
Я онá му тія лѣпо дума:

«Небойсе кнеза Ла́заре!
Я исписи до четири книги,
Та ги прати на четири крайны,
Та ги прати на четира зета,
Да собератъ до четыресъ илядъ войска,
Да си ида на равно Косово».
И оно пратиль е до четири книги,
Пратиль е на четири кра́ины.
Собрали му до четиресъ илядъ войски,
И ойдо́ на равно Косово,
И тамо се битка заправиль.
Што-то бѣше кнеза Лаза,
Проговори́ кнеза Лаза:
«Чуете ли до четира зета!
Кой-то може да битка заправи?»
Што-то бѣше айдукъ Бранковичъ,
Проговори айдукъ Бранковичъ:
«Я ми дадешь шесъ иляды оклопника,
Я чемъ тебя земя да воздержимъ».
И нему онъ да́де шесъ иляды оклопника,
А проклети Бранковичъ!
Оно се со-съ Турчинъ сослиза́ло,
Да издаде стара Сербія.
А што бѣше Милошъ Кобиличъ,
Оно му дума продумало:
«Леле дедо, леле мили дедо!
А ты-си, бре, земя издало́:
А това е зетъ одъ герчкіятъ царь;
Оти нему даешь шесъ иляды оклопника?»
Я чемъ, дедо, земя да воздержимъ!»
Облече Милошъ своя оклопница,
И се качи коню на рамено,
И въеднагъ пристигна на туречка войска;
И просѣче турецка война;

Кадъ просѣче турецка война,
Срѣтна него кьрвь до колѣна;
А кадъ се оно наванъ поверна́ло,
Срѣтна го кьрвь у зенгїи;
И на деда по ти продумало:
«Леле дедо, кнезъ Лазаре!
Я самъ турецка война просѣкло!»
А Лазаръ му по́ ти огóвори:
«Много ли е туре́чка война?»
А оно нему одговориль:
«Ни ного, ни малко, кнезъ Лазаре,
Сви су то кокошкари—оризари;
Я чемъ свичко-то погубимъ».
И се качи коню на рамена;
Свичка войска погубило,
Салъ останали шесъ иляды
Шесъ иляды оклопници,
Останали со-съ айдукъ Бранковичъ;
И отишло ние да погуби,
А не могло да погуби све,
Само думу продумало:
«Чусте ли шесъ иляды оклопника!
Кой-то у васъ бѣлъ Мехметъ
Бѣлъ Мехметъ со-съ бѣлъ мустакъ?
Да излезне битка да правиме».
А оно е вечь сънькъ видѣло:
Дека чея Турци земя да притиснутъ,
И оно че се само битка прави,
Битка прави со-съ бѣлъ Мехмета,
Бѣлъ Мехмета со-съ бѣлъ мустакъ».
Одокнало бѣлъ Мехмета,
Бѣлъ Мехмета со-съ бѣлъ мустакъ;
Излезнало бѣлъ Мехмета,
Излезнало битка да прави.

И тогáй одказуе Милошъ Кобиличъ:
«Свершавасе наше-то царство,
И ви чете царство да держите!»
И соблека негова-та форма. —
И тогáй земали Турци наше царство,
Преземали всичка Българія,
Преземали и стара Сербія.
Одъ петъ стотинъ годинъ
Еве стана двѣ године време,
Одкадъ се е Българія избавила;
Избавиль е царь Алесандрія
Царь на стара Русія.

№ 177.

Самоков окр.; 9 дек. 1880 г. записана въ г. Дупницѣ со словъ слѣпца Николы Млечанова.

(Косовскій бой).

(Цѣльная эпопея).

Вино піе кнезо Лазаро
Вино піе одъ града Крушево,
На Крушево на негове дворе
Со-съ негове до четири слуги:
Перви бѣше Милошь Кобилите,
Други бѣше Косача Иванъ,
По него Топлица Милано,
По Милано бано Голубано.
Сѣднаа на златна терпеза
Ручёкъ да ручатъ, вино да піятъ.
На кнеза Лазара чаша подадóа;
На чаша книга-то достигна
Одъ Косово пóле одъ царь султанъ Муратъ:
«Вногу тебе здравлье, кнезу Лазаро,
Сербски господару!

Бери войстя да се біеме;
Отъ ни е ти раé сиромашна —
Нематъ парѝ лѣбъ на деца да купатъ,
А камо ли на два цара миріе да даватъ»!
Кнезо книга прегледало
Прегледало и на Милошь говорило:
«Богъ те убилъ, Милошь Кобиличу!
Ты си вѣренъ и безвѣренъ;
Ели си ты одъ кобила зацицало,
Одъ ристянски-те законе не разбирашь?
Ты чешь, Милошь, вѣра да издáдешь
Да издадешь — на Турци да предáдешь
Да предадешь — вѣра да потурчишь».
Охъ, Милоша вели-говори:
«Господаро, сербски кнезу Лазаро!
Ако баде тая измама одъ мене,
И мене сабля пресѣкла!»
Заклело се Милоша во-фъ посты
Во-фъ четири посты въ година:
Преви посты Богородичины,
Фторы посты Божичевы,
Трети посты Великевы
И четверты посты Петровы,
И туку му и света Неделя,
И туку му и день Великъ-день.
«Ако биде измама одъ мене-ка,
Клетва да ме стигна —
Турци да ме загубатъ».
«Слушай мене, слушай кнезу Лазару!
Не одъ мене тая работа;
Но одъ твое зето Вельчё Бранковичъ —
Той се предалъ се на царь Муратъ
Предалъ се и потурчѝлъ се
Со сто хѝльяды войскы:

Све ги облече у турски дреи,
Се падиаа Турци янычаре,
А Вельчё стана везире;
Облече го царь со златны дреи.
Ако помогне Царь Небесный,
Со-съ моя сила голѣма
Да ида по Косово-поле,
Да фатаютъ царь султанъ Муратъ —
Тако м' Бога, вѣра ристянска!
Сланина му въ уста туратъ;
И ако фате Вельчё Бранковичъ
Ако го фате тамо,
Че му одсѣчé двѣ-те рацѣ
Рацѣ-те до лакти́-те,
Двѣ нозѣ до колѣна,
Отте да издава ристянска вѣра?
Сега, ако семъ живъ,
Въ рацѣ да го фанамъ.
И да стане, да иде на Косово,
Да фати(мъ) царь султанъ Муратъ».
И отиде Милошь добаръ юнакъ.
И речé му побратимо Косачё Ивано:
«Леле, леле, побратиме Милошу!
Ка'-то идешь на Косово-поле,
А турски не знаешь,
Како́ зговоръ да згово́ришь?
На турци селямъ да дадешь?
Моле ти се, мой побратиме,
Сѣды ты-зе на назаде;
Я те се облека у турске дрее,
Та че идемъ у Косово-поле,
Та че се направимъ младо янычерче;
Я знамъ турски фершя —
На Турци селямъ че дадемъ

И селямъ че земемъ.
Айде, ты сѣды на назáде;
Дай ты ми коня сѣдленá,
Я те вервимъ по Косову полю
И те идемъ по турска-та ордія,
Те идемъ, да видимъ-что има?
Да видимъ — колко войска туречка?
Да ме чекате до шеснаесте дни;
Ако не мога, да се живъ дойде,
Та ме чекайте на осемнаесе дни;
Не мого ли да стигне на двáесты —
Ако не мого да стигна,
Поменъ да ми чините:
Да идете, да земете отъ фурне-те
Да земете лѣбъ, за душа да раздáвате».
И стана Косаче Иванъ,
Облече се у турске-те дреи,
Направи се прави янычаринъ,
Та отиде по Косово поле.
Та замина презъ Сазли — тюпрія,
Та флезнá низъ Косово поле;
Ка'-то флезна низъ туречка ордія,
Селямъ дае, селямъ зима,
И никой го непознава
Не познава, те е сербячь;
Всѣкій го вика: «те, хенычаринъ!»
Петнаесъ дена оды низъ Косово поле,
Неможе войске да прекоси;
На шеснаестые денъ отиде
Отиде при зеленъ чадéръ,
Отиде при царь султанъ Муратъ;
И тамъ сѣдеше Вельчё Бранковичъ—
На царо везиръ стана;
Со сто хильяды войскя отиде,

Та потурчи се — вѣра погуби;
Сички му се Турци поклониа,
Ка' замина край зеленъ чадéръ;
Вельчé Бранковичъ Іована не познá,
А Іованъ Вельчё познá;
Ама нема какво кавгá да подúгне,
Те се сами найдé.
Стана Іованъ, замина пре силна ордія.
А кнезо Лазарь думаше на Милоша:
«О Мúлоше, Мúлоше моя слуга,
Ты си вѣренъ и безвѣренъ!
Ты издаде земня-та, Милоше,
Те я потурчишь, Милоше;
Ты си прати твой братъ Іована,
Ты го прати́, та загина́ на Косово;
Утре и мене те издадешь —
На Косово и я те погинемъ;
Я, ми, иды на фурни, Милоше,
Та, ми, купи два лѣба семида
За Іована за душа да раздáвамъ».
А Милошь Лазара не слушаше,
Яаше коню изъяхýваше,
По три паты по поли излазаше,
Да гледа на Косово — да гледа,
Дали те дойде Іовано?
На третія патъ магла се замагли
Замагли се магла у Косово —
Магла́ идеше и росá зароси;
У Милошь се серце зарадува —
Отти Іованъ живъ дойде;
И Милошь съ пусула гледаше —
Дали е живъ иде Іованъ?
И го виде — живъ идеше,
Барьякъ въ рацѣ носеше;

Ка'-то виде го Милошь,
У срѣшта му отиде:
И се срѣтнаха на высока могúла —
Два братя се пригернаха,
Чинія здраво, живо!
Милошь викаше на Іована:
«Леле побратиме, какво помина?
По Косово-поле, низъ тіе пусты Турци
Какво́ замина, побратиме?
Дали има вно́гу Турци побратиме?»
А Іованъ на Милошь думаше:
«Немой ми пита, побратиме!
Не се чуде, мой побратиме,
Какво Турци са насилéли,
Не се чуде цару, какво рани,
Но земня какво́ е держи́:
Колко листя по го́ра, побратиме,
До два ката войстя на земня».
Рече Милошь Кобилите:
«Э, побратиме Іоване, Іоване!
Сакыни немой да кажешь —
Немой да кажешь на кнеза Лазара,
Отти е Лазарь много страшливъ,
Те се уплаши кнезо Лазаро,
Та земня-та на Турци-те я дадé;
А когá и́деме на кнезови-ти дворове,
На Лазарь немой да кажешь,
Немой да кажешь, те има вногу Турци
Вногу Турци по Косову;
Лазарь тебе те попраша,
А ты немой да му кажешь,
Те са вногу Турци по Косову —
Отти Лазарь те се уплаши,
Те на Турци земня-та те предаде,

Те и вѣра-та потýрчи;
Ами, ако те пита Лазарь,
Ты да речешь побратиме:
«Небой, ми, се Лазаре кнезо!
Ни сме четворица побратима;
Войско ни е за денъ и до пладнине;
Направи ни четúри дрéи сермини,
Да облечеме юнакъ, да заключиме
Отъ перчикъ конь до копиту, —
Да облечеме юнака и коня;
И когá идеме, ты да речешь,
Да ни даду ракія три паты́ преварена:
Ние юнаци да се напіеме
И коне-те со-съ вино-то
Со-съ вино преварено да напоúме;
Отти, когá úдеме у войстя,
Да пе глéдатъ коне-то,
Да не гледатъ, де-ка идатъ».
Дáде имъ царо четири дреи
Четири дреи сермени даде;
Заклопиа юнаци отъ перчикъ коню
Отъ перчикъ коню до копита,
Заключиа сабли за рацѣ,
И се папія ракія три паты преварена,
И коне-то вино напоиа,
И си лѣбецъ въ уста натуриа,
И бутнаа коне ранене:
Напредъ Милушь, по него Іованъ,
По Іованъ Миланъ, по Милано банъ
Бано—Голубано;
Отидóа на Косово-поле презъ Сазли—тюпрія;
Увлезóа у Косово-поле, бре, побратиме,
Ка'-но неке косаче у некосена ливáда;
А Мúлушь напредс вревеше—

Ка'-но маше саблю налѣво
Маше налѣво — надесно,
Еднашь маше, триесе глава паднеха;
По Милушу Іованъ вревеше —
Ка'-но маше саблю налѣво
Маше налѣво—надесно,
Еднашь маше, дваесе главс паднеха;
По Іованъ Миланъ вревеше —
Ка'-но маше саблю налѣво
Маше налѣво — надесно,
Еднашь маше, петнаесе главе паднеха;
По Милано бано Голубано —
Ка'-но маше саблю налѣво
Маше налѣво—надесно,
Еднашь маше, десетъ главе падаха.
Кусїя, ка'-то некои косаче
По некосена ливада;
Косія, косія, отидоа до зеленъ чадеръ,
Отидóа при царь султанъ Муратъ.
Ка'-то отидоха́ тамо, бре, побратиме,
И видеха́ четворица Турци
Четворицы со златны дрехи облечены:
Не се знае, кой е царь султанъ Муратъ?
А везиръ бѣше Вельчѐ Бранковичъ;
Милошь-оно наза́дъ конѐ поверна,
Да си иде кодъ князо Лазарь,
Да си иде на града Крушево;
Заминаха́ презъ Сазли-тюпрія;
Собраха́ се четвори́ца побра́тима,
Да си идатъ кодъ князо Лазарь;
Еле си Милушь досети:
«Леле Боже, исполай ви!
Какво́ си бѣше клетва заклела,
На цару сланина фъ уста да тури(мъ),

А язе заборавихъ!
Те се вернемъ надира,
Отъ клетва да не мина»;
А Іованъ побратимъ му думаше:
«Поверштантя проклята бива!
Немой се поверштаты!
Клетва те ни стигне!
Та те, ми, загинешь
Те загинешь, побратиме Милушь!
Та нема тебе да прежалиме,
Отты ние, братку, безъ сабля
Безъ сабля останеме».
А Милошь Іованъ неслуша:
«Дури не иде, да се вернемъ;
Да идемъ на чадеру — кодъ царь султанъ,
На цара сланина-та въ уста да туримъ!
Оты да се невернемъ?
Оты одъ клетва те останемъ?
Мене князо нете, да ме вѣрува,
Нете, да ме има вѣра».
Па стана Милушь, назадъ се верна́.
Отиде на зелене чадеры;
— Видеа га риджале-те и рекоа:
«Цару честиты Мурату!
Иде Сербячу, сербячу иде!
Иде, да се молба моли,
Да му простышь Сербія,
Да му простышь Булгарія,
Иде рака да те цалува;
Амо немой рака да му давашь,
Е му дай одъ нога чижма да цалува».
Дойдé Милошь Кобилите;
Наклони се да цалува нога,
Та извади остра сабля

И уботе царь султанъ Мурата,
И му тури въ уста сланина[1]).
Амо одъ Милоша отишло юнатство,
А одъ царь султанъ Мурата царство.
Поверна́ си Милошь Кобилите;
Поверна се, да си иде презъ Косово
Да си иде на Крушева града,
Да си иде при князо Лазаро;
И си иде, и си сѣче Турци.
Та замина на Сазли-тюпрія.
Немогоа Турци да уфану
Да уфану Милошь Кобилите;
Посрѣшнали една стара баба
Стара баба булгарка;
Дадоа два фе́са желтици:
«Кажи, бабо, научи не,
Какво́ да Фатиме то-зи юнака
Того юнака Сербяка;
Него фанемъ, да погубимъ:
Те доста маки расплака,
И доста жены довицы останаха́,
И доста дѣца безъ башти,
Безъ майти-сираци остаха́;
Кажи, научи ны, старо бабо!»
И баба булгарка за пары
За пары бѣше лакома;
Отъ Турци пары зема́,
Та юнака на Турци издаде:
«А, бре, Турци, Турци янычаре!
Това́ ли искате, да вы научимъ?
Я идете, соберете одъ Косово

[1]) Въ обнародованныхъ доселѣ пѣсняхъ съ этимъ сюжетомъ этой черты не встрѣчается; въ первые она является въ издаваемой мною цѣсни.

Одъ Косово сабли половины,
Соберете, наредете по Сазли-тюпрія,
И земéте слама ержаница,
Та покрійте со-слама-та отъ-горе,
Да си не гледа сабля по тюпрія;
Кодъ-то иде Милошь сербляка,
Кодъ-то иде одъ Косова силенъ
И не види, што има подъ слама-та,
Кодъ-то премине по тюпрія,
Те си кóню пресѣчé нозе-те;
Коню те падне́ на тюпрія,
А Милошь одъ коню на земя те падне;
Вие тога изъ-подъ тюпріи излезнете,
Та фанете Милошь сербляка,
Та го фанете, та него погубете.
Ваша воля да се напу́лни!»
И Турци това нея послушаа:
Направиха́, наредиха́ сабли по тюпріи,
И со слама ги покриа,
И подъ мосту си се скриа,
И чекаа, Милушь да ми́не.
И отамъ идеше Ми́лушь,
Таманъ, да мине презъ тюпрія;
Силно идеше и невидеше,
Што има предъ не́го;
Таманъ, на тюпрія да мине,
Коню се нозе пресѣче до колѣ́на,
Падна коню на калдерма,
И по него Милошь по земя се полужи.
Тогай Турци излезнаа
Излезная изъ-подъ тюпрія,
Та фанаа Милуша Сербляка,
Та го прикараа при цару

При цару на мизличу [1]):
«Каковъ изетъ да му дадéме?
Дали на колъ него побіеме,
Или со сáблю да го посѣчéме?
И мизличу имъ рекоа:
«Немойте го на колъ побивáты,
Отти е онъ царски измичія,
Отти с го князъ пратúло,
Пратило да му земя утúма;
Идете, со сабля глава му земéте»,
И отидоха Турци янычаре
Та го туриа на Сазли-тюпрія
На Сазли-тюпрія—на краю,
Тамо го туриа, со сабли мачиа:
Три дни мачиа, глава да му зематъ,
Еле бѣше пандзуръ на него заключенъ;
Еле се на Милошь ногу досади́,
Ногу досади́, тешко додея:
— «Подигнете ми десна мустака,
Та извадете ключе одъ мустака,
Та отключете пандзуръ одъ глава,
Та одъ мене го соблечéте,
Тога лесно те мене погýбите».
Послушали него пусты Турци,
И мустакъ му подигнаха,
Извадиа ключе одъ мустака,
Та отключиа пандзуръ одъ глава-та,
Та соблекоха Милуша сербляка,
И земаха сабля туречка,
Та на Мúлуша глава отрѣзаха.
И тога царь султанъ Муратъ умре.
Одъ десна страна Милуша погребаа,

[1]) Собраніе, совѣщаніе (тур.).

Одъ лѣва-та страна царь Муратъ
Царь султанъ Муратъ погребоха̀;
Та направиа темеръ,
Да се знае—кой е гробъ Милушевъ,
Кой е гробъ на царь султанъ Муратъ.
Па тога станаха̀ Турци
И аберъ пратиа на княза Лазара
На Лазара—на Крушеву граду:
«Вногу здравье, князу Лазаре!
Тебе-ти слу́га погина —
Погина те Милуше сербляче;
Ние го погребаме.
Ты имашь ли време, князо Лазаре,
Земня-та на ни преда́вашь,
Или оште имашь борба да се боришь,
Или съ молба да се молишь,
Иль съ кавга́ земня предавашь.
Ако имашь куветъ, князо,
Бери войстя да се біеме».
И тога́ оти́де кни́га-та
Отиде на града Крушево
На князъ Лазарово дворъ.
И Лазарь бѣше излезна́ло
Излезнало—по двори се ше́таше
А за ручёкъ чекаше, —
И книга-та на него достигна́
Достигна́ на рацѣ-те;
Лазарь на стрѣдъ дворы сѣдна
На стрѣдъ дворы на камикъ сѣдна,
И си книга на колѣно разви;
Та си книга прегледа и пречети,
И се силно расплака —
Слызи по суратъ поруни́:
Леле Боже! што да правимъ?

Како на Турци на срѣшта да излезнемъ?
Да излезнемъ, Сербія да отъемемъ,
Да отъемемъ отъ туречке ра́цѣ?
А царица-та Лазарица на Лазара гово́раше:
«Небойсе, князе Лазару,
Князе Лазару, честиты наши князу!
Да пратиме до четири, до петъ книги
Да пратиме на града Услика
До оной-ги (у) Услика Стефана
И до слуга му Первозо́бра,
Да калезатъ, да собератъ
Сички народъ ристянски:
Што е одъ майтя родьено
Да потечетъ, ка'-то вода,
Какво́-то Дунавъ иде на море,
Такво́ наро́до да иде на Косово,
Да се біятъ за родъ-вѣра,
Вѣра да куртули́сатъ,
Да куртулисатъ Сербія и Булгарія».
Князо книга пи́са,
Та я прати́ на Услика града
До оной-ги у Услика Стефана,
Де-то Крайна чу́ваше,
На Мушата[1]), на Немція.
Таманъ бѣше сѣдна́лъ Стефанъ —
Сѣдналъ на златна-та тарпеза
Вечера да вечера,
И на вечера-та кни́га-та достигна́:
«Айде, Стефане, стегай ко́не
Стегай твое берзе ко́не,
Айде, да идешь на Ко́сово;
Ка'-то вода иде на море,

[1]) Непонятно намъ это слово; не Молдавія ли?

И ние така да и́деме на Ко́сово,
Да се біеме съ Турци за-радъ вѣ́ра».
Распрати книги по сичке градове
До сичке-те нашіе начельници,
Да збиратъ наро́до —
Да идеме на Ко́сово-поле.
И потекоа сичке млады сербячи,
Потекоа, ка'-то вода на море;
И се прошт'ваю дѣца со-съ майти
Со-съ майти и со-съ башты,
Прошка зи́маю одъ майти и одъ башты,
Отты идатъ на кервь
Идатъ на Ко́сово кервь те проли́ватъ,
А башты-те и майти-те плачатъ,
Плачатъ и на дѣца-та думаа:
«О чедо, моя рожба!
Ка'-то идете на Ко́сово,
Какъ е живи да се видеме,
Какъ е васъ да прежа́лиме?
Вие, ка'-то идете на Ко́сово,
Кервь проси́пате тамо,
А кой те гле́да насъ на старо време?»
И потекоа Сербяци юнаци на Ко́сово,
Поте́коа, ка'-то вода на море,
И си дофтасаа Ко́сово, та се биҳа;
И се биҳа три годины,
Вногу кервь се проліяше:
Конче пли́ваше у кервь до сѣдло́-то,
Юнаци се заруниҳа по поле,
Ка'-то снопе по нива;
Кервь текна́, ка'-то рѣка голѣ́ма.
И Стефано одъ Усли́къ стана́
И стана́ со слу́га си Первозора:
Яҳнаа си свои два берза коня,

Та заклопи́а пандзуръ за себе
Одъ перчика коню до купиту,
И заключиа сабля за рацѣ,
Та пойдоа на Ко́сово;
Та пойдоа по вечерно време
А придоа зоря́ че зазори́
На се́ло Реплянову; на чешма Бѣгличка
Слънце ги изгрѣя тамо;
Тамъ найдо́а на чешма-та,
Тамъ найдоа триесе мо́ми
И найдоа педесе́ невѣсты,
Каде бѣля бѣло платно;
Невѣсты-те платно бѣляха́,
А моми-те келпаци кервави міяха́;
И юнакъ Стефанъ одъ коню слезна,
Ко́ню да си прошета́, вода да напо́и
Да напо́и на чешма студена;
И виде Стефанъ тридесе девойти,
Како міяха́ тридесе калпаци господарски,
И ту виде князови калпакъ
Со златны-те челенкове
И съ безцаны-те каменье;
Позна го Стефанъ одъ Усли́ка,
Позна го по ка́ме-то,
И позна го по писмо́-то,
Позна и се сильно заплака́;
И на мо́ми-те говори:
«Ойле, моми, мои сестры!
Ойле, невѣсты, мои снаи!
Де-ка найдохте тія калпаци
Та ги тука на чешма доне́сохте,
Да ги міете одъ керви-те?
Чеда да ми сте! право да кажете!»
И моми-те на него казу́ва:

«Ние отидóме на рѣка Сазлица [1]),
Да бѣлеме това бѣло платно;
А рѣка-та бѣше кервава —
Еденъ катъ вода, а три катъ кервь имаше —
Люде носаше, ка'-то снопе по ни́ва;
Не можеме у рѣка платно да убѣ́лиме,
И си вернали на чешма Бѣгличка,
Да обѣлиме платно-то,
Да умiяме одъ кервь калпаци».
—«Дé-ка ги мóме найдóхте?»
—«Найдоме ги край рѣка Ситница —
Тамо ги ми намѣриме,
Та ги донесеме, да умiеме одъ кервь».
Види юнакъ Стефанъ види,
Да юнаци на Косову изгина́ли —
Изгинали седемдесе краля
Со-съ ни́на сичка рожба:
Юговите Богданъ одъ града Крушево
Изгина со-съ деветъ сина,
Бано изгина со-съ дванаесъ побратиме,
И загина Косаче Iовано
Со-съ десетъ побратиме,
И загина́ Топлица Милано
Со-съ дванаесе брату́чеда
И четыри ильяды народъ,
Што со-съ него водеше,
Сичке тамъ погинаха́,—
И калпаци у рѣка ушли.
И Стефанъ си коне яхна́
И по него слуга Первозоръ;
Отидоха́ презъ Сазли-тюпрiя,
Та отидоа на Кóсово-поле

[1]) Такъ въ этомъ мѣстѣ назвалъ эту рѣку сказитель

И улезнаа низъ турска-та ѐрдія;
Ка'-то влезнаа у турска-та ёрдія,
Слуга Первозоре излезе напреде,
Та извади саблю одъ ножници,
И по него Стефанъ одъ Усликъ;
Та влезнаа, ка'-то нѣкои косаче
По нѣкоа лива́да зелена, у турска е́рдія;
Какво́-то косаче трѣва-та косаха́,
Тіе со сабли човѣци гу́беа:
Ка'-то маше сабля слуга Первозора
Ка'-то маше на лѣво, на десно,
Еднашь маше, триесе главе паднаха́;
Ка'-то маше сабля одъ Усликъ Стефанъ
Ка'-то маше на лѣво на десно,
Еднашь маше двaесъ петъ главе паднаха́.
Отидоа до зелени чедеры,
А на тама-го Вельчѐ Бранковичъ,
И той Сте́фана позна́:
И дигна стрѣла шестоперка,
Одъ чадеръ стрѣла́ ферли,
Та уда́ри слуга Первозора,
Про серце него пронижа:
Падна слуга Первозоре одъ конь
И загина тамо — у Ко́сово.
Ка'-то виде́ Стефанъ одъ Усликъ,
Та се уплаши́, и назадъ се поверна́,
Та побѣгне, у Сербія отиде́
Отиде́ на града Крушево
Отиде на Лазарове дворы,
Та приде́ и извика се:
«Охъ, леле, майко, царице Лазарице!
Загина нашь царо, твой господаро!
Турци уземаха́ Сербія и Булгарія!
Айде, царице, да бѣгаме!

Стегни дванаесе кучіи,
Напани ги со златни минцеве,
И да земешь одъ Лазарь корона-та
И да земешь двѣ-те свои дѣца,
Да бѣгáме у Немечка-та земя;
Немой, да препаднеме на туречке рацѣ,
Оты, ка'-то зематъ корóна-та,
Ка'-то зематъ и дѣцá-та,
Ни те сме робье до вѣкъ».
И зема царица дванаесе кучіи,
Натовари ги съ иманье,
Та бѣга со-съ дѣца-та
Та бѣгá у Немечка земя.
И дѣца-та тамо израснахá
Педесé годинъ тамъ живѣяхá
И акылъ научиа на школѣ;
Па се излезóа изъ Немечка земя
У Турци се отемнахá
И си Сербія земахá.

Въ заключеніе сказитель замѣтилъ, что онъ знаетъ досказать, какъ продолженіе этой объемистой пѣсни, дальнѣйшую исторію борьбы Сербовъ съ Турками до новѣйшаго времени. Но время не дозволило ему передать мнѣ эту пѣсню цѣликомъ; онъ спѣшилъ съ своими товарищами въ странствованіе по селамъ.

№ 178.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Деши Тодорова.

(Прекращеніе общенія между юнаками послѣ Косовской битвы).

Рано ми е сълнце огрѣя́ло.
Марко слезалъ одъ добро́га коня,
Та го шета по Косово-поле.
Дружина му по тія оговóри:

«Бога тебе, Марко Кралевичъ!
Дали ты не можешь,
Или конь не може,
Али самъ-си Господъ не дае?»
Тагай си Марко по тія огóвори:
«Кадъ си бúше у Косово поле,
Та газише кьрви по зенгіо,
Самъ си Господъ пóшелъ,
Виделъ и рекалъ:
«Нема инатъ! да бѣгамо!»
Тагай си рипнали та побѣгли!
Тагай изайде Реля Крылатичъ,
Тагай изайде Муса кеседжія,
И изайде Момчило доберъ юнакъ,
И изайде дете Груяничъ,
И изайде дете Міяильче —
Тагай су се дружина раздвоили.

Замѣч. При этомъ сказитель прибавилъ, что этотъ бой на Косовомъ полѣ вели Болгаре.

№ 179.

Село Бабица, въ 6-ти верстахъ отъ мѣстечка (паланки) Брезника; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Деши Тодорова.

(Женитьба Милоша юнака на Маріѣ «Бѣлоградкѣ»).

По двору оды Милошъ добаръ юнакъ,
Емъ си оды, емъ уильно гледа.
Питала га та негова майтя:
«Зашто одишь и уильно гледашь?»
— «Леле, мале, стара мале!
Зашто нечешь, да мене оженишь?

— «Еве стана деветъ година дена,
Како тражимъ за тебе прили́ка,
Пай не можемъ прилику да найдемъ:
Дека найдемъ за тебе прилика,
Тамо нема за мене роднина́,
Да ми дойду, и па да оти́демо;
Таманъ отидо у Бѣлградъ,
Тамо найдо́ за тебе прили́ку,
И пай найдо за мене роднину.
Проклетъ е Марко Кралевичъ!
Надкупи ми Мару Бѣлоградку,
Надкупи ю и уводи».
— «Леле, мале, старо мале!
Даль е близа, иль е далеко?»
— «Леле, синко, Милоше юначе!
Ни е далекъ, ни е яко близа:
Оде вече́ру коня́ да поранишь,
Одзарана коня́ да уянешь,
Че да ойдешь на Бѣлиградове,
Че си видишь Мару Бѣлоградку.»
И оно́ е майтю послуша́ло:
Одвечеру коня нарани́ло,
Отзарану рано уяну́ло,
Емъ га яна, емъ си говори:
«Леле коню, леле Пилатицу!
Ситно скачи, далеко упружи,
«Да идемо на Бѣлиградове,
Да види́мо Мару Бѣлоградку».
Та отоше на Бѣлиградове,
Отидоше на Марины двори:
Моминъ дворъ пълнъ си сватове,
У сватове той чесна́ тарпеза,
У тарпезу кумъкъ и старойтя,
Яли Мара меджи два девера,

Два девера, два перья оката.
—Отишель е Милошъ добаръ юнакъ,
Отидé си предъ млада девера:
«Помозъ Богъ, два млада девера!
Привéдете вашу милу снау,
Егаби ми у руку цунула,
И я чу даръкъ даруемъ,
Чу дадемъ двѣ жълте желти́це».
— Девере се тага одговорили:
«Чуешь мене, непознанъ делié!
Е неможемо снау приведéмо; (Sic)
Е си слезни о(д) доброга коня,
Та си сѣдни у чесне тарпезе,
Редомъ че невѣста да нелива».
—«Я не могу одъ коня да слазимъ,
Я на цара поцту но́симъ».
Привели су Мару Бѣлоградку:
Пружи руку, она га целива;
Онъ е даде двѣ жълте желтице,
Па си бъркне у свилне пазуке,
Та извади кърпа и бришима:
У кърпу-ту ситыъ бисеръ вéрзанъ,
Та расипа тія ситанъ бисеръ.
Навели се два млада дéвера,
Да си беру тія ситанъ бисéръ.
Тадъ се суна Милошъ добаръ юнакъ,
Та докача Мару Бѣлоградку,
Та утури коню на тертію.
Подигне се два млада девера:
Нима юнакъ, нима мила снаа;
Отърчаше Марку и казáше:
«Е си дойде непознанъ делія,
Та оте Мару Бѣлоградку,
Оте си ю, па и однесе».

Марко рипи низъ чесне тарпезе;
Яну коня́ каписески,
Терчи саблю тесиджиски,
И по Марка кумокъ и старойтя,
Я по кума деветъ стотинъ свата.
А онъ си е далека утекалъ,
Чакъ утекалъ у ситне рѣке,
Извадиль е ногу низъ зенгію.
Питала га Мара Бѣлоградка:
«Зашто вадишь ногу низъ зенгію?»
—«Врло ми се жеде додіяше,
Чу да слезнемъ, воду да се піемъ».
А Мара е Милошу дума́ла:
«Немой, море, одъ коня́ не сла́зи,
Че ни стигне Марко Кралевичъ,
Тебе че си младо погубити,
Али мене наза́дъ че верне,
Твой си конекъ робъ че му буде;
Еве имамъ той блага ябука:
На ти той блага ябука;
Она че ти жеди растуриты».
Милошъ узе́ той блага ябу́ка,
Та си руча презъ поле широко.
Обьрнусе наза́дъ на трагове,
Пристигълъ га Марко Кралевичъ,
И по Марка кумекъ и старойтя,
Я по кума деветъ стотинъ свата.
Развикасе Милошъ, добаръ юнакъ,
Па си беркну у свилне па́зуке,
Та изва́ди двѣ бѣле́ ма́раме,
Та ги даде Мари Бѣлоградки:
«На ти-тебѣ двѣ бѣле́ ма́раме,
Са-съ една́ ти очи преверза̀ти,
А са-съ друге преко тебе, па за мене,

Чу да пуштамъ коня́ Пилатицу,
Ега пренесе преко Дунавъ;
Марко нече Дунавъ да прега́зи».
Узело тага двѣ бѣле́ ма́раме —
Са-съ едну очи преверзала,
А са-съ друга преко него, та за ню;
Онъ извади коня́на камджі́я,
Та удари коня Пилатицу,
Та прелете́ преко бѣли Дунавъ;
Нигде нема ногу да уда́ри,
Та си прейде отудъ преко Дунавъ;
Тагай слезе Милошъ добаръ юна́къ
И па слезе Мара Бѣлоградка,
Самъ се конекъ по край Дунавъ шета.
Яли Марко до Дунаво опре́ло,
Па не може да Дунавъ прегази.
Па си стане Милошъ добаръ юнакъ,
Та целива коня́ крылатога;
Яли Марко одовуда ока:
«Богъ те било, Милоше юначе!
Зашто си со-съ коня целивашь,
Не целивашь Мару Бѣлоградку?»
— «Я чу со-съ коня и Мару целивамъ,
А ма та(д) съ кога че си ойдешь,
Съ кога́ че си кума одведешь,
Съ кога́ че си сватове одведешь....»

№ 180.

Джумал. окр. (въ Макед.), с. Селиште, 10 дек. 1879 г. записана въ Дупницѣ со словъ Николы Іованова.

(Смерть Милоша юнака на Косовомъ полѣ).

Ранилъ Милошъ коня Маркушана
Ранилъ пребрана пшеница,
И го пои́лъ вино тригодишно.

И проговóри царо Стефано;
«Э, Милоше, Милоше капетане!
Турци са усилія, земя те ны зематъ».
Я Милошь вели-говóри:
«Небой, ми, се, цару Стефану!
Што имамъ конче ранено,
Я земя-та не давамъ,
Турчинъ да ти земе;
Да си премѣна, да си нареда,
Да сѣднамъ товá сино сѣдлó,
Да сѣднамъ сѣдлó на кона,
Да му стегна деветъ колана
Деветъ колана люты смоци,
Я на зенгіи двѣ люты зміи,
И да си зéмамъ мое потайно оружіе!»
Па премѣнилъ се Милошь,
Па наредилъ се Милошь,
Сѣдналъ на кона сино сѣдло,
Коланьé му турилъ деветъ смока,
На зенгіи двѣ люты зміи,
Па си яхна кона Маркушана,
Па си ойде кодъ царо кодъ Стефана,
Та на царо вели-говори:
«Погледай, цару, погледай —
Прилега ле ми?
На сѣдло деветъ смока,
На зенгіи деветъ люты зміи!»
Я царо му вели-говори:
«Постой, Милоше, постой!
Да те погледамъ!
Што ти прилега, деветъ коланы-смоци
На зенгіи—двѣ люты зміи!»
И Милошь му вели-говори:
«Я подай ми вино тригодишно,

Ко́на да си напоя».
Царо му пода́лъ вино тригодишно;
И Милошь ко́на напои́лъ,
Та си яха́на кона Маркушина,
Яха́на низъ по́ле широко,
Та си ойде́ у Косово по́ле:
Та си извады лека воздогана,
Та завертé на лѣво, на десно,
Та исѣче клеты Турци.
Па си ойде́ кодъ царо, кодъ Сте́фана
Та на царо вели-говори:
«Видишь ли, цару, што самъ юнакъ!»
Я царо му вели-говори:
«Ште е пусто Косово-поле,
Ште е турчинъ утаха́нало».
И Милошь яха́на кона Маркушина
Яха́на низъ поле широко:
Та си заверте на лѣво, на десно,
Та исѣче́ клеты Турци;
Па си яха́на кона Маркушина,
Та си ойде кодъ царо кодъ Стефана;
Я царо му вели-говори:
«Какво́ Милоше? какво́ направи?
И Милошь му вели-гово́ри.
Я царо му вели-говори:
«Погледни, Милоше, погледни!
Пусто е све́ Косово-поле,
Што е турчинъ утаха́нало,
Доде-къ е кервь проперснала,
Се турчинъ утаха́нало.
И Милошь па яха́на кона Маркушина,
Та си яха́на́ да иде низъ по́ле широ́ко;
Я царо му вели-гово́ри:

«Стой, милоше, стой!
Самъ не иды, заръ те погинешь».
Това́ си е Милошь не слушалъ:
Па си ойдé у Косово поле,
Та погиналъ Милошь.

№ 181.

Г. Радомiръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моавискаго.

Момчило юнакъ задолжался.

Момчиль си е борчокъ заборчи́ло —
Запраило девéтъ воденицы,
И запраило деветъ валя́вицы;
Си-те деветъ у бѣда́ дало́,
Па-й не може бѣда́ да одбѣди.
Дума дума Момчи́лова майтя:
«Эй, Момчиле, Момчиле юначе!
Кога́ биде рано одъ-зарано,
Изведы ме на нови пазаре,
Ега́би цана́ учинило,
Та егаби борчо́къ одборчи́ло»;
Тогай дума дума Момчи́лово любе
Дума дума Момчилу юнака:
Та што че ти майтя учини́ти?
Я мене ка́рай на нови пазаре,
Ега́би ты ништо цана́ учинило».
И Момчиль си тога дума продумало:
«Я се оми и о́плеты,
Че те ка́рамъ на нови пазаре
Че те карамъ, да те препрода́емъ».
Извель е Момчиль вреденъ юнакъ

Изведе низъ тесне чаршіи,
Одве́де я на нови пазаре.
Богъ да біе церна Арапина!
Запраша си Момчи́ла юнака:
«Каде́ во́дышь Элена невѣста?
Даль е водышь, саиръ да гледа,
Иль е водишь, да я препродавашь?»
И Момчилъ му дума проду́муе:
«Не я водымъ, саиръ да гледа,
Но я водымъ, да я препродавамъ».
Сказалъ тогай церна Арапина:
«Ніойна цана́ колко че биде?»
Тогай сказалъ Мо́мчилъ вреденъ юна́къ:
«Ніойна цана́ двана́есе и́льяды».
Богъ да біе церна Арапина!
Извишисе више надъ дивани,
И си о́ка Момчи́ла юна́ка:
«Момчиле! одведы Е̑лена невѣста!»
И Арапинъ колко брои, толко заброи.
И Момчиль, кадъ дало Элена невѣста,
Излезнало низъ-срѣдъ, низъ чаршіи,
Излезнало и въеднакъ заплака́ло;
И верна се двана́есъ и́льядъ,
И си зема Эле́на невѣста,
Па я во́ды низъ тесны чаршіи;
У срѣшта му турче́ саратли́че —
Дума дума Момчило юна́ка:
«Эй, Момчиле, Момчиле юначе!
Каде́ водышь Элена невѣста?
Даль я водышь, саиръ да си гледа,
Иль я во́дышь, да я препрода́вашь?
Ни я водымъ, саиръ да си гледа,
Ель я водымъ, да я препродавамъ».
Праша́ло е турче саратличе:

Ніойна цана колко че биде?»
Момчилъ юнакъ казалъ:
«Ніойна цана дванаесе и́льядъ».
Извиши я више на диванá —
Колко брои, толко заброи,
И си гледа Элена невѣста;
Одведе я турче саратли́че
Одведе я на негóви дворы;
И си ду́ма турче саратличе:
«Тако м' Бога, Элено невѣсто!
Ка огрѣе това ясно сълнце,
Напредъ удри у мои́ дворе́ве;
Какó ты дойде у мои дворе́ве,
Ни ми грѣе това ясно слънце,
Ни ми е одъ дервье слана опадатъ».
Тогай сказа Элена невѣста:
«Ела, брате, да те попоштемъ!»[1])
Легнало турче саратличе,
Легнало на Элена на скуты,
И она земá, да го поште,
И у косма-та му намѣри
Намѣри три златна влáкна, —
И му сказа Элена невѣста:
«Слушай мене, турче саратличе!
Че те прашамъ, право ми кажешь —
Немой, да ме лажешь! —
Да се кажешь—имашь ли нишанъ?»
Продумá му турче саратличе:
«Кога бѣше моя́ стара майтя,
А я било дете у пе́лены,
И остави́ла моя́ стара майтя
Оставила майтя вретено,
И я самъ падналъ, та се самъ у́билъ,

[1]) Искать въ головѣ вшей.

Одъ то́ва нишанъ имамъ».
И тогай сказа́ Элена невѣста:
«Да се скажешь, одъ коя си рода́?»
Оно́ сказа́, одъ коя е рода́.
Какъ се сказа́, одъ коя е рода́,
Тогава Элена невѣста привернала
Него си вѣрно привернала,
Де-ка си е ноенъ вѣренъ брато́къ;
И тогай-си продума́ на турче саратличе:
«Да пра́тиме за Момчила юнака —
Оно се ного у борчокъ заборчило»;
Тогай дума турче саратличе:
«Ты си била моя́ мила сестра,
Я че окнемъ до деветъ таляла,
Че товаримъ до деветъ мьски иманье
И десеты пайтонъ со-съ тебе,
Ега си Момчилъ юнакъ,
Што-то е борчокъ заборчилъ,
Ега си борчокъ одборчи».
Дума продума́ Элена невѣста:
«Чуешь мене, братичко!
Ты-зи иманье испрати́
До деветъ мьски иманье,
Десета жьлты желтици».
Продума турче саратличе:
«Сестроле, сестро Элено!
Ка ойдешь твои́ двореве,
Да сѣдышь ни малко, ни ного —
За́берешь твои́ дечи́ца, сестро,
Послѣ да гледашь, сестро-ле,
Какво че ми ясно слънце огрѣе,
А найрано роса че ми опадне
Опадне одъ мои дворове.

№ 182.

Г. Радомiръ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моавиcкаго.

Жена Момчила юнака измѣнница; ее за измѣну наказываетъ самъ мужъ.

Дума дума Момчилово любе:
«Ей Момчиле, Момчиле, юначе!
Ты-зи спишь у ла́дны одаи́,
Сви дружина лова уловили,
Сви са дружки курбанъ износили».
И Момчилъ му дума продумуе:
«Чуешь мене, мое первнелюбе!
Ты-зи, стана три дни и три ношти,
Како́ съ мене ты-зи се играешь,
Неси дало́ малко сенъ да зememъ»;
Па-й Момчилъ опетъ продумуе:
«Я по́справи моя коня шестокрыла,
И ми тури пушки и ножеве».
— Богъ да бiе Момчилово любе!
Оно си е итро и о́пако;
Кога́ било рано одъ зара́но,
Пойде любе, ко́ня да му спра́ви:
Подъ колане́ раны развертело́,
И на ко́ня крыла оперли́ло,
У пушке му вода насипа́ло,
А ножи му кены заканило.
И си ойде́ Момчилъ добаръ юнакъ,
И си ойде́ при сини е́зера;
Поби́ копье, та си коня верза,
И си чека той сура елена.
И се мина ни малко, ни млого,
Та-й убилъ той сура элена;
И го качи коню па тертiя;

Па си бутна презъ поле широко;
Оддалекъ се гласи зачуюя,
И Момчилъ си дума продумуе:
«Бѣгай, коню, како́-што бѣгашь!
Пуцай, пушко, како́-што пу̏цаше!
Сѣчи, саблѐ, како́-што сѣчеши!»
И Момчилу конѐ продума́ло:
«Ей, Момчиле, ей вреденъ юначе!
Богъ да біе твое первнѐлюбе!
Кага́ биде рано одъ зарано,
Оно́ ми е крыла́ оперли́ло,
И ножи тіе кьни заканило,
Пушки тіе вода насипа́ло».
Доде конѐ дума да издума—
Богъ да біе церна Арапина!
Эте иде со-съ три хи́льяды души,
И си го́ня Момчи́ла юнака;
Па-й си Момчилъ на коню говори́:
«Бѣгай, коню, како́-што бѣгашь!»
Достигналъ е на неговы дворы,
И си о́ка сестра́ Перусі́я:
«Чуешь мене, сестро Перусіѐ!
Отвори ми той порты желѣзны!»
Я сестра му дума проду́муе:
«Слушай мене, Момчиле юначе!
Богъ да біе твое первнѐлюбе!
Излега ме оно, да ме плете́ —
Заплете́ ми косы за темель дире́ци»;
Я братокъ ю дума продумуе:
«Скуби, сестро, косы че ты никне,
А брата дека че намѣришь?»
И она е брата послуша́ла,
Та си свое косе оску́бла.
И тогай си Момчилъ продума:

«Слушай мене, сестро Перусіё!
Я улёзни у ладни зевницы,
Та извади платнó бабучерно,
Та го ферли презъ върхъ
Презъ върхъ-презъ кале то».
— Богъ да біе Момчилóво любе!
Оно си е па-й пресѣкло
Товá платнó бабучерно,
Да не мине Момчилъ вреденъ юнакъ.
— Богъ да біе церна Арапина!
Оно си е Момчило стигнáло:
И си вана церна Арапина
Та си вана Момчи́ла юнака.
Што-то бѣше Момчи́лово любе
Што че нему [1]) дарба да даруе:
Што-то бѣше Момчилови кълпакъ
На Момчило на въръ—на глава,
А на Арапинъ до саме рамена;
Што-то бѣше Момчи́лови кожувъ
На Момчила надъ колѣна,
На церна Арапина до церна-та земя.
И тогай му Момчилъ дума продýмуе:
«Чуешь мене, цéрна Арапина!
Каковъ юнакъ онай издава?!
Та тебе ли добро че поминемъ?
И Момчилъ му тагай дума продума:
«Слушай мене, церна Арапина!
Я ме пушти малко мегданъ да зememъ;
Я си кáчи висока дивани,
Та си и́ды при сестра Перусія».
И Арапинъ е Момчило пустило.
Па си зема Момчилъ вреденъ юнакъ

[1]) Т. е Арапину.

Та си зема сабля на зглабове,
Што се віе, ка-то люта змія,
Па си вана Момчилъ вреденъ юнакъ,
Та си вана сабля на зглáбове,
Развертесе налѣво надесно,
Та обори до три хи́льядъ Турци,
И си вана церна Арапина
Со-съ два перста душа му извади.
И си вана́ негóве-то любе:
Ископало дупка до поясъ,
И намаза лой и катрáнъ,
Па запали́ негóво-то любе;
Момчиль піе вино одъ три годинъ
И си піе лютица ракія,
А любе му борина[1]) свѣтеше

№ 183.

Трен. окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Деши Тодорова.

Жена Момчила спозналась съ Релей Крылатицей, который, съ ея помощью, убиваетъ юнака Момчила.

Момчило има то любе убаве.
Често, често на пазаръ иде.
Кага́ иде на голѣмы пазаръ,
Се се найде съ Релю Крилатицу,
Са-съ Релю оба се додýмаю,
Да затрíю Момчи́ла юнака,
Да се узму съ Рели Крилати́ца.
Па си дойде Момчи́лово любе.

---

[1]) Лучина.

Питалъ ю Момчилъ добаръ юнакъ:
Чуешь мене, мое первнёлюбе!
Како́ идешь на пазаръ голѣмы,
Дали нешто ты за мене чуешь?»
—«Чуемъ, Момчилъ, да како не чу́емъ:
Е се бія у деветъ краля
Деветъ краля одъ деветъ краине,
Е се бія за твоя-та сестра́,
Па не смѣю ко тебе да дойду.
Еве стане деветъ година дена,
Како смо се са-съ тобо узели,
Ручёкъ прави сестра Ангелина,
Она́ че тебе лесно измами;
Айде, да ти правимъ той сладке вечере».
Уготви му той сладке вечере,
Е су сѣдли, та су вечера́ли,
Вечерали и думу дума́ли:
«Отъ-заранъ пресвѣты Илинъ денъ,
Кага́ буде на денъ на Илинъ денъ,
Ты си лови сурога елена,
Е си лови да како ли курбанъ
Курбанъ на Илинъ денъ;
Айде легни, да малко поспишь,
Я че справимъ коня крылато́го».
Момчилъ леже́, та си и заспа́ло.
Тага́ станало негове любе,
Та улезне у ладне я̑хары,
Та му справи коня́ крылатога,
На коня́ му крыла изгори́ла,
Што остало, подъ коланъ тури́ло,
У пушке му воде насыпало,
Я и саблю му съ кану кануса́ло,
Я маждракъ одъ воре строши́ло,
Па улезне у ладне одае,

Исокале Момчи́ла юнака:
«Дигъ се Моимчилъ, дигъ се,
Да бихъ се не дигалъ!
Бѣле́ зоре зазори́ле,
Кадъ че идешь елена да ловишь?»
Рипи Момчилъ на тенке кошуле,
Станало е и любе питало:
«Справи ли ми коня крылатого?»
— «Справила са́мъ коня крылатого,
Натура́(ла) пушке у пабуре,
Закачи(ла) саблю на тертію,
И га стегну(ла) до деветъ кола́на».
— Уяну Момчилъ коня крылатого,
Та си ойде́ у го́ре зелене,
Та си сверну на длубоки езеръ,
Тамо чека сурога елена,
Тамъ че дойде воду да се пие;
Пуче пушка у горе зелене:
Зачудисе Момчилъ добаръ юнакъ;
Дори да се Момчилъ начуди,
Склопила га та силна войска;
Терже пушке, да съ пушке біе,
А у пушке му вода наси́пана;
Терже саблю, да се съ сабля сѣче,
А му сабля съ кану коносано;
Терже маждракъ, да са-съ маждракъ боде,
А маждракъ му одъ вори истрошено;
Бутна, са-съ коня́ да бѣга,
На коня му крыла изгорѣла;
Што е могла, са-съ ноге бѣгало,
Чекъ утече на негови двори,
Саха́тъ мѣсто одалека ока:
«Чуешь мене, сестро Ангелино!
«Отворь двора вратъкъ, да утече́(мъ)»

А она брату си одговара:
«Клето твое первнёлюбе,
Заплете ми коси за дире́ци,
Та немогу, брале, да отворимъ».
А Момчи́лё та́га проговориль:
«Тегни, сестро, косе-те искуби:
Коса ти че ю́тре поросте́,
А братокъ нече да поросте́».
Искубла е косе низъ главу-си:
«Леле, брале, Момчи́ле юначе!
Ключи нема, да двори отворимъ».
— «Я улезни, сестро Ангелино,
Я улезни у ладне одае:
Тамо има платно́ бабучерно,
Та га верли презъ бѣли дувари,
Ягаби се конекъ дованýло,
Ягай би ме презъ дуваръ пренéло».
Изнéла е платно бабучéрно,
Вьрлила га презъ бѣли дувари:
Таманъ се конекъ дованýло;
Она кучка тага искочило,
И носила той остри но́жници,
Прерѣзала платно́ бабучерно
Пай се юнакъ назадъ повернýло;
Достиже га та́я силна войска,
Уловила Момчи́ла юнака,
Уловише и пай посѣко́ше га;
Сѣчена глава зборува́ла:
«Леле, сестро, леле Ангелино!
Да си миешь на студни кладенци,
Дека има три тополя дервья,
Тебе че коси́ца порасте».
— Отворише Момчи́лове двори,
И дадоше Рели момчилову кожувъ;

Загьрну га Реля Крылатица:
Што Момчилу плечи-те держало,
А Рели се по земли влачи́ло;
И дадоше му момчилове чизме;
Убулъ е Реля Крылати́ца:
Што Момчи́лу една́ нога́ стои́,
А Реля и двѣ-те тури́ло,
Пай не може чизму да испълни;
Дадоше му Момчи́лову саблю:
Што Момчило на персъ вьртѣло,
А Реля не може одъ земли да подигне,
А то не-ли на персъ да уве́рти.
Продумалъ е Реля Крылатица:
«Вала Богу за чудо голѣмо!
Овай юнакъ зашто е погину́ло?
Ка не може онъ да се чардоши,
А то не ли я да се чардошимъ».
Уловѝлъ е то Момчилову любе,
Посѣкло е Момчи́лову любе,
Дека си е Момчи́ла истро́ви.

№ 184.

Село Бабица Трен. окр.; 24 ноября 1879 г. записана со словъ шестидесятилѣтняго старика Божила Янкова

Груя юнакъ убиваетъ Момчила юнака и его жену Милицу.

Эй Милице, Милице Загорко!
Одкадъ се мие се-съ тебе узели,
Не си ойдо́мо у та́я мила роднина,
Ни си ойдо́мо у тая мила теснина;
Да си се младо омиешь,

Да главу да си оплетѐшь,
И да си омѣсишь тія виты колачи,
И да си наточишь жьлте здравице,
И да си туришь семдесе́ стрѣла,
Па да си идѐмо у тая ми́ла ро́днина,
И у тая наша т'снина.
Пай си су по́шли презъ горе зеле́не;
Пай си е Момчи́ла вьрло дремка одремало.
Момчи́лё Милици говоре:
«Я окни, Милице, та запой».
А Милица му говоре:
«Не смѣемъ, Момчи́лё, несмѣемъ;
Че ме дочуе Груя, младъ юнакъ,
Че ны млади погуби».
— «Не бойсе Милице, не бойсе,
Де окни та запо́й».
Милица окнула та запояла,
Одъ гора е шума опадала;
Дочулъ е Груя добаръ юнакъ,
Та е стигалъ Милицу младу господжу
Са-съ семдесе́ дружина.
Фьрляле стрѣле́-те Момчи́ле,
Та истепалъ семдесе́ дружина,
Та самъ си осталъ Груя добаръ юнакъ.
Тай се вануле у юначне руке,
Па се борили три дни и три ночи;
Я Груя по тія оговори:
«Приди Милице Загорко,
Я приди, я при́ступи,
Я мене помогни,
Я Момчила помогни».
И она-та пришла́,
Та приступила́,
Та помогну́ла Момчилу,

Та се на Грую гачникъ скинулъ;
Пай си Груи вьрло нажалѣло,
Та се на Момчило надви́ло,
Па и Милицу погуби́ло,
Па се верна на неговс доми.

№ 185.

Кюст-Бан. окр, с. Жилинци; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Стоймена Атаносова.

(Дойчинъ больной юнакъ поражаетъ чернаго арапина, повелѣвавшаго въ г. Солуни).

Посели́се, посели́се церна а́рапина,
Поселисе по Со́луна града:
На денъ руча крава яловица,
И си руча по двѣ фурни лѣбъ,
И піе по двѣ бочви вино
И третя-та люта ракія;
Ношкемъ любе мома и невѣсты
Ношкемъ люби, денеска ги губи.
Редомъ реда по Солуна града,
Се редомъ редо́къ изреди́ло,
Редъ е дошелъ до Дойчинова сестра́.
Дойчинъ лежи́ младъ-боленъ-юнакъ,
Дойчинова сестра по дворове-хо́ды,
По дво́рове хо́ды, дробны сълзы роны,
Дробне сълзы рони, бѣли рацѣ троши;
Я Дойчинъ-тъ тія разгова́ра:
«Тако м' Бога, сестро Ангелино!
Дали си те, сестро, досадило,
Ели ты си, сестро, ядно додія́ло,

Мои злавья често тураючи,
Мои керви често переячи?»
И одговори́ сестра Ангелина:
«Поселила се черна Арапина,
Поселилосе по Солу́на града —
На день яде́ по крава яловица,
И яде́ по двѣ фурни лѣбъ,
И піе по двѣ бочви вино
И третя-та люта ракія,
Ношкемъ люби мома́ и невѣсты
Ношкемъ люби, денеска ги губи;
Редъ е дошло до твоя́-та сестра́,
А ты лежишь тридеветъ годины:
Низъ очи ти муи пролитале,
Низъ кокале-то трава проника́ла».
И проговори́ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Набери гайле́, сестро Ангелино,
Улезны си у ладны я́хары,
Та извади́ моя добра коня,
Деветъ годинъ тимаръ не чинена,
Деветъ годинъ вода непо́ена,
Девстъ годинъ коня некована,
И улезни шарены одая́,
Та си земи сабля димискія;
Па си пойды низъ Солуна града,
Коне́ воды Петеръ налбатино,
Да ти кове коне вересія,
Ако станемъ, скапо че му платымъ,
Ако умремъ, алалъ да ми чини, —
И однесы сабля димискія,
Однесы я на Ангела ковачь,
Да подостры сабля димискія,
Да я о́стры божи́ вересія,

Ако станемъ, скапо че му платымъ,
Ако умремъ, алалъ да ми чини».
Отишла сестра Ангелина.
Налбатъ, ковачь тія проговори́:
«Ако дава́шь твое бѣло лице,
Я че ковéмъ Врана коня
Че ковéмъ божя́ вересія, —
Ако дава́шь твое бѣло лицé,
Я че подострímъ сабля димискія
Я че подострымъ божя́ вересія».
— И заплакасе Дойчинова сестра́,
И ошла се Дойчиновы дворове,
Па си верза коня ладны, бре, яхе́ре,
Тури сабля на Дойчинова гла́ва;
И проговори́ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Иды, сестра у Солунска чаршія,
Ойды си при млады чифутинъ,
Донесы триста латы платно,
Да постегнемъ мои гнили косты».
И ойдé Дойчинова сестра
Ойдé си у Солунска чаршія,
Ойде при млады е́врéинъ,
Та зема триста латы платно —
Она сака триста латы,
Оно́ дадé триста и триесе.
Стегна Дойчинъ, бре, гнили-те косты,
Па си яна негова-та коня,
И си земá сáбля димискія,
И си земá лека буздугана —
Ногу лечка—деведесе ока.
Па си пойдé низъ Солу́на града:
Огинь свѣтини низъ солунска калдерма
Отъ шта? коня, коня пековáна.
И проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:

«Я излезни черно Арапино!
Черно Арапино, биволешко лайно!»
И гово́ри черна Арапина:
«Назадъ, назадъ, суо сушенице!
Немашь кервь, сабля да напо́ишь,
Немашь месо, коршумъ да наранишь».
Проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Не тужи Бога, черна Арапино!»
Излезна́ла черна Арапина.
Проговори́ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Я ты ферляй, черна Арапино!
Я ты ферляй, я че да ферлямъ»!
Ферлило е черна Арапина,
Ферлило е съ лека буздогана —
Дойчинъ го дочека́ со-зъ зенгія;
И проговори черна Арапина:
«Чекай, Дойчино, ошь еднашь
Ошь еднашь да гаджамъ»;
Проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Чекай, черно Арапино!
Ты си ферля́лъ, па я че фе́рлямъ»;
Ферлилъ е Дойчинъ боленъ юнакъ,
Удари го съ лека буздога́на,
Удари го у пе́рво-то серце:
Падна Арапинъ одъ Врано-то коне,
И проговори черна Арапина:
«Удри, Дойчине, удри, оште душа има»;
И проговори́ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Еднешь мріемъ, еднешь семъ родилъ»;
Тогай пукна́ черна Арапина.
Па си я́хна Дойчинъ боленъ юнакъ,
Па си я́хна тая Врана коня,
Та си ойде при Петеръ налбатинъ:
«Я излезни, Петеръ налбатинъ!

Ковалъ си ми конё вересія!
Излезни, скапо да ти платимъ»!
Излезна́ си Петеръ налбатино́,
Одсѣче му Дойчинъ тая руса глава;
И ойде Дойчинъ при Ангела ковача:
«Излезни, Ангеле, ковачу!
Подострилъ си сабля димискія!
Излезни, да ти платимъ»!
Излезна си Ангелъ ковачъ,
Одсѣче му Дойчинъ тая руса глава.
Па си зема́ до двѣ руси главы,
Па си яха́на тая Врана коня,
Та си ойде при млады евреинъ:
«Я излезни, млады евреине!
Давалъ ми си триста латы платно,
Ко́лко сакашь одъ мене да платымъ?»
Проговори́, бре, млады евреинъ:
«Э, Дойчине, млады, бре, юначе!
Колко любишь, толко че ми платышь»;
Дойчинъ му платы́ двойно
Платы двойно, што му чини.
Па си ойде́ Дойчинъ на дво́рове.
Разверза си Дойчинъ бѣло платно,
И душа му на-часъ излезна́ла.

№ 186.

Трен. окр., с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(Дойчинъ больной юнакъ поражаетъ чернаго арапина, повелѣвавшаго въ г. Будимѣ,

По́селисе черна Арапина,
По́селисе по Будима града;
На́ да(нъ) руча по вурнія лѣба
И си піе по една бъчва люта ракія,

И си піе по е́дна бъчва вино;
Посили се по Бу́дима града:
На́ ночь люби по една́ гиздава девойтя.
Редомъ реди по Бу́дима града,
Редъ си дошло́ до болнога Дойчина:
Болны Дойчино имало
Имало едну́ добру сестру;
Она́ по дво́ры оды,
По дворы оды бѣле руке кърши
И си рони дробне сълзе;
И сгледа ю боленъ Дойчинъ:
«Леле сестро, леле мила сестро!
Зашто си по двору одышь,
Дробне сълзе ронишь,
Бѣле руке кьршишь?»
— «Да какво дробне сълзе не ронимъ?
И какво́ да не кьршимъ руке?
Посили́се черна Арапина,
Та си люби на́ ночь по една девойтя,
Редомъ реди по Бу́дима града,
Редъкъ се дошелъ до насъ —
Дошелъ до болнога Дойчина».
Проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Да улезнешь, сестро, у ладны зевници́,
Да изнесешь бобучерне платно
Бобучерне платно деведесе аршина,
Да увертемъ мои болне косты;
Да улезнешь у добре яаре,
Да изведе́шь коня босатина,
Да га во́дишь Петру алба́тину,
Божья вересія да га кове,
Да улезешь у ладне дзевницы,
Да узмешь саблю рджави́цу,
И да носишь на мо́ега побратима,

Да подостри божья вересія.
Ютре че я се вратити
И че имъ плати́ти.
Послушала мила добра сестра.
И носила му сабля-та
На негова побратима;
Онъ не стѣлъ да подостри сабля
Да подостри божья вересія,
Но рекалъ:
«Ако дашь свое-те бѣле лице,
Да подостримъ са́блю рджави́цу».
И водила му коня Петру албатину,
Да укове коня босатина
Да укове божья́ вересія,
И албатинъ рекалъ:
«Ако давашь бѣле лице,
Че ти ко́ве конче вересія».
И она тогай назадъ повернула,
Повернула и на брата се казала;
Заплакала мила добра сестра.
Рекалъ тогай Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Изве́ди ми коня́ босати́на,
Дай ми саблю рджавицу,
При́веди коня́ на бѣлъ камикъ».
Довела коня добра сестра.
—«Держь коня, сестро, да, се качимъ!»
Укачилъ се Дойчинъ на доброга коня,
Па-й тогай разигра до́брога коня
Разигра низъ Бу́дима града
И рекалъ: камо-тъ церна Арапина?
Айде, на старе бѣлеге,
Айде, бой да правиме сеги!»
И станули на старой бѣлегъ.
Рекалъ Дойчинъ: церно Арапино»!

«Врьляй на Дойчина болнога
Врьляй лька бъздованя,
Што-то има деведесе ока».
Вьрлилъ черна Арапина
Вьрлилъ тежка бъздованя,
Бо́ланъ Дойчинъ го у руке дочека́лъ.
— «Па се чекай, черна Арапино!»
Я вьрля́мъ тежка бъздованя!»
Овьрлилъ Дойчинъ бо́ленъ,
Та га накаралъ у земи
Накаралъ деветъ а́ршина;
Тага́ е пришéлъ Дойчинъ юнакъ,
Та му отсѣкалъ ру́су главу,
И ю турилъ ко́ню у зобнице.
Па тага разигралъ коня
Низъ Бу́дима града,
И ошéлъ на Петра албатина:
«Излезъ, излезъ, Петеръ албатинъ!
Да ти платимъ, Петре албатине,
Што ми си кова́лъ коня!»
Петеръ не смѣе да излезне;
Па излезнелъ Петеръ албатинъ.
— «Ела, да ти пла́тимъ!»
Излезнелъ е Петеръ при нега,
Дойчинъ извади свою-ту саблю,
Та му осѣче русу главу.
Па тага отиде на Павла побра́тима:
— «Излезъ, излезъ, Павле побра́тиме!
Да ти платимъ саблю,
Што си ми подострилъ».
Излезнелъ е Павелъ побратимъ:
Мане Дойчинъ со-съ саблю,
Та му главу осѣче.

Па тага отиде дома Дойчинъ,
Та размо́та деведесе лакта платно,
Што-то бѣше на негове болны косты,
И се съ душо растави́ло.

№ 187.

Село Жабленъ, Радом. окр.; 24 ноября 1879 г. записана со словъ болгарскаго солдата Ивана Дмитріева

(тоже).

Боленъ лежи́ Дойчинъ добаръ юнакъ;
Тай лежалъ деветъ годинъ време:
Веч му се кости разлежале.
Богъ да біе церна Арапина!
Редомъ реди по Буди́ма града:
На ношь люби гиздави невѣсты,
На денъ люби гиздаве девойти.
Дочула е Дойчинова сестра,
Па си рони тія дребни сле́зы.
Съопазилъ е Дойчинъ добаръ юнакъ,
Па прашуе дильберъ Ангелина:
«Дали те се досадило, мене чуваючи,
Та си толко жално ты заплачешь?»
А она му по тія оговори:
«Не ми се досадило, тебе чуваючи,
Но Богъ да біе церна Ара́пина!
Редомъ реди по Будима града,
Редъ са́ дойде́ на наши дворы,
Та за това я толко жално плачемъ:
На ношь люби по моми гиздави,
И си ядé кра́ва ялови́ца,
И си піе деветъ бочви вино».
И е брато́къ по́ ти оговори:
«Я ми дай, сестро, платно́ бабочерно;
Умотамъ това́ кле́то серце,

И да справимъ това́ добаръ конь».
Кога́ додала́ му платно бабочерно,
Опаса се юна́къ, отегна́се,
Па си ста́на, та си справи́ своя добра конь,
И си зема́ своя тьнка сабля,
Па си яна́ своя добра коня,
Па излезна́ на росна ливадя.
Съопази́ га черна Арапи́на:
Па си рипна черна Арапи́на,
Па си я́на своя добра коня;
Оддалекъ се юнаци поздравія.
Побѣгналь е Дойчинъ добаръ юнакъ;
Ферлилъ се черна Арапинъ,
Удариль е Дойчина добра юнака
Удариль е у десно у зенгія;
Повернáсе Дойчинъ добаръ юнакъ,
Та у́дари черна Арапина,
Удари га меджи двѣ-то очи—
Въеднакъ се очи испърснали.
Па си ойде Дойчинъ добаръ юнакъ,
Па си ойдé до́ма на дворо́ве,
Па слезна́ одъ своя́ добра коня,
Па си улезна́ на своя постелья:
Съопасаль е платно́ бабочерно,
И въеднакъ се съ душо раставило.

№ 188.

Г. Радомiръ; 30 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моавискаго.

(Тоже, съ перемѣной имени Дойчина на Демьяна).

Лежи Демьянъ деветъ годинъ време
Та си лежи се на едно мѣсто:
Низъ очи му муи пролетели,
Низъ косты, му трѣва проникнала

У чамбасъ [1]) му зміи изводили;
И при него ядна Яна, мила сестра.
И говори Демьянъ, боленъ юнакъ:
«Леле, Яно, леле, моя мила сестро!
Я си о́йды при Петре младо симичиче,
Да ми земешь три жешки симида,
И ми зе́ми моя добра коня,
Та го води на Петре налбатинъ,
Да го кове, Богме, вересія:
Ако стане братокъ, че ти пла́ти;
Ако у́мре, че му простышь»!
Продума си Пстре младо налбаче:
«Нему ковемъ коня вересія,
Ако дадешь твое бѣло лице...»
И она е коня поверна́ло,
Па си ойде при младо симичиче,
Та си сакатъ три жешки сими́да:
Ако стане братокъ, че ти плати,
Ако у́мре, Богме, че му простышь».
Я си сака младо симичиче,
Оно сака черни́ очи на зало́га.
Повернасе негова-та сестра
Сестра ядна-та Яна,
Повернасе въеднакъ наза́де-ка,
И си верна́ коня некована,
И не земало той жешки симидо.
«Што-то бѣше той младо налбаче,
Оно сака бѣле лице́ на зало́га,
Што-то бѣше младо симичиче,
Оно́ сака черни очи на зало́га».
Дума дума Демьянъ, боленъ юнакъ:
«Чуешь мене, моя ми́ла сестро!
Я улезны у ладны зевници́,

[1]) Волосы.

Та изнеси платно́ бобуче́рно,
Да увіемъ тія гнили́ ко́сти».
И она е брата послуша́ло:
Изнела е платно́ бабучерно,
Та уви́ло тія гнили́ кости,
И се метна на рамена,
Деветъ годинъ коня нако́вана,
Ни кована, ни зоба зоби́ло,
Ни м', Богме, ни вода по́ено;
И си метна́ коню на рамена
И си зема́ та остра сабля,
Што не е деветъ годинъ острена,
Запаса си Демьянъ, вреденъ юнакъ
Запаса си сабля не острена,
Не острена, ни па-й брисана;
Бутна́ коня низъ тесне клисуры;
У́ срѣшта му черна́ Арапи́на:
«Э Демьяне, э боленъ Демьяне!
Я каде́ си коня уберзи́ло?»
А Демьянъ му дума продума́ло:
«Што ме прашашь, черно Арапи́но?
Че да идемъ, да си я попла́тимъ,
Што ми е Петре коня кова́ло,
И што ми е пратило младо симичи́че
Прати́ло ми жешки симида».
И си ойде, та си ока Петре налбаче:
«Чуешь мене, бре, Петре налбаче:
Я излезни, язе да ти платимъ!
Язе прати моя добра ко́ня,
И я ти прати тія подковалія».
А оно му сказало:
«Не семъ я подковалъ».
А Демьянъ му дума проду́муе:
«Язе прати Яна ядна сестра,

Ты-зи сакашь бѣло лице на залóга;
И си окнá младо симичиче:
«Ела ты-зи! тебе да си платимъ!
Што ми прати́ три жешка симида —
Ты-зи сакашь черни очи на залога».
И тогай си боленъ Демьянъ
Извади си сабля неострена,
Тай погуби той младо налбаче,
И погуби той младо симичи́че,
Де-ка му коня нековали,
И дека му нее пратили
Не пратили той жешки симида.
Бутна кóня, въеднагъ се на заде верна́ло,
И си срѣтна черна Ара́пина:
Продума́ му въеднагъ боленъ юнакъ:
«Богъ те уби черно Арапи́но!
Што ми-мене ты-зи говóраше?
Очешь съ мене ты бой да пра́вишь?»
И Арапиинъ му ду́ма продýмуе:
«Очемъ» (рекалъ Арапинъ).
Продума му Демьянъ, боленъ юнакъ:
«Богъ те уби, черно Арапи́но!
Я семъ увиль тія гнили́ косты;
Ты-зи ферли съ ле́ка воздогана».
Арапинъ е ферлило съ лека воздогано,
Демьянъ пружи́ та́я десна но́га,
И поверна́ лека воздога́на.
И тогай-си въеднакъ оно продýмуе:
«Богъ те уби, черно Арапи́но!
Я ми стани ты-зи на белѣга,
Я че ферлямъ съ лека воздогана»;
И си ферли, и си го нака́ра
Тридеветъ лакти у́ земи;
Пай си ойде при негова сестра

И му каза: «Яно, ядно сестро!
Я погуби той младо налбаче
И погуби младо симичиче,
И погуби церна Арапи́на;
Я одверти платно́ бабуче́рно,
Та ми одвій тія гнили́ косты,
И размоты ми до осемдесе раны,
Та на точи тія церни кьрви,
Та белѣжи дервье и каменс;
Та си слезни у гора зелена,
Та наточи вода у руменче,
Та донеси да си се напіемъ».
Даде Го́спо́дъ тоя силенъ дъждокъ,
Та си одмій дьрвье и камене,
И тогай се Демьянъ съ душа растави́ло.
Тогай ока негова-та сестра:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Я не можемъ брата да си найдемъ;
Я ме створи пиле ку́ковица,
Да си летѝмъ одъ дьрво на дьрво,
Егай би си брата погоди́ла».
Гарванъ гаче у гора зелена:
«Ела вуче, месо да ядéме!
Ты да ядешь това люто месо,
Я да піемъ тія церни очи».
И тогай го сестра намѣрило,
Намѣрило и съ душа раставило.

№ 189.

Соф. окр., село Сливница, 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Ангелка Тончина.

(Визирь Тодоръ поручаетъ Лютицѣ Богдану доставить ему жену и коня легенскаго короля и ключи отъ города Легена).

Пише писмо Тодоре визире,
Пише писмо на Лютица Богдана,
Та го прати у Легена града:
Да донесе́ ключи одъ Легена,
Да доведе́ любе Авионче,
Да дока́ра коня со-съ три чуда.
Ка' дойде Лютица Богдана,
Каже:
«Фала тебѣ, Тодоре везире!
Што ме окашь, Тодоре везире?»
— «Я те окамъ, Лютица Богдане,
Че те пратимъ у Легена града:
Да донесешь ключи одъ Легена града,
Да деведешь любе Авионче,
Да докарашь коня со-съ три чуда;
Че ти давамъ три товары благо».
Не сте много да мисли Лютица Богданъ,
Токо въеднага пойде́;
Отиде́ у Легена града:
Оды́ три дни по Легена града;
Срѣтс га Легенскова краля
И каже:
«Фала тебѣ, Лютица Богдане!
Што шеташь по Легена града?»
Рекалъ Лютица Богдана:
«Младо си млого засиромашило,
Тражимъ да се цѣнимъ».
Одгова́ра легенски краля:

«Тражишь млады да се цѣнишь?
Д' очешь мене слуга да будешь?
Очемъ тебе младо да цѣнимъ».
И за пазаръ запазарили:
Засака му Лютица Богдана
Засака му триста и двaесе дуката,
А пазаръ направили
Триста и дванаесе дукаты;
Три дни дена са керчма пи́ли,
На четверти дена отишли са,
Да слугуе Лютица Богдана.
Слугувалъ е деветъ годинъ време;
По́ступи десе́та година,
Не може да виды ключи одъ Легена града,
И не може да виды коня со-съ три чуда;
Ра́сердисе Лютица Богдана:
Запали Легена града,
Запали го одъ деветъ страна;
Легенски краль се уплаши́,
Уплашисе—уя́хна коня Голешава [1]),
Та побѣже изъ Легена града.
Тагай се верну Лютица Богдана;
По дворъ оды любе Авионче,
По дворъ оды, бѣли руке керши.
Проговори Лютица Богдана:
«Вала тебѣ, любе Авионче!
Кажи, де-къ су ключе одъ Легена града?
Кажи, де-къ е коне́ со-съ три чуда?»
Она тіе одгова́ра:
«Я си узми деветъ ключе
И отвори деветъ желѣзници,

[1]) Голый (объясненіе сказителя).

И изведешь коня со-съ три чуда,
И тамо су ключи одъ Легена града».
И рекелъ Лютица Богдане
Рекелъ на любе Авионче:
«Премѣнисе у невѣстичко руо;
Изгреби бисеръ и ма́гарс,
Укачисе на коне со-съ три чуда».
Учинила това́ любе Авионче.
И ука́чисе Лютица Богдана,
Укачисе на коне со-съ три чуда.
Дочули троица юнаци:
Едно бѣше Реле́ одъ Релево,
Други бѣше Янко одъ Косово,
Трети бѣше Марко одъ Кралёво;
Та збрали три силне войске,
Ега́ узма любе Авионче,
И по не́га коня со-съ три чуда,
И по нега ключе одъ Легена,
Салъ да не отиду при Тодора везира.
Тагай дочуло е Лютица Богдана—
Пристигли га три силни войски;
Ритну коня Лютица Богдана,
Ве́ркну конё подъ небеса;
Кага́ се собудише три силни войсти—
Една бѣше на Реле́ одъ Релёво,
Друга бѣше на Янко одъ Косово,
Третье бѣше на Марко одъ Кралёво,
Се се чудомъ учудише:
Де-къ се дено то́е вреденъ юнакъ?
Чекало го Тодора везиро
Чекало деветъ годинъ време
Чекало го на свои дворове:
«Декъ се забави Лютица Богдана?
Че го манемо да го чекамо,

Да го чекамо десета година»;
Тамъ, мануше го и онъ достиже.
Тогай викалъ е Лютица Богдана:
«Вала тебе, Тодоре везире!
Како мене чекашь деветъ годинъ,
Оти мене не чекашь десета?»
И кога́ го виделъ Тодора визира,
Въеднага го у руке приватилъ:
«Вала тебе, Лютице Богдане!
Како цернеа [1]) по Легена града?
(Слѣдовалъ отвѣтъ Лютицы, опущенный сказителемъ).
«Да ми давашь любе Авионче,
Да ми давашь ключе одъ Легена,
Теби коня, коня со-съ три чуда» [2]).

№ 190.

Дупнич. окр., с. Бобошево; 13 дек. 1879 г. записана со словъ Хаджи Михаила Бѣлобрадовича.

(Страхиля, страшный воевода; его смерть).

Страхиля страшна войво́да!
Што си посе́халъ и пове́халъ?
Далъ ти е пушка дотеґнала,
Иль те сабля омерзнала,
Далъ ти е конче постанало,
Иль ти е булче домилѣло?
—«Акмаджакъ кучюкъ, барьяктаръ!
«Ни ми е пушка дотеґнала,
Ни ми е сабля омерзнала,
Ни ми е конче постанало»,
Ни ми е булче домилѣло;

---

[1]) Служилъ.
[2]) Слова визиря.

Акмаджакъ кучюкъ барьяктаръ!
Вчéра семъ миналъ—проминáлъ,
Презъ Рылска страшна планина,
Презъ хайдучки долины,
Презъ темны-те стервины;
Спадналъ семъ доле въ рѣка-та
При зелéна-та ливада,
Подъ дебела-та сѣнка:
Одкачилъ семъ рухо юначко,
Одкачилъ семъ сабля огнена.
Одкачилъ семъ пушка танкана,
Заспалъ семъ тамо въ ливадѣ —
Страшенъ сънъ сенилъ семъ:
«Страшно «потера» по менъ вервú
И тыя ми черны манафи«.
Проговорилъ Акмаджакъ кучюкъ барьяктаръ:
«Страхило, страшно войводо!
И тó ли да те учимъ?
Соблечи рухо юначко,
Извади оружіе страшно,
Облечи рухо прóстячко,
Сѣдни си на патъ
На керстопатъ;
Зéми си дервено панúче;
Дека че мине «потера»,
Сѣки пте дарува те по гологанъ» [1]).
Сички «потера» изверé
И дариха го по гологанъ.
Черно циганче казáло
Казало на сильна «потера»:
«Вие кого́ дарихте?
То е самъ Страхиль,

[1]) Турец. мелкая монета = 3 коп.

Самъ страшна войвода!«
И тогай се вернала «потера»:
Одрѣ́зали му глава́-та.
Страхиль си загналъ[1]) безъ глава
И това циганче, што казало,
Онъ му одралъ кожа со-съ кремѝкъ.

№ 191.

Самоков. окр., с. Студеница; 8 февр. 1880 г записана со словъ Банъи Титева въ селѣ Клисурѣ, что близъ г. Берковицы.

(Груя юнакъ получаетъ дѣвушку Виду на пиру у юнака Янка «отъ Косова»).

Зачинисе Янко одъ Косова
Зачинисе госба да си чини:
Та поканѝ седемдесе́ краля,
И поканѝ Марко Кралевича—
Емъ го кани, емъ му дума дума:
«Ты да дойдешь, Груе недово́бы;
Доде бѣхме старо побратимче,
Да не станемъ младо свакоштино;
Язе имамъ Вида малка мома».
Я Марко му по ти оговораше:
«Безъ се мога, безъ Груе не мо́га—
Оно ми е арна служба».
И си піятъ седемъ краля вино,
И си го пié Марко Кралеви́че,
Не пié го малко дете Гру́е;
Слуга имъ е Вида малка мома;
Вида малка има голѣма облога:

---

[2]) Побѣжалъ.

У бѣло дерво—абланево дерво,
У дерво-то три златны ябуки,
Кой откине три златны ябуке,
Той че земе Вида малка мома.
Я си рипне дете младо Груе́,
Та си рипна на юначки нозе,
Та си улезна́ у высоке я́хере,
Та си справи коньче троего́дче.
Согледа го Марко Кралевиче,
Та па му по ти оговори:
«Тако м' Бога, дете, бре, Груице!
Зашто не справишь коня́ газибара?»
Па си яна дете, бре, младо Груё
Па си яна коня газибара
И отиде до една готока;
Тамъ е излезнала ала троегодска:
Ала рыпа коня да пога́лне,
Коне рыпа ала да пога́зи
И говори на дете Груё:
«Клето да си и проклето!
Не ли видишь, де-ка младо че погинешь?
Што не ва́дишь сабля, да се бранишь»?
Послушало дете младо Груё,
Извадило сабля, та посѣкло ала.
Па си ойде до друга готока;
Тамъ излезна ошь пострашна ала:
Ала рыпа коня да погълна,
Коне рыпа ала да погази;
Проговори коня газибара:
«Клето да си и проклето, дете Груё!
Не-ль видишь, че да си младо погинешь?
Што не вадишь сабля да се бранишь?»
Послушало дете младо Груе́,
Извадило сабля, та посѣкло ала.

Отиде си до третя гото́ка:
Тамъ излезна́ ошь пострашна ала;
Ала рыпна коня да погълна,
Коне рыпа ала да погази;
Проговори коня газибара:
Клето да си и проклето!
Не ли видишь, че си младо да погинешь?
Што не вадишь сабля димискія?
Послушало дете младо Груе́,
Извадило сабля, та посѣкло ала.
Отиде си у бѣло-то море,
Па си дете Груе́ по ти оговори:
«Тако м' Бога, коня газибара!
Да искубемо дерво низъ корене»;
Я коне́къ му по ти гогово́ри:
«Да откинемъ три златны ябуки».
Откина́ли три златны ябуки
Отъ той абланево дерво,
Та отишли дома-ка.

№ 192.

Село Верба, Радом. окр.; 28 ноября 1879 г. записана со словъ того же крестьянина.

(Жена Груи юнака изиѣнница).

Сѣди́ Груя на Юру́шъ-пладнина;
А што лети живо че проми́не́,
А што оды, подъ сабля че тури;
Па го дре́мка одрема́ло,
Па на любне по́-ти говори:

«Чуешь мене, млада Ангелина!
Очешь, караýлъ да чувашь»?
А онá му проговори:
«Очемъ, да оти да нечемъ;
Я ми дай твое оружіе,
Я че сѣдамъ, караулъ да чувамъ:
Э што лети живо че промине,
А што оды подъ сабля че тýримъ».
И онó му додадé негóво-то оружіе,
Та го зема млада Ангелина.
А сѣднала Груица войвода,
Тога легнá та заспа.
Эте одатъ петъ стотинъ турчета;
А говóри млада Ангелúна:
«Чуете-ли петъ стотинъ турчета!
А вежитé Груица войвода;
А онú нёй говоря:
«Несмѣме него да вежемо;
Ако очешь кадапа да бидешь,
Ты че вежешь Груица войвода».
И она зема диремли гайтани—
А гайтани отъ зелена свúла,
Та увеза Груица войвода.
Тога се го Турци разъокали:
«Айде, стани, Груицо войводо!»
—И оно се тогай свѣстило,
И тогай се чудомъ почуди:
«А како мене везáа»?!
Покарали га.
Заплака негóво-то дете,
Заплакасе дете Міалаче:
«Леле тате, леле мúли тáте!
Я неможемъ, тате, да си одымъ».
А онъ му одкáзуе:

«А си иды кодъ твоя-та майтя,
Ега оче на конь да те каче».
И оно кодъ майтя отѝшло;
А онá му говóри:
«Назадъ, назадъ, юначко купсло!»
И търнала сабля, да го уби;
И онó се кодъ башта вернáло:
«Леле тате, леле мили тате!
Нече мáма на конь да ме каче!
Л онъ го земá на рамéна;
Та слезнáло доле у ливадé,
У леваде кодъ голсми бути,
А при бути студéни кладенци;
Тамъ се Турци разоблекли,
Тамо се сѝчки заспáли;
А што-то е Груѝца войвода
Та си прашта дете Міалатя,
Та го прашта при негова майтя:
«Украднáло потай ножеве,
Та си изсѣче тія диремли гайтанѝ».
— Леле тате, леле мѝли тáте!
Я неможемъ гайтанъ да пресѣчемъ.
— Леле дете, леле Міалáте!
Я ми рачете тоя бѣла меса.
— Немой, тате, жили да не сѣчé.
Тогай е рипнáло на юначко ноге
На юначко ноге Груица войвóда;
Та земáло негово оруже,
Та посѣче петъ стотинъ турчета.
Побѣгнáла млада Ангелина,
Побѣгнала въ Юрушъ-пладнѝна;
А Груица ёй говори:
«Я постой, курво! каде че бѣгашь?
Не утекло петъ стотинъ турчета—

Си самъ редомъ погуби́ло,
Да ты ли, курво, утечешь?»
И оно е тогай уловѝло,
Уловило—погубило.

№ 193.

Дупнич. окр. мѣстечко Бобошево; 15 дек. 1879 г. записана со словъ Маріи Гергевой.

(Груица юнакъ освобождаетъ дѣвушку отъ арапина).

(ХОРОВОДНАЯ).

(поется на оро(хороводѣ), въ рождеств. святки)

Море Марко, море младый Марко!
Марко гради деветъ монастыра,
Десета е церква Маріица,
Та ги гради на друми широки;
Ете отадъ гиздава девойка
На Марка-те тія огóвораше:
«Богъ помогналъ, Марко, младый Марко!
Честиты-те деветъ монастыра,
Десета ти света Маріица;
Вѣрувашь ли Бога Единого,
Пріимашь ли светого Іована,
Да ме отешь одъ церна Арапина».
А Марко тія огóвораше:
Э ты-зе-ка, гиздаво девойче!
Та вѣрувамъ Бога Единого
И пріимамъ светого Іована;
Я си иди оште по-на-горе,
По-на-горе зелено ливáде,
Тамо има Груица дѣтенце:

Прострелъ си е той бѣли чадори,
Та си пасе́ деветъ враны ко́ни;
Ты си сѣдни подъ бѣли чадыри,
Оно тебе че да те оты».
Ни слушало, мори, ни чека́ло,
Но си ойде́ оште по-на-горе,
Ойде у зелено лива́де;
Тамъ найде тое бѣле чадыре,
Подъ чадыръ Груица-дѣтенце;
Девойче му тія оговораше:
«Богъ помогналъ Груица дѣте́нце!
Да прати ме Марко, младый Марко,
Да ме отешь одъ церны Арапинъ».
Груица и по тія огово́раше:
«Э ты-зе-ка, гиздаво девойче!
Я си сѣдни подъ бѣли чадыри,
Та препридашь тоя бѣли ибришимъ [1]),
И ми подай лека буздогана,
Че пресрѣтна церна Арапина».
Па си стана́ Груица-дѣтенце,
Та пресрѣтна церна Арапина,
Та на нея тія гово́раше:
«Э ты-зе-ка, церни Арапина!
Постой малко на бѣлега!
Та си ферли Груица дѣтенце,
Па си ферли съ лека буздогана,
Па си ферли фъ церна Арапина,
Накара го деветъ лакти у земя.
Та си стана́ Груи́ца дѣтенце,
Па си ойде́ подъ бѣла чадера,
На девойче тія гово́раше:
«Э ты-зе-ка, гиздаво девойче!

[1]) Шелкъ (свила).

Дали че идешь при млады Марко,
Иль че сѣдышь подъ бѣли чадери?»
Проговори́ гиздава девойче:
«Э ты-зе-ка, Груица дѣтенце!
Не то ч' идемъ при млады Марко,
Ни че сѣда подъ бѣли чадыри,
Но че ида фъ церква Маріица».
Па стана́ло гиздаво девойче,
Та си ойде фъ церква Маріица.
Па си ойде, фъ церква Флезна,
Прекерстисе и Богу се помо́ли:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Язе нечу на земля младенѐцъ,
Язе сакамъ небсса́ младенѐцъ».
Прати Господъ той Божи Ангелъ,
Та и тури той златенъ вѣнѐцъ,
Та и тури на нойна-та глава;
Пресѣдело гиздаво девойче́,
Пресѣдело два дни и двѣ ноштн
Пресѣдело фъ церква Маріица;
Та си слезна светый апостолъ Петеръ,
Та си слезна светый апостолъ Павелъ,
Та земаха гиздаво девойче,
Та земаха изнесоха го у небеса.
Посветилосе.

№ 194.

Джумалійск. окр, с. Панчерево (въ Пьяницѣ); 13 дек. 1879 г. записана со словъ Димитрія Кундева.

(Женитьба Янкола—Зеленъ-гора).

Заженилъ се Янколъ-зеленъ-го́ра,
А никаде си при́лика не найде́; *(повторяется стихъ)*.
При́лика нашелъ въ Капетанска земя
При́лика нашелъ у Русійска земя;

Тамъ е нашелъ капетанска мома *(повторяется)*.
Крена Янкулъ презъ гора зелена,
Та накани китены сватове;
Проговори кума господи́на:
«Не пойте ми китены сватове.
Турска гора безъ айдуци не е *(повторяется)*:
Кога́ придеме у Русійска земя,
Кога́ придеме кодъ Капетанска мома,
Че се скара Русійско царо Капетано:
Зашто пояхмо презъ гора зелена,
Презъ гора зелена, презъ турска-та гора?
Турка има и ю Русійска земя!
Тамо шеташе Адеръ арамлія.
И дойдоа китены сватове
И дойдоа у Русійска земя,
И земаа Капетанска мома;
И кренаа Янколъ-зеленъ гора
Со-съ твои-те китены сватове
И кренаа презъ Церна-та гора.
Срѣтналъ ги Адеръ арамлія,
Та повреди́ китены сватове;
Янколъ-зеленъ гора напра́ви си
Самъ си направи боленъ и умре;
Ойде му китена невѣста
Та ойде́ на Адеръ арамлія.
Беркна́ китена невѣста
Беркна́ му у десна-та пазвука
И му каже: Адеръ арамлія!
Еле жена пуста да остане?
Я ми дай твое́ оружіе,
Да повреда Янкулъ-зеле́нъ гора».
И ю даде Адеръ арамлія
И ю даде свое оружіе.
Руска мома Капетанка хи́тра била

Не повреди Янкулъ-зеленъ гора,
Та повреди Адеръ арамлія
Та повреди и го уби́.
Тогай рече Янколъ-зеленъ гора:
«Я семъ живъ, а ты ли си жива?»
И стана Янколъ-зеленъ гора,
Та повреди со-съ своя сабля
Та повреди деветъ дулюма гора.

№ 195.

Село Драгоданъ, Дупнич. окр; 16 дек 1879 г. записана со словъ Василія Бѣлобрасκаго.

(Жена юнака Янка взята въ турецкій плѣнъ).

Сонъ сони́ла Янкулица млада
Предъ Великъ-день—бѣла сабота;
Емъ стану́е, емъ си сонъ казу́е:
«Э Янкуль, Янкуле чорбаджіе!
Двори ти са вода потана́ли;
Та пливнаа три дзегворе биволе
И пливнаа деветъ враны кони».
Проговори Янкулъ чорбаджія:
«Э ты-зе-ка, Янкулице младо!
Това не е тая матна вода,
Туку си е тіе клети Турци;
Язе ч' идемъ у церква Марія.
Па оти́де у церква Марія;
Турци му са двори поплѣни́ли:
Товари́а три коне иманье,
Товариа деветъ враны коне,
Заробѝа Я́нкулица млада;

Што излезне Янкулъ чорбаджія
Излезне низъ церкве Маріица,
Извикна се Янкулица млада:
«Э ты-зе-ка, Янкулъ чорбаджія!
Я се верни назадъ ко́ня,
Дворы ти се Турци поплѣни́ли:
Товариа три кола иманье,
Товариа деветъ враны коне,
Заробѝа Янкулица млада».
Проговори Янкулъ чорбаджія:
«Э ты-зи-ка, Янкулице младо!
Каде тія потайно оружіе»?
— Проговори Янкулица млада:
«Найнапрежь оружіе земаа,
Та по-тогай двори поплѣниа;
Я си иды у Стара-Планина,
Да си фанешь стара кобылица,
Што-то воды дванаесе ждребци».
Па отиде Янкулъ чорбаджія,
Посегна се, да си лови стара кобылица:
Дигна глава, она́ не дава́се.
Па гово́ри Янку́лъ чорбаджія:
«Э ты-зе-ка, стара кобылице!
А што не жалишь мое-то иманье?
Ако не жалишь мое первнолюбне,
Не жалишь ли твои деветъ сына,
Дека са ги Турци поплѣни́ли?»
Сложи гла́ва стара кобыли́ца,
Та я фана́ Янкулъ чорбаджія,
Та си крена презъ по́ле широ́ко —
Замаглисе магли праове.
Проговори Янкулица млада:
«Ви-е, клеты Турци!
Я си сто́йте, малко почекайте;

Язе имамъ до доветъ пау́на,
Ега́ стигнатъ и оны́ да дойдатъ».
Запреасе малко клеты Турци,
Достигна ги стара кобыли́ца,
Съ устъ имъ главы покина́,
И съоте Янкулица млада,
И съоте сичко иманье.

№ 196.

Трен. окр., с. Божица (на границѣ Вран. окр.), 4 марта 1880 г. записана со словъ Павла Лазарева.

(Янко юнакъ схватываетъ хитростью юнака Ивана Поповича).

Пойде Іованъ у шура на гостье да иде.
И съ него любе Станиславе.
Три дни оды презъ поле широко,
А четыре презъ горе зелене;
Іована се верло дремке одремале,
Па си моли люби Станислави:
«Я си викни, любе Станиславе,
Я си викни тенко, гласовито»!
— «Не смѣмъ Іоване, бре, стопане!
Тува има Курунъ кеседжія,
Онъ е верло мене пизманлія».
— «Што се боишь, кадъ се юнакъ о́дышь?»
Па се виче любе Станиславе;
Колко бѣше лско повикнуло,
Одъ гора листье опадну́ло;
Дочулъ Курунъ кеседжія:
«Кой ми, може Іована увати
Да увати и да го уверже,
Чю да му даемъ благо,

Што му е драго,
И чю му даемъ воеводлакъ
На седемдесе́ другала,
Што е мой билъ».
Избралъ се Янко одъ Косово:
Додайте ми гусле яворове,
Додайте ми седемдесе́ аршина ременя
Седемдесе́ аршина червена ременя,
Я семъ ти Іована Поповича уватимъ
И семъ ти го увезамъ».
Па си дочулъ Курунъ кеседжія.
Па си допадне Курунъ кеседжія
Со седемдесе́ друга́ра,
И си верза, бре, Іована.
Па си говори любе Станиславе:
«Дай ми, Іоване, саблю,
Да ти я главу посе́чемъ,
Да знаешь, женски да поги́нешь».
Узме она саблю о́стру;
Не се́че она́ Іовану гла́ву,
Но одсе́че́ яко ременье;
Па си даде Іовану у десну руку
Па си даде остру саблю.
Па си оберну Іованъ наде́сно,
Па се оберну на́ле́во,
Нигде, нигде отъ айдука глава не остане,
Салъ остане любе Станиславе.
Па оти́де Іованъ со свое-то любе
И си стигна у тесне клисуре,
Та пречека Янка одъ Косова;
Па си беркне Іованъ у свилне джепове,
Да дарус прошляка голема дарба;
И говорн Янко—прошлякъ:
«Нечю мене голема дарба да даруешь,

Но ме баци Шарцу у тертіе,
Та ме носи на Битоле града —
Тамо има много мои прошляци,
Тамо има да се ранимъ».
И го баци Шарцу у тертіе,
Па си пойде поле широко.
Много се Янка дремке оборилс:
Ка' си буде презъ горе зелене
Янка Іованъ веже со-съ червена ременя.
Тагай викне Янко, што-годъ може:
«Де-си да си Курунъ кеседжія,
Тува да си!»....

(Не кончена).

№ 197.

Село Бабица, Радом. окр., 24 ноября 1879 г. записана со словъ Деши Тодорова.

(Женитьба Ѳедора юнака).

Заженисе Тодоръ юнакъ;
Одалекс[1]) девойтю затеклилъ;
Таманъ, дойде на майтю се каза,
Я си токлимъ Негритску девойтю,
Дори майци дума да издумалъ,
Достиже това ситно писмо;
Писмо́ чите́—бѣле́ сълзи ро́ни,
Ронилъ е Тодоръ доберъ юнакъ:
«Да си води деветъ стотинъ сватове;
Декъ че найде деветъ стотинъ сватове?»
А майтя си Тодора поучи:
«И това ли, си́нко, да те учимъ?
Да си позвешь Марка Кралевика,
Да ти кумокъ буде,

[1]) Т е. одалекъ+с.

И да позвешь Янка одъ Косова,
Да ти деверъ буде,
И да позвешь Релю Крилатицу
Да го позвешь, старойтя да биде;
Отъ три града три юнака
Че доведу по триста сватове,
Че ти стану деветъ стотинъ сватове».
И оно с майтю послушало —
Позвало е тіс три юнака́ —
Станоше му деветъ стотинъ сватове;
Справляше се дванаестъ дьна
И справише дванаестъ кола;
Че караю воду студе́на,
Че да иду презъ Перимъ-планину,
Тамо нема воду да се найду;
А Марко нестѣлъ да покара воду;
Оставиле дванаестъ кола,
Оставиле и продумали:
«Кага идемъ у ловъ големъ,
Три недѣли воду се не піемъ».
А продумалъ Марко юнакъ:
«Па за вода ништа не би биде».
Оставише—воду не караше,
Та пройдоше презъ Перимъ-планину;
Отидоше у градъ-тъ Негрита,
Изведоше Негритску девойтю,
Па пойдоше презъ Перимъ-планину;
И спиташе китени сватове:
«Чуешь, Тодоръ младожене!
Върло жеде намъ е додеяше,
Че сла́зимо, кони да бодемо,
Да піемо тіе черни́ креви́».
А Тодоръ е дума продумало:
«Стойте малко—кони́ не бо́дете;

Потамъ има длубоки бунаръ—
Ни е длубокъ, ни е яко плитакъ,
Саде има семдесе́ лакти».
Отидоше тамо на бунари,
Погледаше воду да се виде;
Сви дружина воду тричи потьрнаше,
Кой че слази воду да издада;
Али Марко кумъ-тъ продумало:
«Че да слази Тодоръ младожења —
Онъ се жени, воду че издае».
Ситне сълзе рони Тодоръ юнакъ,
И соблачи руо младоженско;
Вьрзаше га со-съ свилни по́ясы.
Пустише га у длубоки бунаръ;
Пиcну юнакъ, како люта змія:
«Леле кумс, леле Марко Кралевиче!
Поголема змія яловита,
Поголема змія до колѣна»;
Па си пишти—то́нки гласи до Бога се чую:
«Поголема змія до пояса!»
Тьрже Марко добри юнакъ,
Тьрже да извади Тодора юнака,
Али змія Тодора непушта;
Притръчалъ Янко одъ Косова,
Да помага Марку Кралевичу—
Па не може юнака да извади;
Притръчалъ Реля Крилатица—
Па-й не може юнака да извади;
Привелъ си Марко Кралевичъ,
Привелъ си коня до буна́ра:
Тамо́ вьрза свилни поясы на груди,
Па извади огняна камжія,
Та у́дари коня шареного,
Удари го одъ бедра до бедра;

Разлютисе конь шареяны,
Та закопа ноге у землю,
Та закопа до ки́чице,
Та изнесе Тодора юнака,
Изнесе змію яловиту;
Марко тьрже тай остра́ сабля,
Да пресѣче змію яловиту—
Онъ погрѣши, та поясъ просѣчи:
Па се юнакъ у бунаръ вернасе—
Пишти юнакъ—до Бога се чуе:
«Леле Марко, да мой миле куме!
Ако Марко ты да си отидешь,
Немой мене да си коня одведешь,
Поби конья, та ми конья вержи!»
И тогай си Марко конья побило,
И му конья верзало.
Кой че мине, самъ да види,
Да види, самъ да завиди.
Пишти Тодоръ юнакъ у бунари,
А конь-тъ му на бунара вишти;
Башка вика Негритска девойтя:
За кого ме Марко водишь?
Тодоръ юнакъ у бунари оста».
А дочула га вила-самовила,
Дочула га изъ-подъ ясна неба,
Па си падна́ла до́ле на бунари,
Та си пита Тодора юнака:
«Зашто лежишь у длубоки бунаръ?»
Одговори Тодоръ добри юнакъ:
«Погълнула ме змія яловѝта».
Тагай слезе вила-самовила,
Та распрала змію яловиту.
Извадила Тодора юнака,
Изне́ла га горе на бунари;

Дума продумала вила-самовила:
«Тодоре млады младежене!
Викни, колко што можешь,
Тонки гласи до Бога да се чу́ю».
А Тодоре е тага продумало:
«Дерманъ немамъ—гласи да ишпуштимъ:
Викни-окни ты, моя посестримо,
Ега може Марко да дочуе,
Ега би се назадъ повернуло».
Викну—окну вила-самовила;
Доръ да ойду гласи до Ма́рка,
Деведесе́ кола дърва поломи́ло,
Дочулъ си Марко Кралевичъ:
Тагай Марко назадъ повернуло
И са-съ нега Негритска девойтя,
Та отоше та́мо на бунаръ;
Тамо сѣди вила-самовила
И при ню е Тодоръ младоженя;
Те иде Марко Кралевичъ,
Одалекъ се малко поклонило,
Одблизу руку целивало,
Аризалъ той желте жьлтице;
Те иде Негритска девойтя—
Аризала свилену кошулю.

№ 198.

Тренск. окр., с. Бабица; 25 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины (Ристены) Стоянчиной.

(Женитьба Ивана Черногорца).

Заженисе Иво Церногоре;
Одалекъ затражи си девойти,
Одалекъ у Смедера града;

Тамо найде малена девойтя—
Емъ малена, емъ дарове нéма.
Аберъ прати малена девойтя
Аберъ прати на Иво Церногорце:
«Много здравље, Иво Церногорце.
Да ме чека до двѣ, до три године—
Една година тенка да порастемъ,
Една година дары да наготвимъ,
Една година уми да позберамъ».
Аберъ прати Иво Церногорче:
«Много здравље, малена девойтя!
Не чека ми не два дни, не три дни,
А то нели три године чека»;
Збрало е кúтене сва́тове,
Та пойдоше на Смедера града,
Та придоше на Церно-то море—
Церно море одъ брегъ до брегъ бíе,
Сега́, море све е пресенуло;
Околъ моря цвѣтье наницало
Найвече модра пер'у́ника;
Сви сватове по китку набраше,
Иванъ набралъ до двѣ, до три китке:
Една китка на милу балдазу,
Друга китка Иви Церногорчи,
Третя китка малена девойтя;
Што-то китка на милу ба́лдазу
Подъ китію со-съ церна мониста,
Што-то китка малену девойтю
Подъ китію жълте желтице,
Што-то китка Иви Церногорчи
Подъ китію со-съ кара-гроше.
Ка одоше на Смедеръ градъ,
Вѣнчаше ги, армасаше ги—
Што би законъ се прекара́ше.

Дойдé время девойтю да воду.
Проговори Ива Церногорче:
«Да камо ви, млады кочіяши?
Докарайте ви, сремски кочіяше —
Накачимо малену девойтю».
Укачише мáлену девойтю;
Та и отидоше у Церно-то море—
Церно море одъ брегъ до брегъ бíе;
Проговори кумъкъ и старойтя:
Назадъ, назадъ, китене сватове!
Назадъ, назадъ, море не газите—
Кой се жени, онъ че да го гази»;
А загази Ива Церногорче:
Ка' загази еднý зáтоку,
Вануло кóню до зенгіи,—
Ка' загази другу зáтоку,
Иву вати до равнá рамена,—
Ка' загази третю зáтоку,
Токо му се перо вíе.
Проговóри малена девойтя:
«Назадъ, назадъ, Ива Церногорче!
Назадъ, назадъ, младо да не гинешь».
Па загази младена девойтя:
Сви сватове у скутъ запрегнула—
Кумъ, старойтю у лѣву пазуку,
Младоженю у десну пазуку,
Два девера на окато перо,
Си-те одъ-еднушь пренело.
Проговори кума господина:
«Тако т' Бога, малена девóйтя!
Са недѣля премлада невѣста,
До друга-та млада-та удовица,
До третя-та кума залюбúла».
Богъ да бíе кума господина!

Што думало, све се завершило:
Са недѣля премлада невѣста,
До друга-та млада-та удовица,
До третя-та кума залюбила.

№ 199.

(Загорье) Берков. окр., с. Клисура; 8 февр. 1880 г. записана съ словъ Тодора Найденова.

(Похвальба бана Петра).

Петеръ бано вино піе
Вино піе на ладны-те керчми;
И си пилъ и се пофали́лъ,
Што ю мене—у цару нема:
Я имамъ деветъ синове
Деветъ синове и деветъ снаи,
Една черка и деветъ унуци.
Дочулъ го царь Костадинъ,
И му прати това ситно писмо:
«Да си дойде то-зи Петеръ бано;
Че се онъ пофалилъ на ладны-те керчми,
Че у него што има, у мене го нема».
И си дошелъ Петеръ бано.
Та го пита царо,
Царь Костадинъ пита:
«Ты си, Петре, пилъ си,
И се тамо пофалилъ се —
Што у тебе има—у мене го нема?»
Царо го питува,
Петеръ му казува:
«Цару, царь Костадинъ,

Вишь, я имамъ деветъ синове
Девстъ синове и деветъ снаи,
И деветъ унуци и една мила
Една дащерчица мила».
Царо му казу́ва:
«Право имашь—у мене го нема».

№ 200.

Соф округъ село Бутунѐцъ; 4 февр. 1880 г. записана со словъ Стоила Недѣлькова Кадиска́го.

(Банъ Петровитинъ успѣшно дѣйствуетъ въ пользу раи, при султанѣ Муратѣ).

Царъ султанъ земня біе,
Земня бье да утамне,
Да утамне, рая да преземе;
И си біятъ мижду Сава и Морава,
Та си біятъ деветъ годинъ дена,
Па неможе султанъ да надвіе,
Да надвіе, земня да утамне;
Той си пушти телалъ,
Пушти телалъ низъ Турска ордія,
Да му ли два дни, та па три дни:
«Кой се найме премладо юначе,
Да премине Дунавъ оданаде,
Да отиде въ гра́да Масарева,
Да излаже Петровитинъ банинъ,
Да го фанемъ, глава да му земемъ».
— Обадисе турче потурняче
Алилъ-бегъ войвода:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Я да личишь оште два дни и па три дни,

Да намѣришь оште двѣ турчета
Двѣ турчета на моя прилика,
Што-то три дни и три ноштн,
Што-то сѣдатъ дремка не задрематъ,
Што-то піятъ вино и ракія,
Што-то піятъ, а се не опиватъ».
— Та си личи царъ султанъ Мурато
Личилъ е два дни оште три дни,
Та намѣри оште два турчета.
Премипаха̀ Дунавъ оданаде,
Отидоха̀ въ града Масарева,
Па спаднаха̀ на шарены чешмы,
Па си віятъ, ка'-то люты зміи,
Гласи пуштатъ до си́нё-то небо.
Што-то бѣше Петровитинъ банинъ,
А той бѣ легналъ, та бѣ заспалъ.
Зачула ги Петровица млада
Па си буди Петровитинъ банинъ:
«Стани, либе, да би да нестанешь,
Турци ти са градо испълнили».
— Сабудисе Петеръ, разбу́дисе,
И той дочу тія ясни гласи,
Той си влезна у новы ягыры,
Та изве́де коня Карамана,
И изнесе сабья димискія,
Што я правилъ майсторъ Димитрія,
Што се віе ка'-то люта змія,
Тія си сѣче дервья и камене;
Конъ воседна и сабья наметна,
И конъ бутна низъ града—возъ града:
Нема ништо, нигде да се гледа,
Метна очи край Масыръ-канія,
Тамъ согледа три млады турчета;
Той побутна коня Карамана,

П потегли сабья Димискія
И потегли сабья, да ги губи;
Клето да е турче потурняче!
Одалекъ е поклонъ поклонило,
Одблизу се молба помолило:
«Фала тебѣ, Петровитинъ банинъ!
Просты назе, Господъ да ти просты,
Че бѣгаме одъ турска ордія,
Та идеме тебе-ка на индатъ[1])».
Саборъ стори Петровитинъ банинъ,
Та си спушти сабья у ножница,
Па ги викна на негова дома,
Та се Петеръ со-съ нихъ братимилъ;
Та сѣдели три дни и три ноштн,
Та си ядатъ и си піятъ;
Што-то бѣше Петровитинъ банинъ,
Той подпи со-съ нихъ и се напи;
Клета да си три млады турчета!
Три дни сѣдатъ, а си не задремватъ,
Вино піятъ, а се не опіятъ;
А што бѣше Петровитинъ банинъ,
А той легна Петеръ, та си заспа;
Па го буди Петровица млада:
«Стани, либе, д' идешь,
Д' идешь, да си легашь».
— Петеръ дума продума:
«На ли ми свои побратими?
Та шта язе при нихъ да си легамъ»;
Остави го Петровица млада.
Клето да е турче потурняче!
Че си фана Петровитинъ банинъ,

[1]) Турецкое слово, значитъ помощь.

Та си везá Петровитинъ банинъ,
И го веза, и го обкóва:
На подзе-те три чифта букиджіи,
На раце-те деветъ билезици,
На гърло-то десетъ синджиры;
Па го рита турче потурняче:
«Калканъ, калканъ, Петровитинъ банинъ!
Да піемо вино и ракія!»
Сабудисе Петеръ, разбýдисе,
Намѣрисе укованъ-увезанъ.
Што-то бѣше турче потурняче,
Той изведе коня Карамана,
И се верза Петеръ коню за опашка,
Па го забра по равны друмове,
Закáра го укованъ—увезанъ,
Закáра го на Стамбола града;
Тамъ излезне царь султанъ Муратъ,
И на Петеръ дума дýмаше:
«Фала тебѣ, Петеръ, добаръ юнакъ!
Зазнаяли, Петеръ, запазили;
Кога ние со-съ васъ біехме
Мижду Сава и мижду Морава,
Та се бихме деветъ годинъ време;
Кажи сега, Петеръ, добаръ юнакъ,
Кой-то бѣше одъ васъ найпервіе кралъ,
Што си язды коня Шаркалія,
Конь си язды и сабья си верты,
Дека мине низъ турска ордія,
Дека мине, сокаци отвори»?
— А Петеръ му дума думаше:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Товá бѣше Марко Кралевитинъ,
Той си язды коня Шаркалія,
Той си язды и сабья-та верты».

Царь султанъ му думу думаше:
«Чуй ме, Петеръ, оште да те пи́тамъ—
А кой бѣше одъ васъ повторнїё кралъ,
Што-то язды коня Кулалія,
И той носи сабья димискія,
Дека мине, сокаци направи?»
— А Петеръ му думу думаше:
Това бѣше Хилванъ добаръ юнакъ,
Оданаде одъ града Дебелова»;
— Чуй ме, Петре, оште да те питамъ:
«А кой бѣше третїё кралъ,
Што-то язды коня Доралія,
Той ми-мене войстя намáли?»
— Одговара Петеръ добаръ юнакъ:
Това бѣше Дойчинъ добаръ юнакъ,
Той си язды коня Доралія,
Той ти-тебе войстя намали».
А чуй ме, Петре, оште да те питамъ:
«А кой ли бѣше штвертіе[1]) кралъ,
Што си язды коня аджамія,
И той бѣше самъ аджамія,
Той ни гледа, войстя да ми губи,
Само гледа со-съ конь да ги трепе,
Што не може со-съ конь да утрепе,
А той ги живи въ Сава изнакара,
Та си живи въ Сава издавіа?»
А Петеръ му тія одговара:
«Това бѣше Груйче мла́до дете́,
Той си язды коня аджамія,
И той бѣше младо аджамія,
Той си войстя въ Сава издави».

---

[1]) Присутствующіе слушатели-крестьяне той же деревни замѣтили сказителю, что лучше будетъ сказать «*четверты*».

— Чуй ме, Петеръ, оште да те пи́тамъ:
«А кой бѣше петыё кралъ,
Што-то язды коня Карамана
И си носи сабья-та голема,
Той ми-мене войстя-та битиса [1]),
Той погуби триесе риджале,
Той погуби дванаесе паши,
И погуби мое машко дете,
И да би джанамъ [2]) и мене фаналъ,
Да бѣхъ спадналъ у юначки раце,
Господъ знае, и съ мене
Што би штеше да стане?»
Проговори Петровитинъ банинъ:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Въ раце ти самъ, право тю ти кажа:
Язе язда ко́ня Карамана,
Язе носа сабья-та голема,
Я ти-тебе войстя битисахъ,
Я погубихъ триесе риджале,
Я погу́бихъ дванаесе паши,
Я закла́хъ твое машко дете,
Да би джанамъ [2]) и теб' да бѣхъ фана́лъ,
Само не можехъ тебе да намѣра,
Че се скри подъ камилски самаръ,
Штехъ да дроба ме́рвка по мервка [3])
Найголема—што-то мравка носи»;
— Обадисе царъ султанъ Муратъ:
Фала вазе, триесе риджале!
Я фанете Петровитинъ банинъ,
Искарайте го на кра́ё,

---

[1]) Тур. слово, знач. совершенно уничтожить.
[2]) Тоже, знач. можетъ быть, вѣроятно.
[3]) Греч. слово, знач. часть.

На край-на калны чаире [1]),
Закопайте му нодзе у земня-та,
Потегле́те триесе сатыре [2]),
Здробнете го мервка по мервка,
Найголема—што-то мравка носи».
Извели го на калны чаире,
Закопаха́ му нодзе у земня,
Потеглиха́ триесе сатыре, —
Се се сатыре истрошили,
Нема сатыръ-Петеръ да порѣже,
Яли сатыръ-Петеръ да погу́би.
Помо́лисе Петровитинъ банинъ:
«Фала вазе, триесе риджале!
Тю се мола, молба ли пріймайте:
Стига мака толко на мене-ка;
Нема сатыръ у Стамбола града;
Я фанете коня Карамана,
Отидете въ града Масарева,
Та земете сабья димискія,
Што я правилъ майсторъ Димитрія,
Што се віе ка'-то люта змія,
Тія [3]) сѣче дервье и каменє,
Тія што и мен' да погу́би».
Што-то бѣше турче потурняче
Алилъ-бегъ войвода,
Той си фана коня Карамана,
Па го бутна презъ поле широко,
Турски дума, булгарски се моли:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Ега́ да би Боже—да помогнешь,
Да погине Петровитинъ банинъ,

[1]) Тур. слово, знач. ливада, сѣнокосъ.
[2]) Тур. слово, знач. книжалъ.
[3]) Вм. тоя́.

Да остане коня Карамана,
Конь да язда и конь да се наязда».
Па отиде въ града Масарева;
Одалекъ се турче провикнало:
Излезъ, излезъ, Петровица младо,
Изнеси ми Петрова-та сабья,
Да я носа на Петеръ добаръ юнакъ,
Че го прати царъ султанъ Муратъ,
Че го прати на бой да се біе,
Па си нема у Стамбола града,
Нема сабья за-ради него».
— Петровица му тія одгова́ра:
«Клето да си турче потурняче!
Кого́ лажешь, кого́ штешь да излажешь?
Я ли незнамъ, я ли незнамъ,
Че си нема у Стамбола града,
Нема сатыръ—Петеръ да погу́би,
Та што тая[1]) него да погу́би».
Па е влела[2]) Петровица млада,
Та е зела сабья, та износи —
Емъ я носи, емъ се Богу моли:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Ега́ да би Петру да помо́гнешь,
Да отиде сабья у Петрови,
У Петрови рачицы,
Ега да би Петеръ да не погине»;
Изнеса я па я ферли насердыто.
А што бѣше турче потурняче,
Той не може самъ да я ка́чи,
На се моли Петровици младо:
«Леле, варай, Петровице младо!
Помогни ми на конь да я качимъ».

[1]) Т. е. сабля.
[2]) Вм. *влезла*.

Помогна му Петровица млада,
Качи я коню Караману;
Па го' бутна турче потурняче,
Па го бутна презъ поле широко —
Турски дума, булгарски се моли:
«Леле Боже, леле миле Боже!
Ега да би Боже да помогнешь,
Да погубимъ Петровитинъ банинъ,
Да остане ко́ня Карамана,
Конь да язда, конь да се наязда».
Па отиде на калны чаире;
Срѣшнаха́ го триесе риджале;
Та се зема сабья димискія:
Наловатъ се петнаесе души —
Петнаесе души за черено́ теглатъ,
А петнаесе души за ножницы теглатъ,
Па не можатъ сабья да извадатъ —
Извадатъ я педа и половина,
Па я пуштатъ, пуштатъ —
Тія́ се въ ножници влезне.
— Помо́лисе Петрови́тинъ банинъ:
«Чуйте мене, триесе риджале!
Кю се мола—молба ми пріймате:
Стига мака толку на мене-ка:
Нодзе ми се въ земи зако́паны,
На нихъ имамъ три чифта букагіи,
На раце-те имамъ билезици,
На гърло-то имамъ десетъ синджире;
Ако мене оште не вѣр'вате,
Фанете ме петнаесе души —
Петнаесе-те души одъ лѣва-та страна
И петнаесе души одъ десна-та страна,
Одвежете ми саде десна-та рака
И ми дайте сабья у рака-та,

Да извада сабья низъ ножница,
Да я поклана на ваши-те раце, —
Вие мене съ нея погубéте».
Излага ги Петровитинъ банинъ:
Наловія се триесе риджале,
Одверзаха Петру десна рака;
Што-то бѣше турче потурняче,
Той привлече сабья, та му даде;
Ка' я фана́ Петровитинъ банинъ —
Што фана́ и Богу се помоли:
Фала, Боже, фала, вишни Боже!
На ли дойде сабья у рачица?
Помогни ми, Боже, да излезна,
Да излезна низъ турски-те раце,
Да отвора земня затво́рена»;
Па отферли со-съ палецъ ножница,
Та подигна сабья на лѣво,
Та посѣче триесе риджале,
И исферкна низъ черна-та земня.
А што бѣше турче потурняче,
Той си фана коня Карамана,
Па го бутна презъ поле широко,
Па го бутна—со-съ конь да бѣгна:
А разгледа Петровитинъ банинъ,
Та си виде коня Карамана, —
Превúкна се Петровитинъ банинъ:
«Фала тебѣ, коню Карамане!
Шта те стигна на поле широко
И одъ теб' да керви се напія»;
Ка' го зачу коня Карамана,
Закопа си нодзе у земня́-та;
Што-то бѣше турче потурняче,
Той му тегли талатинъ [1])—дизгине

[1]) Тур. слово—удила.

И го біе съ махмузъ [1]) чарклія [2]),
А одъ коня черни керви течатъ,
Само не ште напредъ да верви;
А што бѣше турче потурняче,
А той слезпа—пѣшій да сп бѣга;
А што бѣше Петровитинъ банинъ,
Той потегли сабья димискія,
Та одрѣза три чифта букагіи,
И одрѣза девстъ билезици,
И одрѣза десетъ синджиры —
Расковасе Пстеръ—развезасе;
Па си стигна коня Карамана,
И нему се поклонъ направилъ;
Па се качи коню Карамано;
Па погледна нагорс, надоле,
Та согледа турче потурняче;
Провикна се Петровитинъ банинъ:
«Бѣгай, бѣгай Алилъ-бегъ войводо!
Да те вида, кой си юнакъ на земня-та»;
Па го стигна́ на поле широко;
Поверна се турче потурняче,
Поверна се—Петру да се моли:
«Леле, варай, Петрови́тинъ банинъ!
Просты мсне, Господъ да ты просты».
А Петеръ му тія одгова́ра:
«Я да проста, сабья не проштава;
Ты я носишь одъ града Масарева»;
Па го Фана Петровитинъ банинъ,
Та му одра раце до рамена,
И му одра нодзе до колѣна;
Па му Петеръ тія одгова́ра:
«Стани, стани, Алилъ-бегъ войводо!

[1]) Тоже=шпоры.
[2]) Тоже=кольца въ шпорахъ.

Да те гледамъ—какво ти прили́ча:
На раце-те алене кожувс,
На нодзе-те морови[1]) тузлуци[2]), —
Да те вода у Стамбола града,
Да те види царъ султанъ Мурата;
Па го забра по равны дру́мове,
Та отодатъ у Стамбола града;
Тамъ излезна царъ султанъ Муратъ,
И на Петеръ тія продумаше:
«Аферамъ тебе, Петре, добаръ юнакъ,
Аферамъ ти на твое юнагство,
Че погуби триесе риджале —
Просто да са, Петре, и одъ мене,
Просто да ти е и Стамбола града»;
А Петеръ му дума дума:
«Я излезъ, излезъ, царъ султанъ Муратъ,
Да да срѣшнашь Алилъ-бегъ войвода,
Да го видишь, колку му прилéга:
На раце-те алены кожуве,
На нодзе-те морови тузлуци».
Па излезна царъ султанъ Муратъ,
Одалекъ се Петру помóли,
Одблизу му метанія направи:
Просты назе, Петровитинъ банинъ,
Просто да ти е и Стамбола града».
А Петеръ му тія одговáра:
«Я да проста, сабья непроштава —
Когó прашташь на калны чаире,
Кому теглишь триесе сатыре?»
Па го фанá Петровитинъ банинъ,
И нему одра нодзе до колѣна,

[1]) Т. е. валашскіе, цинцарскіе.
[2]) Особаго рода одежда, прикрывающая ноги отъ колѣнъ до ступни.

Па ги тури на чесна тарпеза,
Да си піятъ вино и ракія;
Па си пили три дни и три ношти.
Па си фана коня Карамана,
Та отиде въ града Масарева,
Та отвори земня затворена.
Кога Петеръ бѣха закарали,
Тогава се свѣто затвори́ло;
Ка'-то стигна Петровитинъ банинъ,
Тогава се сички отворили.

№ 201.

Г. Радоміръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Туре Арнауче грабитъ дворъ бана и уводитъ его жену; банъ настигаетъ его и убиваетъ).

Твои дворы, Бане, оплѣнеты!
Оплѣни́ и Туре Арнауче—
Деветъ мъски той бѣло иманье
И десе́то той жълты желтицы,
Одка́рана Елена невѣста,
Твоя майтя-она зарóбена,
Мъшко дете́ подъ конь уда́рено.
Дума дума баневіо коня:
«Слушай мене, бане чорбаджіё,
Ты-зи піешь у ладны меаны́
Та си піешь съ братя и дружина
И си піешь това́ руйно вино,
И си піешь люти́ца ракія;
Твóи дворы, бане, оплѣнеты!
Оплѣни́ ги Туре Арнау́че,
Деветъ мъски той бѣло иманье
И десето-то жълты желти́ци,

Одвéдена Елéна невѣста,
Зарóбена твоя стара майтя,
Мъшко дѣте подъ конь ударено».
Тогай стана́ Бане чорбаждія,
И дума дума на негова кóня:
«Оче ние него да гониме?»
И коня́ му дума продýмуе:
«Я ми тури два кутла белія;
Дури язе зоба да изóбамъ,
Ты ми стегни дванаеса колана,
И ми тури сѣдло самостворно,
И тури ми тринаéсе кускуне,
И ми тури дзвѣзда дзвѣздоглава,
Што-то е со-съ дванаесе дизги́не,
Приведы ме на бинекъ камикъ,
Тури нóга у зенгія,
Да гони́ме Туре Арнауче!
Бане тури нога у зенгія,
И се метна коню на рáмена;
Настаналъ е презъ пóле широ́ко;
Задáдесе тая тевна магла,
Низъ маглá-та ситна росá рóси,
Низъ росá-та огúнь просьявуе.
И тогай дума дума Туре Арнауче,
Дума дума Ѐлени невѣсти:
«Чуешь мене, Елено невѣсто!
Задáдесе тая тевна магла,
Низъ маглá-та тая ситна рóса,
Низъ росá-та огúнь просья́вуе».
Елена му дýма продумуе:
«Не е товá тая тевна магла,
И не си е тая ситна роса,
И не е това тоя ясенъ огинь;
Товá си е банева страія;

А што-то́ тая ситна роса,
Ко́ня пеня фе́рля, та си роса иде,
А што-то тоя ясенъ огинь,
Она си е на конь одъ подко́вки».
Доде она ду́ма да изду́ма,
Достигналъ и Бане вреденъ юнакъ
Достигналъ и у поле Ко́сово,
И въеднега на Туре гово́ри:
«Богъ те уби, Туре Арнау́че!
Каде́ ка́рашь Еле́на невѣста?
Каде́ ка́рашь моя стара майтя?
Мъшко дѣте под конь си ударнлъ?
Деветъ мъски тія бѣли па́ри
И десе́та той жълты желтицы?»
И си бъркна Бана чорбаджія
Та си бъркна у десна-та чижма,
Та извади́ та́я остра сабля,
И си вана Туре Арнауче
И го вана, и го накара
Три деветъ лакти у́ земи;
И си зема́ туре́вio коня,
И си верна́ тегобно иманье,
И си верна́ Елена невѣста,
И изроби негова стара майтя
И опушти́ това́ мъшко дѣте.

№ 202.

Трен. окр, с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(Невыполненіе юнакомъ Иваномъ своего намѣренія).

Лежи́ Иванъ бо́ленъ юна́къ,
Лежи та три године дена:
Кързъ косты му трава проницала,
Кързъ очи муе пролитале.

Заправи́ль е де́ветъ че́шме',
Заправиль е де́ветъ мо́ста,
А си не еденъ не доправилъ —
Ни е чешме доправи́лъ,
Ни е мостове доправи́лъ;
Че си и́де це́ркве Раванице.
Покара́ли га камъ-то церкве Раванице;
Опази́ле га церкве Раванице,
Саме су се затвори́ле:
«Надъ-задъ, Иване юначе!
Кързъ костъ ти тра́ва проница́ла,
Кързъ очи ти му́е пролитале:
Не си се чешме доправи́ло,
Ни па-й си си мосты доправи́ло,
Нема време церкве да си дойдешь;
Да си чешме допра́вишь,
И да си мосто́ве доградишь,
Тегая у церкве да дойдешь —
Саме си че це́ркве отвориты».
Иванъ се назадъ повернало,
И па-й-се съ душу раставило.
Оста́ле се чешме недопра́вене,
Остали су мосто́ве не дограде́ны.
Иванъ си съ душо раставило —
Това тага́й така́ остана́ло.

№ 203.

Соф. окр., с. Сливница; 7 февр. 1880 г. записана со словъ Илiи Стамбулiи.

(**Черный Арапинъ убиваетъ баръяктара Бана**).

Што е чаде́ръ—поле побелѣ́ло,
Подъ него е еденъ чаде́ръ
Самъ одъ себе зеленъ;
Подъ пега е Бана баръяктара;

Бана свири—сва войска игра,
Бана пое—сва ордія слуша.
Посвиде се на черна Арапина:
Верли пушка низъ густа ордія,
Та удари Бану баръяктару,
На зло га е мѣсто ударилъ,
На зло мѣсто меджи черни очи.
Проговори Бана баръяктара:
«Тако м' Бога двапаесе слуги!
Довéдете кóня одъ ливáда,
Та беркнете у свилни бисаци,
Изведете одъ бѣлъ макъ мараму,
Та пребриште мои черни кéрви;
Я ги пратимъ на моя-та стара майтя:
Ако не че мене да си види,
Да си види мои черни керви.

№ 204.

Велесскій окр. (въ Макед.); 2 дек. 1879 г. записана со словъ г. Лазаря Хаджіева.

(Дѣвушка воевода).

Де-ка се чуло-видело,
Мома булюкъ-баша да биде
Со сто и педéсе деліи,
Со тристамина сéймени,
Со кадифе фыстанъ до земня,
Со тынка пушка нá рамо,
Чифте-пиштоли нá поясъ;
Сеймени-те и завúделе,
Силна поплака дадóва:
«Нейкеме мома булюкъ-башь!»
Мома булюкъ-башь говóри:
«Месете пресна пóгача,
Турете алтенъ во нея,
Скършите парче пó парче,
Кому ке паднетъ алтыно-тъ,
Той булюкъ—баша да биде».
Месива пресна погача,
Турия натре алтено-тъ,
Скършия парче пó парче;
Па ней-зе алтыно-тъ падна;
Деліи-те завидова,
Па силна поплака дáдова:

«Нейтеме мома булюкъ-башь!»
Мома булюкъ-башь говóри:
«Ай на нышанъ да фы́рляме—
Кой ке ми погоди,
Той да ми биде булюкъ-башь»;
Никой нышанъ не погоди,
Мома ми нышанъ погоди.
Остане мома булюкъ-башь.

№ 205.

Г. Радомíръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(тоже).

Де се чуло, де видѣло,
Момá войвóда да биде
На семдесé дружина
И на седми́па родни́на!
Ишли са гора зелéна
Тури́ли пьрстень на бу́ка,
Си-те си рéдомъ реди́ли,
Никой не можé да удри;
Окная момá румéна:
«Ела си, момá румена!
Ты-зи си млада войвода,
Та згодышь пьрстень у бука».
И земá момá румена,
И земá си пушка филинта:
Не стои́ пушка да ферля,
Нело е онá клекнáла,
И ферли пушка филинта,
Въеднакъ низъ пьрстень прокарá.
Думаю въеднакъ думая,
Думая вѣрни дружина:
«Чуешь ли мóма румена!
Ты-зи ни биде́ войвóда
До деветъ годинъ войвóда,
Оште деветъ да одишь,
Ты че ни бидешь войвода;
Каде ни ты-зе попратишь,
Ногу чесъ че ти и́маме».
И румéна имъ продума:
«Дружина, вѣрни дружина!
Очемъ да самъ ви войвóда:
Деветъ годи́ны я воды́,
Вие по мене, како пи́ленца;
Че одымъ и оште деветъ годины,
Че одымъ гора зелéна,
Да сѣдымъ сентя зелена,
Да піемъ вóда студéна,
Да ядемъ вакли́ ягнéнца,
Да піемъ вино червено
И тая люта ракія.

№ 206.

Г. Радомиръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Турецкіе жандармы отыскиваютъ гайдука Милена).

Та што ми́ се лелѣе — белѣе?
Да ли х̀иле, или бѣло кох̀и́ле,
Или сами́ нишéвски сегмéне?
Не е било х̀иле и кох̀иле,
Нело били нишéвски сегмéне,
И си тражa Милена а̀йдука;
И ванаа негова-та сестрá:
«Казуй, мори́, Милена а̀йдука!»
А сестра му дума продумуе:
«Я незнáемъ Милена а̀йдука,
Че вертыме тыя цéрны очи,
Че сѣчеме рацѣ до рáмена,
Че сѣчеме нозѣ до колѣна».
Па-й си бiе Милева-та сéстра:
«Казуй, курво, Милене а̀йдука!»
Я она имъ цо́-ти оговóри:
«Я не знáемъ Милена а̀йдука!»
Извертеа тыя церны очи,
Па-й не каза Милене а̀йдука;
Одсѣко рáцѣ до рáмена̀,
Па-й не каза̀ Милене а̀йдука;
Одсѣкоя нозѣ до колѣна,
Па-й не каза Милене а̀йдука.
Ванаа си милево-то любе,
Дважь го, трижь го по пóле шибнáа:
«Казуй, курво, Милене а̀йду́ка!»
— «Че го кáжемъ, та грыжа ли ме е?»
И си каза Милена а̀йду́ка —

«Сестра му го у ковчадзи крие
У кавчадзи, у сви́лни дарове».
И ойдо́а нишенске сегме́не,
Ванаа си Милене а́йдука;
И сестра му по́ ти огово́ри:
«Немамъ, брате, очи, да те
Да те жално опла́камъ,
Немамъ, брате, рацѣ, да те
Да те пригърнемъ,
Немамъ нозе да те испратимъ».
И Тогай си нимъ дожале,
Дожалесе нишевски сегмене,
Опуштия Милене а́йдука:
«Просто да е твоё кабаатъ,
Да си ойдешь у гора зеле́на,
Да одсѣче́шь дерво я̀горове́,
Да напра́вишь гусле я̀горови,
Да си ранишь твоя́ ми́ла сестра»;
И тогай си вана́ли нишевски сегмене,
Ванали са милево-то любе:
«Зашто́, морѝ, ты-зе-ка неказа,
Што неказа́ Миле́на а́йдука,
Нело чека на негова сестра?
Извертеме тія черны очи
И одсѣкоме рацѣ до рамена,
Одсѣкоме нозе до колѣна,
Ты тогай каза Милена а́йдука?
Нему ние кабаха̀тъ простиме».
И погуби́ли миле́во-то любе.

№ 207.

(Макед.) Солун. округъ, городъ Девгелія; 29 января 1880 г. (въ Софіи) записана со словъ Лазаря Хаджіева.

(Разспросы турокъ про гайдуковъ).

Дейды, Милко, море, дервенджико;
Все си сѣдышь дервенъ чувашь,
Все си сѣдышь дервенъ чувашь
И си зи́машь дервенджелыкъ;
Не видѣлъ ли, мори, Милко,
Кой помина, кой замина?
Право да ми кажешь,
Мене да не лажешь.
— Дейды, Исо, море, булюкъ-баша,
Лели питашь, право те ты кажемъ,
Тебе, Исо, не те лажамъ:
«Поминаа, Исо, море, заминаа,
Заминаа лоши лудье [1]),
Лоши лудье а́раміи,
Арáміи Боймичани» [2]).
— Дейды, Милко, мори, дервенджико;
Колко ли бѣа дружина,
Дали млого, или малко?
— Дейды Исо, море, булюкъ-баша:
Оны бѣа многу дружина —
Седумдесе и седумъ друга,
Седумдесе 'вакви—такви,
А седумъ-те лоши лудье;
Накачиха планина-та,
Планина-та Боймія-та,
Па слегнаа у средъ село,

[1]) Вм. Людье.
[2]) *Боймица*—названіе села и планинѣ.

У село-то у Мерзинци:
Тамо бѣа мали моми,
Я грабнаа есмеръ[1]) Яна,
Я грабпаа и одведоа.

№ 208.

Софійскій окр., село Столпникъ, 28 ноября 1879 г записана въ м. Брезникѣ со словъ солдатика Волка Гешова.

(Вѣроломный поступокъ турокъ съ молодцомъ Димитріемъ).

Сину Димитре, Димитре!
Не ли ти майтя думаше:
«Не мачи, сину, рая-та
Рая́-та и райца-та—
Одъ седе́мъ годинъ деца́-та,
Скуты камене да носатъ,
На гърбе де́рве да влачетъ,
Високи кули да градатъ,
И тія ха́ны широки;
Имашь ты, сину, душмане
Фо-фъ Врачанска-та наія:
Лютъ-Бродъ Лало джелепинъ
И одъ Скървена Нено касапинъ—
Червено вино да піятъ
И тебе мезе да ядатъ,
Ште да те, сину, издадатъ».
Димитеръ майци думаше:
«Не бойсе, мале, не бойсе!
Да ми е живо турче-то
Турче́-то и пашинче-то
И пашиница аныма».
Кога́ е било́ са́бота срѣшту недѣля,
Димитеръ санъ санувау,
И сино майтя думаше:
«Малеле, старо малеле!
Страшенъ семъ санъ санувау
Са́бота—срѣшта нѣделя:
Алено чубе на мене,
Аленъ се фесъ накривплъ,
Чифте пиштове зата́кналъ,
Руси мустаци засукалъ».
А майтя му се досети—
Пороны селзы, пороны,
Поро́ны селзы до́ земи,
Съ мермерги кърпе трѣше,

---

[1]) Тур. слово, знач. черный.

Емъ си отъ сина кріеше,
Па си на сина думаше:
«Небойсе, сину, небойсе!
Това е, сину, нахарно:
Чубе-та ти е кула-та,
Фесьле-то ти е добро-то,
Пиштоле ти са конче-то,
Мустаци ти са вино-то».
Кога е било сабота—срѣшта недѣля,
Ето гавазе стигнаха,
И на Димитеръ думаха:
«Димитре, кара-Димитре!
Стегни коня куласта,
Д'идеме, море, д'идеме
Во-фъ Брачанска та наія,
Во Враца града голѣма,
Че си те паша викаше,
Да ти теслимы ключеве
Одъ тія царски амбаре».
— Димитеръ послушалъ тія гавазе:
Стегна си коня куласта,
Ошелъ си въ Враца града голѣма;
Излезна си паша-та,
Па на Димитеръ думашс:
«Димитре, кара-Димитре!
Стегни си коня куласта,
Йды си въ тія равни друмове».
И Димитеръ си го послуша,
Та си конче-то восѣдна,
А конче си го уапа,
А Димитеръ се почуди:
«Божеле, мили Божеле!
Деветъ години шта стане,
Ка яхамъ коня куласта,
Не бѣ ме конъ уапалъ,
Сега ме конче уапа;
Дали е на зло—на добро.»
— Димитеръ си верве
Верви по тія равни друмове;
Кога се назадъ повѣрна,
По негу иде вирушка;
Не си е било вирушка,
Но си е било джелаче;
И тамо си га пристигна,
И Димитеръ му думаше:
«Брелеле, варай джалаче!
Пушти ме, язъ да идемъ
Во-фъ мое село голѣмо
У тія мехени ладовны,
О дружина да се опросто,
Лице-то да си преміе,
Душа-то да си пречиста».
— А джелаче му думаше:
«Димитре, кара—Димитре!
Я шта те дружина опросте,
Лице-то, што ти преміе,
Душа-то, што ти пречиста?»
Извади сабля—лютица,
Извади па махана,
Та му глава одсѣче;
А глава-то му скачаше,
И язико му думаше:
«Брелеле, варай гаваче,
Да си ме земешь, гаваче,

Да си ме носишь во-фъ Лютъ-Бродъ
На Лало джелепинъ
И одъ Лютъ-Бродъ
На Нено касапинъ:
Червено вино да піятъ
И мене мезе да ѣдатъ,
Че оны мене изъѣдо
И оны мене издадоа
На тія турци мърсници,
Одъ турчинъ да ми е ѣджело;
Язъ самъ младо загинуло,
И стара майтя остала,
Да вика за мене, да плаче
За пьрвно чедо рождено —
Нема си нпде никого
Ни сина, ни то па щерка.

№ 209.

Соф. окр., село Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина Жеты Илкова.

(Послѣдствія похвальбы раи передъ турками).

Павалилъ се младъ Стоянъ
Въ Едренъ-узунъ чаршія,
Предъ Селимъ-султанъ джамія,
На пашино-то кавсне,
Де има Стоянъ, де има,
Де има конче рането
И како конче хубаво!
Конче му чини три града,
Три града, колко Софія
И Софійска-та нахія;
Яко конче му чинеше
Три града, колко Видина
И Видинска-та нахія.
— Аберъ си прати паша-та:
Да дойде Стоянъ, да дойде,
Конче-те да си доведе,
Облога да си правиме;
Ако ме варне младъ Стоянъ,
Просто да му с Видина,
И Видинска-та нахія,
И Видинске-те конаци;
Ако ли варнемъ Стояна,
Че да му земемъ конче-то,
Конче-то и попонче-то»[1]).
Кога отиде младъ Стоянъ
На тія равни друмове,
Тамо затече паша-та;

[1]) Жена.

Направили са облога,
Та са пуштили кошія
По тія равни друмове;
А Стоянъ-си му говори;
«Пашо Видински, Видински!
Пуштай си ты-зе кошія,
Я на-по-радъ тебе че идемъ».
И онъ-си пушти кошія,
Та си утече паша-та
До-три саты напредс;
Кога́ си яха́на младъ Стоянъ
Яха́на коня ранста.
Дигна си мъгли правове
И тія вири вѣтрове,
Та си стигна паша-та
На тія ровни друмове,
Стигна го и замина го,
Та си утёче младъ Стоянъ
До-три саты напреде,
Та си отиде Стоянъ
На Видински те конаци;
Кога́ си ойдё паша-та,
Та на Стояну ду́маше:
«Море Стояне, Стояне!
Просто да ти е Видина
И Видинска-та наха́ія,
Садё ми не мой арёмо
Аремо со-съ анеми-те»;
А Стоянъ си му говори:
«Пашеле, пашо Видински!
Ни сакамъ, пашо, Видина,
Ни сакамъ, пашо, конаци,
Ни сакамъ, пашо, анеми;
Да пратишь вѣрни дружина,
До дома да ме заведатъ».
Прати паша вѣрни дружина,
До дома да го заведатъ —
Двaесе души джалате
На друми да го изведа,
Па Стояна да си погу́ба.
А Стоянъ си коньче разведе
И на джалате говори:
«Бре, фала вама, дружино!
Айдете вие напреде,
Я че ви стигнемъ, дружина.
Па яха́на коньче рането,
Та бутна коньче рането,
Та си на дворы отиде.
Кога́ джелате дойдо́а,
Та те Стояну говора:
«Бре, вала тебѣ, Стояне!
Насъ си е пратилъ паша-та,
Тебе-ка да погу́биме,
А ты-си, море, утечи;
Сега́ че насъ погу́би»;
А Стоянъ-си имъ говори:
«Лйдете, море, джелате!
Че земемъ сабля острена,
Та си-те че ви посѣчемъ»;
А они́ си му гово́ра:
«Море, Стояне, Стояне!
Губи ны, Стояне!
Што че ны губи паша-та,
Ты-зе да ны погубишь.
И Стоянъ си ги погуби:
Па имъ глави-те изрѣза;
Та ги на паша занесе,
На тоя паша Видински,

Та те му Стоянъ говóри:
«Пашо Видински, Видински!
Я простихъ тебѣ облога,
Ты прати́ вѣрни дружина
Двaесе души джалате,
Мене-ка да се погуба,
А я ти носимъ глави́-те
Одъ тія вѣрни дружина;
Подай си, пашо, главица
Че махнемъ съ остра брич-
ни́ца,
Че сѣчемъ тебѣ глави́ца,
Да не кервавимъ постилтя».
Махналъ е съ остра брич-
ница,
Одсѣче пашу главица,
Посѣче паша Видински.

№ 210.

Трен. окр., с. Бабица; 25 ноября 1880 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины Стоянчиной

(Бѣгство раба и рабыни изъ турецкаго рабства).

Кадъ се била первня размúрица,
Ка' вервею голе арнауте,
Пушки носе на голи раме,
Со-съ голе се сабля подпúраю,
Што би старо, све су загубúли,
Што би младо, све су заробили—
Заробише двѣ дѣцá близнета,
Закараше долѣ—дольню землю:
Еднó си Витанъ младоробче,
Друго-то Мара, бре, робúня,
Та седѣше до дьнь до Великъ-дьнь;
Ка' би на дьнь на Великъ-дьнь,
Сви-те Турци у джамію отидоше,
Све-те буле тевериче чину,
Салъ остаде Мара, бре, робиня
И остаде Витанъ младоробче.

Проговори Мара, бре, робиня:
«Леле брале, Витанъ младоробче!
Стига, брало, ты сейще би́ло;
Стига, брало, я ащійтя била;
Айде, брале, нис да бѣ́гамо!
Тебе се ключи одъ яары,
У мени су ключе отъ сѣндыци;
Кажи, брало, што да грабе́мо?
— «Награбемо жылте жылтице—
Оны су лыки за носенье,
Амо су тешке за броенье;
Да грабемо одъ бѣли́ грошѐ—
Оне су тешки за носенье,
Ама су лыки за броенье».
— «Да не карамо одъ врани́-те кони —
Они су си, брале, многолични,
Они, брале, насъ че да изда́ду
Че издаду, брале, да гинемо».
Загребли жылте жылтице,
Та бѣгали, та майтю тражили.

№ 211.

(Заг.) Берков. окр., с. Слатино; 10 февр. 1880 г. записана со словъ Лазаря Гергина.

(Турецкая расправа съ Димитріемъ, построившимъ укрѣпленіе для своей защиты отъ села Кунина).

Широко поле край нема,
Дребно каменье брой нема,
Ху́бава мома́ родъ нема.
Сине Димитре, Димитре!

На ли ти майтя думаше:
«Не прави кула камена
У това село Кунино —
Че са Кунинци душмане
Душмане и са верли а́йдуци;
Та штатъ они да те излажатъ,
Та шта(тъ) послѣ да те побѣдатъ,
Та штатъ послѣ да те обѣсятъ».
Онъ майти си не послушалъ:
Та градѝлъ кула́ ка́мена
Са-съ седемдесе́ мазгале[1]),
Са-съ седемдесе́ пенджере.
И фанали послѣ една битка да біятъ.
Онъ се влезналъ въ кула камена,
И молилъ Бога тогива:
«Дай Боже Іовановски-те мразове
И дай Боже Петровы-те пекове,
Та кула да се распукне
И я тогива да искочимъ», —
Че е одъ-надворъ заключенъ бѣше,
Чекали го троица гавазе;
Допратилъ ги Генче паша одъ Орсово,
Та глава-та да му зематъ.
И фанали го троица гавазе,
Та привели при Генча-паша
Привели го у Орсово,
Джуапо[2]) да си предаде:
— «Зашто правилъ кула камена?»
— «Правилъ самъ кула камена,
Да се вардимъ отъ душмане —
Отъ тія Кунинчане,

[1]) Отверстіе.
[2]) Отвѣтъ.

Што са верли айдуци».
Рече му Генча-паша:
«Ты не си правилъ кула камена,
Да се вардишь отъ душмане-Кунинчане,
Нало си правилъ кула камена,
Отъ Генча-паша да се одтавнешь!»
Искарали Дмитра троица гавазе,
Та му главу посѣкли.

№ 212.

Г. Радомиръ; 30 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моавискаго.

(Расправа юнака Николы съ Идрисъ-бегомъ).

Э Николо, Николо юна́че!
Не знаешь ли, Нико́ло юначе?
Кога́ бѣше первна размири́ца,
Забѣгна́ме со-съ це́рни татары,
Та ойдоме мале, та ойдо́ме,
Та ойдо́ме у́ гора зеле́на;
Тамъ найдо́ме, мале, козарчета
И найдоме, мале, овчарчета;
Накара́ме у нове поя́та,
Запали́ме мале, козарче́та,
И запали́ме, мале, овчарчета;
Ка пиштеа, мале, козарче́та,
Распукна́се земня на сре́де-ка,
Ка пиштеа, мале, овчарче́та,
Распукна́се небо на сре́де-ка;
И отаде, мале, побѣгна́ме,
Па ойдоме, мале, у Едреня града;
Сви кме́тове побѣга́ли
И ягаляры побѣгали,
Салъ остана́ у Едренѣ града

Салъ остана́ Идрисъ бегъ-войвода, —
И онъ со-съ иманье поуздáлъ.
Ка си ойде Никола юна́ко,
И го виде́ Идрисъ-бегъ войво́да:
По дворъ о́ды, машко дете носи;
Дума дума Идрисъ-бегъ войво́да
Дума дума негова х̑анема —
Негова х̑анема и негова кадена:
«Слушай мене, х̑анемо, кадено!
Я готви той сладки яныи,
И той сладки татлiи».
Дума дума Никола юнака:
«Я не очу той сладки яныи,
И не очу той сладки татлiи,
Само х̑очу това мъшко де́те;
Продума си Идрисъ-бегъ-войво́да:
«Глава да́вамъ, дете́ си не да́вамъ».
Што-то бѣше Ни́кола юнака,
Истергна́ сабля димиція,
Да му сѣче негова-та гла́ва:
И онъ дава това́ мъшко дете;
И закла́ това мъшко дете;
Накладоя тоя ясенъ о́гень,
Накла́доя насрѣдъ па дворо́ве;
Майтя му со сльзы исчисти,
И дете се на рьженъ нате́ли,
И го печа на ясныё огень;
Само дете́ одъ ръженъ продума:
«Верты, тате, плешти изгорѣа,
Мажи, мале, глава ми изгоре».
«И отаде, мале, побѣгна́ме».

№ 213.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Ристы Стоянова.

(Бракъ (христіанина) сына Будимскаго короля съ (мусульманкою) дочерью визиря.

(Нельзя смотрѣть на лицо новобрачной).

Дойдé си паше Вериза,
Да си дойдé при краль Будимъ-Видински.
Дойде, па-й говори паша Вериза:
«Чуешь мене, краль Будимъ-Видински!
Што че, да ти дума думамъ:
Жéны сина, да ти дамъ девóйтя».
Е си чуди драль Будимъ-Видински:
«Дали сину вѣра да промѣни,
Или паша атеръ растури?»
— «Болье, че си сину вѣра да промѣны,
Негли паша атеръ растури».
Собрашесе света неделя,
Собрало се деветъ стотинъ сваты—
Собраль е краль Будимъ-Видински;
Отоше у пашины дворы:
Што бие свѣтъ анетъ, све прекарáли,
И вѣнчали млады младéнци.
Пойдоше си китени сватове,
А остаде млады младоженя,
Остаде пеклю да кине.
Па си стиже китены сватове.
Пай-й говóри млады младоженя:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Я подовни вѣтеръ ладовине,
Та подигни на невѣста прéвезъ».
Само е си Богу нажалѣло,
Та пóдуно вѣтеръ ладовúне,

Та подиже на невѣста превезъ:
Сина́ лице, како́ ясно сълнце,
Бѣло гърло-ясна мѣсечина;
Невѣста ошь преванала,
Па-й говори гиздава невѣста:
«Чуйте мене, два млади девéра!
Заставете свирке и тупане,
Заставете тои сремске кочіи,
Да надзерне на бѣло́ видѣло;
Нешто му е мука припаднала».
Заставише свирке и тупане,
Заставише той сремски кочіи;
Надзернало на бѣло видѣло·
Што надзерна́, веднекъ падна́ла,
Паднала и веднекъ умрсла;
Младоженя пѣсань напóяли.

№ 214.

Охрида; 29 янв. 1880 г. записана со словъ г. Лазаря Хаджіева.

(Турецкій способъ усмирять возмутившуюся раю).

Ми, собралъ Муратъ, ми, набралъ
Педесе́ и петъ Латыни,
И дервишь Муша одъ Дебра
Ми, дошелъ у села-то охридски,
Големъ зулумъ, ми, направилъ:
Села-та, ми, ги похаралъ,
Рая-та осиромашилъ.
Се собрале селани-те
Голема жалба сториле
До охридскія-тъ бегъ Джеладинъ:

«Аманъ, до Бога едного!
Муратъ и Османъ Дебранци
Живи, голи не соблекова».
Големъ се мезличь [1]) пособралъ:
Си-те бегови охридски,
И тія чорбаджіи охридски,
И улема-та битольска,
И кадія-та прилѣпски,
Кого мунасипъ [2]) да найдатъ
Кырь булюкъ-баша да ставатъ —
Села-та да ги умири,
Рая-та да я уложи.
Големъ, ми, мезликъ сторіа:
Кузмана мунасипъ найдова,
Кузманъ кырь сердеръ да биде
Джеладинъ беговъ капетанъ.
Па, ми, пратіа сейменче
До това село Вербляни,
До кутя Кузманъ [3]) каримана;
Писмо-то му однесе,
И му проговбри:
«Дейды, Кузманъ караманъ,
Джеладинъ-беговъ капетанъ;
Бего те вика на диванъ:
«Тебе тье ставя кырь сердарь —
Села-та да ги умиришь,
Рая-та да ся уложишь».
Кузманъ, ми, цели-зборува:

---

[1]) Совѣтъ, совѣщаніе.

[2]) Возможный.

[3]) Кузманъ былъ гайдукъ; онъ укралъ изъ имѣнія Джеладина-бега 12 коней. Назначеніемъ этого гайдука на должность булюкъ-баши Джеладинъ-бегъ думалъ поймать его. Кузманъ былъ изъ села «*Дольни Вербляни*»», по сосѣдству съ которымъ находится село «*Горни Вербляни*».

«Де д'иды, турче будала!
Лисица на пазаръ иде ли,
И Кузманъ бегу на конакъ?»
Кузманъ, ми, писмо испея:
Виде подписъ на владыка-та;
Тогай, ми, Кузманъ вѣрува.
Стана си Кузманъ—отиде
Со-съ чифъ пиштоли на́ поясъ
И танка пушка на раму,
Крыва-та сабля на плешка[1]),
Отиде́ въ града Охрида
Джеладинъ—бегу на конакъ:
До земя Кузманъ се покло́ни;
Кузманъ, ми, вели—зборува:
«Де д'иды, бего Джеладинъ!
Да ти се много години,
Што си за мене хитро пописалъ
И мене си повикалъ».
Джеладинъ—бего збо́руе:
«Гей, иды Кузманъ кариманъ,
Джеладинъ—беговъ капетанъ!
Ние мупасипъ найдохме —
Кырь сердарь тебе ста́вихме:
Села-та да ги умиришь,
Рая-та да я уложишь,
Османа, Мурата да ги фанешь,
Глави-те да имъ ги донесешь;
Него кефила[2]) да дадешь,
Оты вѣренъ те бидешь».
Тогай, ми, Кузманъ испадна
По чардакъ се прошета,

[1]) Бедро.
[2]) Тур. поручительство, гарантія.

И персти-те си кыршеше
И со-гласо-тъ, ми, викаше:
«Де д'иды мене до Бога!
За харамія кефилъ кой бива?»
Тогай, ми, чула була[1]) одъ харемъ;
Па си дойде на чардакъ,
Со машко си дете на раци;
На Кузмана була зборуе:
«Де д'иды Кузманъ кариманъ,
Джеладинъ-беговъ капетанъ!
Што ти е, море, што плачешь?
Што кыршишь пьрсты на раци?
Язъ те ты, будала, кефалъ за тебе».
У мезличь, ми, влезуе була-та
Влезуе и па ми зборуе:
«Де д'иды бего Джеладинъ!
Я сумъ кефилъ за Кузмана
Со мое-то машко дете!
Села-та те ты умири,
Рая-та те ты уложи,
Хараміи-те те ты исфатя»;
Джеладинъ-бего зборува:
Е, д'иды, Кузманъ кариманъ!
Ты си одъ-сега мой капетанъ;
Си-те кабате[2]) ты прошгевамъ;
Хайде си, сега, излези,
Дружина да си намѣришь,
Хараміи-те да си исфатяшь,
Глави-те да ми донесешь».
Кузмаѣъ, ми, радо, подскокна,
По чаршіи, ми, си испадна,

[1]) Эта була была украдена Кузманомъ.
[2]) Тур. грѣхъ, преступленіе.

Дружина, ми, си насобра,—
Двaесе и петъ момчиня́,
Одъ двaесе и петъ годины—
Кой нема майка, ни татко,
Кой носи кервава кошула,
Кой може да стигне и да утекне.
Отидоа въ село Вербляни [1]),
Сѣднаа да вечератъ;
Али, ми, си жалосенъ гласъ престигна:
Де, д'иды Кузманъ кариманъ!
Харамъ [2]) да ти е вечера-та,
Отровъ да ти е вино-то!
Османъ и Муратъ Дебранци
Вербляни горную запалиа,
И попо-тъ однесоа».
Тогай си Кузманъ поскочи,
Одъ амбаро-тъ се извикна:
«Де иды моя дружина!
Кой вечералъ-да вечералъ,
Кой не вечералъ—лѣба-тъ въ чанта-та [3]),
Нека стега на опинци ременье-то,
И на пушки кременье-то;
Берги [4]) да сте предъ мене».
От-тамо си пойдóа,
У Вербляне ойдóа,
На Мурата дира-та [5]) зедова,
По него отидова
У тая пуста планина
У планина-та Гюлянска
До тая чешма студена

---

[1]) Т. е. *долние* Вербляне.
[2]) Проклятъ (тур.).
[3]) Сумка на хлѣбъ (тур).
[4]) Берго (Вр. окр.)=берзо=борзо.
[5]) Слѣдъ.

До Трайково-то бачило [1]);
Кузманъ, ми, праша овчаротъ-тъ:
«Де, д'иды, море, овчаре!
Не виде ли некои хараміи
Одевде да поминатъ?»
Овчаро-тъ право зборуватъ:
«Османъ и Муратъ Дебранци
И педесе и пстъ Латыни
Денеска те дойдатъ на ручекъ;
Осумъ овны сумъ приготвилъ;
До чешма-та те ручаатъ;
Вие метери [2]) фанете,
И тука гу удрите».
Кузманъ ми заповѣда
На сво́и-те дружина;
Си-те метери фанаа;
Оште имъ Кузманъ зборуе:
«Моя-та пушка дури не пукне,
Ваши-те да не пукаатъ;
Чуешь, ми, Митре търновче!
Ты да нишанышь Османа,
Я те нишанамъ Мурата;
И послѣ вие всичке-те
По еденъ да гледате».
Таманъ метери фанаа,
Хайдуци-те, ми, дойдова,
По край чешма-та сѣднаа.
Муратъ, ми, зеде тамбура,
Малко да, ми, се попее,
И си пее тако:
«Де д'иды Кузманъ кариманъ,
Джеладинъ-беговъ капетанъ!

[1]) Мѣсто, гдѣ приготовляютъ овечье масло.
[2]) Мѣсто, пунктъ.

Де си посранъ кауринъ?
Камо си? сега да излезнешь:
Бечви-те ти се на страна,
Гати-те ти се посраны».
Тога одговара Кузманъ:
«Бечви-те, ми, се на страна,
Пушки, ми, тенки на право».
Двaестъ и петъ пушки пукнаа,
Двaесе и петъ души кутнаа;
Друзи-те, ми, побѣгнаа;
Кузманъ и дружина му потерчи—
На рѣка-та мосто-тъ го фанаа;
И тамо метерисъ фанаа:
Дълго време не помина;
Эве-те, озгора хайдуци-те
Преко мосто-тъ вервеятъ:
Двaесе и петъ пушки пукнаха,
Двaесе и петъ души кутнаха,
Седумъ-мина побѣгнаа;
Кузманъ глави-те имъ ги пресѣче
У Охридъ ги однесе,
Предъ Джеладинъ-бегъ ги ферли:
«Эво, ти, бего Джеладино!
Глави-те одъ хараміи-те!»
Джеладинъ-бегъ бакшишъ имъ даде
По едынъ конь на свички-те.

№ 215.

Село Рыла, Дупнич. окр.; 29 дек. 1879 г. записана со словъ Христины Стойчевой.

(Турецкіе жандармы отыскиваютъ Дима джелепина, семь лѣтъ неплатившаго бѣглика).

Димоле, Димо джелéпинъ.
Заптисалъ Димо заптисалъ
На цара бѣгли́къ да недáва
Одъ сѣдемъ годинъ на овáмо.

Царь му запрашта, запрашта
До седемдесе сеймени
И седемъ булюкъ-баши:
«Идете, Димо найдéте,
Я му глава земете,
Яли живъ го докарайте».
Станаа сеймени ойдóа;
Минаа поле широко,
Влезнаа у гора зелéна;
Провикнаа се сеймене:
«Димоле, Димо джслéпинъ!
Дека си, да се обадишь?
Ние сме млады тергóвци
Стóка-та ти кýпиме».
Димо на планина сѣдеше,
Свое стадо насéше;
Кадъ то рече: «млады тергóвци»,
И Димо се обади:
«Язе Васъ познáвамъ,
Какви́ сте тергóвци,
Каквá стóка те кýпите!
Сеймене, млады левене!
Айде назадъ верныте,
Што-то сте пóмлады,
Нежалите младóсть-та,
И постаріи—децá-та!»
Сеймене му говоратъ:
«Жалеме, Димо, жалеме,
Одъ цара мира нéмаме:
Царь ни запрашта, запрашта,
Я глава да ти земемъ,
Я живъ да те кáраме».
— Айде се назадъ вернете,
Я да си посправимъ кончé-то,
И да се облéчемъ контóшо,
Што ми е контошь до пóясъ,
И на контóше каплама,
Одъ седемъ мечки кóжи-те
А одъ седемдесе мечéта».
И стана Димо, та ойде;
Додекъ сеймени да ойдатъ,
А Димо ги превари;
Одалекъ иде и вика:
«Цару-ле, цару честúты!
Отвори царски капíи!»
Какво е го царо видѣлъ,
Па на Димо вели-говори:
«Верни се, Димо, нетю те»;
А Димо му говори:
«Почекай, цару честиты',
Да пíе кафé-петъ пáри».
Пай проговóри цáро:
«Вернисе, Димо, вернисе,
Зеръ не можемъ, да те гледамъ:
Оти ми е сéрце плашлúво;
Товари азнá петъ товары,
Само назадъ се пóверни».
И товари Димо петъ тóвары,
И се назадъ поверна,
И се верна при стадо си.

№ 216.

Г. Радомiръ, 2 дек. 1879 г. записана со словъ Iордана Лазарева.

(Руснакъ король Степанъ попался въ плѣнъ султану Бреязизу: притворно принимаетъ мусульманство и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ руку дочери султана; затѣмъ, онъ убѣждаетъ послѣднюю принять христiанство, и вмѣстѣ убѣгаютъ въ Россiю къ царю Александру).

Ка си пойдé Руснакъ краль Стефане,
Та си пойдé презъ поле широко,
Та нападна у гора зелéна.
И ошелъ е султанъ Бреязизе,
Отишéлъ е со-съ петъ стотинъ души,
Та си ойдé у гóра на лóва;
Тамъ намѣри Руснакъ краль Стефана:
И си фана султанъ Бреязиза
Та си фана Руснакъ краль Стефана;
Продумá си султанъ Бреязиза:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефане!
Ай д'и́деме на Стамбóла града;
Че ти готвимъ той сладки вечеры
И че давамъ султанка девойтя».
Продума си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанъ Бреязизо!
Я не мога на Стамбола да д'идемъ».
Продумá султанъ Бреязиза:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Ако ты-зи вѣра си промѣнишь,
Че ти дадéмъ половинъ Стамбола
И че дадéмъ двѣсте валявицы,
Што валяа тая чиста чоа,
Што валяа той си́нé кадифе,
И че дадéмъ триста водени́цы,
Што-то меля червенá ченица,

И че ти дадéмъ султанка девойтя;
Ако нечешь вѣра да промѣнишь,
Че те туримъ у тевны тевни́цы,
Да си лежишь дванáесе годины».
Продума́ си Руснакъ краль Стефана:
«Че да лежи́мъ дванáесе година,
Але нечемъ вѣра да си мѣни́мъ».
Затвори го султанъ Бреязи́зо
Затвори си Руснакъ краль Стефана
Затвори́ го у тевни тевницы.
У тевни́цы вода изви́раше,
Низъ вода жабреницы много,
Низъ дувара́ мишке излаже,
Оче нему чамбазъ да искубатъ.
И си прашта султанъ Бреязиза
И си прашта султанка девойтя;
Та си ойдé султанка девойтя,
Та си ойдé при тевни тевни́цы,
Та си ока Руснакъ краль Стефана:
«Я излезны Руснакъ краль Стефане!»
И и́злезна Руснакъ краль Стефана.
И продума султанка девойтя:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Айде, ты-зе вѣра да си мѣнишь!
Че ти дадéмъ половинъ Стамбола,
И че дадéмъ двѣсте валявицы,
Што валя таа чиста чоа
И што валя тоа синё кадифе,
И че дадéмъ триста воденицы».
Продума́ си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанко девойтѐ!
Язе нечемъ вѣра да си мѣнимъ:
Я вие-ка никаковъ законъ, бре, немате;
Имате еденъ Мухáмеда,

И вие си него истéпате
И со-съ пушки више со-съ тóпове;
Я у насъ ного добаръ законъ има:
Ка ни дойдé день, бре, Дюрдёвъ день,
Ние си него со-съ добро срѣтнеме;
Ка ни дойдé день, бре, Великъ-день,
И него си со-съ добрó срѣ́тнеме;
Ако очешь вѣра да си мѣнишь,
Да те водымъ у добрá Русія».
И продумá султанка девойтя:
Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Очемъ язе вѣра да си мѣнимъ».
И продума Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанко девойтé!
Я си ойды при твоя бабáя,
Та украдны до два добры конé,
Да бѣгаме у добрá Русія».
Отишла е султанка девóйтя
Отишла е при ноенъ бабáя,
Та украдна до два добры́ кóне,
Одведе ги Руснакъ краль Стефане;
И си качи Руснакъ краль Стефане,
Та си качи султанка девойтя —
Та я качи на врáна-та коня,
Я другúя онó уяхнало.
Та пойдоа презъ поле широко,
Та придóа при бѣлú Дунавье —
Дунавъ си е ного, бре, дотекло —,
И продума султанка девойтя:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефане!
Ногу си е Дунавъ, бре дотекло»;
Продума си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанко девойтé!
Айде ты-зе-ка, Богме, по мене-ка».

И загази Руснакъ краль Стефана
И загази презъ бѣли Дунавье,
И по него султанка девойтя;
Та минаятъ отадъ бѣли Дунавъ.
Ка придо́ при добра́ Русія,
И си пра́шта Руснакъ краль Стефана,
Та си пра́шта това́ бѣ́ло книжс,
У книже́-то това́ церно пи́смо,
Та го пращта цару Александру,
Да посрѣтна Русна́ краль Стефа́на,
Де-ка иде одъ Стамбола града,
И си во́ды султанта девойтя.
Провикна си ца́ра Александра:
«Е вие-ка два бързи юнака!
Я ойде́те церкви манастирье,
Запалете по церкви кандиле
И удрите той лѣпы дзвоно́ве».
И дочула султанка девойтя
Дочула е той лѣпы дзвонове,
И она́ си дума продума́ла:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Што е това, што си бія по ваша Русія?»
Продума́ си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зи-ка султанко девойтё!
Това са си по церкви дзвоно́ве;
Я си прати́ това бѣ́ле кни́же
Та го прати ца́ру Алекса́ндру,
Дека идемъ одъ Стамбола града,
И си водымъ султанка девойтя;
И испрати цара Александра,
Та испрати тая добра война,
Та срѣтнаа Руснакъ краль Стефа́на».
Право иде Русна краль Стефа́на
Право иде на ца́реви дворы:

Качие се више на чардаци
И си сѣдна у ладны одаи.
И излезна́ цара Александра,
Та прашуе Русна краль Стефана:
«Е ты-зи-ка Русна краль Стефана!
Еве стана́ три године време,
Како́ тебе́ на домъ-ле те не́ма».
И онъ си му дума продумуе:
«Е ты-зе-ка, цару Александру!
Затвори́ ме султанъ Бреязиза,
Затвори́ ме у тевне тевнице:
У тевнице вода изви́раше,
Низъ дуваре мишке излазеа —
Мишки низъ глава косъ ми оскубаа;
И си прашта султанъ Бреязиза —
Праштало си султанка девойтя, —
И она ми думу продумуе:
«Е ты-зе-ка Русна краль Стефана!
Како́ каже, моё, бре, бабае:
Айде ты-зи вѣра да си мѣнишь,
Че ти дадé половинъ Стамбо́ла,
И че дадé двѣсте валя́вицы,
Што валяа тоа чиста чоа
И што валяа той синё кадифе,
И че дадé триста воденицы,
Што-то меля червена ченица,
И язе-ка дума си проду́ма:
«Е ты-зе-ка султанко девойтё!
Я вие-ка никаковъ законъ, бре, немате,
Имате си еденъ Муха́меда,
И него си, Богме, исте́пате
И со-съ пушки више со-съ топове».
И исказа Русна краль Стефана
Та исказа́ ца́ру Александру.

И продума́ цара Александра:
«Е ты-зе-ка Русна краль Стефана!
Я покани ора и гра́дове».
И покани Русна краль Стефа́на
И покани х҃ора и градове;
Сички-те се, Богме-ле, собрали;
Три недѣли, Богме, свадба-ле правило;
Четверта-та ги, Богме, испратило,
Да си идатъ до́ма на дворе́ве.
Минало се еденъ мѣсяцъ време,
И си пращта султанъ Бреязиза,
Та си пращта това́ бѣло книже,
У книже́-то това́ цѣрно писмо,
Да си иде Русна краль Стефана,
Да си иде на ца́ра на го́стье,
И да воды султанка девойтя.
И е ошелъ Русна краль Стефа́на,
И си ойде́ на ца́ра на гостье,
И одведе́ султанка девойтя.
Та си нареди си цара Бреязиза,
Нареди си два бързы юнака:
«Я фане́те Русна краль Стефана,
Та му-нему глава одсѣче́те».
И продума́ си Русна́ краль Стефана:
«Бога тебе, султанъ Бреязизу!
Немой мене млада да погубишь,
Да я семъ си еденъ у майтя
И у майтя, па-й ли у башта».
Богъ да бїе султанъ Бреязиза!
Не е тео да си го пожали:
Одсѣче му та́я руса глава;
Провикна се султанка девойтя·
«Леле Боже до милого Бога!
Ка ми бидо мома и невѣста,

Кога си семъ младá удовúца»,
И я дочу Господъ одъ небéса,
Та си пратúи шарена змiица,
Со змiица шарена боклица,
У боклица вино троегóдско,
У винó-то зелена трѣвица;
И продума Господъ одъ небéса:
«Е ты-зе-ка шарена змiица!
Ка' си слезнешь доле на земня́-та,
Да си видышь, што е тоя пúсокъ?
Ако си е ного одъ жалосты,
Скоро бърже душа да му свернешь;
И ако си е ногу, бре, одъ милосъ,
И ты-зе-ка душа да му земешь».
Ка си слезна шарена змiица,
Слезна́ла е доле на земня́-та
И прашуе прелѣпа невѣста:
«Е ты-зе-ка прелѣпо невѣсто!
Зашто пиштишь, у Бога се чуе?
Да ли пиштишь ногу, бре, одъ жалби,
Или пиштишь ногу, бре, одъ милосъ?
Продума́ си прелѣпа невѣста:
«Не пиштúмъ си ногу, бре, одъ милосъ,
Нель си пиштúмъ одъ голѣма жа́лба».
И продума шарена змiица:
«Я ты-зе-ка прелѣпа невѣста!
Я си земи шарена боклица,
У боклици има вино троегодско,
У винó-то зелена трѣвица,
Та си запой Русна краль Стефана:
Оче оно съ душа да си ста́не».
И си зема́ прелѣпа невѣста,
Та си зема́ шарена бóклица,
Та запоú Русна краль Стефана,

И оно́ си съ душу, бре, станало.
И е било у света недѣля:
Прекрести се Русна краль Стефа́на,
И си керсти, та Бога се моли:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Што се чиня тыя клеты Турци?
Зима ми моя́ млада младо́е».
И провикна́ си Русна краль Стефана:
«Леле Боже, до милого Бога!
Я ми до́дай крыла пауно́ве
Да си бѣгамъ у добра́ Русія».
Пожали́ го Господъ милостивенъ,
Та му даде крыла́ паунове,
Та си бѣгна́ у добра́ Русія,
И си падна на ца́реви дворы.
Согледа го цара Александра
Согледа го више одъ дивана,
И онъ си е дума продума́ло:
«Е вие-ка два бързы юнака!
Излезне́те у равни́ дворе́ве,
Да фанете два лѣпы пауне».
Излезнаа два бързы юнака,
Да си фана два лѣпы пауне.
И тогай си оно продумало
Продумало Русна краль Стефана:
«Та не сме си той лѣпы пау́не,
Та я семъ си Русна краль Стефана,
Я други́-то султанка девойтя».
Вернаа се два берза юнака
Вернаа се, Богме, назаде-ка
И казуя цару Александру:
«Бога тебе, цару Александру!
Та не са си два лѣпы пау́не,
Нело си е Русна краль Стефана

И друго-то султанка девойтя».
И окна́ и цара Александра
Окна́лъ е више на ди́ваны;
Улезна у ладны одаи,
Та ги тури на сладки вечеры,
И си сѣда и си, ле, думая.
Продума́ е цара Александра:
«Бога тебе, Русна краль Стефана!
И си ручай и си кажи».
— Богъ да просты Русна краль Стефана! —
И онъ си му дума продумуе:
«Е ты-зе-ка, цару Александру!
Какъ да кажемъ, цару Александру?»
— Богъ да просты Русна краль Стефана! —
«Де си сѣдышь живо при мене-ка».
И продума́ цара Александра:
«Е ты-зе-ка, Русна краль Стефану!
Де си мине презъ мене-ка мрешка».
И казуе Русна краль Стефа́на,
Та казуе цару Александру,
Какъ го мачилъ султанъ Бреязиза,
Како́ му се лѣпо-ле молило:
«Не мой мене, султане Бреязизо!
Да я семъ си еденъ, бре, у майтя
И у майтя еденъ и у башта;
Нете оно́ да мене лѣпо жали,
Та ме оно мене младо-ле
Младо-ле погуби;
Але Господъ ме-мене избави».

№ 217.

(Заг.) Берк. окр., с. Вершецъ; 11 февр. 1880 г. записана со словъ Николы Бѣлева.

(Чудо надъ англійскимъ царемъ).

Писмо пише царо Ангелиски,
Запрашта го на Светá Гора
На Света Гора-Илиндарь монастырь,
На стары игуменъ Саву:
«Да ми допратышь икуны и керстеве
И сребрено-то евангелье
И позлатены кандила;
Ако не допратишь,
Шта да пратымъ войска,
Да изгора Илиндарь и семдесе монастыра».
И повика Сава седемдесе игумена,
И повика двѣсте калудере,
И повика триста дякóне,
И повика петъ стотинъ магяре[1]),
И ги питаше:
«Ко'-то праты царо Ангелиски писмо
За икуны и керстеве,
Стояте ли кабумъ, да дадемо?
Да не запали монастыре!»
И сви-те казва: «неможемо
Неможемо да дадемо!
Нека запали, нека изгоратъ».
И тогива Сава запраты писмо
Писмо на царо Ангелиски:
«Не можемо да дадеме!»
Ка'-то зема царо Ангелиски

[1]) Послушники, занимающіеся кухней; отсюда магерница=кухня.

Ка'-то зема тое писмо
И прочети тія слова,
Допрати семдесе геміи войны,
Да изгоратъ Свет́а Гора.
И запалиа Илиндарь монастырь,
И запалиа се семдесе монастыре,
Запалиа и обраа,
И пойдоа да си верватъ домо-ка.
И тогив́а стары игуменъ Сава
Четеше едно писмо:
«Сбирайтесе седемдесе стары игумене,
Сбирайтéсе двѣсте калудере,
Сбирайтесе триста дякóне
Сбирайтесе петъ стотинъ магяре,
Да се молиме на Богу,
Единъ други да си исповѣдаме,
И дванаесеви литургіи да служиме,
Да ни би се на Богу смилѣло,
Да угаси тія седемдесе монастыре».
И се сбраа седемдесе стары игумени,
И се сбраа двѣсте калудере,
И се сбраа триста дякóне,
И се сбраа петъ стотинъ магяре
И се Богу мóлеа,
Единъ други исповѣдаа,
И служиа дванаесе литургіи.
И се на Богу думиле:
Издасе инъ теменъ облакъ
Облакъ изъ Бѣло-то море,
И удари единъ буенъ дажь,
Та угаси тія седемдесе монастыре;
Па си тресна одъ Бога,
Та погуби седемдесе англиски геміи.
Ка'-то дочу царо Англиски,

Прати едно писмо
На стары́ игуменъ Сава:
«Ты си единъ праве́денъ човѣ́къ!
Да се молишь Богу за-радъ мене;
Ако Господъ извади изъ море
Мои геміи и мои-те войны,
Тогива че вѣрвамъ, че има Господъ;
И шта посребримъ сребрени евангели,
И позлатны кандила че направимъ,
И Светая Гора че заверда».
Ка'-то четеше стары́ игуменъ Сава,
Ка'-то четеше писмо и прочетеше,
Пакъ казваше:
«Сбирайтесе седемдесе игумени,
Сбирайтесе двѣсте калудерс,
Сбирайтесе триста дяконе,
Сбирайтесе петъ стотинъ магяре,
Бо́гу да се молиме —
Единъ други да си исповѣдаме,
И дванаесе литургіи да служиме,
Да ни би се на Богу смилѣло,
Да извади седемдесе геміи,
Да извади со-съ тіи войны».
И се сбраа седемдесе игумени,
И се сбраа двѣсте калудере,
И се сбраа триста дяко́не,
И се сбраа петъ стотинъ магяре,
И свалиа капи калимавки
И се Богу молеа,
Единъ други си исповѣда,
И дванаесе литургіи служиа.
И се на Богу думиле́:
Та испраты светы́ Николая;
И си влезна Светы Николая

И си влезна у Бѣло-то море,
Та извади седемдесе геміи царски
Со-съ тія войны барабаръ
И дочу́ то царь Англиски:
И позлаты икуны и керстеве,
И посребри сребрены евангеля,
И позлаты кандила.

№ 218.

Село Жабленъ (Радом. округа) 27 ноября 1879 г. записана со словъ солдата Ивана Димитріева.

(Сербинъ юнакъ поражаетъ арапина).

Сербинъ зоби коня за Кра́ина:
Да га зоби жълта ечмена,
Вода пои вино одъ три годинъ;
Пуста се Краина размири́ла,
Сви су Турци на Краине пошли́;
Напредъ иде Сербинъ добаръ юнакъ,
Напредъ иде, бѣли барякъ носи.
Ка отойде на пуста Краина,
Краина се умери́ла;
Сѣдели су деветъ годинъ време,
Сви су Турци коне́ испрода́ли,
Сербинъ юнакъ ошь боле ко́ня узобилъ,
И продалъ е половина руа;
Па си стана́ юнакъ, па си пойде́,
Пойде да види Краина, како си умирилъ;
Вечь нема пари́ да си а́рчи,
Па на ко́ня по́ ти огово́ри:
«Леле коню, леле мое добро!
Вси су Турци коне́ испродали́,

Я самъ тебе оште боле узобило,
Продало́ самъ половина руо,
Вечи нема пари́ да си а́рчимъ».
А конь му по тія оговори:
«Постигны ми деветъ колана,
Ега́ би те изнелъ низъ тая Кра́ина».
И юнакъ му постегна́ до деветъ колана,
Па си яна тая добра коня,
Та си излезна́ низъ тая пуста земя;
Вечь се су ношти померкна́ли,
Па залежа́ Сербинъ добаръ юнакъ;
Па си стана́ рано одъ зарано,
На шарене-те че́шмы,
Да си пою тая добра коня;
Тамо найде гиздава девойтя,
Де си рони тія дробни слезы;
Запрашае Сербинъ, добаръ юнакъ:
«Зашто плачешь, гиздава девойко?»
— А она му по ти оговó́ри:
«Язъ имамъ еденъ ми́ли братъ,
И сега́ го тато заженѝло,
И мене облокъ дава;
Богъ да біе церна Арапина!
Оно че ме облокъ зе́ме».
— А Сербинъ по тія оговó́ри:
«Вечь се самъ коня утраши́ло—
Язъ би тебе младо изроби́ло.»
—Беркна́ла девойтя у свилне джепове,
Та извади едны шати жълтици,
Та си даде на Сербина юнака—
Онъ да пія, и ко́ня да рани,
Кога́ пойде, за девойтя да иде,
Кой превари, онъ че земе гиздава девóйтя;
Па си стана́ юнакъ, па си óйде,

Та си арчи неделя време,
Вечьемъ си е пари́ поарчи́ло;
Па си пошли рано одъ-зарано
У света неде́ля,
Да си иде на Прилѣпа града;
Сербинъ юнакъ оште спие,
Коня фи́шти, та Сербина буди:
«Стани, стани, Сербине юначе,
Не знаешь ли, каковъ обло́къ фата́ло».
— Съобудисе Сербинъ добаръ юнакъ:
Сълнце иде вечьемъ на заода,
Кога стана юнакъ, та погледна,
Сълнце ошло, вечь е на заоду.
Па си стана юнакъ,
Та си спра́ви та́я добра коня:
Тури юна́къ но́га у зенги́я,
Дурь да тури юнакъ и она́е,
Стигналъ си е церна Арапина,
Стигналь го е юнакъ,
Миналь го е юнакъ,
Та право иде на момины дворы:
Нема кого на капи да иде́;
Бутна ко́ня, презъ кале прелетне́ло,
Дури ко́ня душа да ута́фри;
Пообо́ри тія високи чарда́ци,
Па си сѣдна́ кодъ гиздава девойтя;
Отадъ иде церна Арапина:
Нема што да чини на Сербина юнака,
Нель си тергна тая тенка са́бля,
Та уда́ри коня у клето-то се́рце.
— Проговори Сербинъ добаръ юнакъ:
«Што не дойдешь,
Да си съ мене біе́шь?»
Тергна юнакъ тая тенка сабля,

Та удари церна Арапина,
Удари го, на двое пресѣче:
Та пресѣче церна Арапина
И си зема гиздава девойтя.

№ 219.

Дупнич окр., с. Бобошево, 13 дек 1879 г. записана со словъ Димитрія Радова Бурова.

(Сравненіе сербскаго войска съ русскимъ).

Каква ми е Сербска гора!
Сербска гора Турка поцернéла!
У сербска-то гора малка мома плаче:
«А што нема никой да ме жали
И да оправа такó, да е право;
Немамъ майтя и што нема?
Кой-то мене да ме тажи».
Ой брайтя наши, брайтя Сербе!
Висóко вѣнóкъ цавтеше!
А што е Турка поцернела } *повто-*
У наша-та сербска гора, } *ряется*
Яко низко вѣнóкъ цавтеше.
А што нема зоря да зазори? (*повторяется*)
Каква че ми зоря зазорѝ?
Изъ Влашка-та, мамче, земля
Яко низко вѣнóкъ цавтеше —
Яка ми е, мамче, Руска войска,
Яко силна, мамче, иде войска,
И вѣнокъ яко низко предъ нихъ цавтеше:
А конь до коня, юнакъ до юнака.
Яко низко, мамче, яко низко
При Руска войска вѣнокъ цавтеше;
А што низко, мамо,
А што низко Руска войска —
Се е православна.

№ 220.

Тренск. окр., с. Баба; 7 февр. 1880 г. записана со словъ Гиги Тричкова Вирьянова

(Изъ войны Турокъ противъ Сербовъ).

Виче вила съ Авале планина:
«Вама, Турци, у глави ви било —
Обметнусе една черна тица,
И обметну половинъ Шумадію,
И обметну Южичку наію,
И обметну Валевску наію;
Стара Влашка нему поручуе:
«Бре, не бойсе, Дёко одъ Тополе!»
Дочули се четри идаіе,
Редомъ че Сербію гореты,
Али не че Сербію даты.
Па имъ рече Воча мали паша:
«Не мойте си Сербію гореты —
Пойде ядна сиротыня;
Но опременете бико одъ Рудника,
Да отиде стойну Београду,
И дайте му зелена дурбисна [1]),
Да окрене преко Шумадію».
Ка' окрене преко Шумадію,
Ка' погледне у село Вербице —
У Вербице каквá сила сбила?
Се е конякъ до коняка,
Се е пѣшакъ до пѣшака,
И при ние Дёко одъ Тополе.
Одтамъ иде Воча, мали паша:
«Óды, Дёко, бды побрáтиме!
Да ти давамъ благо, колико ти драго.

[1]) Бинокль.

Да не блудишь ядну сиротыню»;
Дёко нему одговара:
«Имамъ благо, колко тебе».
Тогай Воча вели:
«Айде, Деко, айде, побратиме!
Да тс водымъ стойну Београду —
Ты да судишь, Турци да гле́да»
Дёка вели:
«Я не идемъ Стойну Београду.
Воча вели:
«Да опростышь, Дёка одъ Тополе!»
Дёка вели:
«Я да простымъ, на́родъ не че да опросты:
Млого те сте зулумъ починили —
Поставѝсте бико одъ Руднико,
Та си о́ды по земю Сербію:
Куде́ има го́дена девойтя,
Бико люби годену девойку;
Постависте до-триста спаіе,
Та ны любе триста попадіе. —
Че се біе ядна сиротыня,
Че се біе, доде-ка си може.
Остана е сиротыня ядна,
Остана е безъ зако́нъ и безъ при́чесъ.

№ 221.

Соф. окр., с Бояна, 30 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина тойже деревни Стоянча Величкова

(Какъ болгаринъ одержалъ верхъ надъ туркомъ?)

Сведоа се два млады юнаци,
Сведоа се на бистро́ езе́ре,
Де си поятъ добри коне вода:
Еди́нъ Янче Капетанче,

Я другій Шадай Наячи́бро;
Коня по́и Янче Капетанче,
Я приведе Шадай Наячи́бро,
Я приведе коня дебелага;
Проговори Янче Капета́нче:
«Фала тебѣ, Шадай Наячибро!
Тегли Де́га—не моти ми вода:
Боле ми с Вранчина одъ Дѐга,
А я по-юнакъ одъ тебе».
— Проговори Шадай Наячибро:
«По-добро мой конь одъ твой,
А язека по-юнакъ одъ тебе!»
Янче ныштo му непродума;
Та си я́хна коня Вранчина,
Та си ойде на негова дома́,
Та си писа книга на-сердито:
«Фала тебѣ, Шадай Наячибро!
Я ти праштамъ книга на-сердито,
Да си дойдешь на стары боишта».—
Книга ошла му на вечера
И стигнала Шадай Наячибро;
Книга чети Шадай Наячибро,
Книга чети — не вечера —
Имъ я чети, грозно се смѣе;
Питала го него́ва-та майтя:
«Фала тебѣ, Шадай Наячибро!
Да какви ти радости стигна́ха,
Книга четишь, а грозно се смѣешь.»
Одговори Шадай Наячибро:
«Мале мило, моя мале!
Сведоме се два млады юнаци,
Сведоме се на бистро езере,
Де си поятъ добри коне вода,
Язе со-съ Янче Капетанче;
(*Повторяется до конца ихъ столкновенiе*).

Янче нышто ми не продума;
Яхна ко́ня, та си ойде́,
А до менс книга проводило:
Да си дойдемъ на стары боишта».
— Проговори негова-та майтя:
«Леле сино, леле Шадай Наячибро!
Зъ добра си с змія закачила:
Ты си ималъ до деветъ амиджіи[1])
И си-те деветъ одъ него умреа,
И ты чешь одъ него да умрешь;
Я си иды на стары боишта,
Да не дойде на твои-те дворы,
Да не гледамъ я твои жалове».
Послуша я Шадай Наячибро:
Та си ойде на стары боишта,
(Тамъ го чека Янче Капетанче) —
Да се бора два млады юнаци;
Проговори Шадай Наячибро:
«Фала тебѣ, Янче Капнтанче!
Я си ферляй перна буздогана»;
— Проговори Янче Капетанче:
«Ты си турчинъ, ты напредъ че ферляшь».
Та си везе Шадай Наячибро,
Та си везе перна буздогана,
Везе да удари Янче Капетанче;
Зачувасе Янче Капетанче.
Та си фана Янче Капетанче,
Та си фана перна буздогана,
Та я фана у десна ръка,
И гово́ри Янче Капетанче:
«Держьсе, курво, Шадай Наячибро!
Какво че те бїе болгаринъ!»

[1]) Тур. слово, знач. дядя.

Та завертé перна буздогана,
Та си удри Шадай Наячибро:
Накара го деветъ лакти у церна-та земня,
Я четыри у дребни камени.

№ 222.

(Заг) Берков. окр, с. Чипоровци (Турлаки); 21 февр. 1880 г записана со словъ Сима попъ-Маркова.

(Генералъ Киша измѣннически передалъ туркамъ мадьярскій лагерь).

(СКАЗКА).

Проклетъ да е, триклетъ да е
Киша Генералинъ,
Шта издáде, шта издáде
Логурь на Маджара
А и издаде, и издáде
Една шкóля ситны дéца
И издаде и издаде
Янче Капетанче.
Това дочу, това дочу
Тія люты Рачко:
«Тако м' Бога, мое деветъ слуге!
Я стегнéте сива Бедалія,
Я ударéте сѣдлó позлáтено
Дори деветъ колана;
И ударéте ашá посрéбрено;
Те да идемъ, да си диримъ
Да си диримъ Кишу Генералинъ».

Излезнáлъ е люты Рачко,
Стегналъ е Сива Бедалія,
Запасалъ е сабля мегданлія,
И посѣдналъ е сивá Беда-лія;
Па улезе пóле широко:
У срѣчу му иде Киша Генералинъ —
«Тако м' Бога, Кишо Генералинъ
Е..-тю твою-ту стрѣтю!
Шта издавашь лóгурь на Маджара?
И издáвашь шкóля со-съ деца,
А издáвашь Янче Капетанче?»
Ка' пóтегнулъ тія люты Рачко,
Ка' потену саблю мегданлію,
Та погуби Кишу Генералинъ.

№ 223.

Кост.-Бан. окр., с. Невѣстино, 9 дек. 1879 г. записана со словъ Стояна Митріева Бикъ.

(Сказка про богача и сына бѣдняка, наслѣдовавшаго все имѣніе перваго, по Божьей волѣ).

(СКАЗКА).

Ишелъ еденъ големъ чорбаджія; водилъ си со-съ него измитярье; одылъ три дни, село да си найде. Нашелъ една колúба, и у нея се невѣста растоварила[1]); рекелъ доматинъ: не можешь, да поминешь тýва, — эвé се невѣста растоварила, та срамота е! И чорбаджія тогай рекелъ: си-те сме отъ жена, си-те сме на той редъ бивали дѣца; и тука че поминемо, на друго мѣсто не найдемо конакъ.—И сѣднали, вечерáли си. И когá да легнáли да си спіятъ, чорбаджія тогай говорилъ на негови измитярье: «спите! да спіеме! что че сонъ да видиме, и заютре да ми кажете». И спали, и ютре станáли; си-те си кажали свой сонъ; еденъ си трае не кажуе, и чорбаджія-та го прашуе; и онъ тогай си кажýе: «срамота си е, да ти кажýемъ».—«Кажи». И тогай онъ сонъ кажуе: «това детé мало тебе да ти ядé». — И той чорбаджія пойдé си, да си иде; и дете-то си искупи отъ башта и майтя, та го носи́ до една пештера—до камикъ носи́. И тогай на измитярье говори: «Това ли мене мало че ме яде?» и го ферли отъ камикъ доле. И имало тамо мечка, мечка со-съ меченца; та си прибера она дѣтенце, да е чува. И пойдатъ ловджіи на ловъ да идатъ; идатъ сви кодъ пéштера-та; спаднато си дѣтенце и меченца да си играятъ; погнаха ловджіи, да ги фанатъ, тія си скріятъ—и меченца и дѣтéнце у дупка-та; и ловджіи не могли да ги фанатъ. Па си ойдатъ ловджіи кодъ една бáба, па си кажатъ на баба: бабо! найдомо си мечéнца и едно́ дѣтенце; погнаме си, да си фанемо дѣтенце-то, и оно́ рипнá, та си скри у дупка-та. Како че ни кажешь, да го фанемо?» И баба-та рекла: «идете, сино, у папук-

[1]) Разрѣшилась отъ бремени.

чіе-те; да си земéте едны кондуры, да си турете до дýпка-та; ка' че излезнатъ меченца-та и дѣтенце-то, че обуе дѣтенце кóндуры-те, онъ со-съ кондуры-те не може да се улезне у дупка-та. Учинили тако ловджіи и тогай го фанáли, и го одвели на еденъ хáнъ И го е тогай хáнджія одъ нихъ земáлъ; и имъ далъ, што испили, што изъѣли, а онú го тогай на хáнджія далú. И слушало дѣтенце двaесе годинъ у тое хáнджіе. И тогай си чорбаджія па-й намѣрилъ на той хáнъ, и тогай беендисовалъ[1]) момчето; и тогай той чорбаджія прашалъ той хáнджія: «оты го викате мечкарь?» И тогай му хáнджія кажалъ: «ловджіи го фанали одъ тая пештеры тамо; мечка го е издоúла съ мечета; та го ловджіи донéсоа, та се семъ язе земалъ одъ нихъ».—И тогай се той чорбаджія сетилъ, дека го е онъ ферлúлъ, и па мысли, да го вóды, да го-воды, да го сотрее па. И го зема отъ хáнджія-та, та му исписа книга, та го пратú на неговъ домъ; и писа у книга: «многу здравье на доматинка-та! това момче—да го пратышь у овни-те, и да кажешь на овчарьé-то, да го съкнатъ со-съ псета-та, да го удаватъ псета». И товá момче пойде, че иде. На срѣшта му овчарь (самъ Господь) пладнувалъ си подъ верби до дрýмъ; и мечкарь рекéлъ: «помози Боже, дедо!»—Далъ ти Богъ добро, синко! «И тогай рекелъ деда: «кадé че идешь, синко?» — «Мене еденъ чóрбаджія уцанúлъ, и ми книга даде, запечатилъ е». Рекелъ деда: «дай ми, синко, да поглéдамъ тая книúга». И тогай погледалъ одъ тая книга, та му пише старецъ одъ дрýга книúга. У друга-та книга пише: «многу здравье на доматинка-та! това язе момче пратихъ; когá дойдé товá момче, да викашь кумъ и старойтя, и сватове, и момá-та да му вѣнчашь; а кадé дойдемъ, това, кадъ сте не завершúли, живéтъ одъ васъ нéма».

Три дни по свадба-та, дойдé той чорбаджія, и погледнá, та си видé-негова-та штерка вѣнчана, вѣнчана за момче-то. И чорбаджія на доматинка-та си нышто не кажуе. И вечеръ, се стемнило; и си ошли, та си легнали момче и момá-та. И тогай чор-

[1]) Вспомнилъ.

баджія говóри на негова-та доматúнка: «Э, вие свадба провихте, и я тува се незгодихъ. Идú ода-ранъ да раскарашь зето, да докáра одъ овнúте три овна. И си тогай чорбаджія напредъ си пратúлъ абаръ на овчарье-то: «когá дойде човѣкъ, вие да секнете со-съ псета-та да го псета удаватъ».

И тогай стана доматинка-та, да раскара зéто. Па зето си и мома легнáли и се призернáли; баба-та не могла да ги развúка. Па си ойде, та си вика нёйны-те синъ, та си го пратú него за три овна да докáра, и башта му да зіяфетъ прáви. И тогай ойде сино и та набка на овчарье-то; и овчарье-то него секнали, та го псета-та удавили.

И тогай стане собалье чорбаджія та и си праша доматинката: «пратила си момче, да докара одъ овни-те? И она рекла: «пратúхъ наше-то момчé». И тогай се чорбаджія загне, та си отерчú кодъ овчарьé-то, и си тогай найде неговие си синъ, дéка го псéта удавúли, раскинали. И тогай жечка пукне на чорбаджія, та си умре.

И тогай на мечкарь стока останала. Онъ мало на чорбаджія ручалъ.

№ 224.

(Нѣсколько пословицъ).

Дойдé ми умъ, ама бѣгá кумъ (Пирот. окр.).
Жени мóма да не дóма (с. Бобошево Дунн. окр.).
На чій возъ возишь, тóму пѣсень пеéшь (Пирот. окр.).
Свакій петелъ пее на свое буниште (Пирот. окр.).

ПРИБАВЛЕНІЕ.

1) Млечный путь носитъ у Болгаръ въ Пиротскомъ округѣ названіе «Слама». Названіе это народъ объясняетъ такъ: былъ случай, что кумъ у кума укралъ солому; путь кума-вора пролегалъ по тому пути, который виднѣется на небѣ; когда онъ несъ украденную солому, то отдѣльные стебли ея упадали на пути, и оттого видиѣющійся на небѣ путь называется «Слама».

2) Въ Радомірѣ говорятъ, что юнакъ Марко живъ; его гроба нѣтъ нигдѣ; въ настоящее время онъ сидитъ въ планинѣ Балкана «Ада», которая находится среди моря.

3) Близь деревни «Извора», Радомірскаго округа, на пути отъ Радоміра въ Кюстендиль-Баню находится городище (= градиште), гдѣ, говоритъ народное преданіе, былъ городъ, во время Болгарскаго царства. Близь этой мѣстности тянется планина Слива, соединяющаяся съ По́логъ-планиною.

4) Сёла въ Радомірскомъ округѣ по правую сторону шоссейной дороги, если ѣхать изъ Радоміра въ Кюстендиль-Баню, извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ «Пьяница»[1]), а по лѣвую сторону — «Кра́ишта». Краишта начинается отъ села Лобошъ вверхъ. Сёла, идущія внизъ отъ села Лобоша, съ городомъ Радоміромъ извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ «Мрака». Послѣднее названіе обязано своимъ происхожденіемъ тому, что здѣсь бываетъ частый туманъ (= мракъ).

[1]) Часть «Пьяницы» осталась за Турціей по берлинскому договору.

Считаемъ необходимымъ сдѣлать замѣчаніе о выговорѣ употребленныхъ въ этомъ сборникѣ нѣкоторыхъ новыхъ знаковъ.

Знаки а̑ (а̑рмосана), е̑ (е̑зеро-182), и̑ (и̑ня), о̑ (о̑ды) должны быть произносимы съ придыханіемъ, на подобіе латинскаго h, т. е. ha, he, hи, ho.

Въ произношеніи другихъ гласныхъ читателя можетъ затруднить произношеніе *е* въ такихъ случаяхъ, какъ не́бо и голе́мъ, наряду съ голѣ́мъ. При неустановившемся болгарскомъ правописаніи[1]), составитель сборника не могъ избѣжать непослѣдовательности, которую онъ и отмѣчаетъ, и въ настоящемъ мѣстѣ предлагаетъ вниманію читателя имѣть въ виду разницу въ произношеніи такихъ случаевъ, какъ небо и големъ: въ первомъ *е* твердое, приближающееся къ *э*, во второмъ оно мягкое, приближающееся въ произношеніи къ *ѥ* и *ѣ*. Произношеніе перваго случая извѣстно всякому ознакомленному съ болгарскимъ нарѣчіемъ, гдѣ звукъ *н* имѣетъ всегда твердое произношеніе; но относительно втораго случая этого сказать нельзя, такъ какъ произношеніе звука *л* въ однихъ мѣстностяхъ мягкое, а въ другихъ твердое.

Осторожный читатель, надѣюсь, всегда будетъ имѣть въ виду основныя особенности произношенія звуковъ въ болгарскомъ нарѣчіи. Разница произношенія *е* въ различныхъ мѣстностяхъ Бол-

[1]) Какъ объ этомъ пишетъ (14 апр.) мнѣ проф. М. С. Дриновъ.

гаріи условила и подобное правописаніе въ этомъ «сборникѣ», какъ етé и этé, въ первомъ случаѣ *е* мягкое, во второмъ твердое.

Въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ отмѣчаемъ начертаніе $\acute{x}$, которое по своему произношенію соотвѣтствуетъ латинскому *h*.

Въ прилагаемомъ словарѣ удержано правописаніе «сборника». Въ словарь внесены и такія слова, которыя не находятся въ сборникѣ, какъ напр. слово слънце въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ по говорамъ и др. Составитель словаря нашелъ возможнымъ сдѣлать это на томъ основаніи, что онъ такимъ образомъ желалъ представить пробные листы задуманнаго имъ обстоятельнаго болгарскаго словаря по говорамъ, отсутствіе котораго сильно чувствуется въ наукѣ. Знатоки дѣла будутъ имѣть возможность сдѣлать ему свои замѣчанія, которыя послужатъ къ болѣе удачному выполненію его задачи. Въ данную минуту онъ заручился уже обѣщаніями М. С. Дринова, А. Л. Дювернуа и И. В. Ягича на полнѣйшее содѣйствіе полезному дѣлу.

Полагаясь на содѣйствіе другихъ лицъ, составитель считаетъ долгомъ выразить свою признательность болгарскому офицеру А. Ѳ. Бендереву, обучающемуся въ нашей Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, который уяснилъ ему значеніе нѣкоторыхъ словъ, и знатоку турецкаго языка В. Д. Смирнову, который съ величайшею готовностью исполнилъ не легкій трудъ — проставилъ транскрипцію турецкихъ словъ. Составитель питаетъ себя надеждою, что и впредь они будутъ помогать выполненію задуманнаго имъ плана.

В. К.

С.-Петербургъ, 20 апрѣля 1882 г.

СЛОВАРЬ.

А.

Абе́ръ, а́бе́ръ (тур. хабэ́ръ), вѣсть, извѣстіе.

А́бсанъ, а́бсенъ (тур. хабсханэ́), арестъ, заключеніе (Пал. № 84).

Абсанджія (тур.), тюремщикъ (ibid.)

Ага́, если, пока (Заг. 49).

Аджамія (т. аджемѝ), неопытный (Соф. о. с. Суводолъ, № 12).

Азна́ (тур. хазинэ̀), казна.

Айва́ръ (тур. хавья́ръ, возникшее изъ французскаго caviar), икра.

Айде, а́йде (тур. гайдэ̀), идемъ, пойдемъ.

Айманлія (на главу му златна айманлія), золотая монета, какъ принадлежность головного убора (К.-Б. ок. с. Жилинци, 113); быть можетъ въ сравненіе идетъ тур. айналы, зеркальный.

Айнаджія (тур. яланджи), обманщикъ (Трен. окр. 60)

А́кълъ, (Радом.) акы́лъ (тур. акылъ), умъ, смекалка.

Ала́лъ (тур. халàлъ), прощеніе К.-Б. окр. 185).

Алка (тур. халка́), петля, узы (Радом.).

А́ма. (тур. амма) но, а.

Амиджія (тур. амуджа), дядя.

Аму́тъ (тур. хаму́дъ), хомутъ (г. Радоміръ).

Анъ, а́нъ (тур. ханъ), гостинница.

Анджія (тур. ханджи), содержатель постоялаго двора.

Ане́ма (тур. ханымъ), гаремная женщина, жена.

Анетъ (тур. а̀дэтъ), обрядъ (анетъ прекарали). (Трен. окр. 213).

Апати, апнути = хапати, хапнути (Дупн. окр.).

Арамлія (тур. харами́), разбойникъ (К.-Б. окр. с. Жил).

Ара́чъ, а́рачъ (тур. хараджъ), подать.

Аре́мо (тур. харэмъ), гаремъ.

Аренъ, а́ренъ, на, но, добрый, хорошій.

Аре́сати, (греч. ἀρέσκω, ἀρέσω) нравиться, выбрать, высмотрѣть дѣвушку, женщину, (Рад. 124), обыкнуть (Бр. о.).

Аржа́, рожь (Кюст. о. с. Невѣстино).

Ари́звамъ (греч. χαρίζομαι), дарить.

Армо́самъ (греч. ἁρμόζω, ἁρμόσω), обручить.

Арти́шка (греч. χαρτίον), ли-

сточекъ (Турлаки, с. Чипоровци).

Арчимъ, арчи́мъ се (т. харджъ), расходовать, тратить.

Аскéръ (тур. аскэръ), регулярное войско.

Атеръ (тур. хатыръ), благорасположеніе, милость.

Атѣлъ, лавка (Брезн. окр. с. Бабица).

Ачи́къ (тур. ачыкъ), свободно, (Соф. окр. 119), открытый.

Ащійтя, (тур. эси́ръ?) рабыня (Стига, брала, я ащійтя била) (Трен. окр).

Б.

Баба́я (тур. баба) (= башта), отецъ.

(да) Ба́де, да будетъ (Заг.).

Баджа́ (тур. баджа), дымовая труба.

Бадни вечеръ, сочельникъ.

Баднякъ, полено, горящее въ праздникъ «бадняго вечера».

Базе, особенная вонючая трава (Заг. 48).

Бакши́шъ (тур. бакшишъ), даръ за услугу (=рус. на чай).

Бала́, блоха (Пир. о. Темско).

Ба́ра, небольшая рѣченка, потокъ, ручей (Вр. о. Прекодѣльци,— Заг. Слати́на).

Барабаръ (тур. бэрабэръ), вмѣстѣ (217).

Баремъ, бари (тур. бари), даже, по крайней мѣрѣ.

Бармули́я (тур. бурмалы), спираль, буравъ (перстенъ бармули́я) (Трен. о. 125)

Барья́къ (тур. байракъ), знамя.

Ба́та, старшій братъ.

Ба́тя, въ обращеніи младшаго къ старшему (Джум.).

Бачи́ло, мѣсто, гдѣ приготовляется овечье масло (214).

Бачія (кога́ мълзу овце, викасе бачія, Брезн. окр. с. Бабица).

Башъ (т.), точь въ точь.

Ба́шка и башка́ (тур. башка́— башка́), различно, порознь.

Баштѝца, батюшка (Брезн. о.).

Бегли́къ (т. бэйликъ), подать, состоящая въ взиманіи десятой части съ овецъ и козъ.

Бегли́чки, прил. (тур. бейликчи), относящійся къ этой подати.

Бегличія (тур. бейликчи́), собиратель беглика.

Бедовія (тур. бедави́), арабская лошадь.

да Беендисовамъ, вспомнить (223).

Белки (т. бэль-ки), вѣроятно, быть можетъ. (К. Б. окр. с. Жилинци 113).

Бе́льтимъ, развѣ.

Бельчу́га, бельчу́гъ (тур. бэлэзи́къ), кольчуга, кольцо съ гвоздемъ (Пир. о. Темско, Моера).

Белѣ́гъ, знакъ.
Белюва́ (Пал. о. Церноклиште), бѣленье.
Берберъ (тур. бэрбэръ), бородобрей (Трен. окр. 130).
Бербо́й, картофель (Джумая).
Берго (= берзо) (Вран. окр. Дервенъ).
Берите́то, берите́тъ, (тур. бэрэкэ́тъ), урожай, плодородіе, изобиліе. (К.-Бан. о. с. Жил. 37).
Берите́тни (тур. бэрэкэ́тны), урожайный.
Берло́гъ, берлогъ (Пир. окр. Темско).
Бетяръ, бетяринъ (тур. бикяръ),холостякъ (о Пир.Берк.) (Турлаки, Чипоровци).
Бе́чви-те (бечви те ти се на страна—214, бочки).
Би́волъ, буйволъ самецъ.
Биво́лица, буйволъ самка.
Би́къ, быкъ (Джум. Пирот. о.).
Билюръ (тур. биллю́ръ), рюмка, стаканъ.
Бине́къ-ками́ко (тур. бинѐкъ-даши́), камень, къ которому подводятъ лошадь, для того чтобы сѣсть на нее.
Бинекчія, множ. бинекчіи (тур. бинекчи́), ловкій при всѣданіи на лошадь съ камня «бинекъ». (Радом. окр. 137).
Биса́дзи, биса́ги, подорожные сумки.
Бити́самъ (тур. битирмэкъ), совершенно уничтожиться.
Близна́къ, близнецъ.
Близна́киня, ж. п. близнецъ.
Близни́ца, сталь (Соф.окр.189).
Божи́чъ, Рождество Христово.
Божуре́къ, піонъ, Марьинъ корень.
Боза́ти, сосать, высасывать (деньги).
Боздога́нъ (тур. боздога́нъ), дубина.
Боймія названіе горы въ Македоніи, близъ г. Девгеліи, гдѣ деревня Боймица.
Бо́ленъ, больной (язе бѣхъ бо́ленъ, с. Врабче́, Джум. окр., — с. Верба, Радом. окр.).
Больняи́въ, а, о, болѣзненный (Трен. о.).
Боляринъ, бояринъ (К.-Б. о. с. Невѣстино).
Боля́чка, рана (Джумая).
Боръ, сосна (Пир. о. Темско).
Борна, борина, лучина (Джум. окр.).
Босилёкъ, василёкъ.
Боска, титька, (Заг.).
Боски, двойств. ч. род. п. боску, титьки (Трен. о. 120).
Ботни́че, (кучета са ботничста Стар. Пл. 47), боченокъ.
Брабинякъ, брави́някъ, муравей (Пир. о. Темско).
Брава, замокъ (Пир. Джум. о.).
Бремба́ръ, шмель, трутень.
Бре́хамъ, лаять, брехать (Джум.).
Брися́тиси, утираться (Радом. окр. 122).
Брични́ца, сабля (Соф. окр.).
Брояни́ца, четки (Пир. окр. с. Сопотъ).
Бубре́къ, печонка (Заг. с. Вершѐцъ).

Будала́, дуракъ, безтолковый.
Будзоганъ см. бодзоганъ.
Буздоанъ, буздоганъ см. боздоганъ.
Бу́ло, покрывало, фата.
Булулéа, сова (Пир. о. Темско).
Бульбуль (тур. бульбуль), соловей (Макед. окр. Монастыр.).
Булюкъ-баша (тур. булюкъ-баши́), начальникъ отряда, капитанъ.
Буна́ръ (тур. буна́ръ), колодезь.
Буни́ште, куча гноя (Брезн. о.).
Бурма́, шлюбка (Радоміръ).
Бурунджу́къ (тур. бюрюмджу́къ), родъ матеріи, изготовляемой изъ шелку и шерсти.
(да) Бу́тнемъ, ударить въ бокъ.
Бутъ множ. бути (тур. бутъ), окорокъ (Радом. 104).
Буха́лка, валёкъ для катанья бѣлья.
Бъкълъ, боченокъ (Брезн. о. Бабица).
Бъкле (тоже).
Бъчва, бочка (Ак. Пал. окр. с. Ореовци).
Быде, будетъ (Соф. о. с. Суводолъ).
Бѣга́лецъ, бѣжнецъ (Джумая).
Бѣгли́къ, бѣгликчія (тур. см. бегли́къ, бегликчія).
Бѣлото́къ, бѣлокъ въ яйцѣ (Заг. с. Вершéцъ).
Бѣ́лтя, бѣлокъ (Дупн. окр. Бобошево.

В.

Важе́, веревка (Джум.).
Вакли́ (овнове), бараны, имѣющіе черные кружки около глазъ.
Ваклоши́на, ягненокъ (Заг. 38).
Вали́мъ, падать въ изобиліи (снѣгъ вали́, (Джумая).
Ва́ма, (тур. ва́мъ «долгъ»?) торговая пошлина за право въѣзда въ городъ съ товаромъ. (Заг. г. Берковецъ).
Ва́нгеліе, евангеліе (Кюст.—Б. окр. 42).
(да) Ва́рам, обращать вниманіе,
(да) се Варам, остерегаться.
(да) Ва́рдим, стеречь, охранять.
Варошь (венгер.-тур. варо́шь), городъ.
Варъ, известь (Бр. о. Бабица).
Васу́ль (фр.-тур. фасу́лія) фасоль (Тр. окр.).
Вата́ти, хватать (Пир. окр.).
Вгемія см. гемія. (Дупн. о. 68).
(да) Ве́лим, говорить.
Ве́неръ (тур. фэнэ́ръ), фонаръ (Соф. окр. Сливница).
Веръ, ве́рове, верхъ (Соф. о. Сливница).
Вервѣти (тур. вармо́къ), идти, направляться (Загорье).
Вергія (тур. верги́), подать, пошлина.
Вересія (тур. вэрэси́), кредитъ.
(да) Ве́рзам, вязать, привязать.
Верига, цѣпь, узы (Пиротъ).
Версъ, возрастъ (Заг. Турлаки, с. Чипоровци).

Вертни́ко, ворота (Заг. 70).
Верши́тба, молотьба лошадьми (Заг. Берков.).
Верши́ти, молотить лошадьми.
Вѣ́штица, мотылекъ, летающій ночью (Пир. окр. с. Ореовицъ).
Вешть, вещь (Р. окр. с. Верба).
Ви́довати, видывать (не самъ видовалъ (Р. окр. с. Верба).
Вие, вы.
Ви́кам, звать, кричать.
Ви́рушка (по негу иде вирушка — Соф. о.), завируха, вихоръ.
(да) Викна, позвать.
Вита́лъ, заклопка (Пир. окр. Темско).
Вишли́, видѣли (Радом. 46).
Взалка́ти, (Вр. окр. с. Прекодѣльци на Сурделич. полѣ).
Вла́жно, влажно (Р. о. с. Верба).
Вне́тра, внутри (внетра не бѣше влезохъ, Джум.).
Вно́гу, много (Самоков. окр.).
Воздоганъ, воздоанъ см. боздоганъ.
Войстя, войско (Самок. окр.).
Во́ло, волъ (Джумая) множ. ч. воловѝ (Заг. Аджійска-Маала).
Вора́ (а маждракъ му одъ вори истрошено—Трен. о. 183.)
Вору́на (тур. фуру́нъ) форуна, печь (Пир. о. с. Сопотъ).
Воскра́й, въскрай (Джум. о.).
Вошта́нъ, множ. вошта́не, жандармъ (Радом.).
Врануша́ты, черноватый, чернаго цвѣта (Соф. окр. с. Суводолъ № 10).
Враби́къ, врабче́, воробей (Кюст. о. Невѣстино).
Врами́некъ, муравей (Радом. о.).
Вредъ, вредъ (Пиротъ).
Врезъ, поверхъ (Дупн. окр. 131).
Врѣти, варить (Рыло), за-врѣти, завре́ло (ib.).
Всѣки (Знепольск. жупа с. Калне), всѣ́кій, всѣко, всякій (Джум.).
Вузда́, узда (Пиротъ).
Ву́лна, во́лна (Турл. с. Копиловци).
Вурка (т. ѳрэкэ́), прялка (Радом.).
Вче́ра, вчера (с. Жилинци, Кюст. окр.).
Вчера́шни, вчерашній (Джумая, (с. Керджево).
Въкъ, волкъ, но «много во́лци» (Джумая).
Вълкъ, множ. ч. вълци (Загорье с. Слатина); но волко́ (ib.) волкъ.
Вълна́, волна́ (Пир. окр. Темско).
Въслѣдъ, тотчасъ, послѣ (Дупн. окр. с. Бобошево).
Выме, вымя (К. — Б. окр., Вербпикъ).
Вы́рляти (тур. фырлатмакъ), бросать.
Вѣ́джа, множ. ч. вѣдже́, бровь (Пир. о. Суково).
Вѣжди ц-слав. вѣ́жди. (К.—Б. окр. 88).
Вѣтеро́, вѣтеръ (Кюст. окр. с. Вербовникъ).
Вѣтеръ (вѣтеръ па иска да дуне, Кюст. окр. с. Невѣстино).
Вѣтрокъ, вѣтерокъ (Загорье, Берков. окр. 150).

Г.

Гава́зъ (т. кавва̀съ), жандармъ.
Газка и гызка, гуска (Джум.).
Гайда́ (тур.), волынка.
Гайле́ (тур. галлэ́), печаль (Кюст. окр. с. Жилинци).
Га́лабъ, голубь (К.-Бан. и Берк. окр. 30).
Га́ля, глезе, баловство (Тырнов. и Филип. окр.).
Ганды (тур. ханэ̀ дамы̀), крыша (Соф. окр. 119).
Гарванъ и гавранъ (гавранъ гащи (Брезн. окр. с. Бабица), воронъ.
Га́ска (Кюстенд. окр.), см. газка.
Га́че, гати (Брезн. о. Бабица).
Гездéръ (тур. гездэ̀ръ = проводи), прохаживайся.
Гези́е (тур. гезмэ̀), прогулка (да пооды малку по гезие Радом. о. 124).
Гемія (тур. гэми́), корабль, судно.
Гемиджія (тур. гэмиджи́), перевощикъ, матросъ.
Гéрменье, громъ; народное объясненіе грома слѣдующее: «Св. Илія прека́ра бачію» (см. бачія). (Брезн. окр. с. Бабица).
Гéрчавъ, тощій, исхудалый (169).
Гидія (тур. йнги́тъ), удалецъ.
Гидра, *о*, хитрая, ое (Радом. 82).
Главина, центръ колеса (Пир. окр. Темско).
(да) се Главимъ, наняться.
Гласъ, голосъ, эхо.
Глето́, долото (Дупн. окр. с. Бобошево).
Глистъ, множ. ч. гли́сты (Лесков. окр.), червь.
Говéдо, скотина.
да се Го́димъ, сдѣлать сговоръ (о бракѣ), условиться (Заг. 70).
Го́лубъ, голубь (Лесков. и Вр. о.).
Гороли́лякъ, летучая мышь (Пир. о. Темско).
Госпо́дна, госпожа, хозяйка. (Дупн. о. с. Рыло).
Гочку́ръ, см. учку́ръ (169).
Градушка, ум. отъ градъ, градъ (Соф. окр. 108).
Грегу́рица, горлица (Пир. о. с. Ореовицъ).
Греда́, млрс. гря́да (въ потолкѣ дома) (Пир. окр. с. Сопотъ).
Гри́вна, часть руки въ изгибѣ рукояти (Пир. о. Темско), обхватывающій «главину» обручъ (ibid.).
Гри́жа, забота, безпокойство.
(да) се Грижи, опечалиться, озаботиться.
Гримна, гривна (Ак.-Пал. окр. с. Топольница).
Гро́здье, виноградъ.
Гугу́тка, голубь съ бѣлыми перьями (Дупн. окр. Бобошево).
Гугущи́ка (тур. гöгерчинъ-голубь?), горлица (Заг. Берков.).
Гулемъ (= големъ), большой (Радом.).
Гу́ня, гунька, одежда широкихъ размѣровъ (Заг. с. Вершецъ).
Гунька, башлыкъ, капишонъ (Брезн. о.).
Гурка, см. вурка (Заг. 48).

Гуса́къ, гусь самецъ (Пир. окр. Темско).
Гу́ша, горло, глотка, (Заг. Слатина).
Гу́штерица, ящерица (Соф. о. с. Бутунецъ).
Гьрдыти, хрюкать (свыня́ гьрды́ (Брезн. окр.).
Гьрманъ, кустъ (тур. урма́нълѣсъ?), Пир окр. Темско).
Гърсница, конопля (Пир. окр. Темско).
(да) Гъ́лтамъ, глотать (Тр. окр. Баба).
Гърстъ, конопля (Заг.).
Гъ́рчавъ, плоховатый, негодный (Соф. окр.) см. герчавъ.
Гысты, густой (Заг. 25).
Гяуринъ (тур. гявръ), невѣрный (т. е. христіанинъ).

Д.

Дабъ, да́бово де́рвье, да́бови дерве́та (Джум.),—дубъ.
Дъбъ, см. дабъ (Джум.).
Давна́нъ (= тавнанъ), темница (Тр. окр.).
Дале́чино, дальнее (Заг. 48).
Дали, или.
Даль, или.
Дажь, дежь, дъжь (Пир. окр., с. Берлогъ); дашь, даждь (Заг. с. Слатино, Панчевци); дужь (Стар. план.); дошь, дышь (Джум. о. Копиловци),—дождь.
Двама, двамина, двоица, двое.
Два́яны, а, о, двойной, ая, ое, (Заг. 94).
Дели-баша (тур. дели-баши), сержантъ.
Дено, день (Дупн. о. Рыло).
Дерводѣ́лецъ, плотникъ (Джумая).
Дёрда́нъ (тур. герда́нъ), ожерелье (Бр. о. Бабица).
Де́ржка, рукоятка (Заг. Турлаки).
Де́тко, дитя (Радом. о. с. Верба).
Джами́я (тур. джа́ми), мечеть.
Джана́мъ (тур. чуна́нъ=такъ?), можетъ быть, вѣроятно.
Джеле́пинъ (тур. джемебъ, «живой товаръ»), торговецъ скотомъ, правительственный счетчикъ овецъ и козъ.
Джепъ (тур. джебъ), карманъ.
Джуа́по (тур. джевабъ), отвѣтъ.
Джуракъ (тур. чайла̀къ), польск. szulak), ястребъ (Заг.).
Дзверь, ове (Брезн. о. с. Бобица, Пир. о. Церноклиште), звѣрь.
Дзевни́ца см. зевница (Трен. о.).
Дзенги́я (дур. ӱзенги́), стремя въ въ сѣдлѣ (Пир. о. Темско).
Дзвѣзда́, звѣзда (Джум., Заг.).
Дива́нъ (тур. диванъ), совѣтъ.
Дизги́нь (тур. дизги́нъ), поперечный ремень въ уздѣ (Радом.).
Дира́-та, слѣдъ (214).
Дискусъ, множ. ч. дискузье́ (греч. δίσκος), подносъ (Джум.).

Дисáдзи (Ак.-Пал. о. с. Тополь-ница), см. бисáдзи.

Длань, долонь, ладонь (Темско).

Длъгъ, а, о, долгій (Соф. о. с. Суводолъ и Джум. № 12), — дълги (Зал. с. Слатино),— дългъ, долгій (Пир. о. Темско).

Дълбóки, глубокій (Заг.).

Длыбúна, глубина (Македон. Мельник. окр. № 9).

Добúтокъ множ. ч. добици, скотина, (Радом. окр. Верба).

Довóлно, довольно (К.-Б. о. с. Вербникъ).

Догáнъ (тур. догáнъ), соколъ изъ малыхъ; ихъ дѣлаютъ ручными (Заг.).

Дождéцъ, дождикъ (Заг. Берк. о.)

(да) Докара, пригнать.

Домóска, домой (К.-Б. окр. 43).

Домъ, домъ (Лесков. и Вран. о.).

Дóнове, (тур. допъ) подштаники (169).

Досегá, донынѣ (Пир. о. Ореовицъ).

Досéтница, находчивая, толковая, (Пир. окр. 83).

Достъ (тур. достъ), множ. дóстове, пріятель, преданный, расположенный, (Соф. о. 119).

Дрешка deminut., дреха, дрея, верхняя одежда (Соф. о. 126).

Дрóпле, дропъ (птица) (Соф. о. Бутунецъ, Сливница).

Другакво́, иначе (другакво́ четúмо, поéмо—Дуп. окр.).

Дубáрь, дубъ и вообще дерево, негодное на постройку (Пир. окр. Темско).

Дýбье (собир. слово), множество дубовъ (Вран. окр.).

Дувáръ (тур. дуваръ), каменный заборъ въ родѣ стѣны, стѣна.

Дугмé (т. дȍвмэ́), пуговица (Заг.).

Дугонджíя (тур. dugondji), слуга, служитель.

Дудýкъ (тур. дýдýкъ), свистѣлъ (Пирот. окр. Темско).

Дулгéръ (тур. дюльгеръ), множ. ч. *и*, мастеръ, камнщикъ, плотникъ (Соф. о. Челопечино).

Дума, слово, рѣчь.

(да) Дýмамъ, говорить.

Дунгéръ, каменщикъ (Трен. о. 120); см. дулгеръ.

Дурбúсна, (тур. дурбúнъ) бинокль (220).

Дурь, дуръ (тур. довру́), прямо, лишь только.

Дутя́нъ (тур. дуккя́нъ), множ. тя́ны (Турл. с. Желѣзна), лавка, магазинъ.

Душéкъ (тур. дýшэкъ), матрацъ.

Душманинъ (тур. дýшмэ́нъ) непріятель.

Дъскá, доска (Тр. о. Бабица).

Дѣлъ, дёлъ, предѣлъ, горный хребетъ, отдѣляющій одну мѣстность отъ другой.

Дю(=ню), ее.

Дю́бре (тур. гюбрэ́ греч. κόπρος), навозъ (Радом.).

Дюгéнъ (тур.), см. дутянъ.

Дюреячíя (тур. дерьяджэ?) (на ножеве дюреячíи—Радом. окр. 187).

Е.

Ебанджія (тур. ябанджи́), иностранецъ (Заг. с. Вершецъ).
Егаби, егайби, если бы.
Е́ли, или, если.
Емъ — емъ, (тур. гемъ... гемъ?) какъ — такъ (емъ почукалъ, емъ повикалъ, Заг. Берков. о. с. Вершецъ).
Емъ (тур. гэмъ), и.
Енджи́къ (тур.), котомка, сумка.
Ергень (тур. эргéнь), ергенинъ, множ. ергенье, парень.
Ёргáнъ (тур. ёргáнъ), одѣяло (Брезн. окр.),
Ере, еръ, потому что.
Ери́лье, (Радом. 83), ерина (Тырнов. окр.), шерсть изъ молодыхъ козлятъ, эрина (Филип. ок.) вообще шерсть.
Есмеръ (тур. эсмéръ), черный.
Етé, вотъ.
Е́тъ, вотъ тамъ (Самоков. о.).
Е́фтинъ а, о, (румын.), дешевый.

Ж.

Жáлба, жалоба (Пирот. окр. Ореовицъ).
Жалю́докъ, зобъ у птицы (Дупн. окр. Рыло).
Жегли́, дышло (Заг. 70).
Желéни, а, о, желéнъ, а, о, зеленый (Тр. окр.).
Желнá, дятелъ (Темско).
Жéлтя, черепáха (Самоков. о.).
Жендаджія (тур. зинданджи́), начальникъ тюрьмы. (Радом. окр. 122).
Жеровъ, (Берков.), жерáвъ (Соф. окр. Бутунецъ), журавль.
Жеръ, множ. жéрове, журавль (Пир. окр. Темско).
Жеты, желтый (Макед. 102).
Жи́вью, живьемъ (К.-Б. окр. с. Жил. 52).
Жито́ (Тр. о.), жито, ум. житцé (Пир. окр.), жито, рожь.
Жмурéцъ воденъ, птица, ныряющая въ воду для ловли, рыбы (с. Пастра, близь Рыла) см. гмурецъ.
Жълтóкъ, желтокъ (Заг. Вершецъ).

З.

За, на (три черика иска за деветъ, три четверти на девятый часъ—Джумая).
Забъ, зубъ (Кюст. окр.).
Забоварити, забыть (Пир. о. Темско).
Зáбора, (= забориха), забыли (Дупн. о. 31).

Завѝтисе, зависе, взвиться (Заг. Берков. о. Вершéцъ).

Загáра, (тур. загàръ) охотничья собака. (Радом. окр.).

да Заглависе, волъ заглависе, т. е. волу, запряженному въ ярмо, положено подъ горло желѣзо, которое его слегка колетъ и заставляетъ скорѣе ходить въ плугѣ. (Соф. о. с. Сливница).

Загле́ла, завидѣла (Заг. 48).

(да) Загонясе, побѣжать (Дупн. окр. 190).

Зáйчера, завчера (Турл. с. Чипоровци, с. Копиловци).

(да) Закачѝм, дать кормъ лошади (бѣла рапсалища да ми закачешь—Заг. 94).

(да) Залѝбим, взять въ жену (Соф. окр. 143).

Зáлогъ, кусокъ, сколько можно откусить (Ак.—Пал. о. с. Ор.).

Залóгъ, залогъ (тамъ же).

(да) Замашкамъ, дотронуться, коснуться (и го, море, замашкала — Пир. окр. 130).

Занаятъ (тур. санаáтъ), ремесло.

Заръ, развѣ.

Зашь, зачѣмъ (Соф. окр. 126).

Зáяцъ, заяцъ (Лесков. окр.).

Збóрити, зборáвити разговаривать (Брезн. о.).

Звій, змій (Брезн. окр.).

Звонцé, Звончéнце } Радом. о с. Верба.

Зглабъ, сгибъ руки (Пир. о. и др.

Згодымъ, попасть въ цѣль (Радом. окр.).

Здрáвецъ, родъ растенія.

Здрáвица, водка (Радом.).

Зéвня, земля (Вр. окр. Дервенъ, с. Преденъ).

Зевни́къ, погребъ (Брезн.).

Зеерé, зерно (Загорье, Слатино).

Зелва и зълва, золовка (Трен. окр. 29).

Зембелéкъ, (тур. земберѐкъ) щсколда (Дупн. о. Бобошево).

Земня́ (Лесков. о с. Герделица).

Земни́ца, погребъ (Кюст. окр. с. Невѣстино).

Зендаджія, зондаджиче (тур. зинданджи) начальникъ тюрьмы (К. Б. окр. 123).

Зенди́нъ (тур. зенги́нъ), богатый (Заг. 42).

Зéрно, зерно (Пир. окр. Темско).

Зеръ, (тур. зирá) такъ какъ, потому что. (К. Б. окр. 81).

Зернче, зернышко (Заг. 26).

Зетлéнце, ум. отъ зетъ, зять (Соф окр.).

Зифéтъ (тур. зыяфетъ), угощеніе (Заг. 22).

Зіявéтъ, (тур.) угощеніе (Рад. окр. Верба); см. зифéтъ.

Злáвье, множ. злáвья подушка (мои злавья често тураючи—К. Б. окр. с. Жил. 185).

Злиня́, злое мѣсто (Заг. Берков).

Змиѝна рыба, угорь (Пир. о. Темско).

Зобчѝце ум. отъ зобъ, ячмень (Пир. окр.).

Зóлва (Кюст. с. Жил. 50) см. зелва.

Золо́та, монета въ 30 паръ (Макед. 54).

Зо́ръ (тур. заръ), неволя, бѣда (Пал. 84).

Зори́ти (одного корня съ предъидущ.), принуждать, утруждать (не зорете ваши добре коне, Соф. о. 132).

Зьяяты, зевать (Джум.).

И.

Играли́я, играющій (К.-Б. о. 50).

Идаръ, и́даръ, а, о, хитрый.

Ижа, хижина (Трен. окр. 120).

Изва́ра, творогъ.

(да) Изва́димъ, вынять.

(да) Изго́римъ, быть поверхъ, выше чего (и мо́е коне Дорушано не може да изгори трава дѣтелина № 35, К.-Б. окр. Невѣстино).

Изетъ (тур. аза́бъ?), наказаніе (Самок. о.).

Изле́титисе, (=излютитисе), разсердиться. (Пир. окр. 64).

(да) Изма́мимъ, обмануть, провести.

Изма́ма, обманъ, измѣна.

(да) Изместимсе (и Марко се малко изместило (Радом. окр. 134), испугаться.

Изметъ (тур. хызметъ), служба.

Изметчія (тур. хызметчи), наемникъ, слуга.

Измитяринъ, Измитя́ръ, (тур. хызметкя́рь) множ. ч. измитярье́ (Джум.), наемникъ.

Измитярка, наемница.

да Изуми́, забыть (та изумиле, накоесавреме? К. Б. о. 123).

Изца́димъ, выцѣдить (Кюст. о. с. Невѣстино).

(да) Изчу́камъ, (тур. чакма́къ?) выбить, выколотить.

Икиндія (тур. икиндѝ), молитва передъ захожденіемъ солнца).

Икра́мъ (тур. икрàмъ), угощеніе (Брезн. окр. с. Бабица).

Ила́мъ (тур. илямъ), рѣшеніе, приговоръ судьи.

Ила́чъ (тур. ылàджъ), лекарство.

И́ленъ, (тур. эле́мъ — печаль?) а, о, печальный (К. Б. о. Невѣстино).

Иляда, и́ляда (гр. χιλίας, ἄδος), тысяча.

Имовитъ, зажиточный.

Ина́тъ (т. хымайѐтъ), спасеніе, милосердіе.

Индатъ (тур. имда́дъ), помощь.

Ине, и́ней (Соф. о. Сливница).

Интове (вен.-т. гинтовъ), множ. ч. колесница (Соф. окр. 121).

Иржь, рожь (К. Б. о. Жилинци).

Исе́ркатисе, высморкаться. (Рад. о. с. Бабица).

Искомкати се, причаститься (Радом. окр. 122).

Исо́камъ, закричать, огласить.

Испустъ, выгонъ (Пир. окр. Ореовицъ).

Исперити (куче́ исцери зу́бы), оскалить (Рад. о. Бабица).

Итаръ см. идаръ.

Ичь, йчь (тур. гичъ)=ничь, совсѣмъ нѣтъ, ничего.

К.

Кабáтъ, кабаатъ (тур. кабахáтъ), грѣхъ, преступленіе (114, 214).

Кабаница (тур. капаныча), одежда, въ родѣ сюртука.

Кабадаія (тур. хоппá), франтъ.

Кабахатлія (тур. кабахатлы), виновный.

Кагá, когда (Радом. окр.).

Кадé, куда (нима на кадé свиня му излéзне, Кюст. о. Вербовникъ).

Кадéна (тур. кадынъ), главная жена турка.

Кадéлътя, кудель (Заг. Клисура).

Кадія (тур. казы), судья.

Кадылáкъ, áпи (тур. казылыкъ) (Заг. 44), Кадълькъ, кадылыкъ (Трен. окр. 157), судебный округъ.

Кажувати (Кюстендиль) = казувати, сказывать, говорить.

Казáнъ (тур. казáнъ), чугунный горшокъ (Радом. 41).

Кáйкъ (тур. кайкъ), каикъ, лодочка (Соф. ок. Сливница).

Калабалъкъ (тур. гэлэбеликъ и калабалыкъ), толпа.

Калай (тур. калáй), олово.

Калé (тур. калчá), крѣпость, укрѣпленіе.

Калéзамъ (греч. καλέω), звать.

Калúште, грязь (Брезн. окр.).

Калкáнъ (тур. калкынъ = встаньте), встань, поднимись.

Камо, камъ, гдѣ (К.-Б. окр., Вербовникъ).

Камъ-то, къ (камъ-то дома, къ дому—Пир. окр).

Кáня, цапля (Заг. Берков.).

Капа, шапка.

Капія (тур. капы), калитка.

Караджа (тур караджà), чернаго цвѣта.

Карамфúлъ (гр. καρνόφυλλον), гвоздика.

(да) Кáрамсе, спорить (Заг. Берков.).

Карвáне, скоро (Заг 70).

Кардашъ (тур. кардáшъ), сотоварищъ.

Каресъ (тур. гарáзъ=злое намѣреніе, ненависть), месть.

Касабá (тур. касабá), городъ.

Касáпинъ (тур. кассáбъ), мясникъ.

Касмéтъ (тур. кысмэ́тъ), рокъ, счастье.

Кáтерица, родъ большой мыши, съ длиннымъ хвостомъ (Пир. окр.).

Като, ка-то, какъ-то, словно.

Катрáнъ (итал. catrame тур. катрàнъ), деготь, смола (Рад.).

Катыръ (тур. каты́ръ), мулъ, лошакъ.

Каýлъ, закладъ (Заг. Берков.).

Каýринъ (тур. гявръ), невѣрный (т. е. христіанинъ) см. Гяуринъ.

Кахыръ (тур. агы́ръ), печаль, скорбь.

Качамáкъ, хлѣбъ изъ кукурузы (Брезн. и др. окр.).

Ка́шта (Р. о. с. Верба,—К.-Б. окр. Вербовникъ), Къшта (Брезник. о.), см. ку́шта.

Кевъ, кефъ (тур. кэйфъ), раздолье (Радом. 112).

Кемеръ (тур. кеме́ръ), поясъ для ношенья денегъ.

Ке́ра (гр. κυρία), дама, госпожа.

Керезъ (=черезъ), за край, внѣ (керезъ те да ги искарашь Ст. Пл. 47).

Керзъ, черезъ, среди (на керзъ поле калешете—Соф.о.Враждебно).

Ке́равъ (тур. ко̀ръ), слѣпой.

Керста́ты, а, о, вѣтвистый.

Кеседжія (тур.), разбойникъ, воръ.

Кесимъ (тур. кеси́мъ, цѣна, такса?), гуртомъ, огуломъ.

Кефи́ла, кефиль, (тур. кефи́ль), поручительство, гарантія (214).

Кефъ (тур.), см. кевъ.

Кеха́я (тур. кяхья́=староста), главный пастухъ.

Кехія́ты, глашатай (Заг.).

Кеширъ (тур. джезе́ръ), морковь (Брезн. о. с. Бабица).

Кили́мъ (тур. кили́мъ), коверъ (Загорье, Пирот. окр.).

Кирджа́лія (тур. хуру́джъ, мятежъ), разбойникъ изъ янычаръ, турецкій бунтовщикъ.

Кирія (тур. кира́), наемъ въ извозъ.

Кириджія (тур. кираджи́), человѣкъ, нанимающійся въ извозъ.

Кіяй, овчарь (Соф. ок. 119). см. кехая.

Кламбалъ, множ. кламбале (греч. κύμβαλον, τό), колоколъ, звонъ (Врач. окр. Турл. 47).

Клабе́, клубе́, клубокъ (Джум. Вуково).

Клепня́, рѣсница (Заг. Берков.).

Клюви́дьрво, дятелъ (Пир. о. Темско).

Клюскати (конь клюска), прыхать (г. Тернъ).

Кни́ги, карты (Джум. с. Вуково).

Книжне, письмецо (Заг. Берк. окр. с. Вершецъ).

Ковна, сажа (може ковна густо сади́ло — Брезн. ок.).

(за) Когачь, на когда же? (Джум. с. Вуково).

Коги́,—откоги, когда,—съ котораго времени (Заг. Слат.).

Коджа́, много (Турл. с. Чипоровци).

Кодко́дити, кудахтать (Пир. о. Темско, кокошка кодкоди́че).

Коза́рче, пастухъ козъ (Рад. о.).

Ко́й, когда, какъ только (Дж. 69).

Кои́ль, ковыль трава (Джум).

Кока́лъ множ. кока́ле (греч. κόκκαλος), кости, остовъ животнаго и человѣка.

Кокошка́рь, кушающій куриць.

Коку́шка, названіе одной рыбы (Турл. Чипоровци).

Ко́ле, ко́лья (Рад. о. Бабица).

Колера, холера (Брезн. окр. с. Бабица).

Ко́лея, чередъ (Джумая).

Колко, сколько (Алекс. о.).

Комадъ (греч. τὸ κομμάτιον), кусокъ.

Коминъ, труба (Рад. о. Бабица).
Комшія (тур. комшу́), сосѣдъ.
Комшійтя, сосѣдка.
Коно́стасъ (гр.), иконостасъ (Рад. о. Бабица).
Ко́нь, род. п. коня́ (Вран. окр. с. Мачкатица).
Коня́рь, пастухъ коней.
Кончёнце, ум. конь (Радом.).
Копа́чка, зв. чко, копатель (Заг. 70)
Копеле, копиле, незаконнорожденное дитя.
Копри́ва, кропива́ (Пир. окр. Темско).
(да) Корди́самъ (есть тур. выраженіе «урдусу́нъ курма́нъ» = разбить свой лагерь; есть тоже «чадыръ курма́нъ» = разставить шатеръ), поставить шатеръ.
Коре́мъ (тур. карынъ), брюхо (Радом. 82).
Коршу́мъ, крошумъ (тур. куршу́нъ), пуля, см куршумъ.
Котлёнце, ум. котелокъ (Соф. о. Сеславци).
Кочáнъ (т. кочанъ?), кочанъ (Заг. Берков. о. с. Клисура).
Кошаръ, улей (К.-Б. окр. 88).
Кошъ, улей (ib).
Кошары см. Поя́ты, сарай, скотный дворъ.
Кра́ка, (Заг. Берков.),—Кракъ (Заг. с. Котеновци), нога.
Крама́ринъ, ум. крама́рче, старѣйшина каравана (Соф. о. 95).
Кришкомъ, тайно (Лесков. о. Копашница).
Крышма, тайно (Рыло).
Ку́бе, (тур. куббэ́), куполъ (Соф., Дупн. о.).
Кубу́ръ (тур. кубу́ръ), пистолетъ.
Ку́ка, отдѣльный гвоздь въ вѣшалкѣ,—Ку́ке, вѣшалка (Рад. о. Бабица).
Кукуме́вка, птица, издающая вечеромъ звукъ «кукумевъ»; особый родъ кукушки.
Ку́ла (тур. куллэ́), башня въ крѣпости, монастырѣ.
Ку́ла́стра, молозиво (Пир. окр. Темско).
Курба́нъ (тур. курба́нъ), жертва.
(да) Куртули́самъ (тур. куртулмакъ = спасаться), защищать (вѣра да куртулисатъ—177).
Куруджія (тур. куруджу́), лѣсной сторожъ.
Куршу́мъ (тур. куршу́нъ) множ. — мы, пуля, наконечникъ нагайки (Заг. 94), см. коршу́мъ.
Ку́со, кафтанъ (Дпн. окр. Бобошево).
Ку́телъ, деревянное ведро, вмѣщающее 22 оки (Кюстенд. окр. с. Вербникъ, с. Жилинци, а въ Радом. окр. ку́тло, мѣра въ 40 окъ.
Кутія (тур. ку́ту), ящичекъ (Брезн. окр.).
Ку'-то, какъ, словно (Заг. 49).
Кутре, собака (Кюст. ок. Жилинци).
Ку́шта, см. каштa (Дупн. окр. с. Бобошево), домъ.
Кълнъ, кленъ (Пир. о. Темско).
Къ́лчишта, кудель не отборная (Заг. с. Клисура).

Кърчма, корчма, магарычь (Рад. окр.).
Кырстымъ, крестить.
Кыша (Соф. окр. с. Суводолъ), Кышта(Рад.о.Верба),см.каштa.
Кьршимъ, ломать руки.
Кю, хочу (Дупн. окр. с. Рыло).
Кяръ (тур. кяръ), прибыль, барышъ, выгода.

Л.

Лагемъ (тур. лагымъ), туннель (Радом. окр. 116).
Лайно, конскій и коровій навозъ, говно (Заг.).
Лакардія (гр. λακερός, болтливый, тур.лакырды), рѣчь,слово (Брезн. окр. Бабица, лакардія по лакардія=слово въ слово).
Лакъ,род. п. лакта, локоть (Пир. окр. Темско).
Ластра, жесть (Пир. о. Моера).
Лели, если (Солун. окр.) см. ели.
Ля, (тур. лалѧ=нѧня (?), или халѧ=тетка (?), тетка (Соф. о. Сливница).
Леснувати, быть свободнымъ, (Дупн. окр.).
(да) Либамъ, цѣловать, любить (Соф. окр. № 143).
(да) Залибимъ, (ib) см. выше.
Либе, супруга, уменьш. либеле, жена, мужъ (возлюбленный, ая) (Заг. 49).
Липа, липа (Пир. окр. Темско).
Личенъ, знатный, извѣстный (Турлаки въ Ст.-Пл.).
Ложица (Брезн. Пир. и Вран. окр.),. ложка.
Лома́ка, сухая вѣтвь (Лесков. окр. Копашница).
Ло́пенъ, чертополохъ, млрс. лопухъ (Дупн. окр. Бобошево).
Лъжля, шутниха, сваха, (Ак.-Пал. окр. Топольница).
(не че) Лыжемъ, не буду лгать (Соф. о. Суводолъ).
Лѣбо, хлѣбъ.
Лѣсъ, лѣсъ (када турци заузели Българско царство, народъ бѣгалъ изъ поле́ въ лѣси,*) Кюст. окр. Невѣстино).
Лѣса (тур.), неводъ(Пирот. окр. Темско).
Лѣтось, нар. прошлаго лѣта (Рад. окр. Верба).
Лэпо (=лѣпо), прекрасно (Соф. окр. Опій-Цвѣтъ, 36).
Лэси, лѣстница (Радомiръ).
Любе см. либе.
Любовница, жена (Заг. 70).
Люска, скорлупа (Стар. План. и Заг. Копиловци).
Ляница, пчельникъ, ячейка (К.-Б. ок. 88).
Лятисе, литься (Заг. 26).

*) Въ то время, прибавлено, были въ Болгаріи лѣса.

М.

Ма (Заг. Моера), Махъ (Заг. с. Спанчевци), мохъ.

Маана́, недостатокъ (Радом. окр. 136).

Магарецъ, магаре, ум. магарче (тур. хымáръ?), оселъ.

Магданосъ (тур. магдано́съ), названіе травы (Пир. о. Суково).

Магéсница (греч. гл. μαγεύω), волшебница, чародѣица.

Магла́, туманъ (Соф. о. Сливница).

Магéрница (греч. μαγειρεῖον), кухня (217).

Магя́ръ, р. п. *а* (греч.) поваръ (217).

Мажь, множ. мажá, мужь, мужья (Соф. Кремúковци).

Мазгáле (тур. мэдхáль), отверстіе.

Маздракъ, маждракъ (тур. мызрáкъ), штыкъ (Трен. 183, 66).

Макъ (=мука), мученіе (Соф. о. Челопечино).

Малестны, маленькій (Трен. окр. 120).

Маличекъ перстъ, мизинецъ палецъ (Заг. 39).

Малко, мало, немного (Брезн. и др. окр.

Мáлкочко, малехонько (Бр. о.).

Мало, малъ, помолъ (Заг. Бер. окр. 91).

Мáлцина, малое, небольшое число.

Мáнджа (тур. манджá, съ итальянск.), кушанье.

Марама (тур. макрамá), платокъ.

Маргаре, монисты (Заг. 94).

Мáтя, мать (Джум.).

Махáла (тур. махалла́), кварталъ, часть.

Махáлко (гр. τό μοχλίον) тур. маньола́), рычагъ въ ручной прядильной машинѣ (Заг. 48).

Махмузъ (тур. магму́зъ), шпора.

Мáча, мать (Заг. 48).

Мачета (тур, мачи́=кошка), котята (Рад. о. Верба).

Маштея, мачиха (К.-Б. о.).

Машь (=мжжь) (К.-Б. о. Жилинци), мужь.

Меáна (тур. мейханэ́), кабакъ.

Меанджíя (тур. мейханеджи́), содержатель кабака.

Меанджíйтя, содержательница кабака.

Медвѣдъ, медвѣдь (Пир. окр. Темско).

Медя́ (=межда́), межа (Лесков. о.).

Меду, между (Алексинацъ).

Между, между (Турлаки, Врач. окр. 47).

(на) Мезá (тур. мезáдъ), съ молотка́.

Мезликъ, мезли́чь (тур. меджли́съ), совѣщаніе, совѣтъ.

Мейдáнъ (тур. мейда́нъ), площадь, открытое пространство.

Мендюша (тур. мэнкю́шъ), серьги (Рад. окр.).

Ме́рва, уменьш. ме́рвка (греч. τό μέρος), кусокъ, часть.
(да) Мердамъ, шевелиться, трогаться (Соф. окр. 119).
Ме́ртвецъ (Брезн. окр. Бабица), мертвецъ.
Мерте́ци, лѣса́ (П. о. д. Моера).
Мерудія, названіе травы (П. о. Суково).
Ме́рша, трупъ (Радом. окр.).
Метаніе (греч. μετάνοια), поклонъ, поклоненіе (Заг. 39).
Метери (т. меда́ръ?), мѣсто, точка отправленія (214).
Мецъ, зовъ кошки (Рад. окр. Верба).
Мечка, медвѣдь самка (Пир. окр. Темско).
Мешина, мѣшокъ (д. Моера).
Мизли́чъ (тур.), см. мезли́къ.
Милостыівня, милостыня (Соф. окр. 15).
Минувамъ, пройти (оно си е па-й пресѣкло това́ платно́ бабучерно, да не мине Момчилъ вреденъ юнакъ,—Рад. о. 182).
Младе́нци, новобрачные (Трен. окр. 213).
Млѣко́, молоко (Пир. о. Темско).
Млѣти, молоть (Пир. о. Темско).
Можъ, множ. можье́, мужъ (Рад. о. 104).
Молчу = молчатъ (Трен. окр. 130 стихъ 132, а въ 135 ст. мълчу).
Момче́, мальчикъ, юноша.
Мома́, дѣвица, дѣвушка и замужняя женщина.
Мо́ровъ, *а, о*, валашскій, цинцарскій (Соф. окр.).
Моруза, кукуруза (Пир. окр.).
(да) Мо́чимъ, мучить (Соф. окр. Бояна).
Мо́шно, очень, много (К.-Б. окр. 81).
Мробинецъ, муравей (Стар. планина, Копиловци).
Мумуру́зъ, му́мурузъ (Леск. окр.), кукуруза.
Мунаси́пъ (тур. мюнаси́бъ), возможный.
Мурава (трава) (на зелена мурава улетили—с. Котеновци Заг.).
Муру́зъ, кукуруза (Пир. окр Берло́гъ).
Мутъкъ, яйцо незасиженное (Пир. окр. Темско).
Муста́къ, множ. муста́ци и муста́ти, усъ, усы.
Муста́тьни, прилаг. усастый.
Муле́тъ (да ны даде мулетъ за едынъ мѣсецъ — Кюст. окр. 123), мухлетъ (169), время поправленія послѣ слабости, отдыхъ.
Мухха, муха (Джумая).
Муша́, сосѣдъ (Джум., Дупн. о. Бобошево).
Мъгла́, мгла (Пир. окр. Суково Бабица, Брезн. окр.).
Мъжь(=мжжь)(К.-Б.Жил.42).
Мълзети, доить молоко (Ак.-Пал. окр.).
Мълчи, молчи (Соф. окр. Суводолъ).
Мьрмо́рити, бормотать (Рад. окр. Бабица).
Мьска́, оселъ (Радом. окр.).

Мышки, *а*, *о*, мужескій, мужескаго пола (Софійск. окр. Бояна).
Мѣсарія, человѣкъ мѣсящій хлѣбное тѣсто (Джум.).
Мѣстéнце, мѣстечко (Радом. окр. Верба).
Мэзэ (тур. мезэ), легкая закуска при водкѣ и винѣ.
Мя́сто, мѣсто (Тырнов. окр.).

Н.

На, но.
(да) Наведемъсе, нагнуться, наклониться.
(да) Нагáзимъ, вступить въ воду.
Надúра (тур. гирў), назадъ (Самок. окр.).
На́-длъго, вздолжь (Заг. 25).
Наймáйсторъ, главный мастеръ, начальникъ мастеровыхъ (Соф. окр. 121).
Найускорбенъ *а*, *о*, самый печальный (Ст. Пл. 71).
(да) Наканúмъ, пригласить.
Накитимъсе, украситься, нарядиться.
Налбáтинъ (тур. надалбэндъ), кузнецъ (Радом. окр.).
На ли (Заг. 49), нали, если (Соф. окр. Враждебно).
(да) Намýзимъ, надоить (Соф. окр. 16).
(да) Напáнимъ, наполнить (Самок. окр. 177).
Напóлни, наполнь (Брезн. окр.).
На́-преко, въпоперекъ (Заг. 25).
Напýлнити, наполнить (Пир. окр. с. Хресовци).
Напýщеница, жена, разведшаяся съ мужемъ.
Нараквúца, рукавицы, перчатки.
Нарáнка, померáнецъ (Соф. окр. 143).
(да) Натовáримъ (отъ тур. даварь, животное вьючное?), навьючить (Соф. окр. 15).
Нáтре, внутрь (Мак. Велес о.).
Наятка, канунъ Рождества Христова, коляда. (Джумая).
Неватáти, нехватать, не принимать въ разсчетъ.
Невестýлья (с. Рыло), Невестулька (Пир. о. с. Ореовицъ), ласица.
Невидимъ, слѣпой, невидящій (Трен. окр. 170).
Него, но.
Недъ (=некъ), пусть.
Некóлцина, нѣкоторое число.
Нело, но.
Нéмой, не моги.
Непознáнъ, *а*, *о*, неизвѣстный, незнакомый.
Нéська (=днеська), теперь. (Радом. 72).
Нúвочка (Тр. окр.), нивка.
Ние, мы.
Низáмъ (тур. низáмъ), войско резервное.
Нишáнъ (тур. нишáнъ), знакъ для обозначенія пути, для стрѣльбы.

Нишанлія (тур. нишанлы) бьющій, ая въ цѣль (К.-Б. ок. 50).
Ноготь, множ. ч. ногти (Герделица, Леск. окр.), нохти (Пир. окр. Темско), ноготь.
Ногу, много (Джум. окр. и др.).
Ногъ, ноготь (Пир. окр. Темско).
Но́фтукъ, множ. нофти, ноготь (Джум.).
Ношь (=ношть) (Заг. Слат. и друг.), ночь.
Ну́жникъ, множ. ици, нуждающійся, щіеся (Турлаки, Желѣзна).
Нѣ́ма, нема, нѣтъ.

О.

(да) Обади́мсе, отзываться, откликаться.
Оби́чамъ, мнѣ нравится, люблю.
Облечитисе, облачиться (Брезн. окр.).
Обло́гъ, закладъ (Заг. Берко́в.).
Обложи́тисе, биться объ закладъ.
Обо́ръ, млрс. обо́ра, сарай для скота и лошадей.
Обра́чъ, обручъ на бочкѣ (Заг.).
Обри́шитисе, утереться (с. Бабица, Тр. окр.
Обру́чъ, обручъ (Пир. о. Сопотъ).
(да) Обчи́немъ, опочинуть, отдохнуть (№ 169).
Обѣ́дъ, обѣдъ (Заг. Слатина).
Оги́нь, огонь (Радом. окр. Верба).
Одити, оды́ти, о́дити, ходить.
Одтавнитисе, отдѣлиться (Заг.).
Одкара́ти, угнать, увесть.
Одъедньгъ, въ одну минуту, тотчасъ (Заг.).
Одьръ, одръ (Рад. окр.).
Озго́ре, сверху.
Ойдохте (=ойдосте) (Самок. о.).
Ока́, (тур. о́ка), мѣра въ три фунта.
Окати, отрыгаться (Брезн. ок.).
Окепати (=окапать), окропить (Соф. окр. 132).
Омайница, чародѣица.
Опайвамъ, спутать лошадь (Соф. окр.).
Опа́шка, хвостъ.
Опи́некъ, опинци, опанци, опонци, лапоть, лапти.
Опьрлимъ, опьрленъ, обжечь, обожженный.
Опѣ́ло, отпѣванье, отходная.
Оре́лъ (Пир. о. Темско), оро́лъ (Лесков. окр. Стройповци), орелъ.
Оризарь, кушающій рисъ.
Орни́ца, нива вспаханная, но не засѣянная, прога́лина (Заг. Берков. 150).
Оро, хороводъ; 1) оро покрупно; 2) оро ситно; 3) оро крива; 4) оро маджа́рица; оно состоитъ въ томъ, что одинъ разъ тупаютъ на одномъ мѣстѣ и затѣмъ дѣлаютъ скачки; 5) оро петепуты: 6) оро

влашко; оно называется старымъ оро; 7) оро глупавъ (Заг. с. Чипоровци).

Орта́къ (тур. ортàкъ), сотоварищъ по дѣлу, занятію.

Орта́шки, *а*, *о*, (тур.), принадлежащій къ компаніи.

О́съ, оса́.

Осо́е, мѣсто, несогрѣваемое солцемъ.

Осоевни́ца, осойница, осойца, лютая змѣя.

Отво́ръ, ключь (Джумая).

Оти, отти, отты, (греч. ὅτι, ὅττι) почему, что.

Оти́вамъ, уходить, отправляться.

Ото́къ, мѣсто на рѣкѣ, кругомъ загороженное, гдѣ ловятъ рыбу; подобный способъ ловли рыбы бываетъ лѣтомъ.

(да) Отріемъ, утереться (Джумая).

Отсудé, отовсюду (Турлаки, Желѣзна).

Оцéтъ, уксусъ (Турлаки, Чипоровци).

Ошелъ = отшелъ (Рад. окр. Верба), ушелъ.

П.

Па, пай, па-и, па-й, и, опять, затѣмъ.

Пабу́ре (тур. кубу̀ръ), чехолъ (натурала пушке у пабуре—Тр. 183).

Павéтъ, дикая жигучка.

Паза́ръ (тур. пазàръ), базаръ.

Пайвано (тур. пабѐндъ), множ. а́не, путо (Соф. 108).

Па́метъ, високъ (Заг. Клисура).

Па́нго, чертъ.

Пандзуръ, панцырь (Самок. о.).

Папери́га, мотылекъ (Джум. с. Вуково).

Пари́ (тур. парà), деньги.

Па́рче (тур. парчà), кусокъ.

Парцéлякъ (тур. пачаврà?), тряпка (Заг. 48, ст. 79).

Пастерма́ (тур. басдырма́), сушеное мясо (Брезн. о.).

Пасты́рь, пастухъ (Пир. окр. Темско).

Пáтѐ, путь (на патѐ студенъ кладенце,—Заг. Берков. окр. Вершецъ, 19).

Пáтища, дороги, пути (Заг.).

Пáтъ, путь, дорога (Соф. о.).

Пáтъ, разъ.

Патоно́ги, имѣющій бѣлый значекъ на ногѣ (Радом.).

Пáша, пастбище (Лесков. о.).

Пекля́, петля (Стар Планина Турлаки).

Пéкъ, множ. пекове, жара (Заг.).

Пéнджеръ (тур. пенджерэ̀), окно.

Пенюга, пень (Макед.).

Пергéль (тур. пергѐль), циркуль (Дупн. окр. с. Бобошево).

Перó, перо (Пир. о. Сопотъ).

Перпели́ца, перепелка (Дупн. о.).

Перуши́на, множ. ч. пери-

ши́не, птичьи перья (Пир. окр. Темско).

Пе́рчемъ (тур. перчѐмъ), космыкъ волосъ на верхушкѣ головы.

Пестéрва (Пир. окр. Темско), Пáстерва (Дупн.о.), стерлядь.

Петáкъ, пять грошей.

Петлé, множ. ч. петлетія, пѣтушекъ (Пир. окр., д. Моера).

Печалба, жалоба (Пир. о. Ореовицъ).

Пилавъ (тур. пилàвъ), рисовая каша съ жиромъ, мясомъ, или рыбою.

Пипéръ (тур. бибѐръ, гр. πίπερι), перецъ.

Пирона и пиронъ, множ. оне, подкова (Заг. 94).

Питá, кислый хлѣбъ.

Пишманъ (тур. пешимàнъ), раскаявшійся, измѣнившій мнѣніе.

Пишталька, пищалка (Рад. о. Верба).

Пиштóлé, пистолетъ (Рад. о. Верба.

Плéшка, бедро (Охрида, 214).

Плѣвна, сарай, отдѣльно стоящее строеніе, въ которомъ хранится кормъ (сѣно и проч.) для скота (с. Рыло). Съ такимъ же значеніемъ это слово употребляется и въ старославянскихъ памятникахъ — **плевьница (тѣло же сѧ́го вь плѣвьницѣ скрыѥ́ше ѿтндоше. дѣлáтєл же, єгóва же бѣ́ше плѣ́вница въшь къзєти плѣ́вы своємъ скотъ** —См. Прологъ, принадлежавшій прежде церкви села Рыла, а съ 1879 г. библіотекѣ Рыльскаго монастыря, подъ 25 февр. «житіе Ипатія епископа гангрскаго).

Плѣ́вникъ (Заг. Чипоровци Стар. Планина), см. плѣвна.

Плакнувамъ, пополоснуть (Соф. окр. Войсилевци), Плакни, всполосни (ib.).

Плáнина, планúна, гора, горный хребетъ.

Плугъ, плугъ (К.-Б. о. Невѣстино — «семдесе плуга сиви вола», — с. Вербникъ и Турлаки (Стар. — План); въ Ак-палан. округѣ слово это употребляется въ такомъ значеніи, что въ соху впрягается четыре вола.

По, за, по.

(да) Поарчúмъ (отъ тур. харджъ-расходъ), истратить, издержать, израсходовать.

Побрáтимъ, названный братъ.

(да) Повáлимсе, похвалиться, похвастаться.

Поверштáнтя, возвращающійся (Самок. окр.).

Повúвъ, переплевшіяся вѣтви.

Погáча (итал. fogaccia, тур. богаджà), прѣсный пирогъ, лепешка.

Погрѣ́шка, ошибка.

Подбрáти, собрать (подбралъ бѣше еврея (Заг. 94), начаться (деветъ годины поминали и десета му подбрала (Заг. 49).

По́ди (множ. ч.), исподница. (Заг. 49).
Поди́ръ (отъ тур. гиру́?), потомъ, послѣ.
Подко́ва, каблукъ (Пир. окр. Темско).
Подколе́нки, голени (Пир. о.).
Подпла́то, боковой карманъ (Брезн. о. Бабица).
Подпла́тити (оплотить), воскресить (Заг. 48).
Поды, подъ (Трен. о. 130).
Пожи́ва, нажива.
(да) Поканѝмъ, пригласить.
Покла́да, заговины (Трен. окр.).
Поле́ка, поле́къ, потихоньку, слегка.
По́лно, полно (Брезн. окр.).
Поля́къ, полевой сторожъ (дер. Моера).
Помале́чку, помаленьку (Рад. окр. Бабица).
Шо́моть, помощь (Вран. окр.).
Попла́ка, жалоба (сеймени-те силна поплака дадо́ва: нейкеме мома булюкъ-башъ—Макед.).
Попонче́-то (гр. κοκώνα и тур. кокóна), жена (Соф. окр.).
Попра́къ, ци, подпруга (Ст. Пл. 71).
По́ръ, млр. тхуръ (Дуп. окр. Рыла).
По́рты (множ.), ворота, двери.
По́скупо, очень дорого (Пир. о. Ореовицъ).
(да) Поста́пимъ, вступить (Заг. 70).
Посте́га, множ. дзи, подпруга (Ст. Пл. 71).
По́тека (Стар. Планина), По́течка (Копиловци), стезя, тропинка.
Потерна́ти те́рномъ, призадуматься (Соф. окр. 119).
Потроши́чка, понемножку (Рад. окр. Бабица).
По́-юнакъ, поюнакъ, бо́льшій юнакъ.
Поя́ты, скотный дворъ (Заг. Котеновци и др. окр.; но въ селѣ Костенци, сосѣднемъ съ Котеновцами это понятіе выражается словомъ кошары).
Пра́вове (=прахове), отъ прахъ, пыль (Соф. окр.).
Пра́тимъ, послать съ порученіемъ.
Прачка, пучекъ (К. о. Жилинци).
Превáра, обманъ.
Презъ, чрезъ.
да Прека́рамъ, перегонять, переправлять.
Пре́коръ, прозваніе (Заг.).
Премѣ́на, переодѣва́нье въ праздничную одежду.
(да) Премѣни́мсе, переодѣться въ праздничное платье.
Пре́паска, радужная дуга (Бр. окр. Бабица).
(да) Препи́рамсе, спорить, препираться.
Препи́цати (два пута препицана ракія,—Алексинацъ), пережигать.
Пресо́лъ, квашеная капуста (Соф. окр.).
Пресолярски села, села, гдѣ капуста растетъ (ibid).
При́кія (греч. προικίον), приданое, вѣно.

Приновѝти, родить (женá приновѝла, жена родила (Ак. Пал. окр. Топольница).
Прѝшта, притча (Пир. окр. Суково).
Продлу́жити, продолжить (Вр. окр.).
Прокленя́ти, проклинать (Вран. окр. 160)
Пропу́димъ, прогнать (Соф. о.
Пропъ́дити, прогнать (Рад. 67).
Прослу́зъ, течь у животныхъ (Загорье).
Прося́къ, нищій (Джумая).
Про́чка, прощеніе (Турл. Чипоровци).
Про́шка, прощеніе (Загорье).
Пру́тя, прутья (Рад. о. Бабица).
Псувамъ, ругать. порицать, поносить.
Пусата (тур. пуса́тъ =посуда), оружіе, амуниція, приборъ, которымъ острятъ оружіе.
Пустелѝя, пустошь (Мак. Мельник. окр. Малешево)
Пустылѝя, пустыня (К.-Б. окр. Невѣстино, 43).
Пустыня́къ, пустошь (Пиротъ).
Путъ, путь, дорога.
Путъ, разъ.
Пу́шка, ружье.
Пълно, полно (Соф. о. Суводолъ).
Пьрвазъ, перевязь, перекладина, связущая двѣ доски (Пир. ок. Темско).

Р.

Раатъ (тур. раха́тъ), удобство, спокойствіе.
Раа́тно, удобно, привольно.
Ра́ботникъ, работникъ (Пир. окр. Ореовицъ).
Ражби́ца, дитя (Дупн. окр. 61).
Разби́рати, понимать.
Разбра́ти, понимать, найти (разбра́ла го уладни меаны (Соф. о. 132).
Разсо́лъ, квашеная капуста (Брезн. окр.
Рака́, рука (Рад. окр. Верба).
Рака́въ, рукавъ (Загорье).
Ракѝя (тур. ракы), водка.
Ра́ло, соха (Ак. Пал. окр).
Ра́нимъ, кормить.
Ра́неникъ, питомецъ, воспитанникъ (Пал 84).
Рапсали́ца, родъ жита, ярица (Заг. 94).
Раскро́чь, шагъ (Радом. окр.).
(да) Растажимсе, разстужиться, сильно скучать (К.-Б. окр. 96).
Рата́йче ум. отъ ратай (К.-Б. окр.), пахарь.
Рахатъ см. раатъ.
Рачу́нъ, счетъ.
(да) Рапа́пимъ, разцѣпить (Дуп. окр.).
Раѝ, (тур.), христіане-подданные турокъ.
Редъ, стихъ (Джумая).
Редъкъ, очередь (Трен. окр.).
Ренке, ноздри (Пир. окр.).
Рентя, ноздря (Брезн. о. Бабица).

Ро́бити, работать (доста самъ ро́билъ—Пир. о. Ореовицъ).
Робы́ня, рабыня (Соф. о. 132).
Рога́ти, рога́ятъ, ругать, ругаютъ (Заг. Берков.).
Рого́жа, рого̀жа (Брезн. окр.).
Роду́ля, родильница (Пиротъ).
Ро́жба, плодъ, потомство (Заг. 22).
Ро́титисе, спорить (Ст. Пл. Турлаки, Чипоров.).
Ртія (гр. χάρτης), хартія (Бабица).
Ру́ба, рубашка (тур. роба́?) (Соф. окр. Суводолъ).
Ру́дина, сѣнокосъ (Соф. о. 119).
Ру́йно вино, быстрое, изкристое вино.
Рука перишáна, ладонь (Соф. окр. 146).
Руфо см. руо.
Ручéкъ, ручóкъ, обѣдъ.
Ручни́къ, головной покровъ женщины, имѣющій форму феса; употребляется онъ въ округахъ Враньскомъ, Лесковскомъ и отчасти Нишскомъ; въ Алексинскомъ, Княжевскомъ, Бѣлградчицкомъ округахъ онъ имѣетъ форму утиральника.
Ръдеква, редька (Рад. о. Бабица).
Рыджалъ (тур. риджаль), слуга (Заг. 70).

С.

Са́, теперь.
Са́бота, суббота (Соф. и Джум. о.)
Сагма́лъ (тур. сагма́лъ), дойная овца (Соф. окр. 119).
Сада́ти (откуда досадить), укорять (Господъ си чума садеше (и садаше).—Врач. окр. Турлаки, Стар. План. 47).
Саде (тур. саде́), только (Пир. окр. 93).
Саизинъ, полиціантъ (№ 157).
Са́кати, искать (Лесков. окр. Чукленица).
Салъ (тур. салтъ), только (Соф. окр. Суводолъ).
Салта́нъ (тур. султанъ), султанъ (г. Паланка, по близости г. Кюстендиля).
Сама́ръ, передняя часть сѣдла (Трен. Брезн. и др. окр.).
Са́мецъ, одинокій (Вран. окр. Мачкатица).
Са́мо, только.
Самоко́въ, желѣзо (Турл. Чиповрци).
Саму́ръ (тур. саму́ръ), куни́ца, куній мѣхъ.
Санда́къ (тур. санду́къ), сундукъ (Пир. окр. Темско), ум. сандычекъ (Заг. Берк. окр.).
Санувати, видѣть во снѣ; см. сьнувати.
Сатыръ (тур. сатыръ), кинжалъ, ножъ.
Сахатъ (тур. саа́тъ), часъ (Трен. окр.).
Са́чма (тур. сачма́), свинцовая пуля для стрѣлянья дичи.
Свекій, свекоа, всякій, ая (Заг. Берков. окр. Вершецъ 70).

Свайга, свой (Заг. 49).
Свердéльче, свердель (Дупн. окр. Бобошево).
Свидно, скучно, непріятно, сердце ноетъ (Соф. окр. 126).
Свинька, свиньтя ум. свинчé, свинья (Рад. окр. Верба).
Свра́ка (сврака кречоты), сорока (Брезн. окр. Бабица).
Свурка, см. вурка (Радоміръ).
Свьрделъ, см. свердельче, (Дупн. окр. Бобошево).
Свѣтарія, ж. р., та, которая свѣтитъ (Радом. 83).
Свѣтія, свѣча (свѣти свѣтія (Заг. № 39, ст. 116).
(да) Свѣтини́, свѣтить, блистать (огинь свѣтини низъ солунска калдерма—Кюст.-Бан. окр. 185).
Свеча́ (Пир. о. Темско), свѣча.
Свѣчта́, свѣча (Брезн. о.).
Севда́, всегда (Бабица Бр. о.).
Севрія, густой.
Сéга, теперь (Турл. Чипоровци).
Сега́, сейчасъ (ibid.).
Сеги́, теперь (Загорье), см. сéга.
Седéвъ (тур. садэфъ), перломутръ, жемчужина.
Седумъ-мина, семь (Охрида, 214).
Сеймéнинъ (тур. сеймэнъ), турецкій жандармъ.
Сейръ (тур. сейръ), дѣло курьезное, скандальное.
Сеище, рабъ, плѣнникъ (стига, брало, ты сеище било,—Тр. о).
Селвія (тур. сельви), кипарисъ.
Селе, зв. п., сестрица!
Сельви (тур. сельви), кипарисъ. Радом. 83).
Сельцé, уменьш. село (Пир. о.).
Сенеська, осенью (Заг. Слатина.
Сербати, сербнемъ, млрс. сёрбати.
Сéртме, мрежа, неводъ (91. Заг. и др.).
Сéрчано, скоро, быстро (Пир. о. Темско и др.).
Симидъ (тур. семи́дъ), бѣлый хлѣбъ (во всѣхъ округахъ).
Синигаринъ, синица.
Синоръ (греч. σύνορος) (тур. сыныръ), пастбище.
Си́паница, оспа (Брезн. окр. Бабица).
Си́ракъ, сирота (К.-Б. окр. Жил. 50).
Сирома́, сирота́ (ib.).
Ситенъ, а, о, мелкій.
Скамлія (тур. эскемлэ́), скамья (Ак-пал. о. Мала).
Скапъ, а, о, скупъ, (Знепольская жупа, Престибъ).
Скепо́ (=скупо), дорого (Радоміръ, Кюстендиль).
Скити́чь, че, кочевникъ (Заг. Турлаки).
Скитня́, охота (небдымо на скитня́—Загорье).
Скрипо́цъ, грибъ (Пир. окр. Темско).
Скутъ, множ. ску́ты, ляжка, лядвіе.
Сла́вей (Дупн. окр. Бабошево, Заг. Берков.), Славе́й (Пир. о. Темско, Вран. окр. с. Прекодѣльци). Сла́вій (Заг. Бер-

ков. окр. с. Боровци), Сла́вой (Велесъ. Славой пиле не пой рано, не ми буды господара; сва ноть съмъ го успавало), Сла́вія (Заг. Берков. с. Боровци, 48), Славякъ, ум. славяче (Джумая), сла́вяйче (Тырнов. о.), соловей.

Слама, млечный путь (Пир. о., д. Моера).

Сла́мникъ, (Заг. Слатино), см. плѣ́вна.

Слани́нецъ, тоже что синигаринъ (Вр. о. с. Прекодѣльци).

Слободія, свобода (Рад. окр. Верба).

Слугарія ж. р., служанка, слуга (Радом. 83).

Слънце (Самок. 177 Рад. окр., Пердопъ, Знепольск. жупа, Дупн. окр. Бобошево).

Сълнце (Пир. окр. д. Моера, Дупн. окр. Бобошево),

Слунце (Лесков. окр.),

Сонце (Брезн. окр. Бабица),

Солнце (Пир. о. Темско), солнце.

Сълнчегле́дъ, подсолнечникъ (Заг. Берковецъ)

Слѣпо куче, хорекъ (д. Моера).

(да) Слюша, слушать (Дупн. о.), повел. накл. слю́шай.

Смо́ля, смола, варъ.

Смри́ка, можжевельный кустъ (Трен. окр. Джум. и др.).

Сока́къ (тур. сокàкъ), улица.

Со́колъ, соколъ (Заг.), см. дога́нъ.

Соколю (=соколе), соколъ (Загорье, Берков. ок. Вершецъ).

Сопо́лъ, сморкъ (Загорье, Славтина)

Спана́къ, (тур. испанàкъ=шпинатъ), трава шпинатъ (Пир. окр. Суково).

Спа́стрити, убить (Заг. 49).

Спечали́ти, пріобрѣсть (Заг. 49).

Спро́ты, соразмѣрно (спроты наши кони, соразмѣрно съ нашими лошадьми—Дупн. о.).

Сра́мъ, срамъ (Вран. ок. Губеровци).

Срамота́, стыдъ (Трен. окр.).

Старе́йшиница, жена старѣйшины (Кюст. ок. Невѣстино).

Ста́сати (греч. φθάνω), пристигнуть (Вран. окр.).

Стена́, стѣна (Пир. о. Темско).

Сте́пка, слѣдъ (Радом.).

Сте́рвина, млрс. сте́рвино, уединениое мѣсто, гдѣ волки скрываются (Дупн. окр. Бобошево).

Сти́га, довольно, достаточно.

Стиза́ти, взять (Рад. окр. 141, стр. 310.

Стихъ, цѣлый періодъ (Джумая).

Сто́вна, особый родъ кувшина.

Столоваты, *а*, *о*, развѣсистый (66).

Сто́мна (Ак.-Пал. Тополница). см. стовна.

Стопа́на, хозяйка (Ст. План. Соф. окр. 71).

Страія, страхъ (Радом.).

Стружница, время стрижки овецъ (Соф. о. 119).

Стрѣа. стрѣха (Турл. Копиловци).

Стрѣ́ля, стрѣ́локъ, (Дупн. окр. Скрино́, Доброво).
Студо́ м. р. (=студъ), холодъ (Заг. Слатино).
Студъ, ж. р. (на таква́ студъ—Рад. окр. Верба), холодъ.
Стьрмъ, млр. стерня́ (Пир. окр. Темско).
Стѣ́ркъ, аистъ (Соф. окр. Бояна, 2).
Суджу́къ (тур, суджу̀къ), колбаса (Брезн. окр.).
Суйца, сойка (Брезн. о. Бабица).
Сулинда́рь, ледяная сосулька (Соф. окр. Сливница).
Сура́тъ (тур. сурэтъ), лицо (слызи по сурат поруни́,—Самок. окр. 177).
Су́режъ, клыкъ у дикаго кабана (Заг.).
Су́ровосъ (тур. сурэтъ-ба̀зъ), скоморохъ, человѣкъ переодѣтый въ медвѣдя, козу и т. п., въ рождественскіе святки).
Сълга́ти, обмануть (Тр. о. 29).
Съ̀нъ, сонъ.
Съ̀нува́ти, тоже что санувати.
Сычье, сучье (Заг. Котеновци).
Сѣдѐньтя, посѣделки.
Сѣдло́, сѣдло (Пир. о. Темско).
Сѣ́нье, сѣнье (Вран. окр.).
Сякій, всякій (Джумая).

Т.

Табаке́ра, табакерка (Пиротъ).
Тава́нъ (тур. табà̀нъ), потолокъ.
Тава́-та (тур. табà̀къ), особаго рода сковорода (Рад. о. 116).
Тавра́, баловство (тавра да чините—Радом. окр. 122).
Така́, такъ точно (така-онака, такъ и сякъ-, Рад. о. Бабица).
Та́кмо, только (Дупн. о. Скрино, Заг. Берков. окр. Вершецъ).
Таламинъ, талями́нъ (изъ тур. тутулмутъ?), арестованный (Пал. 84).
Талати́нъ (тур.), удила.
Таралешь, ёжъ (Загорье).
Тарпе́за, трапеза.
Тати́ца, тятя (Брезн. окр.).
Татлія (тур. датлы̀—сладкій), особый родъ кушанья изъ пшеничной муки (Заг. 92).
Тачити, ткать (Заг. 70).
Тевери́че (све-те буле тевериче чину — Трен. окр. 210), обѣдъ на собраніи ремесленниковъ.
Тега́, тогда (Пал. 84).
Тега́я, тоже (Трен. окр.).
Теки, такъ (Кюстендиль см. та́ко, така́.
Текмо (=токмо), только (Соф окр. Сливница).
Теле́, теля́ (Пир. окр. Темско).
Те́мба, (тур. тэнбигъ), множ. темби, распоряженіе, приказъ (Вран. окр. 135).
Теме, темя (Брезн. окр. Бабица); а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тепе= темя (т. тэпэ — верхушка), а теме=чело́.
Теме́ль (греч. θεμέλιον), основаніе, фундаментъ.
Теме́ръ (греч. θέναρ, θέμα),

надгробный памятникъ (Самок. окр.).

Тенджу́ра (тур. тэнджерэ), кострюля.

Тенете́, водосточная труба (дер. Любатовица).

Тепсія (тур. кафэ̀съ), клѣтка (Радом. 137).

Тёравъ, а, о. (тур. кöръ), слѣпой (Трен. окр. 60).

Терзія (тур. тэрзѝ), портной.

Те́рла (у терла накарамъ (Соф. о. 119), хлѣвъ, скотный сарай.

Тертія, задняя часть сѣдла.

Тесгетаръ, множ. тесгета́ре (тесгетаре порты затвориа) (Соф. окр. 132), слуга; срав. съ турец. диздáръ, комендантъ крѣпости.

Тесли́мъ (тур. тэсмѝнъ—передача), подарокъ, даръ (Соф. окр. 119).

Теслими́ти (тур. тэслѝмъ этмѐкъ), доставить (Заг. 70).

Тефтере́ (тур. дефтéрь), паспортъ.

Тешчасъ, сейчасъ (Брезн. ок.).

Тёше́ (Джумая, Брезн. о. и др.), Тёшъ (Пи́р. окр. Сопотъ) уголъ (тур. гӱшеэ̀).

Ти́ка, индѣйка (Брез. о. Бабица).

Ти́мнути (греч. τέμνω), ударить.

Тифти́къ (тур. тифтѝкъ), длинный кусокъ полотна, употребляющійся вмѣсто пояса.

Тлысты (польск. tłusty), жирный (Заг. 22).

Това́, то.

Тоги́, тогда (Лесков. окр.).

Тогива, тогда (Загорье, Слатина).

Токмена, отъ гл. то́кмити, дѣвушка, руки которой добивается мущина (Радом. 55).

То́ко, только (Соф. окр. 132).

Толко, только (Алекс. окр.).

Топка, снѣжный валунъ, (Заг. Слатина).

Топу́къ, каблукъ (Пиротъ, Джумая).

То́пъ (тур. топъ), пушка.

Тояга, тояска, (тур. даякъ), палка (д. Моера).

Трасигази́ца, трясигузка (Заг. Берков.).

Тра́ска, лихорадка (Рад. окр. Верба).

Тра́яти, тра́яты, терпѣть, ожидать, тра́йте, постойте.

Тре́ка, третья (Дупн. о. Рыло).

Трендафиль (греч. τριαντάφυλλον), розовый кустъ.

Трепетлю́га, осина (Радоми́ръ).

Тре́пка, ресница (Пир. окр. Темско).

Тресве, тросникъ (Брезн.).

Треска́, лихорадка (Брезн. окр. Бабица).

Третѝна, третья часть (дер. Моера).

(да) Тро́памъ, топать, стучать (кой тро́па озго́ре, Джумая).

Тро́я, множ. тро́и, кроха, (Бр. окр. Бабица).

Тру́по, трупъ (Заг.).

Трѣва (Соф. о. Суводолъ), (трѣва расковъ—Джумая) трава.

Ту́гла (тур. тугла̀), кирпичъ (Соф. окр. Суводолъ).

Тузлукъ (тур. дызлы́къ), особаго рода одежда, прикрывающая ноги отъ колѣнъ до ступни (Соф. окр.).
Туй, тутъ, тогда (Лесков. окр.).
Ту́кашній, здѣшній (Джумая).
Ту́ку, только (К.-Бан. ок. Жилинци, 32).
Ту́къ, только (Пал. 84).
Тумру́къ (тур. гӱмрю́къ) множ. тумру́ци, таможня (Заг.).
Тупа́нъ, барабанъ.
Тури́ти, положить.
Тучъ (тур. туджъ—мѣдь?), чугунъ (Заг. Берков.).
Ты-зи, ты.
Ты-зи-ка, ты.
Тюнаци, труба (Моера).

У.

У=къ (у васъ ишли, къ вамъ пошли, К.-Б. ок. Вербовникъ).
Убавъ, у́бавъ, а, о (тур. хубъ), красивый, я, ое.
У́гаръ, нива, пашня (Соф. окр. 119), поле, отдыхающее послѣ жатвы (Бр. окр. с. Бабица).
(да) Углави́мсе, обручиться (углавилъ се Павелъ доберъ юнакъ—Джум. окр. 73).
У́гленъ, уголь (Пиротъ, Темско).
Увле́зти, влезть (Заг, 48).
Улакъ (тур. ула́къ), вѣстникъ.
У́лица (на у́лицѣ Лесков. окр. Чукляница, Пир. о. Темско), улица.
Уловица, сова (Заг. Спанчевци, Берковецъ).
У́мо, умъ (Соф. окр. № 9).
Упла́шитисе, испугаться.
Урани́ти, встать рано.
У́рка, см. вурка (Заг. Костенци).
Уро́къ, уро́ци, сглазъ.
Уси́, всѣ (Рад. окр. 176).
Усойня, Усорли́ца см. осоевница.
Устрѣ́ти, пройти насквозь, прострѣлить.
Утепати, убить.
Учини́ти, сдѣлать.
Учку́ръ (тур. учку́ръ), снурокъ, которымъ подвязываются штаны.
У́ште, еще (Макед. 54).

Ф.

Файда (тур. фаидэ), процентъ (Заг.), польза (Соф. ок. 121).
Ферга́ти, бросать, раскидывать (Заг.).
Фида́нъ (тур. фыда́нъ), маленькое деревцо.
Филія (гр. φυλία—дикая олива), тонкій ломоть хлѣба.
Фризи́ти (греч. φρονέω), д'идемо ни каниты, ни фризены—Радом. окр. 137), желать.
Фта́сати см. стасати.

Фудули́нъ (тур. фодӯлъ), франтъ.
Фурня (итал. forno, тур. фурӯнъ), печь (Кюст. и др. окр.).
Фь́рляти, см. вь́рляти.
Фы|ста́нъ (тур. фыстàнъ), женская одежда (№ 204).

Х.

Хабе́ръ (тур. хабѐръ), см. аберъ.
Хазна (тур. хазинэ̀), казна (Соф. окр. 169).
Хайръ (тур. хэйръ), богоугодное дѣло, спасеніе.
Хакъ (тур. хаккъ), право, подать, плата.
Ханема см. анема.
Ханъ см. анъ.
Хара́чъ, см. ара́чъ.
Харамъ (тур. харàмъ), проклятъ (214).
Хара (греч. ἡ χαρά), радость.
Ха́ренъ, см. а́ренъ.
Хатъ, хатъ (тур. атъ), жеребецъ (Соф. окр, 119).
Хеса́пъ (тур. хысàбъ), счетъ.
Хитаръ, а, о, хитрый.
Хлавъ, хлѣвъ для овецъ (Соф. окр. Сеславци).
Хля́бъ, хлѣбъ (Тырн. окр.).
Ху́бавъ *а*, *о* (тур. хубъ), см. убавъ.

Ц.

Цалъ, цѣлъ (цалъ лебъ, Дупн. окр. Шатрово).
Ца́ло, рукоятка (Заг. Врач. о.).
Цалувати, цѣловать (Заг. 70).
Цареви́ца, кукуруза (К.-Б. ок. Жилинци).
Цви́лба, вопль.
Цевтѣ́ти, цвѣсти (Враня).
Цѐкленица, стклянка, чашка (Брезн. окр. Бабица).
Целну́ти, поцѣловать (Дж. 69).
Черни́ца, шелковичное дерево (К.-Б. Жилинци).
Черноцре́нъ, съ чернымъ черенкомъ (К. Б. окр. 88).
Це́рсто (да си церсто превезъ держишь — Трен. окр. 130) Цве́рсто (Соф. окр. 132), крѣпко, тщательно.
Цигу́лка, скрыпка.
Цинци́гаринъ, см. сини́гаринъ (Пир. окр.).
Црева́, колбаса (Брезн. окр.).
Цу́нити, цѣловать (Вран. окр. Киржанци).
Цырцо́рити, вытекать понемножку (Ак. Пал. окр.).

Ч.

Чавка (чавка кречоты), галка (Брезн. окр. Бабица).
Чада́ръ (тур. чадыръ), шатеръ (Джум. 69).
Чаи́ръ (тур. чаиръ), пастбище, сѣнокосъ.
Чакъ (тур. чакъ), вплоть, до.
Чамбасъ, волосы (Рад. 188).
Чандія (тур.) (со-съ колпаци чандіи собаратъ—Соф. о.) холодное оружіе.
Ча́нта, чанта́ (тур.), дорожная сумка (214).
Чара́пи (тур. джора̀бъ), чулки.
Чардо́шитисе (тур. чарэ шудэ̀нъ?), уберечься (Трен 183).
Чарклія (тур. чарклы̀), кольца въ шпорахъ.
Чарны, черный (Заг. Берк. ок. Гушанци, 94).
Чаршія (тур. чаршѝ), рынокъ, рыночная площадь.
(на) Ча́си, иногда (Джумая).
Чеба́бъ (тур. кэба̀бъ), жареное на вертелѣ.
Чеверлю́га, (тур. чаиръ кушу̀), жаворонокъ (Соф. окр. Заг.) см. чиверлюга.
Чегерте, подмастерье (Соф. ок. Кремиковци).
Че́кати, ожидать.
Чела́, пчела (Джумая).
Человѣ́къ, человѣкъ (Радом. и Джум. оо.):
Челя́тъ, плохой (Заг.).
Чемши́ръ (тур. чимшѝръ), буксъ.
Черами́да (=керамида) (греч. κεραμίς), кирпичъ (Рад. окр. с. Верба).
Черви́лце, бѣлила, румяны.
Че́рга, (тур. іорга̀нъ?) одѣяло.
Че́рква, церковь (Дупн. ок. Бобошево).
Четалъ—мамуза (тур. чата́лъ-магму́зъ), шпора (Соф. о. 119).
Чехъл, женская туфля.
Чехла́рче, башмачникъ.
Чиверлю́га, жаворонокъ (Леск. и Вран. окр.), см. чеверлю́га.
Чивія (тур. чивѝ), винтъ.
Чивте (тур. чифтъ), пара.
Чіе́, чье́ (Пир. окр. Сопотъ).
Чи́жма (Самоков. окр.), чи́зма, (тур. джизмэ̀), башмакъ, туфля, сапогъ.
Чи́рево, чрево, кишки, внутренности (Загорье).
Чита́къ множ. читаци, страшный человѣкъ, ругательное слово (латынсци читаци, Соф. окр. 132).
Чиферлю́га, жаворонокъ (Заг. Берковецъ, Спанчевци), см. чеверлюга, чиверлю́га.
Чи́чо! дядя! (такъ, обыкновенно, Болгаре называютъ старшихъ особъ).
Чоба́нъ (тур. чоба̀нъ), пастухъ.
Човѣ́чикъ, язычекъ (д. Любатица).
Чо́рба (тур. чорба̀), супъ
Чорбаджія (тур. чорбаджѝ), зажиточный хозяинъ.

Чубе (тур. джуббэ̀), длинная одежда изъ драпа на мѣху (алено чубе на мене,—Соф. окр. 208).
Чува́тисе, скрываться, прятаться.
Чу́кати, стучать.
Чулъ (тур. чулъ), коверъ.
Чу́накъ, челнокъ (Тр. о. Баба).
Чурити (титунъ чуришь, Трен. окр.) курить.
Чуру́пка (тур. чуру́фъ), скорлупа (Заг.).
Чучуля́пка, птица подорожникъ (Загорье).

Ш.

Шака (тур. шака̀), шутка, смѣхъ (Соф. окр. 119).
Шалва́ры (тур. шальва̀ръ), шаровары (Джум.).
Шалдерваны, пестрый, размалеванный (Трен. окр. 171).
Шали́тра, селитра (Ак.-Пал. о. Ореовицъ).
Шаренъ, *а*, *о*, узорчатый, пестрый.
Шербе́тъ (тур. шербѐтъ), напитокъ изъ меду.
Ше́га (тур. шака̀), насмѣхаясь, шутка.
Шегуване (тур. шекавэ́тъ), шутка.
Шейте (тур. шаги́дъ), свидѣтели (Заг. 94).
Шекеренъ (тур. шекэрлы́), сахарный.
Шиба, лѣсъ (Пир. окр. Темско).
Шипо́рка, кранъ (Заг. 24).
Шише́ (тур. шишэ̀), графинъ.
Шляковѝца (удари му една шляковица—Трен. о. 130) пощечина.
Шмо́ркати, нюхать (Соф. окр. Суводолъ.
Шта́вля, щавель (Загорье).
Штеркъ, см. стъркъ, (Лесков. и Вран. окр.).
Штерколъ (Соф. окр.), см. штеркъ.
Ште́та, несчастіе, убытокъ.
Штица, доска (К.-Б. окр. Жилинци).
Штра́пка, слѣдъ (Пир. окр. Темско).
Штре́коль, аистъ (Соф. окр. Бутенецъ).
Штъркъ (Заг. Бер. Пир. окр. Темско) см. штеркъ.
Шугавъ, чесоточный (Турл. окр. Копиловци).
Шума, лѣсъ.
Шупели́я (тур. сучлу̀), виноватый, виновный.
Шутъ, *а*, *о*, безрогій, ая, ое.
Шь, съ (Заг. Берков. окр.).

Щ.

Щерка, дочь (Соф. о. Столпинъ).

Ы.

Ыржь, рожь (Дупница).

Ѣ.

Ѣ́стіе, (Макед. Велесъ), Ѣсте́ (Тырнов. окр.), см. ястіе.

Э.

Эзере Охридско (Джум.).
Эребѝца, куропатка (Заг.).
Эсень, осень (Джум.).
Эсе́тръ, осетръ (Джум.).
Эте́, вотъ.

Ю.

Юзъ (тур. юзъ, сто), мѣра въ четверть оки.
Юловѝти (=уловити), поймать (Заг. Берков. окр. Вершецъ).
Юнакъ, герой, богатырь.
Юне́цъ, волъ не впрягаемый въ плугъ (Джум.), —Ю́нецъ, молодой волъ (Вран. окр.) ум. юнче́ (Заг. Берк. окр.).
Ючера́, вчера (Брезн. окр. Бабица, Трен. окр.), одъ-ючера́, отъ вчерашняго дня (ib).

Я.

Я, (союзъ) а.
Я(=е), есть (Заг. 21).
Ябу́ко, яблоко (Брезн. окр. Бабица).
Я́балка, яблоня (Заг. Слатина), множ. я́балки, яблоки (ibid).
Яболка́рь, продавецъ яблокъ.
Ябълка, яблоня и яблоко (Пир. окр. Темско).
Яболково древо, яблоня (Соф. окр. Сливница).
Яга́би, ягà́йби (=егда бы), только бы, если бы, какъ бы (Трен. о. 183).
Ягаля́ръ (тур. агалàръ), ага, (и ягаляры побѣгали, — Радоміръ).
Ягенецъ, ягенци, ягненокъ (Заг. 38).
Ядры, *а*, *о*, крупный (Заг. 91).
Язъ (тур. язъ и язы̀, поле), болото.
Язе=язъ, азъ, я.
Язѝко, языкъ (Соф. окр.).
Яка́ (тур. яка̀), воротникъ (Бр. о.).
Яле (=але) (Заг. о., 48), — Яли, но.
Ялъ, ѣлъ (К.-Б. о. Невѣстино).

Яны́я, особаго рода сладкое кушанье.
Я́о́рье (тур. ахо́ръ), я́х́еры, конюшня.
Я́ра, возмущ҃ѣніе, бунтъ, ссора.
Ярда́мъ (тур. ярды́мъ), помощь, пособіе.
Я́стіе, кушанье (Качаникъ).
Ястребъ ястребъ (Пир. окр. Темско).
Яшма́къ (тур. яшма́къ), бѣлая фата, которою турчанки покрываютъ голову.
Яшни, *а*, *о* (отъ ядны), сердитый (Радом. окр. 137).

ОПЕЧАТКИ.

	№ пѣсни.	стихъ.	Напечатано.	Должно быть.
стр.	V	26	по мѣрѣ возможности—,	по мѣрѣ возможности,
	VI	14	заимствованонмъ	заимствовано имъ
	4	22	Жребчинка	Ждребчинка
	6	6	посѣщяющія	посѣщающія
	10	4	поставлено	поставлена
	21	2	обратять	обратять
	—	3	вниманія	вниманіе
стр.	—	14	кутей	кутьей
	61	16	магнеитію	магнентію
	11	43	прѣстолъдае	прѣстолъ да е
	16	4	ни есме	ние сме.
	19	98	ѓиня	ѓпя
	—	111	останали	останали.
	20	29	Еренна	Евреина.
	22	27	гонаци	юнаци.
	—	59	Чста	Уста.
	29	16	клоче	ключе.
	33	1	Здравче	Здравче.
	35	43	О ты	Оты.
	37	22	поня	коня.
	46	2	Развиласе.	Развиласе
	47	18	тофтере	тефтере
	—	55	па	на
	48	16	Лезаря	Лазаря
	49	9	Зяпалилъ	Запалилъ
	—	35	десята	десета
	—	78	ипило	и пило
	55	1	мама́	мома́
	59	33	непи	испи
	61	—	зеписана	записана
	61	7	булна-та	булка-та
	—	32	Олавица	Главица
	64	16	Іеркокъ	Іерковъ
	65	—	Трент.	Трен.
	—	—	слобъ	словъ
	—	14	девойна	девойка.
	—	20	дугмеета	дугмета
	66	26	тарнеза	тарпеза
	—	127	О ти	Оти
	67	49	Они	Они

№ пѣсни.	стихъ.	Напечатано.	Должно быть.
68	27	Дунаева	Дунава
70	80	са	за
71	10	войнинъ	войникъ
—	37	стои	стои́
—	20	ху́пльно	у́пльно
—	101	ми	ли
74	8	оевѣста	невѣста
—	10	капита	копита
81	3	да	до
—	23	бѣ́гаме	бе́гаме.
—	42	виде виде	виде
82	7	До	Да
—	81	ели	е ли
83	15	пшитишь	пиштишь
—	63	окнна́ли	окна́ли
—	71	Я зе	Язе
—	101	Тодорища	Тодорица
84	11	по	но
85	8	ты зека	ты-зе-ка
86	38	зопоило	запоило
89	7	вериче	вериге
—	20	на пойвани	напойвани
—	31	бочве	бъчве
91	189	5—57	60—83.
92	99	пишть́	пишты́
—	130	булюбаше	булюбаше!
—	136	до	да
—	137	до	да
—	—	загорета	загарета
93	71	Што ти, рекъ.	Што ти рекъ,
94	9	па	на
—	16	и де	иде
—	35	идешь	идеше
—	51	На ли	Нали
—	140	предъ	презъ
95	29 и 30	О ты се сину	Оты се, сину,
99	—	зеписана	записана
—	6	не	ке
101	14	деветъ	деветы
—	20	ви́по	вино
102	12	Не	Ке
104	39	душа	гуша
—	46	поси	носи
105	—	зяписана	записана
стр. 214	6	топеве	топове
106	14	го	ю

№ песни.	стих.	Напечатано.	Должно быть.
107	33	робя	робія
108	—	Балгарію	Болгарію
112	32	Имайтя	И майтя
113	—	зниписана	записана
—	98	замотворно	самотворно
114	15	до	да
—	43	товничаре	тавничаре
116	—	арабинъ	арабъ.
стр. 235	2	това-та	тава-та
118	—	пѣсню,	пѣспю;
120	40	го	ю
122	37	За што	Зашто
124	8	подъ	кодъ
—	52	гезне	гезие
—	57	одинъ	одимъ
126	7	илисуры	клисуры
127	14	Босъ	Богъ
129	7	попори́ло	попари́ла
130	4	са	за
—	37	четиресто титъ	четиресто тинъ
132	41	подъ	кодъ
—	54	лаха́мъ	лаґамъ
—	89	поро́ри?	поро́ди?
—	97	го	ю
—	213	Мира	Мара
—	214	Бога́	Кога́
—	253	подзе	нодзе
—	263	Завортесе	Завертесе
—	265	Марка	Мара
133	2	мене	меане
—	10	невѣрче	невѣруе
134	9	Ори́до	Ори́да
—	44	плачешъ	плачемъ
135	—	Лековскимъ	Лесковскимъ
137	53	озеро	езеро
—	84	мрѣжа	мрѣжа
138	105	юначкигоришь	юначки юришь
—	145	годиивъ	годинъ
—	154	рѣжвмъ	рѣжемъ
139	42	до	да
—	63	почи	ночи
—	64	Зе	Се
140	6	Не му	Нему
—	9	Пн	Па
—	15	ю	го
—	21	камъ по	камъ-то

№ песни.	стихъ.	Напечатано.	Должно быть.
—	31	за	га
—	[illegible]	ожеднелъ	ожеднелъ
[illegible]	[illegible]	ойджа	оджа
	[illegible]	Ротожь	Рогожь
—	[illegible]3	такой	та
—	39	керчмарицо́!	керчмарицо!
—	48	ни самъ	писамъ
143	11	Фало	Фала
—	61	Денина	Денница
144	30	ю	го
—	66	колена	колѣна
—	67	ю	го
—	68	одъ одъ	одъ
145	9	Вачера	Вечера
146	—	Стоянова	Стояна
147	40	ю	го
149	28	Орыда	Орида
150	6	вино	вино
—	54	самовила;	самовила:
151	58	ты-зе-ко	ты-зе-ка
152	29	па-й-се	па-й се
153	21	Та-я	Та я
154	14	чула.	чула,
—	38	окоини	околни
—	65	гродума́ла	продума́ла
—	61	буздогаца	буздогана
—	68	Тагай	тагай
158	28	стретъ	стрѣтъ
—	37	добрб?	добро?
—	103	нощевашъ	нощевашь
—	134	сека	сега
159	—	ссло	село
—	26	босдоганъ	боздоганъ
161	29	Маку	Ману
162	20	Не мой	Немой
163	20	юпакъ	юпакъ
164	284	на	ни
169	5	за пира	запира
177	17	раé	рая
188	84	на задé	назаде
198	2	девойти	девойтя
201	63	ударилъ	ударилъ.
206	39	Тогай	тогай
221	32	смѣешь.	смѣешь?
стр. 567	13	(*снизу*) Бобица	Бабица.